

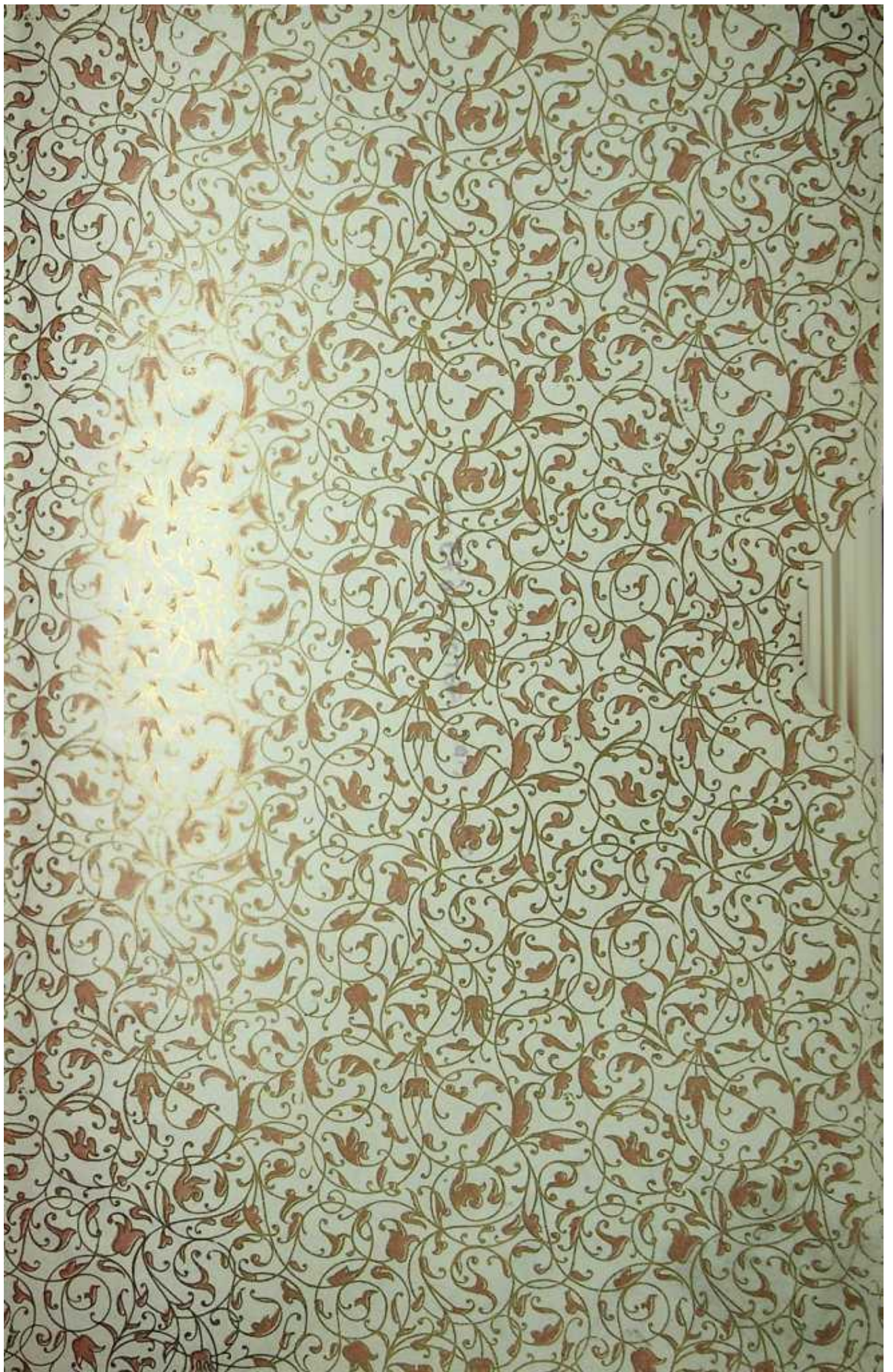
84(2 Росз
= Рус) 1
П91

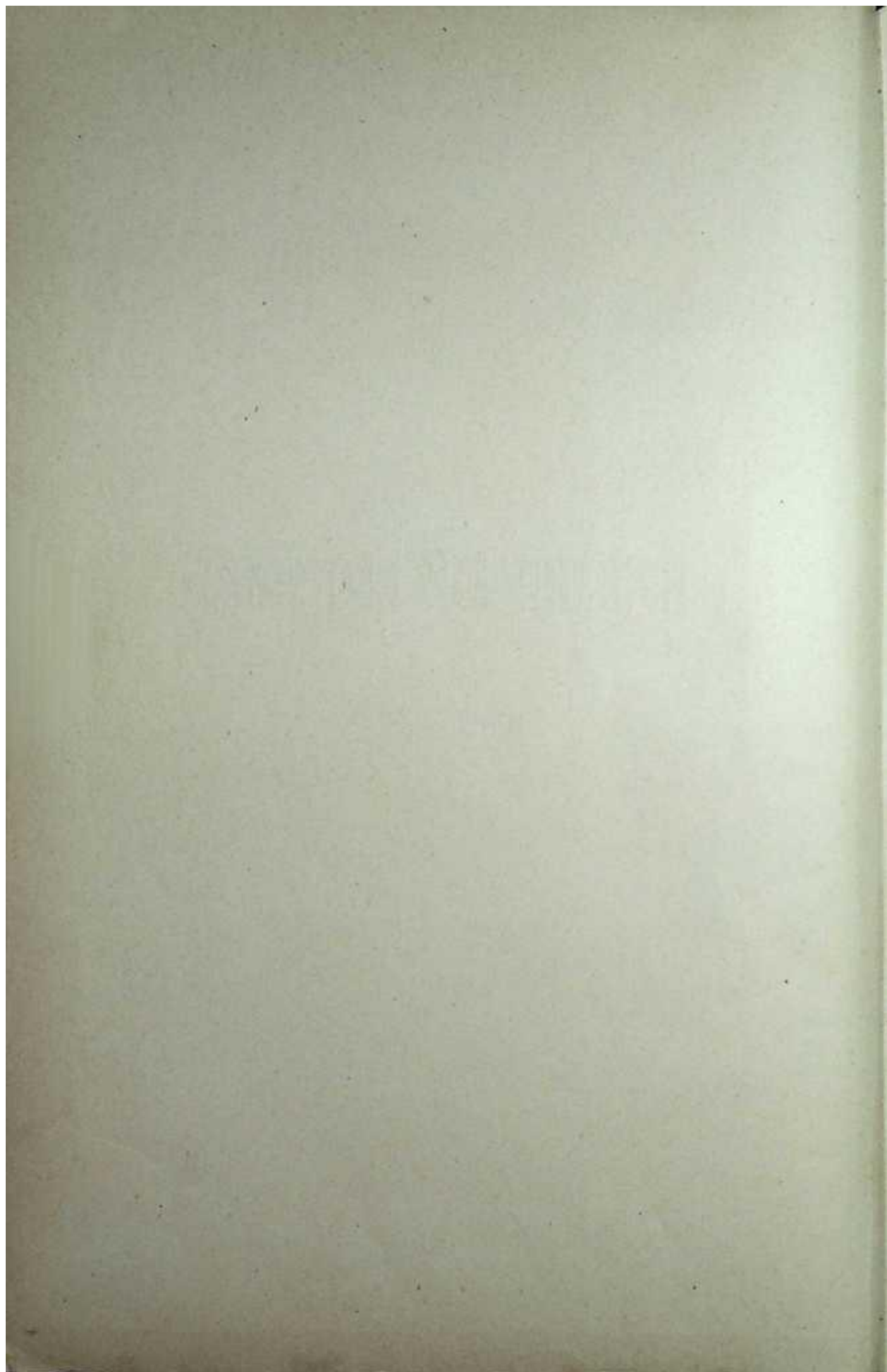
Пушкинскій
СБОРНИКЪ

(НА ПАМЯТНИКЪ ПОЭТУ)

1799-1899 г.

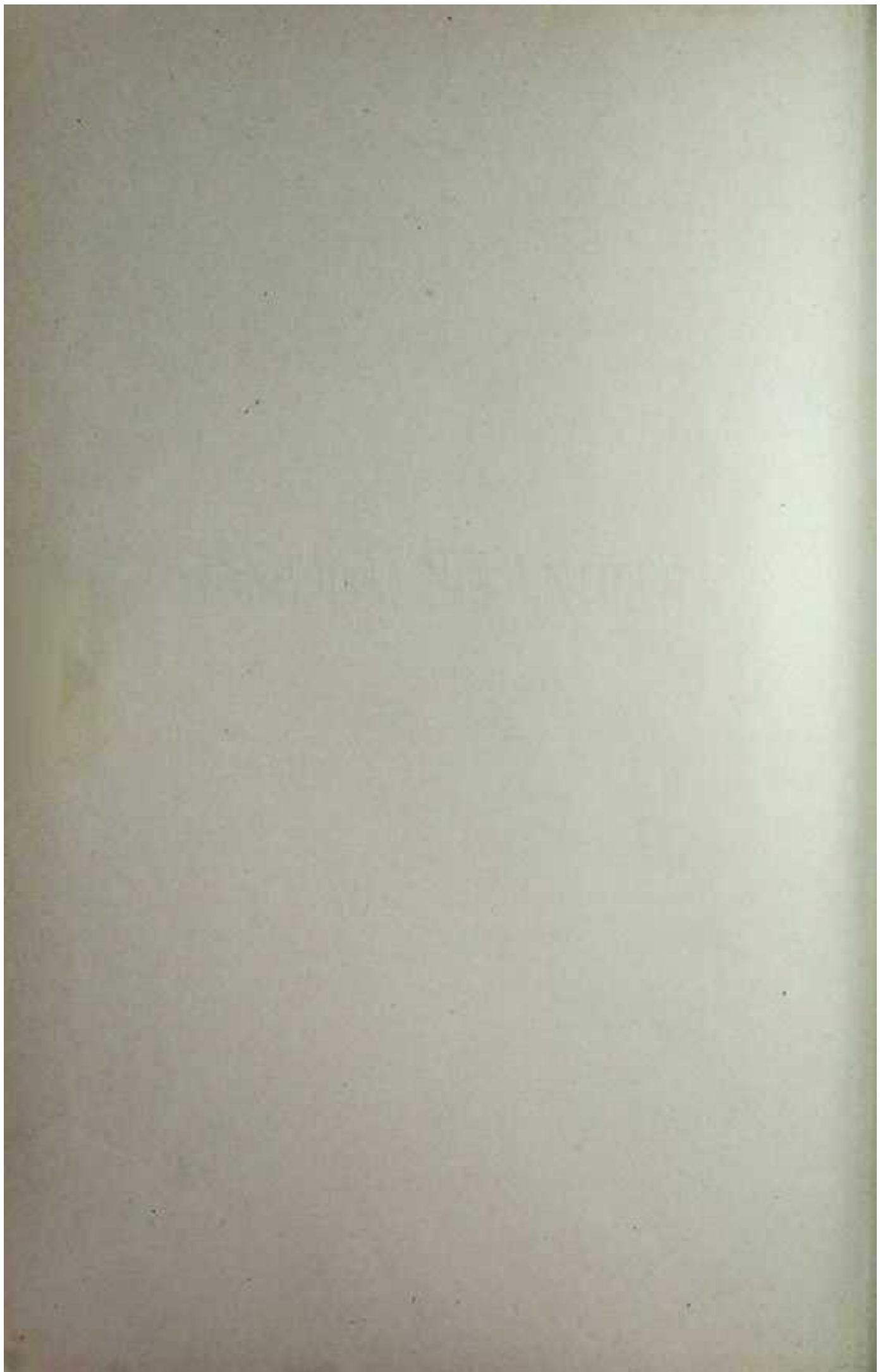
БИБЛИОТЕКА
№ 33
П. С.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

1799—1899

БИБЛИОТЕКА
№ 33
П. С.

3

A. von B. Mats
1811

П-91.

К

3.0р 14

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

421

(въ память столѣтія дня рожденія поэта)

14767

18013

ПРОВЕРЕНО

СЪ ОФОРТМОМЪ ПРОФЕССОРА В. В. МАТЭ

№ 59

4/5р

~~Вологод. жел. дор.
Библиотека ... КОР...~~

122719-1

**Вологодская
городская ЦБС**

Ж. Д. БИЕЛИЦКІЙ
СТ. ВОЛОДГ. А-ГОРОДЪ
НОМЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д 13

1899

799

Ст. ...
КЛЕТКА

Учет 1935 г.

84(2Рос=Рус) 1-243 + 83.3(2Рос=Рус) 1-8 Пушкин А.С. 243

191

ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Отъ редакціи	I
Письмо Пушкина	V
Примѣчаніе къ письму Пушкина Л. Н. Майкова.	VI

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПОЭЗІЯ.

Абаза, Н. Н. Отголоски	23
Аверкіевъ, Д. В. Изъ «Федры» Расина	57
Аллего. Два стихотворенія	139
Амфитеатровъ, А. В. Изъ драмы «Понція»	146
Афанасьевъ, Л. Н. Два стихотворенія	92
Вальмонтъ, К. Д. Три стихотворенія	72
Варятинскій, кн. В. В. Семь переводовъ изъ Пушкина на франц. языкъ.	94
Выковъ, П. В. Въ сумеркахъ	135
Величко, В. Л. Пять стихотвореній	215
Вунчъ, Н. Е. На смерть Пушкина	607
Гишціусъ, З. Н. Два стихотворенія	70
Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. А. Три стихотворенія	11
Дворжецкій, К. Надъ могилой	186
Ковалевскій, П. М. Два стихотворенія	18
Коринфскій, А. А. О сѣверномъ лѣсѣ	205
К. Р. Изъ трагедіи Шекспира «Гамлетъ»	1
Кругловъ, А. В. Стихотвореніе	85
Лебедевъ, В. П. Въ Боржомѣ	76
Лихачевъ, В. С. Изъ ком. Ренара «Единственный наследникъ»	104
Лохвицкая, М. А. Два стихотворенія	48
Луговой, А. А. Отрывокъ	26
Льдовъ, К. Н. Три стихотворенія	190
Мазуркевичъ, В. А. Три стихотворенія	182
Мережковскій, Д. С. Stabat Mater	44
Мяскій, Н. М. Испушеніе	34
Михаловскій, Д. Л. Старый возъ	16
Михневичъ, А. П. Изъ драмы «Смерть Пушкина»	194
Никифоровъ, Н. К. Стихотвореніе	188
Порфирьевъ, П. Ѳ. Сказка	87
Ремезовъ, М. Н. Изъ пьесы «Ксенія Годунова»	29
Случевскій, Е. К. Поверженный Пушкинъ	241
Соколовъ, Н. М. Недобрыя очи	126

	СТРАН.
Сологубъ, Ѳ. К. Зоря-Зоряница	51
Трефоловъ, Л. Н. Нива	21
Фидлеръ, Ѳ. Ѳ. Vom Fisher und dem Fishlein	225
Фофановъ, К. М. Стихотвореніе	232
Цертелевъ, кн. Д. Н. Два стихотворенія	46
Черемисниновъ, П. Н. «Правда» (изъ Прюдома)	140
Чюмина, О. Н. Умершая любовь	54
Шуфъ, В. Юморески	235
Щенкина-Булерникъ, Т. Л. Поезія	133

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРОЗА.

Авенариусъ, В. П. Вечеръ въ редакціи	291
Варанцевичъ, К. С. Спасенный	327
Вилибинъ, В. В. Шутливая замѣтка	484
Воборыкинъ, П. Д. Въ тѣни оливы	282
Вудищевъ, А. Н. Собачья жизнь	353
Василевскій, Н. Ѳ.	633
Веселовскій, Ю. Поезія Пушкина въ преддверіи Азіи	651
Волконскій, кн. М. Н. О-Сыбка-Самъ	392
Герасимовъ, П. На поле брани!	590
Грѣдичъ, П. П. «Минувшихъ дней очарованье»	622
Голицынъ-Муравлинъ, кн. Д. П. Задача	301
Грибовскій, В. М. На лѣстницѣ	609
Добротворскій, В. А. У памятника Пушкина	574
Елецъ, Ю. Л. На броненосцѣ у береговъ Крита	360
Загулиевъ, М. А. Изъ др. «Королева Анна Ярославна»	335
Кайгородовъ, Д. Н. На деревенской рѣчкѣ	491
Кульманъ, Н. Е. Указатель Пушкинской юбилейной литературы	673
Лейкинъ, Н. А. Комиссія	417
Марковъ, А. Германская литература о Пушкинѣ	636
Михайловскій (Гаринъ), Н. К. Антикиина смерть	579
Мордовцевъ, Д. Л. Вой на Невѣ	615
Муравьевъ, М. В. Родословіе Пушкина	651
Накко, Ольга. Дни молодости	517
Подвысоцкій, Н. В. Изъ моихъ воспоминаній	586
Позняковъ, Н. Н. Прекрасная зоря	571
Полевой, П. Н. Вѣсточка издалека	511
Потаненко, Н. Н. Вечеръ	552
Потѣхинъ, А. А. 60 лѣтъ назадъ	267
Пушкинъ въ переводѣ на халдейскій языкъ	669
Соловьевъ, М. П. Изъ Неаполя въ Варъ-Градъ	307
Сыромѣтниковъ (Сигма), С. Н. Кисѣна	428
Сысоевъ, В. Пушкинъ у мужика	582
Сѣверцовъ, Г. Г. Кровавый цвѣтокъ	503
Тихоновъ, Влад. А. Крестьянка-барышня	400
Худекова, Над. А. Три царя	498
Чеховъ, Ант. П. Происшествіе	410
Шабельская, А. С. По узенькой дорожкѣ	474
Шараповъ, С. Ѳ. Аксаковъ и Тургеневъ о Пушкинѣ	631
Щегловъ, (Леонтьевъ), В. Л. Жена Пентефрія	452
Ясинскій, I. I. Деревья-вампиры	324
Юрьинъ, Н. Н. Жена и дѣти	380

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Осенью, на обѣдѣ беллетристовъ, возникла мысль — издать ко дню столѣтія рожденія Пушкина Сборникъ, посвященный его имени, и весь доходъ съ него передать на устройство въ селѣ Михайловскомъ, или близъ Святоюрскаго монастыря, благотворительнаго учрежденія въ память поэта. Мысль эта, поданная А. В. Амфитеатровымъ, на слѣдующемъ обѣдѣ явилась уже близкой къ осуществленію: было сообщено, что А. С. Суворинъ предлагаетъ произвести безплатно всю типографскую работу, — и изъ числа присутствующихъ закрытой баллотировкой было избрано три редактора: П. П. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ и К. К. Случевскій, кандидатами къ нимъ — А. В. Амфитеатровъ и Н. Н. Каразинъ, а секретаремъ редакціи В. М. Грибовскій, которымъ и была поручена организація Сборника.

Исполняя возложенную на нее обязанность, редакція оповѣстила черезъ газеты авторовъ, желающихъ принять участіе въ Сборникъ, — о томъ, куда и какъ присылать рукописи. Собираясь, по мѣрѣ надобности, редакція имѣла

двадцать засѣданій, для разбора массы поступившаго на ея усмотрѣніе матеріала. Изъ числа присланнаго, помѣщены произведенія слѣдующихъ лицъ: Въ отдѣлѣ поэзіи: К. Р., Аверкіева, Абаза, Allegro, Амфитеатрова, Афанасьева, Бальмонта, князя Барятинскаго, Быкова, Величка, Вуича, 1-жи Гиппіусъ, графа Голенничева-Кутузова, Дворжецкаго, Ковалевскаго, Коринфскаго, Круглова, Лебедева, Лихачова, Лохвицкой, Льдова, Мазуркевича, Мережковскаго, Минскаго, Михаловскаго, Михневича, Никифорова, Порфирова, Ремезова, Случевскаго, Соколова, Солоуба, Тихонова (Лугового), Трефолева, Фидлера, Фофанова, князя Цертелева, Черемисинова, Чюминой, Шуфа и Щепкиной-Куперникъ. Въ отдѣлѣ прозы: Авенаріуса, Баранцевича, Билибина, Боборыкина, Будищева, Василевскаго, Веселовскаго, Венцеля (Юрьина), князя Волконскаго, Герасимова, Гнѣдича, князя Голицына, Грибовскаго, Добротворскаго, Ельца, Зауляева, Кайгородова, Кульмана, Лейкина, Майкова, Маркова, Михайловскаго, (Гарина), Мордовцева, Муравьева, Накко, Подвысоцкаго, Познякова, Полевого,

Потапенка, Потъхина, М. Соловьева, Сьверцова, Сысоева, Сыромятникова (Силмы), Влад. Тихонова, Худековой, Ант. Чехова, Шабельской, Шарапова, Щелова и Ясинскаго.

Желая дать въ Сборникъ безусловно хорошій портретъ Пушкина, редакція обратилась къ извѣстному офортисту — профессору гравированія В. В. Матэ съ предложеніемъ исполнить на мѣди крѣпкой водкой (*Veau forte*) копію съ портрета Кипренскаго. В. В. Матэ любезно согласился безвозмездно исполнить этотъ трудъ, и блистательно выполнилъ задачу: приложенный портретъ, по мнѣнію знатоковъ, едва ли не лучшее изображеніе великаго поэта.

Откликнулись на дѣло изданія и другія лица: писчебумажная фабрика Варюниныхъ нашла возможнымъ скинуть значительный процентъ съ платы за бумагу, — а переплетчикъ г. Гаевскій сдѣлалъ крупную скидку съ цѣнности за переплеты какъ веленевыхъ, такъ и простыхъ экземпляровъ, и бесплатно брошюровалъ все изданіе. Выше уже замѣчено, что типографія А. С. Суворина безвоз-

мездно исполнила весь трудъ печатанія большою тома, въ количество 4400 экземпляровъ. — Редакція считаетъ пріятной обязанностью поблагодарить жертвователей за столь крупныя вклады.

Когда часть Сборника была уже напечатана, собраніе беллетристовъ на февральскомъ обѣдѣ, въ виду нѣкоторыхъ измѣнившихся обстоятельствъ, постановило — сборъ со Сборника пожертвовать на памятникъ Пушкину въ Петербургъ.

П. П. Гнѣдичъ.
Д. Л. Мордовцевъ.
К. К. Случевскій.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА

НАДЕЖДѢ АНДРЕЕВНѢ ДУРОВОЙ *).

(1836 г.).

Очень васъ благодарю за ваше откровенное и рѣшительное письмо. Оно очень мило, потому что носить вѣрный отпечатокъ вашего пылкаго и нетерпѣливаго характера. Буду отвѣчать вамъ по пунктамъ, какъ говорятъ подъячѣи.

1) Записки ваши еще переписываются. Я долженъ былъ ихъ отдать только такому человѣку, въ которомъ могъ быть увѣренъ. Отъ-того дѣло и замѣшкалось.

2) Государю угодно было быть моимъ цензоромъ; это правда; но я не имѣю права подвергать его разсмотрѣнію произведенія чужія. Вы, конечно, будете исключеніемъ, но для сего нуженъ предлогъ, и о томъ-то и хотѣлось мнѣ съ вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дѣла.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вамъ еще чуждое. Хлопоты сочинителя вамъ не понятны. Издать книгу нельзя въ одну недѣлю; на то требуется по крайней мѣрѣ мѣсяца два. Должно рукопись переписать, представить въ цензуру, обратиться въ типографію, и проч., и проч.

4) Вы пишите мнѣ: дѣйствуйте, или дайте мнѣ дѣйствовать. Какъ скоро получу рукопись переписанную, тотчасъ и начну. Это не можетъ и не должно мѣ-

*) Письмо это доставлено чрезъ посредство П. А. Сергѣенка, которому редакция Сборника приноситъ искреннюю благодарность.

шать вамъ дѣйствовать съ вашей стороны. Моя цѣль— доставить вамъ какъ можно болѣе выгоды и не оставить васъ въ жертву корыстолюбивымъ и не исправнымъ книгопродавцамъ.

5) Бѣхать къ Государю на маневры мнѣ невозможно по многимъ причинамъ. Я даже думалъ обратиться къ нему въ крайнемъ случаѣ, если цензура не пропуститъ вашихъ записокъ. Это объясню я вамъ, когда буду имѣть счастье васъ увидѣть лично.

Остальные 500 рублей буду имѣть вамъ честь доставить къ 1-му июлю. У меня обыкновенно (какъ и у всѣхъ журналистовъ) платежъ производится только по появленіи въ свѣтъ купленной статьи.

Я знаю человѣка, который охотно купилъ бы ваши записки; но, вѣроятно, его условія будутъ выгоднѣе для него, чѣмъ для васъ. Во всякомъ случаѣ, продадите ли вы ихъ, или будете печатать отъ себя, всѣ хлопоты изданія, корректуры, и проч.—извольте возложить на меня. Будьте увѣрены въ моей преданности и ради Бога не спѣшите осуждать мое усердіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

PS. На дняхъ выйдетъ 2-й № Современника. Тогда я буду свободнѣе и при деньгахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПИСЬМУ ПУШКИНА

Л. Н. Майкова.

Письмо это получено редакціей «Пушкинскаго сборника» не въ подлинникъ, а въ старой, четко переписанной копіи; тѣмъ не менѣе, сомнѣваться въ его достовѣрности и подлинности нѣтъ никакихъ основаній. Кто нѣсколько знакомъ съ перепиской Пушкина, легко узнаетъ здѣсь характерныя черты его *дѣловой* корреспонденціи.

Письма Пушкина, безъ сомнѣнія, одно изъ удивительнѣйшихъ проявленій его генія. Чуждыя всякой искусственности, всякаго сочиненія,

они поражаютъ разнообразіемъ своихъ особенностей: тѣ изъ нихъ, которыя писаны къ женѣ или друзьямъ, отличаются горячностью чувства, задушевностью, порывистою откровенностью и нерѣдко блескомъ остроумія; другія же письма, обращенныя къ лицамъ официальнымъ или по крайней мѣрѣ мало знакомымъ поэту, по преимуществу носятъ на себѣ печать ясности и благородной простоты выраженія; Пушкинъ умѣетъ въ нихъ быть привѣтливъ и пріятенъ, отмѣнно учтивъ и даже, когда нужно, почтителенъ, но рѣшительно никогда не впадаетъ въ приторную любезность и всегда умѣетъ избѣгать сухости, если только не ставитъ себѣ цѣлью быть сухимъ. Эти-то письма второго типа мы и называемъ дѣловыми и къ числу ихъ причисляемъ тѣ, которое здѣсь напечатано.

Оно поражаетъ прежде всего тѣмъ, что лишено обычной въ началѣ привѣтственной формулы. Дѣло объяснится, если мы скажемъ, что оно обращено къ лицу, къ которому Пушкинъ примѣнялъ латинское выраженіе: «modo vir, modo foemina», и которое извѣстно въ литературѣ подъ именемъ «кавалериста-дѣвицы»; такая особа дѣйствительно находилась въ военной службѣ, и съ 1808 по 1815 годъ, — сперва гусарскимъ юнкеромъ, а потомъ корнетомъ, — совершила всѣ славныя кампаніи того времени.

Еще въ августѣ 1835 года Пушкинъ получилъ письмо, въ которомъ нѣкто Александровъ предлагалъ ему купить его, Александрова, записки. «Прекрасное перо ваше» — было сказано въ этомъ письмѣ — «можетъ сдѣлать изъ нихъ что-нибудь весьма занимательное для вашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія». Нѣтъ сомнѣнія, Пушкинъ легко понялъ смыслъ этого намека и немедленно догадался, что подъ именемъ Александрова слѣдуетъ разумѣть Надежду Андреевну Дурову, съ чудачкомъ-братомъ которой ему случилось познакомиться въ 1829 году на пути съ Кавказа. Какъ бы то ни было, съ 1835 года между кавалеристомъ-дѣвицей и поэтомъ завязалась переписка, предметомъ которой были записки первой. Рукопись ихъ была доставлена Пушкину; онъ ихъ читалъ и давалъ на просмотръ П. А. Плетневу; оба они признали ихъ достойными печати, о чемъ и было сообщено Н. А. Дуровой. Но приготовленія къ изданію, переписка рукописи, сношенія съ цензурой и проч. казались ей слишкомъ медленными, такъ что въ письмѣ отъ 24-го іюня 1836 года она выразила Пушкину свое нетерпѣніе:

«Своеручныя записки мои прошу васъ возвратить мнѣ теперь же, если можно; у меня переписутъ ихъ въ четыре дня, и переписанныя отдамъ въ полную вашу волю въ разсужденіи перемѣнъ, которыя прошу васъ дѣлать, не спрашивая моего согласія, потому что я только это и имѣлъ въ виду, чтобъ отдать ихъ на судъ и подъ покровительство таланту, которому не знаю равнаго; а безъ этого неодолимаго желанія привлечь на свои Записки сіяніе вашего имени, я давно бы нашелъ людей, которые купили бы ихъ или напечатали въ мою пользу.

«Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моихъ приказаній. Вотъ моя покорнѣйшая просьба, первая, послѣдняя и единственная: дѣйствуйте безъ отлагательства. Что удерживаетъ васъ показать мои Записки Государю, какъ онѣ есть? Онъ вашъ цензоръ. Вы скажете, что его дома нѣтъ, онъ на маневрахъ. Поѣзжайте туда: тамъ онъ вѣрно въ хорошемъ расположеніи духа, и Записки мои его не разсердятъ.

«Дѣйствуйте или дайте мнѣ волю дѣйствовать; я не имѣю времени ждать. *Полумъри никуда не годятся.* Нерѣшительность хуже полумъръ;

медленность хуже того и другого вмѣстѣ. Это — червь, подтачивающій корни прекраснѣйшихъ растений и отнимающій у нихъ возможность причесть плодъ. У васъ есть враги; для чего же вы даете имъ время помѣшать вашему дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ лишитъ меня ожидаемыхъ выгодъ?

«Думать ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповѣдь величайшему гению нашего времени, привыкшему принимать одну только дань похвалы и удивленія? Видно, время чудесъ опять настало, Александръ Сергѣевичъ! Но какъ я уже началъ писать въ этомъ тонѣ, такъ хочу и кончить. Вы и другъ вашъ Плетневъ сказали мнѣ, что книгопродавцы задерживаютъ вырученныя деньги. Этого я болѣе всего на свѣтѣ не люблю; это будетъ меня сердить и портить мою кровь. Чтобъ избѣжать такого несчастья, я рѣшительно отказываюсь отъ нихъ. Нельзя ли печатать и продавать въ императорской типографіи? Тамъ, я думаю, не задержатъ моихъ денегъ.

«Мнѣ такъ наскучила бездѣйственная жизнь и бесполезное ожиданіе, что я только до 1-го іюля обѣщаю вамъ терпѣніе; но съ 1-го, пришлете или не пришлете мнѣ мои Записки, дѣйствую самъ.

«Александръ Сергѣевичъ! Если въ этомъ письмѣ найдутся выраженія, которыя вамъ не понравятся, вспомните, что я родился, выросъ и возмужалъ въ лагерѣ. Другого извиненія не имѣю. Простите. Жду отвѣта и рукописи!»*)

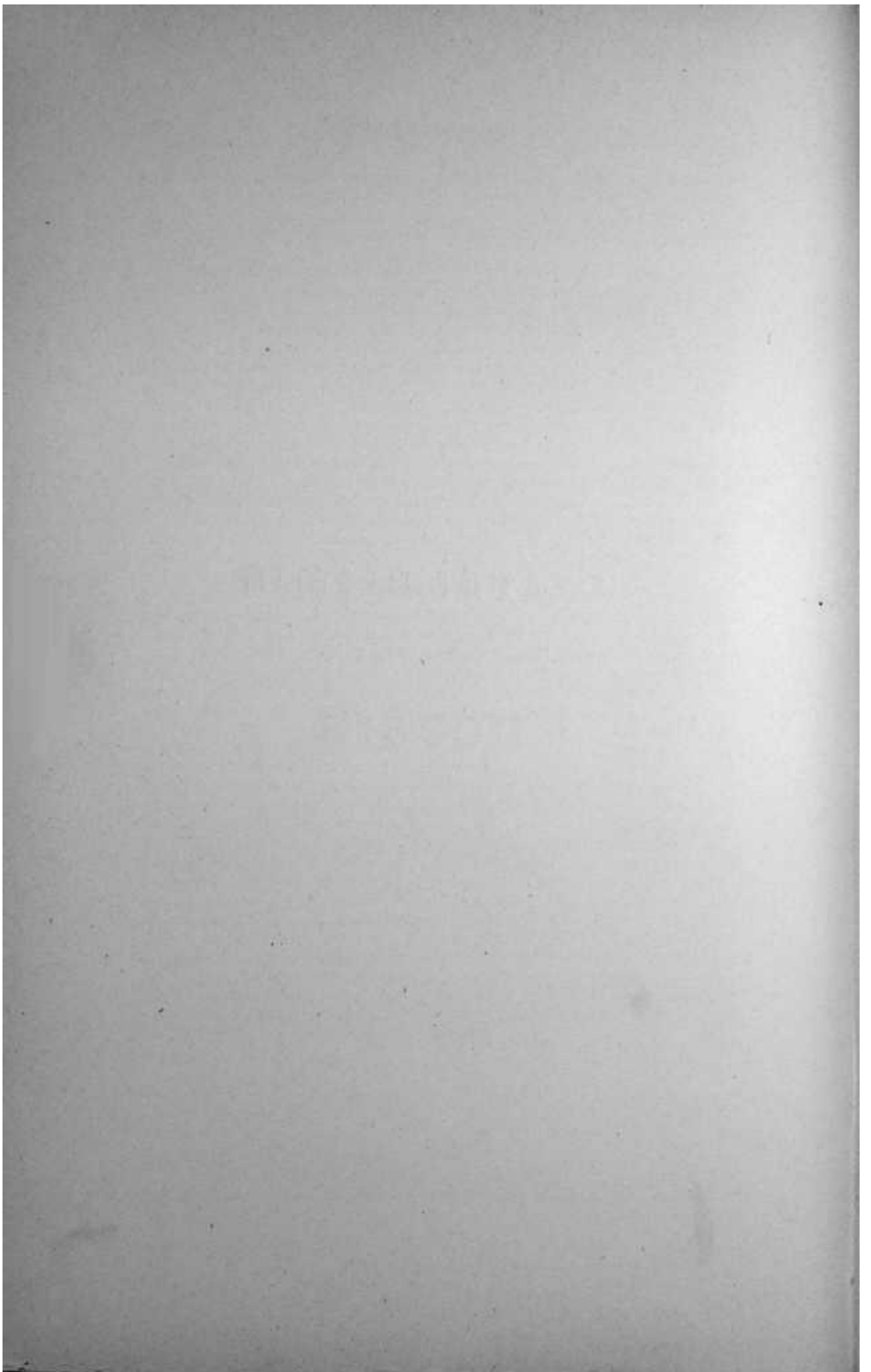
На эти-то горячія строки Пушкину и пришлось отвѣчать тѣмъ письмомъ, которое напечатано выше. Ему не трудно было охладить пылъ своей корреспондентки, обнаружившей своимъ посланіемъ большую, впрочемъ вполне извинительную неопытность въ издательскомъ дѣлѣ; но въ то же время ему, повидимому, не хотѣлось тратить много силъ и времени на борьбу съ упрямствомъ и нетерпѣливостью дѣвицы-кавалериста. Между тѣмъ Н. А. Дурова пріѣхала въ Петербургъ, и ея пререканія съ Пушкинымъ разрѣшились нѣкоторымъ компромиссомъ: во второй книжкѣ *Современника*, вышедшей въ іюль 1836 года, поэтъ помѣстилъ отрывокъ изъ Записокъ Дуровой со своимъ предисловіемъ, а вслѣдъ затѣмъ, осенью того же года, эти Записки въ полномъ видѣ появились отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи». Изданіемъ этимъ завѣдывалъ двоюродный братъ Надежды Андреевны Иванъ Григорьевичъ Бутовскій, напечатавшій въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нѣсколько переводовъ съ французскаго. Есть впрочемъ основаніе думать, что и это изданіе было сдѣлано не безъ участія Пушкина: по крайней мѣрѣ, кромѣ впервые печатаемаго здѣсь письма его къ Н. А. Дуровой, существуетъ еще одно письмо его**), въ которомъ онъ совѣтуетъ ей дать своему сочиненію самое простое заглавіе: «Записки Н. А. Дуровой» (что однако исполнено не было) и заключаетъ свою рѣчь напоминаніемъ ей же присловья: «Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. „Полумъры нигуда не годятся“.»

*) Русскій Архивъ 1880 г., кн. II, стр. 516 и 517.

**) Сочиненія Пушкина. Изданіе литературнаго фонда, т. VII, стр. 408.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

—
ПОЭЗІЯ

К. Р.

ИЗЪ ТРАГЕДИИ

О ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКОМЪ.

ВИЛЛИАМА ШЕКСПИРА.

АКТЪ III-й, СЦЕНА 4-я.

ПОКОЙ КОРОЛЕВЫ.

Входитъ Королева и Полоній.

ПОЛОНІЙ.

Сейчасъ придетъ онъ. Будьте строже съ нимъ; скажите, 1
Что дерзкихъ выходокъ его терпѣть нельзя;
Что заслонивъ его собою, вы стоите
Межъ нимъ и грознымъ гнѣвомъ. Я здѣсь спрячусь.
Пожалуйста, покруче.

ГАМЛЕТЪ [за сценой].

Мать, мать, мать! 5

КОРОЛЕВА.

Я за себя ручаюсь;
Не бойся. Удались; я слышу, онъ идетъ.

[Полоній прячется за занавѣской].

Входитъ Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что же, мать? въ чемъ дѣло?

КОРОЛЕВА.

Глубоко твой отецъ тобой обиженъ, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Глубоко мой отецъ тобой обиженъ, мать.

10

КОРОЛЕВА.

Опомнись, твой отвѣтъ — языкъ безумья, Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Пустое, твой вопросъ — языкъ порока, мать.

КОРОЛЕВА.

Что это значить, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ чемъ же дѣло?

13

КОРОЛЕВА.

Забылъ ты, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, клянусь распятымъ, нѣтъ;

Ты королева, деверя жена,

15

Ты — о, зачѣмъ должно быть такъ! — ты мать моя!

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть же кто другой поговорить съ тобою.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, полно же, садись; не тронешься ты съ мѣста;

Ты не уйдешь, пока тебѣ не покажу я,

Какъ въ зеркалѣ, все то, что у тебя въ душѣ.

20

КОРОЛЕВА.

Что хочешь сдѣлать ты? убить меня ты хочешь?
На помощь, ахъ!

ПОЛОНІЙ [за занавѣской].

Сюда! на помощь!

ГАМЛЕТЪ [обнажал мечъ].

Что! крыса тамъ? Мертва, червонецъ объ закладъ,
Мертва! [Пронзаетъ занавѣску мечомъ].

ПОЛОНІЙ [за занавѣской].

Ахъ, я убить! [Падаетъ и умираетъ].

КОРОЛЕВА.

О, горе, что ты сдѣлала!

25

ГАМЛЕТЪ.

Не знаю; не король ли это?

КОРОЛЕВА.

О, что за дерзкое, кровавое дѣянье!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавое! О, мать, почти такое-жъ злое,
Какъ короля убить и обвиняться съ братомъ!

КОРОЛЕВА.

Какъ короля убить?!

ГАМЛЕТЪ.

Да, мать, такъ я сказалъ...

30

[Приподнимаетъ занавѣску и видитъ Полонія].

Прощай, пронырливый и жалкій шутъ! Я думалъ
Здѣсь поважнѣй кого застать. Прими свой жребій.
Вотъ, какъ къ бѣдѣ ведетъ излишнее усердье.—
Да не терзайся такъ; потише! сядь; дай сердце
Тебѣ терзать; его я истерзаю, если

35

Вотъ мужъ твой; словно тощій колосъ, брата
 Пожравшій своего. Гдѣ у тебя глаза? 65
 Какъ, послѣ пажитей въ горахъ прекрасныхъ
 Жирѣть въ болотѣ? Ха! гдѣ у тебя глаза?
 Не говори, что то любовь: въ твои года
 Кровь не кипитъ; она спокойна и покорна
 Разсудку. А разсудокъ снизошелъ ли-бѣ 70
 Отъ этого къ тому? Въ тебѣ есть умъ навѣрно,
 А то бы не было сознанья; но разслабленъ
 Навѣрно умъ; само безумье-бѣ здѣсь не сбилось.
 Безумьемъ никогда умъ не былъ такъ подавленъ;
 Его для выбора осталось бы хоть малость, 75
 Чтобъ видѣть разницу такую. Что за дьяволъ
 Тебя такъ съ толку сбиль, съ тобой играя въ жмурки?
 Глаза безъ осязанья, осязанье
 Безъ зрѣнья, слухъ безъ глаза, обонянье
 Безъ рукъ и даже часть больная одного 80
 Изъ здравыхъ чувствъ не оплошала-бѣ такъ.
 О, стыдъ! ты не красишься!? Адъ мятежный,
 Когда разжечь ты можешь кровь старухи,
 То пылкой юности стыдливость, словно воскъ,
 Пусть таетъ въ собственномъ огнѣ. Какой же стыдъ 85
 Кипучимъ пламенѣть страстямъ, когда такъ жарко
 И самый ледъ горитъ, и въ сдѣлки входитъ
 Разсудокъ съ похотью!

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, замолчи!

Мнѣ въ глубь души глаза ты обратилъ, и въ ней
 Я вижу пятна черныя такія, 90
 Что ихъ ничѣмъ не смыть.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ, жить въ поту смердящемъ,
 Въ чаду гнилой, засаленной постели,
 Ласкаться, тѣшиться любовью въ грязномъ
 Хлѣву!..

КОРОЛЕВА.

О, замолчи! твои слова
Кинжалами вонзаются мнѣ въ уши
Довольно, Гамлетъ мой!

95

ГАМЛЕТЪ.

Убийца, извергъ,
Злодѣй, не стоящій и сотовъ доли
Того, кто мужемъ былъ твоимъ; король шутовъ,
Воришка, власть похитившій и царство,
Стянувшій съ полки цѣнную корону
И спрятавшій ее въ карманъ.

100

КОРОЛЕВА.

Довольно!

ГАМЛЕТЪ.

Король въ лоскуткахъ и заплаткахъ.

Входитъ Призракъ.

Спасите, крыльями меня прикройте, силы
Небесныя!—Чего ты хочешь, дивный образъ?

КОРОЛЕВА.

Увы, онъ помѣшался!

105

ГАМЛЕТЪ.

Не укорять ли медлящаго сына
Явился ты, что гнѣвъ и время трать даромъ,
Завѣта грознаго все не исполнилъ онъ?
О, говори!

ПРИЗРАКЪ.

Не забывай. Явленье это
Да заостритъ твою притупленную волю.
Ты видишь, мать объята ужасомъ твоя;
О, стань между борьбой души ея и ею.
Чѣмъ кто слабѣе, тѣмъ сильнѣй воображенье,
О, говори съ ней, Гамлетъ!

110

115

ГАМЛЕТЪ.

Что, ну, какъ тебѣ?

КОРОЛЕВА.

Увы, тебѣ-то какъ?

Въ пустое ты пространство взоръ вперяешь

И съ воздухомъ безплотнымъ рѣчь ведешь;

Въ твоихъ глазахъ сказалась дикость мысли,

Какъ спящіе встаютъ солдаты по тревогѣ,—

120

Такъ дыбомъ встали волосы твои

И жизнь проснулась въ нихъ. О, милый сынъ,

Спокойствія прохладою окропи

Тревоги жаръ и пламень! Что ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смотри, какъ взглядъ недвижный блѣденъ!

125

Видъ и удѣлъ его могли-бъ и камень

Растрогать... Не гляди такъ на меня,

Иль ты ослабишь этимъ скорбнымъ взглядомъ

Мой страшный умыселъ; и то, что предстоитъ

Мнѣ сдѣлать, кончится слезами вмѣсто крови.

130

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего ты тамъ не видишь?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, ничего; но все, что есть тамъ, вижу.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего ты не слыхала?

КОРОЛЕВА.

Ничего,

Лишь насъ двоихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Смотри, вонъ тамъ! смотри,
Уходитъ онъ! Отецъ мой, какъ живой! 135
Смотри, вотъ онъ идетъ! вотъ вышелъ въ дверь! [Призракъ уходитъ].

КОРОЛЕВА.

То измышленье мозга твоего;
Такія безтѣлесныя видѣнья
Всегда безумье создаетъ.

ГАМЛЕТЪ.

«Безумье?»

Мой пульсъ спокоенъ такъ же, какъ и твой, 140
И мѣрно бьется въ тактъ. Я говорилъ
Не въ сумасшествiи; допрашивай меня,
И слово въ слово я все повторю; безумный
Навѣрно сбился-бъ. Мать, молю твоимъ спасеньемъ,
Не утоляй души елеемъ мысли лживой, 145
Что говорить мое безумье, а не грѣхъ твой:
Слегка лишь сверху язва заростеть,
Внутри-жъ незримый гной все будетъ растравлять
И заражать кругомъ. Откройся небу; кайся
Въ былыхъ грѣхахъ, грядущихъ избѣгай 150
И почвы плевеламъ не удобряй, чтобъ гуще
Не разрослись они. Прости мнѣ эти рѣчи!
Да, въ наше гнусное, удушливое время
Добро должно у зла просить прощенья
И низко кланяться, и звать его на помощь. 155

КОРОЛЕВА.

О, Гамлетъ, на двое ты сердце мнѣ разбилъ!

ГАМЛЕТЪ.

О, брось же отъ себя часть худшую его
И, чистая, живи другою половиной.
Прощай; но съ дядей ложа не дѣли; пригнись
Стыдливою, ужъ если нѣтъ стыда. 160

Привычка, хоть чудовище, хоть дьяволь,
 И убиваетъ въ насъ сознанье зла, бываетъ
 И ангеломъ, когда насъ приучаетъ къ добрымъ
 Дѣяньямъ, какъ къ одеждѣ хорошо
 И ловко пригнутой. Сегодня воздержись, 165
 И въ слѣдующій разъ ужъ легче воздержанье
 Покажется тебѣ; чѣмъ дальше, тѣмъ все легче.
 Привычка измѣнить печать природы можетъ,
 Чудесной силой дьявола сломить
 И, даже, вонь изгнать. Еще разъ, доброй ночи; 170
 И если хочешь ты себѣ благословенья,
 Благослови меня. Объ этомъ человекѣ [указывая на Полонія]
 Жалѣю я; но, мною наказавъ
 Его, а имъ меня, мнѣ небеса судили
 Явиться ихъ орудьемъ и бичомъ. 175
 Я уберу его, и дать отчетъ сумѣю,
 Что самъ его убилъ.—Еще разъ, доброй ночи.
 Лишь изъ любви жестокъ я долженъ быть съ тобою;
 Ужъ худо и теперь, а будетъ хуже вдвое.
 Еще одно лишь слово!

КОРОЛЕВА.

Что-жь мнѣ дѣлать? 180

ГАМЛЕГЪ.

Отнюдь не то, что я скажу: пускай тебя
 Раздѣвшійся король опять въ постель заманитъ,
 Пусть щиплетъ за щеки, зоветъ своимъ мышонкомъ,
 За пару мерзкихъ поцѣлуевъ, шею
 Тебѣ проклятыми перстами щекоча, 185
 Заставитъ разболтать, что между нами было,
 Что я помѣшанъ не на самомъ дѣлѣ,
 А лишь изъ хитрости... Не худо-бъ рассказать!
 Не королевѣ же пригожей, скромной, умной
 Скрывать столь важныя дѣла отъ этой жабы, 190
 Блудливаго кота, летучей мыши! Кто бы
 Такъ поступилъ? Нѣтъ, вопреки разсудку
 И сдержанности, влѣзь съ корзиною на крышу,

Птиць выпусти, сама-жь, какъ обезьяна въ баснѣ,
Сядь, въ видѣ опыта, въ корзину, сбросься съ нею 195
И голову себѣ сломи.

КОРОЛЕВА.

Вѣрь, если слово есть дыханье, а дыханье
Есть жизнь,—не хватитъ жизни у меня,
Чтобъ выдохнуть твои слова!

ГАМЛЕТЪ.

Я въ Англию поѣду; знаешь ты?

КОРОЛЕВА.

Увы, 200

Я позабыла; это рѣшено?

ГАМЛЕТЪ.

Ужь письма запечатаны; два школьныхъ
Моихъ товарища, которымъ довѣряю
Я столько-жь, какъ змѣямъ ехиднымъ, повезуть ихъ
И въ западню, расчистивъ путь, меня заманять. 205
А пусть! Чтò за потѣха, если взорванъ
Своей же миною минёръ! Во что-бъ ни стало
Подъ ихъ подкопъ я свой направлю футомъ глубже
И до луны они взлетять. О, наслажденье —
Свесть хитрость съ хитростью въ упоръ въ одно мгновенье! 210
Пора за этого приняться:
Въ ту комнату стащу я эту падаля.
Мать, доброй ночи! Какъ теперь, однако,
Тихъ, молчаливъ и важенъ этотъ шутъ;
А чтò былъ за болтунъ и глупый плутъ. 215
Ну, братъ, покончить надо бы съ тобою.
Покойной ночи, мать!

[Уходить въ разные стороны; Гамлетъ вытаскиваетъ Половнѣя].

Графъ А. А. Толенищевъ-Кутузовъ.

I.

ВЪ ГУРЗУФЪ.

ПОДЪ ПЛАТАНОМЪ ПУШКИНА.

Онъ былъ когда-то здѣсь; на склонѣ этихъ горъ
Стоялъ онъ въ царственномъ раздумьѣ; это море
Влекло его мечты въ невѣдомый просторъ
И отражалось въ поднятомъ къ солнцу взорѣ.
На этомъ берегу, въ сосѣдствѣ дикихъ скалъ —
Въгонецъ толпы людской, лишь волнѣ внимая шуму,
Свою великую въ тиши онъ думалъ думу
И пѣсни вольныя въ мечтаньяхъ создавалъ.
Тѣ пѣсни разнеслись по свѣту, и донинѣ
Въ сердцахъ избранниковъ онѣ звучать... а онъ,
Пѣвецъ земли родной, — погибъ — людской гордыней,
Отравой клеветы и завистью сражонъ.
Въ холодномъ сумракѣ безвременной могилы,
На дальнемъ сѣверѣ, подъ снѣжной пеленой
Лежить онъ — и доднесъ несмолкшіе зоиы
Святыню имени его сквернять хулой.
Но сердцу вѣрится, что въ царствѣ вѣчной ночи

Пѣвцу невнятенъ шумъ житейской суеты,
Что, сквозь могильный сонъ, души безсмертной очи
Доступны лишь лучамъ безсмертной красоты;
Что можетъ быть, сюда, на этотъ склонъ оврага,
Гдѣ, вѣрные ему, платанъ и кипарисъ
Подъ небомъ голубымъ и солнцемъ разрослись,
Гдѣ дремлютъ старые утесы Аю-Дага,
Пѣвца святая тѣнь проносится порой
Вдали земныхъ суетъ, страстей, обидъ и горя,
Какъ нѣкогда, смотрѣть въ просторъ безбрежный моря,
Съ волнами говорить и слушать ихъ прибой.

8 ноября 1897 г.

II.

*
* *

Дитя мое, взгляни: доверчиво прижалось
Къ утесу облачко — и свѣтится на немъ;
Но вѣтеръ набѣжалъ и, вотъ, оно помчалось
Въ пространствѣ голубомъ.
И зной его палитъ, и вѣтеръ имъ играетъ.
Утесъ не защититъ уже отъ бурь и бѣдъ.
И слабымъ призракомъ оно блѣднѣетъ, таетъ...
Смотри — его ужъ нѣтъ!

III.

И С А Р Ъ *).

Межь двухъ горъ, подь ихъ навѣсомъ,
 Какъ скала, угрюмъ и старъ,
 Грозно высится надъ лѣсомъ
 Богатырь сѣдой — Исаръ.
 Весь въ развалинахъ, увитый,
 Словно лаврами, плющомъ,
 Старецъ, смертью позабытый,
 Съ гордо поднятымъ челомъ —
 Онъ стоитъ, въ нѣмую думу
 Погруженъ, одинъ, въ лѣсу —
 И съ отрадой внимлетъ шуму
 Струй и брызговъ Учанъ-Су.

Въ старину бойцы любили
 Послѣ битвъ, въ часы пировъ,
 Слушать повѣсти и были,
 Пѣсни вѣщія пѣвцовъ.
 Лишь раздастся струнъ бряцанье —
 Ужъ сдвигаются тѣснѣй

*) Татарское названіе развалинъ древней крѣпости близъ водопада Учанъ-Су, на южномъ берегу Крыма.

Вкругъ пѣвца, въ нѣмомъ вниманьѣ,
Славный сонмъ богатырей.
И при звукахъ пѣснопѣнья
Брони тяжкія дрожатъ,
И слезами умиленья
Очи грозныя блестятъ.

Но пиры тѣ миновали;
Спать въ землѣ сырой бойцы;
Отошли и замолчали
Позабытые пѣвцы.
Жизнь пная міръ объемлетъ...
Лишь Исарь, одинъ въ лѣду,
Въ полуснѣ съ отрадой внемлетъ
Старымъ бредничъ Учанъ-Су.
И съ высотъ алмазной пылью
Низвергался, водопадъ
Непонятной людямъ былью
Старика баюкать радъ.

5 ноября 1897 г.

Д. Л. Михаловскій.

СТАРЫЙ ВОЗЪ.

Я тащусь теперь, что кляча,
По житейскому пути;
Всё труднѣе мнѣ задача
Съ хламомъ жизненнымъ идти!

Кляча старая устала,
Распался старый возъ...
Да и то сказать — не мало
Всякихъ бѣдъ онъ перенёсъ!

А дорога такъ не гладка,
И такъ скученъ, длиненъ путь.
Понатужься-жъ ты, лошадка,
Поплетемся какъ-нибудь!

Только надо осторожно,
Глядя подъ ноги, ступать, —
Чтобы возъ нашъ, если можно,
Намъ до срока не сломать.

А случись бѣда такая, —
 Съ нимъ и кляча упадетъ,
 Живо сила молодая
 Насъ съ дороги убереть.

Время — хлама истребитель —
 Ихъ велить въ архивъ свой снести;
 Пусть тамъ роется любитель,
 Коль на то охота есть!

Я-бъ желалъ, чтобъ онъ не даромъ
 Мусоръ прошлаго разрылъ,
 Чтобъ онъ въ этомъ хламѣ старомъ
 Кой-что доброе открылъ.

~~Соловьев, Мая, дор.
 Библиотека „КОР“~~

122 719 -1

СТАЛ
 КНИГО...

2

14767
 1944
 5595

П. М. Ковалевскій.

I.

„КАКЪ БОЖІЙ МІРЪ ХОРОШЪ!“

...Гдѣ неба своды
Сіяють въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Уснула ты послѣднимъ сномъ..

Пушкинъ.

Кругомъ какая тишина:
Недвижна въ синевѣ олива,
На днѣ уснувшаго залива
Песчинка каждая видна.

Но страшень міръ невозмутимый,
Готовый молча сокрушить
Все, что готовилось жить,
И только самъ несокрушимый!

Была такая-жъ тишина,
Май въ окна лилъ свое сіянье...
«Какъ Божій міръ хорошъ!» она
Шептала жизни на прощанье.

И этот миръ ее убилъ —
Безъ облака, безъ дуновенья;
Онъ темной смерти приближенье
Полудня блескомъ озарилъ...

А самъ, по прежнему прекрасный,
Все также бесконечно живъ —
Равно глухой и безучастный
И къ тишинѣ сѣдыхъ оливъ,
И къ стонамъ посланнаго горя,
И къ сонному дыханью моря...

II.

*
* * *

Посмотри на розы:
Всѣ онѣ въ слезахъ.
Помнишь эти грозы
Въ темныхъ небесахъ?

Что отъ нихъ осталось,
Кромѣ этихъ слезъ?
А отъ жизни грозы
Сердце разорвалось.

Л. Н. Трефолевъ.

Н И В А.

Съ молитвою пахарь стоялъ у порога
Покинутой хаты: — «Война къ намъ близка.
Одной благодати прошу я у Бога,
Чтобъ ниву мою не топтали войска.
Тогда пропадетъ мой ленокъ волокнистый;
На саванъ не хватитъ тогда полотна...»
И съ вѣрой молился онъ Дѣвѣ Пречистой,
Чтобъ ниву его сохранила Она.

Но врагъ наступилъ... И слышался грохотъ
Изъ сотни орудій. Какъ демонскій хохотъ,
Носился по воздуху ревъ батарей;
И люди — ужасное стадо звѣрей —
Безбожно, жестоко терзали другъ друга,
И брызгала теплая кровь, какъ вода, —
И ядра взорали все поле безъ плуга,
И хаты крестьянской не стало слѣда...

...Но милости много у Вѣчнаго Бога:
Построилась новая хата-жиле,
И пахарь-хозяинъ опять у порога
Съ молитвою смотритъ на поле свое.

Себя онъ не мучить напрасно тоскою,
Что нива упитана кровью людскою —
Чужой ли, родной ли: не все ли равно?
Вѣдь кровью и потомъ не пахнетъ зерно,
Вѣдь свѣжая рожь не пошлетъ намъ проклятья,
Не вымолвить явныхъ и тайныхъ угрозъ?..
И будемъ мы сыты. (О, люди! О, братья!),
Питаяся хлѣбомъ — изъ крови и слезъ!

Н. Н. Абаза.

ОТГОЛОСКИ

(50-ХЪ ГОДОВЪ).

.....
Подъ небомъ Африки моеи
Вдыхать о сумрачной Россіи.

Пушкинъ.

1.

Лишь только подь лучомъ весенней первой ласки —
Подснѣжникъ голубой свои раскроетъ глазки,
Сквозь прошлогодній листь пробившись, у корней
Орѣшины разубранной въ сережки, —
Бывало, по давно-протоптанной дорожкѣ,
Подъ горку мы бѣжимъ, не замѣчая пней
И спотыкаяся, толпою шаловливой,
Въ лѣсокъ безлиственный, — покуда молчаливый,
Но ужъ трещащій подь вѣяньемъ весны ..
Какая тишина! Зимы студеной сны,
Какъ бы замедлились, беззвучно отлетая...
Подь дѣтскою ногой лишь хрустнетъ вѣтвь сухая,

Да мягко зашуршит свернувшийся листок.
Блблетъ и сквозить, кой-гдѣ еще, снѣжокъ,
Слезою тихою неслышно истекая...
Деревья трепетно, какъ бы чего-то ждуть
Въ истомѣ сладостной, подъ почкою смолистой,—
Но часъ ужъ не далекъ, когда листвою душистой
Они прозрачныя вершины уберутъ,
И голоса весны сольются въ говоръ дружный,
И ландышъ дѣвственный покажетъ цвѣтъ жемчужный.

2.

Трепещущій покровъ акаціи сквозной —
Весь въ бѣлыхъ мотылькахъ — склонясь благоухаетъ...
И утро ясное и нѣжить, и ласкаетъ,
И дня пахучаго нисходитъ влажный зной.
Невольной думою я уношусь далеко,
Въ родную глушь полей, гдѣ деревенскій домъ —
Забытый и пустой — ветшаетъ одиноко
Среди акаціи, столпившейся кругомъ.
Тамъ шаткаго крыльца дрожація ступени
Усыпаны дождемъ опавшихъ мотыльковъ,
И ласково скользятъ, по бѣлизнѣ цвѣтковъ,
Акацій ропчущихъ блуждающія тѣни.

А. А. Луговой.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА
„ДОРОГАЯ РОДИНА“.

«Почесому же и учитель еси души моеи и
тѣлу моему? Или ты даси отвѣтъ за душу
мою въ день Страшнаго Суда?»

Изъ письма Іоанна IV къ кн. Курбскому.

Молчи, холопъ!

Я каяться и унижаться властенъ

Предъ кѣмъ хочу.

«Смерть Іоанна Грознаго». Гр. А. К. Толстой.

...Во время оно Царь Иванъ,
Душевною мукою удрученный,
Забывъ на время царскій санъ,
Не разъ — колѣнопреклоненный —
Передъ боярами стоялъ
И, со смиреніемъ неложнымъ,
Въ дѣяньи каяся безбожномъ,
Ихъ о прощеніи умолялъ:
Уничжаясь добровольно,
Искалъ душѣ покоя онъ...

Но если въ этотъ мигъ, невольно
Тѣмъ покаяньемъ увлеченъ,
Кто изъ бояръ—льстецовъ проворныхъ—
Свое участъе предъ царемъ,
Въ словахъ и льстивыхъ, и притворныхъ,
Рѣшался высказать,—огнемъ,
Бывало, взоръ царя зажжется,
Гроза въ душѣ его проснется,
Избороздятъ морщины лобъ,—
Участъя рѣчью недоволенъ,
Царь молвить дерзкому: «Холопъ,
«Молчи! Я унижаться воленъ.
«Я царь! Судья души моей
«Лишь Богъ; а ты—возьми терпѣнье—
«Ни изрекать мнѣ осужденья,
«Ни соболѣзновать не смѣй.»

И этотъ образъ величавый,
Покрытый памятью кровавой,
Жестокій, страшный, но—родной,
Изъ тьмы времянь передо мной
Всегда встаетъ живымъ укоромъ,
Когда я слышу, какъ, порой,
Съ пришельцами сливаясь хоромъ,
Мы, русскіе, клеймимъ позоромъ
Родную Русь. Мы клеветой
Съ плеча все русское пятнаемъ
И, какъ подачки, ожидаемъ,
Какъ псы, обглоданную кость,
Отъ чужеземцевъ одобренья
Намъ за холопье униженья!..

Мнѣ въ эти скорбныя мгновенья
Терзаетъ сердце коршунъ-злость,
Кипитъ въ душѣ негодованье,
Я не могу тогда молчать,
И, внемля слову порицанья,
Мнѣ братьямъ хочется сказать:

«Пускай еще мы грубы, дики,
«Пускай отсталый мы народъ,—
«Но все же мы народъ великій,
«И бодро мы идемъ впередъ!
«Пусть покаянными рѣчами
«Мы межъ собой—не предъ врагами—
«Вольную совѣсть облегчимъ
«И зло въ себѣ самихъ казнимъ;
«И пусть бы въ насъ навѣкъ остался
«Тотъ духъ смиренья буйныхъ силъ:
«Самъ Царь Иванъ уничижался,
«Зане—хоть царь—онъ русскій былъ;
«Но, если чужеземецъ дерзкій—
«Судья, непрошенный на судъ,
«Быть можетъ корень зла и смуть—
«Насъ оскорбить хулою мерзкой,
«Иль въ тайныхъ выгодахъ своихъ—
«Пришлецъ на пажитяхъ чужихъ—
«Надѣвъ участія личину,
«Откроетъ нашихъ золь пучину
«И съ нами вмѣстѣ, на-показъ,
«О нашемъ горѣ плакать будетъ,—
«Пусть гордость нашъ языкъ разбудить,
«Пускай у каждого изъ насъ
«Сорвется вмигъ безъ колебанья
«Достойный русскаго отвѣтъ:
«—Пришлецъ, умолкни! Мѣста нѣтъ
«Тебѣ средъ русскаго страданья,
«Средъ нашихъ горестей и бѣдъ;
«И если слезы покаянья
«Мы льемъ надъ родиной своей,—
«Не нужно жалости твоей:
«Ты въ эти скорбныя мгновенья
«Ня изрекать ей осужденья,
«Ня соболѣзновать не смѣй!—»

М. Н. Ремезовъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЬЕСЫ

КСЕНІЯ БОРИСОВНА ГОДУНОВА.

(Картины изъ исторіи смутнаго времени).

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ при домѣ князя В. М. Рубца-Мосальскаго, у котораго живетъ Ксенія съ того дня, когда были убиты ея мать и братъ Оедоръ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Лже-Димитрій и Ксенія.

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Какъ съ той поры она похорошѣла
И чудно какъ спокойное лицо!
Нѣтъ женщины ея на свѣтѣ краше,—
Вотъ истинно царицы красота...
Но что-жъ со мной? Ужели я робѣю?
Гдѣ-жъ смѣлость вся, гдѣ-жъ удаля вся моя?

КСЕНИЯ [кланяется].

Изволилъ звать...

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Растерянь я, царевна...
 Въ себя притти дозволю, собратъся дай
 Мнѣ съ мыслями... Я шель съ тобой обдумать,
 Шель на совѣтъ, хотѣлъ тебя спросить...
 И звалъ тебя... чтобъ кончить счетъ тяжелый,
 Спасти себя и Русь спасти отъ бѣды,
 Въ которыхъ мы, какъ дѣти, неповинны...
 Считать грѣхи чужіе не хочу:
 Пришлось бы мнѣ начать съ отца родного...
 Какъ разобрать, кто виноватъ, кто правъ?
 И твой отецъ несчастливъ былъ на царствѣ,—
 О немъ молчу,—покой его душѣ.
 Не намъ судить царей боговѣчныхъ!
 Наслѣдье ихъ священное принять,
 Хранить, блюсти—должны мы оба въ страхѣ,—
 Съ насъ взыщется, и равень нашъ отвѣтъ...
 Вотъ я за чѣмъ пришелъ къ тебѣ, царевна,
 Вотъ въ чемъ должна, какъ брату, ты помочь.

КСЕНИЯ.

Мнѣ не понять твоихъ рѣчей мудреныхъ,
 На томъ прости, великій государь.
 Поконченъ счетъ съ моею семьей несчастной,
 Осталась я—безродной, безъ друзей,
 Въ чужомъ углу, на посмѣянье людямъ...
 Мнѣ-ль, сиротѣ, дерзать царю помочь,
 Когда сама я гибну, безпризорно,
 И негдѣ мнѣ защитника искать?

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Есть у тебя защитникъ, другъ, царевна,—
 Лишь ты-бъ его сама хотѣла знать,—

Къ тебѣ съ душой открытой онъ приходитъ,
Съ мольбой къ тебѣ: забудь бывшее зло,
Когда добра должны мы много сдѣлать,
Чтобъ старыхъ язвъ слѣды вѣковой стереть!..
И свой есть домъ... не тотъ, не домъ боярскій,
Неистойвой разграбленный толпой,—
Наслѣдственный есть домъ—царей московскихъ.
Въ немъ жилъ отецъ, и дочь въ немъ можетъ жить,
Тамъ ей пріютъ, доколь она изволить,—
Царевнигъ тамъ готовъ тебѣ покой.

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, государь, не въ царскія палаты,
А въ монастырь вели меня свезти,—
Вотъ гдѣ пріютъ развѣнчаннымъ царицамъ
И дочерямъ низвергнутыхъ царей.
Молю, дозвожь отсюда мнѣ уѣхать
Сегодня же, сейчасъ... и при тебѣ.
Боюсь я здѣсь... Мосальскій—страшный извергъ!
Ты знаешь, онъ...

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Не страшень онъ, повѣрь.
Вотъ у меня есть врагъ его опаснѣй
И всѣхъ враговъ сильнѣе и страшнѣй...
И отъ него—въ твоихъ рукахъ спасенье!

КСЕНИЯ.

Скорѣй скажи, кто-жъ онъ?

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Твой монастырь!
Сироты мы, и оба одиноки,
У насъ съ тобой друзей и близкихъ нѣтъ...
И на себѣ ты горько испытала,
Что лезть рабовъ готовить и таить...
Пойми-жъ, пойми, красавица-царевна,

Что вѣрить я могу одной тебѣ,
 Передъ тобой могу раскрыть я душу,
 Принять совѣтъ могу лишь отъ тебя
 И знать, что въ немъ не ставятъ мнѣ ловушки.
 Приди-жь ко мнѣ, какъ другъ и какъ сестра,—
 Не смѣю я сказать,—и какъ супруга!
 Дозволь пока звать Ксеніей тебя,—
 Не такъ, какъ всѣ.—Пусть буду просто Дмитрій
 Я для тебя... Мнѣ смѣло руку дай... [Воретъ ей руку].
 Дрожишь ты вся... Ужель меня боишься?

КСЕНІЯ [тихо].

Себя боюсь... Дозволь мнѣ въ монастырь!

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

О, Ксенія! Затѣмъ ли образъ чудный
 Передо мной мелькнулъ, какъ въ сладкомъ снѣ,
 Чтобъ страшно такъ мнѣ было пробужденье?..
 Я шляхтичемъ простымъ былъ на Москвѣ,
 Почти слугой, въ посольствѣ Льва Сапѣги,
 И въ первый разъ я увидалъ тебя
 Во всей красѣ, во всемъ величьи царскомъ...
 Съ тѣхъ поръ я былъ и въ цесарскихъ войскахъ,
 И казакомъ въ куреняхъ запорожскихъ,
 Изъ удалства я бился рядовымъ,
 Громилъ въ Крыму татарскіе улусы,
 За цезаря, какъ рыцарь, воевалъ,
 Шелъ на Москву—вернуть свое наслѣдье,
 Но образъ тотъ не покидалъ меня,
 Сюда онъ влекъ не меньше, чѣмъ корона,
 Манилъ и звалъ сильнѣе, чѣмъ престоль!..
 И, если-бъ былъ теперь возможенъ выборъ,
 Я отдалъ бы корону, царство, жизнь—
 За этихъ устъ счастливую улыбку,
 За лучъ любви въ чарующихъ очахъ!

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, Дмитрій, нѣтъ! Нельзя вернуть былого
 И свѣтлыхъ дней мнѣ въ жизни не видать:

Не мнѣ,— другой судьба готовить счастье
Любить тебя, подругой быть твоей,
Тебя ласкать, съ тобой дѣлить заботы,
Печаль и трудъ, и торжество побѣдъ,
И замысловъ великихъ обаянье...
Мой конченъ путь, мнѣ некуда итти.
Передъ тобой широкая дорога...
И вотъ, какъ другъ, какъ нѣжная сестра,
За Дмитріемъ слѣдить изъ кельи буду,
Молить Творца я стану день и ночь
За милаго... за моего героя... [Лже-Димитрій беретъ ея руку].
Нѣтъ, Дмитрій, нѣтъ!.. Оставь, не мучь меня!..
О, пощади и скалься надо мною,—
Я не могу, я не хочу любить.

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

Не можешь ты!.. А все-жъ меня ты любишь!
Не хочешь... да? А все же ты моя! [Хочетъ привлечь ее въ объятія].

КСЕНИЯ [отстраняется].

Оставь... пусти... Я Богомъ заклинаю!

ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ.

А я молю!.. Погибну безъ тебя:
Въ твоей любви — одно мое спасенье,
Я чувствую — во мнѣ таятся звѣрь,—
Покинешь ты, въ его я буду власти,
Въ его когтяхъ очутится народъ...
Твоя любовь — залогъ Россіи счастья!
Скажи, скажи, что любишь ты меня,
И надъ Москвой взойдетъ заря блаженства...

КСЕНИЯ.

Люблю!.. Постой... какъ брата — я люблю...

ЗАНАВѢСЪ.

Н. М. Минскій.

ИСКУШЕНІЕ.

Возставъ отъ вечера послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ Нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣшивши знойный день, струилася вокругъ нихъ.
И свящій міръ въ тотъ часъ прекрасенъ былъ и тихъ.
Влѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ.
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ разцвѣлъ, и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкнуи созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты.
И путь Ему лежалъ вблизи двора Пилата.
Въ дворцѣ шла оргія. За мракомъ колоннадъ
Гремѣла пиршества палата,
И шопота любви былъ полонъ темный садъ.
То звукъ лобзанія, то смѣхъ гетеры хитрый
Раздастся и замретъ за мраморной стѣной.
Но вотъ стихаетъ пиръ. Рыданье нѣжной цитры
Влилось въ нѣмую ночь дрожащею волной.

И голосъ женщины, печальный и зовущій,
 Запѣлъ подъ лепеть струнь и разбудилъ онъ вдругъ
 И воздухъ дремлющій, и сонныхъ маслинъ кущи,
 И звѣзды, и луну, всю ночь, весь мѣръ вокругъ.
 И мѣръ, отдавшись весь тѣмъ звукамъ, полнымъ яда,
 Казалось, тренеталь и страстно вторилъ имъ:
 «Да, средь земныхъ скорбей одна лишь есть отрада.
 «Да, только тотъ блаженъ, кто женщиной любимъ,
 «Кто ночью темной, ночью лунной
 «Къ устамъ возлюбленной прильнетъ
 «Иль внемлетъ, какъ она поетъ
 «Подъ ропотъ цитры тихострунной...»

И Онъ ускорилъ шагъ, печали не тая,—
 Но пѣсня вслѣдъ за Нимъ видала, какъ змѣя.
 Чрезъ городъ сумрачный теперь вела дорога,
 Но городъ не дремалъ. Былъ Пасхи первый день,
 И всякій средь семьи вкушалъ покой и лѣнь,
 На кровлю вышедши иль сидя у порога.
 И въ чуткій слухъ лились то звонкій дѣтскій смѣхъ,
 То окликъ матери, то пѣсенка простая,—
 Тѣ звуки и слова, которыя для всѣхъ,
 Кто въ мѣрѣ одинокъ, звучать, какъ пѣсни рая.
 Въ нихъ слышенъ былъ призывъ, была мольба слышна.
 «Сюда, страдалецъ, къ намъ. Одно есть въ жизни счастье,—
 «Семьи привѣтливой любовью и тишина,
 «И ласки чистыя, и кроткое участие...»
 А Онъ снѣшилъ впередъ, исполненный тоски.
 И, отставая, шли за Нимъ ученики.
 На Масличной горѣ, вблизи вершины черной,
 Двѣ старыхъ маслины, обнявшись, росли.
 Уставъ за долгій день учить народъ упорный,
 Здѣсь, предъ лицомъ небесъ и предъ лицомъ земли,
 Молиться Онъ любилъ всю ночь, пока съ востока
 Не брызнуть стрѣлы дня и облака зажгутъ,
 И тѣни отъ холмовъ по доламъ побѣгутъ:
 Тогда въ тѣни оливъ Онъ засыпалъ глубоко.
 Туда Онъ шель теперь. Онъ жаждалъ предъ Отцомъ

Молиться и рыдать, наединѣ въ пустынѣ
 И воскресить въ душѣ, предъ тягостнымъ концомъ,
 Святой восторгъ, съ какимъ Онъ ждалъ конца донинѣ.
 И вотъ, Онъ миновалъ Іосафатъ пустой,
 Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
 Какъ вдругъ, изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
 Явился злобный духъ и дерзкою пятой
 Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
 Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ вселенной
 И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись
 И, слѣдуя за Нимъ, шепталъ онъ:

«Оглянись!

Прекрасна ночь — и жаръ любовный
 Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горить,
 И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
 Надъ спящимъ городомъ парить.
 Грудь ищетъ страстно груди знойной,
 Горять уста и взоръ погасъ...
 Куда, мечтатель безпокойный,
 Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?
 Исполненъ къ грѣшникамъ участя,
 Ужель ты смерть готовъ принять,
 Чтобы избавить ихъ отъ счастья,
 Чтобъ цѣль у жизни ихъ отнять?
 О, ты не знаешь власти чудной
 Земной любви, земныхъ утѣхъ,
 Какъ грѣхъ силенъ, какъ сладокъ грѣхъ...
 Вѣрь, быть подвижникомъ нетрудно
 Тому, кто прожилъ жизнь, какъ ты,
 Скитальцемъ нищимъ и бездомнымъ,
 Кто потуплялся взоромъ скромнымъ
 Предъ дерзкимъ взоромъ красоты
 И убѣгалъ передъ соблазномъ.
 Нѣтъ, ты вернись въ толпу со мной,
 Ты самъ сперва въ потокъ грязномъ
 Исчезни мутною волной.
 Извѣдай все: мученья страсти,
 Объятій вѣчно новый рай,

И месть, и зависть испытай,
И упоенье гордой власти,
Тогда рѣши: пустой ли звукъ
Тщета грѣховъ и заблужденій,
И можно-ль отказаться вдругъ
Отъ разъ вкушенныхъ наслажденій.
Тогда узнай, легко-ль спасти
Чистѣйшей жертвой мѣръ нечистый
И съ протореннаго пути
Увлечь толпу на путь тернистый.
Иль ты мечтаешь, что она
Забудетъ все — очагъ семейный,
Науки тайной письма
И славы гулъ благоговѣйный,
И шумъ пировъ, и страсти бредъ,
И вдругъ, возставъ изъ грѣшной бездны,
Пойдетъ за призраками вслѣдъ —
Куда? Въ какой-то мѣръ надзвѣздный?
И ты мечталъ о томъ, скромнѣйшій изъ всѣхъ?
Гордыня дикая! Гордыня ослѣпленье!
Покуда мѣръ стоитъ — всеиленъ грѣхъ,
И Богъ земной — земное наслажденье.
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье дамъ...»
Такъ злобный духъ шепталъ. И горестный Учитель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:
«Молитесь! Близко искушитель».

И сталъ молиться самъ. Но только слезный взоръ
Онъ поднялъ вверхъ, согнувъ дрожація колѣни,
Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ,
И чистый слухъ извилъ злорѣчіемъ нечистымъ:
«Смотри, — коварный духъ сказалъ, —
Встаютъ видѣнья дней грядущихъ.
Ты видишь пиршественный залъ,
Гостей хохочущихъ и пьющихъ?
Ихъ тѣсенъ кругъ. Съдой старикъ —
Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной

Вотъ онъ щекой своей румяной
Къ груди красавицы приникъ.
То — дочь его: лишь преступленье
Осплить можетъ пресыщенье.
Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!
Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,
Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,
Какъ сынъ его, отца достойный,
Радужно потчуетъ гостей,
Торопитъ шуткой пиръ усталый
И цѣдить самъ вино въ бокалы
Рукой предательской своей.
Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ кто въ силахъ...
Бѣгутъ къ дверямъ, ползутъ назадъ...
Кричатъ, упавъ: «Измѣна! Ядь!»
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятъя сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ
Его злорадства дикій крикъ...
Кто-жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ — хранитель,
Онъ — высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти.
Гляди-жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятыя приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю
Доставить силу и почетъ.
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
Вернись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
Вернись! Ты не спасешь ихъ жертвою своей!»
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
«Да идетъ чаша эта мимо».

И вновь злой гений говорить:
«Вот площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царить.
Въ трибунѣ той — старикъ безстрастный,
Какъ нищій въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки пѣтъ,
Недвиженъ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревущая окрестъ,
Вблизи него хранить молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застыль, какъ рока изваянье.
И вдругъ — о чудо! — по лицу
Улыбка легкая мелькнула.
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?
Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествіе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ!
Средь черныхъ рясъ въ рубахахъ бѣлыхъ
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжіе слѣды
Горятъ на лицахъ помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталь. На возвышеніи
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ —
Подъ стоны жертвъ, подъ пѣнье хора,
Подъ тяжкій вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди!
Не сводить огненного взора
Съ огня, дыханье затаивъ.
Онъ молодъ сталь, онъ сталь красивъ,
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ — ты слышишь? — онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что сгорѣли.

Тебя прославилъ онъ огнемъ,
 За души грѣшниковъ предстатель.
 Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
 О кроткомъ имени твоємъ
 Моря изъ крови заструятся,
 Свершится безконечный рядъ
 Злодѣйствъ ужасныхъ, освятится
 Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
 И будутъ дикія проклятья
 Твою святыню осквернять,
 И люди, именемъ распята,
 Другъ-друга будутъ распинать.
 И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
 Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви твоей...»
 И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
 «Да идетъ чаша эта мимо!»

А демонъ хохоталъ:

«Взываетъ къ небесамъ
 И чашу горькую ко рту подносить самъ.
 Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
 Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ и себѣ?
 Ужъ не ошибся-ль я въ тебѣ?
 И вмѣсто истины не жаждешь ли ты славы?
 О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
 Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
 Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.
 Я вижу: правъ толпы глубоко ты постигъ.
 Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
 Но правды идоловъ, святыни алтарей.
 Толпѣ дай образы, лишь рѣзче да пестрѣй,
 Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
 Чтобъ было вокругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
 И воздухъ воплями безумно потрясать.
 Поменьше мудрости, лишь было-бъ красокъ много.
 Глаза людей прельщай, не трогая сердець.
 Понятнѣй имъ нѣмой, но блещущій телець
 Изъ тучъ вѣщавшаго невидимаго бога,

Воть отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ,
Прекрасное лицо и скорби выраженье,
И тернія, и кровь, и войны кругомъ
Глубоко поразять толпы воображенье,
Легенды создадутъ — стозвучный бредъ молвы
И будутъ жить въ вѣкахъ, но вѣчно ли? Увы!

Гляди: вотъ храмъ, твой храмъ недавно,
Теперь невѣдомо онъ чей.

Передъ толпой ораторъ славный
Тамъ держать рѣчь. Все горячѣй,
Неудержимѣй льется слово.

Онъ говорить, что для земли
Столѣтья сумрака прошли,
Что мѣръ страхнулъ съ себя оковы

Неправды, рабства и — твои!

Твою борьбу, твои мученья

Онъ осмѣяню предасть,

Твою любовь, твои ученья

Аскета бреднями зоветъ.

Тебя клеймить онъ изувѣромъ,

Голгоѳу — трусости примѣромъ

И школой нравственныхъ калѣкъ.

Онъ говорить: въ безумья вѣкъ

Вселенной правилъ богъ безумный,

Пусть Разумъ править въ вѣкъ разумный!

И вотъ, въ отвѣтъ его рѣчамъ,

Раздался громъ привѣтствій пылкихъ,

Раскрылась дверь — и вносятъ въ храмъ

На раззолоченныхъ носилкахъ

Полураздѣтую жену,

Законодательницу оргій.

Нѣтъ, не гремѣли встарину

Тебѣ подобныя восторги!

Тебя смѣнивъ, какъ божество,

Вступилъ порокъ въ твою обитель,

Забыть божественный Учитель

И вотъ — преемница его!

И вотъ она — толпа, развратная блудница,

Хоть пресыщенная давно,

То оргій бѣшенныхъ, то истязаній жрица,
 Всегда безумная равно.
 Рабы мучителей, мучители пророковъ,
 Сыны отцовъ, которыхъ Богъ
 Хотъ смылъ съ лица земли, но все-жъ клейма пороковъ
 Съ души дѣтей ихъ смыть не могъ.
 И за толпу умрешь? Толпой же распять будешь?
 Но слышишь: спять ученики...
 Ужь если спять они, ужель толпу разбудишь?
 Вернись! Въ пустыню убѣги!...»

Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно,
 И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.
 Душа скорбѣла въ немъ смертельно,
 Съ чела катился потъ кровавою струей
 И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
 И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
 Недвижно замерла, молчала и ждала...
 Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣвшей,
 Въ душѣ, за цѣлый міръ болѣвшей,
 Свершалось таинство борьбы добра и зла.
 И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,
 Настало царство тишины,
 И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ черной.
 Толпились ангелы, тоской омраченны.
 И вдругъ одинъ изъ нихъ съ поспѣшною тревогой
 На землю ринулся...

Когда, по скорби многой,
 Другъ міра подвнялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ
 Съ очами, полными надежды и испуга,
 Безгрѣшной красотой сіявшій серафимъ.
 И долго, грустные, глядѣли другъ на друга,
 И ангелъ пѣлъ:

«Кто крестъ однажды хочетъ несть,
 Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
 И, если счастье въ жертвѣ есть,
 Онъ будетъ счастливъ безконечно.

«Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь — одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

«Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, скорбя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?

«Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣнiемъ тревожить,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ...»

И прояснился скорбѣвшаго черты
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
«Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты»
И шопотъ радости промчался по вселенной...
Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: «Часъ мой наступаетъ».
И чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружья долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ,
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ — съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Иуда...

Д. С. Мережковскій.

СТАВАТ МАТЕР.

На Голгоѣ, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестнаго, гдѣ былъ
Распятъ Сынъ Твой,— и разницѣй,
Душу Матери скорбящей
Смертной муки мечъ пронзилъ.
Какъ Онъ умеръ, Сынъ Твой гнѣбный,
Одинокій, безнадежный,
Очи видѣли Твои...

Не отринь меня, о, Дѣва!
Дай и мнѣ стоять у Древа,
Обагренаго въ крови,
Ибо видишь — сердце жаждетъ
Пострадать, какъ Сынъ Твой страждетъ.
Дѣва дѣвъ, родникъ любви,
Дай мнѣ болью ранъ уищиться,
Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего;

Чтобъ, огнемъ любви сгорая,
И томясь, и умирая,
Миѣ увидѣть славу рая
Въ смерти Бога моего.

Князь Д. Н. Цертелевъ.

I.

Не сѣтуй, что тебѣ онъ измѣнилъ,
Не проклинай безумнаго напрасно,
Въ усталомъ сердцѣ прежнихъ нѣтъ ужь силъ
И биться для тебя оно не властно.

Онъ долго, горячо тебя любилъ;
Но безотчетною, слѣпою страстью
И холодъ жизни пламя погасилъ;
Но ты сама «прости», сказала счастью.

II.

Когда въ душѣ нѣтъ ни тепла, ни свѣта —
И я на міръ сквозь сумерки гляжу,—
Не жди тогда ни ласки, ни привѣта,
Я словъ любви въ себѣ не нахожу.

Явись сама сквозь этотъ мракъ осенній,
Слова любви сама мнѣ говори —
И убѣгутъ густѣющія тѣни
И вспыхнетъ міръ въ лучахъ твоей зари.

М. А. Лохвицкая.

ЭНИСЪ-ЭЛЬ-ДЖЕЛЛИСЪ.

I.

Въ узорчатой башнѣ ютился гаремъ,
Владыки восточной страны,
Гдѣ плѣнницы жили, не зная — зачѣмъ,
Томились и ждали весны.

Ужъ солнце склонялось къ жемчужной волнѣ,
Повѣяло вѣтромъ и сномъ.
Невѣдомый рыцарь на бѣломъ конѣ
Подѣхалъ — и сталъ подъ окномъ.

Онъ видѣлъ, какъ птицы, коснувшись окна,
Кружились и прыдали внизъ.
Онъ видѣлъ — въ гаремѣ всѣхъ краше одна,
Рабыня Энисъ-эль-Джеллисъ.

Уста молодыя алѣли у ней,
Какъ розы полуденныхъ странъ;
Воздушнѣй казался вечернихъ тѣней
Ея обольстительный станъ.

На солнцѣ пушистыя косы вились,
Какъ два золотые ручья.
И рыцарь воскликнулъ: — Энисъ-эль-Джеллисъ,
Ты будешь моя — иль ничья!

И солнце въ ночные чертоги свои
По краснымъ сошло облакамъ...
Да славится имя безсмертныхъ въ любви,
Оно передастся вѣкамъ.

Разрушена башня. На темной скалѣ
Безмолвный стоитъ кипарисъ.
Убитая, дремлетъ въ холодной землѣ
Рабыня Энисъ-эль-Джеллисъ.

II.

*
* * *

Въ моемъ незнашь — такъ много вѣры
Въ расцвѣтъ весенній грядущихъ дней!
Мои надежды — мои химеры —
Тѣмъ ярче свѣтять, чѣмъ мракъ темнѣй.

Въ моемъ молчаньѣ — такъ много муки,
Страданій гордыхъ, незримыхъ слезъ,
Ночей бессонныхъ, вѣковъ разлуки,
Нераздѣленныхъ, сожженныхъ грезъ!

Въ моемъ безумьѣ — такъ много счастья,
Восторговъ жадныхъ, могучихъ силъ,
Что сердцу страшень покой безстрастья,
Какъ мертвый холодъ нѣмыхъ могилъ.

Но цитъ мой крѣпкій — въ моемъ незнашь
Отъ страха смерти и бытія.
Въ моемъ молчаньѣ — мое призванье,
Мое безумье — любовь моя.

Ө. К. Сологубъ.

—
*
* *

Заря-заряница,
Небесная царица
Мать Пресвятая Богородица

По всей землѣ ходила,
Всѣ грады посѣщала,
Въ одно село пришла,—
Всѣ рученьки обила,
Подъ окнами стучала,—
Пріюта не нашла.

Ее отъ оконъ гнали,
Толкали и бранили,
Корили и кляли,
И бабы ей кричали:
— «Когда-бъ мы всѣхъ кормили,
Такъ что-бъ мы сберегли!» —

Огонь небесный жарокъ.
Высокъ, далекъ, да зорокъ
Илья, святой пророкъ.
Онъ всталъ, могучъ и ярокъ,
И грозныхъ молній сорокъ
Связалъ въ одинъ клубокъ.

По облачной дорогѣ,
На огненной телѣгѣ,
Съ зарницею на дугѣ
Помчался онъ въ тревогѣ,—
У коней въ буйномъ бѣгѣ
По грому на ногѣ.

И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молнии зажглись,
И громы разразились,
И люди испугались,
Молиться принялись.

Напрасныя рыданья,
Напрасныя моленья,—
Гнѣвливъ пророкъ Илья.
Не будетъ состраданья
Для грѣшника селенья,—
Конецъ его житья.

Дѣтей людскихъ жалѣя,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророкъ Илья!
Грѣшать, не разумѣя,
Добра не понимая,—
Но всѣмъ простила я.»

Передъ Ильею стала,
Словами не смирила,
Да съ плечъ своихъ сняла

Святое покрывало
И все село покрыла,
И всёхъ людей спасла

Заря-заряница,
Небесная царица,
Мать Пресвятая Богородица.

О. Н. Чюмина.

УМЕРШАЯ ЛЮБОВЬ.

Прошедшее съ его очарованьемъ
Я пережить безумно жаждалъ вновь,
И я прибѣгъ къ чудеснымъ заклинаньямъ,
Чтобъ воскресить погибшую любовь.

Тоской по ней душа моя томилась;
Когда во тьмѣ зажглись огни свѣтила —
Я смѣло кругъ волшебный начертить,
Я звалъ ее, и мнѣ она явилась.

Въ сіяньѣ звѣздъ, таинственно свѣтла,
Она опять стояла предо мною,
Осыпался вѣнокъ ея чела,
И ликъ дышалъ печалью неземною.

Восторга лучъ померкъ въ ея очахъ,
Усталый взоръ былъ скорбью отуманенъ,
И обликъ весь, въ мерцающихъ лучахъ,
Казался чуждъ, загадоченъ и страненъ.

И молвилъ я: — «Я тотъ же, что и былъ,
Былое все попрежнему — со мною;
Но гдѣ же твой восторга юный пылъ,
Зачѣмъ сюда явилась ты иною?»

«Гдѣ страстныя и горькія слова?
Улыбокъ, слезъ и ласкъ очарованье?
Въ груди твоей не пламень божества,
Но смерти злой я чувствую дыханье».

И молвила она: — «Сюда пришла,
Покорная лишь заклинаній чарамъ.
Я умерла, поэтъ, я умерла,
Убита я, но не однимъ ударомъ:

«Отъ мелочныхъ обидъ изнемогла,
Отъ тягостныхъ вседневныхъ униженій,
И мой вѣнокъ осмался съ чела,
И замерли слова моихъ моленій.

«Не пощажень былъ пламенный порывъ
Ироніи стрѣлою ледяною;
Дары мои бесплодно расточивъ,
Отраву я купила ихъ цѣною.

«И нѣжности, и ласкъ моихъ взамѣнъ,
Встрѣчала я, отъ ужаса блѣднѣя,
Презрѣніе, постыдный рядъ измѣнъ, —
И съ прихотью цѣнилась наравнѣ я.

«Я умерла, возврата къ жизни — нѣтъ,
И въ плоть, и кровь облечь меня безсильный,
Зачѣмъ, покой смущая замогильный,
Опять ко мнѣ взываешь ты, поэтъ?»

«Покорная лишь чарамъ заклинаній,
Я призракомъ предстала здѣсь въ тиши:
Не воскресить былыхъ очарованій,
Какъ не вдохнуть въ умершую души!»

Д. В. Аверкіевъ.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ Ж. РАСИНА

„ФЕДРА“.

I.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ III.

Федра, Энона.

ФЕДРА.

Мы дальше не пойдёмъ... О, боги! какъ слабая..
Я упаду сейчасъ, Энона дорогая.
Слѣпнеть мои глаза сіяньемъ свѣтъ дневной
И гнутся, и дрожать колѣни подо мной.
Ахъ!

ЭНОНА.

Боги! что для васъ и слезы, и моленья!

ФЕДРА.

Какъ тяготять меня всѣ эти украшенья!
И чья докучная рука вокругъ чела

Мнѣ волосы въ узлы заботливо сплела?..
Ахъ! все меня томить и все мнѣ докучаетъ,
Какъ будто сговорясь.

Энона.

Какъ быстро разрушаетъ
Одно желаніе другое у тебя!
То ты заставишь насъ разукрашать себя
И безъ причины вдругъ отмѣнишь приказанье;
То съ прежней бодростью ты выразишь желанье
Увидѣть свѣтъ дневной,— но вотъ, едва вошла,
Какъ свѣтъ тебѣ постыль, и снова тьма мила...

Федра.

Великій праотецъ семьи моей несчастной!
Скажи: стыдишься ты вины моей ужасной?
Тебя отцомъ моя родная мать звала,
О, свѣтлый Фебъ! Съ тобой проститься я пришла.

Энона.

Какъ? все тебя гнететь отъ жизни отвращенье?
И я выслушивать должна твое моленье,
Чтобъ смерть окончила томительные дни?

Федра.

О, какъ желала-бъ я сидѣть въ лѣсной тѣни!
О, если-бъ я могла сейчасъ слѣдить очами
Сквозь пыль мнѣ милую за быстрыми конями!..

Энона.

Что, государыня?

Федра.

Безумная! гдѣ я?
Что смѣю говорить!.. Блуждаетъ мысль моя!..
Ахъ! разума меня вполне лишили боги:
Не въ силахъ я скрывать мучительной тревоги;
Энона, я стыжусь преступныхъ этихъ грезъ;
Взгляни: мои глаза полны невольныхъ слезъ.

ЭНОА.

Стыдися своего упорнаго молчанья:
Оно лишь берeditъ жестокия страданья.
Что губить жизнь твою въ расцвѣтѣ полномъ силѣ?
Кто чарами ея источникъ изсушилъ?
Глуха къ моимъ словамъ, заботы презирая,
Ты жаждешь, чтобъ пришла развязка роковая.
Ужъ трижды угасалъ свѣтъ въ сумракѣ nocturno,
Какъ не смежала ты очей отраднымъ сномъ;
Ужъ трижды ночи тѣнь передъ зарей рѣдѣла,
Какъ тягостнымъ постомъ ты изнуряешь тѣло.
Какъ мысли злой себя дала ты соблазнить?
Какъ руки на себя ты смѣешь наложить?
Ты жизнедателей боговъ тѣмъ оскорбляешь
И брачной вѣрности обѣты нарушаешь;
О, вспомни наконецъ, что смертію своей
На иго тяжкое ты обречешь дѣтей.
Въ тотъ день, какъ на всегда твои сомкнутся вѣжды,
Сынъ чужеземки вновь исполнится надежды,—
И онъ, твой гордый врагъ, сиротъ не пощадить,
Онъ амазонки сынъ, суровый Ипполитъ...

ФЕДРА.

О, боги!

ЭНОА.

Вспыхнувъ, ты отъ гнѣва поблѣднѣла...

ФЕДРА.

Чье имя предо мной ты произнести посмѣла?

ЭНОА.

И справедливъ твой гнѣвъ. О, какъ довольна я,
Что мой упрекъ сумѣлъ такъ взволновать тебя!
Живи, вступи въ борьбу: иль злое совершится,
И скифъ по матеря въ Аоннахъ воцарится;
Онъ, дерзко обративъ твоихъ дѣтей въ рабовъ,

Начнетъ повелѣвать потомками боговъ.
Не медли: ты стоишь ужъ на краю могилы,
Скорѣ пробуди угаснувшія силы;
Да укрѣпять тебя и долгъ твой, и любовь!
И свѣточъ дней твоихъ да возгорится вновь!

ФЕДРА.

Ахъ! жизнь преступная меня такъ истомила!..

ЭНОА.

Иль злодѣяніе ты тайно совершила,
Что гложетъ такъ тебя смертельная тоска?
Отъ крови пролитой чиста твоя рука?

ФЕДРА.

Невинной кровью рукъ своихъ я не пятнала...
О, если-бъ въ сердцѣ я вины не сознавала!

ЭНОА.

Что зародилось въ душѣ твоей больной,
Что ты сама дрожишь передъ своей мечтой?

ФЕДРА.

Довольно; я умру, но тайны не открою.

ЭНОА.

Безчеловѣчное молчаніе съ собою
Въ могилу унеси... Но не проси меня,
Чтобъ очи въ смертный часъ тебѣ закрыла я!
Пусть слабо жизнь твоя горитъ, едва мерцая,
Я къ мертвымъ низойду, тебя предупреждая.
О, тысячи путей къ Коциту насъ ведетъ,
Изъ нихъ моя печаль кратчайшій изберетъ.
Жестокая! тебя съ рожденья я вскормила,
Иль я не для тебя, — но ты о томъ забыла —
Покинула свой домъ и милую семью?..
И вотъ награда мнѣ за преданность мою!

ФЕДРА.

Иль хочешь вымучить ты изъ меня признанье?
Отъ страха ты замрешь, лишь я прерву молчанье.

ЭНОНА.

Я знаю лишь одинъ неотразимый страхъ:
Увидѣть, какъ умрешь ты на моихъ рукахъ.

ФЕДРА.

Открывъ тебѣ мой стыдъ, мой помыселъ грѣховный,
Я все равно умру, не болѣе виновной.

ЭНОНА.

Колѣни слабыя твои обнявъ рукой,
Во имя слезъ моихъ, пролитыхъ надъ тобой,
Молю: избавь мой умъ отъ гибельной тревоги!..

ФЕДРА.

Ты умоляешь? — встань!

ЭНОНА.

Я слушаю.

ФЕДРА.

О, боги!

Что я хочу открыть? И какъ рѣшилась я!..

ЭНОНА.

О, перестань пугать: не оскорбляй меня.

ФЕДРА.

О, гнѣвъ, о, ненависть Киприды роковая!
Погибла отъ любви ты, мать моя родная!

ЭНОНА.

О, государыня! не вспоминай о томъ;
Пусть спитъ ея вина въ молчаньѣ гробовомъ.

ФЕДРА.

О, милая сестра! покинута, бродила
У моря ты въ тоскѣ... Любовь тебя сгубила.

ЭНОНА.

Царица, что съ тобой? Иль нынче желчь свою
Готова ты излить на всю свою семью?

ФЕДРА.

И я, какъ и онѣ, погибну несомнѣнно...
Послѣдней я умру, но больше всѣхъ презрѣнной.

ЭНОНА.

Иль полюбила ты?

ФЕДРА.

Терзанія любви
Узнала я вполне.

ЭНОНА.

Къ кому же? назови.

ФЕДРА.

Люблю... При имени его я цѣпенѣю,
И вся дрожу.

ЭНОНА.

Кто онъ?

ФЕДРА.

Его назвать не смѣю...
Онъ амазонки сынъ... Тотъ юноша, кого...

ЭНОНА.

О, боги! Исполнить?

ФЕДРА.

Ты назвала его.

ЭНОНА.

О, небеса! Вся кровь во мнѣ оледенѣла!..
Несчастливая семья! О, стыдъ! О, злое дѣло!..
Зачѣмъ приблизились мы къ этимъ берегамъ?
О, если-бъ знали мы что рокъ готовить намъ?

ФЕДРА.

Давно страдаю я. Когда со мной Тезей
Связали навсегда законы Гименея,
Я думала найти и счастье, и покой.
Въ Афинахъ гордый врагъ предсталъ передо мной.
При взглядѣ на него, я, вспыхнувъ, поблѣднѣла,
Смущенной душой тревога овладѣла;
Языкъ мой онемѣлъ, лишилась зрѣнья я,
И леденить ознобъ, и жаръ томить меня...
Коснулся и меня Киприды гнѣвъ опасный:
Зло неизбежное моей семьи несчастной...
Тогда прибѣгла я къ обѣтамъ и дарамъ,
Я ей построила великолѣпный храмъ;
Въ утробахъ жертвенныхъ искала указаній,
Какъ разумъ исцѣлить отъ гибельныхъ блужданій.
Напрасно! Недугъ мой ничѣмъ неизлѣчимъ:
Онъ, гордый Инополь, сталъ божествомъ моимъ.
Когда предъ алтаремъ богиню я молила,
Ему лишь одному я жертвы приносила.
Онъ всюду былъ со мной. О, горе безъ конца!
Его я видѣла въ чертахъ его отца.
Но пробудила я въ себѣ негодованье,
Заставила себя достигъ его изгнанья.
И для того, кому молилася душой,
Явилась, притворясь, я мачихою злой.
Я крикомъ яростнымъ и стопами проклятій
Его оторвала отъ отческихъ объятій.
Свободно я тогда вздохнула. Дни мои
Съ тѣхъ поръ въ невинности спокойно потекли.
Покорная жена, я скорбь свою таила
И брачные плоды Тезеею возрастила.

Усилья тщетныя! О, случай роковой!
 Супругъ мой самъ въ Трезень беретъ меня съ собой,
 И волею судьбы я увидала снова
 Врага, котораго гнала я такъ сурово!
 Едва зажившая, раскрылась рана вновь,
 И въ сердцѣ у меня забушевала кровь:
 Теперь во мнѣ горить не пламя страсти скрытой,—
 Въ меня, какъ лютый звѣрь, впилаcя Афродита.
 Я страшнаго грѣха весь ужасъ сознаю,
 Клянусь страсть низкую и съ нею жизнь мою.
 О, какъ желала я, честь рода охраняя,
 Чтобъ умерла со мной и тайна роковая.
 Ты слезною мольбой принудила во всемъ
 Открыться предъ тобой; я не крушусь о томъ.
 Не огорчай и ты послѣдняго мгновенья
 Упреками; почти кончины приближенъе.
 Тебѣ заботами меня не оживить:
 О, дай же тихо мнѣ дыханье испустить.

II.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ IV.

Федра, Ипполитъ, Энона.

ФЕДРА [Энонѣ, въ глубинѣ сцены].

Вотъ онъ... и къ сердцу кровь стремительно прилила...
 Что я скажу ему?.. Энона, я забыла...

ЭНОНА.

О, помни, что твой сынъ погибнетъ безъ тебя.

ФЕДРА.

Ты ѣдешь, государь... Передъ тобою я,
 Чтобъ скорбь твою почтить слезами сожалѣнья,
 Чтобъ высказать свои за сына опасенья.

Лишился онъ отца. И ужъ не долго ждать,
Какъ, бѣдное дитя, скоронить онъ и мать.
Онъ съ дѣтства окруженъ враждой и злобой скрытой, —
О, будь же для него опорой и защитой!
Но робость тайная мой угнетаетъ духъ:
Боюсь, къ его мольбамъ закрыла я твой слухъ;
Боюсь, что ко мнѣ питая отвращенье,
Ты станешь вымещать на немъ тѣ оскорбленья...

ИПОЛИТЪ.

О, этихъ низкихъ чувствъ, повѣрь, не знаю я.

ФЕДРА.

За ненависть ко мнѣ я не виню тебя:
Ты видѣлъ, какъ тебѣ усердно я вредила,
Но ты не могъ читать, что въ сердцѣ я таила.
Тебя преслѣдовать отрадой было мнѣ,
Я не хотѣла жить съ тобой въ одной странѣ,
И вскорѣ море насъ надолго раздѣлило...
И тайно, и при всѣхъ тебя я не щадила;
Тебя по имени никто не смѣлъ назвать
Въ моемъ присутствіи... Но если-бъ ты искать
Сталъ наказанія, котораго я стою;
Когда-бъ лишь на вражду ты отвѣчалъ враждою, —
То знай: не стою я ненависти твоей;
Нѣтъ, сожалѣнія достойна я скорѣй.

ИПОЛИТЪ.

Я знаю, что всегда, вслѣдъ за второй женою,
Раздоры входятъ въ домъ докучною толпою;
Что мать, ревнивая къ правамъ своихъ дѣтей,
Не любитъ первенца предмѣстницы своей:
Отъ всякой испытать пришлось бы подозрѣнья,
И были бы сильнѣй, быть можетъ, оскорбленья...

ФЕДРА.

Свидѣтель небо мнѣ: подобная вражда
 Меня не мучила, царевичъ, никогда...
 Иная скорбь меня снѣдаетъ и тревожить...

ИПОЛИТЪ.

О, государыня! но твой супругъ, быть можетъ,
 И живъ, и видитъ свѣтъ. И небо, внявъ мольбамъ,
 Быть можетъ, возвратитъ его на радость намъ.
 Могучій Посидонъ Тезея охраняетъ
 И ревностно свой слухъ къ его мольбѣ склоняетъ.

ФЕДРА.

Нѣтъ, и могучій богъ того не возвратитъ,
 Кто смертью унесенъ и низошелъ въ Андъ.
 Царевичъ, дважды жизнь для насъ не расцвѣтаетъ,
 И жадный Ахеронъ добычъ не возвращаетъ.
 Но нѣтъ! онъ живъ въ тебѣ; всегда передъ собой
 Супруга вижу я... вотъ онъ стоитъ, живой;
 Я вижу, говорю и сердце... Мысль блуждаетъ,
 И страсть безумную невольно выражаетъ...

ИПОЛИТЪ.

Твоя любовь къ нему, царица, такъ сильна,
 Что и умершаго животворитъ она;
 Его лелѣешь ты въ душѣ мечтой своею...

ФЕДРА.

Да, я люблю, горю; томлюся по Тезею...
 Но онъ не умреть... И онъ... совсѣмъ иной,—
 Не вѣроломный льстецъ предъ встрѣчной красотой,
 Готовый осквернить въ Андѣ ложе бога,—

Онъ духомъ твердъ, суровъ, и даже дикъ немного;
Какъ олимпійскій богъ, въ расцвѣтѣ красоты,
Невольно онъ сердца влечетъ къ себѣ, какъ ты.
Онъ былъ вполне тобой,— и также рѣчь звучала,
И юное лицо стыдливостью пылало —
Когда онъ переплылъ широкія моря,
Достойный дочерей могучаго царя.
Что дѣлалъ ты тогда? Зачѣмъ безъ Ипполита
Цвѣтъ Греціи свѣшилъ на избавленье Крита?
Ты слишкомъ молодъ былъ... О, лучше бы ты самъ
Понелъ на кораблѣ къ далекимъ берегамъ!
Тебѣ дивились бы какъ новому герою,
И былъ бы Минотавръ убитъ твоей рукою!..
Чтобъ подвигъ доблестный герою облегчить,
Тогда-бъ моя сестра тебѣ вручила нить;
Нѣтъ, тутъ бы я ее, клянусь, предупредила,—
О, раньше бы любовь мнѣ ту же мысль внушила!
Ты былъ бы охраненъ заботою моею,
И я бы сдѣлалась сподвижницей твоею;
Я въ лабиринтъ сама спустилась бы съ тобою,
И ты-бъ со мной погибъ, иль побѣждалъ со мною...

ИППОЛИТЪ.

О, боги!.. этотъ пылъ... я понялъ наконецъ...
О, вспомни, что я сынъ; что мнѣ Тезей отецъ.

ФЕДРА.

Какъ смѣешь думать ты, что я о томъ забыла?..
Или позорно честь свою я погубила?

ИППОЛИТЪ.

О, государыня, прости... Я сознаюсь,
Что дерзко поступилъ... Краснѣю и стыжусь,
Что рѣчь невинную посмѣлъ судить такъ строго...
Вѣгу...

ФЕДРА.

Жестокій! Нѣтъ, ты слышала слишкомъ много,
Чтобъ не понять меня. Нѣтъ, ты въ ошибку власть
Не могъ. Ну, что-жь! узнай безумной Федры страсть!
Люблю,— но даже въ мигъ невольнаго признанья
Не вижу для себя и тѣни оправданья;
Не думай, что тотъ ядъ что у меня въ крови
Взростила я сама въ безуміи любви.
Нѣтъ! самоё себя сильнѣе я гнушаюсь,
Чѣмъ презираешь ты... И въ этомъ заклинаюсь
Богами, что меня, со всей моей семьей,
Карають, не щадя, любовью роковой;
Богами, что меня, кичася лютой славой,
Задумали сгубить сердечною отравой!..
О, вспомни прошлое,— чтобъ не видать тебя,
Тебя бѣжала я, тебя изгнала я!..
Я отъ любви къ тебѣ спасалася враждою,
Изъ-за нея была безчеловѣчной, злою...
И что же! все росла и ненависть твоя,
И все безумнѣе тебя любила я!..
Твое страданіе тебя лишь возвышало,
А я въ огнѣ, въ слезахъ, томилась и сгорала...
Взгляни лишь на меня, и убѣдишься въ томъ,—
Но ты гнушаешься страдальческимъ лицомъ!..
Иль думаешь, что я готовилась къ свиданью?
Что я открылася не вопреки желанью?
Я долгу матери не смѣла измѣнить,
За сына своего пришла тебя молить,—
Но сердце полное все думаю одною,
Могло лишь о тебѣ заговорить съ тобою...
Казни, убей меня... Въ тебѣ героя кровь:
О, отомсти же мнѣ за гнусную любовь,
Чтобъ дольше я земли собою не сквернила...
Какъ? я, вдова отца,— я... сына полюбила...
Нѣтъ, гадины такой не долженъ ты щадить.
Вотъ сердце, и должна твоя рука разить
Сюда. Оно спѣшитъ, оно ужъ въ нетерпѣнны

Готово встрѣтить мечь, чтобъ искупить паденье.
Иль подлой кровью ты пятнать не хочешь рукъ?
Иль недостойна я отрадныхъ этихъ мукъ
И будетъ для меня завидна казнь такая?
Такъ дай мнѣ мечь. Скорѣй! Себя сама я
Хочу казнить... Давай...

энона.

О, боги! что съ тобой?
Ахъ, государыня! сюда идутъ... О, скрой
Отъ глазъ свидѣтелей позоръ свой неизбѣжный...

З. Н. Гиппиусь.

I.

ЛѢСТНИЦА.

Сны странные порой нисходятъ на меня.
И снилось мнѣ: наверхъ, туда, къ вечернимъ тѣнямъ,
На склонѣ сѣраго и вѣтренаго дня,
Мы шли съ тобой вдвоемъ, по каменнымъ ступенямъ.
Съ неласковой для насъ небесной высоты
Такой неласковою вѣяло прохладой,
И апельсиновыхъ роцъ невинные цвѣты
Благоухали тамъ, за низкой оградой.

Я что-то важное и злое говорилъ,
Улыбку помню я испуганно-нѣмую...
И было ясно мнѣ: тебя я не любилъ,
Тебя,— недавнюю, случайную, чужую...
Но стало больно, странно сердцу моему,
И мысль внезапная мнѣ душу освѣтила:
О, нелюбимая! Не знаю, почему—
Но жду твоей любви! Хочу, чтобъ ты любила!

II.

ПРЕДЪЛЪ.

Сердце исполнено счастьемъ желанья,
Счастьемъ возможности и ожиданья,—
Но и трепещетъ оно, и боится,
Что невозможное можетъ свершиться.
Полностью жизни принять мы не смѣемъ,
Тяжести счастья поднять не умѣемъ,
Звуковъ хотимъ — но созвучій боимся,
Празднымъ желаньемъ предѣловъ томимся,
Вѣчно ихъ любимъ, вѣчно страдая,—
И умираемъ, не достигая...

К. Д. Бальмонтъ.

—
I.

ВОПРОСЫ.

Неужели весь міръ бездыханенъ и пустъ,
И уста не найдутъ отвѣчающихъ устъ?
Для кого эти звѣзды блистаютъ въ ночи,
Для кого зажигаютъ во мракѣ лучи?

И зачѣмъ такъ хороше ихъ живой хороводъ,
И зачѣмъ такъ глубоко голубой небосводъ?
Какъ извѣдать, волна говоритъ ли съ волной,
Или бьется безъ мысли въ прохладѣ почной?

И восторгъ ли горитъ въ облакахъ, на зарѣ,
Въ этихъ краскахъ нѣмыхъ, въ янтарѣ, въ серебрѣ?
Есть ли души безсмертныя въ нашихъ тѣлахъ?
Есть ли Богъ гдѣ-нибудь — далеко — въ небесахъ?

Такъ я горько мечталъ у подножья скалы,
Подъ покровомъ ночнымъ голубой полумглы.
И пока вопрошалъ, угасали лучи,
И шумѣла волна: «Замолчи! Замолчи!..»

II.

НѢТЬ ЛЮБВИ.

О, еслибъ знала ты, какъ мнѣ глубоко жаль,
Что, будучи любимъ, я пресыщенъ любовью.
Съ тобой — въ полночный часъ — прильнувши къ изголовью,
Я былъ душой одинъ, — со мной была печаль.

Поймешь ли ты меня, я ждалъ, искалъ обмана,
Я жаждалъ всей душой забыться сладкимъ сномъ.
Но нѣтъ любви въ любви, я убѣдился въ томъ,
Глаза бессонные прозрѣли слишкомъ рано.

Пойми мои слова, пойми, что это такъ:
Любовь — миражъ судьбы, дающій намъ мученье,
Она отъ лучшихъ чувствъ нѣмое отреченье,
Любовь — минутный другъ и долготѣтнй врагъ.

Молю, не мучь меня своимъ страданьемъ скрытымъ,
Забудь, и научись — не плакать, не любить.
О, вѣрь, отраднѣй быть обманутымъ, забытымъ,
Чѣмъ, не любя, любимымъ быть!

Ш.

ЗАТОНЪ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
Невнятный намекъ на призывъ колокольнаго звона
Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
Испуганнымъ взоромъ заметишь межъ ними себя.
И въ сердцѣ твоёмъ за страницю вспыхнетъ страниця,
Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не любя.

И будутъ расти ото дна до поверхности влаги
Узоры упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
И будутъ расти и мѣняться, — какъ призраки саги
Растутъ, измѣняясь въ значеньѣ и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и ранитъ,
Что тайною чарой исходитъ съ далекихъ планетъ,
Тебя въ сочетанья свои завлечетъ, и обманетъ,
И сердце забудетъ, что съ ними сляянна нѣтъ.

Ты руку невольно протянешь надъ соннымъ затономъ,
И вмгъ все безслѣдно исчезнетъ,— и только вдали,
Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

В. П. Лебедевъ.

ВЪ БОРЖОМЪ.

1.

НА ПОВЪЗДЪ.

Навстрѣчу мутныхъ волнъ, съ ихъ пѣной желтоватой,
Несется повъздъ нашъ по берегу Куры...
Порою зеленью обильной и богатой
Покрывается крутизна нависнувшей горы.

Порой на высотѣ,— въ знакъ мирнаго союза
Труда съ терпѣніемъ,— среди нагихъ громадъ
Стеблями пышными желтѣетъ кукуруза,
И сакли — всѣ въ садахъ, всѣ въ зелени — стоять...

Но повъздъ нашъ гремитъ, взбираясь тяжело въ гору;
Извилины пути, сгибаясь какъ змѣя,
Въ ущелья встрѣчныя то дастъ проникнуть взору,
То замыкаетъ вновь скалистые края.

Вотъ новый поворотъ... Гляжу въ окно вагона:
Уступъ лѣсистыхъ горъ прорѣзанъ какъ ножомъ...
Бѣлѣютъ стѣны дачъ въ кустахъ крутого склона...
Свистокъ... и поѣздъ сталь... и слышу я: «Боржомъ!»

2.

МИНЕРАЛЬНЫЙ ПАРКЪ.

Сило солнце, и аллея
Была свѣжа, была свѣтла;
Шумя и вѣною бѣлѣя,
Воржомка бурная текла.

Косыми, грозными стѣнами,
Въ отливахъ зелени густой,
Отвѣсы горные надъ нами
Плѣняли дерзкой красотой...

И между ними паркъ зеленый
Тянулся узкой полосой —
Весь освѣженный, окропленный
Еще невысохшей росой...

И съ неба — солнца лучъ продольный
Ложился мягче и нѣжнѣй
На листья чащи многоствольной,
На мохъ темнѣющихъ камней,

На струйки пѣнистой Боржомки
И тамъ — подъ зеленью густой —
На платьѣ дачной незнакомки,
Объятой утренней мечтой...

3.

ВОРОНЦОВСКІЙ ПАРКЪ.

Подъ густымъ навѣсомъ, подъ навѣсомъ хвойнымъ,
Намъ не видно солнца въ мягкой полумглѣ;
Сосны здѣсь и ели стали рядомъ стройнымъ—
Всѣ въ зеленыхъ иглахъ, въ золотой смолѣ.

Сверху долетаетъ клекоть хищной птицы...
Тамъ она — ты видишь? — прямо надъ тобой,
Гдѣ вершинъ сосѣднихъ рѣютъ вереницы,
Тонетъ черной точкой въ тверди голубой...

А внизу тропинка сквозь кустарникъ ломкій
Змѣйкой вьется въ пропасть и на дно бѣжитъ,
Гдѣ шумящей вѣчно, бѣшеной Боржомкой
Черный путь сквозь камни глубоко прорытъ.

Славно здѣсь! Не тянетъ къ шуму городскому,
Къ звонкому журчанью пѣнистой волны,
Къ полному тревоги, людному Боржому—
Со смолистой, теплой, мирной вышины!..

4.

У «РОТОНДЫ».

Льется, льется блескъ холодный
Электрическихъ огней;
У ротонды — все люднѣй:
Ни скамейки нѣтъ свободной!

Звонкѣй смѣхъ, шуточныйъ споръ,
Блескъ обдуманыхъ нарядовъ,
Перестрѣлка словъ и взглядовъ,
Тихій звонъ блестящихъ шпоръ...

Вотъ, красуясь въ яркомъ блескѣ
И картинно подбочась,
Черноусый ходитъ князь,
Словно вылитый въ черкескѣ...

Вотъ и юнкеръ, и студентъ,
Коммерсантъ надменно-гучный —
Все мелькаютъ въ смѣнѣ скучной,
Въ морѣ шляпокъ, въ морѣ лентъ...

Въ залѣ, ярко освѣщенной,
Шумныхъ танцевъ длится рядъ;
Жадно зрители слѣдятъ
За мазуркой оживленной...

И зачѣмъ-то свѣтъ луны —
Суетъ людской ненужный —
Красоту природы южной
Озаряетъ съ вышины..

5.

ЕВГЕНІЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

За круглой крышкою стеклянной
Кипитъ въ водѣ подземный газъ;
Игрою живой и постоянной
Онъ, какъ забава, тѣшитъ насъ...

И любо, любо въ полдень жгучій
Лѣнливо, въ сладкомъ забытьѣ,
На мигъ припасть къ его кипучей,
Къ его желѣзистой струѣ!

Тамъ, подъ землей, во мглѣ унылой
Нѣмой ли камень иль металлъ
Своей живительною силой
Источникъ свѣжій напиталь...

Пробился онъ въ пути далекомъ
Сквозь горный сумракъ и гранить —
И вотъ, кия, волшебнымъ токомъ
Насъ подкрѣпляетъ и живить!..

6.

Н О Ч Ь Ю.

Въ золотомъ сѣннѣ диска
Мѣсяць выглянулъ блестящій;
И безумолчно, близко
Все шумитъ Боржомъ неспящій...

И люблюсь я съ балкона,
И ловлю я быстрымъ взоромъ,
Какъ съ земли до небосклона
Огоньки бѣгутъ узоромъ...

Какъ, порою, мѣсяць полный,
Проходя урочнымъ кругомъ,
За хребтомъ горы безмолвной
Словно прячется съ испугомъ...

Хорошо! Привольно взору!
А на-завтра я покину
Этотъ мѣсяць, эту гору,
Эту чудную картину!..

Тифлисъ.
1898 г.

А. В. Кругловъ.

* * *

Поэзія, какъ жизнь, какъ свѣтъ —
Разлита всюду въ Божьемъ мірѣ,
И вѣщій жрецъ ея — поэтъ
Слагаетъ гимны ей на лирѣ.

Поэтъ покоренъ небесамъ;
Онъ — силы творческой избранникъ —
Проходитъ путь, какъ чуткій странникъ,
Внимая горнимъ голосамъ.

Храня въ душѣ своей безнечность,
Съ недостигаемыхъ высотъ
Онъ проникаетъ взоромъ въ вѣчность
И къ вѣчной правдѣ всѣхъ зоветъ.

Онъ имъ — пекущимся о хлѣбѣ,
Погрязшимъ думой въ суетѣ,
Забывшимъ на землѣ о небѣ —
Поетъ о вѣчной красотѣ.

И сладкозвучныхъ струнъ на лирѣ
Ея врагамъ не оборвать:
Поэзія разлита въ мірѣ —
Какъ свѣтъ, какъ Божья благодать.

П. Ф. Порфирьевъ.

СКАЗКА.

Несчастный юноша (а, можетъ, и счастливый)
Жилъ вѣкогда на свѣтѣ. Какъ подкидышь,
Онъ средь людей былъ одинокъ, что персть.
Морозной ночью старенькій прохожій
Къ себѣ домой неспѣшно пробирался
И, заглядѣвши черезчуръ на звѣзды,
Споткнулся вдругъ о нашего героя,
Который, лежа въ тряпкахъ, горько плакалъ,
О чемъ — Богъ вѣсть! Быть можетъ, и о томъ,
Зачѣмъ на свѣтѣ холодный онъ родился,
Покинувши небесныя селенья.
Вѣдь, говорятъ, что дѣти, до рожденья,
Средь ангеловъ на небѣ обитають.
Услышавъ плачь, старикъ остановился:
Онъ взялъ дитя, въ шинель свою укуталъ;
Отдавъ извозчику послѣдніе гроши,
Домой привезъ чудесную находку.

Охъ, старина, неладное затѣялъ!
Съ ума ты спятилъ, видно, старина?—

Берешь на шею экую обузу —
 Вѣдь, посмотри, на что ты самъ похожъ-то?
 Что у тебя? И что твоя каморка
 Съ кривымъ окномъ въ проулочекъ заглохшій?
 Твое имѣнье — старый сюртучашко
 Да пара брюкъ, заштопанныхъ искусно
 На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ носятъ скорѣе.
 Есть добряки: они возьмутъ мальчѣнка
 И вырастятъ, пригрѣютъ сиротинку...
 Охъ, старина, неладное затѣялъ!

Не слушаетъ сосѣдей старина.
 Не спать ночей, все пѣствуетъ малютку.
 На солнышко выносить къ воротамъ
 И пѣсенки поетъ ему, какъ нянька,
 Про гуленьку, про кашку да сороку.
 А солнышко горячее ласкаетъ
 И сѣдины — и личико ребенка.

Но дни бѣгутъ, цѣпляются въ недѣли,
 Недѣли — въ мѣсяць, въ годы — мѣсяца.
 Подвидышь выросъ, — время за учење.
 И что за мальчикъ, добрый, да смышленный:
 Вѣдь, каждое-то слово стариково
 Ему на-вѣки впечатлѣлось въ сердце.
 Да вотъ бѣда: старикъ рехнулся, что-ли, —
 Онъ научилъ — мечтатель безразсудный —
 Онъ научилъ дитя нелѣпымъ сказкамъ,
 Заставилъ вѣрить страннымъ предрассудкамъ,
 Что, будто бы, всѣ люди — наши братья,
 Что будетъ день — и въ бѣлыя одежды
 Всѣ, точно ангелы на небѣ, облукутся,
 И вотъ пойдутъ по городамъ и весямъ,
 И запоютъ, лобзаяся: «Осанна!»
 И будетъ царствіе Господне на землѣ.

Несчастнѣйшій мальчикъ розсказнямъ повѣрилъ.
 Старикъ скончался. Годы протекли.

И юношу настигъ жестокий опытъ.
Бѣднякъ узналъ, что въ жизни братства нѣтъ,
Что жизнь — борьба и дикая борьба,
Гдѣ сильный бьетъ и давитъ ослабѣвшихъ;
Что жизнь родитъ рабовъ или владыкъ.
Владыка — тотъ, кто золотомъ владѣетъ,
По стогнамъ града мчится въ колесницѣ.
А рабъ бредетъ въ лохмотьяхъ, запыленный...
Да, золото — стѣна въ долинѣ жизни,
Что дѣлитъ мѣръ на сильныхъ и рабовъ.
О, золото — великій богъ житейскій,
Великій богъ, и нѣтъ другого бога!
Оно сгибаетъ брата передъ братомъ
Сильнѣй, чѣмъ вихрь, измѣвъ морское лоно,
Гнететъ къ водѣ прибережный камышъ.
Оно — источникъ войнъ кровопролитныхъ,
Горючихъ слезъ, и зависти, и злобы,
Отцеубійствъ и всякаго грѣха.

И вотъ не вынесъ жестокой правды жизни
Подкидышъ нашъ, воспитанный на сказкахъ.
Безсонныя, тяжелыя сомнѣнья
Сомкнулися надъ нимъ злобѣщей тучей,
Заволокли лазурь его души.
И свѣтъ померкъ, и — помутился разумъ.
Слоялъ сентябрь. Румянился закатъ.
И золотая осень, какъ богиня,
Роняла листья на песокъ аллей.
Среди аллей, пронизанныхъ закатомъ,
Лежали горы листьевъ золотыхъ —
Точь въ точь какъ груды блестящихъ червонцевъ.
И падали, все падали червонцы,
И падали червонцы, — и все выше
Росла гора всемогнатоу металла...
И — съ дикимъ крикомъ бросился безумный
На груды листьевъ... Смѣхъ, блаженный смѣхъ
Загрохоталъ въ аллеяхъ золотистыхъ —
И эхо смѣхъ безумный подхватило.

А листья желтые свѣвались и мелькали,
 И тихо падали, какъ слезы, надъ безумцемъ.
 А онъ глядитъ: вездѣ предъ нимъ червонцы.
 Не сосчитать... О, какъ же онъ отнынѣ
 Безумно счастливъ... Боже! Всѣхъ рабовъ,
 Всѣхъ бѣдниковъ онъ златомъ уравниетъ,
 И будетъ правъ его отецъ умершій:
 На свѣтѣ будутъ только люди — братья...
 И, ницъ припавъ на звонкіе червонцы,
 Лепечетъ онъ въ восторгѣ: «Братья... братья...»

Его нашли и привезли въ больницу.
 Онъ улыбался, радостный и кроткій.
 Въ его рукахъ зажаты были листья.
 Онъ сумасшедшимъ, мрачнымъ, какъ видѣнья,
 Въ халатахъ сѣрыхъ, съ тусклыми глазами,
 Дарилъ листву — червонцы золотые.
 Его остригли, въ клѣтку посадили,
 Ему надѣли бѣлую рубашку.
 И долго здѣсь онъ жилъ и все, безумный,
 Все ожидалъ великаго событія.

И вотъ однажды, на зарѣ, изъ кельи,
 Гдѣ онъ томился, — пѣнье раздалось —
 Могучее и радостное пѣнье!
 Тогда къ нему вошли и увидали:
 Передъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой,
 Остриженный, съ горящими глазами,
 Онъ громко пѣлъ, склонившись на колѣни,
 И рукава горячечной рубашки
 Передъ собой къ окошку простиралъ,
 Какъ будто видѣлъ дивное видѣнье.
 А что онъ видѣлъ — было такъ чудесно.

Сіяло солнце, — радостное солнце
 Преображенный городъ озаряло.
 По улицамъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
 Въ вѣнкахъ изъ мирта, двигались люди.

Въ рукахъ у нихъ, какъ кроткій символъ братства,
Вздыхались къ небу пальмовыя вѣтви.
И, словно вздохъ изъ просвѣтленной груди,
Кругомъ несло побѣдное «Осанна».
И средь толпы, всѣхъ выше головою,
Съ небеснымъ взоромъ, въ ризѣ звѣздотканной,
Какъ пастырь добрый посреди овецъ,
Воздѣвъ надъ ними благостныя руки,
Шель Нѣкто.— «Радуйтесь!»— Онъ говорилъ народу.
Сѣдые старцы, женщины и дѣти,
Тѣснясь къ Нему,— «Осанна!»— восклицали.
И—городъ весь, всѣ зданья, колокольни,
И дальній лѣсъ, и каждая былинка,
И голуби, и ласточки съ карнизовъ,
И кладбища ожившіе кресты,
Бездушный камень, солнце золотое,—
Все клиромъ мощнымъ вторило: «Осанна!»

И онъ поетъ, колѣнопреклоненный,
Ликующій, въ горячечной рубашкѣ.
Съ блаженныхъ глазъ текутъ ручьями слезы.
Онъ тянется и тянется все дальше
Туда, гдѣ Пастырь руки воздѣваетъ...
И—радостью такой неизреченной,
И радостью такою невмѣстимой
Наполнилось, и задрожало сердце,
Что, не вмѣстивши счастья, разорвалось.
И онъ упалъ, и— умеръ.

Л. Н. Афанасьевъ.

I.

БАГРЯНЫЙ КЛЕНЪ.

«Тушите, я въ пламени весь, я горю!» —
Кленъ стонетъ, одѣтый багряной листвою,
Встрѣчая сентябрьскаго утра зарю,
Блеснувшую въ небѣ лучистой игрою.

«Тушите!... Всѣ листья пылаютъ на мнѣ! —
Залейте скорѣй огненосное пламя!..»
А солнце встаетъ въ голубой вышинѣ
И бѣлый туманъ подымаетъ, какъ знамя.

По лѣсу проносятся шорохъ и хрусть:
То вѣтки надломанной слышно паденье,
То листь осыпаетъ поблекнувшій кустъ,
То бѣлки пугливой по сучьямъ движенье.

Холодное солнце смѣняетъ зарю,
Чуждаясь тепла, какъ скупецъ — безкорыстья,
А кленъ все лепечетъ: «Спасите, горю!»
И сыплеть, какъ пламя, багряные листья...

II.

Запуганнымъ звѣрькомъ казалась ты всегда
Въ кругу родной семьи, веселой постоянно,
И радости живой лучистаго слѣда
На личикѣ твоёмъ не видѣть было странно.

Но дѣтскіе года поспѣшно протекли
И птичкой изъ гнѣзда ты выпорхнула скоро...
Въ груди пылала страсть, волненья сердце жгли,
А счастье не пришло, не прояснило взора.

И, чуждая для всѣхъ, ты скоро умерла,
Ища не на землѣ забвенья и пріюта...
Спокоенъ мраморъ былъ холоднаго чела,
Но блѣдный, кроткій ликъ улыбку слалъ кому-то...

Кн. В. В. Барятинскій.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ А. С. ПУШКИНА

(въ переводѣ на французскій языкъ).

1.

LE PRISONNIER

(«Узникъ»).

Derrière la grille en mon humide prison
Je regarde un jeune aigle, et ce seul compagnon
De triste solitude, en battant de son aile,
Déchire sa proie et du bec l'écartèle,
La dévore et la jette, et regarde vers moi.
Il paraît me comprendre et sentir mon émoi:
Il m'appelle des yeux, de son cri lamentable,
Comme s'il voulait dire: «allons! frère implacable!
«Libres oiseaux tous deux, il nous faudrait partir
«Là-bas, où l'on voit les cimes des monts blanchir,
«Là-bas, où l'océan agite sa surface,
«Là-bas, où seuls le vent et moi fendons l'espace!»

2.

L'ANGE.

(«Ангель»).

Aux portes de l'Eden un Ange
Le front incliné se tenait;
Le Démon, ce rebel étrange,
Audessus de l'enfer planait.
L'esprit du mal, l'esprit du doute
Fixait sur l'ange son regard:
Il regrettait la chaste route
Du paradis, hélas! trop tard...
Il dit: «pardonne! ton image
«N'éblouit pas mes yeux en vain!
«Je n'ai pas tout sur mon passage
«Couvert de haine et de dédain...»

3.

LES TROIS SOURCES

(«Три ключа»).

Dans le désert humain, où rien ne nous console,
Trois sources ont jailli mystérieusement:
L'une est le frais ruisseau de la jeunesse folle,
Qui court rapide et vif en son égarement;
La seconde source est la source salutaire,
Qui nous donne le rêve et qui nous l'embellit;
Mais la source où le mieux le cœur se desaltère —
C'est la source glacée où nous puisons l'oubli!

4.

A UN POÈTE, sonnet

(«Поэту», сонетъ).

Ne cherche pas l'amour des foules, ô Poète!
De leurs ovations se calmera le bruit!
Un sot te jugera et tu seras réduit
A rester seul muet gardant ta foi secrète.

Tu es un roi! vis seul! que rien ne t'inquiète!
Vas où ton libre esprit t'entraîne et te conduit,
Laisse mûrir encor de tes rêves le fruit
N'attends aucun hommage à ton oeuvre discrète.

Ta récompense est grande: elle git dans ton coeur,
Tu es ton propre juge; estime ta labeur...
En es tu content? la crois tu digne de blâme?

Si tu es satisfait — laisse le genre humain
Cracher sur ton autel où brûle cette flamme
Et secouer, enfant! ton trépied de sa main...

5.

E L E G I E

(Элегія).

Des jours passés la joie, hélas! défaite
M'est lourde comme un lendemain de fête.
Mais comme un vin — le chagrin d'autrefois —
Plus il est vieux, plus il pèse sur moi.
Triste chemin, où l'avenir réserve
Rien que du fiel et du travail sans verve!
Mais néanmoins je ne veux pas mourir!
Vivre — je veux pour rêver et souffrir:
Je sais parmi mes heures de tristesse
J'aurai peut être un instant d'allégresse,
Et me grisant aux sons de l'harmonie
Je pleurerai devant la fantaisie,
Peut être même à mon triste déclin
L'amour viendra briller sur mon chemin!

6.

UN FRAGMENT D'«ANDRE CHENIER»

(Отрывокъ изъ «Андре Шенье»).

Salut à toi, astre divin, superbe!
Salut à toi que j'adorai!
Flambeau sublime, étincellante gerbe,
Tu éclairas le beau, le vrai!
J'ai salué ta foudre et ton tonnerre,
Lorsque grondant sur un ciel noir
Il éclata pour renverser sur terre
Le joug honteux, l'ancien pouvoir.
De tes enfants j'ai vu le grand courage,
J'ai entendu leur beau serment;
De ton histoire, heureux, j'ai lu la page...
Je t'adorai comme un amant.
J'ai vu comme un torrent irrésistible
A tout brisé sur son chemin,
Comme un tribun d'un mot ardent, terrible
Nous a prédit le lendemain.
Le trône ancien se recouvrait de gloire
Bravant tout préjugé ancien,
Le peuple heureux se remettait à croire
A la justice, aux lois, au bien.
Affreuse erreur! Erreur irréparable!
Fraternité, égalité—

Châteaux de rêve élevés sur du sable!
On t'a vendue, ô liberté!
Ayant banni le roi, la souveraine,
C'est le bourreau, c'est l'assassin
Qui vers la mort en nous narguant nous mène
Voilant un ténébreux dessein.
Honte et malheur!.. Mais toi, déesse pure!
Toi, liberté! je te bénis!
Car tu n'es pas coupable de l'injure
Du meurtre infâme et du mépris!
Tu nous cachas ta noble et douce face,
Couverte d'un voile de sang...
Mais tu viendras reprendre encor ta place,
Nous reverrons ton regard franc.
Le peuple, ayant goûté de ton breuvage,
Veut s'en désaltérer encor
Tu montreras ton calme et beau visage
Dans un riant et pur décor.
L'égalité que nous croyons un rêve
Cessera de l'être un beau jour;
La guerre éteinte, une éternelle trêve
Rapportera la paix, l'amour...

7.

UN FRAGMENT D'«EUGÈNE ONEGUINE».

(Отрывокъ изъ «Евгенія Онегина»).

... Elle dit d'une douce voix:
«Assez. Relevez-vous. Je dois
«Vous dire tout avec franchise.
«Souvenez vous du temps lointain,
«De notre rencontre au jardin,
«De la leçon fort bien comprise,
«Que vous donniez à mon amour...
«Mais maintenant — à moi le tour.

«Onéguine, autrefois plus belle
«Et, certes, plus jeune j'étais!
«Étais-je à votre amour rebelle?
«Quelle réponse m'attendait,
«Et qu'ai-je trouvé dans votre âme?
«De la froideur! Ma douce flamme
«Ne disait rien à votre coeur.
«Même aujourd'hui je sens la peur
«Glacer mon sang!.. Je me rappelle
«De ce regard dur et hautain,
«De ce sermon si grave... Enfin!
«Votre action me parut belle...
«Peut être étiez vous dans le vrai:

« Vous accuser je ne saurais.
« Alors, si loin de toute chose,
« Je vous avais déplu là-bas;
« Mais maintenant pour quelle cause
« Me poursuivez vous pas à pas,
« Partout, toujours, chaque seconde?
« Est ce parceque dans le monde
« On me reçoit et que je suis
« Honorée et riche aujourd'hui?
« Que mon mari pour sa blessure,
« Gagnée à un combat un jour
« Est estimé même à la Cour?
« Ou parceque ma flétrissure
« Vous donnerait le grand honneur
« D'être nommé mon séducteur?

« Je pleure et si votre mémoire
« Chérit encor Votre Tagna,
« Sachez — et vous devez me croire —
« A votre amour qui m'indigna,
« A vos serments et à vos larmes,
« Je préfère les cruels charmes
« De vos discours moqueurs et froids;
« Car pour mes rêves d'autrefois
« Vous aviez trouvé dans votre âme
« Alors au moins de la pitié...
« Mais quoi maintenant à mes pieds
« Vous fait tomber! Ah, c'est infâme!
« Comment un sentiment si vil
« Peut naitre dans un coeur subtil! »

« Pour moi, Eugène, ma richesse,
« Ma vie avec son faux éclat,
« Le monde avec sa petitesse —
« Ah! que m'importe tout cela!
« J'aurais donné même avec joie
« Tous ces haillons, brodés de soie
« Cette fumée et ce bruit vain —

«Pour mes livres, mon vieux jardin,
«Pour notre modeste demeure,
«Où pour la première fois
«Je me grisai de votre voix,
«Et pour la tombe, où à cette heure
«Dort à l'ombre d'un arbrisseau
«Celle qui me vit au berceau.

«Et le bonheur était si proche
«Et si possible! mais mon sort
«S'est décidé! Je me reproche
«De l'avoir fait... peut être à tort!
«Ma mère en pleurs priait sa fille...
«J'ai consenti pour ma famille,
«Car tout m'était indifférent.
«Je suis mariée et je prends
«Votre parole... je supplie
«De me laisser, car votre coeur
«Est celui d'un homme d'honneur.
«Ah! laissez moi! je me défie...
«Je vous aime... mais mon amour
«Est à un autre pour toujours».

В. С. Лихачевъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛѢДНИКЪ.

Первое дѣйствіе комедіи РЕНАРА.

(1708).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жеронтъ.

Эрастъ — его племянникъ.

Г-жа Аргантъ.

Изабелла — ея дочь.

Лизетта — служанка Жеронта.

Криспень — слуга Эраста.

Слуга Жеронта.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, у Жеронта.

СЦЕНА I.

Лизетта, Криспень.

ЛИЗЕТТА.

А, это ты, Криспень!

КРИСПЕНЬ.

Я самъ. Здорово, крошка!

Мой господинъ прислалъ меня узнать,

Какъ дядюшка его изволилъ поживать:
Обезпокоенъ онъ немножко.

ЛИЗЕТТА.

Спаль плохо.

КРИСПЕНЪ.

Вѣднй старичокъ!
Хоть и привязанъ къ жизни страстно,
Но за нее цѣпляется напрасно:
Послѣднй часъ ужъ недалекъ;
И, если одолѣть болѣзнь его не сможетъ,
Такъ врачъ навѣрно въ гробъ уложитъ.
И объ одномъ лишь хлопочу:
Чтобъ господинъ Эрастъ былъ первымъ въ завѣщаньѣ;
Тогда за твоего хрыча на отпѣваньѣ,
Ужъ такъ и быть, поставлю я свѣчу.

ЛИЗЕТТА.

Сегодня я ему, какъ приказалъ аптекаръ,
Поставила клистиръ: вдругъ въ летаргію впалъ!
Я — снова: хоть бы что! совѣмъ, какъ мертвый, сталъ.
Ну, думаю, на что тебѣ и лѣкаръ!

КРИСПЕНЪ.

Такъ ты сама съ нимъ возишься?

ЛИЗЕТТА.

Сама.

Ужъ онъ привыкъ ко мнѣ. Чтò-жъ, это не бездѣлка;
И, хоть большого здѣсь не надобно ума,
По совѣсти скажу: привѣрная сидѣлка!

КРИСПЕНЪ.

Ахъ, чортъ возьми! какой талантъ, поди-жъ!
Онъ, вѣрно, хорошо тебѣ за это платитъ?
И на мою, пожалуй, долю хватить?

ЛИЗЕТТА.

Да, да! отлично платить! Шинь!
 Но я себя другимъ вознаграждаю:
 Что на языкъ взбредеть, то и болтаю.
 Пять лѣтъ служу — не видѣла гроша!
 Ужъ подлинно, сквалыжная душа.
 Что день, то новая затѣя —
 Хоть плачь!

Аптекарь пользуется... а почему не врачъ?
 Да потому — рѣшила такъ въ умѣ я, —
 Что больно малъ ужъ ростомъ тотъ:
 Ну, меньше стало-быть и денежекъ возьметъ.

КРИСПЕНЪ.

Коротокъ самъ — длинно лѣченье.

ЛИЗЕТТА.

Мое, однако, не уйдетъ!
 Еще осталось утѣшенье,
 Что въ завѣщаніи онъ вспомнить про меня:
 За то и угождать ему стараюсь я.

КРИСПЕНЪ.

А завѣщаніе готовится?

ЛИЗЕТТА.

Да, вскорѣ
 Судьба упрочится моя.

КРИСПЕНЪ.

Эхъ, если бы... Какъ знать!

ЛИЗЕТТА.

Тебѣ-то что за горе?
 Постой, постой! и ты, никакъ,
 Въ наслѣдники задумалъ примоститься?
 Ты, вижу, не дуракъ;

Но только ужъ тебѣ не поживиться!
Тутъ цѣлая орава впереди:
Невѣстокъ да зятьевъ, сестрицъ да братцевъ всякихъ,
Племянниковъ, племянницъ — какъ собакъ ихъ,
Хоть прудъ пруди!
Недавно я сочла: сто семь мужчинъ съ одной
Отцовской стороны! а женщинъ-то, сочти-ка!

КРИСПЕНЬ.

Положимъ, такъ; но баринъ мой
Не въ счетъ: онъ сынъ сестры родной.
По правдѣ говоря, и я вѣдь, горемыка,
Сродни немножко...

ЛИЗЕТТА.

Ты? Вона!

КРИСПЕНЬ.

Моя-то первая жена
Была бретонка,
Пригожая и шустрая бабенка —
За ней смотри! — а господинъ Эрасть
На шалости любовныя гораздъ
И ихъ обдѣлываетъ тонко...
Такъ, если этакъ разсудить,
Я, словно бы, и не чужого рода.

ЛИЗЕТТА.

Что говорить!

Племянничекъ бретонскаго прихода.

КРИСПЕНЬ.

Но — шутки въ сторону! — пока
Нѣтъ завѣщанья старика,
Нѣтъ и наслѣдства —
И, значить, баринъ мой остатокъ дней своихъ
Дотягивай на собственные средства:
А гдѣ они? — во-первыхъ. Во-вторыхъ,

Въ свою красотку Изабеллу
 Хоть онъ и пламенно влюбленъ,
 Но у старухи вѣдь одна любовь не къ дѣлу:
 Не обойдетъ ее безъ денегъ онъ!
 И, въ-третьихъ, наконецъ,— всего важнѣе это,—
 Мнѣ господинъ Эрасть ужъ обѣщаль,
 Что только-бъ дядюшка ему все завѣщаль:
 Тогда, Лизетта,
 Онъ триста ливровъ намъ даетъ —
 Не сразу, нѣтъ,— а каждый годъ!
 Надѣюсь, этого довольно,
 Чтобы, вступивъ въ законный бракъ,
 Зажить намъ сытно и привольно?

Итакъ:

Вышереченное принявши во вниманье
 И на грядущее питая упованье,
 Должны мы приложить совмѣстное старанье,
 Дабы явилось въ свѣтъ такое завѣщанье,
 По коему бы все Жеронта состоянье
 Племяннику его досталось въ обладанье
 И обезпечило, какъ должное даянье,
 Сего послѣдняго навѣкъ существованье!

ЛИЗЕТТА.

Однако, ты изрядный краснобай!
 Послушаешь — точь въ точь казенная бумага,
 Иль стряпчий на судѣ, проныра и сутяга.

КРИСПЕНЪ.

А ты не знала? Ну, такъ знай,
 Что я и въ школѣ отличался
 И, послѣ, кой-какихъ познаній нахватался —
 У прокурора клеркомъ былъ:
 Плѣнился я его женою
 И, при дверяхъ закрытыхъ, съ ней — не скрою —
 Не мало дѣлъ запутанныхъ рѣшилъ.

ЛИЗЕТТА.

Мѣстечко теплое! И ты его оставилъ?

КРИСПЕНЪ.

Супругъ меня ревнивый доконалъ:
Всѣ прокуроры вѣдь ужасно строгихъ правилъ!
Изъ-за жены онъ мнѣ проходу не давалъ;
Два года я сносилъ его гоненье,
Но подъ конецъ не выдержалъ — сказалъ:
Мое почтенье!

СЦЕНА II.

Лизетта, Криспенъ, Эрастъ.

КРИСПЕНЪ.

А, вотъ пожаловалъ сюда и баринъ мой.

ЭРАСТЪ.

Ну, что, Лизетта? Успокой
Мое печальное волненье:
Что дядя? говори!

ЛИЗЕТТА.

Ахъ, сударь! эту ночь,
Я думала, ему не перемочь:
Конца ждала я каждое мгновенье.
Вы не узнаете его — живой мертвецъ!
По мнѣ, ему не нужно и лѣченье —
На этомъ свѣтѣ онъ, повѣрьте, не жилецъ.

ЭРАСТЪ.

Да правда ли?!

ЛИЗЕТТА.

Я это вижу ясно.

ЭРАСТЪ.

Какія-бъ я надежды ни питалъ,
 Хоть можетъ-статься и напрасно,—
 Но смерти бы его не пожелалъ:
 Такъ жалко старика!

КРИСПЕНЪ.

Со мною было то же,
 Когда моя жена для жизни неземной
 Покинуть собралась супружеское ложе:
 Отъ радости едва я могъ владѣть собой —
 Ахъ, многіе мужья поймутъ меня, навѣрно! —
 Но, рядомъ съ этимъ, и грустилъ
 И слезы лилъ
 Отъ всей души, нелицемерно.
 Любовь... надежда... скорбь... извольте совмѣстить!
 Самъ чувствуешь, а трудно объяснить.
 Въ одномъ лишь поручусь — что я и носъ повѣсилъ
 И, въ то же время, былъ неудержимо веселъ.

ЭРАСТЪ.

Я искренно къ нему расположенъ,
 Къ нему во всѣхъ поступкахъ примѣняюсь
 И, что-бъ ни говорилъ, ни дѣлалъ онъ,
 Правъ или нѣтъ,— во всемъ съ нимъ соглашаюсь.

ЛИЗЕТТА.

Онъ мнѣ велѣлъ — недобрый знакъ! —
 Позвать сейчасъ же двухъ нотаріусовъ...

ЭРАСТЪ.

Какъ?

И двухъ еще? О, бѣдный, бѣдный дядя!

ЛИЗЕТТА.

Да, двухъ. Должно быть крѣпче такъ.

ЭРАСТЪ.

Лизетта! на тебя, какъ на родную, глядя,
Хотѣлъ бы я узнать: возможно-ль мнѣ
Надѣяться на что-нибудь?

ЛИЗЕТТА.

Вполнѣ!

Всѣ эти дни — келейно, подъ запоромъ,
Чтобъ услышать я не могла, —
Онъ съ госпожой Аргантъ былъ занятъ разговоромъ.
Какія тамъ у нихъ дѣла —
Не знаю въ точности: про завѣщанье что-то,
Про свадебный контрактъ, про вашъ предметъ;
Но для меня сомнѣнья нѣтъ,
Что у него одна теперь забота:
Все состояніе за вами закрѣпить
И на возлюбленной при жизни васъ женить.

ЭРАСТЪ.

Ахъ, милая! твоими бы устами...
Повѣрь, что не корысть мою волнуешь кровь,
А нѣчто высшее, всевластное надъ нами:
Любовь! безумная любовь!
Я твердо знаю, безъ наслѣдства
Мнѣ Изабеллы не видать:
Какой же путь избрать? какое средство?
Какихъ кому обѣтовъ надавать?

ЛИЗЕТТА.

Вамъ предстоитъ двойная благодать:
И для корысти тутъ и для любви довольно.
Возможно-ль допустить, чтобъ кладъ такой
Другимъ достался на разбой!
Да мнѣ бы вчужѣ было больно
Смотрѣть, какъ сотня дураковъ,
Невѣждъ, бахваловъ, мужиковъ
Добро завѣтное растаскивать бы стала.

Когда все счастье ваше въ немъ,
 Когда... извѣстно вамъ... и мы съ Криспеномъ ждемъ:
 Ужъ хоть бы малая толика перепала...

ЭРАСТЪ.

Не безпокойся! я сказалъ,
 А слову своему я въ жизнь не измѣнялъ.

ЛИЗЕТТА.

Ужъ если дядюшка напишетъ завѣщанье,
 Какое нужно вамъ,— по совѣсти скажу:

Тутъ и мое приложено старанье.

Съ утра до ночи я твержу,
 Что не найти ему племянника другого
 Нѣжнѣе, ласковѣй, почтительнѣе васъ;

И я готова

Хоть клятву, сударь, дать сейчасъ,
 Что говорю я такъ безъ всякаго расчета:
 Гдѣ правда налицо — кому же лгать охота!

КРИСПЕНЪ.

Вотъ, кто сумѣлъ васъ оцѣнить!
 Сумѣете ли вы за это отплатить?
 Мы скоро заживемъ въ супружествѣ съ Лизеттой:
 Неправда ли, кусочекъ недурной?

Но только, ой,

Вы поступить не вздумайте и съ этой,
 Какъ съ той!

ЛИЗЕТТА.

Идетъ! Теперь держитесь строго.
 Мнѣ некогда, Криспень, а ты болтай ужъ много:
 Бѣги къ крючкамъ ты этимъ — передай,
 Что здѣсь ихъ ждутъ для совѣщанья.
 Одинъ изъ нихъ — Простакъ, другой — Добрякъ... Ступай!

КРИСПЕНЪ.

Вотъ для нотаріусовъ странныя прозванья!

СЦЕНА III.

Лизетта, Эрасть, Жеронть, слуга.

ЖЕРОНТЬ.

А, здравствуй, милый другъ.

ЭРАСТЬ.

О, дядя! вы бодрѣ
Сегодня, чѣмъ вчера: я просто восхищенъ...

[Слуга подаетъ стуль].

Нѣтъ, это — вонъ!

Дай кресло: дядѣ въ немъ и мягче и теплѣ.
[Слуга убираетъ стуль, подаетъ кресло и уходитъ].

СЦЕНА IV.

Лизетта, Эрасть, Жеронть.

ЖЕРОНТЬ.

Ну, эта ночь дала себя мнѣ знать!
Сейчасъ такой я выдержалъ припадокъ,
Что думалъ — ужъ конецъ.

ЭРАСТЬ.

Но лучше вамъ оиять!
Повѣрьте, все придетъ въ порядокъ.
Лѣчиться надо вамъ да силы укрѣплять —
Все ѣсть и пить, чего желудокъ просить
И что легко онъ переносить:
Бульонъ, вино...

ЖЕРОНТЬ.

Прекрасно это все, да денегъ стоитъ много;
А такъ какъ мнѣ одна — на кладбище — дорога,
Такъ для чего-жъ бросать ихъ за окно!
Ужъ отъ клистириковъ не жди, братъ, снисхожденья:

Зазнались такъ,
 Что грабятъ насъ безъ всякаго стѣсненья;
 И, право, умереть внезапно, безъ лѣченья —
 Одно изъ высшихъ въ мірѣ благъ.

ЭРАСТЪ.

Кто говоритъ — корыстное сословье.
 А все-таки лѣчитесь! Васъ любя,
 Расходы всѣ беру я на себя.
 Что въ жизни главное? здоровье!
 Такъ ужь его ли не беречь!
 Вотъ мы и примемся, что слѣдуетъ подправимъ.
 И, хоть помучимъ васъ (кто боленъ — не перечь!),
 Но живо на ноги поставимъ.

ЖЕРОНТЬ.

Мой другъ! игра не стоить свѣчъ:
 Въ концѣ испорчена машина;
 И, вотъ,
 Въ чемъ заключается причина
 Моихъ теперешнихъ заботъ. [Лизеттѣ].
 Придутъ нотаріусы?

ЛИЗЕТТА.

Да.

ЖЕРОНТЬ [Эрасту].

Я не желаю
 Таяться отъ тебя въ намѣреньяхъ своихъ:
 Мы не чужіе вѣдь...

ЭРАСТЪ.

О НИХЪ

Я кое-что подозреваю.

ЖЕРОНТЬ.

Есть у меня,
Какъ и у всѣхъ, побочная родня...

ЭРАСТЪ.

И преогромная! я знаю.

ЖЕРОНТЬ.

На состояніе мое,
Заранѣе облизывая губы,
Весь этотъ сбродъ — мужчины и бабѣ —
Давнымъ-давно ужъ точать зубы...

ЭРАСТЪ.

Меня, пожалуйста, не причисляйте къ нимъ!

ЖЕРОНТЬ.

Кому ты говоришь!

ЭРАСТЪ.

Я заявляю смѣло:
Пусть все достанется другимъ —
Лишь ваше бы здоровье уцѣлѣло.

ЖЕРОНТЬ.

Не сомнѣваюсь я.—Такъ, видишь ли, въ чемъ дѣло:
Хотѣлъ бы я, на зло завистливой роднѣ,
Чтобъ эту шайку одурачить,—
Кого-нибудь, кто былъ бы преданъ мнѣ,
Единственнымъ своимъ наследникомъ назначить...

ЭРАСТЪ.

На это властны вы вполне.

ЛИЗЕТТА.

Нѣтъ, слушайте, что можетъ быть забавнѣй,
Какъ послѣ смерти богача

Со всѣхъ сторонъ слетится саранча,
 Духовную прочтутъ — и ни гроша въ ней!
 Носы навывтяжку... не вѣрятъ сгоряча...
 Чтобъ только поглядѣть на это,
 Нарочно-бъ, кажется, пришла съ того я свѣта.

ЖЕРОНТЬ.

Хоть я со многими болѣзнями борюсь
 (Что дѣлать! старъ ужъ становлюсь) —
 Здѣсь колетъ, тамъ зудитъ, здѣсь жжетъ, тамъ тянетъ жилы,
 Не въ моготу сидѣть, не въ моготу ходить, —
 Но, все-жъ, во мнѣ гораздо больше силы,
 Чѣмъ можно по моей наружности судить.

ЛИЗЕТТА.

А что-жъ! вы правы:
 Въ тотъ день особенно, когда вы
 Пообрѣтесъ, на видъ вы не больнѣй меня.

ЖЕРОНТЬ.

Не шутишь ты?

ЛИЗЕТТА.

Вы очень моложавы.
 Глаза хоть ваши взять: какъ много въ нихъ огня!

ЖЕРОНТЬ.

Я эту дѣвушку всегда цѣнилъ выско...
 Но, все-жъ, пора подумать мнѣ о томъ,
 Что и до смерти недалеко...
 Ты съ госпожой Аргантъ вѣдь, кажется, знакомъ?

ЭРАСТЪ.

О, да! Средь нашихъ дамъ почтеннѣе особы
 Я не встрѣчалъ.

ЖЕРОНТЬ.

А дочку знаешь, а?

ЭРАСТЪ.

Еще бы!

Вотъ существо! Такъ дивно хороша
И такъ скромна притомъ!

ЖЕРОНТЬ.

А сердце! а душа!

Все, что искать въ подруги жизни надо,
Соединилось въ ней одной:
Согласенъ ты?

ЭРАСТЪ.

Назвать ее женой...

Да это высшая отрада!

ЖЕРОНТЬ.

Такъ я жепюсь на ней.

ЭРАСТЪ.

Вы, дядя?!

ЖЕРОНТЬ.

Да, я самъ.

ЭРАСТЪ.

Я восхищенъ... Нельзя не восхищаться...

ЛИЗЕТТА.

О, Господи спаси! Какъ? повторите намъ:
Съ какой несчастной вы хотите обвиняться?

ЖЕРОНТЬ.

Съ дѣвицею Аргантъ, сегодня же, — и ей
Все состояніе по смерти завѣщаю.

ЭРАСТЪ.

Придумайте-ка что-нибудь умнѣй!
Я отъ души васъ, дядя, поздравляю...

Ахъ, какъ хотѣлось бы и мнѣ богатымъ быть,
Чтобъ точно также поступить!

ЛИЗЕТТА.

Я просто голову теряю...
Какой же вы женихъ? Вы дряхлый, хворый дѣдь!
Таскаете вы ноги черезъ силу!
На васъ живого мѣста нѣтъ!
Иль прямо отъ вѣнца хотите вы въ могилу?

ЖЕРОНТЬ.

Я знаю, что я дѣлаю: мое
Здоровье требуетъ женитьбы;
Нужна подруга мнѣ, которая ходить бы
За мной всю жизнь могла,— и я беру ее.
Коли родня на шею сѣла —
Бѣда! Все выслѣдять — не спрячешься никакъ;
Еще твоя душа не отлетѣла,
Изъ-подъ тебя ужъ волокутъ тюфякъ —
И за ключи скорѣй... Жена — иное дѣло:
По долгу брачному, она
И бережетъ меня, и нѣжитъ, и поконтъ,
А если смерть мнѣ раньше суждена —
Она же и глаза мои закроетъ.

ЭРАСТЪ.

Святая истина! Разумная жена
Все въ домѣ дѣлаетъ и очень мало стоитъ.

ЖЕРОНТЬ [обнимая его].

Ахъ, милый мальчикъ мой! И ждать
Не могъ я, право,
Чтобъ къ этому отнесся ты такъ здраво.

ЭРАСТЪ.

Вамъ будетъ хорошо — чего же мнѣ желать!

ЖЕРОНТЬ.

Такъ ладно же! Въ потерѣ ты не будешь
И дядю своего за скупость не осудишь.

СЦЕНА V.

Лизетта, Эрастъ, Жеронть, слуга.

ЖЕРОНТЬ.

Кто тамъ?

СЛУГА.

Въ приемной, сударь, васъ
Ждутъ госпожа Аргантъ и дочь ея.

ЭРАСТЪ.

Сейчасъ

Я приведу ихъ къ вамъ.

СЦЕНА VI.

Лизетта, Жеронть, слуга.

ЖЕРОНТЬ [Лизеттъ].

Ты вѣчно позабудешь!

Скорѣ шляпу мнѣ, парикъ!

ЛИЗЕТТА.

Вотъ вамъ парикъ, вотъ шляпа.

ЖЕРОНТЬ.

Ну, сорока,

Повридержи теперь языкъ:

О томъ, какъ боленъ я,—ни слова, ни намека!

ЛИЗЕТТА.

Не беспокойтесь! все равно,
Смекнуть и такъ немудрено.

СЦЕНА VII.

Лизетта, Жеронтъ, слуга, г-жа Аргантъ, Изабелла, Эрастъ.

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Въ какой тревогѣ мы! Намъ только что сказали,
Что провели вы очень дурно ночь...

ЖЕРОНТЪ.

Наслѣдники мои, должно быть, наболтали —
Они меня похорошить не прочь.
Но этимъ слухамъ вы, пожалуйста, не вѣрьте:
Давно ужъ не былъ я такъ свѣжъ и бодръ.

ЭРАСТЪ.

Иной,

Изъ нынѣшнихъ, повѣса молодой
Имѣеть хуже видъ.

ЛИЗЕТТА [въ сторону].

Да, наканунѣ смерти!

ЖЕРОНТЪ.

Не жить бы мнѣ, когда-бъ меня не спасъ
Невинный взглядъ однихъ прекрасныхъ глазъ!

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Вотъ будущій супругъ твой, Изабелла.

ЖЕРОНТЪ.

О, да! избралъ я сердцемъ васъ;
Свои недуги вамъ довѣрилъ бы я смѣло:

Не лимонадомъ бы я жажду утоляль,
Не отвратительной микстурой
Больной бы я желудокъ исправляль,—
А вашихъ нѣжныхъ ласкъ живительной тинктурой!
Вы мнѣ служили бы...

ИЗАБЕЛЛА.

Не знаю, чѣмъ бы я
Служила вамъ,— по ваше предложенье
Меня приводитъ въ изумленье —
И смущена я такъ...

Г-ЖА АРГАНТЬ.

Ахъ, милая моя!
Тому, кто столько благъ сулитъ своей супругѣ,
Все можно извинить — и старость и недуги.

ИЗАБЕЛЛА.

Я ваша дочь, приказывайте мнѣ;
Но господинъ Жеронтъ такъ строгъ въ своихъ желаньяхъ,
Такъ много ищетъ онъ въ женѣ,
Что я боюсь — обманется вполне
Онъ въ ожиданьяхъ.
Себя я знаю и скажу,
Что никакой цѣлебной силы,
Которая-бъ спасала отъ могилы,
Я ни въ глазахъ своихъ, ни въ чемъ не нахожу.

ЭРАСТЪ.

Ну, о глазахъ не говорите!

ЖЕРОНТЬ.

Хоть я и старъ,
Но до того силенъ во мнѣ любовный жаръ,
Что въ срокъ законный, посмотрите,
Какой я поднесу роднѣ моей ударъ!

ЛИЗЕТТА [изъ сторону].

Охъ, посмотрѣть бы я хотѣла! [Жеронту].
 Ужъ если васъ лукавый обуялъ,
 Такъ пусть бы онъ докончилъ дѣло —
 Другую-бъ вамъ, подѣ стать, невѣсту подыскалъ.
 Взгляните на нее: красивая, живая, —
 И нуженъ, значить, ей живой, красивый мужъ;
 А вы затѣяли вдругъ этакую чушь,
 Совсѣмъ ужъ вѣкъ свой доживая!
 И стыдъ и срамъ!
 Такъ вотъ на что нотариусы вамъ?
 Пишите лучше завѣщанье —
 Вы слышите? — скорѣй пишите, ну!
 А про любовь да про жену,
 Про свадебный контрактъ да про вѣнчанье —
 Отбросьте всякое мечтанье!
 Я высказала все — теперь молчу.

ЖЕРОНТЪ.

Такъ, такъ!
 Гдѣ набралась ты этой прыти?
 Признайся!

ЛИЗЕТТА.

Въ разумѣ.

ЖЕРОНТЪ [г-жѣ Аргантъ и Изабеллѣ].

Ужъ вы не осудите:
 Ее отъ болтовни не отучить никакъ.
 Но я махнулъ рукой на это:
 Она въ другомъ во многомъ угодить
 Сумѣла мнѣ.

ЛИЗЕТТА.

Я неспособна льстить.

ЭРАСТЪ.

Ты ошибаешься, Лизетта;
Дай Богъ, чтобъ я, какъ дядя, былъ здоровъ.
Теперь онъ въ бракъ вступить готовъ:
Неужто-жъ онъ не въ правѣ постараться
Имѣть наследника отъ самого себя?
Неужто, дѣвушку любя,
Онъ отъ нея обязанъ отказаться?
О, еслибъ мнѣ такой удѣлъ,
Я въ жизни-бъ ничего иного не хотѣлъ!

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ согласиться мнѣ, по-вашему?

ЭРАСТЪ.

Безспорно!

ИЗАВЕЛЛА.

Вы мастеръ убѣждать: я въ этомъ сознаюсь
И прекословить ужъ боюсь.

Г-ЖА АРРАНТЬ.

Желаніямъ моимъ она всегда покорна.

ЭРАСТЪ.

Конечно, любящая дочь
Во всемъ должна являть повиновенье
И, если нужно, превозмочь
Къ замужеству даже отвращенье.
Притомъ, не такъ и старъ ужъ дядя мой:
Семидесятый годъ...

ЖЕРОНТЬ.

Пойдетъ еще весной!

ЛИЗЕТТА.

Съ нимъ только два удара было,
 Два раза параличъ хватилъ — что за бѣда!
 И всеѣ врачи ручаются: когда
 Онъ съѣздитъ на воды — забудеть, гдѣ ломило,
 Гдѣ жгло, гдѣ рѣзало, гдѣ ныло...

ЖЕРОНТЬ.

Они ручаются еще,
 Что я могу имѣть потомство!

ЛИЗЕТТА.

Я не лѣкаръ
 И даже, къ счастью, не аптекаръ,
 Но противъ этого поспорю горячо.

ЖЕРОНТЬ [тихо].

Лизетта! дѣйствуетъ!

ЛИЗЕТТА.

Хоть лопните — сидите!

ЭРАСТЪ.

Что съ вами, дядя? дурно вамъ?

ЖЕРОНТЬ.

Не знаю самъ...

Ай... ай... Сударыня, простите:
 Мнѣ кое-что необходимо тамъ...

Г-ЖА АРГАНТЬ.

Прошу васъ, не стѣсняйтесь нами.

ЖЕРОНТЬ.

Племянникъ мой проводить васъ...
 Мнѣ, право, такъ неловко передъ вами...
 Въ другой ужъ разъ!

[Уходитъ въ сопровожденіи слуги].

СЦЕНА VIII.

Лизетта, г-жа Аргантъ, Изабелла, Эрастъ.

ЛИЗЕТТА [Изабеллѣ].

Вотъ, что надѣлали вы вашими глазами!
Любовь-то какъ сильна!

Г-ЖА АРГАНТЪ.

Я ухожу.

Прощайте.

ЭРАСТЪ.

Я васъ провожу.

СЦЕНА IX.

ЛИЗЕТТА [одна].

Пойти и мнѣ. Несчастное созданье
Безъ помощи моей вѣдь ни на шагъ...
Не ожидала я никакъ:
Ай-да любовное свиданье!

Н. М. Соколовъ.

НЕДОБРЫЯ ОЧИ.

Солнце, зной—и эти очи
Съ ихъ лучами, съ ихъ огнемъ!
Цѣлый день, съ утра до ночи.
Съ нею были мы вдвоемъ...

Сколько молній, сколько власти
Каждый взоръ ея тантъ!
До сихъ поръ въ истомѣ страсти
Сердце ноетъ и горитъ...

Ночь, прохлада, надъ рѣкою
Соловей поетъ въ саду...
Вновь съ тревогой и тоскою
Я ее въ аллеѣ жду,—

Я ловлю въ огнѣ желанья
Каждый шорохъ въ тишинѣ...
И встаетъ одно преданье
Преде мною въ смутномъ снѣ...

I.

Какъ-то въ Польшѣ, въ дни былые,
Появился страшный панъ,—
Длинный чубъ, усы сѣдые,
Шитый золотомъ жупанъ,

Рукоятка ятагана,
Поясъ, шноры — серебро,
У алмазнаго султана
Соколиное перо...

Страшный панъ!.. Нездѣшной силы
Слѣдъ хранить его чело,—
Словно тлѣніе могилы
На щекахъ его легло,

Словно онъ боится встрѣчи
По дорогѣ и въ селѣ,
Словно тяжесть давить плечи
И гнететь его къ землѣ...

Скажутъ: «здравствуй» — онъ ни слова,
Только вздрогнетъ и вздохнетъ,
Да, нахмуривъ бровь сурово,
Стиснетъ зубы и уйдетъ...

Раздается надъ полями
 Страшный хохоть въ тишинѣ...
 Панъ съ недобрыми очами
 Появился въ той странѣ!

II.

Слухи шли, что только взглянуть
 Панъ на лугъ зеленый,—вдругъ
 На лугу трава завянетъ,
 Листья сыплются вокругъ,—

Только, страшный и могучій,
 Панъ на небо поглядитъ,
 Стонетъ вѣтеръ, таютъ тучи,
 Дождь на землю не летитъ,—

Подъ недобрыми очами
 Гнется ива у рѣки
 И надъ желтыми песками
 Засыхаютъ тростники...

Въ полѣ парень за сохою
 Прежней пѣсни не поетъ,
 Въ темной рощѣ надъ рѣкою
 Красной дѣвицы не ждетъ,—

Смотритъ дѣвица уныло
 И не вьетъ себѣ вѣнка,
 Словно сердце въ ней сдавила
 Чья-то мертвая рука,—

Если въ полѣ ненарокомъ,
 Сквозь покровъ бровей сѣдыхъ,
 Страшный панъ недобрымъ окомъ
 Вскинетъ медленно на нихъ...

III.

Жилъ у мельника въ то лѣто
Юный хлопецъ въ батракахъ.
Слышалъ онъ, что бродить гдѣ-то
Страшный панъ у нихъ въ поляхъ,—

Слухъ прошелъ, его видали
Пастухи во ржи густой...
Разъ онъ спитъ на сѣновалѣ,
Слышать, кто-то надъ рѣкой

У запруды тихо ходить,
Слышать чей-то тихій стонъ...
То не ихъ-ли панъ обходитъ?
Не его-ли ищетъ онъ?

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Надъ рѣкой ползетъ туманъ...
Вотъ онъ — вотъ — подъ старой ивой
У запруды страшный панъ!

Съ неба лсными лучами
Сыплетъ мѣсяць молодой,—
Панъ чернѣетъ за кустами,
Словно камень гробовой...

Вдругъ... далеко... прозвучали
Чьи-то стоны по рѣкѣ...
Кто-то плачетъ въ злой печали...
Кто-то вопить въ злой тоскѣ...

Это панъ... То онъ рыдаетъ...
Крики, стоны, хохотъ злой
Гулко роща повторяетъ
Въ лунномъ блескѣ за рѣкой,—

Словно бѣсы въ гнѣвѣ дикомъ
Тамъ ведутъ свою игру,
Словно лѣшій пьянымъ крикомъ
Гонить путника въ бору...

Смотритъ хлопецъ боязливо,—
Паль на землю панъ сѣдой,
Стонетъ, корчится подъ ивой,
Бьется въ камень головой,—

Словно звѣрь голодный, воетъ,
Къ ивѣ съ хохотомъ ползетъ,
Ятаганомъ яму роетъ,
Гложетъ землю, корни рветъ...

Этой ямы, этой ночи
Бѣдный хлопецъ не забылъ:
Панъ руками вырвалъ очи
И подъ ивой ихъ зарылъ,—

И уползъ, пропалъ въ туманѣ,
Въ ночь понесъ тоску свою...
Съ той поры о страшномъ панѣ
Не слышали въ томъ краю.

IV.

Панъ пропалъ... Но съ этой ночи
Бѣдный хлопецъ самъ не свой:
Помнитъ онъ, гдѣ злыя очи
Въ землю пряталъ панъ сѣдой...

Лунной ночью спать не можетъ,
За работой ночи ждетъ:
Той тоски, что сердце гложетъ,
Самъ, бѣдняга, не пойметъ...

Ночь. Луна. Вода, сверкая
Въ лунномъ блескѣ, тихо спитъ...
Къ старой ивѣ изъ сарая
Съ ломомъ хлопъ, какъ воръ, спѣшитъ...

Ближе... вотъ... какъ сердце бьется!..
Въ головѣ стоитъ туманъ...
Не надъ нимъ ли то смѣется
Изъ-за ветель страшный панъ!

Здѣсь... за дѣло!.. Здѣсь могила
Панскихъ глазъ: земля рыхла,—
Здѣсь навѣкъ ихъ вражья сила
Въ мертвой немочи легла!..

Вдругъ... какъ молніей изъ тучи,
Въ блескѣ, въ пламени лучей,
Брызнулъ къ небу, снова жгучій,
Знойный взоръ лихихъ очей!..

Добопался хлопецъ бѣдный!
Опаленный злымъ огнемъ,
У запруды, страшный, блѣдный,
Онъ заснулъ послѣднимъ сномъ!..

Глупый хлопъ!.. А я — умнѣе?
Мало солнца, мало дня,—
При лунѣ я жду въ аллеѣ,
Прежнихъ молній и огня!..

Или въ легкой дымкѣ ночи
Прежней силы нѣтъ въ огнѣ?
Или гаснутъ эти очи
На свиданьѣ при лунѣ?

Вотъ она... Какъ сердце бьется!..

Жду, дыханье затань...
А она... она смѣется!..

Охъ,— и мнѣ смѣшно: я живъ!..

Спб.

30-го янв. 1899 г.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

П О Э З И Я.

Весной, среди полей, запрятавшись въ овраги,
На волю вырвавшись изъ ледяныхъ оковъ,
Шумя на тысячи хрустальныхъ голосковъ,
Бѣгутъ, спѣшать ручьи; избытокъ свѣтлой влаги
Съ любовью отдають далекимъ небесамъ —
И вновь шумятъ, звенятъ по рощамъ и лѣсамъ.
Куда-жъ они бѣгутъ? Зачѣмъ хотятъ свободы?
Въ великій океанъ стекаются всѣ воды,
Стремится гордая красавица-рѣка,
Крылатыхъ кораблей лелѣющая стаю,
Что золото и хлѣбъ несутъ родному краю;
Туда-жъ стремится бѣгъ любого ручейка.
Но всѣ — и тотъ потокъ богатый, величавый,
Что родину свою вѣнчаетъ громкой славой,
И рѣки скромныя, чей отнять былъ покой
Неугомонною работою людскою,
И рѣчки сельскія — спокойныя, неглубоки, —
И неприступныхъ горъ бурливые потоки,
И крошки-ручейки, журчащія въ травѣ,
Смѣясь ласково небесной синевѣ;

Всѣ воды, всѣ ключи отъ края и до края,—
Ихъ бѣгъ направила одна и та же власть;
Въ одной безбрежности имъ суждено пронасть,
Въ великій океанъ безсмертія впадая!..

П. В. БЫКОВЪ.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ ИГНАТІЯ ХОДЗЬКО).

Кому невѣдомъ часъ, очарованья полный,
Когда вечерней мглы вдали струятся волны
И солнце, безъ лучей, надъ лономъ сонныхъ водъ
Туманясь нѣгою, съ усталостью во взорѣ,
Прощальный шлетъ привѣтъ и, замедляя ходъ,
Стыдливый прячетъ ликъ въ пылающее море.
Въ отраднѣйшій этотъ часъ, въ чудесныя мгновенья,
Вольнѣе льется пѣснь, свѣтлѣе вдохновенье.
Какъ будто шире грудь, такъ дышется легко,
Жизнь краше кажется, сердца людей — добрѣе,
И память на крылахъ волшебныхъ высокъ
Уносить къ днямъ инымъ, въ краю былого рѣя.
И чья душа чиста, въ краю прекрасномъ этомъ —
Тотъ наслаждается неугасимымъ свѣтомъ;
При вѣчно ясномъ днѣ тамъ жизнь течетъ въ тиши,
Не знаетъ горе мукъ и радость тамъ спокойна,
А самую любовь — святой восторгъ души —
Не холодить огонь тлетворной страсти знойной.
Блаженный край! Предъ нимъ душа благоговѣть...
Оттуда неземнымъ, безмѣрно милымъ вѣтъ:

Поэзіей небесь, ласкающихъ весной,
То радостью живой, бодрящей, безмятежной,
То грустью тихою, пріятной и родной
Для молодой души, отзывчивой и нѣжной.
И сердце къ днѣмъ былымъ неужержимо рвется.
Былое въ немъ, какъ звукъ прекрасный, отзовется,
Подобный эху горь, что таетъ вдалекѣ
Прелестный, какъ напѣвъ простой свирѣли томной,
Что, быстро подхвативъ въ родимомъ уголкѣ,
Приноситъ въ мирный часъ къ намъ вѣтерокъ бездомный.
О, дивный край поры минувшей незабвенной!
Духъ воскресаетъ въ немъ витая, и мгновенно
Мысль проясняется, оковы рветъ свои,
Свободна, какъ полетъ орлиный, благородный,
Какъ бѣгъ, не мало бурь извѣдавшей ладьи,
Плывущей безъ руля, пустыней дикой, водной;
Къ отчизнѣ дорогой, заброшенной далѣко,
Она пустилась въ путь, покорна волѣ рока,
Ведомая въ ночи туманною звѣздой,
Со спутникомъ однимъ — своимъ же отраженьемъ,
Сопровождаема лишь водной бороздой,
Чуть-чуть колеблемой случайныхъ волнъ движеньемъ.

Allegro.

I.

И С Т И Н А.

На утренней зарѣ восторженной душою
Всѣ, всѣ стремятся къ ней средь зла и темноты,
Готовы жертвовать и жизнью молодою,
Чтобъ только увидеть сокрытыя черты.
Но дни смѣняются томительными днями,
Въ туманахъ вѣчности за годомъ тонетъ годъ...
Они еще идутъ усталыми шагами,
Съ глубокою тоской еще идутъ впередъ.
Но въ сердцѣ ихъ больномъ такъ много злыхъ страданій,
Въ душѣ тоскующей такъ пусто и темно...
Во имя свѣтлыхъ чувствъ и ясныхъ упованій
Такъ много мрачныхъ дѣлъ и зла совершено!..
Осеннимъ вечеромъ, свой посохъ обветшалый
Изъ рукъ слабѣющихъ невольно уронивъ,
Къ землѣ смирившейся, померкшей и усталой
Они склоняются, о цѣли позабывъ.
Лишь въ этотъ поздній часъ, какъ яркая зарница
На тьму минувшаго бросая свѣтлый взглядъ,
Она является, забытая царица,
Въ глубокой тишинѣ слова ея звучать:

«Весь долгій жизни путь я совершала съ вами,
«Зачѣмъ же отъ меня вы отвращали взоръ,
«За неподвижными и вѣчными звѣздами
«Зачѣмъ ловили вы мгновенный метеоръ!
«Я вѣчныя слова вамъ тихо говорила,
«Но жизни дикій гудъ мой голосъ заглушала,
«Надъ позабытою, но дорогой могилой
«Вашъ взоръ мои черты порою различалъ
«Лишь на мгновеніе... вы отъ меня бѣжали,
«Стремясь ко мнѣ душой въ томительномъ бреду...
«Чего-жъ вы жаждали, кого же вы искали?
«Взгляните на меня, отвѣтите мнѣ, я жду!»
Но нѣтъ, они молчатъ, закрывъ лицо руками,
Внезапный свѣтъ страшнѣй привычной темноты —
И силы нѣтъ взглянуть смущенными очами
Въ ея спокойныя и строгія черты.

II.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Догорая, костеръ чуть дымится въ травѣ,
Тихо блѣдныя тучи сползаютъ,
Много мыслей неясныхъ въ больной головѣ,
Сердце бьется и смутно страдаетъ.

Чуть видны очертанья синѣющихъ горъ,
Огонекъ замигаль въ отдаленьѣ
И погасъ... Тщетно ищетъ усталый мой взоръ
Первыхъ трепетныхъ звѣздъ появленье.

Впереди непроглядная, долгая ночь,
Чуть замѣтно туманъ серебрится,
Нѣтъ желанья, нѣтъ силы тоску превозмочь...
Догорѣвшій костеръ не дымится...

П. Н. Черемисиновъ.

П Р А В Д А.

(LA JUSTICE).

ПОЭМА СЮЛЛИ ПРЮДОМА.

ПРОЛОГЪ.

Далеко блещутъ звѣзды, молчаливы.
Луна зашла, зарницы слѣдъ исчезъ
И камней драгоценныхъ переливы
Горятъ на черномъ бархатѣ небесъ.

Душа, бывало, въ кроткомъ созерцаньѣ,
Молитвы возносить любила къ нимъ,
Любуясь, какъ невѣста, въ ожиданьѣ,
Вѣнцомъ алмазнымъ будущимъ своимъ.

Но нивѣ въ душу, чудные огни
Вселяютъ безотрадные идеи,—
Ужъ нѣтъ для созерцанья—въ наши дни—
Ночей спокойныхъ пастырей Халдеи.

И какъ молиться? — рядомъ астрономъ
Считаетъ, мѣритъ, вѣшаетъ свѣтила, —
Носителей великихъ тѣхъ именъ,
Которыя душа боготворила.

Разрушенъ имъ лазурный неба сводъ:
Звѣздамъ Плеядъ, Медвѣдицы, Персея,
Недвижимымъ съ эпохи Одиссея,
Начертанъ быстрый, въ вѣчности, полетъ.

И какъ мечтать, предъ физикомъ надменнымъ,
Надъ страшною работою согбеннымъ?
Скребеть напильокъ, скачетъ молотокъ,
Вотъ скованъ пруть, онъ словить молній токъ.

И самъ великій Зевсъ, приговоренный,
Навѣки обезславленнымъ, упасть
На колъ желѣзный, сталью заостренный,
Въ сырой землѣ свою низложить власть!

Какъ пѣть — предъ трубкой хвямка паяльной,
Гдѣ атомы допрашивается онъ;
Предъ спектромъ, гдѣ звѣзды, незримо-дальней,
Составъ частичный имъ опредѣленъ; —

Когда въ игрѣ зефира съ лепестками
Онъ только углекислый видитъ газъ;
Когда цвѣты, безбожными руками,
Онъ для ретортъ собираетъ, вмѣсто вазъ?

И какъ любить, когда въ живое тѣло
Вонзаетъ испытатель свой ланцетъ
И стонетъ жертва, въ ужасѣ, — но нѣтъ
Холоднымъ небесамъ до жертвы дѣла;

Когда, увидѣвъ въ фокусѣ стекла
Волоконъ самыхъ нѣжныхъ утолщенья,

Мы ищемъ въ формахъ тайны ихъ строенья,
Вскрывая, грубо, взорами тѣла?

Насталь мечты отважному полету
Сквозь тайны мірозданія, — конецъ.
Ученій новыхъ медленному гнету
Подпаль, склонивши голову, пѣвецъ.

Жрецы науки строги! Онъ не знаетъ,
Гдѣ вѣра ихъ оплотъ себѣ нашла,
Ему природа все еще мила, —
Но онъ ужъ ихъ глазами въ ней читаетъ.

«Ты думаль, въ небѣ есть, кому кадить?»
Твердятъ они ему: «предъ кѣмъ склоняться?
Отца тамъ нѣтъ: такъ нѣкого любить!
И нѣтъ владыки: нѣкого бояться!»

«Утрачена и отрицанья власть:
Всѣ пали боги, добрые и злые;
Свобода! Богъ — законы міровые,
Пророки — увлеченья, догматъ — страсть.

«Твои надежды, за порогъ могилы,
Быть можетъ смѣлы, можетъ быть скромны:
Какъ знать, не зная сущности ни силы,
Ни вещества, — къ чему мы созданы?»

«Громадное впотьмахъ творится дѣло;
Пока итоговъ жизнь не подвела,
Хулить, иль восхвалять, — равно не зрѣло,
Не зная сути ни добра, ни зла».

И сталъ поэтъ голосъ неуверенъ.
Онъ чарами видѣній увлеченъ,
Но хочетъ быть дѣйствительности вѣренъ
И страху лжи невольной обреченъ.

Сорвали передъ нимъ съ природы маску.
Она ужъ не кормилица, не мать,
Любившая здоровью, силѣ — ласку
И красотѣ — улыбку расточать.

Въ ней чуялась душа; его печали
И радости въ отвѣтъ — вездѣ звучали
Простые голоса, въ которыхъ ложь
Казалась такъ немислима, — и что-жь!

Вдругъ, нѣжный сынъ, узналъ онъ, что природы
Дни ясные, дни бурной непогоды —
Не милость и не гнѣвъ и, что она,
Давая грудь сынамъ, къ нимъ холодна.

Себя она лелѣетъ, — для него же
Въ очахъ ея лазурныхъ взгляда нѣтъ.
Отцомъ безвѣстнымъ, на случайномъ ложѣ,
Рожденъ онъ, сынъ непрошенный, на свѣтъ.

Онъ точно тотъ непризнанный ребенокъ,
Чей бѣдный умъ, въ одинъ ужасный мигъ,
Едва раскрывшись, въ горечи постигъ,
Какъ жалокъ онъ — отверженецъ съ пеленокъ.

Какъ сирота, безъ крова и одеждъ,
Чуть двери благодѣтелей закрыты,
Идетъ къ суду искать себѣ защиты, —
Послѣднему прибѣжищу надеждъ.

Такъ и поэтъ, — обмануть провидѣньемъ,
Испуганъ всѣхъ боговъ своихъ паденьемъ
И вѣры въ милосердіе лишень, —
Найти хоть правый думаетъ законъ.

Въ невѣданной тревогѣ, онъ взываетъ:
«О, муза! вдохновенною мечтой

Поэзія, быть можетъ, называется
Безумство, опьяненія бредъ пустой?

«Я наугадъ хвалю и порицаю...
Нѣтъ! Быть судьей такимъ я не хочу.
Въ самой природѣ къ правдѣ я взываю
И правдою природѣ отплачу.

«Въ завѣсѣ, незамѣтно растворенной,
Завидѣвъ свѣтъ, я долженъ все узрѣть,
Все угадать, — иль долженъ, изнуренный
Горячкой жажды знанья, умереть.

«Не можетъ, какъ ученый, жить счастливо
Поэтъ, идя съ наукой, терпѣливо.
Влечетъ его не гордость знанья къ ней:
Духовнымъ ранамъ ищетъ онъ елей.

«Онъ страждущихъ существъ узналъ строенье,
Но это-ль знанье, если править зло
И мрачное надъ всѣмъ парить сомнѣнье?
Чѣмъ, лучшимъ, божество замѣнено?

«О, муза, встань! Научныхъ данныхъ груду
Изслѣдуемъ, со мною, шагъ за шагъ.
Ужели правда изгнана повсюду,
Иль теплится, — и гдѣ, — ея очагъ?»

И муза, вздрогнувъ, говоритъ поэту:
«— О, нѣтъ! Ты на меня наводишь страхъ.
Мнѣ-ль въ невѣсомыхъ странствовать мірахъ,
Безъ колебаній звучныхъ и безъ свѣту?»

«— Опоръ въ тѣхъ элементахъ не найти
Для крыльевъ мнѣ, широкихъ и тяжелыхъ.
Средь формулъ отвлеченныхъ, истинъ голыхъ,
Погибну я съ отчаянья, съ тоски...

«— И самъ меня ты слушать перестанешь,
Безжалостно покинешь въ полпути,
Иль заставлятъ прислушиваться станешь
Къ землѣ, по жесткимъ терніямъ ползти».

«Мужайся! Будь мнѣ вѣрною подругой!
Сопутствуй мнѣ сестрой, коль не супругой!
Постичь поможетъ мѣрный рѣчи строй,
Тотъ высшій ритмъ, — порядокъ міровой.

«Прощай та пѣснь, которую мы пѣли!
Но не страшись: надеженъ мыслей токъ.
Пусть мнѣ хоть только такты бьютъ смычокъ,
Когда не стануть вторить мнѣ свирѣли».

А. В. Амфитеатровъ. (Old Gentleman).

VIA SACRA.

КАРТИНА УЛИЧНОЙ ЖИЗНИ РИМА ПРИ НЕРОНЪ.

(Этюдъ въ драмѣ «ПОНЦІЯ»).

Посвящается Еленѣ Константиновнѣ Лешковской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вибуллій, преторъ.
 Октавій Сагитта, народный трибунъ.
 Понція Постумія.
 Антистій Созіанъ.
 Лициній Муціанъ.
 Лелій.
 Авреліанъ.
 Гельвидій. } золотая молодежь.
 Пальфурій Сура, обидѣвшій патрицій, атлетъ.
 Сифакъ, гладиаторъ.
 Валерій, вольноотпущенникъ Сагитты.
 Иона, золотыхъ дѣлъ мастеръ, ростовщикъ.

Хозяинъ таверны.	}	голоса изъ толпы.
Лавочный мальчикъ.		
Водоносъ.		
Нищій.		
Цвѣточница.		
Продавщица коралловъ.		
Вѣстовщикъ.		
Астрологъ.		
Продавецъ устриць и др.		

Мѣсто дѣйствія—Via Sacra въ разгаръ уличнаго движенія. Густая и пестрая толпа; римляне, греки, евреи, арабы, сирійцы, негры, скионы и т. д. Толкотня и несмолкающій гулъ голосовъ, надъ которымъ господствуютъ крики торговцевъ, разносчиковъ, афишеровъ. Сцена представляетъ длинный рядъ открытыхъ лавокъ. Въ глубинѣ—ростральная колонна. Надъ лавками громоздятся ступенями портики Базилики Юлія и храмовъ. Вдали—Палатинъ, съ дворцомъ Нерона. Справа—таверна съ террасою, заплетенною плющемъ и розами. Стѣна, между двумя лѣстницами, ведущими къ портику Базилики, лавка Іоны. Октавій Сагитта сидитъ у лавки, бесѣдуя съ Іоною, который показываетъ ему великолѣпное ожерелье изъ жемчуговъ. Вдали—носилки Сагитты; у носилокъ—черные рабы. Валерій, скрестивъ руки, стоитъ подлѣ своего патрона. Голоса изъ толпы—всѣ вмѣстѣ.

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ.

Вино! Вино! Только что получена свѣжая партія—прямо изъ Фалерна!

нищій.

О, мать Изиды! пожертвуйте что нибудь нищему служителю братьевъ матери Изиды.

ПРОДАВЕЦЪ УСТРИЦЪ.

Устрицы! лучшія въ мірѣ устрицы, сейчасъ изъ Остіи!

АСТРОЛОГЪ.

Лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и гороскопъ за три асса!
Прошлое рассказываю въ придачу даромъ.

ПРОДАВЩИЦА КОРАЛЛОВЪ.

Кораллы! африканскіе кораллы, съ опасностью жизни добытые изъ пучинъ смѣлыми дѣтьми Неаполя!

ВЪСТОВЦЬКЪ.

Граждане и иностранцы! Благородный Маркъ Виницій, эдиль, приглашаетъ народъ римскій на игры въ амфитеатръ Клавдія. Будеть показанъ бой гладіаторовъ и травля дикими звѣрьми.

ЦВѢТОЧНИЦА.

Фіалки! розы! Душистыя розы Пестума! Граждане! украшайте своихъ возлюбленныхъ розами Пестума! Розы Пестума—языкъ любви, задатокъ блаженства!

[Изъ толпы, спяющей по улицѣ, выдѣляются, одинъ за другимъ, Антистій Созіанъ, Лициній Муціанъ, Гельвидій, Лелій и Авреліанъ. Они привѣтствуютъ друга друга и Октавія Сагитту. Остановившись у лавки Іоны, они образуютъ живописную группу. Клиенты ихъ и рабы, въ ожиданіи патроновъ, располагаются кучками въ глубинѣ улицы].

СОЗИАНЪ.

Привѣтъ Сагиттѣ.

САГИТТА.

Здравствуй, Созіанъ.

МУЦИАНЪ.

Хранятъ ли боги нашего трибуна?

САГИТТА.

Іона, кресла!

ІОНА [мальчику].

Кресла, ротозей!

Да выбирай, которыя лучше!

Не каждый день такіе господа

Заходятъ въ лавку.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Какъ живешь, Сагитта?

ЛЕЛІЙ.

Давно тебя не видно при дворѣ.

САГИТТА.

Отсутствіе мое едва-ль замѣтно.

МУЦИАНЪ.

О, нѣтъ! Вчера самъ цезарь—на пиру—
Искалъ тебя среди фамиліаровъ,
И, не найдя, былъ очень огорченъ.

АВРЕЛІАНЪ.

Онъ новый гимнъ сложилъ...

ЛЕЛІЙ.

На смерть Ніобы.

СОЗІАНЪ.

Ты помнишь: изъ Овидія сюжетъ!

МУЦИАНЪ.

Да,—только тоньше, благороднѣй, выше!

СОЗІАНЪ.

И вотъ—вчера пропѣвъ намъ этотъ гимнъ...

АВРЕЛІАНЪ.

Подъ гулъ похвалъ, подъ громъ рукоплесканій...

СОЗІАНЪ.

Да полно вамъ меня перебивать!
Какъ будто и сейчасъ, на Палатинѣ,
Мы смотримъ въ очи цезаря и льстимъ
На перегонку: ну-ка, кто подлѣе?
Мы здѣсь свои. Дай духъ перевести,—
Еще успѣемъ вечеромъ нагаться!

АВРЕЛІАНЪ [смѣется].

Мы практику боимся потерять,—
Такъ въ лесті упражняемся заочной,
Чтобы солгать правдивѣе въ глаза.

САГИТТА.

Что новаго, друзья, на Палатинѣ?

МУЦИАНЪ.

Помимо гимна? Ничего.

ЛЕЛИЙ.

Двѣ-три

Немилости ничтожныхъ.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Совершенно

Незначущихъ! — Опальникамъ и жить
Не вѣрно открыть.

МУЦИАНЪ.

Всемилосердо

Въ изгнаніе ихъ цезарь посылаетъ
На острова Эгейскіе.

СОЗИАНЪ.

Одинъ

Отъ милости такой ужъ удавился.

[Смѣхъ].

САГИТТА [указываетъ глазами на Іону].

Антистій...

СОЗИАНЪ.

Ба! Іона, старый плутъ!

Мы про тебя забыли въ разговорѣ.

Ну, какъ идетъ дорожный твой грабежъ,

Что ты торговлей скромно называешь?

ІОНА.

Шутить изволить, добрый господинъ!

Куда мнѣ грабить, — быть бы только сыту!

Куда быть сыту, — только-бъ живу быть!

Повѣрите-ль? — когда бы не трибунъ —
 Самъ Богъ, жалѣя бѣднаго еврея,
 Его зйти къ Ionѣ научилъ
 И сторговать вотъ это ожерелье! —
 Весь день бы безъ почина я сидѣлъ.

СОЗІАНЪ.

А отчего, Iона? Оттого,
 Что не тому ты кланяешься богу.
 Я знаю, плуть, какъ — въ полосатый плащъ
 Укутанный — ты свой справляешь шабашъ,
 Еврейскому кади Iеговѣ! —
 А истинный твой богъ, межъ тѣмъ, безъ жертвы,
 Безъ омиама, вовсе отощаль.

ІОНА.

Богъ праотцовъ моихъ...

СОЗІАНЪ.

Вонъ онъ сверкаетъ
 Надъ портикомъ лукавой красотой! —
 Меркурій — быстроногій покровитель
 Всѣхъ жабъ ночныхъ, всей накипи въ котлѣ,
 Который люди величаютъ Римомъ:
 Купцовъ, воровъ, сутягъ, ростовщиковъ,
 Убийцъ наемныхъ, уличныхъ дѣвчонокъ
 И сводниковъ, изъ нихъ же первый — ты!

ІОНА.

Ахъ, господинъ! смѣяться надъ евреемъ
 Легко: еврей созданы на то.
 Но разсудите — будьте справедливы:
 Жилось бы развѣ лучше вамъ безъ насъ?
 Не говорю — мой Богъ! — о васъ, богатыхъ:
 О доблестномъ трибунѣ, о тебѣ,
 Антистій благороднѣйшій: Iона,
 Быть можетъ, и не нуженъ вамъ... пока!..

Но — молодежь?! Хе-хе! Отцы богаты,
Да не щедры... и любятъ долго жить...

АВРЕЛІАНЪ.

У моего такая есть привычка.

ЛЕЛІЙ.

Охъ, мой — боюсь — меня переживетъ!

ІОНА.

Ни грекъ, ни армянинъ, ни египтянинъ
Не дастъ ни асса нищему сынку
Богатаго родителя. Не такъ ли?

МУЦІАНЪ.

Духъ истины вселился въ твой языкъ!

ІОНА.

Вотъ видите! И кто же выручаетъ
Васъ, господа, когда за голубыхъ
Вы на бѣгахъ поставили заклады,
А верхъ беретъ зеленая игра?
Кто въ помощь вамъ, когда отбить красотку
У друга надо, а она жадна
И — безъ подарка тысячъ въ сто сестерцій —
Не пуститъ васъ къ себѣ и на глаза?
Кто?.. Мы, народъ, вселенной угнетенный,
Служить готовый каждому и всѣмъ.
Вамъ нужны деньги? Книги Моисея!
Да вотъ онѣ. Хе-хе! Ужель затѣмъ
Я собиралъ ихъ, чтобы въ темной скринѣ
Тускнѣлъ ихъ блескъ веселый? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! —
Пусть въ міръ идутъ, послужатъ добрымъ людямъ
И принесутъ мнѣ маленькій процентъ.

СОЗІАНЪ.

Да, маленькій: всего лишь двѣсти на сто!

ІОНА.

Хоть бы и такъ?

ГЕЛЬВИДІЙ.

А совѣсть?

ІОНА.

Пхе! А рискъ?

Отдать не долго деньги, но забота
Тяжелая—назадъ ихъ получить.
Евгеній Крассъ, когда писалъ мнѣ вексель,
Былъ юношей кудрявымъ и румянымъ,
А заплатилъ—плѣшивымъ старикомъ...
Охъ, подолгу нынѣ ждуть наслѣдства!

МУЦІАНЪ.

И не всегда съ терпѣньемъ.

ДЕЛІЙ.

Напримѣръ,

Какъ говорятъ, Квинтъ Силій.

АВРЕЛІАНЪ.

Кстати: правда-ль,

Что ты, Іона, Силію помогъ
Укоротить наслѣдства ожиданье?

ІОНА.

Чего народъ не выдумаетъ зря!

ГЕЛ. ПРИСКЪ.

Болтали про грибы, про артишоки...

СОЗІАНЪ.

Остерегись, премудрый іудей!
Царица отравительницъ Локуста,
Пожалуй, станетъ ревновать тебя
Къ своимъ триумфамъ въ ремеслѣ Гекаты [Смѣхъ].

САГИТТА.

Да будетъ вамъ! пристали къ старику!

АВРЕЛІАНЪ.

Ха-ха-ха-ха! Сагитта—за Іону!

ЛЕЛІЙ.

Что значить быть трибуномъ!

МУЦІАНЪ.

Запретить

Хоть чтонибудь, комунибудь охота!

СОЗІАНЪ.

Удѣль иныхъ—по родинѣ тоска,
Трибуновъ же удѣль—тоска по veto.

САГИТТА.

Вы, какъ всегда, несносны, господа! [Встаетъ].
Сорочьею своею трескотнею
Вы помѣшали стороваться намъ.

МУЦІАНЪ.

Ага!.. Друзья!.. Іону подкупаютъ
Трибунъ своей защитою, чтобъ еврей
Ему сходнѣе продалъ ожерелье.

АВРЕЛІАНЪ.

А какъ цѣна?

ІОНА.

Миліонъ сестерцій!

ЛЕЛІЙ.

Ухъ!

АВРЕЛІАНЪ.

Для чьей же это шейки лебединой?

МУЦІАНЪ.

Вотъ такъ вопросъ! Стыдись, Авреліанъ!

ГЕЛЬВИДІЙ.

Считаешься любезникомъ придворнымъ,
А сбился въ счетъ, кто и съ кѣмъ въ связи!

СОЗІАНЪ.

Припомни цезаря стихотворенье, —
Удачны и его порою вдохновенья! [Декламируетъ].

Котилль у насъ прослылъ
Изящества примѣромъ.
Котилль! ты очень милъ!
Хвала твоимъ манерамъ!
Но отвѣчай, Котилль:
Коль въ уровень быть съ вѣкомъ,
Что это значить — «быть изящнымъ человѣкомъ?»

Безбожно надушонъ
Эссенціей корицы,
Даетъ прически тонъ
Для цѣлой онъ столицы;
Красивость рукъ своихъ
Онъ выказать хлопочеть:
Въ движеніяхъ смѣшныхъ
Онъ округляетъ ихъ,
Какъ будто, бодръ и лихъ,
Пуститься въ танецъ хочеть.
Насвистываетъ онъ
Испанскіе напѣвы.
Кто и въ кого влюбленъ —
И юноши, и дѣвы, —
Кто съ кѣмъ и какъ живетъ, —
По пальцамъ перечтетъ! [Смѣхъ].

МУЦІАНЪ.

Отлично, Созіанъ! Но дальше, дальше!

СОЗИАНЪ [продолжаетъ].

При женщинахъ весь день,
 Онъ шепчетъ, нагло-весель,
 Имъ въ уши дребедень,
 Склоняясь къ ручкамъ кресель.
 Въ рукахъ его всегда
 Любовная записка.
 Брезгливый онъ — бѣда!
 И сѣсть-то, господа,
 Къ себѣ не пустить близко.
 Закатъ или разсвѣтъ, —
 Онъ рыщетъ, всюду нуженъ:
 Тамъ — дружескій обѣдъ,
 Здѣсь — приглашенъ на ужинъ.
 У цирка мудрецовъ
 Пройдя весь курсъ науки,
 Запомнилъ онъ отцовъ
 Всѣхъ кровныхъ жеребцовъ —
 Ему и книги въ руки!

Такъ вотъ каковъ, Котилль,
 Изящный человѣкъ:
 Такимъ вообразилъ
 Его нашъ умный вѣкъ!
 И видишь-ли, Котилль:
 Коль въ уровень быть съ вѣкомъ,
 Совсѣмъ быть не легко изящнымъ человѣкомъ! [Смѣхъ].

МУЦІАНЪ.

Прочитано прекрасно!

ЛЕЛІЙ.

Но стихи

Намъ не дали забыть объ ожерельѣ,
 И отъ остротъ Сагитта не спасень!

АВРЕЛИАНЪ [къ Окт. Сагиттѣ].

Какъ Понція Постуміи здоровье?

МУЦІАНЪ.

Что дѣлаеть ея достойный мужь?

СОЗІАНЪ.

Хромой Вулканъ — тѣмъ отъ божка отличный,
 Что тотъ коваль невыгодную сталь,
 А Маркъ Постумій — золото, Сагиттой
 Добытое изъ отчихъ рудниковъ!

САГИТТА [закрываетъ уши].

Конца не будетъ глупостямъ!.. Валерій!
 Окончи торгъ съ Іоной безъ меня, —
 Да не скупись. Куда снести подарокъ, —
 Ты знаешь самъ.

А вы, мои друзья, —
 Коль не на вѣкъ прилипли къ этой лавкѣ, —
 Угодно-ль вамъ послѣдовать за мной?
 Въ волнахъ толпы, по Форуму снующей,
 У всѣхъ васъ есть красавица своя,
 Иль ждетъ ея рабыня, чтобъ табличку
 Вамъ передать отъ робкой госпожи.
 Идемъ же: окунемся съ головою
 Въ людское море, чтобъ на днѣ его
 Ловить любви румяные кораллы.

ЛЕЛІЙ.

Идемъ!

[Проходить. Клиенты и рабы ихъ рассыпаются въ толпѣ, вслѣдъ за господами].

МУЦІАНЪ [отставъ отъ другихъ].

«Ловить румяные кораллы
 Любви»... Недурно, право!.. Запишу
 Въ свои таблички — и на Палатинѣ,
 При разговорѣ съ цезаремъ, верну.

Цитата никого у насъ не губить:
Неронъ красивыя словечки любить! [Уходить].

АСТРОЛОГЪ [кричить].

Любовный приворотъ! Нѣтъ больше безнадежной любви!
За одинъ денарій — порошокъ, мазь, напитокъ и заклинаніе!

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ.

Граждане! Не далека чаша обѣда! Вспомните о моемъ винѣ —
чистѣйшемъ винѣ, только что изъ Фалерна!

СЦЕНА II.

Валерій и Иона.

ВАЛЕРІЙ.

«Окончи торгъ и не скупись...» Ха-ха!..
Легко сказать, но мудрено исполнить.
Миліонъ сестерцій! Шутка! Вся она
Не стоитъ этихъ денегъ.

ІОНА.

Кто не стоитъ?

ВАЛЕРІЙ.

Двуногая тигрица та, которой
На шею мы алмазы, жемчуга
И яхонты любовно надѣваемъ,
Тогда какъ ей ошейникъ рабскій нуженъ!
Та печь, куда, зажмуривши глаза,
Мы бросили честь, нима, службу, деньги —
И болѣе ужъ нечего бросать.
Какъ Геркулесъ въ отравленномъ хитонѣ,
Сгораемъ мы — и счастливы, сгорая!
И сами рукоплещемъ: эвоэ!
Какъ весело костеръ нашъ разгорѣлся!..

Мильонъ сестерцій! Да откуда взять
Его, мильонъ сестерцій?! Право — точно
Помѣстій нашихъ нивы не хлѣба
Рождаютъ, и луга не злаки носятъ,
Но лишь однѣ сестерціи родятъ,
Чеканенныя звонкою монетой.

ІОНА.

Э, не хитри, Валерій: знаютъ всѣ, —
Трибунъ богатъ неизмѣримо. Пропастъ
Онъ золотомъ засыпать можетъ.

ВАЛЕРІЙ [значительно].

Могъ.

ІОНА.

Сказать ты хочешь...

ВАЛЕРІЙ.

Только то, что лучше

Ему бы свой расплавить капиталъ
И влить его кипящею струею
На дно дырявой бочки Данаидъ,
Чѣмъ тратиться на Понцію...

ІОНА.

Тсъ!.. Тше!..

Ея носилки... И трибунъ при нихъ.

ПРОДАВЩИЦА ЦВѢТОВЪ.

Вотъ фіалки — скромныя, какъ глаза влюбленной дѣвушки!
Кто хочетъ, безъ словъ, сказать — «люблю» своей красавицѣ?
Купите эту пламенную розу! Еще вчера, утромъ, она цвѣла въ
садахъ Пестума.

СЦЕНА III.

Понція Постумія [выходитъ изъ послоекъ]. Октавій Сагитта ее поддер-
живаетъ.

ПОНЦІА.

Благодарю, Сагитта. Очень кстати
Послалъ намъ встрѣчу добрый случай...

САГИТТА [съ удивленіемъ].

Случай?

Но Магра мнѣ...

ПОНЦІА.

Что Магра?

САГИТТА.

Принесла
Отъ Понціи прекрасной приказанье...

ПОНЦІА.

Я ничего ей не велѣла.

САГИТТА.

Но

Она табличку принесла!

ПОНЦІА.

Какую?

САГИТТА.

Твоя рука...

ПОНЦІА.

Я писемъ не пишу —
Особенно къ мужчинамъ. Эта Магра —
Предерзкая шалунья. Дай взглянуть.
[Сагитта подаетъ ей таблетку].

«Въ шестомъ часу у стараго Ионы»...
 Похоже, да. Совсѣмъ моя рука.
 Плутовку надо наказать примѣрно:
 Нашла она дурное ремесло.
 «Въ шестомъ часу»... но солнце ужъ къ зениту
 Подвинулось... И ты все ждешь? Бѣдняжка!
 И голоденъ, конечно? Ха-ха-ха!

[Какъ бы печально ломаетъ таблетку].

Ахъ, стыдъ какой! Прости меня, Сагитта!
 Погибли Магры хитрѣя слова,
 Обрекшїя трибуна — карауломъ
 Стоять въ еврейской лавкѣ.

САГИТТА.

Еслибъ ты
 Писала ихъ, о домина! — не только
 Еврейскимъ стражемъ — самъ евреемъ стать
 Согласенъ я!

ПОНЦИЯ.

Отвѣчено любезно,
 Но жертва не по адресу. Снеси
 Ее къ ногамъ божественной Понции:
 Она евреевъ любить.
 [Возвращаетъ Сагиттѣ обломки таблетки].

Будь такъ добръ —
 Когда домой ты будешь возвращаться,
 Забрось обломки эти въ желтый Тибръ
 Иль въ первую попутную цистерну.

САГИТТА [тихо].

Письмо твое?

ПОНЦИЯ [также].

Конечно.

САГИТТА [также].

Жизнь моя!

ПОНЦІЯ [также].

Прошу: безъ словъ и взглядовъ откровенныхъ.

САГИТТА [также].

Зачѣмъ ты уничтожила письмо?

ПОНЦІЯ [также].

А развѣ ты коллекцію собираешь
Любовныхъ писемъ?

САГИТТА [также].

Злая, какъ всегда!

ПОНЦІЯ [также].

Нельзя шептаться: люди наблюдаютъ.

САГИТТА [громко].

Исполню повелѣнье: утоплю
Обломки счастья...

ПОНЦІЯ [также].

Или самоубійца.

САГИТТА [весело].

Оно забыто, домина. Прощенья
Твой просить рабъ.

ПОНЦІЯ.

И онъ уже прощень.

Хоть встрѣтить я тебя не ожидала,
Но, — если говорю тебѣ теперь,
Что встрѣча очень кстати, — вѣрь, что кстати
Она и въ самомъ дѣлѣ.

САГИТТА.

Твой слуга.

ПОНЦИЯ.

Посмотримъ камни.

[Садится у лавки Ионы; онъ, съ низкими поклонами, раскладываетъ предъ ними драгоценности].

ПОНЦИЯ.

Эти изумруды

Блѣдны... Ты мнѣ показывалъ другіе.

ИОНА.

Оплечье нумидійскаго вождя?

ПОНЦИЯ.

Не помню... покажи! [Иона уходитъ вглубь лавки].

ПОНЦИЯ [быстро, Сагиттѣ].

Прошедшей ночью

Я съ мужемъ говорила. Онъ согласенъ

Дать мнѣ разводъ, но...

САГИТТА.

Хочетъ много денегъ?

ПОНЦИЯ.

Безстыдный онъ и алчный человѣкъ!

Боюсь: тебѣ тяжелыя условья

Поставить онъ.

САГИТТА.

Что до условій мнѣ!

Пускай возьметъ хоть все, что я имѣю,

Но дасть тебѣ свободу и зарю

Любви откроетъ намъ.

ПОНЦИЯ.

«Все что имѣю!»

Ребенокъ ты, Сагитта. А потомъ

Чѣмъ будемъ жить? Какъ бабочки — цвѣтами?

[Иона возвращается].

ЮНА.

Вотъ, госпожа. Съ тѣхъ поръ, какъ мѣръ стоитъ,
 Не видано подобныхъ изумрудовъ.
 Изъ рода въ родъ — наслѣдіе Югурты —
 Хранила ихъ Пальфуріевъ семья.
 Имъ — двѣсти лѣтъ. Но, хоть немного поздно,
 Они Юны не минули рукъ:
 Пришли въ закладъ, да и легли подъ спудомъ.
 Кушите! Я недорого отдамъ.

САГИТТА.

Несчастные Пальфуріи!

ВАЛЕРІЙ [про себя].

Сосѣда

Жалѣеть онъ, а у самихъ огонь
 Давно на крышѣ!

САГИТТА.

Что ты тамъ бормочешь?

ВАЛЕРІЙ.

Замѣтилъ я, что много разореній
 Въ средѣ фамилій старыхъ видитъ Римъ.
 Потопъ банкротствъ! Пальфуріи одни-ли?
 Гортензіевъ давно въ поминѣ нѣтъ,
 Нѣтъ Куріевъ, Атилиевъ, Метелловъ.
 Сокровища ихъ — въ лавкахъ іудейскихъ;
 А — сами гдѣ ѣдятъ они ячмень,
 Стыдъ нищеты въ лачугахъ укрывая, —
 Не знаютъ и не скажутъ тѣ, кого
 Они когда-то птичьими мозгами
 Кормили въ бѣломраморныхъ дворцахъ.

ПОНЦІЯ.

Отонъ сострилъ за ужиномъ удачно:
 Не римляне ѣдятъ свои обѣды,
 Ыдятъ обѣды римлянъ.

ВАЛЕРІЙ.

Разорень

Одинъ гостепріимствомъ; кліентурой
Другой на мель посаженъ. Этоть лѣзеть
Изъ кожи вонъ — не жаль послѣднихъ крохъ! —
Чтобъ одарить бездѣтнаго вельможу:
Авось, дескать, онъ вспомнить и меня,
Когда писать затѣетъ завѣщанье,
И, за мои грошовые дары, —
Какъ Зевсъ Данаю, — золотомъ осыпетъ.
Тому въ насмѣшку посылаетъ рокъ
Сенаторскія кресла и, въ придачу,
Сенаторскія траты. Не одинъ
Изъ всадниковъ, который поумнѣе, —
Почуявъ издалека, что его
Въ «отечества отцы» намѣтили цезарь, —
Бѣжалъ, какъ воръ, куда глаза глядятъ,
Отъ почестей, банкротству равносильныхъ.
Виницій до рубашки обнищаль,
Но гордъ, что тѣшилъ, въ званіи эдила,
Въ амфитеатрѣ играми народъ
И тысячу скотовъ четвероногихъ
Убилъ въ утѣху тысячи скотовъ
Двуногихъ, доморощенныхъ. Кальпурній,
Перикла гордой славой соблазненъ,
На мраморы истратилъ милліоны
И — вотъ, въ одинъ прекрасный день, узрѣлъ
Себя царемъ народа статуи. Славный
Народъ, клянусь Юпитеромъ! Ему —
Не то, что нашимъ римлянамъ — не нужны
Ни зрѣлища, ни хлѣбъ. Но самъ царекъ
Обголодалъ средь мраморнаго царства,
И застучалъ въ тиши его садовъ
Аукціона молотъ беспощадный! —
За грошъ пошли Лизиппъ и Пракситель!..
Эмилія загрызли астрологи,
Сирійская богиня, Озпрись:

Весь пестрый сбродъ божковъ и суевѣрій,
 Чтò — старый плуть и шарлатанъ — востокъ
 Нахально въ храмы Рима водворяетъ,
 На смѣну прародительскимъ богамъ.
 Евгенийъ проигрался на зеленыхъ,
 Маркъ лопнулъ на игрѣ за голубыхъ,
 Прокль прогорѣлъ, красавцу — пантомиму
 Клакёрами успѣхи создавая.
 Въ упадкѣ всё. Одни ростовщики,
 Чужою кровью сытые, жирѣютъ.

ПОНЦІА.

Онъ у тебя ораторъ — хоть куда!
 Былъ въ школѣ?

САГИТТА.

Нѣтъ, — природы вдохновець!

ВАЛЕРІЙ.

Но ни сенать, ни одурѣлый скопъ
 Обжоръ, муренъ вскормляющихъ рабами,
 Ни попрошайекъ жадная толпа,
 Ни празднества безпутныя, ни цирка
 Азартныя заклады, ни тяжба
 И кляузы искателей наслѣдства,
 Ни ханжество, ни музъ голодный хоръ,
 Не съѣли вмѣстѣ столько состояній,
 Какъ... [Умолкаетъ, косо взглянувъ на Понцію].

ПОНЦІА [весело].

Чтò же, новый Демосеень,
 Запнулся ты? Я подскажу, пожалуй:
 Какъ женщины, — не такъ-ли?

ВАЛЕРІЙ.

Ты права.

САГИТТА [съ неудовольствіемъ].

А ты несносно дерзокъ!

ВАЛЕРІЙ [холодно].

Только вѣренъ.

ПОНЦІА [смотря на него долгимъ взглядомъ. Потомъ, съ насмѣшливымъ вызовомъ, Іонѣ].

Іона, эти камни я беру. [Встаетъ].

САГИТТА [тихо Іонѣ].

Ты ихъ отправишь вмѣстѣ съ ожерельемъ.

ІОНА.

А счетъ?

САГИТТА.

Валерію.

[Понція и Октавій Сагитта отходятъ отъ лавки и, поднимаясь по лѣстницѣ къ портику, бесѣдуютъ между собою].

ІОНА [смѣясь, Валерію].

Развязывай кошель!

ВАЛЕРІЙ [про себя].

И я, глупецъ, что трачу съ сумасшедшимъ
Слова!.. Чтò мнѣ за дѣло, наконецъ?
Родной онъ что-ли мнѣ? Да будь, чтò будетъ!
Пусть разоряется! Не одолѣть судьбу:
Съ любовницею другъ не выдержитъ борьбу!
[Отходитъ съ Іоною].

НИЦІЙ [кричитъ].

Добрые люди, во имя матери Изиды и всѣхъ божествъ
Нила, помогите бѣдняку, который зналъ лучшіе дни!

ПОНЦІЯ [стоя на поворотѣ лѣстницы, Окт. Сагитта].

Ты долженъ съ мужемъ видѣться. Свободнѣй
Держи себя. Не покажи ему,
Что сильно любишь ты меня. Иначе.
Запроситъ онъ — торгашъ — такую цѣну,
Что золота испанскихъ рудниковъ
Не хватитъ выкупить мою свободу.
Небреженъ будь: молъ — прихоть лишь одна
Меня толкаетъ въ эту сдѣлку; если
Сойдемся мы, — прекрасно; если нѣтъ, —
Что дѣлать? я отъ горя не заплачу.

САГИТТА [угрюмо].

Притворство... Ложь...

ПОНЦІЯ.

Октавій, ты чудакъ.

Ну, что такое ложь? Слова. А правда?
Опять слова. Одни, взаимѣнь другихъ,
Слова сказать — не стыдно, если этимъ
Удешевится счастье.

САГИТТА.

Хорошо.

Я притворюсь.

ПОНЦІЯ.

Мой мужъ играть охотникъ
Красивыя трагедіи. Начнетъ
Кричать о добродѣтели, о предкахъ,
Объ очагѣ поруганномъ... Не вѣрь!
Все это — фарсъ изъ пошлой ателланы.
Торгашъ до дна души онъ, но гораздъ
Прикрыть корысть личиной благородства.

САГИТТА.

Какъ ненавидишь ты его!

ПОНЦІА.

О, да.

Въ душѣ моей нѣтъ искреннѣе чувства,
Чѣмъ ненависть къ Постумію.

САГИТТА.

А наша

Любовь?

ПОНЦІА.

Когда освободишь меня
Отъ брака ненавистнаго, узнаешь,
Какъ я любить умѣю... и ласкать!
До той поры — прости: стоить межъ нами
Насмѣшливой и злобною преградой
Постумія властительная тѣнь.
Сознаніе, что я — его, отраву
Въ чистѣйшія вливаетъ наслажденья.
Когда я вспомню, что свиданье это —
Моя рука въ твоей рукѣ — лишь мигъ,
А тамъ...

САГИТТА.

Молчи! молчи!

ПОНЦІА.

Октавій! милый!

Спаси меня!

САГИТТА.

Спасу — хотя-бъ на Оссу
Мнѣ взгромоздить пришлось Пеліонъ!
Тебя спасаю, я себя спасаю.
О, Понція! ужасна жизнь моя, —
Жизнь, полная ревнивыхъ опасеній,
Коварныхъ грезъ, насмѣшливыхъ видѣній!
Тебѣ невѣдомъ ревности недугъ.

Въ недугѣ этомъ много раздѣлений,
 Но есть одно—тяжеле всѣхъ другихъ:
 То—ревность правъ, взаимною любовью
 Дарованныхъ, къ правамъ, что, безъ любви,
 На женщину законъ даетъ мужчинѣ.
 То—мой недугъ! Когда, въ ночной тиши,
 Безсонницей на ложѣ одинокомъ
 Я мучаюсь, мечтая о тебѣ,—
 Проклятаго недуга лихорадка
 Мнѣ посылаетъ сумасшедшій бредъ.
 Въ отравленномъ моемъ воображеньи
 Картины безобразныя скользятъ.
 Ты... онъ... Постумій—эта злая жаба,
 Которую, въ насмѣшку мнѣ, Юпитеръ
 На двѣ ноги поставилъ и велѣлъ—
 Не зная самъ, зачѣмъ—звать человѣкомъ!
 Я вижу васъ... я вижу ваши ласки...
 И дальше ужъ не вижу ничего!
 Въ глазахъ—огни, кровавые потоки;
 Звенить въ ушахъ, и, будто молотки,
 Стучать въ вискахъ раздувшіяся жилы...
 И убивать мнѣ хочется!

ПОНЦІА.

Ты страшенъ!

САГИТТА.

Прости: я позабылся.

ПОНЦІА.

Бѣдный мой!

Меня ты слишкомъ любишь.

САГИТТА [горько].

Да... быть можетъ!

ПРОДАВЩИЦА КОРАЛЛОВЪ [кричитъ].

Вотъ каменные цвѣты моря, красные, какъ кровь, холодные и твердые, какъ сердце матроны! покупайте кораллы! они помогаютъ отъ дурного глаза и привлекаютъ женскую любовь.

[Въ теченіе послѣдней сцены изъ толпы выдѣляются преторъ Вибуллій и молодежь 1-й сцены: Лелій, Авреліанъ, Гельвидій, Муціанъ, Созіанъ и др. Въ глубинѣ проходитъ Пальфурій Сура, обнявшись съ гладіаторомъ Сифаксомъ].

ВЪСТОВЩИКЪ [кричитъ].

Доблестные граждане! спѣшите на представленіе, которое даетъ вамъ храбрый Маркъ Виницій, эдиль, въ амфитеатрѣ Клавдія. Будетъ бой слона съ буйволомъ и борьба атлетовъ.

ХОЗЯИНЪ ТАВЕРНЫ [кричитъ].

Прохожіе! воины! граждане и иностранцы! всѣ, кого измаялъ солнечный зной! милости просимъ! подъ тѣнь плюща, къ кружкѣ вина—прекраснаго вина изъ Фалерна! Вино! Вино! Вино-о-о-о!

ВОДОНОСЪ [кричитъ].

Вода, ключевая вода изъ Анніева фонтана, очищенная золотистымъ лимономъ. Кто хочетъ дожить до старости, пей воду изъ Анніева фонтана!

[Пальфурій Сура и Сифаксъ проходятъ къ тавернѣ].

СЦЕНА IV.

ЛЕЛІЙ.

Смотри: Пальфурій Сура!

АВРЕЛІАНЪ.

Стадіона

Герой, въ борцы бѣжавшій изъ Сената!

СОЗІАНЪ.

И съ кѣмъ же? Съ гладіаторомъ! Позоръ!

ВИВУЛЛІЙ.

Средь бѣла дня!

МУЦІАНЪ.

Сынъ консуляра!

ЛЕЛІЙ.

Ужасъ!

ВИВУЛЛІЙ.

Куда идемъ мы?!

ГЕЛЬВИДІЙ.

Видишь: на арену.

[Пальфурій Сура и Сифаксъ пьютъ].

ПАЛЬФУРІЙ.

Такъ вотъ, Сифаксъ, схватились мы. Кротонъ
Ногами—знаешь—крѣпокъ особливо.
Впился, какъ дубъ, въ арену,—не свернешь!
Скользить рука по масляному тѣлу...
А онъ-то грудью претъ—гора-горой!
На плечи давить каменною лапой,
Самъ красный, очи кровью налились—
Страшилище изъ басенъ стародавнихъ!
Ужъ какъ его свалить мнѣ удалось,
Не помню. Слышу громъ рукоплесканій,
А свѣтъ ушелъ изъ глазъ, и воздухъ полонъ
Зелеными кругами... Ну,—вздохнулъ,
Гляжу: лежитъ Кротонъ... и кровь изъ глотки...

ЛЕЛІЙ [черезъ улицу].

Эй, Сура!

П. СУРА.

Кто зоветъ?!

ЛЕЛІЙ.

Пріятель.

П. СУРА.

Ба!

Такъ есть еще между отродьемъ вашимъ
Пріятели у Суры?

ЛЕЛІЙ.

Ты письма

Не получалъ изъ тартара, Пальфурій?
Родитель твой, покойный консуляръ,
Тебя съ побѣдой славной поздравляетъ
Надъ силачемъ Кротономъ.

ВИВУЛЛІЙ.

Надъ моимъ

Рабомъ, три раза сѣченнымъ за кражи.

АВРЕЛІАНЪ.

Онъ только сожалѣеть, что Кротоны
Помялъ тебѣ сенаторскія ребра.

ГЕЛЬВИДІЙ.

Эй, консуляръ! Когда вонъ съ тѣмъ скотомъ,
Котораго на привязи ты водишь,
Ты выйдешь на арену, — дай мнѣ знать:
Я за тебя держу.

СОЗІАНЪ.

Я за Сифакса.

МУЦІАНЪ.

Достойные товарищи!

ЛЕЛІЙ.

Краса

Арены!

АВРЕЛІАНЪ.

Радость стадіона!

СОЗІАНЪ.

Гордость

Тысячелѣтнихъ предковъ!

всѣ.

Ха-ха-ха!

П. СУРА [встаетъ, въ вызывающей позѣ].

Чтò вы ко мнѣ пристали, злыя шавки?!
 Ну, я Пальфурій Сура, консуляръ,
 И сталъ атлетомъ. Ну, красой арены
 Зовутъ меня. Что дальше?.. Ты, Антистій,
 О предкахъ сокрушаешься? Да громъ
 Ихъ разрази! Какъ будто я виновенъ,
 Что родился потомкомъ ихъ? Повѣрь:
 Когда бы отъ меня зависѣлъ выборъ,
 Я выгоднѣй родиться бы сумѣлъ.
 Происходя отъ Ромула, отъ Нумы,
 Жить въ наше время значить — голодать.
 Ты, Лелій, попрекнулъ меня заслугой
 Отца? Увы! она не кормить сына.
 Кто Риму служить правдою, тотъ крышу
 Надъ собственной ломаетъ головой.
 Mé misegum! Зачѣмъ отецъ покойный
 Леталъ на Рейнъ съ Германика орлами?
 Побѣдами обогащая Римъ,
 Чтò нажилъ онъ себѣ? Рубцы, да раны,
 Да дюжину растрепанныхъ вѣнковъ,
 Да похвалу въ стихахъ высокопарныхъ.
 Зачѣмъ — какъ этотъ вотъ плѣшивый плутъ —
 Онъ не сидѣлъ хозяиномъ въ тавернѣ,
 Мѣшая воду въ скверное вино?
 Зачѣмъ, какъ дѣдъ Вителлія, не шилъ
 Онъ башмаковъ красавицамъ придворнымъ?
 Когда бы вмѣсто музыки меча
 Онъ изучилъ языкъ унылой лютни
 Иль флейтою пискливой услаждалъ

Влюбленный слухъ матроны престарѣлой;
 Иль, сына позабывъ во мнѣ, въ товаръ
 Честь обратить мою; — тогда, конечно,
 Мнѣ не пришлось бы выбирать умомъ,
 Пришпореннымъ запросами желудка:
 Чтò лучше? — воду пить, глотать сухарь,
 Ходить въ одномъ плащѣ зимой и лѣтомъ,
 Иль деньги взять и сдѣлаться атлетомъ?..

ПОНЦІА [съ портика, смѣясь].

Клянусь Юноной, Сура молодецъ
 И хорошо насмѣшникамъ отвѣтилъ.

ВИВУЛЛІЙ.

Ты осквернилъ домашній свой очагъ,
 Великое святилище пенатовъ.

П. СУРА.

Такъ имъ и надо. Хороши пенаты,
 Коль не спасли меня отъ нищеты!

МУЦИАНЪ.

Ты сталъ позоромъ нашего сословья:
 Досель межъ нами не было шутовъ.

П. СУРА.

Когда бы съ вами вздорить я желалъ,
 Источникъ вашего негодованья
 Назвалъ бы вамъ, да не хочу.

ЛЕЛІЙ.

Скажи!

Всѣ.

Скажи! скажи!

П. СУРА.

Источникъ этотъ — зависть. [Хохотъ].

СОЗІАНЪ.

Ты, Сура, шутъ — и даже презабавный!

П. СУРА.

Конечно, зависть. Ну, кому нужны
 Вы всѣ — потомки консуловъ, эдиловъ
 И прочая? Однимъ ростовщикамъ,
 Да Палатина жаднымъ куртизанкамъ.
 Кто знаетъ васъ? Наслѣдники — пѣвки,
 И то — пока не вынюхаютъ, кто
 Наслѣдникъ по духовной настоящей.
 А я, атлетъ, всему я Риму нуженъ!
 Меня, атлета, знаетъ цѣлый Римъ!
 И миллионъ сердець любовью связанъ
 Съ моею каждой мышцею тугой.

МУЦІАНЪ.

Римъ Риму рознь. Снискать любовь Субурры
 Честь небольшая, Сура.

П. СУРА.

Нѣтъ, мой Римъ —
 Вездѣ, гдѣ свѣтитъ цезарево солнце.
 Кого изъ васъ онъ другомъ звалъ? А я
 Державными устами былъ цѣлованъ,
 На зло вамъ всѣмъ, завистникамъ!.. Когда
 Слыхали вы толпы рукоплесканья?
 Бросали-ль вамъ душистые цвѣты
 Красавицы? Ступали-ль вы по розамъ,
 Какъ по ковру?.. Ты, Муціанъ, женатъ?
 Благослови рога твои, Юпитерь!
 А мнѣ жены не надобно. Зачѣмъ?
 Съ тѣхъ поръ, какъ я борець, всѣ жены Рима
 Пальфурію принадлежать...

МУЦІАНЪ.

Наглець!

[Бросается на Пальфурія. Остальная молодежь слѣдуетъ за нимъ. Рабы кліенты, замѣтивъ ссору, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ на помощь господамъ].

П. СУРА [рѣваетъ Муціана].

Ого, Сифаксъ! на насъ, братъ, нападаютъ!

ПОНЦІА.

Вдесятеромъ идутъ на одного!
Не честный бой!

ГОЛОСА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Держись, Пальфурій Сура! —
Мы за тебя! — Долой молокососовъ!

ІОНА.

О, Богъ отцовъ! Мальчишка! гдѣ засовъ?
Я знаю эти уличныя свалки:
Чуть опоздаешь лавку запереть, —
И нищій ты, ограбленный до нитки!
[Многія лавки затворяются].

СИФАКСЪ [вскочилъ на столъ и кричитъ
громовымъ голосомъ].

На помощь, Римъ, на помощь! Убиваютъ
Пальфурія, любимца твоего!
Эй вы, друзья желѣза! дѣти Марса!
Солдаты! гладіаторы! къ намъ! къ намъ! [Общая свалка].

ПОНЦІА [любуясь П. Сурою].

Красавецъ онъ, клянуся Геркулесомъ! —
И смѣль, какъ левъ Нумидіи пустынь.

П. СУРА [замѣтивъ Понцію].

Смотри Сифаксъ: никакъ, сама Венера
Явилась намъ съ тобой рукоплескать?

[Взводъ преторіанцевъ пробивается сквозь толпу и возстановляетъ порядокъ].

ЦЕНТУРІОНЪ.

Кто былъ зачинщикъ драки?

ЛЕЛІЙ [указывая на Суру].

Онъ.

П. СУРА [указывая на патриціевъ].

Они.

ВИБУЛЛІЙ [выступая впередъ].

Атлетъ зачинщикъ. Взять его.

ЦЕНТУРІОНЪ [тихо].

Но, преторъ,

Вѣдь это самъ Пальфурій Сура...

ВИБУЛЛІЙ.

Что же?

ЦЕНТУРІОНЪ.

На консуляра руку наложить
Не властенъ я. Притомъ же всѣмъ извѣстно:
Пальфурій близокъ къ цезарю.

ВИБУЛЛІЙ [вспыхнувъ].

Солдаты!

Возьми его: я преторскою властью
Повелѣваю. Или въ Римѣ нѣтъ
Уже закона?

ЦЕНТУРІОНЪ.

Доблестный Вибуллій,

Я повинуюсь. [Нерѣшительно приближается къ Сурѣ].

П. СУРА [угрожаетъ].

Эй, не подходи!

ПОНЦИЯ.

Октавій, зацтити ихъ: справедливость
И мужество — за этими двумя.

[Октавій Сагитта сходитъ съ портника въ толпу].

САГИТТА.

Остановись, центуріонъ.

ЦЕНТУРІОНЪ.

Но преторъ...

САГИТТА.

Пальфурия беру я подъ защиту,
На полную отвѣтственность свою.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДЪ.

Трибунъ Октавій!.. Нашъ трибунъ!.. Сагитта!..
Да здравствуетъ, да здравствуетъ трибунъ.

ВИВУЛЛІЙ.

Вмѣшался ты и дерзко, и не кстати.
Я даль приказъ — исполненъ будетъ онъ.

САГИТТА.

Приказа нѣтъ, когда раздалось veto
Изъ устъ трибуна. Отпустить его!

ВИВУЛЛІЙ.

Трибунъ! отвѣтишь ты передъ сенатомъ.

САГИТТА.

Нѣтъ, насъ разсудитъ цезарь — не сенатъ.

П. СУРА [выступаетъ впередъ].

Благодарю, трибунъ. Спасибо тоже
Вонъ той богинѣ, что, лукавымъ окомъ
Сверкала, насъ и видитъ, и не видитъ...

[Беретъ у цвѣточницы розу и низко кланяется Понціи].

Домина Понція! Напрасно хочешь ты
 Подъ шелкомъ скрыть румянецъ щечки смуглой.
 Я видѣлъ: ты рукоплескала мнѣ...
 Такъ вотъ тебѣ — на память нашей встрѣчи! [Бросаетъ ей розу].
 Идемъ, Сифаксъ. Да голову склони —
 Ты, толстый звѣрь! — пониже предъ трибуномъ!
 [Насмѣшливо кланяется претору].

Прощай, Вибуллій!.. [шѣжно].

Понція, прощай!

[Дѣлаетъ повелительный жестъ преторіанцамъ].

Дорогу другу цезаря Нерона!

[Уходитъ, сопровождаемый радостными криками толпы. Понція тихо спускается по лѣстницѣ].

САГИТТА.

Отдай мнѣ розу эту.

ПОНЦІЯ [съ тайнымъ неудовольствіемъ].

Для чего?

САГИТТА.

Я заслужилъ ее, надѣюсь?

ПОНЦІЯ [лукаво].

Правда.

Но жалкою наградою такой
 Мнѣ стыдно обижать тебя. Возьми
 Другую розу: эта ужъ увяла,
 Осыпаться готовы лепестки,
 И блѣденъ цвѣтъ, и аромать въ ней слабый.

[Вынимаетъ изъ-за уха розу, а на мѣсто ея, прикалываетъ розу П. Суры].

Возьми вотъ эту. Видишь, какъ красны
 Ея листки? Своимъ благоуханьемъ
 Они тебѣ мои расскажутъ тайны:
 Что ни листокъ, то стихъ моей поэмы,
 Душистою любовью вдохновенной...

[Садится въ носилки. Октавій цѣлуетъ ей руку и сопровождаетъ ее].

ВИВУЛЛІЙ [вслѣдъ ему].

Октавій, до свиданья. Дружба — врозь!
Не позабуду сердцемъ оскорбленнымъ
Я ссоры этой...

САГИТТА [обернулся и презрительно по-
жалъ плечами].

Горе побѣжденнымъ!

В. А. Мазуркевичъ.

—
I.

О С Е Н Ь.

Скромныя, блѣдныя лиліи,
Гордыя, красныя розы!..
Вянуть въ тоскѣ и безсиліи
Лѣтнія грѣзы.

Дышутъ холодною осенью
Сѣрыя, блеклыя краски.
Вмѣстѣ съ небесною просинью
Стынутъ и ласки.

Листья съ деревь осыпаются,
Точно мечты молодя,
Въ блѣдный туманъ одѣваются
Сны золотые!

Грустно... Въ тоскливомъ безсиліи
Точать предсмертныя слезы
Скромныя, блѣдныя лиліи,
Гордыя розы!..
—

II.

ЗАТИШЬЕ.

Ночь зажгла погребальныя свѣчи...
Надъ землею клубятся туманы...
Все безсвязнѣй усталыя рѣчи, —
Все понятнѣй былые обманы.

Въ тихомъ сумракѣ рѣютъ видѣнья,
Тростники что-то шепчуть въ испугѣ,
Все цвѣты наклонились въ смятенѣ
И блѣднѣютъ въ предсмертномъ недугѣ.

Огоньки на болотѣ блуждаютъ,
Трепеща надъ забытой могилой,
То померкнуть, то снова мерцаютъ,
Точно факелы тризны унылой.

И гудитъ погребальное пѣнье,
И несутся туманные хоры, —
Выше... выше въ беззвучномъ смятенѣ
Черезъ лѣсъ, черезъ доль, черезъ горы.

Непонятная Тайна угрюмо
Распростерла зловѣщія крылья, —

Миръ окованъ гнетущею думой
И затихнулъ въ сознаньѣ безсилья...

Гасить ночь погребальныя свѣчи...
Тьмой объаты были обманы...
Замолчали усталыя рѣчи...
Надъ землей опустились туманы...

Ш.

СТРАСТЬ.

Не гонись за призракомъ мятежнымъ:
Миръ страстей лишь издали хорошъ,
Но звучитъ въ его призывѣ нѣжномъ
Обольщеній вкрадчивая ложь.

Не гонись за нѣжащимъ обманомъ,—
Усыплетъ онъ музыкой рѣчей,
Обовьетъ чарующимъ туманомъ
Миръ души неопытной твоей.

Дышетъ страсть горячимъ опьянѣнемъ;
Свѣтлый рой невысказанныхъ грѣзъ
Опалитъ она нѣмымъ сомнѣнемъ
Обожжетъ огнемъ ревнивыхъ слѣзъ.

И поблекнутъ чистыя мечтанья,
Опадутъ минутные цвѣты,
И уйдетъ отъ муки обладанья
Грустный геній падшей красоты.

Гимнъ страстей заманчивъ, но опасенъ;
Въ немъ звучитъ чарующая ложь...
Миръ любви возвышенъ и прекрасенъ,—
Миръ страстей лишь издали хорошъ.

К. Дворжецкій.

НАДЪ МОГИЛОЙ.

Плита отвалена, и свѣжею струей.
Во мглу могильную ворвался воздухъ вешній,
 Неся съ собой и ароматъ черешни,
 И солнца лучъ чудесно-золотой.
Покрытымъ плѣсенью — исчезла съ нихъ парча —
Гробамъ не отразить волшебнаго луча;
 Отъ времени они позеленѣли,
Но, какъ морщины, и на нихъ явился щели...
 И лучъ скользнулъ во внутрь... Но милыхъ мертвецовъ
Смутить-ли очи онъ сіяньемъ необычнымъ,
 И запахомъ черешни непривычнымъ?
Нарушился ли миръ ихъ безконечныхъ сновъ?
 Кто знаетъ? — мертвая царила тишина,
И слышно не было ни вздоха, ни рыданья,
 Ни возгласа нежданнаго свиданья,
 Ни лепета встревоженнаго сна.
И вотъ, — къ тѣмъ двумъ гробамъ спустился гробикъ третій,
 И на его парчѣ лучъ солнца заигралъ.
Къ своимъ покойникамъ спустили внучку дѣти,
 И кто-то наверху надъ нею зарыдалъ.
« — Спя, вѣчно, милая! Ты съ нами — не одна!
Могилы для тебя не можетъ быть страшна.

Они тебя поймутъ, и протекутъ въ бесѣдѣ
Столѣтїи у васъ, вы — вѣчные сосѣди...

Ты про отца и мать расскажешь старикамъ,
Они повѣдаютъ свои тебѣ видѣнья...

Да, мы еще придемъ, — а тамъ —
Тамъ не далѣко воскресенье!..»

Н. К. Никифоровъ.

*
* * *

Если въ мгновенье чудесное
Жизни убавится гнетъ;
Въявь ли видѣнье небесное
Вдругъ предъ тобою мелькнетъ;

Иль въ очертаньяхъ неясное,
Въ смутной таинственной мглѣ,
Что-то приснится прекрасное,
Нѣтъ чего здѣсь, на землѣ;

Слуха коснется ли нѣжная
Чудная пѣсня безъ словъ,—
Пусть твоя память прилежная
Образъ хранить этихъ сновъ!

Возстанови благодатное
Зрѣніемъ чистой души,
Уразумѣй непонятное
Любящимъ сердцемъ въ тиши.

Радуйся! Міра нездѣшняго
То впечатлѣнье въ быломъ,—
Это тебя, безугѣшняго,
Ангель коснулся крыломъ.

Это предчувствіе скрытаго,
Зоркость грядущаго «я»,
Отзвуки рай, забытаго
Въ темныхъ путяхъ бытія.

К. Н. ЛЬДОВЪ.

I.

Мы ѣхали улицей тѣсной,
Межь сѣрыхъ и хмурыхъ домовъ,
И темень былъ глуби небесной
Надъ нами нависшій покровъ.

Но ты въ это небо смотрѣла,
Забывъ о туманѣ сѣдомъ,
И звѣздная розсыпь горѣла
Во взорѣ твоємъ молодомъ.

И, бездной плѣнень голубою,
Постигъ я въ ея глубинѣ,
Что небо не тамъ, а съ тобою,
Что небо — въ тебѣ и во мнѣ.

II.

Лепестки азалий алыхъ
Грезять въ томной тишинѣ,
О восторгахъ небывалыхъ
Въ очарованной странѣ.

Тамъ цвѣтеть, не отцвѣталъ,
Все прекраснѣй, все бѣлѣй,
Непорочная, свята,
Самодержица полей.

Мотыльки къ царицѣ лѣта
Прилетаютъ на поклонъ,
Соловьи поютъ расцвѣта
Нескончаемый канонъ.

Ночь пахнѣтъ крыломъ прохлады, —
Въ убаюканной тѣни,
Свѣтляки зажгутъ лампады
И дозорные огни.

И, блаженны безъ усилий
Ароматной красотой,
Преклонятся сонмы лилій
Передъ лиліей святой.

Надъ ложницею ночлега
Вознесетъ звѣздный храмъ,
И сольются блескъ и нѣга
Въ несказанный фиміамъ.

Только дремлющихъ азалий
Сохранить опальный цвѣтъ
Слѣдъ восторговъ, слѣдъ печалей
И лобзаній алый слѣдъ.

III.

Блаженства тайнаго полна,
Блаженства не прося,
Изъ свѣтлыхъ сновъ ты создана
И свѣтлый сонъ ты вся.

Какъ я люблю твои мечты!
И какъ понятно мнѣ,
Что міръ твой истинный — не ты,
Что правда — лишь онѣ.

А. П. Михневичъ.

СМЕРТЬ ПУШКИНА.*)

(29 января 1837 г.)

Рабочій кабинетъ Пушкина въ домѣ княгини Волконской на Мойскѣ. Большая, просто убранная комната съ боковыми дверями: въ гостиную и въ спальную. Въ глубинѣ кабинета — турецкій диванъ, заставленный ширмами; по бокамъ — столы, заваленные бумагами и книгами. Вдоль стѣнъ — два большихъ библиотечныхъ шкапа, на которыхъ бюсты Шекспира и Байрона. — Зимній день.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пушкинъ лежитъ, за ширмами, на турецкомъ диванѣ; докторъ Даль сидитъ у его изголовья; входитъ Жуковский.

ЖУКОВСКІЙ [тихо].

Ну, что, скажите: есть еще надежда?

ДАЛЬ.

Быль отъ царя сейчасъ лейбъ-медикъ Арндтъ
И подтвердилъ, что Пушкинъ безнадеженъ!

*) Заключительная сцена трагедіи того же имени.

Онъ удивлялся даже, что поэтъ
Не изнемогъ и борется со смертью;
Другой отъ раны умеръ бы давно,
А онъ страдаетъ, вотъ ужъ третьи сутки...
Аридтъ говорилъ, что въ жизни не встрѣчалъ
Онъ крѣпкаго такого организма...
Все Пушкину сулило долгій вѣкъ,—
Но, какъ свѣча, онъ передъ нами таетъ... [утираетъ слезы].

ЖУКОВСКИЙ.

Ахъ, если бы могла любовь народа
Спасать людей, нашъ Пушкинъ былъ бы живъ!..
Сибѣшагъ отвсюду... Денегъ вдвое платять,
Чтобъ «къ Пушкину!» скорѣй сюда везли,—
А гдѣ живетъ онъ, кто теперь не знаетъ!
Вся площадь ближняя полна народу:
Студенты, дамы, слуги, мужики,
Чинovníки, торговцы, офицеры,—
Всѣ знать хотять, что дѣлается тутъ?

ДАЛЬ.

«О, люди! жалкій родъ!» Давно-ль старались
Одно дурное видѣть только въ немъ,
Теперь же вдругъ онъ сталъ какимъ-то богомъ,—
И всѣ его возносятъ до небесъ?
Я слышала самъ, въ толпѣ поднялся голосъ,
Что за поэта надо отомстить:
Хоть окна перебить у Гекерена
И разнести его проклятый домъ!

ЖУКОВСКИЙ.

Не въ Персіи живемъ мы, слава Богу!
Здѣсь, близъ дворца, совсѣмъ не Тегеранъ,
Гдѣ дико Грибоѣдова убили:
Не стѣять мести этотъ Гекеренъ,—
И ничего подобнаго не будетъ!..
Все выдумки безсовѣстныхъ враговъ...

ДАЛЬ.

Но тише, тише!.. Онъ сейчасъ проснется...

[Пушкинъ издастъ мучительный стонъ].

ЖУКОВСКІЙ.

Молчу, молчу...

ДАЛЬ [подходи къ Пушкину].

Не надо ли чего?

ПУШКИНЪ [очнувшись].

Который часъ?

Друзья Пушкина подходят къ дивану, на которомъ онъ лежитъ, и раздвигаютъ ширмы].

Ахъ, долго-ли мнѣ мучиться придется?!

Пожалуйста... пожалуйста, скорѣй!.. [Сдерживая стонами, только дѣлаетъ порывистыя движенія руками, прикладывая ко лбу ледъ].

ДАЛЬ.

Что дѣлать, дорогой мой, потерпите!

ПУШКИНЪ.

Ахъ, говори со мною, Даль, на «ты»! [Протягивая ему руку].

Вѣдь, ты мнѣ другъ?

ДАЛЬ.

Ужель вы сомнѣвались?

ПУШКИНЪ.

Такъ отчего-жъ не говорить мнѣ — «ты»?

ДАЛЬ.

Изволь, приму твое я предложеніе...

Ну, не стыдись своей жестокой боли,

Стонай сильнѣй, тебѣ же будетъ легче!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ? Не надобно стонать!
Жена услышитъ... право, вѣдь, смѣшно же,
Чтобъ этотъ вздоръ... меня осилилъ... нѣтъ!
Я не хочу... [съ усиленіемъ сдерживая стоны].

Да скоро-ли конецъ?

ДАЛЬ.

Мы всѣ надѣмся... Ты не теряй надежды!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, чувствую... ужь мнѣ не долго жить!
Умру я скоро... видно, такъ и надо?!
Ну, что же, Даль! сознайся: я умру?

ДАЛЬ [живо].

Мы за тебя надѣмся, мой милый!
Да, право же, надѣмся теперь...

ПУШКИНЪ.

Спасибо, другъ!.. Да, нѣтъ! плоха надежда:
Тоска, тоска!.. изныло сердце все...

[Съ безпокойствомъ мечется по дивану].

Поправь подушку! [Даль поправляетъ].

Вотъ и хорошо!

Вотъ такъ прекрасно! Ну, теперь довольно!
Такъ хорошо,—но потяни мнѣ руку,
Еще, еще... ну, будетъ... хорошо!.. [Нѣсколько успокоившись].
Гречь приглашалъ на погребенье сына,
Такъ передай, что искренно мнѣ жаль...
Кто у жены?

ДАЛЬ.

Тамъ множество народу,
Весь Петербургъ толпится у дверей,
Чтобъ справиться: въ чемъ дѣло? какъ здоровье?..

Недавно былъ въ сѣняхъ великій князь,
А поутру самъ государь справлялся...

ПУШКИНЪ.

Не можетъ быть?! [съ усиленіемъ приподымается на диванѣ, но тотчасъ же падаетъ].

Какъ жаль, что не могу

Принять, кого хочу: мнѣ не подь силу!..

Спасибо всѣмъ!.. Однако, ты пооди,

Скажи женѣ, что мнѣ гораздо лучше,

А то ей тамъ еще наговорять... [Снова дѣлаетъ движеніе и стонетъ].

Кто здѣсь со мной останется?

ДАЛЬ.

Жуковскій.

ПУШКИНЪ.

Такъ ты иди, пожалуйста, къ женѣ,

А я останусь съ несравненнымъ другомъ!

[Даль уходитъ; Пушкинъ протягиваетъ руку Жуковскому].

ЯВЛЕНІЕ II.

А. С. Пушкинъ и В. А. Жуковскій.

ПУШКИНЪ.

Охъ, тяжело!.. Учитель дорогой,

Заплакалъ ты, мой страданья видя?

[Жуковскій, со слезами на глазахъ, цѣлуетъ руку Пушкина].

Что дѣлать? Божья воля!.. Ты не плачь!

Прошу тебя, отправься къ государю,

Моли его, чтобъ онъ меня простилъ!..

ЖУКОВСКІЙ.

Я изъ дворца... Самъ царь тебя прощаетъ...

Не разъ онъ другомъ называлъ тебя,

И на глазахъ его дрожали слезы...

ПУШКИНЪ.

Ну, слава Богу! Я теперь умру
Спокойнѣ!.. Спасибо государю!
Меня своимъ прощеньемъ ободрѣлъ...
А смерть идетъ... Одно мнѣ только больно,
Что я въ нуждѣ оставлю здѣсь дѣтей...

ЖУКОВСКІЙ.

Царь слово далъ вполнѣ ихъ обезпечить.

ПУШКИНЪ.

Онъ такъ сказалъ? [Жуковскій только киваетъ головою, не будучи въ состоянн, отъ слезъ, произнести ни одного слова; Пушкинъ приподнимается на руки].

Повѣдай государю,

Что пожалѣлъ я умереть теперь:
Я былъ бы весь его!.. Скажи, что я желаю
Со славою долго царствовать ему,
Что я ему желаю счастья въ сынѣ
И счастья въ Россіи дорогой.

[Снова падаетъ на диванъ, утомленный длинною рѣчью].

ЖУКОВСКІЙ.

Ты самъ живи! Всѣ, всѣ того желаютъ...

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, я усталъ... пора и на покой!
Опять тоска... опять заныло сердце...
Но кто идетъ? [Входятъ: Даль, Александра Николаевна Гончарова*) и Данзасъ; за ними крадется Наталья Николаевна и незамѣтно останавливается у изголовья мужа].

*) Старшая сестра жены Пушкина, Натальи Николаевны, жившая у нея въ домѣ; К. К. Данзасъ — подполковникъ, лицейскій товарищъ Пушкина и его секундантъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же; Даль, Гончарова, Данзасъ и Н. Н. Пушкинъ.

ПУШКИНЪ [Александръ Гончаровой].

Ахъ, это вы, сестрица!
И вы пришли?.. За все благодарю:
За искренность, любовь ко мнѣ и ласку,—
Спасибо вамъ!.. [жметъ ей руку].

Но дайте слово мнѣ,
Что за дѣтьми присмотрите мои!

ГОНЧАРОВА.

Я обѣщаю остальную жизнь
Имъ посвятить... не выйду замужъ я!

ПУШКИНЪ.

Нѣтъ, выходите!.. но себѣ избравъ
Достойнаго...

ГОНЧАРОВА.

А вы мнѣ обѣщайте
Простить сестру...*) Она васъ слезно молить
Не проклинать, а отъ души простить...

ПУШКИНЪ.

За что простить? Да въ чемъ ея вина?
По прежнему, люблю ее всѣмъ сердцемъ...
Скажите ей, предъ смертью такъ сказать!..

[Надъ головою Пушкина внезапно раздаются рыданія жены].

Но здѣсь жена?.. Скорѣ уведите!

[Александра Николаевна уводитъ плачущую сестру].

Я не хочу, чтобъ мучилась она...
Данзасъ, мой братъ! Сними кольцо на память,

*) Другая сестра г-жи Пушкиной — Екатерина Николаевна, вышедшая замужъ за д'Антеса.

Носи его и помни обо мнѣ!

[Данзасъ со слезами беретъ кольцо у Пушкина].

Да что-жь ты плачешь? Что тебя такъ мучить?

ДАНЗАСЪ.

О, братъ мой милый! Сдѣлай только знакъ,—
И я клянусь д'Антеса уничтожить!..

ПУШКИНЪ.

Я требую, чтобъ мстить не смѣлъ никто
За смерть мою; д'Антеса я прощаю
И умереть хочу, какъ православный...
Прочти, Жуковскій! знаешь ты молитву,
Которую всѣхъ больше я люблю!..

ЖУКОВСКІЙ [еле собравшись съ силами, въ слезахъ, читаетъ].

«О, дай мнѣ зрѣть мой, о Боже, прегрѣшенья,
«Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
«И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
«И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи!»

ПУШКИНЪ [набожно].

Аминь, аминь! Божественный глаголь!
И всѣхъ простилъ и сердцу легче стало...
[Жуковскому]. Дай руку мнѣ, наставникъ мой и другъ!
Мы къ гробу близки; пѣсня наша свѣта,
Но молодежь за насъ еще споетъ
И засіяетъ надъ могилой нашей
На цѣлый міръ поэзіи звѣзда!..
[Съ одушевленіемъ]. Я оживаю... Даль, зови скорѣе
Сюда жену, чтобы опять пришла! [Даль уходитъ].
Она, бѣдняжка! безвинно терпитъ;
И отъ людей — не будетъ ей житья...
Друзья мои, я всѣхъ васъ умоляю
Ее отъ злобы свѣтской защитить!

[Всѣ наклоняютъ головы, въ знакъ согласія; входятъ Даль и жена Пушкина. Наталья Николаевна становится на колѣна передъ мужемъ, который смотритъ на нее съ любовью].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же; Н. Н. Пушкина и В. И. Даль.

ПУШКИНЪ.

Ну, подойди!.. О, Боже! какъ я счастливъ:
 Я живъ еще и ты вблизи меня! [цѣлуетъ жену].
 Красавица, Мадонна дорогая! [она рыдаетъ].
 Да ты не плачь, голубушка моя!

[Наталья Николаевна прижимается головою къ лицу Пушкина].

Умру я скоро... Но не плачь, родная!..
 Вѣдь, смерти никому не избѣжать!..
 Мы жили дружно... иногда бранились...
 Да вѣдь нельзя безъ этого прожить!

[Хочетъ засмѣяться, но чувствуетъ мучительную боль].

Да, милая, немного счастья въ жизни
 Извѣдалъ я: все счастье, это — ты!..
 Ахъ, тяжело съ тобою разставаться!
 А ты, смотри, меня не забывай!..
 Прощай, жена! Воспитывай малютокъ,
 И за отца ихъ всѣхъ благослови:
 Скажи, чтобъ Богу за меня молились —
 Да на колѣнахъ, какъ учила ты...
 Но ты опять расплакаться готова?
 Иди къ себѣ! Да, ну же, ничего!
 Все, слава Богу, хорошо!.. Ну, съ Богомъ!

НАТ. НИКОЛ. [ободренная, уходитъ, Далею].

Увидите, что Пушкинъ не умретъ! [Уходитъ].

ПУШКИНЪ [послѣ долгаго молчанья, слабымъ голосомъ].

Теперь родныхъ проститься позовите!

[По знаку Даля, въ комнату входятъ: Е. А. Карамзина *), графъ Г. А. Строгановъ, братъ жены, лейбъ-гусарь, И. Н. Гончаровъ и прочіе родственники Пушкина].

*) Е. А. Карамзина, вдова славнаго исторіографа, была особенно любима Пушкинымъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

А. С. Пушкинъ и близкія ему лица.

КАРАМЗИНА [быстро подходя къ Пушкину].

Ну, какъ здоровье ваше? Неужели
Не узнаете, старый другъ, меня?

ПУШКИНЪ [открывая глаза].

Нѣтъ, узнаю!.. Вы были такъ добры,
И ласками меня избаловали...
Я передъ смертью одного прошу:
Какъ мать, меня на путь благословите!

[Карамзина, молча, благословляетъ Пушкина; онъ цѣлуетъ ей руку].

КАРАМЗИНА [въ отчаяніи].

О, Господи!.. Я видѣть не могу!

[Разрывается рыданіями; графъ тотчасъ же ее уводитъ].

ПУШКИНЪ.

Смерть — вѣчный мракъ!.. гроза для свѣтлой жизни!.. [роднымъ].
Прощайте всѣ! Ну, дайте руку мнѣ!

[Нѣкоторые подходятъ къ рукѣ умирающаго поэта, но прочіе не въ силахъ этого сдѣлать, отъ слабъ. Пушкинъ въ полузабытьѣ; начинается агонія].

Всѣмъ вамъ сказать еще хотѣлъ я что-то,
Но не могу.. А смерть совсѣмъ близка!..
Дай руку, Дая! Ну, подними же выше!
Пойдемъ, пойдемъ, все выше!.. Ну, идемъ!..

[Падаетъ безъ чувствъ на руки Дая. Тягостное молчаніе; Пушкинъ открываетъ снова глаза].

Мнѣ грезилось, что я съ тобой взбираюсь
По этимъ книгамъ вверхъ, туда, высоко...
Туда, гдѣ, видишь?—Байронъ и Шекспиръ...

[Съ закрытыми глазами, снова ищетъ руку Дая].

Да ну, пойдемъ же! Ради Бога, выше!

[Дая поднимаетъ Пушкина, какъ можно выше; онъ выпрямляется].

Жизнь кончена!.. Дышать мнѣ тяжело!..

Какъ давить!.. смерть... Друзья мои, прощайте!

[Бросивъ послѣдній взглядъ на свои книги, падаетъ мертвымъ на руки доктора Дала, который бережно опускаетъ трупъ Пушкина на диванъ.— Томительное ожиданіе].

ЖУКОВСКІЙ [Далю].

Ну, что?

ДАЛЬ [со слезами].

Все кончено...

ГОНЧАРОВЪ [закрываетъ лицо руками].

Пойдемте объявить!

[Все уходитъ изъ кабинета, оставивъ у тѣла Пушкина одного только убитого горемъ Жуковского; въ комнату вбѣгаетъ рыдающая Наталья Николаевна].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Н. Н. Пушкина и В. А. Жуковский; потомъ народъ.

НАТ. НИКОЛ.

Ты, Пушкинъ, живъ?.. Скажите: умеръ?.. живъ?

[Въ истерикѣ падаетъ на трупъ мужа].

ДАЛЬ [за сценою, обращаясь къ толпѣ].

Сегодня въ 2 часа 45 минутъ пополудни закатилось солнце русской поэзіи: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ скончался.

ГОЛОСА [за сценой].

Неправда!.. живъ онъ!.. Онъ не умеръ! Нѣтъ!

[Слышенъ возрастающій шумъ; двери растворяются; видна толпа, которая мгновенно стихаетъ, при видѣ умершаго].

ЖУКОВСКІЙ [вдохновенно, народу].

Онъ мертвъ теперь, но вѣчно будетъ живъ!

[Занавѣсъ медленно опускается].

А. А. Коринфскій.

О СЪВЕРНОМЪ ЛѢСѢ.

I.

Поэзія задумчивыхъ, таинственныхъ лѣсовъ
Зоветь меня призывами безвѣстныхъ голосовъ, —

Зоветь меня, влечетъ меня и нѣжить, и томить,
И пѣснями, и сказками, и думами дарить.

Иду я съ ней, спѣшу за ней подъ сѣнь родныхъ дубравъ, —
Она мнѣ шепчетъ подшептомъ волнующихся травъ;

Надъ нами съ неба до-земи — зеленые шатры,
Подъ нами — мхи, что пестрые, цвѣтистые ковры.

И шумы отдаленные, и тишь, и темь, и свѣтъ;
И зрѣютъ думы свѣтлыя — молвъ лѣсной въ отвѣтъ.

А вѣщая поэзія изъ чуткой тишины
Аукается съ памятью далекой старины,

Влечетъ меня призывами родныхъ мнѣ голосовъ
Подъ своды тиховѣйные задумчивыхъ лѣсовъ...

II.

Подъ снѣжнымъ наметомъ журча цѣлый день,
Про вешнія зори, про лѣтнюю сѣнь,
Про знойнаго солнца живые лучи
Поютъ мнѣ живые лѣсные ключи...

О томъ, что внизу — глубоко подъ землёй,
Во славу природы безсмертно-живой,
Грядущія, новыя, силы растутъ, —
Лѣсные ключи, не смолкая, поютъ...

И сердце — ихъ радостной пѣснѣ въ отвѣтъ —
Невольно имъ шлетъ свой безмолвный привѣтъ;
И блещутъ въ немъ яркаго солнца лучи,
Подъ снѣгомъ тоски — бьютъ живые ключи...

III.

Лѣсъ говоритъ со мной безмолвіемъ своимъ;
Я пробуждаюсь въ немъ отъ смутнаго томленья,
Которымъ жизнь меня окутала, какъ дымъ,
И память прошлаго одѣла сномъ забвенья...

Иду и жду чудесь... Миѣ кажется, что вотъ —
Раздвинется навѣсъ вѣтвей темнозеленыхъ,
Сама Природа-мать навстрѣчу миѣ пойдетъ
Изъ терема своихъ палатъ многоколонныхъ.

И мнится: съ ней и въ ней всѣ пращурь мои
Пройдутъ передо мной, богатыри лѣсные,
И я почувствую себя въ кругу семьи —
Живущимъ не теперь, а тамъ — въ вѣка иные, —

Въ тѣ дни, когда грозилъ забытымъ предкамъ врагъ,
Внося огонь и мечъ въ ихъ мирныя селенья,
И, покидая свой праѣдовскій очагъ,
Искали пахари въ лѣсахъ себѣ спасенья...

И лѣсъ ихъ укрывалъ въ привѣтливой тѣнѣ
Отъ взора жадныхъ глазъ насилія лихова;
И новыхъ очаговъ священные огни
Въ честь праотцевъ-боговъ не угасали снова;

И веси новыя, и новыя поля
Среди лѣсной глуши взростали годъ отъ года —
Тамъ, гдѣ еще во-вѣкъ не слышала земля
Молитвъ земель вскормленнаго народа...

IV.

Тишина... Но сколько звуковъ,
Сколько шумовъ слышно мнѣ
Въ этой томной, въ этой влажной,
Необъятной тишинѣ!

Чу, плыветъ напѣвъ неясный,
Чей-то сладостный напѣвъ.

Громче, ближе... То не пѣсня-ль
Дивъ лѣсныхъ, русалокъ-дѣвъ?

Гукнулъ филинъ въ темной чащѣ,
Дятель стукнулъ на суку;
Гдѣ-то въ хвоѣ затерялось
Сиротливое «ку-ку!»...

Смогло всё... Нежданный хохоть
Прокатился по пути...

То не Лѣшій-ли грозитъ
Мнѣ дорогу перейти?

Такъ и есть... Трона лѣсная —
Вся прямая, какъ стрѣла —
Влѣво, вправо изогнулась,
Въ логъ заросшій повела...

Стой! Назадъ!.. Правѣй... Лѣвѣе!..

Перекрѣстокъ трехъ дорогъ...

Наугадъ пойдешь, и снова —

Предъ тобою тотъ же логъ.

Какъ тутъ быть! Какъ не повѣрить
Всякимъ чудищамъ лѣснымъ!
«Чуръ меня, лѣсная нечисть!
Проходи путёмъ своимъ!»

И — знакомая тропинка,
Какъ живая, предо мной, —
Отъ ходовъ непроторѣныхъ
Убѣгаетъ вдаль стрѣлой.

Нѣтъ слѣда отъ навожденья!
Да и не было его, —
Только «Чуръ меня!» все шепчешь —
Самъ не зная, отчего.

Тишина... Но сколько шумовъ,
Сколько звуковъ слышно мнѣ
Въ этой вѣщей, въ этой грозной,
Суевѣрной тишинѣ!..

V.

Весь, весь серебряный, — съ шатра своихъ вершинъ
До глубины корней, укрытыхъ подъ снѣгами...
Стоитъ онъ, сѣверный могучій исполинъ,
Закованный пигмеями-врагами.

Они подстерегли его отрадный сонъ,
Собрали полчища несмѣтныхъ безъ счета,
И кинулись къ нему стремглавъ, со всѣхъ сторонъ,
И вмигъ богатыря опутали въ тенѣга...

Проснулся старый лѣсъ и видитъ: не избыть
Ему лихой бѣды нежданнаго плѣна, —
Что взяли верхъ враги (лѣсная волчья сыть!),
Что выдалъ сонъ его, какъ черная измѣна...

Ликуеть вражья рать, бахвалится въ глаза
Своею силою, невѣдомой дотолѣ: —
«Что, старый! Что, сѣдой! Гдѣ вся твоя гроза?
Не вырваться тебѣ! Сгноимъ тебя въ неволѣ!..»

Охъ, показалъ бы имъ, какъ прежде, богатырь,
Что въ немъ еще кипитъ кровь волею живучей,
Что можетъ разбудить собой всю даль, всю ширь,
Какъ буря роковой — кличъ стараго могучій!..

Разсыпалась бы вся, какъ лѣстья, вражья рать
Отъ пѣсвиста его, костью-бѣ легла отъ взгляда, —
Да путы тяжелы: рѣсницъ не приподнять,
Ни усть не разомкнуть, — какъ ни томить досада!..

«Что, старый! Что, сѣдой!..» И вотъ — взмолился лѣсъ
Своей сестрѣ Веснѣ... А та ужъ — на помѣгу
Сама къ нему спѣшитъ изъ терема небесъ;
Ручьи подсиѣжныя торять красѣ дорогу.

Вотъ-вотъ и мать-Земля вздохнетъ въ отвѣтъ ключамъ,
И — заструится паръ съ корней къ сѣдымъ вершинамъ;
Тенѣга отряхнувъ слезами по вѣтвямъ,
Лѣсъ встрѣтится съ Весной свободнымъ исполиномъ...

«Иди, сестра, иди!» — онъ тихо шепчетъ ей —
Не въ силахъ ни вздохнуть, ни шевельнуть вѣтвями,
Серебряными весь опутанный цѣпями,
Весь, весь серебряный — съ вершинъ и до корней...

VI.

Какъ знать, — быть можетъ, прежде здѣсь,
Гдѣ — сосны, рытвины да пни,
Стояла пращурова весь;
Быть можетъ, къ ней, въ былые дни
На вѣче людъ стекался весь...

Быть можетъ, здѣсь, въ сѣдую старь,
Завѣты праотцевъ храня,
Какой-нибудь полудикарь —
Въ своемъ роду и жрецъ, и царь —
Вершилъ свой судъ при свѣтѣ дня...

Быть можетъ, здѣсь своимъ богамъ
Молился кто-нибудь изъ нихъ —
Безвѣстныхъ пращуровъ моихъ,
И слылъ весь міръ у нихъ за храмъ
При яркомъ блескѣ звѣздъ ночныхъ...

Быть можетъ, тамъ — гдѣ очерѣтъ
Тѣснится берегомъ къ рѣкѣ,
Водили дѣвы хороводъ,
И пѣлъ исчезнувшій народъ
На позабытомъ языкѣ...

Быть может, вторгся ворогъ-лють
И мигомъ стеръ съ лица земли
Все, что годами строилъ трудъ,
И — годы долгіе прошли,
И выросъ лѣсъ изъ праха тутъ...

Быть может, здѣсь — въ глуши лѣсной,
Подъ этой тысячью ковровъ
Смолистой хвои — предокъ мой,
Угрюмый сынъ сѣдыхъ вѣковъ,
Лежитъ костымъ въ землѣ сырой...

Быть может, сосны мнѣ сейчасъ
Его устами говорятъ,
О томъ, что мать-Природа насъ
Взростила вмѣстѣ, заурядъ —
Его, меня и «Божій садъ»...

О томъ, что вновь пройдутъ года,
И — всё умрутъ, кто жаждетъ жить;
Природа-жь будетъ, какъ всегда,
И смерть нести, и жизнь дарить,
И не исчезнетъ никогда...

Январь—февраль 1899 г.

В. Л. Величко.

—
I.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

—
I.

ВЪ ГОРАХЪ.

Мы у костра, на выступѣ скалы.
Надъ нами сводъ лазури многозвѣздной...
А тамъ, внизу, средь непроглядной мглы,
Плыветъ туманъ, бѣлѣющій надъ бездной.
И тайнѣ полна суровая краса
Окрестныхъ горъ, въ дремоту погруженныхъ;
На лепесткахъ азалий благовонныхъ
Кой-гдѣ блеститъ жемчужная роса.
Невдалекѣ, сверкая пѣной бѣлой
И въ бездну тьмы струей слетая смѣлой,
Шумитъ потокъ, по кручѣ путь избравъ.
А на крутомъ, почти отвѣсномъ склонѣ,
Опьянены усладой сочныхъ травъ,
По ихъ коври блуждаютъ наши кони.

Старикъ Муса, — мой другъ и проводникъ,
 Угрюмо смолкъ и головой поникъ —
 И чубукомъ пыхтитъ онъ изъ-подъ бурки;
 А сынъ его, красавецъ смуглый, юркій,
 Намъ шашлыки готовить на огнѣ,
 Папаху вплоть до самыхъ глазъ надвинувъ.
 И тѣнь, дрожа, рисуетъ на стѣнѣ
 Съдой скалы, какъ будто въ страшномъ снѣ,
 Косматя фигуры исполиновъ...

Вздохнулъ старикъ, взглянулъ на небеса —
 И, головой задумчиво качая,
 Богъ вѣсть кому какъ будто отвѣчая,
 Заговорилъ прерывисто Муса:

«Да, нелегко бороться было съ вами!
 «Нашъ край всегда гордился удалцами, —
 «Да мало насъ! А вашихъ-то... полки!
 «Ну... И солдаты, правда, смѣльчаки —
 «И было намъ помѣриться не стыдно!
 «Есть у меня межъ ними кунаки!..
 «Судилъ ужъ самъ Аллахъ премудрый, видно,
 «Что покорить всеильный Бѣлый Царь
 «Тѣ горы, гдѣ мы вольно жили встарь!..
 «Не плохо намъ... Потихе только стало...
 «Веселья нѣтъ... Да вывелись лѣса...
 «За все плати... И дровъ зимою мало...
 «Да вотъ еще...»

Но тутъ замолкъ Муса,
 Махнулъ рукой и злобно сдвинулъ брови...
 — Вѣдь я кунакъ! — напомнилъ я ему, —
 Такъ доскажи!..

Сердитый взоръ во тьму
 Метнувъ, Муса продолжилъ: — «Мы по крови
 «Хоть не сродни, — но... приласкать сумѣй,
 «Не обижай, — и жить мы можемъ дружно,
 «И ничего намъ лучшаго не нужно!
 «Но...»

— Чтò-жъ еще?

«Но этихъ черныхъ змѣй...»

— Что? Змѣй? Какихъ?!

Какъ будто кончикъ стали
Сверкнулъ въ очахъ Мусы: — «Теперь не смѣй
«Коснуться ихъ! А прежде трепетали!..»
— Ты про кого?!

Онъ показаль рукой
На огонекъ далекаго духана,
Внизу-внизу, въ долину, за рѣкой,
Едва мерцавшій намъ изъ-за тумана, —
И продолжалъ, со злобною тоской:
«Все въ ихъ рукахъ! Тутъ пьянства и разврата,
«Слыхалъ ли ты? Вѣдь не было когда-то!
«На молодежь рукой теперь махни!
«Адаты кѣмъ блюдутся въ наши дни?!
«А кто виной?! Все *эти*, все они!
«Все въ ихъ рукахъ: и предковъ нашихъ кости,
«Богатство, власть! Хозяева земли!..
«Вы ихъ сюда пустили, привели —
«И мы — рады, а вы здѣсь — только гости!!!...
— Мы привели?! Не мы, а мирный вѣкъ,
Торговля...

«Да, но миръ бываетъ *ослякй!*
«Ужъ ты не спорь!.. Я, старый человекъ!..»

.
И оборвалъ!.. Донесся лай собаки
Издалека средь мирной тишины —
И смолкло все... Мерцаютъ съ вышаны
Огни, огни въ лазури многозвѣздной...
Туманъ плыветъ бѣлѣющій надъ бездной...

2.

ПОДРАЖАНІЕ ПЕРСИДСКОМУ.

Глубокая полночь. Какъ тяжкія мысли,
Надъ моремъ зловѣщія тучи нависли —
И, словно подъ гнетомъ таинственной мглы,
Метались и глухо роптали валы.
Вдругъ... Бѣглое пламя, чуть видное пламя
Сверкнуло въ водѣ, заиграло съ волнами —
И взоръ устремился съ надеждою въ высь,
Гдѣ кроткія звѣзды неожиданно зажглись.

Пустыня глухая. Замученный зноемъ,
Объятый караванъ былъ предсмертнымъ покоемъ;
Все на-земь безмолвно, покорно легло...
А солнце въ лазури сверкало и жгло...
Но вотъ, изъ незримаго дальняго сада
Повѣяли вдругъ ароматъ и прохлада —
И вольно вздохнула усталая грудь,
Надежды воскресли! Отважнѣе въ путь!

Безмолвіе. Міръ онѣмѣлъ истомленный.
Порой будто слышался вздохъ затаенный,
Но гуще, все гуще росла тишина,
Зловѣщей, мучительной тайны полна...

И вдругъ заструились волшебные звуки!
Блаженствомъ свиданья, слезами разлуки,
Томящей любовью дышалъ ихъ призывъ!
И сердце заслушалось, міръ позабывъ!..

Средь сумрака ночи, безмолвья пустыни,
Увидѣлъ я ликъ свѣтозарной богини:
Онъ былъ недоступенъ, волшебнo-далекъ,
И вдаль за собою онъ царственно влекъ!
Что́ случилось со мной, — не пойму я, не знаю!
Садовъ ли волшебныхъ отраду впиваю?
Доносится-ль райское пѣнье ко мнѣ?
Звѣзда ли зажглась надо мной въ вышинѣ?

II.

МОЛИТВА.

Что счастья утрата,
Стяжанья, и славы, и власти, —
Когда неизбежна расплата
Для сердца за жалкія страсти?!

Что близкихъ измѣна,
Что греза, манившая тщетно, —
Когда средь позорнаго плѣна
Душа на любовь безотвѣтна?

Что муки неволи,
Когда и на волѣ повсюду, —
И въ роцѣ, и въ радостномъ полѣ, —
Не вѣрится горнему чуду?

Что сердца невзгоды
И суетной мысли тревоги,
Предъ вами, кромѣшныя годы
Безъ думы отрадной о Богѣ?

Все строже и строже
Карай, истомля борьбою!
Лишь духу дай скорбь, о, мой Боже!
Дай жажду сліянья съ Тобою!..

III.

ИЗЪ СТАРАГО ДНЕВНИКА.

Забвенья просилъ я, забвенья!
И жгучаго счастья мновенья,
Мгновенья щемящей печали
 Во мракъ забвенья,
Одно за другимъ, угасали!..

И въ сумракъ все потонуло...
И сердце заснуло... Заснуло,—
Какъ будто не знало во-вѣки
 Того, что заснуло
Сномъ смерти въ живомъ человѣкѣ!..

Средь моря, безмолвнаго моря
Плыву я, съ судьбою не споря...
Но странно: лицу тамъ, на грани
 Безмолвнаго моря —
Хоть марева прежнихъ страданій!..

IV.

Э С К И З Ъ.

Очами, полными мольбы,
Они глядѣли другъ на друга, —
Неодолимаго недуга,
Любви мучительной рабы!

Сгѣной завѣтовъ и преданій
Ихъ міръ нещадно разлучаль:
Грозилъ безчестьемъ, обѣщаль
За искру счастья, тьму страданій!

Какъ дальней бури смутный гнѣвъ,
Томила совѣсть ихъ заранѣ;
Мутился разумъ ихъ, въ туманѣ,
Въ разладѣ чувствъ оцѣпенѣвъ!

Но, втихомолку цѣпь желаній,
Ковала грѣшная мечта;
Нѣмѣли блѣдныя уста,
Дрожа въ предчувствіи лобзаній...

И — чаръ таинственныхъ рабы —
Глядѣли молча другъ на друга
Очами, полными испуга,
И состраданья, и мольбы!..

Ө. Ө. фидлеръ.

СКАЗКА О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

VOM FISCHER UND DEM FISCHLEIN.

EIN MÄRCHEN VON A. S. PUSCHKIN *).

Lebte einst mit der Alten ein Alter
 Wohl am Ufer des Meeres, des blauen;
 Eine Erdhütte war ihre Wohnung,
 Drin sie dreiunddreissig Jahr hausten.
 Mit dem Sacknetz fing Fische der Alte
 Und die Alte sass spinnend am Spinnrad.
 Einstmals warf er sein Sacknetz ins Meer aus —
 Doch nur Schlamm zog das Sacknetz ans Ufer;
 Wieder warf er das Sacknetz ins Meer aus —
 Doch Seegrass nur brachte das Sacknetz;
 Und zum dritten Mal warf er das Netz aus —
 Sieh, da brachte das Netz ihm ein Fischlein,

*) Это стихотворение не вошло въ мой сборникъ: «Gedichte von A. S. Puschkin» (Leipzig, Reclam) и появляется здѣсь впервые въ печати.

Ein gar seltenes Fischlein, ein goldnes.
Da flehte das goldene Fischlein
Und sprach in der Sprache der Menschen:
«Lass mich, Alter, zurück in die Meerflut,
Will dafür dir ein Lösegeld zahlen:
Wie du's selber bestimmst, will ich's zahlen».
Staunen fasste den Alten und Schrecken:
Dreiunddreissig Jahr lang fing er Fische,
Und hörte doch nie einen sprechen.
Er liess frei das goldene Fischlein
Und sprach also die freundlichen Worte:
«Gott sei mit dir, du goldenes Fischlein!
Deines Lösegelds nimmer bedarf ich;
Tauch'zurück in die blauende Meerflut
Und ergehe dich lustig im Freien!»
Heim zur Alten ging wieder der Alte
Und erzählte vom Wunder, dem grossen:
«Heute hatt'ich ein Fischlein gefangen,
Ein gar seltenes Fischlein, ein goldnes;
Und es sprach in der Sprache der Menschen,
Bat, nach Hause, ins Meer es zu lassen,
Wollte zahlen dafür mir ein Lösgeld,
Wie ich selber es sollte bestimmen.
Doch nicht wagt'ich's, das Lösgeld zu nehmen,
Liess umsonst in die Meerflut das Fischlein».
Doch da schalt die Alte den Alten:
«Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
Warum hast du kein Lösgeld genommen?
Einen Trog hättest du sollen verlangen,
Da der unsere längst schon geborsten!»

An das blauende Meer ging der Alte —
Sieh, da kräuselte leicht sich die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
«Hab' Erbarmen, allmächtiges Fischlein!

Meine Alte, die schilt mich und zankt mich,
 Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
 Sie begehrt einen Trog, einen neuen,
 Da der unsere längst schon geborsten».
 Antwort bietet das goldene Fischlein:
 «Sei getrost, geh mit Gott deines Weges!
 Einen neuen Trog sollt ihr haben».
 Heim zur Alten kehrte der Alte —
 Sieh, der neue Trog war zur Stelle!
 Doch noch ärger schalt ihn die Alte:
 «Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
 Warst so dumm, einen Trog zu begehren!
 Welchen Nutzen kann bringen ein Trog mir?
 Geh zurück zu dem Fischlein und bitt'es,
 Dass ein hölzernes Haus es dir schenke!»

An das blauende Meer ging der Alte —
 Sieh, da furchte sich graulich die Fläche.
 Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
 Und es kam das Fischlein und fragte:
 «Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
 Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
 «Hab' Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
 Aerger schilt nur und zankt mich die Alte,
 Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
 Gar ein Haus will die Keiferin haben!»
 Antwort bietet das goldene Fischlein:
 «Sei getrost, geh' mit Gott deines Weges!
 Auch ein hölzernes Haus sollt ihr haben!»
 Heim zur Erdhütte kehrte der Alte —
 Aber diese ist spurlos verschwunden.
 Sieh, ein hölzernes Haus reckt den Giebel,
 Weiss getüncht, ragt ein Schornstein von Ziegeln,
 Vorn ein Thor von behobelten Eichen.
 Zu dem Fenster heraus schaut die Alte,
 Zankt den Mann, dass die Ohren ihm gellen:
 «Ach, du Erznarr, du alberner Tölpel!
 Warst so dumm, nur ein Haus zu begehren!

Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
 Eine Bäuerin will ich nicht bleiben,
 Eine Edelfrau will ich nun werden!>

An das blauende Meer ging der Alte —
 Sieh, da wellte missmütig die Fläche.
 Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
 Und es kam das Fischlein und fragte:
 «Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
 Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
 «Hab' Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
 Immer ärger treibt's meine Alte,
 Lässt mich Alten daheim nicht in Ruhe:
 Eine Bäuerin will sie nicht bleiben —
 Eine Edelfrau will sie nun werden!»
 Antwort bietet das goldene Fischlein:
 «Sei getrost, geh' mit Gott deines Weges!»
 Heim zur Alten kehrte der Alte.
 Sieh-ein Herrenhaus reckt seine Hallen.
 Auf der Freitreppe steht seine Alte
 In kostbarem Zobelfellpelzchen,
 Auf dem Scheitel brokatenen Kopfputz,
 Um den Hals ein Geschnüre von Perlen,
 An den Fingern goldene Ringe,
 An den Füßen rothjuchtene Schuhe.
 Vor ihr stehen dienstwillige Diener,
 Die sie schlägt und am Schopfe umherzaust.
 Und es spricht der Alte zur Alten:
 «Gott zum Grusse, vielgnädige Herrin!
 Sprich, ist nun deine Seele zufrieden?»
 Doch voll Zornes fuhr an ihn die Alte
 Und befahl ihm, als Stallknecht zu dienen.

Eine Woche verstreicht und die zweite —
 Doch nur ärger noch treibt es die Alte.
 Wieder schickt sie den Alten zum Fischlein:
 «Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
 Eine Edelfrau will ich nicht bleiben —

Will als Zarin uneingeschränkt herrschen!>
Da erschrak der Alte und flehte:
«Aber Weib, hast du Tollkraut gefressen?
Kannst mit Anstand nicht gehen, noch sprechen,
Wirst dich lächerlich machen im Reichel!»
Da ergrimte die Alte noch grimmer,
Einen Backenstreich gab sie dem Alten.
«Was, du Bauer, du wagst es, zu trotzen,
Einer Edelfrau zu widersprechen?
Geh' zum Meere, ich rat' es dir gütlich,
Oder aber ich treib' dich gewaltsam!>

An das blauende Meer ging des Alte.
Sieh, da wogte schwärzlich die Fläche.
Er rief laut nach dem goldenen Fischlein,
Und es kam das Fischlein und fragte:
«Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
Und es spricht mit tiefen Grusse der Alte:
«Hab' Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
Ganz rebellisch ist geworden die Alte:
Eine Edelfrau will sie nicht bleiben—
Will als Zarin uneingeschränkt herrschen!>
Antwort bietet das goldene Fischlein:
«Sei getrost, geh' mit Gott deines Weges!
Deine Alte soll herrschen als Zarin».
Heim zur Alten kehrte der Alte.
Sieh ein Zarenschloss reckt seine Hallen.
In dem Schlosse, da sitzt seine Alte,
Thront als Zarin an zarischer Tafel;
Edelleut und Bojaren sind Diener;
Ueberseeischen Wein trinkt die Zarin,
Honigkuchen dazu isst die Zarin;
Die Leibwächterschar steht da im Kreise,
Auf den Schultern die Streitäxte tragend.
Als der Alte das sah, da erschrak er,
Warf zu Füßen der Alten sich nieder:
«Gott zum Grusse, du vielstrenge Zarin!
Sprich, ist nun deine Seele zufrieden?»

Keines Blicks ward gewürdigt der Alte,
 Von sich treiben befahl ihn die Alte.
 Alle Edelleut'und Bojaren,
 Ins Genick stiessen fort sie den Alten;
 An der Thür mit der Axt die Bojaren,
 Hätten bald ihn niedergehauen.
 Und das Volk, es höhnte den Alten:
 «Alter Töpel, Recht ist dir geschehen,
 Wird in Zukunft als Lehre dir dienen:
 Lass den Vorwitz, was nicht deines Amts ist!
 Eine Woche verstreicht und die zweite —
 Doch nur ärger noch treibt es die Alte.
 Nach dem Alten sendet sie wieder,
 Und die Höflingè finden den Alten.
 Und es spricht zu ihm also die Alte:
 «Geh'zurück zu dem Fischlein und sag'ihm:
 Zarin will ich länger nicht bleiben —
 Will nun werden die Herrin des Meeres,
 Will nun leben im Ocean-Meere,
 Dass das goldene Fischlein mir diene,
 Dass es Botendienste mir leiste!»
 Keinen Widerspruch wagte der Alte,
 Sprach kein einziges Wörtchen dagegen.

An das blauende Meer ging der Alte;
 Sieh,— da brandet tietschwarz die Fläche,
 Hochauf bäumen sich zornig die Wogen
 Und heulen in hohlem Gebeule.
 Nach dem goldenen Fisch rief der Alte,
 Und es kam das Fischlein und fragte:
 «Alter, sprich, wonach steht dein Begehren?»
 Und es spricht tiefen Grusses der Alte:
 «Hab'Erbarmen, allmächtiges Fischlein!
 Meine Alte ist vollends des Teufels!
 Zarin will sie länger nicht bleiben,
 Will nun werden die Herrin des Meeres,
 Will nun leben im Ocean-Meere,
 Dass du selber, Fischlein, ihr dienst,

Dass du Botendienste ihr leistest!
Nicht ein Wort sprach das goldene Fischlein,
Mit dem Schwanze nur schlug es das Wasser
Und tauchte hinab in die Tiefe.
Lange harrte auf Antwort der Alte
Und ging heim unverrichteter Dinge.
Sieh,— vor ihm hockt die Erdhütte wieder,
Auf der Schwelle sitzt seine Alte
Und vor ihr liegt der Trog, der geborstne.

К. М. Фофановъ.

Смотри, какъ міръ сталь золь и грубъ;
Какъ путы, рветъ онъ крылья!
Еще онъ живъ, еще не трупъ,
А полнъ уже безсилья!

Его роскошество полно
Ненасытимой злобы,
И алчетъ жертвъ слѣное дно
Глухой его утробы!

Его веселье, блескъ и шумъ,
Лобзанья и объятя —
Влекутъ смятенье черныхъ думъ,
Угрозы и проклятья.

Дѣла людей живутъ — въ тѣни,
На торжищѣ святыни;
Какъ были слѣпы въ оны дни, —
Такъ слѣпы и донныи!..

Когда же міръ позоръ стряхнетъ,
И къ правдѣ слухъ приклонить,

Или въ грѣхѣ, какъ въ безднѣ водѣ,
Безумствуя, потонеть?

И Богъ отдастъ его звѣрямъ
И злу на растерзанья,
И что сіяло счастьемъ намъ,
Одѣнетъ тьмой страдающа!

Такъ царь библейскій, что звался
Навуходносоромъ,
За то, что гнѣву отдался, —
Насытился позоромъ.

Отъять отъ власти и людей
Быль свергнутый владыка,
И жилъ въ пустынѣ, межъ звѣрей,
Безмысленно и дико.

Онъ убѣгалъ ото всего
Чѣмъ смертные богаты, —
И стали волосы его —
Какъ грива льва, косматы.

И рыскалъ онъ, подобенъ льву;
Роса его поила;
Спалъ на землѣ и ѣлъ траву,
И все забылъ, что было.

Искалъ онъ смерти, — смерть не шла,
Не находилъ гробницы;
Брада до чреселъ отросла,
И когти — какъ у птицы.

Не будь же ты, о, міръ слѣпой,
Отверженцу подобенъ, —
Воспрянь воскресшею душой
И къ правдѣ будь незлобенъ!

Свой падшій духъ, свой гнѣвъ смири!..
И снова предъ тобою
Да возсіяетъ свѣтъ зари,
Чуть видимой за тьмою...

В. Шуфъ.

Ю М О Р Е С К И.

I.

АРЛЕКИНАДА.

Другъ мой нѣжный, Коломбина,
Вышла замужъ за Пьеро,
И печальнѣйшая мина
Съ этихъ поръ у Арлекина,
Разодѣтаго пестро.

Подожди, Пьеро, развязки!
Ахъ, Пьеро груститъ одинъ!—
Карнаваль смѣшалъ всѣ маски,—
Коломбина строить глазки,
И смѣется Арлекинъ.

II.

ЖЕРТВА.

Отъ меня, моя богиня,
Жертвы просишь ты всечасно.
Ты — кумирь мой и святыня.
Что люблю я — это ясно.

Жертвы я несу съ мольбою.
Все же ты ликуешь рано:
Радъ я жертвовать собою,
Но не въ качествѣ барана.

Ш.

ЦВѢТЫ ЖИЗНИ.

Въ сердцѣ, помню я, когда-то
Расцвѣтали незабудки,
Ландышъ, полный аромата,
И подсиѣжники-малютки.

Но они завяли вскорѣ.
Опытъ я узналъ резонный,
И въ душѣ взростило горе
Темный ельничъ похоронный.

А потомъ — мое бывшее
Поросло травой забвенья.
Я забылъ въ глухомъ покоѣ
Злого жребія гоненья.

Было-бъ мнѣ, пожалуй, плохо,
И, пожалуй, очень скверно, —
Даже соръ чертополоха
Въ сердцѣ выросъ бы навѣрно!

Но проснулась грусть живая,
Пѣсни старыя поются,—
И, насмѣшливо кивая,
Колокольчики смѣются.

IV.

СЕНТЕНЦІЯ.

Пусть мимо насъ стремится Лета
И въ челнокѣ плыветъ Харонъ,—
Еще предъ нами жизни лѣта,
И далеко до похоронъ.

V.

ИММОРТЕЛЬ.

Ты была пѣжигѣй, чѣмъ роза,
И тебя лелѣяль Лель,
А теперь — какая проза! —
Ты... сухая иммортель.

К. К. Случевский.

ПОВЕРЖЕННЫЙ ПУШКИНЪ.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ДАЛЕКАГО БУДУЩАГО).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кошневъ-отецъ — комендантъ Москвы.
Кошневъ-сынъ — ополченецъ.
Старый морякъ — боцманъ.
Тереха — плотникъ.
Ванька — каменщикъ.
Няня.
Молодая женщина.
Человѣкъ неизвѣстной народности.
Саешникъ.
Патрульный.
Венгерцы.
Баба Василиса.
Старый гонецъ.
Ратные люди, рабочіе, толпа, бабы, монахи, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ неопредѣленномъ будущемъ; Москва полна слѣдовъ только что завершенной въ ней великой битвы. Страстной бульваръ; деревья его стары и густы. Видные за площадью и по Тверской дома — высокіе, русской архитектуры, подобно Страстному монастырю — обгорѣли; вдали замѣтны зарева. Посреди сцены, подлѣ разрушеннаго пьедестала, повергнутый на землю памятникъ Пушкина — совершенно цѣлый. Не смотря на ночное время, замѣтно большое движеніе; кой-гдѣ на работахъ поблескиваютъ фонарики; ночь лѣтняя, облачная. По-временамъ спускаютъ ратные люди — русскіе и другіе славяне, а также прохожіе. Тереха и Ванька, съ товарищами, за работою по водруженію памятника. Подлѣ — вѣроть и крапъ; нѣсколько рабочихъ. Старый морякъ-боцманъ, георгіевскій кавалеръ, сидитъ на разбитомъ лафетѣ.

ТЕРЕХА.

Подай стамеску, Ванька! Эко диво!
Работать ночью! Коли-бъ не привычка —
Рука сама идетъ, хоть глазъ не видитъ...
Царь, можетъ, будетъ въѣздъ держать?
Поторопиться надо!

ВАНЬКА.

Что-то Питеръ?

Счастливо-ль отсидѣлся. Злая битва,
Должно, была тамъ, на морѣ и суши?
А взяли-ль наши?!

ТЕРЕХА.

Матушка-Москва

Вся погорѣла! Ишь, работы будетъ!
А монументы велѣно поднять.
Царя-Освободителя подъ сѣнью
Шатровою — того не обрѣсти...
Оттуда натискъ шелъ, и бомбы
Взрывали гору! Что курганъ могильный,
Стоящій надъ глубоко скрытымъ прахомъ,
Является священный намъ шатеръ!
На Красной площади — того не сбили,
А только бокомъ какъ-то повернули.
Царь-колоколъ совсѣмъ разбить въ куски,
А этотъ вотъ и весь на землю сваленъ.

ВАНЬКА.

Ну, и была тутъ свалка! Жутко стало
Всей нашихъ дружинъ! Я тутъ былъ!
У знамени съ Аленкою стояли...
Алешку помните? Гранатъ ручныхъ
Отъ нихъ на насъ посыпалось безъ счету.
И батарей ихъ съ шаровъ воздушныхъ
Палили тоже. Наши же шары
За это время надъ Ходынскимъ полемъ,

Что туча съ тучей, съ ихними сошлись...
Отсель видали...

ТЕРЕХА.

Да, и день былъ ясный,—
Ни облачка на небѣ...

ГОЛОСА.

Какже, помнимъ!

ТЕРЕХА.

Одно — глазѣть тогда не приходилось:
Знай, раненыхъ носили. И, должно быть,
Нѣмцы подъ этотъ самый монументъ
Подъ землю, значить, проводы пустили...
Вдругъ закачался, словно какъ привсталъ,
И грохнулся на землю, застонавши!

ВАНЬКА.

И помню: мгѣ за Пушкина стихи
Досталось въ школѣ! У него есть строчка:
«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ»...
Нануталъ я, да и не то, чтобъ важно —
«Я» — вмѣсто «тѣмъ», «тѣмъ» — вмѣсто «я» сказалъ.

ТЕРЕХА.

И что-жь?

ВАНЬКА.

Ругнули!

ТЕРЕХА.

Только-то? Немного!
Стиховъ хорошихъ — не перевирай!

ВАНЬКА.

И вспоминался мнѣ тотъ самый стихъ
Здѣсь, именно, въ пылу горячей схватки!
Вотъ съ этихъ двухъ сторонъ, а съ правой больше,

На нашихъ напирали. Только, видимъ,
 Изъ-за монастыря дружина чеховъ
 Имъ въ бокъ ударила... Они смѣшались...
 Тутъ подоспѣли и донскія сотни...
 Поляки, сербы, ихняя пѣхота...

ГОЛОСА.

Да, ловко, братцы!

ТЕРЕХА.

Что ни говори,
 Тутъ тоже будто чудо совершилось:
 Какъ, въ ѓны дни, съ поѣздомъ царскимъ было,
 При Миротворцѣ, при Царѣ великомъ!
 Какъ это вышло такъ, что сразу
 По всей Москвѣ, ну, въ сорока мѣстахъ,
 Да вдругъ повсюду наши одолѣли?..

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Такъ это было въ Портъ-Артурѣ тоже!
 Лѣтъ сто прошло, какъ мы сидѣли въ немъ,
 Приняли тогда къ намъ флоты англичанъ
 И нѣмцевъ, и японцевъ... Окружили,
 И, еслибъ не подводныя сигарки...

ГОЛОСА.

Сигарки?

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Да, подводныя игрушки!
 Одинъ лишь можетъ сѣсть, а на цѣпи
 Съ собою тащить мину съ динамитомъ
 Да подъ чужой корабль и подилываетъ!
 Поѣдутъ сто, а девяносто сгибнуть
 Навѣрняка, зато остальныхъ десять
 На воздухъ пустятъ тысячи людей!
 У нихъ такія тоже были мины,
 Да только наши не боялись смерти.

И въ воду лѣзли; ну, а тѣ не такъ!
И только этимъ мы и взяли—чудо!

ТЕРЕХА.

А ты ѣзжалъ?

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Четыре броненосца
На совѣсти моей! Бывали въ дѣлѣ!
Китай тогда въ союзѣ съ нами былъ!
Они всѣ берега его забрали—
Съ тѣхъ поръ онъ съ нами накрѣпко стоялъ!

[Въ глубинѣ сцены проносятся невидимые зрителю гробы. Работа останавливается.
Снимаютъ шапки и крестятся].

Опять покойники?

ТЕРЕХА.

Нашъ комендантъ
Распорядился, слышь, чтобъ изъ больницы,
Умреть кто если—по ночамъ носили.

ВАНЬКА.

А для чего?

ГОЛОСА.

Зачѣмъ?

ТЕРЕХА.

Такъ незамѣтнѣй!
Все плачь, да плачь, да стоны! Ихъ довольно!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

И впрямь—зачѣмъ?

ТЕРЕХА.

Покой имъ будетъ вѣчный!

[Отъ людей, сопровождавшихъ гробы, отдѣляется молодая, красивая женщина
и садится въ сторонкѣ. Навстрѣчу ей—саеникъ, съ сайками на лоткѣ].

САЕШНИКЪ [къ женщинѣ].

Сестрица! Свѣжее печеніе! Возьми-ка!

[Женщина отмахивается; саешникъ обходитъ рабочихъ].

Эй, молодцы! Съ послѣдняго подвоза —

Не залежала, какъ было-то, мука!

[Многіе покупаютъ сайки].

ВАНЬКА [саешнику].

Давай сюда! А этой ты не знаешь —

Той женщины, что съ краюшка сидить?

САЕШНИКЪ.

Какъ намъ не знать? Кого если хоронять,

Она туда; знать, мужъ ея убить!

Признать желаетъ... Ицеть...

ТЕРЕХА.

Полоумна?

САЕШНИКЪ.

Пожалуй, такъ. Все ходитъ да молчить.

[Проходитъ къ другимъ. Старый морякъ приближается къ женщинѣ и садится подле. Является кучка громко разговаривающихъ людей и между нихъ человекъ неизвѣстной народности].

ГОЛОСА.

Охъ, плохо, братцы! Вѣсти къ намъ дурныя

Идутъ!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Откуда? Что?

ГОЛОСА.

Да вотъ что, слушай...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, да! Готовьтесь къ злему худу, братья!

Миръ предлагали вамъ, — взять не хотѣли

И умныхъ голосовъ не слушались въ свой часъ,
Ну, вотъ и радуйтесь! На сѣверѣ погромъ,
Погибло все...

[Толпа окружаетъ челоѣка неизвѣстной народности].

ГОЛОСЪ.

Откуда ты-то знаешь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Чуть погода узнаете и вы!
Вамъ говорили: милые, смиритесь!
Уступочекъ не сдѣляли! Ну, кайтесь!

ГОЛОСА.

Да что онъ вретъ!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Откуда онъ, вѣщунъ?

ТРЕТИЙ ГОЛОСЪ.

Такимъ, какъ онъ, въ Москву-рѣку дорога...

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА [быстро подойди къ челоѣку неизвѣстной народности].

Постой, постой! Не ты ли, въ часъ ночной —
Тому назадъ теперь уже два года —
Къ намъ приходилъ и полкъ повелъ въ засаду,
Сказавъ, что насъ свои зовутъ прійти?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что ты, что ты?

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

Что я, и что со мною?!

А помнишь-ли, какъ мой убитый мужъ, —
Тебя ему подъ стражу поручили, —
Тебя своею шашкой полоснулъ?
Глядите, рѣдныя, на шеѣ есть рубецъ!

[Толпа бросается на неизвѣстнаго и готовится осматривать его шею. Входятъ Кошчевы, отецъ и сынъ, и съ ними стража].

ОТЕЦЪ.

Что тутъ за шумъ? [къ неизвѣстному]. Ты кто такой?!

НЕИЗВѢСТНЫЙ [бросаясь къ коменданту].

Спасите!

ГОЛОСЪ.

Предатель онъ, измѣнникъ, бей его! —

ОТЕЦЪ.

Не смѣть! [стражникамъ]. Подъ караулъ его возьмите
И отвести на Комендантскій дворъ!

ГОЛОСА.

Да какъ? Да что? Мы сами съ нимъ раздѣлку
Здѣсь учинимъ...

ОТЕЦЪ.

Не учините вы,
А сдѣлаете то, что прикажу я сдѣлать!
[Толпа мало-по-малу расходится. Рабочіе принимаются за работу].

ТЕРЕХА [въ сторону къ рабочимъ].

Да, нѣхристей порядкомъ наплодилось.
И сколько ихъ, невѣдомо откуда,
Кургузой челяди въ мундирахъ всякихъ?!
И по сегодня по подваламъ ловятъ
Измѣнниковъ...

ВАНЬКА [указывая на Кошнёвыхъ].

А молодцы Кошнёвы.

Старикъ теперь съ поль-года комендантъ,
А сынъ его — вояка знаменитый:
Вѣдь это онъ у Иверскихъ держалъ...

ТЕРЕХА.

Рука подвязана.

ВАНЬКА.

И можетъ, значить,
Кошнёвъ, коли захочетъ пошутить,
Тебѣ башку отрѣзать, иль повѣсить,
Такая, значить, власть ему дана.

ТЕРЕХА.

Гдѣ долото? Подай опять стамеску.

[Къ нимъ подходитъ Кошнёвъ].

ОТЕЦЪ.

Богъ помочь, братцы. Спѣрится-ль работа?

ТЕРЕХА.

Работаемъ.

ОТЕЦЪ.

Не слышно-ли чего
Изъ Питера? Народъ порою знаетъ
Скорѣй, чѣмъ мы.

ТЕРЕХА.

Да вотъ вѣдоръ слыхали,
Что битва тамъ была и... наши взяли...

СЫНЪ.

Да если-бъ такъ...

ТЕРЕХА.

Господни чудеса
Воочию гуляютъ! Грузы эти [показываетъ на памятникъ]
Какъ этогъ, вотъ, летятъ на землю пухомъ;
Поставленъ былъ, кажись, что очень прочно...

СЫНЪ [подходитъ къ памятнику].

И цѣль остался! Не разбился! Диво!

[Слышенъ шумъ. Патруль ведетъ двухъ пойманныхъ венгерцевъ].

ВАНЬКА.

Луни его, проклятаго, сильнѣй...

ОТЕЦЪ.

Чего вы? Стойте! Говори, откуда?

ПАТРУЛЬНЫЙ.

Въ подвалѣ, подъ Гостиными рядами
Нашли, и вотъ бумаги есть при немъ. [Подаетъ].

ОТЕЦЪ [читаетъ].

Приказъ шесть дней тому назадъ! Венгерцы?..

ВАНЬКА.

Венгерецъ — это значить, тотъ же турокъ.
Позвольте, господа, заштукатурить:
Въ ступеньку обратить его...

ОТЕЦЪ [патрульному].

Ведите

На Комендантскій дворъ. Бумаги сдать,
А по пути не бить! Смотри, отвѣтишь!

ВАНЬКА.

Ну, а коверкать можно, господинъ?

ОТЕЦЪ [строго взглядываетъ на Ваньку:
тотъ принимается за работу].

Ступайте-же. Я скоро буду самъ.

[Патруль уходитъ. Сынъ садится на землю и облакачивается на статую].

Да, много, много лѣтъ тому назадъ,
На этомъ мѣстѣ предки ликовали!
И обнажились головы толпы,
И Достоевскій слово говорилъ,
Когда изъ лепты, собранной повсюду,
Быль памятникъ оконченъ въ данный срокъ!
Съ него проворно бѣлый холстъ спустили,
И онъ явился имъ въ чертахъ знакомыхъ,
Задумчивый, безмолвный и блестящій...

Теперь, отъ времени, позеленѣлъ онъ,
Зацвѣлъ весной всегдашней, вѣчно юной... [Къ сыну].
Но не задумывайся такъ упорно...
Советъ врача ты помнишь ли?

сынъ.

Да! Помню...

отецъ.

Мы къ царскому приѣзду порѣшили,
А онъ въ Москвѣ, пожалуй, скоро будетъ,
Что можно — сдѣлать! По соборамъ
Кремлевскимъ вновь поставлены гробницы
Царей и ихъ опять парчой покрыли,
Какъ будто врагъ ихъ вовсе не сдвигалъ!
И памятники мы поднимаемъ снова,
Пусть, молю, увидитъ Царь...

сынъ.

Оно, конечно,
Какъ будто что-то всюду оживаетъ!

отецъ.

Ты погляди, какъ быстро жизнь проснулась?
Смотри, какъ много подлѣ насъ движенья?
Москва не спитъ! Бессонница въ Москвѣ!
Всѣ ждуть вѣстей, а сообщеній мало!
Въ десяткахъ мѣстъ горитъ теперь война,
А мы почти-что ничего не знаемъ,
Всѣ проводы обрѣзаны, молчатъ,
И страшно за далекой сѣверъ. Слухи
Тревожные являются отвсюду!
Пожары, слезы, трупы, кровь, страданья...

сынъ.

Вотъ и моя рука еще горитъ...
И любо мнѣ къ металлу прикоснуться:
Онъ холодень... пріятно... [Прикасается и быстро встаетъ].

ОТЕЦЪ.

Что съ тобою!

СЫНЪ.

Куда ни прикоснешься, всюду кровь!
 Подумаешь, въ недѣлю не просохла!
 Ее опять размылъ вечерній дождь!
 И чья она—своя, или чужая!
 И Пушкинъ думаль ли, что будетъ день...

[Изъ-за тучъ выходитъ луна].

И кто бы ждалъ, что это все случится?..
 Обычнымъ ходомъ шла повсюду жизнь.
 Сзывались къ срокамъ разные конгрессы,
 Послы сидѣли на своихъ мѣстахъ;
 Шли рауты и пѣли итальянцы;
 Во Франціи мѣнялись кабинеты;
 А лѣтомъ, на водахъ, кишмя-кишѣли
 Богатые наряды модныхъ дамъ...
 Скрипѣли перья въ нашихъ министерствахъ,
 Выкладывали смѣты счетоводы,
 Съ трудомъ обычнымъ поле засѣвалось,
 Являлись урожан, недороды...
 И вдругъ, вотъ въ этотъ заурядный строй
 Ужаснымъ выходцемъ изъ дней минувшихъ
 Проникла къ намъ трехлѣтняя война!
 Не разобратъся, въ чемъ ее начало?
 Последней ей причины не найти!
 Случилось то, чего и не хотѣли:
 Ослабли теченья выснихъ силъ,
 Совсѣмъ не тѣхъ, что знали дипломаты!
 И гдѣ плоды той свѣтозарной мысли
 Святого оклика Державнаго Вождя,
 Что съ высоты отцовскаго престола
 На общій миръ народы призывалъ?
 Погромъ пошелъ по всѣмъ землямъ славянскимъ:
 Отъ Праги, къ Кракову и отъ Варшавы
 Вплоть до Невы, до Волги, до Днѣпра!

ОТЕЦЪ.

Идти дальше, дальше... Флоты всѣхъ морей
Горять огнемъ...

СЫНЪ.

Рѣшенія на сушѣ,
Не на моряхъ — и именно у насъ!
Мы шли къ тому отъ самаго начала!
Какъ въ племени Давида быть Христу
Рѣшилъ Господь — намъ было назначенье
Стать очагомъ послѣдняго огня...

[Нѣкоторые рабочіе уходятъ; другіе, Тереха и Ванька, ложатся спать.
Кошнѣвы садятся на обломки пьедестала].

ОТЕЦЪ.

Порѣшены великіе вопросы,
И жребій палъ, такъ Богъ велѣлъ, на насъ...
Судьба славянъ совсѣмъ своеобразна.
Все ихъ былое — медленный отпоръ.
Они всегда являлись мягкотѣлы,
Какъ бы безпомощны. Одна Москва,
Собравши землю, обросла броней,
Пыталась много разъ помочь собратьямъ...
Бывала помощь отъ другихъ, но рѣдко:
То битва Вѣлогорская, то гнѣзда
Угрюмой Черногоріи, порою,
Знать о себѣ давали... а теперь —
Мы нашимъ предкамъ руку протянули...
Мы стратотерпцы нынѣ, какъ всегда!
И Церковь наша, кроткая отъ вѣка,
Рукою отческой всегда на миръ вела...
Ты мнѣ скажи: кто въ матушкѣ Россіи,
Кто изъ людей великихъ не страдалъ?

СЫНЪ.

Преемственность страданій, это — мило!

ОТЕЦЪ.

Да, да! Преемственность!.. Она отъ вѣка,
 Какъ Божій духъ, носилась надъ Россіей
 Невоплотившимся библейскимъ словомъ!
 Она имѣлась на сердцѣ народа,
 Въ писаніяхъ почтенныхъ лѣтописца,
 Въ словахъ проповѣдей и въ бранныхъ кликахъ,
 Въ мученіяхъ святого Михаила,
 Въ разбойничьей отвагѣ Ермака,
 И въ битвѣ Бородинской, и на Шинкѣ,
 И въ Ломоносова ученомъ кабинетѣ!!...
 Яснѣй чѣмъ гдѣ имѣлась здѣсь, конечно,
 Когда была Москва еще деревней—
 Въ бесѣдѣ Калиты съ митрополитомъ
 Петромъ... А Радонежскій чудотворецъ?..
 Преемственность въ Суворовѣ видѣлась,
 Въ Кутузовѣ, и множествѣ другихъ!
 Одинъ всегда былъ лозунгъ у людей:
 Россія безъ Царя—грудь безъ дыханья,
 И долженъ Царь служить странѣ своей!
 Всѣ въ это вѣрили, всѣ ощущали—
 Но этотъ, вотъ, что тутъ теперь лежитъ
 И, вновь воздвигнуть, будетъ возвышаться—
 Онъ былъ начальнымъ лепетомъ, былъ первымъ
 Разумнымъ словомъ малаго ребенка,
 Когда впервые, но съ сознаньемъ яснымъ,
 Вдругъ назоветъ онъ: мать, или отца!

СЫНЪ.

Но посмотри, взгляни: въ его чертахъ
 Какъ много грусти! Тягота большая
 Лежитъ на немъ? Возможно-ль, чтобы тѣ,
 Кого судьба поставитъ такъ высоко,
 Грустили такъ безпомощно?!

ОТЕЦЪ.

Мой милый!
 Въ предвидѣннѣ глубокомъ, несказанномъ,

Онъ видѣлъ то, что нынѣ видимъ мы.
 При немъ оно завязывалось въ почки
 По осени, готовилось къ зимѣ!
 И надвигалась исподволь гроза!..
 И погасали явленные силы..
 И правъ былъ Пушкинъ, ежели грустилъ!
 Ты видишь самъ, какой большой цѣною
 Мы искупили прежнія ошибки:
 Несвоевременную, иногда, отвагу
 И робость, проступавшую всегда!
 Теперь мы отсталяли право жизни,
 Быть дома у себя!..

сынъ.

Святое право!

отецъ.

Но мы могли бы кровью изойти..
 Когда бы намъ да не знамена наши!
 Да, тутъ, у этихъ погорѣлыхъ храмовъ,
 У этихъ памятниковъ моцнымъ людямъ,
 Поляки съ чехами и мы, какъ братья,
 Повсюду дружно бились за-одно..
 А въ чемъ причина? Благовѣстный случай!
 Когда бы Австрія еще существовала,
 Германія не выросла бы втрое,
 Поляки съ чехами, какъ это было,
 Особнякомъ стояли-бъ въ службѣ папѣ!
 Возможность вѣрной смерти имъ внушила
 То, что когда-то, лучшіе изъ нихъ,
 Давнымъ давно, въ свой срокъ провозглашали:
 Въ одиннадцатомъ вѣкѣ и въ минувшемъ..
 И, къ слову молвить: Станиславъ святой,—
 По имени его у насъ извѣстна лента,—
 Въ борьбѣ съ папизмомъ смерть свою обрѣлъ!
 «Католики безъ папы» — вотъ тотъ лозунгъ,
 То основанье братства между нами,
 Которое призвало въ дружный бой!

Не выносить двухъ молній той же тучѣ —
 Царю и папѣ вмѣстѣ — мѣста нѣтъ!
 Отнынѣ насъ сливаетъ во-едино,
 Кровь, нами прѣлитая братски за-одно!
 Единый духъ — одна большая сила
 Чужда ксендзамъ подвластнымъ булламъ Рима,
 Дала отпоръ послѣдній, навсегда...
 Сверкаетъ уголь нашихъ деревень,
 Поль-неба надъ Европой освѣщая,
 Святой огонь спалилъ намъ все до тла!
 Не даромъ же отъ древности сѣдой,
 И отъ временъ богатырей, въ лампадахъ,
 Онъ у святыхъ иконъ не погасалъ!

[Издали слышится пѣсня проходящаго мимо пѣвца].

Соловьи-то наши замолчали,
 Не воркуютъ горленки съ печали,
 Лететь, лететь, что великая рѣка,
 По родимой, по сторонущей тоска...

Ужь вы, волны, волны не крушите,
 Колыбельки дѣтокъ пощадите, —
 Утекай, змѣя-рѣка, до дальнихъ странъ,
 Да не къ людямъ, а въ глубокой океанъ.

Заворкуйте, горленки, скорѣе,
 Защелкай, соловушко, громчѣе...
 Иль глаза у насъ на мокрыхъ на мѣстахъ?
 Выходи, заря, сушить росу въ очахъ...

[Заря занимается. Старикъ Кошневъ глядитъ въ лицо Пушкину].

Какія въ пѣснѣ грустные слова!
 Но, мнится мнѣ, что хмурья черты
 Въ сіяньи тихомъ розоваго свѣта,
 Какъ будто, пѣсню слушая, свѣтлѣють...
 Утѣшена тоскующая тѣнь.
 И не пройдетъ и мѣсяца, услышимъ
 Мы не одно лишь пѣнье панихидъ,

Къ которому такъ долго привыкали, —
Услышимъ пѣсенъ свадебныхъ разгуль
И прославленье памяти былого!

СЫНЪ [быстро вставая съ мѣста].

О, свадебныя пѣсни! Развѣ такъ!
Да развѣ свадьбы празднують на свѣтѣ?
И развѣ мѣръ не лагерь, не сраженье,
И не больница, и не царство мертвыхъ?!
И спасена страна? И мы не трупы?
Три года битвы! Томленье! Неизвѣстность!
Всѣ нервы напряглись, всѣ мысли сбиты,
Способность есть повѣрить въ привидѣнья —
Увидѣть ихъ... Смотри, отецъ, смотри!

[Отъ проходящихъ, во все время дѣйствія, на заднемъ планѣ людей отдѣляется старушка-няня, съ платкомъ на головѣ и, плача, подходитъ къ статуѣ Пушкина, ярко освѣщаемая луною].

ОТЕЦЪ.

Ну, вижу, вижу!

СЫНЪ.

Пушкинская няня!

И плачетъ, горько плачетъ... Почему?

[Хочетъ подойти къ ней, но останавливается поднявшимся съ мѣста отцомъ].

ОТЕЦЪ.

Я самъ поговорю! Ты не сумѣешь?

[къ старушкѣ].

О чемъ, скажи, старушка-няня, плачешь?
Что на сердцѣ?

НЯНЯ.

Да какже, рѣдный мой!

Убиты два моихъ птенца родные,
Одинъ другого краше и милѣй...
Какъ были дѣтками, я ихъ водила
Сюда! Играли, тѣшились парнички
И такъ и звали: — «къ дѣдушкѣ пойдемъ!»

ОТЕЦЪ.

Какъ звали ихъ?

НЯНЯ.

Ихъ Пушкиными звали,
Вотъ, какъ и этого...

СЫНЪ.

А какъ же, молви,
По батюшкѣ?..

НЯНЯ.

Петровичами были...

СЫНЪ.

Петровичи! Товарищи мои!
Убиты оба? Гдѣ? Когда? Давно ли?

НЯНЯ.

Пять дней назадъ письмо о томъ пришло.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ, гдѣ?

НЯНЯ.

Не вѣдаю! Чудиде мѣсто?

ОТЕЦЪ.

Почтенный родъ, отъ Грознаго, и раньше —
Родной землѣ на службѣ именитъ!

НЯНЯ.

И вотъ, не сплю — гуляю темной ночью...
И слезъ не хватить плакать мнѣ...

СЫНЪ.

Судьба!
Давно-ль друзьями въ школѣ мы сидѣли..

ОТЕЦЪ.

Ну, няня! Видишь ли, Господня воля!
Имъ лучше тамъ... А ты за нихъ молись.

НЯНЯ.

Иду къ заутренѣ, родимый, къ монастырской.

ОТЕЦЪ.

Ступай, ступай, хорошая моя...

[Няня уходитъ къ монастырю].

СЫНЪ [послѣ раздумья].

Все смерть да смерть! Вернувшемуся счастьемъ
Не вѣрю я? Не рано-ль ликованье?
И не обидно ли убитымъ будетъ
Подъ неосѣвшею еще землей?
Не стыдно-ль будетъ свадебною пѣсней,
Тревожить ихъ едва начатый сонъ?
И развѣ не зовутъ они живущихъ
На страшное отмщенье?

ОТЕЦЪ.

О, мой сынъ!

Въ судьбахъ великихъ родины твоей
Нигдѣ я не читаю слова: мщенье!
Давали мы врагамъ отпоръ, не больше!
Измѣна прошлому — измѣна правдѣ!
Теперь за дѣло! За возстановленье!
Откроемъ церкви наши для молитвы,
Пусть возникнетъ снова наша вѣщность
Такою, какъ была! А вмѣстѣ съ тѣмъ
И этотъ памятникъ; вѣдь Пушкинъ былъ
Однимъ изъ тѣхъ далеко видныхъ стиговъ,
Которымъ вслѣдъ полки на бой идутъ,
Сбѣгаются на случай неудачи!
Мы разбрелись бы, если-бъ не знамена!

Вотъ отъ того-то надо ихъ поднять...
Плечомъ мірскимъ! Но, что это за шумъ?

[Слышеть быстро приближающійся шумъ. Тереха, Ванька и другіе просыпаются. Влестящая заря].

СЫНЪ.

Великій шумъ!.. Въ такую рань проснулись?
Толпы валятъ со всѣхъ сторонъ, кругомъ!

[Приходятъ дѣти, женщины, монахи, славянскіе ратники. Толкотня].

ОТЕЦЪ.

Сюда бѣгутъ. Должно, насъ увидали...
Гонецъ какой-то... Радостные клики!..

[Въ толпѣ засматриваютъ въ глубину сцены].

МНОГІЕ.

Съ гонцомъ бѣда!

ДРУГІЕ.

Гонецъ-то, братцы, баба!..

ГОЛОСА.

Упала лошадь! Выбилась изъ силъ...

ТЕРЕХА.

А баба на ногахъ!

ВАНЬКА.

Идутъ сюда толпою!

[Входитъ баба-Василиса, съ нею толпа народа; она отдастъ Кошиѣву денешу].

БАБА-ВАСИЛИСА.

Побѣда наша... Флоты ихъ погибли...
И Петербургъ спасень, какъ и Москва.

ТЕРЕХА.

Ишь! Бабу посылаютъ,— вотъ такъ диво!

ВАНЬКА.

Иль нѣтъ мужичинъ? Иль перебиты всѣ?

БАБА-ВАСИЛИСА.

Завидно что ли юбокѣ? Нарядитесь!

МНОГІЕ.

Ишь, храбрая какая!..

БАБА-ВАСИЛИСА.

Не замай!

МНОГІЕ [пока Кошневъ читають депешу].

Ну, говори скорѣе.

БАБА-ВАСИЛИСА.

Дайте время!

Да не толкай, ребята... Придушили...
 Несу съ собою вѣсти я изъ Клина...
 Отъ Петербурга вплоть до самой Твери
 Нѣтъ проводовъ; нѣтъ и къ Москвѣ отъ Клина...
 И вотъ, депеша къ намъ счастливая пришла
 Гдѣ по ракетной почтѣ, гдѣ гонцами...
 Пять дней назадъ, у самой Красной Горки
 И далѣе за Нарвою, шелъ бой...
 Пошли они отъ Ревеля по взморью,
 И моремъ на Кронштадтъ, войска и флоты!
 Три дня сраженье шло! Мы одолѣли:
 Поль-гвардіи легло и съ ними младшій
 Сынъ Государевъ и ему родные
 Четыре князя царской крови пали.
 Флотъ англичанъ и нѣмцевъ опоздалъ,
 Забрать бѣжавшихъ не успѣлъ — погибли!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

А самый флотъ! Неужто уцѣлѣлъ?

БАВА-ВАСИЛИСА.

Нѣтъ! Только малость отъ него осталось.

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Сигарошники, значить!

БАВА ВАСИЛИСА.

Да, они!

Изъ всѣхъ рѣчонокъ въ море выползали —
Что водные жучки — и одолѣли!

СТАРЫЙ МОРЯКЪ.

Вотъ это я всегда и говорилъ!

ВАНЬКА.

Вотъ это дѣло, братцы!

ТЕРЕХА.

Эй, ребята!

Что уши-то развѣсили — къ побѣдѣ?
Что, если-бъ намъ собща фигуру эту
Зарѣ навстрѣчу, вотъ сейчасъ, поставить!
Что ей лежать-то, бѣдной, на землѣ?
Онъ пѣсни пѣлъ любезныя народу, —
Пусть встрѣтитъ онъ зарю въ побѣдный день!

ВАНЬКА.

Что-жъ! Можно! Вправду!

ГОЛОСА.

Да, конечно, можно!

ТЕРЕХА.

Эй, православные!

ВАНЬКА.

Да цоколь не готовъ!

ТЕРЕХА.

Зачѣмъ на цоколь, тутъ и силъ не хватить.
А на земь можно. Отчего — не такъ?

ВАНЬКА.

Вотъ, если-бъ вольтовы столбы имѣлись,
Да прѣводы, такъ мы бы это живо!
Да только всѣ поломаны въ дѣлахъ,
Купить нельзя!

ТЕРЕХА.

Чѣмъ ворота не машина?
Дружнѣй, ребята, али ожидать!

[Подвизываютъ веревки и начинаютъ медленно воздвигать фигуру подлѣ цоколя. Раздается звонъ къ заутренѣ].

ОТЕЦЪ.

Заутреня, какъ бы на Свѣтлый праздникъ!
Трезвонъ колоколовъ, въ народѣ радость...
И мертвый, поднимаемый къ живымъ.
Мой сынъ! Мой сынъ! Господь благовѣствуетъ!

[Яркое солнечное освѣщеніе. Заревал пушка. Прибываютъ новыя толпы. Усиленные крики. Видѣются въ большомъ числѣ представители славянскихъ войскъ и народностей].

МНОГІЕ.

Гонецъ, еще гонецъ! Откуда?

ГОНЕЦЪ [на конѣ — останавливается, за невозможностью ѣхать.]

Осторожнѣй!

Коня спихнете! Что вы? Дайте слѣзу...
Гдѣ комендантъ?

многіе.

Сюда, сюда! Вотъ онъ!
Скорѣй, скорѣй, о чемъ?

ГОНЕЦЪ [подходя къ Кошневу].

Вотъ приказанье!

[При общемъ молчаніи, старикъ Кошневъ, по прочтеніи депеши, поднимается на цоколь памятника Пушкину и говоритъ народу].

ОТЕЦЪ.

Счастливыи день! Двѣ радостныя вѣсти!
Царь-Государь, едва сляжавъ побѣду,
Благоволить въ Москву свою прибыть,
Объ избѣенныхъ съ нами помолиться
И погорѣлую столицу воскресить!

[Общее ликованіе народа. Сильный колокольный звонъ. Памятникъ водруженъ].

Еще одно къ вамъ праздничное слово:
Къ подножью Пушкина тропа не заростетъ,
И вѣчно юно будетъ, вѣчно ново,
Что поднялъ ты своимъ плечомъ народъ!
И вѣчно будетъ Пушкинъ намъ любезенъ
Тѣмъ, что къ добру онъ чувства пробуждалъ,
Что прелестью стиха онъ былъ полезенъ
И милость къ надшимъ призывалъ,
Что онъ прозрѣлъ конецъ въ старинномъ спорѣ,
Что, смертный, онъ, безсмертіе предрекъ
Ручьямъ славянскимъ, слитымъ въ русское морѣ,
Покрывшемъ весь сплотившійся востокъ!..

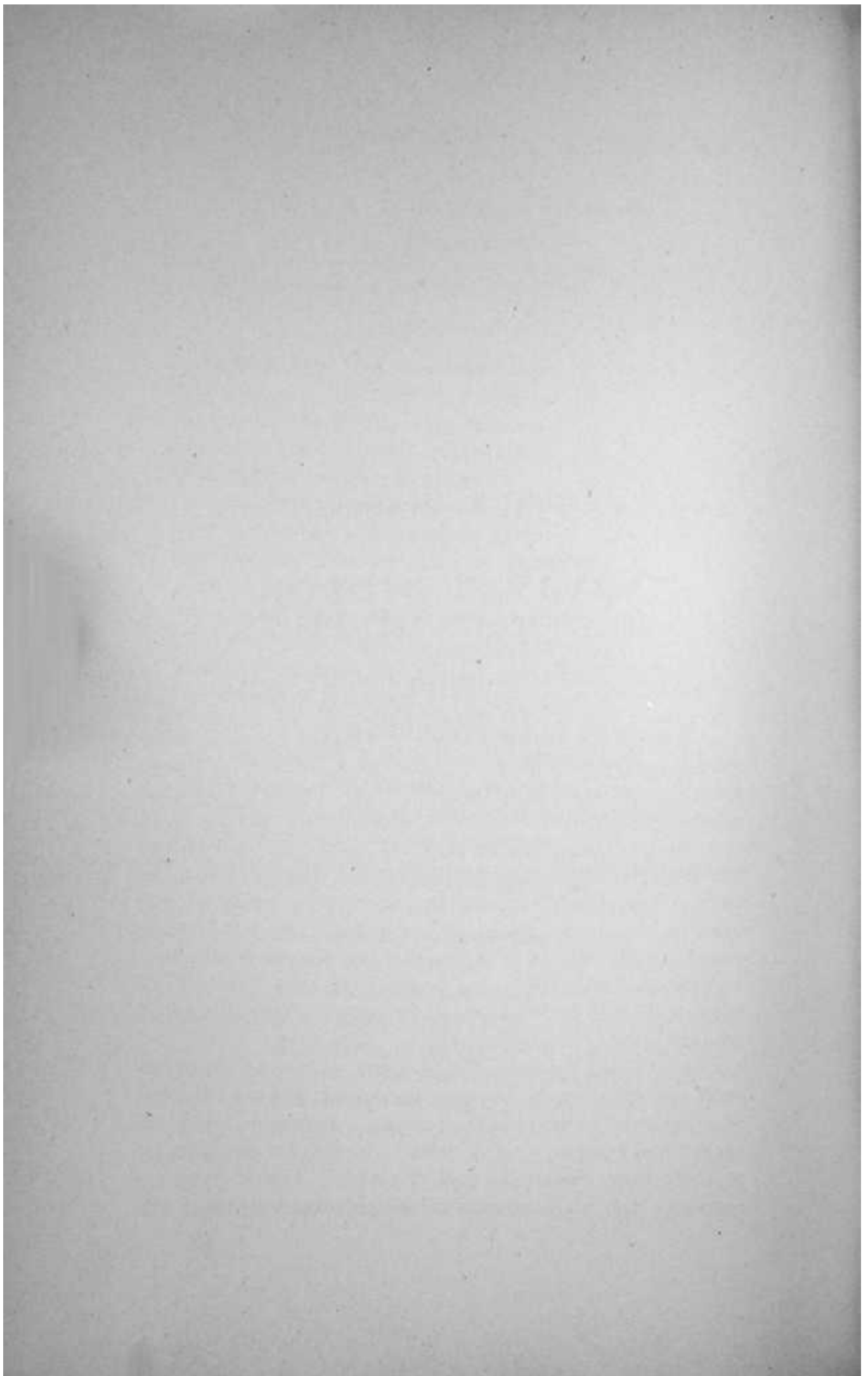
[Новые клики радости. Колокольный звонъ. Клинки: «Ура! Живіо! Слава!» Далекая пушечная пальба. Общая хоровая пѣсня].

Раздавайтесь, звоны звучные!
Раззвонись, колокола!
Годы злые, годы скучные
Преисподняя взяла!
Возликуйте, православные!
Сгинуль — свѣлся изъянъ,
Всѣ мы братья, братья равные
Многихъ отраслей славянъ!

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

—

ПРОЗА

А. А. ПОТЪХИНЪ.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА).

Теплая июльская ночь. Маленькій уѣздный городокъ, на берегу Волги, крѣпко спалъ. Тишина стояла мертвая: ни голоса, ни звука, ни малѣйшаго движенія, такая тишина, что съ высокаго берега широкой и какъ бы неподвижно-заснувшей Волги слышался каждый всплескъ воды отъ движенія мелкой рыбешки. Все здѣсь спало и все безмолвствовало. Изрѣдка только эта тишина нарушалась хриплымъ и полусоннымъ возгласомъ сторожа съ церковной колокольни: «слу-у-шай!», который большею частью никого не будилъ и замиралъ въ воздухѣ безъ отвѣта, а иногда вызывалъ смутный и неясный, какъ эхо, такой же отвѣтный окрикъ: «слу-у-шай!» съ колокольни на другомъ концѣ городка.

На базарной площади, сплошь почти покрытой сухимъ старымъ навозомъ, сквозь который, мѣстами, пробивалась и зеленѣла травка, стоялъ каменный домъ; въ нижнемъ этажѣ его черезъ окна виднѣлся слабый свѣтъ,—то мерцала лампадка передъ образами, зажженная еще съ вечера и теперь почти погасающая. Она едва освѣщала низенькую комнату по тремъ стѣ-

намъ, обставленную дѣтскими кроватками подъ пологами. Здѣсь стояла такая же сонная тишина, какъ и на улицахъ, нарушаемая лишь всхрапываніемъ старушки-няни, спавшей на войлокѣ, положенномъ на полу, возлѣ самой маленькой дѣтской кроватки. Но вотъ, въ одной изъ кроватокъ раскрывается пологъ и изъ-за него осторожно высовывается бѣлая головка 10-лѣтняго мальчика. Онъ взглядываетъ на окна, прислушивается, внимательно смотритъ на няньку, затѣмъ осторожно протягиваетъ руку къ дневной одеждѣ своей, лежавшей возлѣ, на стулѣ, достаетъ съ полу лежавшіе около постельки башмаки и закрываетъ за собою пологъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спустилъ ноги съ кроватки уже совсѣмъ одѣтый и, прикрываясь пологомъ, вновь прислушивался и особенно наблюдалъ за нянькой. Убѣдившись, что она крѣпко спитъ, мальчикъ тихонько поднялся, досталъ изъ-подъ подушки заблаговременно спрятанный тамъ свой картузь, неслышными шагами прокрался къ окну, отперъ его, открылъ и съ видимымъ замѣраніемъ сердца, въ полъ-оборота оглядываясь и прислушиваясь, стоялъ нѣсколько времени, потомъ рѣшительно поднялся на подоконникъ и спрыгнулъ за окно, которое было отъ земли ниже его роста.

Осторожно закрывши за собою окно, мальчикъ пошелъ быстрыми шагами черезъ площадь. По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, тревога и возбужденіе мальчика затихали и онъ глубоко вдыхалъ начинавшій свѣжѣть утренній воздухъ; при поворотѣ съ площади въ переулокъ, ему пришлось проходить мимо паперти старинной церкви, на стѣнахъ которой была картина, изображающая страшный судъ со всѣми его ужасами. Внизу картины, съ одной стороны былъ нарисованъ самъ страшный сатана съ Иудой-предателемъ, сидящимъ на его колѣняхъ, въ его объятіяхъ, окруженный адскимъ огнемъ, въ которомъ мучились грѣшники, подвѣшанные на крючьяхъ то за языкъ, то за глазъ, то за ребро, то внизъ головой; кругомъ ихъ скакали безобразные черные дьяволы съ орудіями пытокъ въ когтяхъ: съ желѣзными вилами, щипцами, скребками, связками желѣзныхъ прутьевъ, которыми они терзали тѣло подвѣшенныхъ; а съ другой стороны, въ открытую огненную пасть вереницей шли грѣшники, среди которыхъ были и цари, и князья, и архіереи, и всякихъ чиновъ люди. Сюда съ ранняго дѣтства водила его, вмѣстѣ съ братьями, няня и,

указывая на страдающихъ въ геенскомъ огнѣ грѣшниковъ, толковала имъ, что ихъ будутъ на томъ свѣтѣ также мучить, за непослушаніе, за непочтеніе къ родителямъ и старшимъ, за лѣнь, за обманъ и даже за тѣ грѣхи, которыхъ дѣти еще не понимали и совершить не могли. Ужасомъ наполнялись дѣтскія души, и этотъ самый мальчикъ Боря (такъ звали его), какъ самый нервный и впечатлительный изъ числа дѣтей, еще 6—7 лѣтъ, нерѣдко цѣлыя ночи метался въ горячечномъ бреду, ожидая наступленія страшнаго суда. Теперь, проходя мимо паперти, мальчикъ невольно вздрогнулъ, снялъ шапку, перекрестился и, стараясь не смотрѣть по сторонамъ, сѣшилъ миновать церковь. И въ то же время, точно нарочно, среди окружавшей его тишины, неожиданно раздалось глухое и отдаленное: «слу-у-шай!» Мальчикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, мурашки побѣжали отъ затылка къ снигѣ, и онъ, закрывши глаза, почти бѣгомъ бросился впередъ по безмолвному переулку, но скоро пришелъ въ себя и успокоился, когда услышалъ отвѣтный и ясный крикъ сторожа съ ближайшей церковной колокольни: близость живого и бодрствующаго человѣка успокоила его.

Борѣ предстояло пройти переулокъ, перейти по мосткамъ черезъ рѣчку, впадающую по близости въ Волгу и отдѣляющую зарѣчную часть города, затѣмъ подняться на высокую гору, составлявшую противоположный берегъ рѣчки.

Здѣсь, наверху, на него нахнулъ свѣжій утренній вѣтерокъ, а на восточной сторонѣ неба—онъ замѣтилъ розовую полосу, предвѣстницу солнечнаго восхода, который онъ и хотѣлъ видѣть со знакомаго ему мѣста на высокомъ берегу Волги.

Для того, чтобы насладиться этой картиной, одному, безъ свидѣтелей, безъ докучнаго надзора и вразумленія старшихъ, онъ и рѣшился на свое таинственное путешествіе ночью, черезъ окно, на зло тому строгому порядку и дисциплинѣ, въ которыхъ держалась вся семья. Боря родился и выросъ въ этомъ городкѣ. Самыя раннія дѣтскія впечатлѣнія его были отъ Волги и красивыхъ окрестностей города, куда ихъ водили гулять. Онъ безсознательно, но страшно полюбилъ окружающую его природу, а особенно эту свою Волгу.

Это родственное чувство его къ природѣ было почти такое же, какъ къ родной семьѣ. Его сердце умилялось, восторгалось и

ласкало ее такъ же, какъ родныхъ братьевъ и сестеръ, малѣйшее непризнаніе ея красотъ и достоинствъ оскорбляло его, возбуждало въ немъ досаду, гнѣвъ, негодованіе, онъ ревновалъ ее и не хотѣлъ признать, что есть что нибудь лучше и красивѣе того, что онъ видѣлъ съ колыбели, и что наполняло его душу такимъ трепетомъ, такимъ восторгомъ и радостью, какіе давала ему окружающая природа и эта несравненная красавица Волга, широкою лентой опоясывающая его родной городокъ.

Онъ зналъ и видѣлъ ее во всѣхъ фазахъ ея жизни: и раннею весною, когда она снимала съ себя зимніе ледяные покровы и, разрывая ихъ, съ сердитымъ шумомъ и трескомъ крушила, громоздила другъ на друга и разбрасывала ледяные куски своей зимней одежды, и когда очистившись отъ нихъ, она разливалась на необъятномъ просторѣ и поднимала свои воды почти до подножія строеній, поставленныхъ на высокомъ правомъ берегу. И мальчику тогда казалось, что она и всегда должна быть такою многоводною, непобѣдимо сильною и могучею и что ее, какъ сказочную царевну, на время только, усыпляла какая-то враждебная сила или, какъ богатыря, обезсиляли временно волшебныя чары, но съ помощью благодѣтельной феи, въ лицѣ краснаго горячаго солнца, царевна просыпалась, а богатырь разрывалъ свои волшебствомъ накинутыя цѣпи. Боря видѣлъ и любовался ею,— и въ лѣтнее время, когда она мирно и ласково несла на себѣ цѣлые караваны вооруженныхъ парусами судовъ, которые казались издали стадомъ большихъ бѣлыхъ птицъ, спокойно плывущихъ на ея водахъ; или, когда слышалась съ этихъ судовъ тягучая пѣсня бурлаковъ, которая почему-то трогала и щемила его сердце. Восторгался онъ и трепеталъ отъ ужаса при видѣ мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гнѣвалась, вздымала и бросала бѣлыя разлетавшіяся брызгами волны, крутила и кидала какъ щепки, большія лодки. Въ воображеніи мальчика, Волга представлялась ему живымъ существомъ, которое и дышало, и чувствовало, и любило, и ласкало, и радовалось, и страдало, и гнѣвалось. Онъ умлялся, смотря на нее въ лѣтніе тихіе вечера, когда въ воздухѣ стрѣлами проносились стрижи и ласточки, возвращающіеся въ свои гнѣзда; солнце, закатываясь, постепенно погружалось въ нее, какъ бы гася и расплавляя въ ея водахъ свои огнен-

ные лучи, а Волга мирно отходила ко сну, убаюкиваемая пѣсней, несущейся съ судовъ, остановившихся на отдыхъ, и этой пѣсней какъ бы ласкающихъ свою кормилицу, свою добрую ласковую няню.

Не удавалось только видѣть Борѣ восхода солнца на Волгѣ, но онъ слыхалъ отъ старшихъ, что съ одного пункта на высокомъ берегу Волги, гдѣ онъ не разъ бывалъ на прогулкахъ съ родными днемъ, прекрасно виденъ восходъ солнца, и что эта картина необыкновенно красива. Онъ давно стремился ее видѣть, но не удавалось: никто изъ семьи не поднялся бы такъ рано, да и не захотѣлъ бы вести его въ такую рань, въ такую даль отъ дома.

Нѣсколько недѣль назадъ Боря только что возвратился отъ бабушки и дяди, гдѣ онъ прожилъ больше года, а вскорѣ ему предстояло ѣхать въ губернской городъ для поступленія въ гимназію, и онъ надумалъ, ни кому не говоря ни слова, потихоньку уйти изъ дома ночью, чтобы осуществить свое давнишнее желаніе: онъ чувствовалъ, что страшно бы тосковалъ въ гимназій, если бы не исполнилъ этого желанія и не полюбовался еще разъ, передъ разлукою, на свою любимицу. И онъ шелъ теперь съ такими же чувствами въ душѣ, какія испытываетъ юноша, идущій на первое свиданіе къ своей возлюбленной.

Видъ зарумянивагося на востокѣ неба заставилъ его ускорить шаги. Ему предстояло еще пройти съ полъ-версты, по почтовой, обсаженной березами, дорогѣ, потомъ, черезъ переселокъ молодежника и кустарника пробраться къ берегу Волги. Онъ зналъ, что была тропинка или прогалинка, по которой можно свободно пройти къ нему, но боясь опоздать, Боря пошелъ черезъ лѣсокъ прямокомъ по мокрой травѣ, обливаемый росой съ листьевъ березокъ и кустарника, черезъ который пробивался, и сопровождаемый чирканьемъ разбуженныхъ и испуганныхъ его появленіемъ птичекъ. Онъ забылъ и не думалъ о томъ, что мокрая обувь и платье будутъ уликою въ его самовольной отлучкѣ изъ дома, которую онъ желалъ бы скрыть.

Наконецъ, онъ дошелъ до желаемого мѣста. Это былъ высокій и обрывистый бугоръ, выступавшій почти мысомъ къ водѣ и составлявшій однимъ бокомъ берегъ Волги, а другимъ — окраи-

ну долины той рѣчки, черезъ которую только что проходила Боря и которая здѣсь неподалеку вливалась въ Волгу.

Прямо передъ глазами Бори разстилалась длинной широкой лентой спокойная Волга, какъ бы дымившаяся поднимавшимся съ нея туманомъ. Вправо она точно вливалась въ разгоравшійся все болѣе и болѣе небосклонъ, а налѣво, подъ его ногами, виднѣлся его родной городокъ, какъ вуалью прикрытый, туманомъ, сквозь который неясными силуэтами рисовались церкви, колокольни и стоящія на противоположной горѣ высокія зданія.

Сердце Бори радостно билось и замирало, и окинувши любовнымъ взглядомъ всю эту картину, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на особенно яркой огненной полосѣ неба, прилежавшей къ самой Волгѣ. Ждать ему пришлось недолго. Вдругъ, точно изъ нѣдръ Волги брызнули въ небо огненные лучи, зажгли всю восточную сторону неба, прорѣзали и разрѣдили туманъ, окрашивая его въ розовый цвѣтъ, и яркой полосой освѣтили верхушки деревьевъ на противоположномъ берегу Волги, поверхъ которыхъ, точно звѣздочка въ небѣ, засверкала крестъ на колокольнѣ дальняго заволжскаго села. Туманъ сталъ быстро подниматься, и разрываясь въ мелкія клочки, курился какъ дымокъ и таялъ въ небѣ. Но вотъ и все оно, горячее, блестящее яркое солнце, точно выплыло изъ воды на загорѣвшееся отъ него небо и словно вдругъ все проснулось, ожило и радостно затрепетало обновленной жизнью: туманъ исчезъ, противоположный берегъ выступилъ весь въ яркомъ веселомъ освѣщеніи со своими лугами, лѣсами и деревушками, сама Волга во всю свою ширину точно загорѣлась яркимъ румянцемъ или потекла огненной лавой, загорѣлись и кресты на колокольнѣ, огнемъ засверкали и стекла домовъ въ городкѣ и деревняхъ, и весь городокъ точно умылся и весело выставилъ на показъ свою милостивую красоту. И воздухъ вдругъ наполнился неуловимыми разнородными звуками, среди которыхъ слышалось и щебетанье птицъ, и откликъ пастушьяго рожка, и неясные чловѣчьи голоса, и отдаленный церковный благовѣстъ: точно вся природа пѣла свою привѣтственную рѣчь появленію животворящаго свѣтила. Сама Волга точно проснулась и заговорила тихимъ журчаніемъ своихъ волнъ.

При видѣ всей этой картины, Боря трепеталъ, замиралъ отъ восторга, его сердце наполнялось неописуемымъ чувствомъ блаженства, радости, благодарности, горло сжимали спазмы, изъ глазъ текли слезы, онъ невольно вскрикнулъ: ахъ!.. упалъ на колѣни и протянулъ руки, какъ бы желая обнять и прижать къ сердцу весь этотъ лучезарный, сіяющій міръ Божій. Онъ ничего не думалъ, ни къ чему сознательно не относился, но жилъ и чувствовалъ, что жилъ въ это время одною жизнью со всею природой. Онъ обо всемъ забылъ и долго находился точно въ безсознательномъ состояніи, весь поглощенный восторгомъ созерцанія.

Изъ этого забытья его вывелъ долетѣвшій до его слуха благовѣсть къ заутрени, раздавшійся съ городскихъ церковныхъ колоколенъ и далеко разносившійся по раздолью Волги въ утреннемъ чистомъ воздухѣ. Боря вспомнилъ, что въ это время, обыкновенно встаетъ старая нянька, а въ праздники — отецъ, ходившій къ ранней обѣднѣ. Онъ вспоминалъ, что ему надо торопиться домой и что теперь ему трудно будетъ никѣмъ незамѣченнымъ пробраться въ свою спальню и лечь какъ ни въ чемъ не бывало, въ постель. Онъ почувствовалъ, что все платье на немъ мокрое отъ росы, но что солнышко уже согрѣвало и сушило его своими теплыми ласковыми лучами.

«А дорогой и совсѣмъ просохну!» подумалъ онъ и прищуренными глазами, съ любовной, благодарной улыбкой хотѣлъ онъ взглянуть прямо на него, на это милое солнце, и не могъ: такъ ярки уже и блестящи были его лучи. Зато, онъ много, много разъ обвелъ глазами всю сіяющую, освѣщенную имъ, лежащую передъ нимъ картину, и съ глубокимъ вздохомъ разставаясь съ ней, нѣсколько разъ еще и еще оглядывался, точно прощаясь съ дорогимъ существомъ. Но онъ шелъ назадъ, бодрый, веселый, съ внутренней удовлетворенностью, спокойствіемъ и рѣшимостью храбро встрѣтить, что бы ни предстояло впереди.

Впоследствии, когда Боря былъ уже взрослымъ юношей, въ первый разъ влюбился и ходилъ на тайное свиданіе къ своей возлюбленной, онъ мысленно сравнивалъ свои ощущенія съ тѣми, которыя получалъ во время этого своего перваго любовнаго похода, и находилъ, что онѣ были вполнѣ похожи,

почти однородны, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣтскія впечатлѣнія, даваемая природой, были какъ-то чище, ярче, цѣльнѣе и возвышеннѣе, безъ малѣйшаго, хотя бы смутнаго, не вполне сознанныаго чувства сомнѣнія и недовольства, которое являлось при свиданіи съ любимой женщиной.

Онъ вспомнилъ почему-то о своемъ первомъ любовномъ чувствѣ къ посторонней женщинѣ. Еще до поѣздки къ бабушкѣ, когда ему было лѣтъ 7, какъ-то разъ, его крестная мать, мѣстная помѣщица и большой другъ его матери, привезла къ нимъ въ домъ, пріѣхавшую къ ней на время въ гости родственницу, княжну, совсѣмъ писаную красавицу, о красотѣ которой всѣ въ домѣ еще раньше ея появленія разговаривали, ахали и восторгались. Вообще, дикій и конфузливый, Боря, забившись въ уголокъ гостиной, съ жадностью разсматривалъ входившую вслѣдъ за крестной молодую, стройную, изящную княжну, съ привѣтливымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ и ласковой улыбкой на прелестныхъ пунцовыхъ губахъ. Онъ засмотрѣлся на нее.

Когда всѣ усѣлись на диванѣ и креслахъ гостиной, мать замѣтила Борю.

— Что же ты не здороваешься съ крестной, Боря? почти строго сказала ему мать.—Подходи же скорѣе.

— А, крестникъ, милый, здравствуй, здравствуй, говорила крестная, цѣлуя и обвиняя его.—Господи, какъ онъ растетъ: кажется, давно-ли его видѣла, а ужъ выросъ чуть не на вершокъ. Скоро совсѣмъ женихъ будешь... Ну, здравствуй, здравствуй, милый, я тебѣ образокъ привезла изъ Москвы, нарочно заказывала... Твои святые, ангелъ и день рожденія... Вотъ уже благословлю тебя, чтобы ты былъ умникъ, чтобы былъ здоровъ и хорошо учился... Ты, вѣдь, я думаю, ужъ и теперь учишься... Ты вѣдь умникъ у насъ...

— Охъ, большой шалуниъ и лѣнтяй, непослушный... проговорила мать.—Побрани его, крестная...

— Нѣтъ, нѣтъ, мама... Мы будемъ умники... Читать вѣдь ужъ выучился...

— Умѣю, отвѣчалъ Боря.

— И пишеть даже! прибавила мать съ улыбкой.—Каракулями, разумѣется.

— Ну, видишь, какой умникъ... Нѣтъ, мы умниками будемъ... Вотъ, княжна, рекомендую, мой крестникъ... любимый... Посмотри, какой молодецъ...

— Прелестный... Подойдите ко мнѣ, душенька, проговорила княжна, съ своей обольстительной улыбкой, протягивая къ Борѣ руки.

Вспыхнувъ до корня волосъ, смотря въ землю и лишь изрѣдка взглядывая на княжну исподлобья и вновь опуская глаза при встрѣчѣ съ ея взглядомъ, подошелъ къ ней Боря. Но онъ совсѣмъ смутился, совсѣмъ сгорѣлъ и отъ стыда, и отъ какого-то новаго для него, необыкновенно пріятнаго, радостнаго и въ то же время какъ бы болѣзненнаго, ноющаго и щемящаго чувства, когда княжна одною рукою обняла и привлекла его къ себѣ, а другою гладила по головѣ, по щекѣ, а потомъ приподняла его голову за подбородокъ и два раза нѣжно поцѣловала въ губы.

Боря помнилъ, какъ ему было больно, что она, послѣ оказанныхъ ему ласкъ, какъ будто вдругъ забыла о немъ, увлекшись общимъ разговоромъ, отняла обнимавшую его руку и даже ни разу не взглянула на него, хотя онъ, точно прильнувъ, прижавшись къ ней, неподвижно стоялъ и не сводилъ съ нея глазъ. Но онъ почувствовалъ уже нестерпимую боль и тоску, вызвавшія даже слезы на его глазахъ, когда привели въ гостиную остальныхъ младшихъ его братьевъ и сестеръ, и княжна была со всѣми съ ними такъ же ласкова и привѣтлива, какъ съ нимъ, а самаго маленькаго, даже посадила къ себѣ на колѣни и цѣловала, а его, какъ ему показалось, даже слегка отстранила отъ себя. Но онъ не отходилъ и продолжалъ любовно смотрѣть на нее, а когда княжна поднялась съ мѣста и стала прощаться съ матерью, онъ бессознательно ухватился за ея платье, и съ такой мольбой, со слезами на глазахъ, проговорилъ: «не уѣзжайте, останьтесь!...» что всѣ расхохотались; засмѣялась и княжна, наклонилась и поцѣловала его уже не въ губы, а въ голову. А крестная мать, между тѣмъ, со смѣхомъ говорила: «Что, ужъ и влюбился въ княжну... Ну, вотъ, учишь, расти, вырастешь совсѣмъ большой, будешь женихомъ, дѣлай княжнѣ предложеніе... Она подождетъ тебя...»

Этотъ общій смѣхъ, эти слова, совсѣмъ сконфузили и сму-

тили Борю, онъ сгорѣлъ отъ стыда и къ маленькому сердцу его прихлынула какая-то тоска, которая долго не покидала его и появлялась каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о княжнѣ и представлялъ себѣ ея красивое лицо, хотя съ тѣхъ поръ онъ никогда не видалъ ея.

Но это уже давно прошло и теперь, при воспоминаніи о княжнѣ, онъ не испытывалъ никакого тоскливаго о ней чувства. Душа его была слишкомъ полна только-что пережитыми впечатлѣніями.

Входя въ первую, на его возвратномъ пути, улицу городка, онъ услышалъ звукъ пастушьей трубы и увидѣлъ идущее на встрѣчу ему городское стадо. Городокъ уже началъ просыпаться: изъ нѣкоторыхъ трубъ вился уже дымокъ, отворились ворота, изъ которыхъ, мыча, выходили коровы, ставни на окнахъ маленькихъ мѣщанскихъ домиковъ были открыты; за воротами нѣкоторыхъ домовъ, позевывая, почесываясь и оглядываясь по сторонамъ стояли мѣщанки и перекликались съ другими, которыя бѣжали съ ведрами черезъ плечо за водой; въ открытыя окна высовывались неумытыя и не приведенныя въ порядокъ, измятыя ото сна лица и, вдыхая утренній воздухъ, лѣнливо и безцѣльно поглядывали на улицу; изрѣдка попадались уже и пѣшеходы. Всѣ, мимо кого проходилъ Боря, пристально смотрѣли на него и долго провожали глазами, что не мало смущало Борю и заставляло ускорять шаги: онъ думалъ о томъ, что теперь, вѣроятно, проснулись уже и у него въ домѣ, и ночное самовольное путешествіе его скрыть отъ родителей врядъ ли удастся.

На площади онъ увидѣлъ нѣсколько возовъ съ продуктами крестьянскаго хозяйства и вспомнилъ, что сегодня базарный день въ городкѣ, и слѣдовательно, отецъ встанетъ еще раньше обыкновеннаго, такъ какъ онъ любилъ самъ покупать хозяйственные запасы и самолично ходилъ за покупками на базаръ; но возы, какъ видно, только что въѣхали на базаръ и были еще не открыты и не развязаны, а хозяева стояли около нихъ или сидѣли и лежали на нихъ въ разныхъ лѣнливыхъ позахъ, какъ бы собираясь еще подремать до появленія покупателей. Нѣкоторыя лавки въ сосѣднихъ рядахъ были уже отперты и открыты, около другихъ стояли еще ихъ хозяева съ ключами

въ рукахъ и переговаривались съ сосѣдами. На открытыхъ столикахъ торговли начали уже раскладывать свой несложный съѣстной товаръ: калачи, сайки, бублики, печенныя яйца, свѣжіе зеленые огурцы, маковую избионну, красныя медовыя приники; но нѣкоторые столики были еще пусты и ожидали своихъ владѣльцевъ.

Пробираясь мимо этихъ возовъ и столовъ, Боря опять видѣлъ и чувствовалъ, какъ всѣ на него смотрятъ и провожаютъ глазами, даже эти лежащіе и стоящіе около возовъ полусонныя мужики. Но вотъ и его домъ передъ глазами. Ворота уже открыты, значитъ кучеръ Алексѣй уже проснулся и уѣхалъ, или сейчасъ поѣдетъ съ бочкою за водой на Волгу.

На срединѣ площади, за нѣсколько десятковъ шаговъ отъ дома, Борю окликнула мѣщанка-калачница, несшая на плечѣ большую корзину съ горячими калачами, столь любимыми Борей и всѣми его братьями и сестрами и которые своей формой напоминали имъ турка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами въ широкихъ шароварахъ, какъ они видѣли ихъ на картинкахъ. Эти калачи съ ранняго дѣтства были особенно любимымъ кушаньемъ Бори и его братьевъ: они подавались всегда къ утреннему и вечернему чаю и по установленному строгому порядку, заведенному матерью въ ихъ домѣ, рѣзались на равныя доли, которыя и раздавались дѣтямъ не больше какъ по одной, причемъ, впрочемъ, дозволялся выборъ: кто любилъ просить поджаренный и засушенный краешекъ, кто мягкую середину. Пышный, тягучій, душистый, онъ сильно угождалъ дѣтскому вкусу, не избалованному излишествами и всегда умѣренно удовлетворяемому строгой во всѣхъ своихъ правилахъ матерью. Боря вспоминалъ объ этихъ калачахъ не только живя въ другомъ городѣ у бабушки, но потомъ даже и въ гимназіи въ губернскомъ городѣ, гдѣ бывали всякія сладкія и сдобныя булки, но не дѣлали такихъ вкусныхъ калачей. Эти калачи всегда брали у калачницы Таланихи, и эта Таланиха теперь остановила его, перерѣзавъ ему дорогу къ дому и вставъ передъ нимъ со своимъ душистымъ товаромъ, который она торопливо несла на базаръ.

Боря видѣлъ не разъ эту Таланиху, зналъ, что она печетъ лучшіе калачи и что отъ нея всегда покупаютъ ихъ къ чаю, но никогда не говорилъ съ нею. Обыватели городка всѣ знали

другъ друга, а городскія досужія мѣщанки спеціально занимались собираніемъ свѣдѣній о всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ жителяхъ городка и знали мельчайшія подробности жизни и нравовъ каждой семьи, поэтому Таланиха не могла не обратить вниманія на необычное появленіе Бори на площади утромъ одного, и безъ провожатаго: она знала, что мать Бори слыла въ городѣ большой умницей, отличной хозяйкой, строгой и заботливой матерью, держала дѣтей въ строгости и порядкѣ и никогда не оставляла ихъ безъ надзора. За каждой праздничной службой въ церкви у Благовѣщенія, въ приходѣ которой она и сама состояла, Таланиха видѣла собственными глазами, какъ мать Бори приводила съ собою всѣхъ своихъ многочисленныхъ дѣтокъ причесанныхъ, припомаженныхъ, разодѣтыхъ; выстраивала ихъ передъ собою по возрасту и строго наблюдала, чтобы они стояли смиренно, по сторонамъ не оглядывались, а слушали бы службу Божию и во-время, когда слѣдуетъ, истово крестились и кланялись.

И не разъ Таланиха обращала на нихъ вниманіе своей софѣдки въ церкви, поталкивая и приговаривая: «смотри-ка, Лукачиха-то, выстроила своихъ: ровно грибки, ровно бѣлы коровки стоять... всѣ въ ранжирь... Мать! ужъ сказать что мать!.. Мотрика, самаго-то махонькаго учить, какъ персты-то въ крестъ складать, да креститься... на лобикъ, на животикъ, на плечики... Вотъ ужъ можно чести приписать!..»

А такъ какъ Таланиха сверхъ того была и одного прихода съ семьей Бори и у нея брали въ домъ калачи, а добродушный и пріятливый отецъ Бори даже подчасъ вступалъ съ нею на базарѣ въ разговоры, а съ матерью его она при встрѣчѣ кланялась, то она считала себя очень близкой и даже какъ бы родной къ семьѣ Бори. Очевидно, что она не могла безучастно пройти мимо Бори, не остановить и не расспросить его.

— Откуда, барчукъ, идешь? спросила она его.

Боря недружелюбно взглянулъ на нее и хотѣлъ пройти мимо, сквозь зубы проговоривъ:

— Ни откуда...

Но Таланиха загородила ему собою дорогу.

— Какъ ни откуда?.. Да куда же ходилъ-то экую рань?..

Поди-ка-съ не то что тятенька съ маменькой, а и прислуга-то вся еще спить... у васъ... А ты, ну-ка... Ни откуда, говорить!..

И Таланиха, желая задержать Борю, чтобы получить отъ него желаемый отвѣтъ, даже положила ему на плечо свою свободную руку.

— Да что тебѣ за дѣло... Что ты пристала?.. огрызнулся на нее Боря, и съ сердцемъ оттолкнувши съ плеча ея руку круто миновалъ ее и быстро пошелъ къ своему дому, въ воротахъ котораго, въ это время, показалась лошадь съ бочкою и сидящимъ на ней кучеромъ.

— Ишь ты какой!.. говорила вслѣдъ ему недовольная Таланиха.— Не въ батюшку, видно: тотъ важеватый, а въ матушку: къ той не подходи, не разговорится. Чего няньки-то смотреть: мальчонка одинъ по ночамъ бѣгаетъ по улицамъ... невѣдомо куда... ровно у нашей сестры, мѣщанки... Вотъ и господское дитя, и мать досмотрщица, и няньки-мамки, а не досмотрѣли!.. Подика, какой шустрый... и не говорить... О, Господи помилуй, батюшка, насъ грѣшныхъ, продолжала она на ходу, крестясь на церковь, мимо которой шла.

Боря сѣвшиль на встрѣчу кучеру, который самъ, увидя его, съ удивленіемъ, пріостановилъ лошадь. Этотъ кучеръ Алексѣй, добродушный пьяница и флегматикъ—резонеръ по натурѣ, былъ общимъ дѣтскимъ любимцемъ. Во время гулянья по двору или по саду, пробраться въ каретный сарай въ то время когда Алексѣй мылъ экипажъ, запрягалъ лошадь или справлялъ какую-нибудь сбрую, присѣсть около него, послушать его рассказовъ и поговорить о другомъ любимцѣ, ворономъ конѣ Босовикѣ, было для дѣтей однимъ изъ самыхъ интересныхъ, хотя и запретныхъ удовольствій. Многочисленная семья Алексѣя, кромѣ нянекъ, составляла всю дворовую челядь дома Бори: жена его, Лизавета, была кухаркой, дочери горничными, а сыновья, пока были мальчишками, служили для побѣгушекъ, а потомъ отдавались въ ученье какому-нибудь ремеслу, или возводились въ лакеи.

— Не знаешь, папенька проснулся? вполголоса спросилъ Боря кучера.

— Должно нѣтъ еще: не видать...

И Алексѣй, а за нимъ и Боря взглянули на окна дома: ни одно еще не было открыто, а они оба знали, что отецъ какъ только вставалъ и выходилъ изъ спальни, тотчасъ открывалъ

окно въ гостиной и на нѣкоторое время садился въ халатѣ около него, вдыхая утренній свѣжій воздухъ.

— Да вы что это, спозаранку... началъ было Алексѣй, но Боря его перебилъ:

— А нянька Авдотья встала? спросилъ онъ также вполголоса, какъ бы боясь, чтобы его не услышали въ домѣ.

— Выходила ужъ... ругалась... Выскочила съ кувшиномъ къ бочкѣ... воды... а воды нѣтъ... «Отчего, чу, нѣтъ воды?»—Вся вышла, оттого и нѣтъ... Съ вечера бы брала... «И съ вечеру, чу, не было?»—Ну, не было, такъ, значить и нельзя ей быть... вся, значить, вышла. «Отчего, чу, не съѣздить, не привезъ?»—А вотъ поѣду, такъ и привезу... Шипить, ругается!.. До господъ, говорить... доведу... Доводи... тебѣ не впервой, язва!.. Ру-ругается... А мнѣ чтò... я свое время знаю... Вотъ пришло мое время и поѣхаль.. А вы что же это, я говорю, спозаранку?.. Куда?..

— Да я на Волгу ходилъ... ты не говори... вполголоса, торопливо отвѣтилъ Боря.

— На Волгу?.. Да какъ же, вѣдь, ворота-то заперты были...

— Да я черезъ окно... прямо... ты не сказывай...

— Черезъ окно... Дѣло... А какъ же нянька-то?

— Она спала... не видала...

— О-о... Чтò, язва, проспала дитю-то... насмѣшливо и какъ бы поддразнивая проговорилъ Алексѣй, оборачивая лицо къ дому... Вѣдь, скажетъ маменькѣ-то... доведетъ...

— А пускай... проговорилъ Боря, чувствуя въ себѣ какую-то храбрость и рѣшимость, и сталъ гладить по мордѣ Босовика, запряженнаго въ роспуски съ бочкой.

— Хе... дѣло!.. усмѣхнулся Алексѣй.—А вы чтò, баринъ, вдругъ прибавилъ онъ, — она, чай, ушла въ садъ, въ колодець за водой, еще не воротилась, чай, а двери-то не заперты, ты проберись потихоньку, раздѣнся, да и лягъ въ постельку-то ровно ни въ чемъ не бывало... Чтò, язва, проспала... Ну, а мнѣ время...

И онъ мызнулъ на лошадь, бочка тронулась и загрохотала. Борѣ понравился совѣтъ кучера и онъ юркнулъ въ ворота. Дѣйствительно, дверь на черный ходъ оказалась не запертою. Боря тихонечко, на цыпочкахъ, пробрался въ дѣтскую: тамъ стояла

такая же тишина, какъ и тогда, когда онъ уходилъ. Няньки въ комнатѣ не было. Но было слышно движеніе и неуловимый шопотъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спали сестры Бори. Онъ догадался, что это другая нянька, Арина, приставленная собственно къ дѣвочкамъ, проснулась и, вѣроятно, молится. Она была большая богомолка и ханжа, какъ называла ее мать.

Боря потихоньку раздѣлся и юркнулъ въ постель, въ ту самую минуту, какъ хлопнула дверь и нянька Авдотья возвратилась съ водою.

П. Д. Боборыкинъ.

„ВЪ ТѢНИ ОЛИВЪ“.

«Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой!!»

А. Пушкинъ.

I.

Прибой ласково лижетъ голыши побережья. Онъ изсѣра-желтоватой полосой изгибается по выступамъ и впадинамъ Ривьеры. Жарко. Вдоль узкаго бѣлаго шоссе клубы пыли взбиваютъ двухколесные возы и дилижансы съ тюками на крышѣ и цвѣтными занавѣсками по бокамъ.

Вдуть всего больше на востокъ, къ большому торговому порту. Пригородное мѣстечко—въ эту пору дня—все печется на солнцѣ. Рядъ домовъ тѣснится на набережной, повыше двухъ дорогъ: одной для обыкновенной ѣзды, другой—для конки.

Мальчишки, босикомъ, въ курткахъ буреаго сукна, просто-волосые, и кое-кто въ красныхъ колпакахъ—бродятъ безъ дѣла у самой воды, подбираютъ раковины и маленькихъ краббовъ, поджидая поѣзда, когда они кинутся подъ вагоны и стануть кувыркаться, ходить на рукахъ и кричать взапуски, клянча «un soldo».

По единственной улицѣ мѣстечка, гдѣ одна стѣна высокихъ домовъ генуэзскаго стиля стояла въ густой тѣни — изрѣдка двигались вдоль тротуара прохожіе: англичанинъ съ вуалью на высокой шляпѣ, въ формѣ шлема, старые рыбаки, торговки, солдаты въ парусинныхъ блузахъ; молоденькія прачки проносили корзины, покрытыя розовой кисеей.

Ни малѣйшаго вѣтерка. Въ тѣни привольно дышится. Воздухъ — морской, полный соляныхъ испареній. Такъ тепло, какъ у насъ въ іюнѣ; а весна только что началась. Пасху отпраздновали въ прошлое воскресенье.

Въ концѣ этой улицы, ведущей къ станціи желѣзной дороги, куда надо подниматься по крутой лѣстницѣ съ тротуара — зеленѣютъ эвкалиптусы и лавровыя деревья сада, принадлежащаго обширному отелю. По низкому каменному забору идетъ длинная вывѣска аршинными буквами: «Hôtel de la Méditerranée».

Красивыя ворота приглашаютъ войти во дворъ съ монументальнымъ фасадомъ. На площадкѣ, передъ крытымъ подъѣздомъ — совсѣмъ тихо. На крыльцѣ показался только мальчикъ, въ курточкѣ егеря, съ мелкими пуговицами и малиновымъ воротничкомъ, курчавый и женоподобный, и окликнулъ кого-то звонкимъ итальянскимъ возгласомъ, въ одинъ изъ павильоновъ, гдѣ живетъ прислуга:

Оттуда вышелъ факкино, въ сюртукѣ съ металлическими пуговицами и въ форменномъ картузѣ съ клеенчатымъ верхомъ. — *La signora aspetta!* крикнулъ ему мальчикъ и скрылся.

Факкино, не торопясь, вошелъ въ огромныя сѣни, гдѣ разставлена была лѣтняя тростниковая мебель. Прямо, сквозь широкую стеклянную дверь, видѣлась изумрудная полоса залива.

Въ правомъ углу стояло кресло на колесахъ.

Слѣва, по коврику бѣлой мраморной лѣстницы, спустились двѣ женщины. Одна была горничная, въ бѣломъ чепчикѣ и франтоватомъ фартукѣ съ оборками — рослая, плотная швейцарка. Другая — молодая дама, брюнетка, худая, съ прозрачной кожей и съ двумя розовыми кругами на щекахъ. Носъ съ горбинкой и большіе темные глаза — да и весь обликъ — говорилъ, что она южанка. На ней, поверхъ шерстяного пеньюара, накинута была драповая мантилья въ клѣтку. Большая бѣлая кисейная шляпа,

въ формѣ капора, бросала тѣнь на черты красиваго, болѣзненнаго лица.

Горничная слегка поддерживала ее подъ локоть.

Факкино подвезъ колясочку къ входной двери. Даму усадили и повезли со двора — въ садъ, шедшій вправо и влево отъ отеля, на нѣсколько десятинъ.

— Синьора, спросилъ по-итальянски факкино:— прикажете, потомъ повезти васъ въ тотъ садъ?

И онъ показалъ рукой черезъ дорогу.

— Нѣтъ, отвѣтила она. — Мы поѣдемъ туда передъ обѣдомъ.

Она произносила чисто по-итальянски; но опытный слухъ различилъ бы сейчасъ какую-то мягкость звуковъ и принялъ бы ее скорѣе за иностранку.

Съ полчаса возилъ ее факкино по аллеямъ сада, ища тѣни. Но она не боялась солнца и сидѣла, немного согнувшись, безъ зонтика.

На площадкѣ, гдѣ тѣсно скучилось нѣсколько оливковыхъ деревьевъ, она приказала остановиться, вышла изъ коляски и сказала служителю, что онъ свободенъ. Она чувствуетъ себя бодро, посидить здѣсь на воздухѣ и придеть пѣшкомъ къ завтраку.

Сѣла она на желѣзное садовое кресло подъ одно изъ старыхъ деревьевъ. Мелкая, сизо-серебристая листва бросала нѣжную тѣнь. По лужайкѣ играла сѣть отраженій листвы остальныхъ оливъ и въ пятна свѣта попадали головки бѣлыхъ маргаритокъ и какихъ-то желтыхъ цвѣтковъ.

«Это, кажется, куриная слѣпота?» подумала по-русски молодая женщина, поглядѣвъ на одинъ изъ этихъ цвѣтковъ.

Она всегда думала по-русски. Родомъ она итальянка, родилась въ Москвѣ, тамъ училась въ гимназiи, стала болѣзненна; услали ее за границу къ родственникамъ отца, имѣющаго въ Москвѣ скульптурное заведенiе — и вотъ уже третiй годъ она замужемъ за итальянцемъ-инженеромъ. Мужъ работаетъ на желѣзной дорогѣ; а ее прислали на Ривьеру, въ окрестности Генуи.

И не можетъ она отрѣшиться отъ нестерпимой тоски. Не одна болѣзнь ее страшитъ, не одна мысль о смерти надвигается мрачнымъ видѣнiемъ; а гнететъ сухость ея душевной жизни.

Скучно ей въ этой Италіи, на «родинѣ», не тѣшитъ ее ни природа, ни тепло, ни море, ни благоуханный воздухъ. Рвется она туда, домой, въ родную ей Москву, гдѣ теперь еще ухабы и холодъ, и ужасные тротуары, и грязные ваньки.

Такъ бы и перелетѣла она къ Тверскимъ воротамъ и сѣла бы за столъ, гдѣ шумить самоваръ и кругомъ сидятъ ея подруги и студенты; начнутся споры, потомъ пѣніе, потомъ танцы, потомъ опять безконечные разговоры, и катанье на «голубяхъ» — парныхъ саняхъ — за заставу, въ Петровское.

Тамъ она жила, тамъ и полюбила.

Слеза скатилась по худой щекѣ. Слишкомъ жутко стало ей одной.

Она пошла изъ саду. Скоро зазвонятъ къ завтраку. Опять тошный табльдотъ, и тѣ же англичане, и та же заграничная тоска.

II.

Передъ завтракомъ, молодая женщина сошла изъ своего номера въ столовую.

Вдоль столовой тянулась широкая терраса подъ навѣсомъ.

Нѣсколько креселъ были уже заняты иностранками. Она знала ихъ всѣхъ въ лицо, — могла сказать, кто англичане, кто нѣмцы и нѣмки; но ни съ кѣмъ не разговаривала.

Съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ въ отелѣ этого приморскаго мѣстечка, около самой Генуи, на нее нашло совершенное отчужденіе отъ всего, что вокругъ нея видно и слышно. Форестьеры ей такъ же тошны, какъ и туземцы. Она даже довольна тѣмъ, что въ отелѣ нѣтъ почти итальянцевъ въ числѣ квартирантовъ.

Когда она жила домомъ въ Миланѣ, во Флоренціи, въ Римѣ, и должна была знакомиться съ обществомъ своего мужа — она страдала отъ всего, что составляетъ ихъ интересы, разговоры, вкусы, обычаи, предрасудки.

Она имъ «не ко двору». То же находить и ея мужъ. Но онъ, разумѣется, за нихъ. Для него все итальянское превосходно. А все, что ей мило и дорого, онъ называетъ «московскимъ варварствомъ» и считаетъ ее «рenegаткой».

До завтрака оставалось еще десять минутъ. На террасѣ

было слишкомъ тепло. Она начала тяготиться этимъ вѣчнымъ солнцемъ, отъ котораго никуда не уйдешь.

Мальчикъ-егерь, тотъ, что звалъ утромъ факкино — подалъ ей на маленькомъ подносѣ визитную карточку.

Это ее удивило. Она никого не знаетъ и никого не ждала. И только что она бросила взглядъ на фамилію — вся вспыхнула и даже привстала.

— Этотъ господинъ здѣсь? спросила она.

— Онъ живетъ въ отелѣ. Сегодня пріѣхалъ.

— Попросите!

Въ большомъ волненіи поднялась она. Она не вѣрила своимъ глазамъ. На карточкѣ русской вязью напечатано: Владимиръ Михайловичъ Теренинъ.

«Володя Теренинъ! Боже!»

Она не докончила мысли и тотчасъ же почувствовала слабость и опустилась въ кресло. Передъ глазами пронеслась дымка.

«Какая я слабая!» по-русски выговорила она про себя.

— Вы, Теренинъ?!

— Марья Францовна!

Ей пожималъ обѣ руки молодой блондинъ, красивый, средняго роста, съ русой бородой и голубыми глазами, въ свѣтлой парѣ, безъ шляпы.

— Вы здѣсь... Садитесь... Расскажите... Господи!

Она не могла докончить. И онъ глядѣлъ на нее радостнымъ и немного испытующимъ взглядомъ своихъ русскихъ добрыхъ глазъ.

— Вотъ, какъ видите... Нашелъ васъ.

— Откуда?

— Прямо изъ Москвы. Захотѣлъ прокатиться... на Ривьеру и дальше. Рима никогда не видалъ. Добылъ вашъ адресъ.

— Видѣли нашихъ?

— Какже. Они очень сокрушаются. А вы право — ничего! Только похудѣли.

— И-и, — обронила она московскимъ звукомъ и провела по воздуху рукой съ длинными прозрачными пальцами.

И они начали говорить взапуски, перебивая другъ друга. Она жадно спрашивала его о своихъ, о Москвѣ, о подружкахъ, о лекціяхъ, концертахъ, о маломъ театрѣ, о Ермоловой

и Лешковской, о Южинѣ, о профессорахъ и студентахъ, товарищахъ ея брата, теперь уже магистранта.

Давно уже прозвонили второй разъ и терраса опустѣла. Оберъ-кельнеръ изъ нѣмцевъ пришелъ звать ихъ. И за столомъ они помѣстились рядомъ, ничего почти не ѣли и все говорили, говорили.

Все ушли, а они оставались въ столовой, только перешли за отдѣльный столикъ, куда проѣзжій приказалъ подать себѣ кофе.

— Такъ вамъ... на родинѣ,—не особенно отрадно? выговорилъ онъ тихо, наклонившись къ ней черезъ столикъ.

— Тяжко.

Они вразъ и замедленно поглядѣли другъ на друга.

Неужели то, что было тамъ, въ странѣ сиѣговъ, не сонъ, но никогда не вернется уже болѣе?

Опять они вмѣстѣ и такъ влечетъ ихъ взаимно. Давно ли это было! Всего три года. Долго они избѣгали встрѣчи съ глазу на глазъ. Но вотъ... въ темную октябрьскую ночь... въ дождь, они засидѣлись въ квартирѣ ея подруги. Ихъ повезла извозчичья пролетка. Такъ тѣсно было сидѣть и такъ трясло по ужасной московской мостовой.

Поцѣлуй загорѣлся на ея щекѣ. Ее подхватила неземная радость. Они клялись въ «вѣчной» любви. Но на другой день она испугалась. Чего? Неужели своей южной крови? Онъ писалъ ей, она не отвѣчала. И продолжала любить; но молча, хотѣла испытать его, вѣрила въ то, что истинная любовь выйдетъ побѣдительницей изъ всякаго тяжелаго искуса.

Ничего этого она не вспомнила теперь; и онъ ни однимъ словомъ не разбередилъ прошлаго.

Словъ не нужно. Все они теперь чувствуютъ и понимаютъ. Видеть и онъ—какъ она томится.

Не надо ему исповѣди. Да и зачѣмъ станетъ она унижать себя безплодными жалобами? Судьба рѣшила иначе. Онъ имѣлъ право считать ее пустой дѣвчонкой, гордость не позволила ему добиваться новаго сближенія. А тутъ подоспѣла болѣзнь. Заграницей она страшно заскучала и очутилась женой другого, безъ любви, вышла замужъ «по-итальянски», какъ здѣсь все выходитъ: женихъ хорошій человекъ, дѣльный, сдѣлаетъ карьеру, собой какъ все они; за ней онъ взялъ капиталецъ и безъ при-

даного врядъ ли женился бы. И навѣрно жалѣеть. Она—ему обуза, хворая, дѣтей нѣтъ; они—по цѣлымъ мѣсяцамъ—въ разныхъ мѣстахъ.

Зачѣмъ станеть она все это рассказывать... Володѣ Теренину? Онъ и самъ пойметъ.

— Не вернуться мнѣ никогда къ вамъ, въ Москву! вырвалось у ней, подѣ конецъ ихъ разговора, и она чуть-чуть не разрыдалась.

III.

Тихо догорала розовая заря. Солнце только что юркнуло за утесистый выступъ морского побережья.

Кругомъ зеленѣлъ—и зимой, какъ лѣтомъ—роскошный садъ генуэзскихъ нобилей, занимающій цѣлыхъ полгоры, надъ мѣстечкомъ.

Пальмы и магноліи, пиніи, эвкалиптусы, лавры, кипарисы купами и цѣлыми рошицами разошлись по склонамъ и манили подѣ свою тѣнь. Аллеи, густо обставленныя апельсинными и лимонными деревьями, хранили пріятную свѣжесть.

Въ одномъ мѣстѣ,—вдали отъ водоемовъ, каскадовъ, озера съ храмомъ и золоченой гондолой,—круглая лужайка заросла кругомъ оливами.

Тамъ, въ тѣни вѣковаго дерева, присѣли больная и ея землякъ-москвичъ.

Они не разставались цѣлыхъ три дня сряду, сидѣли въ саду отеля до заката солнца, спускались къ морю; а сегодня поднялись вотъ въ этотъ садъ, принадлежащій патриціямъ съ громкимъ историческимъ именемъ, куда пускають въ извѣстные дни.

Они до многого договорились. Не трудно ему было довести ее до горькаго признанія: жизнь ея въ этомъ «благословенномъ» краѣ тянется въ полномъ душевномъ одиночествѣ. Не можетъ она уйти въ то, чѣмъ довольствуются здѣсь всѣ жены, если онѣ хотять жить честно. Всегда между ней и ея мужемъ будетъ стоять стѣна.

Въ эти три дня они заново нашли другъ друга. Точно будто они не разставались, все то же чувство—молодое и лучезарное—согрѣваетъ ихъ обоихъ и влечетъ, и радуеть.

Никакихъ упрековъ она отъ него не услышала. И сама не оправдывалась. Но сегодня вырвался у нея возгласъ:

— Владиміръ Михайловичъ! Молодость—ужасная вещь!

— Какъ?

— Гоняешься за счастьемъ и не умѣешь его схватить... А оно всегда разъ въ жизни дается.

— Да, всего разъ, тихо вымолвилъ онъ, смущенный, сидя около нея, на травѣ.

Онъ боялся взглянуть на нее.

— И оно никогда, никогда не придетъ.

Голосъ ея дрогнулъ.

— А почему нѣтъ? вдругъ воскликнулъ онъ и протянулъ ей руку.

Она дала свою. Онъ приложился къ ней долгимъ поцѣлуемъ.

Румянецъ ея прозрачныхъ щекъ разлился въ видѣ двухъ большихъ круговъ. Отъ волненія ей стало трудно дышать.

— Почему нѣтъ? повторилъ онъ, и теперь его глаза загорѣлись и въ голосѣ она почувала страстный порывъ и безъ словъ поняла, какъ она ему дорога въ эту минуту.

— Никогда не поздно взять счастье! говорилъ онъ, прильнувъ къ ея колѣнамъ.— Зачѣмъ идти на ложь, зачѣмъ заживо хоронить себя, если вы знаете, что въ своемъ бракѣ вы ничего не найдете, кромѣ суши и тяжкаго одиночества. Это безбожно! Дорогая моя! Вы—чудная русская женщина. Вы—наша. А для насъ всего ненавистнѣе мертвечина здѣшняго довольства. Мы не побоимся разорвать цѣпь, когда мы знаемъ, что въ насъ говорить потребность дышать однимъ воздухомъ, сливаться...

— Знаю... остановила она его, движеніемъ руки.— Все знаю!

— И хотите оставаться рабой?

— Чтò же дѣлать?

— Разорвать случайную связь. Тогда, нѣсколько лѣтъ назадъ, мы полюбили другъ друга. И останься вы тамъ... вы были бы моей женой.

— Быть можетъ...

— Непремѣнно! Отчего же я не искалъ другой привязанности? Ни къ кому меня не влекло. А я не надѣялся встрѣ-

гить васъ. Потомъ я узналъ о вашемъ замужествѣ. Я не почувствовалъ рокового удара. Я думалъ, что охладѣлъ къ вашей памяти. Сюда я ѣхалъ безъ всякой мечты. Хотѣлось только повидать добрую знакомую... смущали вѣсти о вашемъ здоровьѣ. И стоило мнѣ увидѣть васъ третьяго дня, слышать голосъ, и все воскресло, все!

Стыдливомъ жестомъ, она отвела его руки, протянутыя къ ней, и прошептала:

— Не жить мнѣ тамъ, съ вами, откуда меня угнала моя хворость.

— Но вы поправитесь!

— Гдѣ? Въ Москвѣ? Нѣтъ, Владиміръ Михайловичъ. Мое дѣло плохое. Я это чувствую съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Но я не побоялась бы нашего климата. Я бы сейчасъ полетѣла.

— Уѣдемъ!

Молодая страсть обожгла ее въ этомъ зовѣ.

— Милый мой! Вамъ я вѣрю. Съ вами я бы пошла сейчасъ... и на всю жизнь. И не побоялась бы людского суда, если бы намъ нельзя было повѣнчаться. Но это безчестно!

— Передъ кѣмъ? Передъ мужемъ? Вы его не любите.

— Мужу я бы прямо сказала: обманывать тебя не стану; но такъ, сейчасъ, бѣжать отсюда, тайкомъ... На это я не пойду. Слишкомъ я русская, Владиміръ Михайловичъ!

— Зачѣмъ тайкомъ? Мы бы его не испугались.

— Не то... Не то!

— А что же, дорогая?

— Для меня хоть годъ, хоть мѣсяць счастья! Но это гадко, безчестно, — втягивать васъ... Я не жилица на этомъ свѣтѣ.

— Что вы! Голубушка!

Онъ бросился цѣловать ея руки.

И только что онъ хотѣлъ привлечь ее къ себѣ, она внезапно — и въ первый разъ при немъ — такъ сильно закашлялась.

Что-то зловѣщее услыхалъ онъ въ звукѣ этого кашля.

Она поднесла платомъ къ губамъ. На немъ показалось красное пятно.

— Не жилица! чуть слышно обронила она и смертельно поблѣднѣла.

В. Л. Явенариусъ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ РЕДАКЦИИ.

(ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ШЕСТИДЕСЯТНИКА).

Въ сентябрѣ 1866 года скончался Дудышкинъ, «второй» редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», фактически заправлявшій всей редакціей; а вслѣдъ затѣмъ, по особому соглашенію «перваго» редактора и издателя этого журнала, Краевского съ Некрасовымъ, послѣдній сдѣлался настоящимъ хозяиномъ «Отечественныхъ Записокъ». Докторъ Ханъ, имѣвшій свою собственную типографію и самъ издавшій уже нѣсколько книгъ, счелъ моментъ наиболѣе удобнымъ для основанія новаго литературнаго органа «умѣреннаго» направленія. Назвалъ онъ его, — не совсѣмъ, пожалуй, удачно — «Всемирнымъ Трудомъ». Расчетъ же его оказался въ томъ отношеніи вѣрнымъ, что большинство прежнихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» не отказалось принять участіе въ новомъ журналѣ. Въ числѣ ихъ былъ и я, начинающій еще писатель. Для бѣльшаго сплоченія своихъ сотрудниковъ докторъ Ханъ «прикармливалъ» ихъ: по средамъ мы собирались у него на «стаканъ чаю», за которымъ слѣдовала всегда и закуска.

Въ одну изъ такихъ средъ Писемскій, напечатавшій ужъ

во «Всемирномъ Трудѣ» своихъ «Самоуправцевъ», долженъ былъ прочесть намъ свою новую драму: «Поручикъ Гладковъ», предназначенную для этого же журнала. Однажды прежде мнѣ удалось уже слышать Писемскаго на одномъ публичномъ чтеніи, гдѣ онъ съ неподражаемымъ искусствомъ читалъ отрывокъ изъ своего романа «Богатый женихъ». А теперь представлялся случай услышать отъ него цѣлую драму! Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ среды.

Жилъ докторъ Ханъ въ то время на Болотной улицѣ (теперь Коломенская) въ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Еще въ переднюю до меня донеслись изъ хозяйскаго кабинета два знакомыхъ голоса: самого редактора и присяжнаго критика «Всемирнаго Труда» — Соловьева:

— Да мы залучили уже и Островскаго, и Писемскаго...

— Мало, Мануиль Алексѣевичъ, мало! Дайте намъ Тургенева и Толстого!

— И ихъ пригласимъ, когда журналъ пойдетъ въ ходъ.

— Да для этого-то и нужно ихъ участіе! Теперь, когда безвкусіе распространяется прогрессистами, намъ для художественныхъ произведеній нельзя жалѣть денегъ.

— Вы, Николай Ивановичъ, считаете деньги въ чужомъ карманѣ. Послѣдній номеръ мнѣ и безъ того обошелся въ двѣ тысячи...

На этомъ мнѣ пришлось прервать ихъ разговоръ и войти въ хозяйскій кабинетъ. Кабинетомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, впрочемъ, его нельзя было назвать: вмѣсто книжныхъ шкаповъ, по стѣнамъ было только нѣсколько полокъ съ собственными изданіями хозяина, а письменный столъ замѣнился небольшой конторкой. О какихъ либо украшеніяхъ, какъ-то: картинахъ, бюстахъ или коврахъ, не было и помину.

Самъ Мануиль Алексѣевичъ стоялъ за своей конторкой, на которой были разложены корректурные листы. Не думаю, чтобы ему было уже сорокъ лѣтъ; но въ курчавыхъ, темно-каштановаго цвѣта волосахъ, въ густой, подстриженной бородкѣ его пробивалась уже сѣдина. Своимъ простымъ, непритязательнымъ видомъ, а также семитическими чертами лица онъ скорѣе напоминалъ зауряднаго конторщика, чѣмъ редактора-издателя «толстаго»

журнала. Увидѣвъ меня, онъ съ своей всегдашней спокойной привѣтливостью протянулъ мнѣ руку:

— Здравствуйте. Пройдите, пожалуйста, въ гостиную, да возьмите съ собой и Николая Ивановича. Хорошо, хорошо! кивнулъ онъ Соловьеву: — послѣ договоримъ; вы видите вѣдь, что мнѣ надо сдать еще въ типографію корректуру.

Николай Ивановичъ нехотя послѣдовалъ за мною въ гостиную.

— Горбатаго одна могила исправить! пробормоталъ онъ.— И этотъ коммерсантъ хочетъ руководить литературнымъ вкусомъ нашего общества!

Лично я пользовался почему-то особеннымъ благоволеніемъ Соловьева,—быть можетъ, потому, что былъ благодарнымъ слушателемъ его эстетическихъ разглагольствованій. Странныя противорѣчія, право, встрѣчаются въ природѣ человѣка: проповѣдуетъ онъ одно, а самъ дѣлаетъ другое; совершенно какъ Пушкинскій «отшельникъ»:

«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

Будучи самымъ яркимъ поборникомъ искусства для искусства, красоты и въ поэзіи, и въ жизни, Соловьевъ ни мало не заботился о томъ, чтобы придать своей собственной неприглядной виѣшности нѣкоторую,—не говорю уже: красоту или привлекательность,—а хотя бы порядочность, что было бы вполне естественно въ его годы (ему едва ли минуло тогда уже тридцать лѣтъ). Малаго роста, невзрачнаго вида, онъ и одѣвался крайне небрежно, не имѣлъ при себѣ для своихъ длинныхъ волосъ ни щеточки, ни гребенки, и не обращалъ никакого вниманія на свои ногти, которые были неизмѣнно «въ траурной рамкѣ». Объяснялось это, конечно, его необыкновенною разсѣянностью. Зато какъ свѣжъ и чистъ былъ онъ душою! Какъ искренно восторгался всякимъ новымъ произведеніемъ не только корифеевъ литературы, но и менѣе талантливыхъ пріятелей своихъ: Лѣскова и Всеволода Крестовскаго!

Оба они были уже въ гостиной и собрали около себя небольшую аудиторію. Лѣскову было тогда 35 лѣтъ, Крестовскому 27. Первый изъ нихъ, извѣстный въ то время читаю-

щей публикѣ только подъ псевдонимомъ Стебницкаго, своими тенденціозными романами имѣлъ уже у «консервативныхъ» читателей большой успѣхъ; являясь же въ обществѣ, онъ, благодаря своему энергическому обращенію и рѣзко выражаемымъ взглядамъ, быстро овладѣвалъ общимъ вниманіемъ. Соперникомъ его на этомъ полѣ могъ выступить только другъ его — Всеволодъ. Кто знавалъ Крестовскаго лишь впоследствии солиднымъ полковникомъ съ хроническимъ кашлемъ и одышкой, охотнѣе всего дебатировавшимъ на политическія темы, тому трудно, конечно, представить его себѣ жизнерадостнымъ молодымъ штатскимъ, которому стеклышко въ глазу, при свѣтской развязности и умѣнн одѣваться, придавало какъ бы нѣкоторую фатоватость. Но впечатлѣніе это тотчасъ терлось, когда онъ начиналъ что нибудь рассказывать: онъ всею существомъ отдавался своему разсказу, нервно моргая и подергивая плечомъ, и огнемъ своимъ зажигалъ всѣхъ слушателей.

Въ сторонѣ на диванѣ сидѣли только двое: сухощавый старикъ съ гладко выбритымъ лицомъ и живыми, острыми глазами, Милуковъ, котораго я уже видѣлъ прежде, и незнакомый мнѣ еще, среднихъ лѣтъ мужчина съ лысиной во всю голову и добродушно-апатичной миной. На мой вопросъ о немъ, Соловьевъ объяснилъ, что это — Ахшарумовъ, который, дескать, даетъ для нашего журнала «капитальнѣйшую» вещь — «Граждане лѣса», яко бы сказку, но глубоко социальнаго значенія.

— Такъ значить не для дѣтей? спросилъ я.

— О, нѣтъ! «Граждане лѣса» — это разныя лѣсныя животныя, которыя, по указанію одного смышлаго, учреждаютъ конституціонное царство. И сколько наблюдательности, сколько юмора въ отдѣльныхъ сценахъ! Одна прелесть!

Докторъ Хавъ, покончившій между тѣмъ съ своей корректурой, то и дѣло заглядывалъ въ переднюю, начиная уже беспокоиться, что самый почетный гость, пожалуй, и не будетъ. Но безпокоился онъ напрасно: около десяти часовъ въ дверяхъ показалась тучная фигура ожидаемаго.

Чинovníки того времени по большей части брили бороду, особенно въ провинціи. Писемскій, хотя и состоялъ совѣтникомъ губернскаго правленія (если не ошибаюсь — тверскаго), но вольнодумно отпустилъ себѣ и усы и бородку, — что придавало его

широкому, типически-великорусскому лицу видъ раздобрѣвшаго барина «добраго стараго времени».

— Заспался, не взыщите, извинился онъ передъ хозяиномъ:— проклятая привычка—отдыхать послѣ обѣда.

Скоро ли всѣ эти господа съ нимъ поздороваются! скоро ли самъ онъ допьетъ свой стаканъ чаю! Наконецъ-то!..

— Ну, что же, начнемъ, сказалъ онъ, подходя къ выдвинутому на средину комнаты овальному столу съ двумя свѣчами и стаканомъ сахарной воды.—Прошу забыть нашъ вѣкъ и перенестись во времена Биронщины.

Усѣвшись поудобнѣе въ пододвинутомъ ему хозяиномъ креслѣ, онъ раскрылъ передъ собою объемистую рукопись, состоявшую изъ отдѣльныхъ листовъ въ четвертушку. Мы всѣ поспѣшили запасть стульями и размѣститься вокругъ,—и чтеніе началось.

Драма «Поручикъ Гладковъ» принадлежать не къ лучшимъ произведеніямъ Писемскаго. Но что значитъ хорошее чтеніе! По мѣрѣ того, какъ одна сцена смѣнялась другою, передъ нами проходила рядъ живыхъ людей и жизненныхъ картинъ, возставала все ярче эпоха Бирона. Между отдѣльными актами читающій дѣлалъ небольшую передышку, и тогда все кругомъ оживало, вполголоса обмѣнивалось между собой впечатлѣніями. Какъ только авторъ принимался опять читать—все разомъ умолкало и обращалось въ слухъ. Разъ какъ-то неугомонный Крестовскій шепнулъ что-то на ухо своему сосѣду, и тотъ фыркнулъ. Но Писемскій повелъ въ ихъ сторону глазами—и оба замерли.

Кончилось чтеніе уже далеко за полночь.

— Уфъ! тяжеленько! произнесъ Писемскій, отдуваясь.

Всѣ присутствовавшіе окружили его, чтобы принести свою благодарность за доставленное наслажденіе.

— Не за что, господа, уклонился онъ.—А вотъ вы лучше скажите-ка: не имѣется ли у кого серьезныхъ замѣчаній?.. Ну, что же? продолжалъ онъ, окидывая безмолвствующихъ вопрошительнымъ взглядомъ и останавливая его на Ахшарумовѣ: Вы-то хоть, Николай Дмитриевичъ, не скажете ли чего? Вашимъ мнѣніемъ я очень дорожу.

Критическое чутье Ахшарумова проявилось особенно въ послѣдствіи въ его замѣчательномъ разборѣ «Преступленія и Наказанія» Достоевскаго. Теперь онъ, по своей скромности и

деликатности, не рѣшился, повидимому, въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, высказаться слишкомъ открыто. Тихимъ голосомъ, почти застѣнчиво, онъ въ немногихъ словахъ очень рельефно выставилъ достоинства трагедіи, а затѣмъ мимоходомъ добавилъ, что только въ четвертомъ дѣйствіи Биронъ какъ будто измѣняетъ себѣ; недостаетъ нѣсколькихъ штриховъ...

— Да вотъ, Александръ Петровичъ, какъ преподаватель словесности и записной критикъ, лучше меня, конечно, это объяснить, заключилъ онъ, указывая на стоявшаго рядомъ Милюкова.

Милюковъ, точно заранѣе приготовившись къ лекціи, въ сдержанной и «корректной» рѣчи указалъ на недостающіе «штрихи», и замѣчанія его оказались настолько обдуманнѣе и мѣткими, что Писемскій только поморщился, но ничего не нашелъ возразить.

— А что вы скажете насчетъ общаго движенія въ драмѣ? спросилъ онъ.

— Въ томъ же четвертомъ дѣйствіи, гдѣ собираются у Бирона гости, дѣйствительно не мѣшало бы движеніе нѣсколько ускорить, неожиданно подалъ тутъ голосъ Соловьевъ, — а затѣмъ устранить вообще эти гастрономическія разсужденія между Бирономъ и Куракинымъ...

— Это затѣмъ? спросилъ Писемскій, медленно поворачивая голову и свысока озирая малорослаго критика, какъ оглядѣлъ бы начальникъ школы ученика-мальчишку, дерзнувшаго высказать передъ нимъ свое собственное мнѣніе.

— Затѣмъ, что тема въ той формѣ, какъ у васъ, признаться, довольно неэстетичная.

— Да можетъ такъ и нужно?.. Однако мнѣ и домой пора...

— Помилуйте, Алексѣй Теофилактовичъ! засуетился докторъ Ханъ. Сейчасъ будетъ закуска...

— Я не уживаю: врачами запрещено.

— Да и мнѣ тоже, сказалъ Ахшарумовъ. — Намъ съ вами, Алексѣй Теофилактовичъ, вѣдь по дорогѣ. До свиданія, Мануилъ Алексѣевичъ.

Напрасны были дальнѣйшія упрашиванія хозяина, и ему ничего не оставалось, какъ проводить обоихъ до передней. Тутъ на Соловьева со всѣхъ сторонъ посыпался градъ упрековъ:

— Ахъ, Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! а все вы съ вашей эстетикой! Спрашивалъ онъ наше мнѣніе, очевидно, только для того, чтобы услышать общія похвалы.

— Не могу я хвалить, господа, коли мнѣ что претитъ! оправдывался бѣдный Николай Ивановичъ.— Правда и красота для меня выше всего.

— Да если иная правда безобразна?

— Такъ изображай ее такъ, чтобы читателя не коробило. Вѣдь вотъ Крестовскій, по моему совѣту, отказался же отъ первой своей мысли — заставить своего Вересова ѣсть дохлую кошку.

— Ну, ужъ извините! громко расхохотался Лѣсковъ: этотъ перлъ принадлежалъ не Всеволоду, а мнѣ.

— Чтò такое? Какая тамъ дохлая кошка? заинтересовались окружающіе.

— Да помните въ «Петербургскихъ Трущобахъ» эпизодъ, когда Вересовъ, выпущенный изъ тюрьмы, не зная, гдѣ преклонить голову, находитъ наконецъ приютъ на Фонтанкѣ въ каютѣ зазимовавшей пустой барки?

— Подъ мерзлой рогожей около бездомной же собаки со щенятами? Но тамъ онъ съ голоду гложетъ только кость...

— А это уже смягченная вариация Николая Ивановича. Захожу я разъ подъ вечеръ къ Всеволоду. Въ передней у него, гляжу, ждетъ уже разсылный изъ типографіи; а въ кабинетѣ сидитъ самъ Всеволодъ у письменнаго стола мрачнѣе ночи. Въ чемъ дѣло? — «Да вотъ такъ и такъ, говоритъ, надо сейчасъ отправить рукопись въ наборъ, да никакъ не придумаю: чѣмъ бы позабористѣе накормить моего голоднаго героя?» Ну, что-жь, вмѣстѣ поразмыслимъ; умъ хорошо, два лучше.— И вотъ, только что каждый изъ насъ придумалъ подходящее блюдо: онъ—дохлую ворону, а я—дохлую кошку,—какъ входитъ Николай Ивановичъ. Предоставили мы ему на выборъ: чтò реальнѣе? А онъ въ ужасъ пришелъ: «Бога въ васъ нѣтъ, господа! Развѣ нельзя быть реальнымъ, не возбуждая въ читателяхъ тошноты? Хоть бы кость взяли, что-ли». Потолковали мы, потолковали и ограничились костью, разумѣется, уже обглоданной собакой.

Во время этого разговора, по распоряженію хозяина, былъ

накрыть столъ, на которомъ, кромѣ водки и пива, появились на этотъ разъ еще нѣсколько бутылокъ вина и закуска разнообразнѣе обыкновеннаго; экстренное угощеніе, очевидно, было предназначено для отбывшаго уже почетнаго гостя. По мѣрѣ того, какъ пустѣли бутылки, бесѣда становилась все шумнѣе; но въ общемъ гомонѣ всего громче звучалъ голосъ Лѣскова. Главною темою служили, разумѣется, разныя теченія современной литературы. Когда тутъ рѣчь зашла объ одномъ изъ передовыхъ бойцовъ противоположнаго лагеря, Лѣсковъ съ сверкающими глазами вскочилъ съ мѣста и ударилъ кулакомъ по столу такъ, что вся посуда кругомъ запрыгала и зазвенѣла:

— Да я его сейчасъ собственноручно вздернуль бы на первомъ фонарномъ столбѣ!

— Однако! вполголоса замѣтилъ я сидѣвшему около меня Соловьеву, который послѣ понесеннаго давеча пораженія былъ молчаливѣе другихъ и только усиленно курилъ, при чемъ, не докуривъ ни одной папиросы, тушилъ ее въ разсѣянности о скатерть, чтобы затѣмъ тотчасъ закурить новую.

— А между тѣмъ у него это вовсе не фраза, отозвался Соловьевъ.— Разъ какъ-то при мнѣ онъ точно также заспорилъ за ужиномъ и въ доказательство, что ни передъ чѣмъ не отступить, проткнулъ себѣ тутъ же вилкою ладонь.

— Насквозь?!

— Да, такъ-таки и пригвоздилъ ее къ столу. Это—фанатикъ своей идеи. Такъ же какъ и Крестовскій: для изученія трущобныхъ жителей онъ цѣлыя дни проводилъ въ трущобахъ.

— Да вѣрно-ли это? Посмотрите на него: неужели такому щеголю они дали бы спокойно изучать себя?

— Само собою разумѣется, не въ этакоемъ нарядѣ. Разъ, проходя по Сѣнной, я самъ засталъ его среди нищихъ у церкви Спаса. «Дайте, говоритъ, баринъ, копеечку, Христа ради!» Гляжу: Крестовскій въ отрепьяхъ!— Всеволодъ Владиміровичъ! вы-ли это? — «Г-с-с-с! товарищи еще услышатъ». Но какими судьбами? «А средо изучаю». Такъ вотъ онъ каковъ у насъ! Я вамъ говорю: фанатикъ.

Соловьевъ былъ правъ: такимъ же фанатикомъ въ преслѣдованіи своей идеи Крестовскій выказалъ себя и впоследствии въ своихъ романахъ: «Кровавый пухъ» и «Тьма египетская».

Но сегодня онъ былъ самымъ простымъ смертнымъ и добрымъ малымъ.

— И охота тебѣ, Николай Семеновичъ, какъ прачка, стирать старое бѣлье, прервалъ онъ вдругъ своего горячащагося друга.— У меня вотъ есть нѣчто совсѣмъ новенькое.

И онъ началъ рассказывать какой-то довольно легковѣсный анекдотъ; но какъ онъ его рассказывалъ! Съ какими интонаціями, съ какими ужимками! Положительно, нельзя было остаться серьезнымъ; даже Лѣсковъ повеселѣлъ. За первымъ рассказомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ—третій. Всѣ за столомъ такъ и покатывались со смѣху.

— А что бы вамъ, Всеволодъ Владиміровичъ, прочесть намъ одинъ изъ вашихъ испанскихъ мотивовъ? замѣтилъ кто-то. Хоть бы «Андалузянку».

— «Андалузянку!» «Андалузянку!» подхватилъ хоръ голо-совъ.

Крестовскій приподнялся съ мѣста и, опершись на спинку стула, началъ:

— «Андалузская ночь горяча, горяча,—
Въ этомъ зноѣ и страсть и безсилъе...»

Не страшно-ли, право, что многіе изъ талантливыхъ поэтовъ читаютъ свои собственные стихи плохо. Страннѣе всего это было у Крестовскаго, который обыкновенные случаи изъ жизни передавалъ такъ мастерски, при чтеніи же стиховъ впадалъ въ неестественную декламацію. Только-что дошелъ онъ до стиха:

«Чу!.. тамъ слышны аккорды гитары»,

какъ Лѣсковъ вскочилъ изъ-за стола:

— Постой! Развѣ это такъ читаютъ? Садись!

Отстранивъ пріятеля, онъ сталъ на его мѣсто и продолжалъ самъ съ прерваннаго стиха:

— «Чу!.. тамъ слышны аккорды гитары!..
Въ виноградникѣ чьи-то шаги шелестятъ
И мигаетъ огонь отъ сигары—

«Это онъ, мой гидальго, мой рыцарь, мой другъ!
Это онъ, его постушь я чую!
Онъ придетъ—и подъ плащъ къ нему кинусь я вдругъ,
И не будетъ конца поцѣлюю!»

Да, это чтеніе было совсѣмъ иное! Такъ и чудился звонъ гитары, и приближающіеся шаги, и огонекъ сигары, и самъ гидальго въ плащѣ... Но лучше всего, кажется, вышло покаяніе андалузянки сквозь рѣшетку францисканцу-монаху.

Когда Лѣсковъ дочелъ послѣдній куплетъ, кругомъ раздались единодушныя одобренія.

— Ну, а теперь, Всеволодъ, обратился Лѣсковъ къ пріятелю: — покажи-ка себя намъ по такой части, по которой тебѣ нѣтъ равныхъ: пропой намъ одну изъ твоихъ труппныхъ пѣсень.

Крестовскій не далъ просить себя и, присѣвъ за фортепіано, запѣлъ. Голосъ у него былъ небольшой и слегка даже хриповатый, но пѣніе его было до того прилажено къ содержанію пѣсни, что не думалось даже о голосѣ; слышалась только замѣчательно переданная пѣсня.

Пѣніемъ Крестовскаго и закончился вечеръ...

Съ тѣхъ поръ протекло слишкомъ тридцать лѣтъ, и ни одного изъ писателей, о которыхъ выше рассказано, нѣтъ уже въ живыхъ. Но какъ для полноты ландшафта необходимы также кустарникъ, трава, полевые цвѣты, такъ и поле литературы не могло бы совершенно обойтись безъ второстепенныхъ дѣятелей. Вѣчная же память отошедшимъ собратьямъ!

Декабрь 1898 г.

Кн. Д. П. Толицынъ-Муравлинъ.

З А Д А Ч А.

Алеша придвигаетъ къ себѣ задачникъ и читаетъ, вполголоса:

«Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если въ одномъ кошелькѣ столько же пятиалтынныхъ, сколько въ другомъ двугривенныхъ?»

Ему очень скучно. Вообще, онъ знаетъ, что каждый разъ съ нимъ изъ-за ариметики случается бѣда. Его бранятъ, потому что онъ не понимаетъ. Онъ все понимаетъ: Ветхій и Новый Заветъ, географию, латинскія склоненія, а вотъ ариметику не понимаетъ. И ему кажется, что совсѣмъ разобраться въ ней нельзя. Тотъ, кто пишетъ задачи, нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы было очень трудно. Мама опять скажетъ: «стыдно тебѣ, ты такой большой, тебѣ одиннадцатый годъ»... Большой?

Старается Алеша сообразить, почему онъ иногда большой, а иногда маленькій. То ему говорятъ: «стыдно, ты большой, ты долженъ это сдѣлать», то: «ты еще слишкомъ маленькій, чтобы это понять»... Значитъ, думаютъ, что для ариметики онъ большой, а въ самомъ дѣлѣ онъ для нея маленькій. А для того, чтобы сказать неправду онъ тоже маленькій? Вчера онъ

спросилъ дядю: «почему ты кузинѣ Вавѣ сказалъ, что ты былъ въ воскресенье у насъ, когда ты не былъ?», и дядя отвѣтилъ: «не твое дѣло, ты еще слишкомъ малъ, чтобы разсуждать...» Почему другіе рѣшаютъ, что онъ тогда-то малъ и тогда-то большой? Онъ вѣроятно всегда маленькій... и всегда ему хочется плакать, когда ариметику надо готовить... Вотъ теперь ему на завтра учитель задалъ только одну задачу... другимъ двѣ и три, а ему только одну... Вы, говорить, постоянно жалуется, что у васъ времени не хватаетъ приготовить, а я думаю, что вы просто лѣните... Сдѣлайте эту задачу хорошо, а то я попрошу, чтобы васъ наказали, и откажусь васъ приготовить во второй классъ гимназіи... Другіе мальчики слушали. Имъ все равно. Они понимаютъ ариметику. Если бы еще хоть одинъ въ школѣ не понималъ, все бы легче было. Ему одному вѣрить не хотятъ.

Алеша перечитываетъ снова задачу. Неясно. Онъ можетъ всякую цифру раздѣлить и помножить, но тутъ еще другое. Это, какъ говорить Вася, задача съ хитростью. Можетъ быть, Вася успеетъ объяснить завтра, передъ уроками... Нѣтъ, Вася всегда отвѣчаетъ: «разберись самъ, хныкса скверная...»

У Алеши выступаютъ слезы... и такъ нехорошо дѣлается у него на душѣ... Чувства въ его маленькой и наболѣвшей душѣ развиваются и переливаются одно въ другое гораздо скорѣе, чѣмъ мысли. Всего одиннадцатый годъ онъ на свѣтѣ, а сердце у него уже болитъ... Онъ самъ не видитъ, какой онъ безпомощный и несчастный, по сравненію съ другими дѣтьми... Онъ думаетъ, что вся причина горя именно въ томъ, что онъ маленькій... Будь онъ смышленичѣй, мысли его выразились бы такъ: дѣти всѣ должны быть несчастными, потому что они рабы взрослыхъ... взрослые приказываютъ, запрещаютъ, грозятъ и наказываютъ, а дѣти должны повиноваться и даже не смѣютъ плакать.

Такъ въ чемъ же задача? Два кошелька... тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ... пятиалтынные и двугривенные...

Мальчикъ взглядываетъ на часы, прибитые къ стѣнѣ надъ его столомъ... Пятый часъ... Ему бы такъ хотѣлось кончить задачу къ обѣду, чтобы вечеромъ прочитать хоть немного изъ книги «Въ восемьдесятъ дней вокругъ свѣта...» Онъ началъ

читать эту книгу и такъ ему интересно! Какъ хорошо! Если бы можно было уѣхать далеко, туда, гдѣ пальмы и слоны... Хорошо. Весело. Какъ должно быть хорошо, когда весело! Ему никогда не весело, въ Петербургѣ.

Отъ керосиновой лампы, на столѣ падаетъ желтый кругъ свѣта. Остальное кругомъ темно. На улицѣ холодно и мокро. Ноябрь. На дачу—только въ май. Тамъ отлично. Господи, почему нельзя, чтобы сейчасъ былъ май!

Тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ... пятиалтынные и двугривенные... два кошелька... Тутъ надо что-то сдѣлать... одна тысяча триста шестьдесятъ пять на два не дѣлится...

Внезапная мысль озаряетъ Алешу. Онъ бросается къ рѣшенію, находитъ цифры: пять рублей восемьдесятъ пять копеекъ и семь рублей восемьдесятъ копеекъ. Слабая надежда заставляетъ его сложить эти суммы. Получается тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. А потомъ?

Хоть бы кто нибудь объяснилъ! Никого дома нѣтъ. Папа на службѣ, вернется къ шести часамъ. Мама поѣхала къ знакомымъ. Прежде—была гувернантка, но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ ходитъ въ приготовительную школу, гувернантки больше нѣтъ.

Алеша впивается глазами въ задачникъ, словно хочетъ разгадать тайну. Ему тяжело, и никакъ не увидѣть ему, съ чего начать. Въ сосѣдней комнатѣ портниха Дарья Карповна стучитъ швейной машиной. Это ему мѣшаетъ.

Папа, когда онъ его спроситъ, разсердится. Мама тоже, потому что она забыла ариметику. Онъ тоже ее забудетъ.

Вдругъ, Алеша придумываетъ: я спрошу Дарью Карповну...

И онъ идетъ къ ней съ задачикомъ.

— Дарья Карповна, я совсѣмъ не понимаю задачу, которую мнѣ задали...

Портниха, довольно курносая дѣвушка съ бѣлымъ на лѣвомъ глазу, приостанавливаетъ работу и спрашиваетъ:

— А что тебѣ задали? Про что?

Алеша читаетъ. Дарья Карповна слушаетъ и задумывается. Мальчикъ ждетъ ея рѣшенья.

— И когда это люди съ двумя кошельками ходятъ? замѣчаетъ она.— Съ чего они взяли.

— Да это, Дарья Карповна, все равно... Надо рѣшить...

— И почему двугривенные отдѣльно!.. Ежели пяти-рублевый золотой, то его надо держать отдѣльно, а то въ темнотѣ за гривенникъ сунешь.

— Дарья Карповна, я знаю... Вы помогите...

— Да я, Алеша, не учена... Жидоморъ у васъ учитель. Машина снова стучить. Мальчикъ вздыхаетъ и идетъ къ себѣ обратно.

Звонокъ. Мама прѣехала! Вотъ, надо спросить маму.

Онъ бѣжитъ къ ней на встрѣчу.

— Мама! Я не могу рѣшить задачу.

Мама — это очень красивая дама, большая, съ обликомъ королевы. Въ настоящее время у нея видъ очень недовольный. Изъ всѣхъ кармановъ мѣховой кофточки она вынимаетъ мелкіе свертки и бросаетъ ихъ на столъ.

— Ахъ! Господи! Какое мнѣ дѣло... Я сама не могу... Я сама не знаю, куда у меня ушли восемнадцать рублей.

Забравъ всѣ свертки, она идетъ въ свою комнату. Алеша за ней. Онъ знаетъ, что гнѣвъ ея никогда не продолжителенъ. Успокоится и поможетъ она, можетъ быть.

— У меня задача не выходитъ, мрачно заявляетъ онъ, соображая, заплакать ли ему или еще подождать.

— У меня тоже, говоритъ мама озабоченно и рѣзко, — возьми карандашъ, пиши.

Карандашъ и бумага у Алеши въ рукѣ. Онъ готовится писать и объясняетъ:

— Видишь ли, деньги въ двухъ кошелькахъ, въ обоихъ всего тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если...

— Господи! да развѣ я тебя объ этомъ спрашиваю... Пиши... Кружева двадцать два рубля... въ Гостиномъ дворѣ шесть рублей... у Треймана двѣнадцать рублей, у Флорана восемнадцать рублей, въ англійскомъ магазинѣ семнадцать рублей... вотъ и все... да, все и больше ничего... сколько вышло? Считай... восемьдесятъ два рубля?

Алеша подсчитываетъ.

— Нѣтъ, семьдесятъ пять рублей.

— Какъ семьдесятъ пять рублей?! Значить у меня двадцать пять рублей пропало...

И вдругъ обрадовалась:

— Ахъ, вспомнила! восемнадцать рублей я заплатила Вейсу за ботинки и двѣнадцать рублей у Мелье за журналъ... Теперь навѣрно всё сто... Сколько?

— Сто пять рублей, отвѣчаетъ Алеша.

— Да откуда же сто пять, когда у меня было всего только сто рублей и осталось сорокъ копеекъ!

Мальчикъ начинаетъ находить, что задача о двухъ кошелькахъ все-таки лучше. Онъ видитъ, что отъ мамы никакого толка не будетъ.

— Два кошелька, въ нихъ тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ, напоминаетъ онъ.

— Господи! Развѣ я могу... Впрочемъ, миленькій, пойдн спроси папу... Слышишь, онъ пришелъ.

Алеша отправляется къ папѣ въ кабинетъ. Слава Богу, папа въ духѣ. Съ нимъ пришелъ Иванъ Петровичъ, его большой другъ.

— А? Что? переспрашиваетъ папа и, взявъ у него задачникъ, читаетъ: «Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ. Сколько денегъ въ каждомъ, если въ одномъ кошелькѣ столько же пятальиныхъ, сколько въ другомъ двугривенныхъ?»

Мгновенно, его хорошее настроеніе пропадаетъ, и онъ, ероша курчавые черные волосы, кричитъ:

— Иванъ Петровичъ, ты слышалъ? Развѣ это не безобразіе! Такія задачи задаютъ малымъ дѣтямъ! Что они изъ нихъ хотятъ сдѣлать? Развѣ въ наше время мы рѣшали такія задачи? Вѣдь тутъ нужна сообразительность взрослого человѣка!

— А по нынѣшнему времени необходимо развивать сообразительность. Условія борьбы за существованіе этого требуютъ...

— Что ты выдумалъ! Такъ ребенка можно запугать на первыхъ же порахъ!

— Строгая программа, это сито, сквозь которое проходятъ только наиболѣе даровитые. А бездарные должны пропадать. Это справедливо. Я, конечно, говорю вообще, въ теоріи.

— Твоя теорія гроша не стоитъ! Она выдумана такъ же, какъ эта задача.

— А объясни мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ мы зубрили логарифмы...

Споръ затягивается. Алеша опредѣленно чувствуетъ, что и здѣсь онъ толка не добьется.

Звонокъ. Хоть бы такой пришелъ, который просто рѣшаетъ задачи!

Вотъ счастье-то! Это Ваня, двоюродный братъ, гимназистъ. Ему шестнадцать лѣтъ и онъ знаетъ хорошо всю арифметику.

Едва Ваня поздоровался со старшими, Алеша тянетъ его за фалду.

— Ваня, голубчикъ, помоги.

И уводитъ его къ себѣ въ комнату. Ваня идетъ неохотно. Онъ чувствуетъ нѣжность къ теткѣ и хочетъ показаться ей взрослымъ человѣкомъ. Дружба же съ Алешей его дискредитируетъ.

— Ну, что? сумрачно спрашиваетъ онъ. — Опять ничего не понимаешь...

Алеша читаетъ ему задачу. Гимназистъ беретъ карандашъ, пишетъ нѣсколько цифръ и небрежно объявляетъ:

— Въ одномъ пять рублей восемьдесятъ пять копеекъ, въ другомъ семь рублей восемьдесятъ копеекъ.

Сказавъ это, онъ идетъ къ двери.

Со слезами, Алеша спрашиваетъ:

— А если я долженъ буду объяснить почему?

Но Ваня спѣшитъ въ кабинетъ. Туда пришла тетя и жалуется на то, что не можетъ досчитаться денегъ. Дядя и Иванъ Петровичъ добродушно смѣются. Имъ очень весело, что она не знаетъ арифметики и постоянно сбивается въ счетъ. Ванѣ это тоже очень нравится.

А Алеша сидитъ у себя въ комнатѣ, облокотился на столъ, схватилъ голову рученками и читаетъ:

«Деньги, находящіяся въ двухъ кошелькахъ, составляютъ сумму тринадцать рублей шестьдесятъ пять копеекъ...»

Ему хочется плакать.

М. П. Соловьевъ.

ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ БАРЪ-ГРАДЪ.

(1894 г.).

Для сѣверныхъ гостей Неаполь то же самое, чѣмъ для суровыхъ воиновъ античнаго міра была Капуя. Съ одной стороны—восхитительное синее море, огражденное дымчатыми прелестными островами, сіяющее, знойное, свѣтлоголубое небо, грозная пирамида Везувія съ его всегдашнимъ розоватымъ шарфомъ дыма, рвущимъ надъ вершиною; съ другой—великолѣпный амфитеатръ блага, изнѣженнаго города, густыми рядами домовъ поднимающійся до роскошныхъ королевскихъ садовъ, пальмы городского сада на набережной, суровая средневѣковая бастилія анжуйскихъ королей, сѣрые или разноцвѣтные, изразцовые купола церквей. Внутри города кипитъ жизнь, оживленнѣе которой вы не найдете нигдѣ въ Италіи. Въ портѣ—толпы матросовъ и рабочихъ. На улицахъ всѣ куда-то спѣшать; женщины въ одиѣхъ платьяхъ и простоволосыя, идутъ, наклонясь впередъ, особою походкой, какъ бы не касаясь земли; кафе полны; на щегольской набережной—вереница щегольскихъ экипажей, запряженныхъ превосходными лошадьми.

Такая же суетливая толкотня въ ужасныхъ центральныхъ

кварталахъ города, полутемныхъ, грязныхъ, сырыхъ и зловонныхъ. Не подвергаясь никогда такимъ погромамъ и опустошеніямъ, какъ Римъ,— Неаполь, вѣроятно, хранитъ въ своихъ старыхъ улицахъ жилища древнѣйшихъ временъ, слегка подновляя обветшавшія строенія настолько, чтобы можно было ютиться въ нихъ. Даже испанскія постройки, массивно-важныя и суровыя, помѣченныя древними гербами, укрѣпленныя ржавыми затѣйливыми желѣзными рѣшетками, кажутся новыми, не смотря на свою архаическую напыщенность. Бѣдныхъ и нищихъ множество, но неунывающая, склонная къ шуткѣ и веселью, характеръ населенія смягчаетъ въ бѣдности впечатлѣніе, удручающее насъ на сѣверѣ. Вечеромъ вездѣ та же гульливая толпа, музыка и веселый смѣхъ, на улицахъ, въ кафе, въ пассажѣ; раздаются пѣсни у дверей трактировъ, мигаетъ огненными вспышками раскаленная вершина Везувія, загораются южныя красавицы-звѣзды на потемнѣвшемъ небѣ,— и людскому шуму и гаму acompанируетъ мягкій приборъ волнь. Неудержимо втягиваешься въ эту напряженную жизнь сегодняшнимъ днемъ, безъ заботы о завтрашнемъ, наслаждаешься природой, искусствомъ, памятниками прошлаго, безпечальнымъ настоящимъ; но въ этомъ таится также и ядъ разслабленія дѣятельной мужественной стороны человѣческаго характера: нельзя долго жить одними впечатлѣніями.

Неаполь не гнался за историческою славой, за мировымъ значеніемъ. Историческими дѣятелями южной Италіи были всегда чужестранные пришельцы. Греки, Римляне, Готы, Лангобарды, Византійцы, Норманны, Пьемонтцы приходили, уходили, разыгрывали семейныя и политическія трагедіи, высасывали изъ народа, что могли, осѣдали и тонули въ массѣ, а населеніе жило, покорно склоняя голову подъ налетающею грозой, не требуя многого отъ данной жизни и при всѣхъ невзгодахъ сохраняя свою безпечность и ясность духа. Для него подвиги и слава не имѣли смысла, лишь бы жить на своей благословенной родинѣ, *dove sorridere vuol il creato*, гдѣ улыбается всякая тварь, какъ поется въ извѣстной народной пѣснѣ. Жизнь для южанина—итальянца—есть благо сама по себѣ. Неаполитанецъ жилъ, мѣняя не только господь, но и свою первобытную пеласгическую рѣчь на греческій и ла-

тинскій языкъ, воспринимая въ нее германскіе, французскіе, испанскіе элементы, обильно дополняя ее вспомогательною мимикой, нигдѣ столь широко неразвитою, какъ у Неаполитанцевъ.

Этотъ симпатичный, отзывчивый народъ молится въ церквахъ, отмѣченныхъ или сумрачнымъ величіемъ или пышно и пестро разукрашенныхъ, составляющихъ въ этомъ отношеніи контрастъ съ бѣдностью и скромностью богомольцевъ. Тамъ вѣчными жильцами лежатъ нныя поколѣнія, нная раса. Въ полномъ вооруженіи, или въ длинныхъ одеждахъ лежатъ каменные нѣмые вельможи прежняго времени, ихъ супруги съ печальными лицами, въ полумонашеской одеждѣ, съ набожно сложенными руками, ихъ дѣти. Гробница Карла Анжуйскаго, истребителя Гогенштауфеновъ, вознесена высоко надъ главнымъ входомъ внутри собора. Надгробные памятники XIII и XIV вѣковъ въ Неаполѣ столь же многочисленны и своеобразны, какъ позднѣйшіе венеціанскіе: тамъ—патриціи, здѣсь—могучіе, мятежные бароны и короли, ихъ истреблявшіе, были единственными историческими дѣятелями; но мудрые сенаторы твердо помнили, что народу нужно набить ротъ, дабы содержать его въ послушаніи (*per tenerlo in pace bisogna otturagli la bocca*): здѣсь довольствовались тѣмъ, что обирали его елико возможно. Нынѣшніе владыки этой благословенной страны не безъ успѣха подражаютъ своимъ предшественникамъ.

Ни одинъ городъ въ Европѣ, за исключеніемъ Москвы, не можетъ сравниться въ красотѣ съ Неаполемъ: какъ жемчужное ожерелье амфитеатръ бѣлыхъ домовъ охватываетъ, обнимаетъ сапфирно-голубую гладь залива, замыкаемаго чудными островами волшебной красоты, раскидываюсь по холмамъ, уходя въ овраги, съ темными башнями церквей и замковъ, съ красивыми пиніями и пальмами надъ плоскими кровлями, съ грознымъ курящимся Везувіемъ на стражѣ! Навсегда любовно вростаетъ въ память воспоминаніе о столицѣ южной Италіи, когда покинешь этотъ жизнерадостный, исторически многослойный городъ. Но надвигалась осень, на далекомъ родномъ сѣверѣ небо уже куталось въ густые, бурые туманы, также вызывающіе усиленную рабочую жизнь, какъ на югѣ ласковое солнце и лазурное небо. Приблизилась пора проститься съ прекрасною Италіей.

Мы всё должники предъ нею. Когда при свѣтѣ знанія мы доростаемъ до потребности поклониться прекрасному, доступъ къ нему намъ открываютъ итальянскіе художники. Мы отдаемъ ихъ руководству и сродняемся съ ними, а черезъ нихъ съ ихъ родиной, какъ ученики съ добрымъ наставникомъ. Наслѣдіе ихъ такъ богато, искусство ихъ такъ разносторонне, что мнѣ кажется софизмомъ утверженіе о сравнительномъ прогрессѣ новаго искусства вообще. Мы опередили ихъ на тѣхъ пунктахъ, которыми они пренебрегали считали дѣломъ второстепеннымъ, дополнительнымъ или подготовительнымъ, какъ на примѣръ пейзажъ и жанръ. Да и въ одномъ ли искусствѣ сказывалось первенство, *il primato*, Италіи?

Есть въ Италіи на плоскомъ берегу синяго Адриатическаго моря небольшой бѣлый городокъ, похожій на левантинскіе города Архипелага и сирійскаго поморья, знакомый по имени нашему простому люду, невѣдающему, быть можетъ, имени Италіи и святочнымъ имъ. Это Баръ-градъ, хранящій въ себѣ чудотворныя мощи святителя мурликійскаго Николая. Если у возвращающагося домой паломника еще не всё деньги растрчены въ Палестинѣ, онъ постарается зайти въ Баръ-градъ, поклониться Николѣ-Угоднику Божію и привезти на родину хрустальный пузырекъ съ мвромъ, источаемымъ мощами до днесъ. Изъ всѣхъ греческихъ святыхъ Николай Чудотворецъ пользуется наибольшимъ почитаніемъ по широкому лицу земли Русской. Даже въ снѣжныхъ пустыняхъ у Студенаго моря, среди полудикихъ Самоѣдовъ и Остяковъ онъ до сихъ поръ творитъ чудеса, какъ свидѣтельствуешь г. Носиловъ.

Я давно слышалъ о барградскихъ богомольцахъ нашихъ и рѣшился побывать въ этомъ городѣ.

Вдучи въ Бари, приходится сначала спуститься на югъ до Метапонта при Отрантскомъ заливѣ, потомъ снова повернуть далеко на сѣверъ. Изъ Неаполя поѣздъ идетъ зигзагами по живописной гористой странѣ, покрытой густыми дубовыми лѣсами, изрѣзанной глубокими долинами, черезъ которыя перекидываются длинные мосты. Между синимъ моремъ и зелеными горами бѣлѣетъ древній ученый Салерно. Чѣмъ дальше, тѣмъ безлюднѣе. Кругомъ только лѣса и высокія скалы съ зазубренными вершинами. Изрѣдка показываются на высотахъ неболь-

шія сѣрья селенія и развалины средневѣковыхъ замковъ. Бароны исчезли, плебеи цѣпко прилегли къ землѣ и уцѣлѣли въ своихъ лачугахъ. Кое-гдѣ въ долинахъ и на крутыхъ откосахъ видны небольшія воздѣланныя поля. Шли осеннія работы: поля перепашивались подъ озимь небольшими сохами, запряженными парю воловъ. Дубовый лѣсъ постепенно рѣдѣлъ, уступая мѣсто кустарнику. Диче и круче поднимались бурья скалы съ глубокими темными ущельями. Контрастъ этой пустынной, молчаливой страны латифундій и бандитовъ съ Тосканой, страной мелкаго землевладѣнія и бойкой промышленности, билъ въ глаза. Восемнадцать вѣковъ тому назадъ Плиній Старшій призналъ, что латифундіи погубили Италію. Крупное землевладѣніе губить ее и теперь, одинаково невыгодное для землевладѣльцевъ и безземельныхъ крестьянъ арендаторовъ. Нынѣшнее слабое правительство безсильно излѣчить эту язву кореннымъ преобразованиемъ аграрныхъ отношеній. Благодарная почва пустуетъ, народъ бѣжитъ въ эмиграцію, попадаетъ къ сѣти социализма, голодаетъ или разбойничаетъ.

У станціи Ферандины поѣздъ спустился съ горъ на берегъ моря, поросшій пиніями. Преобладающій южный вѣтеръ наклонилъ ихъ въ сторону материка. Въ воздухѣ повѣяло морскою сыростью. Мѣстами полотно дороги проложено по болотамъ и по лагунамъ и волны плещутъ подъ самыя рельсы. По временамъ на берегу видѣются потемнѣвшіе остовы сарацинскихъ сторожевыхъ башенъ. Морскіе разбои Норманновъ и Сарацинъ и почти непрерывныя гражданскія войны были главною причиною запустѣнія нѣкогда высоко культурной Великой Греціи. Совсѣмъ стемнѣло, когда изъ Таранта мы повернули на сѣверо-востокъ и началось мое восхожденіе на родину. Звѣзды сіяли ярко. На горизонтѣ блистала красноватый Марсъ и еле мерцала Большая Медвѣдица. Отъ Таранта до Бари холмистая мѣстность не представляла ничего замѣчательнаго.

Мелькаютъ бѣдные малолюдныя станціи съ чахлыми деревьями. Скучно и сонливо становится въ вагонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидается конецъ пути и ночлегъ. Наконецъ, одиннадцатичасовой переѣздъ оконченъ и вы съ облегченіемъ выходите въ просторный, но пустоватый дебаркадеръ, садитесь въ опрятную коляску и ѣдете въ гостиницу.

Первыя впечатлѣнія до-нельзя прозаичны. Длинная бѣлая дорога, обсаженная жиденькими деревьями, низенькія и длинныя строенія, дома или склады; плоскія окрестности, пропадающія въ темнотѣ. Ни одинъ изъ посѣщенныхъ мною итальянскихъ городовъ не встрѣчаетъ прїѣзжаго такъ мѣщански банально.

Итальянскія гостиницы, вообще, чисты и опрятны. Поужинавъ неизмѣннымъ ризотто (рисовою кашей) и бифштексомъ, я съ удовольствіемъ залѣзъ подъ тяжелое одѣяло и крѣпко заснулъ на жесткой длинной и узкой подушкѣ. Головъ на такихъ подушкахъ совсѣмъ не жарко, не то, что на нашихъ пуховыхъ, а одѣяло, вполне предохраняя отъ холода, вмѣстѣ съ тѣмъ нимало не стѣсняетъ тѣла, избавленнаго отъ необходимости кутаться и завертываться въ наши легкія и гибкія шерстяныя или стеганыя ткани. При такихъ одѣялахъ нѣтъ нужды и сверху въ легкихъ перинкахъ, предлагаемыхъ во Франціи и Германіи.

Настало ясное и свѣжее ноябрьское утро. На блѣдноглубомъ небѣ не было ни одного облачка. Бари имѣетъ видъ зауряднаго новаго города, хотя основаніе его теряется въ до-исторической пелазгійской и иллирской эпохѣ, а во времена эллинской колонизаціи Баріонъ, Баринонъ или Варіумъ занималъ видное и самостоятельное положеніе въ Великой Греціи и пользовался важнымъ значеніемъ подъ римскимъ владычествомъ. При Тотилѣ, онъ былъ завоеванъ Остроготами, ихъ смѣнили Лангобарды, прогнанные Византійцами. При Львѣ Исаврѣ (сирійцѣ), баряне отложились и образовали самостоятельную общину подъ управленіемъ выборнаго дуки (герцога), но не надолго. Въ непрерывной борьбѣ Византіи съ Норманнами, Бари переходилъ отъ однихъ къ другимъ, терпѣлъ разоренія отъ нихъ, отъ Сараценовъ, отъ западныхъ императоровъ, пока не вошелъ окончательно въ составъ неаполитанскаго королевства при воцареніи королей Анжуйскаго дома. Бурная исторія зажиточнаго приморскаго города, владѣющаго одною изъ лучшихъ итальянскихъ гаваней, не могла не отразиться и на его видѣ. Неоднократно разоряемый, Бари быстро перестраивался и, чуткій, какъ всѣ приморскіе торговые города къ удобствамъ жизни и нововведеніямъ, безъ сожалѣнія разставлялся съ памятниками прошлыхъ временъ. Широкія улицы обставлены трехъ и двухъ-этажными домами съ гладкими стѣ-

нами изъ свѣтло-сѣраго камня съ большими окнами, балконами, съ магазинами внизу. Черезъ весь городъ тянется неизбѣжный Корсо, широкій бульваръ съ молоденькими жидкими деревцами. Корсо упирается въ тощій городской садъ, разбитый на берегу моря. Вухта напоминаетъ Θεодосійскій заливъ. Берега ея плоски. Холодное свѣтло-синее море лежало въ полной неподвижности, слабо оживляемое небольшими парусными судами и рыбацкими лодками, стоявшими на якорѣ.

Отъ стараго Бари уцѣлѣлъ небольшой клочекъ, приютившійся около своихъ древнѣйшихъ храмовъ: кафедральнаго собора (*duomo, la Chiesa Madre*), во имя св. Сабина, и св. Николая. Въ этомъ уголкѣ извиаются узкія, дурно вымощенныя улицы и сохранились узкіе фасады старинныхъ, темносѣрыхъ высокихъ домовъ, густо населенныхъ бѣднымъ людомъ, живущимъ, по-итальянски, болѣе на улицахъ, нежели въ комнатахъ. Близость къ морю освѣжаетъ ихъ и избавляетъ отъ удушливой и печистой атмосферы народныхъ кварталовъ Неаполя и Палермо. Замѣчательно пристрастіе Барянъ къ штукатуркѣ. Не только весь новый городъ выбѣленъ, но и въ старомъ темныя старинныя стѣны охотно покрываются бѣлою известкой. Съ моря Бари напоминаетъ бѣлые левантскіе города. Одинъ только древній замокъ съ башнями, зубчатые верхи которыхъ отчасти разрушены, чернѣетъ въ глубинѣ старой гавани и напоминаетъ о временахъ давнопрошедшихъ, когда Бари былъ окруженъ почти неприступными стѣнами и былъ послѣднимъ оплотомъ византійской власти въ Южной Италіи. Нынѣ уцѣлѣлъ только этотъ замокъ, обращенный въ тюрьму. Замокъ не такъ хорошо сохранилъ свою средневѣковую фізіономію, какъ величавый и грозный замокъ Анжуйскихъ королей (*Castel Nuovo*) въ Неаполѣ, бывший королевскою резиденціей и цитаделью противъ безпокойнаго населенія столицы.

Въ узлѣ старинныхъ извилистыхъ улицъ, въ трехъ минутахъ разстоянія между собою, стоятъ упомянутые храмы, единственные достопримѣчательности Бари. Обѣ церкви возникли въ XII в., потому похожи одна на другую.

Построенный въ 1134 г., соборъ, или *La Chiesa Madre*, какъ называютъ его Баряне, построенъ во имя св. Сабина, по плану трехнефной базилики изъ тесанаго камня, на которомъ кое-гдѣ

сохранилась штукатурка. Западный фасадъ раздѣляется соответственно нефамъ на три части пиластрами и прорѣзанъ тремя дверями. Средняя часть выше остальныхъ и покрыта довольно отлогою двускатною кровлей, боковыя — односкатными. По карнизу идутъ небольшія глухія арки, подъ ними въ среднемъ отдѣленіи круглое окно, заложено для того, чтобы придать ему изысканное очертаніе въ стилѣ рококо. Въ такомъ манерномъ вкусѣ придѣланы наличники и скульптурныя мраморныя украшенія всѣхъ трехъ дверей. Въ половинѣ прошлаго столѣтія почтенное норманское зданіе подверглось безжалостному обновленію. На суроваго громаднаго норманна въ кольчугѣ и коническомъ шпикаѣ надѣли кружевной галстукъ и обули въ придворные башмаки съ красными каблуками. Снаружи стѣны были облѣплены вычурными нишами и статуями, внутри штукатурка покрыла не только стѣны, но даже и колонны, при чемъ старинныя капители были замѣнены новыми. Въ боковыхъ нефахъ устроены капеллы и въ числѣ запрестольныхъ иконъ находится картина, приписываемая Тинторету, не производящая, впрочемъ, особеннаго впечатлѣнія. Отъ бѣлыхъ стѣнъ и обильной позолоты, отъ пестрыхъ алтарныхъ украшеній въ устарѣломъ и жеманномъ стилѣ прошлаго столѣтія, соборъ кажется пестрымъ и старомоднымъ, но, видимо, поддерживается усердно и старательно. Болѣе интереса представляетъ обычная въ древнихъ базиликахъ нижняя церковь — крипта. Двадцать четыре приземистыя колонны, въ три ряда, поддерживаютъ высокіе тяжелые своды крипты. Главную святыню собора и его главную достопримѣчательность составляетъ находящаяся тамъ икона Божіей Матери. По преданію, она привезена изъ Константинополя въ эпоху иконоборства и потому имѣетъ тысячелѣтнюю древность. Эта икона покрыта золоченою ризой и хранится въ особомъ кіотѣ за зеленою шелковой завѣсой. По моей просьбѣ завѣсу отодвинули и даже начего отъ меня не приняли за эту любезность противъ общенталянскаго обычая. По письму икона похожа на новыя аѳонскіе образа. Младенецъ Христосъ въ короткомъ хитонѣ, въ той же позѣ, какъ въ изображеніи Владимірской Божіей Матери. Лики свѣтлые, желтоватые. Богоматерь увѣнчана короною, что означаетъ, что папа призналъ икону чудотворною. Тысячелѣтняя древность этой иконы возбуждаетъ силь-

ныя сомнѣнія, но происхожденіе иконы съ греческаго востока весьма вѣроятно.

Не смотря на то, что богослуженія не было, въ соборѣ было много народу, хотя молящихся я не замѣтилъ.

Въ основныхъ чертахъ базилика св. Николая похожа на соборъ: тотъ же троечастный фасадъ, раздѣленный пилястрами, тотъ же арочный карнизъ; только средняя часть съ болѣе заостреннымъ фронтономъ. Массивная, гладкая стѣна средняго нефа прорѣзана тремя небольшими парными окнами съ круглымъ верхомъ, а на каждомъ изъ боковыхъ отдѣленій находится по одному такому же окну. По сторонамъ фасада стоятъ недостроенныя невысокія башни. Снаружи базилика спаслась отъ усердія реставраторовъ и сохранилась въ первоначальномъ видѣ, если не считать трехъ нишъ со статуями позднѣйшаго издѣлія. Въ общемъ, фасадъ базилики производитъ прекрасное и серьезное впечатлѣніе. Всѣ три двери выходятъ на площадку, поднятую надъ улицей на четыре ступени. Главный порталъ представляетъ арку, прикрытую трехъугольнымъ наличникомъ, наверху котораго стоитъ обломанная статуя ангела, а, можетъ быть, крылатый сфинксъ, по угламъ — львы. На аркѣ плоско вырѣзанные конные воины въ норманскихъ невысокихъ шишакахъ и кольчатыхъ рубахахъ, одинаковыхъ съ тѣми, которые вышиты на коврѣ королевы Матильды, изображающемъ нашествіе Вильгельма Завоевателя на Англію. Фигуры очень малы, повывѣтрились; смыслъ этой воинственной кавалькады теменъ. Внутри арки старинное рельефное изображеніе св. Николая среди десяти сценъ изъ его житія. Столь же богато украшено обрамленіе закругленной двери внутри портала. Арка двери покрыта барельефами, которые съ боковъ внизу поддерживаются атлантами. Сюжетъ барельефа — древо, исходящее съ одной стороны изъ рта оленя, съ другой — изъ вазы. Въ завиткахъ этого древа сидятъ птицы, слонъ, на которомъ два человѣка съ вздѣтыми къ вѣткѣ руками, кентавръ и два всадника на единорогѣ и на львѣ.

По словамъ прекраснаго путеводителя Гзель-Фельса, колонны портала утверждаются на странныхъ животныхъ, похожихъ на бегемота. Присмотрѣвшись къ нимъ, я нашель у нихъ по два углубленія во лбахъ, очевидно, для роговъ, которые

исчезли. У входа церкви стояли не бегемотообразныя чудища, а быки, не искусно изваянные, присутствіе которыхъ объясняется сказаніемъ о построеніи базилики.

Внутренность базилики производитъ безпокойное впечатлѣніе пестротой украшеній различныхъ стилей и эпохъ. Яркая, раззолоченная живопись и орнаментація потолка и алтарной апсиды не мирится съ древними колоннами и полукруглыми арками, идущими вдоль и поперекъ храма. Шесть боковыхъ капеллъ, щедро изукрашенныхъ картинами и бѣломраморною скульптурой нарушаютъ серьезность и простоту основного характера первоначальной базилики. Приспособленія къ современнымъ вкусамъ и потребностямъ прихожанъ, неизбѣжныя повсюду, гдѣ храмъ удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ живой церкви, а не сдѣлался археологическою достопримѣчательностью свѣтскаго вѣдомства, въ базиликѣ св. Николая выражаются слишкомъ рѣзко, какъ бы скачками, безсвязно. То же самое тревожное чувство испытывалъ я почти повсюду въ Италіи; въ Россіи и въ православныхъ храмахъ Востока оно пробуждается рѣже. Въ Италіи жизнь врывается въ древній храмъ, не считаясь съ прошлыми временами, съ прешедшими набожными поколѣніями и, когда нужно, безъ колебанія уродуетъ почтенныя приношенія, памятники благочестиваго ихъ усердія и подчасъ болѣе изящнаго вкуса. Съ эстетической точки зрѣнія ученныя реставраціи собора Парижской Богоматери или Святой Капеллы (La Sainte Chapelle) покажутся болѣе привлекательными, но молитва ушла изъ нихъ: осталась одна омертвѣлая архитектурная красота или археологическое тщеславіе.

Широкій и высокій средній нефъ барійской базилики отдѣляется отъ боковыхъ двѣнадцатью арками, по шести съ каждой стороны, утвержденными на гранитныхъ и мраморныхъ колоннахъ. На такихъ же колоннахъ перекидываются черезъ этотъ нефъ три огромныя арки, устроенныя для укрѣпленія верхнихъ стѣнъ. Верхними частями эти арки достигаютъ уровня тройчатыхъ оконъ, которыми освѣщаются хоры надъ сводами боковыхъ нефовъ, а еще выше хоровъ прорѣзанъ въ наружныхъ стѣнахъ главнаго нефа рядъ небольшихъ оконъ съ цвѣтными стеклами, непосредственно освѣщающихъ главный нефъ. Длинная средняя галлерея завершается высокою и свѣтлою полукруглою апси-

дой, алтаремъ, который отдѣляется отъ нефа тремя богато украшенными арками меньшей высоты на четырехъ изящныхъ колоннахъ, соединенныхъ внизу низенькою алтарною преградой.

Потолокъ средняго нефа плоскій и пестро расписанъ. На хорахъ потолка нѣтъ и стропила остались не закрытыми, какъ вообще въ первоначальныхъ базиликахъ, напримѣръ, въ Вилеємѣ. Стѣны и арки выбѣлены.

Вся орнаментальная роскошь сосредоточена, по древнему разумному обычаю, въ алтарѣ, дабы не развлекать по сторонамъ вниманія молящихся, но сосредоточивать его на святомъ мѣстѣ. Отступя отъ преграды поднимается на четырехъ ступеняхъ престоль (св. трапеца) и за нимъ — горнее мѣсто. Вертикальныя стороны ступеней богато украшены барельефнымъ орнаментомъ.

Престоль, устроенный изъ мрамора въ 1120 г., сохранилъ древнюю кубическую форму и выложенъ мозаическою инкрустаціей въ видѣ крестовъ. Вокругъ него, на углахъ помоста, стоятъ колонны, съ ангелами, въ капителяхъ коринтскаго стиля двухъ переднихъ колоннъ. На сихъ послѣднихъ утверждены архитравъ съ надписью, а въ среднѣй надписи исполнено чернетью (niello) коронованіе Рожера I Николаемъ Чудотворцемъ. По архитраву устроены невысокіе столбики, поддерживающіе восьмигранную открытую сверху пологую крышу, а на ней новый рядъ такихъ же столбиковъ, на которыхъ покоится низкій восьмигранный шатеръ. Общій характеръ алтарной сѣни мелокъ и не согласованъ съ величавыми круглыми линиями, господствующими внутри зданія. Позади сѣни сохранился древній, низенькій епископскій тронъ, современный основанію базилики. Стѣны апсиды сплошь покрыты внизу мозаическими орнаментами и обшиты разноцвѣтнымъ мраморомъ, а сверху двумя рядами картинъ. Въ сводѣ апсиды — Христосъ съ св. Николаемъ и Францискомъ.

Позади престола добрая половина апсиды загромождена надгробнымъ памятникомъ польской королевы Боны (†1558). Это цѣлое декоративное зданіе изъ разноцвѣтныхъ темныхъ мраморовъ съ фронтономъ, колоннами, нишами, барельефами и статуями. Наверху бѣломраморный рельефъ — Христово Воскресеніе; подъ нимъ бѣлая статуя королевы, стоящей на колѣняхъ на черномъ саркофагѣ. Внизу статуи, изображающія

полулежащихъ Польшу и Бари, и на постаментѣ—гербъ Польши, въ нишахъ—статуи св. Николая и Станислава—патрона Польши въ епископскихъ облаченіяхъ позднѣйшей формы. Весь памятникъ, тяжелый и банальный, свидѣтельствуетъ о наступающемъ паденіи искусства и сдѣланъ въ Венеціи по заказу короля Сигизмунда III въ 1598 году.

Отъ алтарной преграды двѣ лѣстницы ведутъ въ нижнюю церковь, находящуюся подѣ алтаремъ. Массивныя романскія арки крестовыхъ сводовъ тяжело опускаются на непропорціо-нально широкіе абакі коринтскихъ капителей и какъ бы вгоняютъ приземистыя мраморныя и гранитныя колонны въ каменный полъ, на которомъ онѣ стоятъ непосредственно стволами базы, какъ въ дорической колоннѣ, но одинаковой толщины вверху и внизу. Стволы колоннъ не гладкіе, а покрыты спиральными и гранеными насѣчками и тяжелыми капителями коринтско-византійскаго стиля. По угламъ онѣ осложнены виноградными гроздьями, между завитками видны птицы, львы, волки, собаки, терзающія другихъ звѣрей. Всѣхъ колоннъ 28, расположенныхъ по ширинѣ церкви въ три ряда. Алтарная часть, на одномъ уровнѣ съ поломъ крипты, отдѣлена отъ церкви бронзовой рѣшеткой; на срединѣ ея находится главный престолъ, а справа отъ него ризница. Подѣ престоломъ, глубоко подѣ землю хранится главная святыня Бари—муроточивыя мощи Николая Чудотворца.

Сначала въ ризницу. Привѣтливые священники освѣдомились о моей національности, охотно согласились отслужить молебенъ и допустить меня къ обозрѣнію мощей и святой маниѣ, какъ называется муро, облачили въ свои короткія разрѣзныя сбоку фелони, отперли и тотчасъ же заперли за нами предалтарную рѣшетку, около которой тотчасъ же собралась кучка женщинъ. Молебенъ былъ свѣтъ, конечно, по-латыни съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ сего принесли двѣ серебряныя чашечки на цѣпочкахъ и въ одну чашку прилѣпили восковую свѣчку. Приподнявъ покровъ престола, дьячекъ уползъ съ этою чашечкой подѣ престолъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Я увидаль глубокое отверстіе въ четверть шириною въ родѣ трубы и, при свѣтѣ свѣчки, на днѣ—двѣ желтыя и влажныя голенныя

кости, лежація рядомъ и закапанныя воскомъ. Дьячекъ еще разъ слязиль подъ престолъ и вынесъ оттуда въ другой чашкѣ около стакана прозрачной жидкости. Это и была святая манна, муро, въ которое погружены мощи и источаемое ими. Оно названо манною потому, что постоянное истеченіе ея также необъяснимо, какъ появленіе ветхозавѣтной манны. Множество чудесныхъ исцѣленій отъ этой манны занесено въ житія св. Николая по перенесеніи св. мощей въ Барь-градъ. Манна имѣетъ вкусъ чистой воды и никакого запаха, но она слегка прилипала къ золоченымъ стѣнкамъ чашечки. Отпивъ немного, я передалъ остатокъ женщинамъ, усердно молившимся за рѣшеткою и получилъ множество благословеній и благодарностей: пили манну по капелькѣ, съ видимымъ благоговѣніемъ, но дьячекъ довольно грубо торопиль эти кроткія существа. Приобрѣтя герметически закупоренную кристальную скляницу съ манною, я пересмотрѣлъ книгу, въ которую богомольцы вносятъ свои имена. Она начинается Августѣйшимъ именемъ Государя Императора, посѣтившаго Бари во время своего путешествія на Востокъ въ 1892 году. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько страницъ съ записями русскихъ поклонниковъ со всѣхъ краевъ Россіи; между ними три или четыре иностранныхъ, какой-то баварскій монахъ — баронъ.

Перенесеніе мощей Николая Чудотворца изъ Ликійскихъ Муръ въ Бари совпадало съ эпохою того чрезвычайнаго религіознаго напряженія, которое вызвало въ Западной Европѣ крупныя реформы Григорія VII и крестовые походы. Почитаніе св. мощей достигло высшей степени. Всѣ освобождающіяся отъ феодальныхъ господъ общины страстно желали обладать священными останками какого либо святого и поставить себя подъ его непосредственную, ближайшую защиту. Удовлетворяя этому стремленію, папа Викторъ II, епископъ Эйхштадтскій, канонизовалъ нѣсколько новыхъ святыхъ, но потребность все-таки не была удовлетворена въ достаточной степени и это религіозное стремленіе разразилось въ началѣ XIII вѣка походомъ крестоносцевъ на Царь-градъ, преисполненный множествомъ священныхъ реликвій, составлявшихъ главную часть награбленной добычи. Какіе удивительные предметы находились

тамъ, можно узнать изъ путешествія Антонія Новгородскаго наканунѣ константинопольскаго погрома латинянами *).

Слава св. Чудотворца была издавна распространена по всей западной Европѣ, даже въ предѣлахъ далекой Испаніи, въ особенности же въ странахъ приморскихъ. Престольный городъ его—Муры Ликійскія, лежали на пути восточной торговли и часто посѣщались мореходами всѣхъ національностей. Въ концѣ XI вѣка Муры находились во владѣніи турокъ-сельджуковъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, ближе къ морскому берегу, стояла ветхая базилика, въ которой подъ церковнымъ помостомъ, подъ спудомъ, находились мощи св. архіепископа, оберегаемыя четырьмя иноками. Одновременно у Венеціанцевъ и у Барянъ, торговавшихъ дѣятельно съ Левантомъ, зародилась мысль похитить драгоцѣнную святыню.

Страстное желаніе Барянъ овладѣть мощами святителя, уже прославленнаго многими чудесами, совершенными на морѣ, перешла у мореходнаго населенія въ увѣренность, что самъ святитель требуетъ водворенія своего нетлѣннаго тѣла въ ихъ городѣ. Въ ночномъ видѣніи онъ явился нѣкому пресвитеру праведной жизни и повелѣлъ возвѣстить народу волю свою, чтобъ мощи были взяты изъ безлюднаго мѣста въ Ликии и перенесены въ Баръ-градъ. Это сверхъестественное откровеніе было послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію назрѣвшаго намѣренія. Семнадцать именитыхъ родовъ, потомки конхъ и до нынѣ живутъ въ Бари, какъ утверждаетъ мѣстный авторъ житія св. Николая, снарядили три корабля, нагрузили пшеницею, пригласили нѣсколькихъ священниковъ и отправились въ Антиохію. Тамъ европейское сырье обмѣнивалось на произведеніе высокой промышленности Востока и прежняя столица Сиріи еще сохраняла свое древнее значеніе главнаго пункта соприкосновенія между народами западными и восточными.

Продавая пшеницу, покупая восточныя ткани, Баряне столкнулись съ Венеціанами, и прознали, что и эти послѣдніе прибыли съ такимъ же намѣреніемъ, какъ и они. Не теряя времени Баряне посѣщили въ обратный путь. Въ первыхъ числахъ апрѣля корабли пристали къ мурликійскому берегу.

*) См. также *Exuviae constantinopolitanae*, par le comte Riant.

Обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе благопріятно. Магометане весело справляли праздникъ большого байрама въ городѣ, и не обращали вниманія на морской берегъ и уединенную базилику. Баряне, вооружившись на всякій случай, безпрепятственно высадились и, прибывъ въ храмъ, попросили монаховъ показать имъ мѣсто упокоенія святителя. Считая моряковъ за обыкновенныхъ богомольцевъ, хранители святыни исполнили ихъ желаніе. Тотчасъ взломали помость и нашли подъ нимъ гробницу, наполненную благовоннымъ мвромъ, истекавшимъ изъ мощей. Чудотворныя кости были извлечены, завернуты въ плащи, мвро вычерпано въ сосудъ и драгоценную пошу подняли на свои плечи барійскіе священники, моряки же съ обнаженными мечами составили охрану. Греческіе черноризцы были безсильны помѣшать хищенію. Двое изъ нихъ, однако, рѣшились не разставаться съ драгоценнымъ залогомъ, ввѣреннымъ ихъ храненію, и послѣдовали за нимъ на корабль. Между тѣмъ мвро продолжало истекать, пришлось обмотать мощи многими тканями, но и тѣ безостановочно пропитывались мвромъ въ продолженіе трехдневнаго благополучнаго плаванія до Бари. На закатѣ солнца, въ воскресенье 9 мая 1087 года, горожане по обыкновенію наслаждались вечернею прохладой на пристани и вдругъ вдали показались знакомые корабли. Косвенные лучи солнца ярко освѣщали разноцвѣтные гербовые щиты, которыми увѣшаны были борты и носы судовъ, въ знакъ того, что смѣлое предпріятіе удалось съ полнымъ успѣхомъ. Ликованіе было всеобщее. На встрѣчу святынь вышло все городское духовенство съ епископами и монахами, воспѣвая гимны и воскуря оуміамъ, и съ ними все народное множество, отъ мала до велика, — жены и дѣти съ горящими свѣчами. Мощи временно положены были въ ближайшей церкви св. Іоанна Предтечи, стоявшей у морского берега. Въ теченіе четырехъ дней произошло 110 чудесныхъ исцѣленій отъ различныхъ недуговъ. Къ чудотворнымъ мощамъ стекались толпы поклонниковъ отовсюду, куда только проникала вѣсть о пришествіи св. Николая въ Барійскую землю; нѣкоторымъ являлся и самъ святитель. Начался щедрый притокъ пожертвованій, а съ ними пробуждались и недобрыя любостыжательныя вождельнія. Соборное духовенство требовало мощи въ соборъ. Моряки ихъ не давали, возна-

мѣрившись выстроить особый храмъ. Городъ раздѣлился на двѣ враждующія партіи и распря доходила не разъ до кровавыхъ стычекъ. Наконецъ согласились передать дѣло на волю Божию. Мощи были возложены на телѣгу, запряженную парю быковъ: гдѣ быки остановятся, тамъ и воздвигнуть церковь: если на церковной землѣ, то мощи поступятъ въ вѣдомство духовной власти, если на городской территоріи, то архіепископъ Барійскій не долженъ притязать на обладаніе ими. Быки остановились на мѣстѣ нынѣшней базилики и вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу города, хотя, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ*), участокъ земли принадлежалъ герцогу Апулійскому Рожеру и прилегалъ къ его дворцу. Герцогъ отдалъ и дворецъ и землю на сооруженіе базилики. Память объ этомъ дарѣ увѣковѣчена на архитравѣ алтарной сѣни въ изображеніи св. Николая дарующимъ Рожеру вѣнецъ небесный. Донныѣ базилика не зависитъ отъ архіепископа и подчинена непосредственно папѣ, но папская курія, впрочемъ, не особенно благосклонно смотритъ на нѣкоторыя дѣйствія капитула базилики.

Немедля приступили къ постройкѣ базилики. Мощи, по прежнему, оставались въ Предтечинской церкви. 30 сентября 1089 года папа Урбанъ II освятилъ нижнюю церковь и муроточивыя мощи положилъ, какъ въ Мурахъ Ликійскихъ, глубоко подъ землею, подъ престоломъ. Какъ закладка, такъ и освещеніе церкви были ознаменованы явленіями и чудесами. Верхняя базилика была отстроена уже при папѣ Целестинѣ III въ 1197 году. Въ порталѣ изображена пара быковъ, указавшихъ мѣсто сооруженія церкви.

Богато одаряемая королями анжуйской династіи, нынѣ знаменитая базилика уже не въ прежней славѣ. Прежній наплывъ богомольцевъ и щедрія приношенія сильно уменьшились, неизмѣнно вѣрными остались только заморскіе Албанцы греческой вѣры, да ежегодно заходятъ 10—15 русскихъ паломниковъ. До недавняго времени они пользовались даровымъ пріютомъ въ двухъ комнаткахъ, принадлежащихъ архіепископу, рядомъ съ базиликой, но теперь тамъ устроена городская школа и мѣста

*) La vie admirable de Saint Nicolas surnommé le Grand, Archevesque de Myre. Par Nicolas de Bralion. Paris, MDCLIII, p. 144.

для нашихъ больше нѣтъ. Около собора пріютилось нѣсколько лавочекъ, гдѣ можно пріобрѣсти житія св. Николая на итальянскомъ языкѣ, склянки съ мвромъ, четки, медали, фотографическія и хромофотографическія изображенія святителя. На медаляхъ онъ изображенъ съ длинною бородой, съ архипастырскимъ жезломъ въ шуйцѣ, съ благословляющею десницею, въ восточномъ облаченіи, съ тремя отроками въ корзинѣ, спасенными отъ потопленія. Продавецъ сообщилъ, что эти медали изготовляются въ Петербургѣ. Живописныя изображенія представляютъ Николая Чудотворца общепринятаго у насъ типа, въ желтой фелони, съ архіерейскою палицею и греческимъ жезломъ, но омофоръ и остальное облаченіе латинское; болѣе древнее изображеніе находимъ на иконѣ, очень неискускаго письма: святитель благословляетъ троеперстнымъ знаменіемъ креста, облаченъ въ крестчатый греческій саккосъ и широкій омофоръ, въ лѣвой рукѣ Евангеліе, на рукахъ поручи. Очевидно, что эта икона не восходитъ далѣе XVIII вѣка. Такимъ образомъ, древнихъ изображеній святителя въ Бари—нѣтъ.

Поздно вечеромъ я оставилъ Бари и утромъ былъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ съ точки зрѣнія древняго христіанскаго искусства городѣ Италіи—въ Равеннѣ.

И. И. Ясинский.

ДЕРЕВЬЯ-ВАМПИРЫ.

(ОТРЫВОКЪ).

...Кладбищенскія деревья—вы замѣтили?—особенно зелены. Каждый листочекъ ихъ дрожить и трепещеть, полный таинственнаго оживленія. Въ общемъ же тѣни, бросаемаы деревьями, такъ мрачны и такъ спокойны, и такъ прохладны, что кажется, будто тамъ, вокругъ ихъ могучихъ, жизнерадостныхъ стволовъ, толпятся блѣдные призраки покойниковъ и какъ бы жалуются и шепчуть своими безплотными губами: «Вотъ на какую работу уходитъ наша энергія. Эти деревья высасываютъ соки изъ насъ, и, чѣмъ старѣе они становятся, тѣмъ призрачнѣе мы, тѣмъ тоньше воспоминанія о насъ, тѣмъ отдаленнѣе звукъ нашего имени».

Деревья стоятъ и шумятъ, и угрюмо смотрятъ, какъ прожорливые великаны. И потому мнѣ стало такъ жутко. Я шелъ подъ сводомъ, образуемымъ ихъ толстыми вѣтвями, которыми они переплелись между собою въ дружескомъ вѣковѣчномъ порывѣ, и почти зналъ, что они также относятся ко мнѣ, какъ гастрономъ, который проглотилъ еще не всѣхъ устрицъ и оставляетъ десятокъ-другой на будущее время, не вскрывая ихъ

ножомъ. Или, можетъ быть, такъ поварь, ошпарившій сегодня множество цыплятъ и зажарившій ихъ на вертелѣ, посматриваетъ на живыхъ ихъ товарищей, робко бѣгающихъ вокругъ кухни, и думаетъ: «Пусть еще подростутъ. Все равно, отъ участи своей не уйдутъ».

И не только деревья плотоядно простирали надо мной свои вѣтви, не только каждый листочекъ ихъ устремлялъ на меня свой зеленый глазъ съ тайнымъ сластолюбіемъ, но и одичалые цвѣты внизу, у ихъ корней розы, тянувшіяся изъ сумрака на высокихъ и гнилыхъ стебляхъ,—мелкія, красныя, какъ дѣтскіе ротки, и ландыши, кожистые, напоминающіе собою ряды бѣлыхъ зубовъ, и разные желтые, лиловые, и алые, какъ капли крови, цвѣточки, и пышно разрастающіеся кустарники, и тотъ страшный лопухъ, который пугалъ даже Евгенія Базарова.

Обмѣнъ веществъ, круговоротъ жизни. Кости акробата идутъ на образованіе твердыхъ волоконъ акаціи, которая такъ цѣнится каретниками и употребляется на спицы.

Изъ мозга земскихъ дѣятелей и отцовъ города произрастаетъ камка и смолка. Врачи, вѣроятно, превращаются въ звѣробой; барышни, разумѣется, въ розы; дѣти—въ фіалки и незабудки. Кромѣ того, всѣ эти деревья—продукты превращенія. Птицы, которыя выютъ въ нихъ гнѣзда, кажутся порхающими душами. Бабочки—въ особенности и ночные мотыльки—по преимуществу. Сложивъ пестрыя пушистыя крылья и выдвинувъ впередъ неподвижные нитеобразныя усики, эти ночныя созданія притаились подъ листочками и отъ неосторожнаго прикосновенія къ вѣткамъ, протянувшимся черезъ дорогу, просыпаются и съ тревогой пролетаютъ мимо меня. Да, круговоротъ жизни! Давно сказано, что мы прахъ и потому должны обратиться въ прахъ. Но, однако, отчего же такъ жутко въ этомъ чужаедномъ лѣсу, въ этомъ царствѣ тѣнистыхъ, раскидистыхъ, могучихъ растительныхъ вампировъ?

Самыя роскошныя надгробія, памятники, сдѣланные изъ гранита и чугуна, даже этотъ единственный мраморный мавзолей, въ которомъ покоятся останки мѣстныхъ богатыхъ купцовъ Пипочкиныхъ, не говоря ужъ о безчисленномъ множествѣ деревянныхъ крестовъ, изъ которыхъ немногіе сохранили отвѣсное положеніе и чериѣются направо и налево въ зеленомъ полу-

свѣтъ кладбищенскаго дня подъ своими кровельками и навѣсками, какъ грибы какой-то особой, странной породы — имѣютъ такой приниженный, смиренный, безпомощно-жалкій видъ. Холодомъ вѣть, ужасомъ. Я не могъ бы улыбнуться въ этомъ мѣстѣ и, ужъ, конечно, не могъ бы смѣяться. Я поневолѣ становлюсь серьезень. Легкій воздушный призракъ смерти вскарабкался мнѣ на спину и шевелить на моемъ затылкѣ волосы. Я иду. Мнѣ мерещатся десятки, сотни тысячъ жизней, поглощенныхъ за много лѣтъ этой жирной, влажной, жадной землей, покрытой деревьями, цвѣтами, слоемъ прошлогоднихъ листьевъ. Уныло перекликаются птицы тамъ и здѣсь. За ноги мои цѣпляются и не мѣшаютъ мнѣ идти — онѣ безтѣлесны, онѣ легче тѣхъ пушинокъ, которыя носятся въ воздухѣ послѣ смерти одуванчика — милыя безкровныя тѣни малютокъ, погибшихъ жертвою людской жестокости, людскаго эгоизма. Мнѣ припоминаются самоубійцы, которыхъ было въ нашемъ городѣ нѣсколько въ теченіе трехлѣтняго моего служенія въ управѣ. Застрѣлился офицеръ, проигравшійся въ карты; зарѣзался молодой человекъ, чиновникъ губернскаго правленія, отъ безнадежной любви къ гувернанткѣ вице-губернатора; отравился гимназистъ изъ-за двойки. Мнѣ припоминается сиротскій домъ, въ которомъ выживаетъ только одинъ изъ ста младенцевъ. На той лужайкѣ, которая еще никѣмъ не занята и ждетъ покойниковъ, свѣтлая, какъ изумрудъ, и залитая лучами блѣдно-золотистаго солнца — день все такой же перламутровый — не играютъ ли эти несчастныя безыменные дѣти незримымъ сонмомъ, не рѣзвятся ли ихъ крошечныя, оскорбленныя еще въ колыбели и сознательно загубленныя души? Нѣтъ, это рой маленькихъ сѣренскихъ ничтожныхъ мотыльковъ, кладбищенской моли, радующейся солнцу.

.

К. С. Баранцевичъ.

СПАСЕННЫЙ.

Студентъ-медикъ Вельсановъ съ утра почувствовалъ такую нудьдѣ, такое щемленье сердца, что рѣшилъ не идти сегодня на лекціи. Отъ его форменнаго сюртука, висѣвшаго тутъ же, подлѣ кровати, и теперь еще слегка отдавало тонкимъ трупнымъ запахомъ, но въ воображеніи первокурсника-студента этотъ запахъ казался очень сильнымъ и непереноснымъ, и онъ радовался мысли—облечься въ поджачную пару, приобретенную по случаю окончанія гимназіи и лежавшую въ комодѣ безъ употребленія. Надѣтъ поджакъ, и выйти на улицу, и хоть часъ, полтора, подышать чистымъ воздухомъ,—вѣдь это цѣлое блаженство послѣ атмосферы анатомическаго театра и лабораторіи.

Вельсановъ вышелъ изъ дому и пошелъ привычнымъ путемъ—по Литейному, къ Невѣ. Онъ и не думалъ о выборѣ маршрута прогулки,—какъ-то сами ноги понесли. Вельсановъ былъ средняго роста, очень тощій, малокровный юноша, съ сѣрыми, мечтательными глазами и тонкими чертами лица. У него была привычка ходить приподнявъ немного худыя плечи и спрятавъ въ нихъ голову, а теперь на десяти-градусномъ морозѣ, въ осеннемъ и довольно потертомъ пальто, Вельсановъ и совсѣмъ съѣжился.

Медленно подвигаясь, студентъ пытался разобраться въ своихъ ощущеніяхъ. Почему онъ такъ поздно всталъ и съ головою, точно налитой свинцомъ? Почему, вмѣсто того, чтобы вскочить, по привычкѣ броситься умываться и торопиться на лекціи, онъ долго потягивался на своемъ клеенчатомъ диванѣ, что-то припоминая, о чемъ-то соображая и рѣшилъ, наконецъ, не идти въ академію? Откуда эта лѣнь, эта душевная слабость и тоска?

«Я что-то видѣлъ во снѣ, припоминалъ онъ, не доходя до моста и сворачивая налѣво по набережной, — что-то тяжелое... но что именно?»

Рыжій, краснощекій, совсѣмъ какой-то огненный дворникъ, вооруженный метлой, сталъ прогонять съ тротуара мальчишку-спичечника и толкнулъ его въ спину. Мальчишка клюнулъ носомъ, поправилъ съѣхавшую на глаза шапку и, ни слова не говоря, перешелъ черезъ улицу.

«Это былъ какой-то ужасно тяжелый сонъ, все припоминалъ Вельсановъ, и опять-таки, кромѣ общаго впечатлѣнія тяжести, тоски и обиды, смѣнившихся подъ конецъ странно радостнымъ чувствомъ, — ничего припомнить не могъ.

«Было что-то похожее на то, что я видѣлъ сейчасъ! сказала самъ себѣ Вельсановъ, — но, все-таки, не то, нѣтъ, не то, далеко не то! ну, да Богъ съ нимъ, и съ сномъ-то! припомню когданибудь».

Онъ дошелъ до памятника Суворова, и на площадкѣ, гдѣ прежде былъ Троицкій мостъ, встрѣтилъ бывшего товарища по академіи, Пухлина, перешедшаго на юридическій.

— Здравствуйте! сказалъ Пухлинъ, крѣпко пожимая руку медика и оскаливъ бѣлые, какъ молоко, зубы. Гуляете, или изъ академіи!

— Нѣтъ, гуляю!

— А я зашелъ въ университетъ, отмѣтился, да и думаю: пойду освѣжиться. Вчера у насъ такая была прятка!

— Гдѣ? Въ экономическомъ?

— Да! До двухъ часовъ, да безъ передышки.

— Ну, и что же?

— Да ничего. Такъ! то сей, то оный на бокъ гнется. Но мы побѣдимъ, несомнѣнно. Противникъ нашъ выдохся оконча-

тельно, только жалкія слова умѣть говорить, а нынче на жалкихъ словахъ не выйдешь. Принципъ экономическій на первомъ планѣ, а это такой, батенька, двигатель, такой... Отъ чего не ходите?

— Такъ! Много было народу?

— Яблоку негдѣ было упасть! стояли! задніе на стульяхъ даже.

— А! Вы говорите большая толпа была?

— Человѣкъ двѣсти, пожалуй. Что? Вы хотѣли что-то сказать?

На лицѣ Вельсанова промелькнуло выраженіе, какое бываетъ у человѣка, внезапно, неожиданно схватившаго что-то памятью.

— Я? Нѣтъ, ничего! пробормоталъ онъ,—я только припоминать по поводу того, что была толпа и споры были... Я какъ будто припомнилъ сонъ!

— Сонъ? Что это вы!

Пухлинъ, съ насмѣшкой, пристально взглянулъ ему въ глаза.

— Пустяки, конечно! то же видѣлъ толпу... Вы не находите, что въ толпѣ есть что-то устрашающее?

— Нисколько! Впрочемъ, какая толпа! Если толпа дикарей, то, конечно, оно должно быть страшно, но если это толпа здравомыслящихъ и въ особенности единомыслящихъ людей, то это можетъ быть только пріятнымъ.

— Н... не знаю! до свиданья!

Онъ быстро простился съ товарищемъ и пошелъ домой. И когда онъ пришелъ въ свою маленькую, въ одно выходившее на темный дворъ окно комнатку, сѣлъ къ столу и взялся за перо, ему вдругъ отчетливо припомнился его странный сонъ и вотъ какъ онъ записалъ его...

«...Я все время помнилъ, что это былъ сонъ, но я считалъ его правдой. Въ немъ не было ни одной реальной сцены изъ современной дѣйствительности и между тѣмъ онъ былъ полонъ намеками на нее. Я до сей минуты не могу оправиться отъ впечатлѣнія, которое оставилъ во мнѣ этотъ сонъ, отъ того ощущенія радостной экзальтаціи, которое до сей минуты заставляетъ ускоренно биться мое сердце...

«Среди хаотическихъ грезъ, въ которыхъ пестрѣли калейдоскопомъ знакомыя и незнакомыя лица, перемѣшивались съ событіями, сценами даже, съ мыслями моими, иллюстрированными въ яркихъ, живыхъ картинкахъ,—я увидѣлъ себя, стоящимъ въ мрачной пещерѣ, холодные, каменные своды и стѣны которой давили мнѣ душу. Я былъ одинъ и чувствовалъ, что мнѣ долго, очень долго, если только не всегда, придется оставаться одному. Здѣсь не было выхода, не было даже входа и какъ я сюда попалъ—составляло тайну. Холодное отчаяніе было въ моей душѣ; я зналъ, что я не выйду отсюда и приготовился молча, безропотно, ожидать своей участи. Но въ ту минуту, когда чувство безнадежнаго отчаянія всеми оставленнаго, на-вѣки забытаго человѣка какъ бы окаменило мои члены и приковало ноги къ тому мѣсту, на которомъ я стоялъ,—въ самомъ далекомъ концѣ пещеры, въ перспективѣ холодныхъ, скалистыхъ и мрачныхъ стѣнъ, вдругъ заблестѣло пятнышко свѣта. Все мое вниманіе, вся душа моя приковались къ этому пятнышку, я ждалъ отъ него чего-то... а оно между тѣмъ все росло, росло, все ширилось, и наконецъ въ немъ, какъ въ рамкѣ... появился Христосъ. Онъ стоялъ, какъ рисуютъ Его всегда,—въ хитонѣ, съ длинными, падавшими на плечи, каштановыми волосами. Онъ только показался мнѣ, но я сразу понялъ не умомъ, а сердцемъ, всеѣмъ существомъ своимъ понялъ, что это Избавленіе, Спасеніе мое, моя Надежда, и что теперь ничто не страшно, не должно быть страшнымъ для меня... Въ порывѣ какого-то священнаго экстаза, съ сердцемъ, полнымъ любви и восторга, я простеръ къ Нему руки и голосъ, мой внутренній голосъ,—сказалъ мнѣ:

«— Помни Его!

«И картина сна перемѣнилась. По зеленымъ, съ бѣлыми гребешками, волнамъ далекаго, южнаго моря неся нашъ пароходъ. Знакомыя и просто когда-то встрѣчавшіяся лица были тутъ, на палубѣ, смотрѣли въ безбрежную, туманную даль и ждали. И я ждалъ того же, чего и они, эти люди,—конца нашего далекаго путешествія. И вотъ, наконецъ, мы пристали къ большому городу, который еще издали расплзался и свѣтился, какъ какое-то темное чудовище милліонами своихъ

огней—фонарей, между которыми электрическіе казались маленькими, перенесенными на землю, лунами.

«И вотъ я вступилъ на мостовую этого огромнаго, чужога города и снова почувствовалъ себя одинокимъ. Здѣсь все было чуждо мнѣ: зданія, улицы, люди, въ огромномъ количествѣ сновавшіе мимо, ихъ рѣчи. Я понялъ одно, что это былъ богатый, необыкновенно богатый, торговый и веселый городъ,—такъ тутъ все блестяло, такъ было оживленно. Огромныя, зеркальныя окна магазиновъ горѣли тысячами огней, желтыя полосы газоваго освѣщенія отражались на асфальтѣ тротуаровъ, по которымъ двигались цѣлыя толпы народу. Я пошелъ по одной изъ самыхъ большихъ, самыхъ оживленныхъ улицъ, на которой блѣдный, ровный свѣтъ электрическихъ фонарей еще ярче отбѣнялъ пятна ярко-желтаго газа. Вдругъ на улицѣ произошло необыкновенное смятеніе: между гулявшими толпами народа стали шмыгать мальчишки съ печатными листами бумаги и выкрикивать названія газетъ. Мнѣ казалось, что я понималъ языкъ, на которомъ говорили люди этого огромнаго города, я прислушивался къ говору людской толпы, похожей на ропотъ морскихъ волнъ и назойливому крику мальчишекъ, и чувствовалъ, что въ городѣ готовится что-то необыкновенно важное, какое-то событіе, имѣющее міровое значеніе, можетъ быть переворотъ. Толпы народа съ глухимъ, угрожающимъ шумомъ стекались изъ сосѣднихъ улицъ на эту главную и двигались все впередъ и впередъ. Надъ массой головъ возвышались знамена, флаги, значки и транспаранты съ изображеніемъ чьихъ-то лицъ и какихъ-то непонятныхъ воззваній.

«Толпа подхватила меня и вынесла на какую-то площадь, слабо освѣщенную, почти темную, но сплошь залитую народомъ.

«По срединѣ площади, по всей вѣроятности на какомъ нибудь помостѣ, то и дѣло появлялись фигуры ораторовъ. Люди о чемъ-то говорили, горячо и убѣдительно, какъ можно было заключить по ихъ жестамъ, но я ничего не слышалъ. И какъ ни убѣдительно говорили они, толпа тоже не хотѣла, а можетъ быть, за общимъ шумомъ и ревомъ, не могла ихъ слышать и ораторовъ точно кто сметалъ съ помоста,—такъ неожиданно, быстро они исчезали, а на ихъ мѣсто появлялись новые.

«Мнѣ надоѣло, мнѣ тяжело было это видѣть, я хотѣлъ уйти

и не могъ, будучи сдавленъ живымъ, горячимъ кольцомъ человѣческихъ тѣлъ. Я долженъ былъ находиться здѣсь, и я стоялъ и смотрѣлъ. И вотъ я увидѣлъ, какъ на помость вошелъ человекъ, по виду пролетарій, въ потертомъ пальто и фуражкѣ, изъ-подъ которой падали на плечи длинные каштановые волосы. Онъ говорилъ, и хотя я былъ такъ далеко отъ этого человека, что онъ мнѣ былъ чуть виденъ, я слышалъ все, до одного слова... Онъ заговорилъ о равенствѣ и дружбѣ людей между собою, о любви къ ближнему, о всепрощеніи, о смиреніи. Его перебивали, ему не давали говорить, шикали, свистали, со всѣхъ сторонъ ему кричали, что то, о чемъ онъ говоритъ, давнымъ давно всѣмъ извѣстно, что современная этика опровергла всѣ его тезисы, что проповѣдь смиренія есть пропаганда тупого спокойствія и реакціи, что люди слишкомъ долго ждали обѣщанныхъ благъ, чтобы ждать еще, и что все то, о чемъ онъ говоритъ, брошено и даже забыто... Не смущаясь этими криками, онъ все говорилъ. Съ грозными кликами толпа сомкнулась вокругъ него, въ ярости поднялись отовсюду руки, и произошла страшная сцена побоища. Люди били другъ друга кулаками, ногами, палками, зонтиками, бросали другъ въ друга камни, поднятые съ мостовой; схватившись за волосы и исцарапанные, избитые, окровавленные, падали подъ ноги бушевавшей толпы. Человекъ съ каштановыми волосами былъ давно въ ея власти. Истерзаннаго, избитаго, его водили по площади, со смѣхомъ показывали другъ другу и плевали на него.

«— Откажись, кричали ему, — откажись отъ безумной мысли, что люди братья, только откажись и признай идею возмездія и мы оставимъ тебя.

«Онъ молчалъ и его принимались позорить и бить снова. Чувство необычайной жалости къ этому человеку стѣснило мнѣ грудь. Я приблизился къ нему, я сталъ подлѣ и, воспользовавшись моментомъ, когда вниманіе его мучителей было отвлечено появленіемъ на трибунѣ новаго оратора, — я схватилъ этого человека за руку и потащилъ въ ближайшій переулокъ.

«Тамъ было темно. Никто не преслѣдовалъ насъ. Я слышалъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, подобно океанскому приливу, гудѣла толпа, какъ снова возобновилось побоище, слышалъ удары палокъ, крики, стоны... Ужасъ объялъ меня. Я

думать, что наступили послѣднія минуты міра. Прячась во мракѣ и сырости, подъ навѣсомъ подвального подъѣзда какого-то дома и все время держа за руку (точно я боялся, что онъ увидетъ отъ меня!) спасеннаго мною человѣка, я слышалъ, какъ со страшнымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ и бряцаніемъ сабель пронесся ураганъ и крики и гудѣнье на площади слились въ ужасный ревъ...

«Теперь имъ было не до насъ, несчастныхъ бѣглецовъ!

«Я повернулъ голову къ человѣку съ каштановыми волосами, онъ взглянулъ на меня кроткими, лучистыми глазами... да, да, это были тѣ же кроткіе, лучистые глаза, то же лицо, и внутренній голосъ сказалъ мнѣ:

«— Ты вспомнилъ Меня?»

«Сердце мое упало, и вдругъ забилося шибко и радостно. Какое-то неземное блаженство охватило меня. Большаго счастья, большаго восторга быть не могло на землѣ, и послѣ того, что случилось, нужно было только умереть у Его ногъ.

«И я проснулся...»

Вельсановъ дописалъ послѣднюю строчку, откинулся на спинку стула и задумался... Маленькое окно его комнаты темнѣло. По коридору, изъ помѣщенія хозяевъ, тянуло запахомъ пригорѣлаго сала. Этотъ запахъ напомнилъ студенту, что скоро будетъ обѣдъ. Потомъ—чай и сонъ, уже настоящій, реальный сонъ, вѣришь всего—безъ сновидѣній. Утромъ академія, лекціи, практическія занятія по анатоміи, скальпели, пинцеты, ножницы, гнилые трупы и трупный запахъ повсюду, даже въ складкахъ платя. А тамъ, дальше, сѣренькая жизнь врача, полковое общество, водка, карты...

Что-то стукнуло. Въ дверяхъ стоялъ Пухлинъ.

— Я къ вамъ! сказалъ онъ, крѣпко сжимая руку Вельсана и оскаливая бѣлые зубы,—забылъ тогда... Ну, да все равно. Вы какъ-то говорили, что у васъ остались по наслѣдству отъ прежняго обитателя вашей комнаты записки по политической экономіи. Можете ссудить?

— Сдѣлайте одолженіе.

Вельсановъ взялъ съ этажерки толстую книгу гектографированныхъ листовъ и подалъ товарищу.

— Послѣ экзаменовъ—верну! сказалъ Пухлинъ, взвѣши-

вая на рукѣ кипу, — вотъ тоже «наука!» жизнь безпрестанно, то и дѣло создаетъ новые законы, а мы все еще валяемъ по старымъ... А, вы это что? сочинительству предались?

— Ну, ужъ вы! Сонъ, знаете, видѣлъ очень того... интересный, взялъ и записалъ...

— Ахъ, опять сонъ? удивился Пухлинъ и протянулъ руку къ листу бумаги. — Можно?

— Сдѣлайте одолженіе.

Пухлинъ сталъ читать.

— Да! «Идея возмездія!» Не... д...дурно! многозначительно сказалъ онъ, кладя листъ на столъ, — а знаете, удивительные иногда, бываютъ, сны! вотъ со мною то же... Вижу я на-дняхъ, что потерялся у меня какъ-то въ комнатѣ сапогъ. Нѣтъ одного сапога да и все, а нужно итти на репетицію, репетировать съ одной хорошенькой дамочкой водевиль! Начиная рыться, искать — нѣтъ нигдѣ! Доходитъ до того, что къ швейцару обращаюсь: «помоги, братецъ». А онъ мнѣ, знаете, старую калошу далъ, рваную, ужасъ, и притомъ преогромную. Я надѣлъ и думаю: какъ же я это пойду... Къ хорошенькой аристократической дамѣ пойду и стану репетировать въ такой калошѣ! Премучительный сонъ, знаете! Проснулся весь въ испаринѣ, сердце такъ и колотится. Чортъ знаетъ, какіе бываютъ сны! Ну, до свиданья!

Пухлинъ ушелъ. Оконце комнаты совсѣмъ потемнѣло, и вокругъ стало такъ темно, что съ трудомъ различались предметы. А Вельсановъ все сидѣлъ въ той же задумчивой позѣ, и думалъ:

«Умереть во снѣ, — какое блаженство!»

М. А. Загуляевъ.

КОРОЛЕВА АННА ЯРОСЛАВНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

ОТЪ АВТОРА.

За исключеніемъ пролога, вся драма «Королева Анна Ярославна» написана на средне-вѣковомъ французскомъ языкѣ, только съ небольшою примѣсью русскихъ разговоровъ между Анною, Димитріемъ Ингоревичемъ, грекомъ Геракліемъ и Еленой Гостомысловной. Это—трудъ чисто диллетантскій, такъ какъ пьесу мою нельзя поставить ни на одной сценѣ и даже напечатать съ шансами на успѣхъ ни въ Россіи, ни во Франціи.

5 января 1899 года.
С.-Петербургъ.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ярославъ, великій князь кіевскій.
Анна Ярославна, его дочь.
Елена Гостомысловна, приближенная княжны Анны.
Димитрій Ингоревичъ, стольникъ Ярославовъ.

Гюгъ д'Аттиньи, посоль французскаго короля Генриха I-го.
 Жильберта д'Аттиньи, его сестра.
 Арнольдъ, аббатъ Клерваллонскій, второй посоль Генриха I-го.
 Гераклій, ученый грекъ.
 Свѣтозарь, архимагирь Ярослава.
 Бояре, дружинники.

Кіевъ. 1035 г.

Опочивальня Ярослава въ его кіевскомъ дворцѣ. Обширный покой въ византійскомъ стилѣ. Стѣны изукрашены мозаичными изображеніями на золотомъ полѣ. Въ глубинѣ — парчевый пологъ, скрывающій спальное ложе великаго князя. На первомъ планѣ справа — большой столъ, покрытый узорчатою камкою и невысокое золоченое кресло греческаго дѣла; слѣва — малый тронъ подъ наметомъ изъ электрона, украшенный цвѣтными каменьями.

С Ц Е Н А I.

Ярославъ сидитъ на креслѣ у стола. Гераклій.

ЯРОСЛАВЪ.

А все сомнѣнье беретъ, друже Гераклій, не соромно ли будетъ выдать Анну за этого Генрика! Вѣдь не Богъ вѣсть какой онъ волостель. И государство его не велико, да и рода онъ не древле-царскаго, всего внукомъ дворецкому послѣдняго Карловинга приходится. Дщерь же наша любимая Володиміру Великому правнукой будетъ, да и по матери — самъ же твердишь — царей Македонскихъ отрасль.

ГЕРАКЛІЙ.

Положимъ, что и такъ, государь, но все же онъ король доподлинный, державецъ непререкаемый и мнитя мнѣ, смиренному, что въ свойство съ нимъ вступить стыда тебѣ не будетъ.

ЯРОСЛАВЪ.

Не великъ и почетъ! Норгскіе конунги тоже поди королями величаются и слывуть, а что въ томъ толку! Разбойныхъ дружинъ водители, все едино, что коганы половецкіе, либо печенѣжскіе...

ГЕРАКЛІЙ.

То-жь да не то, государь великій княже! У Генрика-короля своя отчина и дѣдина найдется, да и стольный градъ его только Риму да Византіи, какъ старшимъ, челомъ бьетъ.

ЯРОСЛАВЪ.

А по чьей милости онъ въ этомъ стольномъ градѣ сидитъ? Кабы не дукъ норманскій, не видать бы ему Парижа, какъ ушей своихъ.. Къ тому же и напѣжникъ онъ, правой каюлицкой вѣры почитай что отщепенецъ.

ГЕРАКЛІЙ.

Хоть и напѣжникъ, а благочестенъ! Оттого и деспонну Анну въ супруги поять хочетъ, что между ближними князьями съ единокровной побрачиться опасается, памятуя, сколь много изъ-за такого супружества родитель его, король Робертъ, горя принялъ. Нѣтъ, княже, Генрикъ женихъ совсѣмъ подходящий, коли только деспоннѣ Аннѣ итти за него не противно.

ЯРОСЛАВЪ.

Анна что! Молода она и лестно ей, поди, что изъ такихъ далекихъ странъ сватовъ по ней засылаютъ. Тоже и послы Генриковы, сладкорѣчивы вѣдь они! Чудесъ нашей отроковицѣ про Парижъ-градъ насаказали, а она и вѣритъ.

ГЕРАКЛІЙ.

И все же, государь, съ Генрикомъ породнясь, ты своей державной чести не умалишь, а польза оттого будетъ не малая. Не гоже великому князю Кіевскому совсѣмъ въ сторонѣ отъ другихъ владыкъ вѣнценосныхъ стоять. У насъ же въ Византіи, самъ вѣдаешь, жениховъ для деспонны Анны не отыщется.

ЯРОСЛАВЪ.

Можетъ и правъ ты, а все еще подумать надо. Вотъ ужъ потолкую еще съ Димитріемъ-стольникомъ, благо онъ въ тѣхъ странахъ побывалъ и мною за пристава къ посламъ Генриковымъ наряженъ... Вели-ко архимагистру его и пословъ тѣхъ ко мнѣ позвать.

ГЕРАКЛІЙ.

Слушаю государь, великій княже! [уходитъ, навстрѣчу ему идетъ княжна Анна].

ГЕРАКЛІЙ [въ дверяхъ, съ поклономъ].

Исполла ите деспонна!

АННА [отдавая поклонъ].

Исполла ите деспота!

СЦЕНА II.

Анна. Ярославъ.

АННА.

Здравъ буди, государь отче!

ЯРОСЛАВЪ.

И ты здравстуй, чадо любимое. За дѣломъ какимъ пришла или такъ просто родителя повидать захотѣлося?

АННА.

Свѣтлыя очи государя-отца всегда мнѣ видѣть отрада, но въ сей день точно что совѣта твоего просить прихожу.

ЯРОСЛАВЪ.

А о чемъ совѣтъ, дочка дорогая?

АННА.

Да вотъ смутили меня владыко Фотій да сестра Евфросинія. Корятъ, зачѣмъ я въ мою школу для отроковицъ, что на Крещатикѣ устроена, Евтихія-элина въ учителя посадила.

ЯРОСЛАВЪ.

Чѣмъ же Евтихій имъ не угоденъ? Мудростію въ Византіи кажись не со вчерашняго дня онъ славенъ.

АННА.

А владыко Фотій говорить, что онъ въ Александріи, у тамошнихъ философовъ и риторовъ обучаясь, вѣру Христову на мерзостныя таинства языческія промѣнялъ.

ЯРОСЛАВЪ.

Не въ свое дѣло владыка суется! Гераклій, поди, не менѣе его къ церкви приверженъ и въ наукѣ богословской умудренъ, а сколько разъ онъ мнѣ говорилъ, что таинства, въ Елевзисѣ и въ Дельфахъ въ былые годы справляемыя, ничего противнаго нашей вѣрѣ святой не имѣютъ, понеже, какъ и она, о Богѣ единомъ и міра Искупителѣ провозвѣщаютъ. Скажи владыкѣ, по моей волѣ и моему государеву приказу, ты Евтихія въ учителя поставила, а Евфросиньѣ повѣдай—родитель-де гнѣвается, что отъ княжескаго сана волею отрекшись и образъ ангельскій пріявши, въ дѣла наши мірскія мѣшаться она продолжаетъ. Черницѣ, моль, такъ поступать не пригоже и духовному ея сану нгуменіи невмѣстно.

АННА.

Много благодарствую, государь-родитель! Съ Евтихіемъ было бы мнѣ разстаться куда какъ горестно. Очень ужъ онъ учитель хорошій. Здравъ буди. [Хочетъ уйти].

ЯРОСЛАВЪ.

Куда же ты, чадо любимое? Повремени. Приходь твой къ мѣсту вышелъ. Сейчасъ сюда послы Генриковы съ Димитріемъ-стольникомъ будутъ. Позвать я ихъ велѣлъ.

АННА [краснѣя и потупясь].

Не ладнѣе-ли мнѣ въ такомъ концѣ уйти, государь?

ЯРОСЛАВЪ.

Это же зачѣмъ? Въ Парижѣ-градѣ дѣвицы, слыхаль я отъ добрыхъ молодцевъ, не хоронятся. Коли королевою фряжскою сдѣлаться желаешь, такъ отнюдѣ къ тамошнему обычаю при-
выкать надо.

АННА [все еще потупившись].

Ну такъ я... останусь...

ЯРОСЛАВЪ [лукаво улыбаясь].

Такъ-то лучше! А вотъ и послы идутъ.

СЦЕНА III.

Тѣ же и Гюгъ д'Аттиньи, аббатъ Клерваллонскій, Димитрій Ингоревичъ и Гераклій.

Ярославъ присанялся, знакомъ приглашаетъ Анну стать за его кресломъ. При входѣ пословъ Гераклій идетъ впереди. За нимъ, Гюгъ д'Аттиньи и аббатъ Клерваллонскій — рядомъ (аббатъ по лѣвую руку Гюга). Димитрій Ингоревичъ слѣдуетъ за ними.

ГЕРАКЛІЙ [не кланяясь, но положивъ руку на сердце].

Великій государь! По волѣ твоей державной, послы короля Генрика Фряжекаго, челомъ тебѣ бьютъ!

ЯРОСЛАВЪ [съ напыщенной важностью].

Миръ и привѣтъ посланцамъ моего родича молѣдшаго Генрика! Позваль я васъ, господа честныя, на тотъ конецъ, чтобы еще разъ выслушать, чего король Генрикъ у великаго князя Кіевскаго просить. Вѣщайте!

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Государь, велики князь...

ГЕРАКЛІЙ.

Постой Кириъ д'Аттиньи! Ты хотя по русьскому говорить и обучень, а прямо съ государемъ, великимъ княземъ вести разговоръ тебѣ все-таки не подобаеть. Приставъ на то къ вамъ наряженъ — къ нему рѣчь обращай. Такъ искони, отъ Володи-мира Великаго на Руси ведеться!

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [усмѣхнулся и пожалъ плечами].

Колѣ надобно—изволь! [обращаясь къ Димитрію Ингоревичу]. Adonc faites à sçavoir au seigneur votre maitre que les envoyés du très hault et très puissant roy Henri de France auront grande liesse et vif empressement d'obéir aux ordres de sa Seigneurie *).

ДИМИТРІЙ ИНГОРЕВИЧЪ [выступивъ впередъ и низко кланяясь Ярославу].

Государь, великій князь! Послы превысокаго и великомоцнаго короля Генрика фряжскаго, съ радостію несказанною и поспѣшностію великою твоихъ приказовъ слушать готовы.

ЯРОСЛАВЪ.

Скажи имъ, Димитрій, что допрежь моего согласія на бракъ дочери нашей княжны Анны съ королемъ ихъ Генрикомъ, знать намъ потребно, правду-ли въ Византіи сказывали: первымъ мѣстомъ, что Генрикъ-король на престоль фряжскій помимо законнаго престолонаслѣдца Роберта, пособничествомъ дуга Норманскаго посаженъ, а вторымъ мѣстомъ—что допрежь, чѣмъ къ нашей дщери любезной сватѣвъ засылать, онъ съ дукессою туреньскою... какъ звать — позабыль...

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Le duchesse Yvonne...

ЯРОСЛАВЪ.

Да! съ дукессой Ивонной что-ли, помолвленъ быть.

ГЕРАКЛІЙ.

Государь, великій князь. Хорошо тебѣ, я чаю, вѣдомо, что у насъ въ Византіи сплетень — огородъ не полотый, гоже-ли твоей милости...

*) Въ такомъ случаѣ, повѣдайте вашему государю, что, послы великаго и могущественнаго короля Генриха французскаго, съ радостію и поспѣшностію великими исполнить волю его высокомоцнѣи.

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [обращаясь къ Димитрію].

Faites à sçavoir messire Dmitri au seigneur votre maître que le roy Henri tint le trône du gent royaume de France de son droit d'hoirie qu'oncque contester ne saurait sous peine d'être déclaré félon et traître par tout le peuple françois et que la duchesse Yvonne à tort prétend avoir reçu de ce grand souverain promesse de mariage que ne lui a oncques fait le seigneur susdit *).

ДИМИТРІЙ.

Посоль говорить...

ЯРОСЛАВЪ.

Ладно! и безъ тебя понялъ. Клятвой крестной завѣрить-ли въ томъ?

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ [не давая Димитрію перевести слова Ярослава].

Le très révérend père Arnold, abbé de Clervallon est là pour l'affirmer par serment en due forme **).

АББАТЬ КЛЕРВАЛЛОНОКІЙ [выступивъ впередъ].

In nomine Patres, Filiis et Spiritu Sancto ***).

ЯРОСЛАВЪ [перебивая].

Ладно ужъ, ладно! За княжной Анной теперь рѣчь! Что скажешь, дочь дорогая.

АННА.

Государь-отче! Приказа твоего родительскаго послушаться не смѣю, да, правду молвить, и не желаю. Коли супружницей короля Генрика ты мнѣ быть повелишь, волю твою державную съ радостію исполнить готова!

*) Сообщите, господинъ Димитрій, вашему государю и повелителю, что король Генрихъ на престолѣ прекраснаго королевства французскаго сидитъ по своему праву наслѣдін, котораго никто оспаривать не осмѣлится подѣ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ и что герцогиня Ивонна ложно утверждаетъ, будто сей великій государь обѣщаніе побраться съ нею ей далъ.

***) Преподобный отецъ Арнольдъ, аббатъ клервалонскій, здѣсь находится для обряда клятвы.

***) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

ЯРОСЛАВЪ.

Ну, инъ быть по твоему хотѣнію, чадо любимое! [Всталъ съ кресла]. Приставъ Дмитрій! Повѣдай честнѣмъ посламъ короля Генрика, что, на бракосочетаніе его съ дочерью нашею, княжною Анною, согласіе рекомой княжны и наше государево соизволеніе есть. О томъ же, что отъ нашей милости пресвѣтлой невѣстѣ дадено будетъ, и чѣмъ самъ король Генрикъ нареченную свою супругу наградить,—Киръ Гераклій съ аввой Клерваллонскимъ пусть-де уговоръ держать, понеже нашему сану великокняжескому и автократорскому о томъ рѣчи вести не вмѣстно.

ДИМИТРІЙ [обращаясь къ Гюгу д'Аттиньи и къ аббату Клерваллонскому].

Mon très hault et très puissant seigneur et maitre, le grand duc Iaroslav de Kiew, à la requête empressée du roy Henri de France daigne acquiescer de l'aveu et volonté de très haulte et puissante dame Anne, duchesse de Kiew. Pour questions de dotance, tant de la part de mondit seigneur grand duc, que du sire roy Henri, sa Seigneurie Sérénissime se rapporte au mutuel accord de son Eminence Héracluis et de messire Arnold, abbé de Clervallon*).

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Veuillez messire exprimer au seigneur votre maitre de la part de notre suzerain et roy**)...

ЯРОСЛАВЪ [перебивая].

Ладно ужъ, ладно витязь честнѣй! Говорить на вашемъ языкѣ романскомъ я не гораздъ, а понимать—все понимаю. По чину довлѣюще дѣло справлено, можно теперь и по сердцу говорить... Комтуръ Гюгъ Аттиньскій! Даю тебѣ мое государево разрѣшеніе съ княжной Анной новѣ рѣчь изъ устъ въ уста вести.

*) Дмитрій повторяетъ слово въ слово, сказанное Ярославомъ.

***) Благоволите, сударь, выразить вашему государю и повелителю отъ имени нашего державца и короля...

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

За честь великую, государъ, шеломъ біу! Государинія княжна...

АННА.

Parlons votre langue, preux et gentil chevalier. Le très révérend abbé de Clervallon point ignorer ne doit ce qui entre nous sera dit*).

ГЮГЪ Д'АТТИНЬИ.

Aux ordres gracieux de ma future dame et souveraine je dois pleine et entière obédience... Adonc, de par le roy mon maître je vous somme et requiers, dame et duchesse Anne de Kiew, de déclarer ici que votre consentement est librement acquis à la volonté de votre très hault et très puissant père**).

АННА.

Point ne me dôle de faire ainsi que vous dites messire. Moult déduit et grande liesse aurai à devenir épouse et conjointe du seigneur Henri, roy de France et cette mienne réponse vous charge de lui faire asçavoir en toute fiance et sécurité de ma ducale parole***).

ЯРОСЛАВЪ.

И слово наше, Аннино и мое, навсегда крѣпко пребудеть [вставая]. Ну, господа послы, и ты Киръ Гераклий, и ты приставъ Димитрій, памятуйте, что союзъ брачный безъ веселія не ѣдетъ, и что, по завѣту дѣда моего достославнаго,

*) Будемъ говорить на вашемъ языкѣ рыцарь храбрый и честной. Преподобный аббатъ Клерваллонскій знать долженъ о томъ, что промежъ насъ сказано будетъ.

**) Милостивымъ повелѣніямъ моей будущей государыни-королевы полнымъ повиновеніемъ я обязанъ, а по сему, именемъ короли-государи моего, прошу и требую государыни-княжна Анна, чтобы вы объявили здѣсь, что свободно даете согласіе ваше, на волю нашимъ державнымъ и могущественнымъ родителямъ выраженную.

***) Не огорчительно мнѣ ваше требованіе, сударь, исполнить. Съ великимъ удовольствіемъ и радостью великою стану супругою вѣнчаною государя Генрика, короля французскаго, а сей мой отвѣтъ поручаю ему передать крѣпко въ мое слово княжеское вѣрун.

Володимира Великаго: «Руси веселіе есть пити» [хлопая въ ладоши]. Архимагиръ Свѣтозаръ! [Свѣтозаръ поспѣваетъ въ дверяхъ]. Въ стольной палатѣ всякія питія и брашна скорой рукой изготovy. Великій князь Кіевскій помолвку дщери своей любимой княжны Анны съ королемъ Генрикомъ фряжскимъ праздновать поволить!

[Ярославъ уходитъ, за нимъ Гераклій и французскіе послы, низко поклонившіеся княжѣ Аннѣ. Дмитрій Ингоревичъ дѣлаетъ видъ, что идетъ за ними, но у дверей отстаетъ и, возвратившись, подходитъ къ Аннѣ, стоящей у стола въ глубокой задумчивости].

СЦЕНА IV.

Анна и Дмитрій Ингоревичъ.

ДИМИТРІЙ [насмѣшливо].

Скорой рукой дѣло сдѣлалось! Довольна, государыня-княжна?

АННА [гнѣвно вскинувъ на него глазами].

А тебѣ зачѣмъ то знать, приставъ пословъ фряжскихъ?

ДИМИТРІЙ.

Да хоть бы затѣмъ, что при тѣхъ самыхъ послахъ велѣніемъ государя-родителя твоего, состою. Вотъ ужъ комтуръ Гюгъ да авва Робертъ спрашивать учнутъ, что имъ королю Генрику отписать надлежитъ!.. Такъ чтобъ имъ отвѣтъ держать по правдѣ истинной—должность вѣдь моя такая.

АННА [досадливо отвернувшись].

Коли за этимъ, такъ скажу, пожалуй. Всѣмъ сердцемъ довольна!

ДИМИТРІЙ.

А что на чужбину далекую изъ отчаго дома, да изъ святой земли русьской ѣхать придется, это тебя, княжна, не сомущаетъ?

АННА.

Съизмáлу къ той разлукѣ меня готовили. Дщери великаго князя Кіевскаго—либо замужъ за дальняго державца выходить, либо въ монастырѣ, подобно сестрѣ Евфросиніи, свою молодость и красу погребсти... Ну, а я въ монастырь не хочу!

ДИМИТРІЙ.

Ужъ будто другой доли и взаправду, княжна, не отъищется?

АННА.

Это ты о чемъ? Старое вспомнать что-ли хочешь? Было оно, да быльемъ порасло, Димитрій Ингоревичъ! Подросткомъ будучи, дѣвчонкой несмышленною, могла княжна кіевская твои рѣчи медовыя выслушивать, а теперь иное время настало. Ты же самъ, изъ дальнихъ земель вернувшись, да о тамошнихъ порядкахъ сказываючи, повѣдалъ мнѣ о свычаяхъ и обычаяхъ иноземныхъ. Отъ тебя вѣдь узнала впервые, что въ сѣмьяхъ волостельскихъ за стыдъ и соромъ великій тамъ считается, коли дщери государевы съ мужами ихъ отцамъ подвластными подъ вѣнецъ святой становятся. Коли ты отъ мечтаній былыхъ не отсталъ, что же, государь Димитрій, замѣсть того, чтобы въ пристава посольскія становиться, не пошелъ ты славы и власти искать на Раа-рѣку, въ хозары нечестивые или въ Тмutorакань благодатную, откудава наши вольницы кіевскія столько богатства за каждый набѣгъ волочать?.. Коли бы выбирать пришлось межъ коганомъ хазарскимъ или ханомъ Тмutorоканскимъ и королемъ Генрикомъ... я, можетъ быть, еще и подумала бы.

ДИМИТРІЙ.

Не бери грѣха нà-душу, Анна Ярославна. Кто, какъ не ты сама, меня отъ помысловъ такихъ отвратила? Памятую и о сю пору, какъ ты надъ потѣхами бранными, да надъ удалю молодецкою насмѣхалася, приговариваючи: «силою и туръ рогатый, да медвѣдь косматый похвалиться можетъ, а наука письменная одного человѣка достояніе»... Не для чего другого, какъ тебѣ въ угоду, я въ ту науку пошелъ и годы

мои молодые на нее потратилъ. И не правду молвишь, что когана хазарскаго королю Генрику ты бы пожалуй предпочла! Съ издѣтства самаго повадка у тебя водилась на Парижьградъ очи и думы стремить. Мало-ли у насъ въ стольномъ Кіевѣ волостелей со повзморья здѣшняго, да съ Раа-рѣки перебывало, а ни на одного изъ нихъ очей вскинуть и на мысль тебѣ не пришло. Знаючи, что изъ Византіи ждуть тебѣ нѣкого, дальше на Закатъ помыслы ты устремляла. Былбе то дѣло, пролитаго въ сосудъ не вернешь, а ужь, коли правду молвить, такъ я и въ латіны зачѣмъ пошелъ, какъ не въ чаяніи, что въ тамошнихъ свычаяхъ и обычаяхъ средство милымъ тебѣ стать обрѣту?

АННА [усмѣхалась].

А коли такъ, почто не вернулся оттуда дукомъ какимъ или же въ иномъ санѣ верховномъ мечомъ да копьемъ съ боя добытымъ? Не безпримѣрное дѣло это было бы! Коли съ латіны бы не поладилъ, въ чехи и моравы почто не пошелъ? Одного вѣдь съ нами корня словеньскаго тѣ народы... Эхъ, да что слова на вѣтеръ пускать, Димитрій Ингоревичъ! Ты свое время и счастье по доброй волѣ упустилъ и выпала мнѣ часть иная, а части той чураться нонѣ, почитай княжѣ Аннѣ уже и поздно!

ДИМИТРІЙ.

Я вѣдь и не неволю тебя на то, Анна Ярославна. О томъ, какъ легко мнѣ тебя снаряжать подъ вѣнецъ съ державцемъ фряжскимъ — знаютъ только грудь, да подоплека, да ночи мои безсонныя; но кровь славяно-русская не напрасну въ жилахъ моихъ течеть. Также какъ и ты, вду я отъ рода древляго варяжскаго и твоимъ подобно, праотцы мои народомъ новгородскимъ призваны были порядокъ водворять въ великой и обильной землѣ русьской. Въ краяхъ чужеземныхъ побывавъ, смекнулъ я, давно уже смекнулъ, какая польза великая произойдти можетъ отъ союза по крови и по духу промежъ двухъ странъ предѣльныхъ нашего міра христіанскаго. Пусть король Генрикъ и папѣжникъ будетъ, все же въ одного съ нами Христа онъ вѣруеть и кресту живоносному покло-

няется. Промежь его землею и нашею тьмы-тьмами засѣли его и наши враги, что славянъ зарубежныхъ съѣсть хотять и на богатыя пажити ихъ, да на вертограды фряжскія съиздавна зарятся. Стражу неусыпную и промежь собой во всемъ согласную, съ двухъ боковъ той алчной челяди устроить—дѣло святое и великое! Коли союзъ твой брачный съ Генрикомъ-королемъ помочь тому дѣлу можетъ, я тебѣ земно челомъ поклонюсь, единой только милости пытаючи. Позволь за тобою въ Парижь-градъ слѣдовать. Авось еще пригожусь тебѣ, на чужбинѣ далекой.

АННА [пристально смотря ему въ глаза].

Коли не лжешь, такъ правду молвишь! Почему и не взять тебя въ приспѣшники и слуги вѣрные будущей королевѣ фряжской—и мнѣ польза и тебѣ выходить не во вредъ, да и боярышнѣ Жильбертѣ Аттиньской подарокъ хорошій выдетъ. Не даромъ она на тебя, какъ встрѣтитесь, взоры умильные мететь.

ДИМИТРІЙ [смѣло выдерживая насмѣшливый звукъ рѣчи Анны].

А хоть бы и такъ, государыня-княжна! Боярышня Жильберта не царскаго рода и мнѣ, смиренному, очи на неѣ воздымать не заказано. На всякъ конецъ продерзости въ томъ куда меньше, чѣмъ въ помыслахъ тайныхъ брата ея родимаго, комтура Гюга.

АННА [падменно].

Это ты еще о чемъ? Не знаеше что-ль, что мессиръ д'Аттиньи здѣсь отъ имени моего державнаго суженаго, короля Генрика и слово молвить и весь обычай свой посольскій держать!

ДИМИТРІЙ.

Такъ-то оно такъ, да ужъ дже усердно должность свою посольскую онъ исправляетъ. Инд-мѣсто, какъ этого соловья фряжскаго послушать, — нѣтъ-нѣтъ, да и почудится, что не отъ имени короля Генрика, а за свой страхъ и счетъ онъ рѣчи любовныя съ тобой держать, княжна, втихомолку отъ родителя твоего державнаго...

АННА [вспыхнула и грозно на него метнула взоромъ].

Думать ты воленъ что хочешь, сударь Димитрій Ингоревичъ, да мнѣ только про тѣ думы знать не пристало и не охота. А взять тебя съ собою въ Парижъ-градъ—такъ и быть, изволь, возьму!

ДИМИТРІЙ [низко, но насмѣшливо кланяясь].

И за то благодарствую, государыня-княжна! [смотря въ боковую дверь]. А пока что—на пиръ обручальный итти будь готова. Отъ князя великаго посланцы сюда за тобою идутъ.

СЦЕНА V.

Тѣ же и Гераклій, Гюгъ д'Аттиньи, аббатъ Риольдъ Клерваллонскій, Жильберта д'Аттиньи и Елена Гостомысловна.

ГЕРАКЛІЙ.

Деспоица Анна! Родитель и государь твой, повелѣть тебѣ изволилъ на пиръ обручальный съ замѣстникомъ будущаго твоего державнаго супруга, короля Генрика, обычнымъ уставомъ итти!

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ [обращаясь къ Димитрію].

Messire Dimitri! Veuillez faire asçavoir à gente dame et duchesse Anna, qu'en conformité des us et coutumes de notre pays de France, l'honneur insigne de mettre sa main auguste dans icelle du représentant du roi Henri revient en ce jour à sa très humble servante, dame et comtesse Gilberte d'Attigny, ici présente *).

*) Господиъ Димитрій! Благоволите сообщить государынь-княжнѣ Аннѣ, что, согласно съ свѣдами и обычаями нашей страны французской, честь великая—руку ея царственную въ руку замѣстника короля Генрика сегодня положить, принадлежить ея рабѣ смиренной, боярыньѣ и графинѣ Жильбертѣ д'Аттиньи, здѣсь стоящей.

АННА [не давал говорить Димитрію].

Et à la vieille coutume française me conformer est grand déduit. Voci ma dextre [протягивал правую руку] gente damoiselle *).

ЖИЛЬВЕРТА Д'АТТИНЬИ.

Moultes excuses à ma dame et maîtresse il me faut faire. D'après la coutume française la fiancée est menée à l'autel, comme aux fiançailles, donnant la sénestre à son futur époux et seigneur aips qu'à celui qui momentanément le remplace **).

АННА.

Adonc qu'il soit fait comme le dites [подавал лѣвую руку Гюгу д'Аттиньи]. Marchons, messire comte, et que le Seigneur Dieu nous ait en sa sainte garde ***) [обращаясь къ Еленѣ Гостомысловнѣ]. А ты, дѣвка, слѣдомъ за мной иди, мѣста французанкѣ не уступаючи. [Жильберта хочетъ идти немедленно за Анной, но Елена Гостомысловна грубо ее отталкиваетъ и слѣдуетъ за княжною, которая съ Гюгомъ и Еленой удаляются, предшествуемые Геракліемъ].

СЦЕНА VI.

Жильберта д'Аттиньи и Димитрій.

ЖИЛЬВЕРТА Д'АТТИНЬИ [сверкнувъ глазами].

Que veut dire ceci messire Dimitri? ****)

ДИМИТРІЙ [усмѣхаясь].

Prenez patience gente comtesse. De la courtoisie et urbanité du beau pays de France point ne sont instruites nos dames de

*) И старому обычаю французскому мнѣ послѣдовать—великое ликование. Вотъ моя десная, прекрасная дѣвица.

***) Много извиненій государинѣ и повелительницѣ моей приношу. По французскому обычаю невѣсту къ алтарю и на обрученіе ея будущій супругъ и господинъ, равно какъ и его замѣстникъ, за шую ведутъ.

****) Такъ будь по вашему. Идемъ, господинъ графъ, и да Господь Богъ насъ святою охраною своею осѣнитъ.

*****) Что это значить, господинъ Димитрій?

Kiew. Des façons de la damoiselle Hélène vous prendrez revanche à Paris *).

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ [кокетливо].

Et me promettez-vous de m'y aider, gentil chevalier? **).

ДИМИТРИЙ.

Ayez fiance en votre dévoué serviteur, dame Gilberte. Point ne faillirai à la promesse donnée ***).

ЖИЛЬБЕРТА Д'АТТИНЬИ.

Sous peine de félonie insigne je garde cette présente promesse messire et, en foi d'elle, vais prendre ma place au festin d'accordailles ****). [Уходитъ].

СЦЕНА VII.

ДИМИТРИЙ [одинъ].

«Прошлаго не вернешь» молвила княжна. Съ перваго облика можетъ оно и такъ, да только вѣдь и я парень не промашный! Въ Парижъ-градѣ виднѣе будетъ—простымъ-ли приспѣшникомъ и покорнымъ рабомъ будущей королевы фряжской сужено мнѣ остаться или посреди народа иноземнаго другая доля мнѣ выпадеть... Не Анна, такъ Жильберта эта чернокудрая, да черноглазая на долю доброму молодцу достанется. Даромъ отъ помысловъ давнихъ и потайныхъ, я, видить Спасъ Нерукотворный, ни за что не откажусь! [Уходитъ. За сценой трубы, бряцанье оружіемъ и крики народной толпы].

*) Потерпите, прекрасная графиня. Французскому вѣжеству и учтивству наши кievскія боярыни не обучены. За обращеніе боярышни Елены вы ей въ Парижѣ оплатите.

***) А обѣщаете-ли мнѣ въ томъ помочь, рыцарь доблестный?

****) Положитесь на вашего преданнаго слугу, госпожа Жильберта, слову данному не измѣню.

*****) Подъ страхомъ обмана недостойнаго, ваше обѣщаніе, сударь, отъ вастъ принимаю, и вѣря ему, иду занять мое мѣсто на пиру сговорномъ.

НАРОДЪ.

Здравы и живы бывайте, государь, великій князь и государыня-княжна Анна Ярославна!

ГОЛОСЪ ЯРОСЛАВА.

Здравъ и живъ буди, нашъ зять нареченный король Генрихъ фряжскій!

НАРОДЪ.

Здравъ и живъ буди, король Генрихъ фряжскій!

ЗАНАВЪСЪ.

А. Н. Будищевъ.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ.

Лакей Никифоръ, по-стариковски шмыгая ногами, и чувствуя сердцемъ бѣду, явился на зовъ въ кабинетъ; Барышниковъ поглядѣлъ на него искоса, недружелюбно, и сказалъ ему:

— Видишь-ли, Никифоръ, я бы съ тобой не разстался, хотя ты и старъ и очень не расторопенъ, но твоя собака, Никифоръ,—она меня просто съ ума сводитъ!

Барышниковъ растопырилъ руки съ красными ладонями, посмотрѣлъ на носъ Никифора и истерично вскрикнулъ:

— Это какой-то чортъ, а не собака! Сегодня она вылакала сливки, а вчера съѣла на кухнѣ яйца!

Никифоръ угрюмо отвѣтилъ:

— Яйца скотница съѣла, а не Венерка.

— Это полсотни-то яицъ скотница съѣла? язвительно переспросилъ Барышниковъ.

— Съѣла, угрюмо повторилъ Никифоръ и добавилъ:

— А сливки усохли.

Все лицо Барышникова перекопилось язвительной гримасой.

— Усохли? переспросилъ онъ.

— Усохли, повторилъ Никифоръ, угрюмо.

Барышниковъ сокрушенно вздохнулъ.

— Однимъ словомъ, вотъ что, Никифоръ, сказалъ онъ,— пристраивай свою собаку, куда хочешь. Хочешь, отдай кому-нибудь, хочешь—пристрѣли, но только держать тебя съ собакой я не стану.

— На то есть воля ваша, замѣтилъ Никифоръ.

— Да на что тебѣ собака? продолжалъ Барышниковъ, поглядывая куда-то въ потолокъ,— она стара, глуха, глупа, неряшлива и не пригодна ни для какой охоты.

— Собака хорошая, это вы напрасно, возразилъ Никифоръ.

Барышниковъ хотѣлъ-было его перебить, но Никифоръ упрямо продолжалъ:

— Собака—деликатная, пріятная, послушная, чистыхъ кровей; такую собаку любой, кому не надо, возьметъ, и пристрѣливать её не къ чему!

Никифоръ сердито повернулся, вышелъ изъ кабинета, прошелъ въ свой уголъ подъ лѣстницу и злобно плюнулъ.

— Тьфу, проговорилъ онъ,— скотницы яйца жрутъ, а собака отвѣчай. Господа, нечего сказать!

На его лицѣ отразилось брезгливое чувство ко всѣмъ вообще господамъ. Онъ покачалъ головой и, присѣвъ тутъ же, подъ лѣстницей къ своему сундучку, сталъ перебирать разный хламъ: старое платье, сапожную щетку, жестянку изъ-подъ моннасые, двѣ перчатки съ лѣвой руки. Венерка лежала здѣсь же, у сундука, свернувшись въ клубокъ, и при взглядѣ на ея посѣдѣвшія щеки Никифоръ внезапно вспомнилъ, что ей уже двадцать лѣтъ.

«Стара дѣлается, подумалъ онъ съ тоской,— глушѣть; блудить стала». Онъ вздохнулъ. Ему стало до боли жалко кого-то. Съ разсѣяннымъ видомъ долго онъ сидѣлъ у своего сундучка, поглядывая на спящую Венерку и соображая, сколько же ему лѣтъ, если и его Венеркѣ уже двадцать. По его соображеніямъ, ему выходило подъ шестьдесятъ. Это его точно придавило. Внезапно ему пришло въ голову, что баринъ не хочетъ его держать, вотъ именно за то, что онъ, Никифоръ, дѣлается негоднымъ и старымъ, а Венерка—это только пустая отговорка. Онъ снова вздохнулъ и снова съ разсѣяннымъ видомъ сталъ рыться въ своемъ сундучкѣ. Онъ нашелъ тамъ фотографію какого-то архіерея и силача изъ царка, колесико отъ шпоры и двѣ книги: романъ «Липкая» и

«Ха-ха-ха или тысяча анекдотовъ». Но все это его нисколько не утѣшило. Съ сердитымъ видомъ онъ захлопнулъ сундучекъ, прошелъ въ кабинетъ и спросилъ у Барышникова отпускъ на весь день.

— За Венерку, сказалъ онъ, — въ прошломъ году псаломщиковъ сынъ 25 рублей давалъ, такъ нужно сходить къ нему.

— Двадцать пять рублей? спросилъ Барышниковъ, — и онъ въ своемъ умѣ, этотъ псаломщиковъ сынъ?

И Барышниковъ расхохотался. Никифоръ сердито вышелъ изъ кабинета и снова прошелъ въ своей уголь. Онъ рѣшился идти въ село Трындино, за двѣ версты отъ усадьбы, гдѣ онъ служилъ, къ псаломщикову сыну, чтобы пристроить Венерку. Но однако онъ медлилъ и не собирался въ путь, слоняясь по своему углу съ разсѣяннымъ и смущеннымъ взоромъ. Въ глубинѣ души онъ подозрѣвалъ, что его Венерку никто не возьметъ даже за приплату съ его стороны, и это его угнетало. Кромѣ того, его угнетало сознание, что и самъ онъ дѣлается старымъ и негоднымъ, и что только поэтому къ нему начинаютъ придираться. Когда онъ былъ молодъ, его держали и съ собакой, да и платили дороже, а теперь онъ сталъ много дешевле. Съ тѣмъ же разсѣяннымъ и смущеннымъ взоромъ онъ вышелъ неизвестно для чего на крыльцо, и долго стоялъ на вѣтру, всматриваясь въ осеннюю муть ненастного дня, не обѣщавшаго ничего радостнаго. Тутъ онъ увидѣлъ скотницу Авдотью; она стояла у бочки, и, очевидно, только что вымывъ свои крупныя и сильныя руки, вытирала ихъ фартукомъ. Ея здоровый и цвѣтущій видъ обозлилъ Никифора и онъ сердито крикнулъ:

— Сколько сегодня яицъ съѣла?

Авдотья даже не удостоила его отвѣтомъ, и брезгливо повернувшись къ нему задомъ, продолжала вытирать свои руки.

Это еще болѣе обозлило Никифора.

— А ты мнѣ свою астрябю-то не выказывай, крикнулъ онъ ей, — я вѣдь тебѣ не ктонибудь!

И, поднявъ осколокъ кирпича отъ размытаго дождями фундамента, онъ швырнулъ имъ въ нее, умышленно сдѣлавъ такъ, чтобы осколокъ ударилъ въ бочку.

— Моли Бога, не попадь! крикнулъ онъ, и сердито хлопнувъ дверью, вошелъ въ домъ.

Здѣсь онъ одѣлся въ бѣличій, весь потертый, полушубчикъ съ барскаго плеча, взялъ ружье и позвалъ за собой разоснавшуюся Венерку. Черезъ минуту они оба выходили изъ воротъ усадьбы. Итти имъ обоимъ очевидно не хотѣлось, и, увидѣвъ кучера, поившаго у колодца лошадей, Никифоръ подошелъ къ нему. Съ сожалѣніемъ на всемъ лицѣ, онъ сталъ рассказывать ему, что вотъ онъ получилъ письмо отъ псаломщикова сына изъ села Трындина. Тотъ желаетъ купить у него Венерку и предлагаетъ ему за нее 25 рублей. А такъ какъ Никифоръ желаетъ справить себѣ новый полушубокъ, то онъ и рѣшился итти въ Трындино и продать собаку. Венерка сидѣла тутъ же и слушала ихъ разговоръ, равнодушно повѣсивъ уши, а Никифоръ спрашивалъ кучера:

— Какъ ты думаешь, продавать мнѣ ее, или нѣтъ?

Кучеръ посоветывалъ продать, но только запросить 40 рублей, потому что, если псаломщикова сынъ настолько глупъ, что даетъ за собаку 25 рублей, то онъ смѣло можетъ заплатить и 40.

Эта бесѣда нѣсколько развлекла Никифора, и онъ двинулся въ путь уже повеселѣвшій. Однако, когда онъ остался съ глазу на глазъ съ мутнымъ небомъ и мокрыми полями, ему снова стало жутко и страшно.

Солнце близилось уже къ закату, когда Никифоръ и Венерка возвращались обратно изъ села Трындина въ усадьбу, оба продрогшіе, усталые и унылые. Венерка плелась позади своего хозяина, потупивъ голову и сконфуженно повѣсивъ уши. Въ Трындинѣ ее никто не взялъ: ни псаломщикова сынъ, ни учитель, ни волостной писарь. Все даже смѣялись надъ предложеніями Никифора, и по этимъ насмѣшкамъ онъ понялъ, что Венерка стала никуда негодной рухлядью. Выйдя изъ сельской околицы, Никифоръ твердо рѣшился пристрѣлить ее. Не уходитъ же ему въ самомъ дѣлѣ съ мѣста изъ-за собаки? Кто его возьметъ, стараго? Однако онъ не приводилъ въ исполненіе своего намѣренія и уныло плелся вязкой дорогой, припоминая свою жизнь. Припоминалась она ему какими-то отрывистыми клочками, не имѣвшими ни связи, ни смысла, вся изжитая какъ-то не по-людски, безъ своего угла, безъ семьи, безъ привязанности. Нынче здѣсь, завтра тамъ. И съ женщинами онъ

сходился не по-людски: сегодня одна, завтра другая. Да лакею гдѣ же обзаводиться семьей? У него былъ даже сынъ — одинъ, онъ знаетъ это навѣрно, но гдѣ, въ какомъ городѣ — запоминать: не то въ Борисоглѣбскѣ, не то въ Кузнецкѣ. Онъ и имени его не помнить хорошенько. И теперь у него никого нѣтъ; никого, кромѣ Венерки. А между тѣмъ, всю жизнь его томилъ тоска по семьѣ, и когда онъ бывалъ пьянъ, онъ любилъ пить жалостные романы, гдѣ пѣлось о томъ, какъ она, вѣроломная женщина, надругалась надъ нимъ, несчастнымъ и влюбленнымъ юношей. Въ жизни, въ романахъ Никифора, страдательнымъ лицомъ всегда являлась женщина, и вотъ, теперь, это разногласіе дѣйствительности и пѣсни, еще болѣе угнетало его.

Уйдя съ полверсты отъ Трындына, Никифоръ присѣлъ въ опушкѣ лѣса, на пенекѣ. Здѣсь онъ рѣшился пристрѣлить Венерку, а барину онъ скажетъ, что продалъ ее проѣзжему офицеру за 25 рублей. Но онъ снова задумался. Насквозь промокшая березка торчала рядомъ съ нимъ, какъ грязный вѣшникъ. Сѣрые клочья тучъ цѣплялись за оголенные вершины лѣса и медленно ползли, какъ лѣнивыя черепахи, а дальше лежали мокрыя поля, пронизанныя затхлымъ запахомъ осени. Венерка сидѣла противъ Никифора, дрожала кожей спины, клевала носомъ и старчески сопѣла. И обѣ эти фигуры на мутномъ фонѣ осеннихъ сумерекъ, вырисовывались такими жалкими, одинокими и безпріютными. Никифоръ все думалъ и думалъ, сутуло и неподвижно сидя на своемъ пенекѣ, и ему приходило въ голову, что и онъ кончитъ свои дни также, какъ и Венерка. Вѣдь это людямъ только кажется, что они умираютъ своей смертью, а на самомъ дѣлѣ ихъ пристрѣливаетъ неизвестный хозяинъ, когда они дѣлаются старыми и негодными для жизни.

Никифоръ поднялся съ пенька. Венерка все также сидѣла и дремала, закатывая глаза куда-то подъ лобъ. Тихохонько и осторожно, чтобъ не разбудить спящей, Никифоръ сдѣлалъ два шага и съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, сталъ цѣлить. Венерка даже не пошевелилась и по-прежнему клевала носомъ и равнодушно сопѣла, раздувая посѣдѣвшія щеки. Вѣроятно она не вѣрила, что онъ будетъ стрѣлять въ нее, и она не ошиблась: выстрѣла не послѣдовало. Ружье ходуномъ ходило въ рукахъ Никифора,

а его глаза заволакивало туманомъ и старческой слезою. Онъ снова поднялъ ружье и снова опустилъ его.

Неизвѣстно, какимъ образомъ была бы рѣшена участь Венерки, если бы къ Никифору въ это время не подошелъ охотникъ, тридинскій парень, Мишутка, въ дырявомъ кафтанѣ, дырявой шапкѣ и съ краснымъ носомъ. За его пазухой торчала краюха хлѣба, а за спиной одностволка, съ такой кривою ложею, что нужно было всякій разъ широко разѣвать ротъ, чтобы прицѣлиться.

Никифоръ точно обрадовался ему, и путаясь, и запинаясь на словахъ, онъ сталъ просить парня пристрѣлить Венерку; на-дняхъ ее укусила бѣшеная собака, и она можетъ взбѣситься; онъ бы и самъ пристрѣлилъ ее, да у него подмокъ пистонъ.

— Собака хорошая, а ничего не подѣлаешь, сконфуженно повторялъ Никифоръ, и обѣщалъ за это Мишуткѣ гривенникъ.

Мишутка принялъ предложеніе съ восторгомъ; онъ любилъ стрѣлять, и если ему обезпечивали вознагражденіе за выстрѣлъ, онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ стрѣлялъ и въ шапку и въ волка.

Тотчасъ же онъ привязалъ Венерку на свой кушакъ и поволокъ ее за собой по вязкой лоцинѣ.

Венерка билась всѣмъ тѣломъ, хрипѣла, упиралась, крутила шей и просила у Никифора помощи мутными старческими глазами, полными ужаса. Она не сомнѣвалась, что смерть ея неизбежна, такъ какъ за это былъ обѣщанъ гривенникъ. А Никифоръ смотрѣлъ на эту сцену мутными глазами, очень похожими на глаза Венерки. Онъ видѣлъ, какъ Мишутка оттащилъ ее саженой на двадцать и привязалъ къ дереву. Затѣмъ онъ отошелъ шага на два и, въ то время, какъ Венерка прыгала и металась съ дикимъ воплемъ и молодой рѣзвостью, онъ приставилъ къ плечу кривую ложу ружья и широко раскрылъ ротъ. Раздался выстрѣлъ. Венерка взвизгнула, ткнулась окровавленной мордой въ вязкую землю, и лѣсъ закачался въ глазахъ Никифора.

Когда Никифоръ доставалъ изъ потертаго кошелька гривенникъ, чтобы расплатиться съ Мишуткой, руки его такъ дрожали, что онъ выронилъ монету и никакъ не могъ поднять ее съ земли; и Мишутка внезапно замѣтилъ, что Никифоръ ужасно

старъ и слабъ, и даже плохо стоитъ на ногахъ. Затѣмъ, къ удивленію парня, Никифоръ пошелъ не въ усадьбу, а вмѣстѣ съ нимъ, въ Трындино, и по дорогѣ онъ тыкался на пеньки, какъ слѣпой. По дорогѣ же, въ неясныхъ и туманныхъ выраженіяхъ, Никифоръ говорилъ ему, что всѣхъ ихъ, въ свою очередь, пристрѣлить неизвѣстный хозяинъ, и развѣ онъ виноватъ, что Венеркинъ чередъ наступилъ раньше? Мишутка не понималъ изъ его рѣчей ни слова, и отвѣчалъ ему, что всякая тварь себѣ на умѣ: на что ужъ кажется глупъ тетеревъ, а вотъ, поди-ка, возьми его!

Такъ они проговорили всю дорогу, и мутное осеннее небо капало на нихъ старческой, жиденъкой слезою.

Черезъ часъ Никифоръ сидѣлъ въ трактирѣ «Зеленая Горка» и цѣловался съ мужикомъ, изъ бороды котораго торчала рыба кость. Онъ былъ совершенно пьянъ, горько плакать и пѣлъ старческой фальшивой фистулькой:

— Зачѣмъ ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?..

Ю. Л. Елецъ.

НА БРОНЕНОСЦЪ У БЕРЕГОВЪ КРИТА.

Когда по синевѣ морей
 Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
 Въ нѣтрила гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ лезутъ,
 Заботъ и думъ слагая грузъ,
 Тогда лѣнюсь я веселѣ
 И забываю пѣсни музъ:
 Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.

А. Пушкинъ.

I.

Была полночь, когда на зеленоватомъ фонѣ неба, освѣщеннаго полною луной, выросли какія-то темныя очертанія. Пароходъ «Королева Ольга», на которомъ я направился къ Криту, держалъ курсъ прямо на его вершины, за которыми скрывалась Судская бухта. На палубѣ, несмотря на поздній часъ, толпились пассажиры, интересовавшіеся Критомъ и недовольные такимъ неудобнымъ временемъ прибытія и часовой стоянкой, лишившими возможности хотя глазомъ окинуть таинственный, надѣлавшій столько хлопотъ Европѣ островъ, съ его постояннымъ и пришлымъ населеніемъ, чуть не дванадцати языковъ. Но и этотъ крикъ къ владѣніямъ Минотавра былъ лю-

безностью «Русскаго общества пароходства и торговли» по отношенію къ нашей эскадрѣ и сухопутному отряду на Критѣ, какъ единственная возможность обмѣна почтовой корреспонденціи.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ рельефнѣе выдѣлялись на фонѣ южнаго неба вершины, полныя мнѳологическихъ преданій. Скоро дорогу намъ перегородило нѣчто въ родѣ мола, такъ что съ полчаса я былъ убѣжденъ, что передо мною — сооруженіе рукъ человѣческихъ, но когда пароходъ поровнялся съ нимъ, оказалось, что это берегъ, верхняя линія котораго на большомъ разстояніи шла параллельно морю. Скоро зыбь, заставлявшая слегка поклевать носомъ наше судно, исчезла, какъ по мановенію волшебнаго жезла, и струя за кормой стала бѣднѣе, не такой богатой пѣной и фосфорическими блестками: мы входили въ Судскую бухту, куда путь намъ указывалъ красноватый, привѣтливо мигающій огонекъ маяка. Вотъ вправо выросъ островокъ съ крѣпостными верками форта «Изединъ», защищавшаго входъ въ бухту, въ глубинѣ которой застрѣбли бѣлые и алые огни: они обозначали присутствіе военныхъ судовъ разныхъ націй. Съ одного изъ нихъ вдругъ зарыскалъ по зеркальной поверхности моря длинный сногъ электрическаго свѣта и, поймавъ быстро нашъ пароходъ и какъ бы любовно обнявъ его, такъ на немъ и замеръ. Глухо застучала цѣпь вытравливаемого якоря, и «Королева Ольга» остановилась. Вскорѣ отъ броненосца «Императоръ Александръ II», такъ родственно насъ встрѣтившаго и освѣтившаго, какъ звѣзда первой величины скромную планету, отдѣлился огонекъ и быстро побѣжалъ по направленію нашего парохода: за нимъ показался другой, не такъ уже снѣжившій. Черезъ нѣсколько минутъ къ правому трапу легко подошелъ бѣлый, какъ снѣгъ, паровой катеръ и молодой, очень красивый флагъ-офицеръ командующаго эскадрой контръ-адмирала Н. И. Скрыдлова поднялся на палубу. Послѣ взаимныхъ представленій, я узналъ отъ прибывшаго, что на броненосцѣ меня ждутъ, что мнѣ отведена каюта № 17 и назначенъ вѣстовой. Пока мичманъ занимался скучнымъ и кропотливымъ дѣломъ приѣма корреспонденціи и выдачей разнаго рода росписокъ, я съ любопытствомъ занялся новой окружающей военной обстановкой. Справа, слѣва и впереди обрисовывались мощные контуры броненосцевъ, вдали на го-

ризонть видѣлись огоньки мѣстечка Суды. Внизу, у борта парохода, покачивались катера паровой и гребной, и видѣлись симпатичныя фигуры нашихъ матросиковъ въ бѣлыхъ рубашкахъ съ большими синими воротниками и слышался родной говоръ съ вологодскимъ акцентомъ. Типичныя ихъ лица освѣщались съ одной стороны электричествомъ, съ другой — луной. На палубѣ дожидался степенный, бравый унтеръ-офицеръ, впоследствии проявившій много таланта въ матросскомъ спектаклѣ, устроенномъ на броненосцѣ. — Наконецъ, всѣ почтовые формальности были окончены, мы спустились по узкому трапу и вошли въ катеръ, который хлопотливо стуча машиной и таща на буксирѣ гребной, — направился къ броненосцу. Когда мы къ нему приблизились, нужно было высоко поднять голову, чтобы увидѣть верхнюю палубу. Впоследствии, подробно познакомившись съ внутреннимъ устройствомъ гиганта, я, какъ-то, въ шутку, въ каютъ-компаніи, назвалъ его губернскимъ городомъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ заключалъ въ себѣ много того, что составляетъ городскіе элементы: церковь, театръ, клубъ, судъ, канцелярію, цѣлыя фабрики (въ видѣ машинныхъ отдѣленій), мастерскія, магазины, войско (экипажъ броненосца) и т. п. Но особенно было дорого, что гдѣ-то у береговъ далекаго, совсѣмъ чуждаго острова, пришлось счастливо встрѣтиться съ цѣлымъ русскимъ міркомъ, съ близкими по сердцу и духу людьми, съ дорогими завѣтными русскими обычаями и даже съ частью русской территоріи, принимая въ расчетъ не маленькую судовую палубу въ нѣсколько этажей, изъ которой, въ развитіе дальнѣйшаго сравненія съ городомъ можно было бы выкромить немало площадей, улицъ и переулковъ. Когда мы взошли на броненосецъ, мнѣ бросилось первое въ глаза, какъ изваянная, фигура часового у трапа; царившая кругомъ тишина нарушалась лишь шагами вахтеннаго офицера. Спускаясь внизъ за моимъ любезнымъ чичероне, я долженъ былъ все время нагибаться и лавировать между лежавшими въ подвѣшенныхъ къ потолку койкахъ, какъ въ громадныхъ коконахъ, матросами, а ихъ было до 700 человекъ. Послѣ долгихъ переходовъ и поворотовъ я попалъ, наконецъ, въ отведенную мнѣ каюту. На маленькомъ пространствѣ, не болѣе квадратной сажени, были разставлены съ большимъ умѣніемъ: шкафъ, умывальникъ, столъ и кровать,

все изъ краснаго дерева, и еще оставалось свободное мѣсто; электрическая лампочка, кокетливо запрятанная въ голубой колпачекъ, лила мягкій, пріятный свѣтъ на дивно отполированныя, бѣлыя стѣны каюты, и на меня повѣяло чѣмъ-то особеннымъ, неизвѣданнымъ. Въ открытый иллюминаторъ доносился равномерный плескъ морской воды о борта броненосца и ощущался ея іодистый запахъ. Изъ-за запертой двери каюты раздавался ритмическій глухой звукъ: сначала я мечталъ, что вотъ-вотъ онъ прекратится, такъ какъ сильно мѣшалъ заснуть: но не тутъ-то было: машина продолжала свое назойливое выступиваніе. Особенно было несносно, что время отъ времени она, какъ будто, уставала и замедляла ходъ; у меня всякій разъ при этомъ снова нарождалась надежда: а вдругъ перестанетъ, — но ходъ снова увеличивался и съ большей силой билъ по слуховымъ органамъ. Утромъ мнѣ объяснили, что это вѣчный труженикъ — опрѣснитель, добывающій воду для питья и мытья, и окрещенный въ каютѣ-компаніи «Камерономъ». Не прекращавшаяся ни на минуту работа сдѣлала опрѣснителя моимъ личнымъ врагомъ, и подъ конецъ моего пребыванія на броненосцѣ я взмолился перевести меня изъ № 17 поближе къ каютѣ-компаніи, и слезная просьба моя была уважена.

Когда я утромъ вышелъ на палубу вмѣстѣ съ адмираломъ, чтобы представиться обществу офицеровъ, передо мною развернулась дивная картина. Обширный рейдъ окаймлялся одѣтыми еще зеленью горами, круто спускавшимися къ морю и только по направленію къ Канеѣ образовавшими покрытую оливковыми деревьями долину, гдѣ привѣтливо бѣлѣли домики Суды. Продолженіемъ ея вглубь бухты являлись длинныя, каменные зданія таможни и двухъ-этажная казарма, на которой развѣвался австрійскій флагъ. Вокругъ «Александра II» видѣлись суда великихъ державъ. За его кормой обрисовывались мощныя формы итальянскаго флагманскаго броненосца «Сардинія», представляющаго послѣднее слово судостроенія. Влѣво отъ него видѣлся англичанинъ «Компердоунъ», извѣстный потопленіемъ своего собрата «Викторіи». По сторонамъ стояли два плохо-плохо окрашенные и содержанныя турецкіе броненосца, при чемъ одинъ былъ безъ котловъ, и какъ разбитый параличемъ старикъ, уже съ годъ не могъ двинуться съ мѣста. Бѣлый, кокетливый нашъ крейсеръ «Гро-

заящій» помѣстился рядомъ съ англійскимъ «Гусаромъ», а напротивъ разводила пары, канонерская лодка «Посадникъ». За нею, точно двѣ большія сѣрыя сигары поколыхивались на волнахъ два русскихъ миноносца. Противъ нашего броненосца возвышался французскій: — «Адмиралъ Шарнеръ».

Вскорѣ на палубѣ выстроился хоръ музыки, и раздалась команда вахтеннаго офицера: «На флагъ, на гюйсъ!» Все замерло въ ожиданіи сигнала со старшаго флагманскаго судна — итальянскаго. Но вотъ взвился его красивый кормовой флагъ, и въ тиши теплаго мартовскаго утра понеслись со всѣхъ сторонъ по волнамъ торжественные звуки національныхъ гимновъ всѣхъ великихъ державъ — опекуновъ Крита. На каждомъ броненосцѣ ихъ играли поочередно, прибавляя изъ вѣжливости къ хозяевамъ страны и турецкій. «Флагъ и гюйсъ поднять!» раздалась у насъ команда, и громадный бѣлый флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ медленно поднялся на кормѣ. Всѣ офицеры обнажили головы, и послышались торжественные звуки нашего гимна, а за нимъ и остальныхъ. По окончаніи этой ежедневной церемоніи и рапортовъ начальниковъ отдѣльныхъ частей командиру броненосца, начался обычный его служебный день. Вездѣ вокругъ все стихло, только британцы долго не могли уняться, и на ихъ палубѣ съ часъ еще гремѣла музыка.

Помѣщеніе адмирала, куда мы собрались къ чаю, было очень обширное сравнительно со скромными размѣрами офицерскихъ каютъ. Оно состояло изъ залы, игравшей одновременно и роль столовой; у боковыхъ ея стѣнъ стояли два шести-дюймовыя орудія, отдѣланныя заново, точно игрушки; небольшой комнаты, выходявшей балкономъ на корму, откуда открывался дивный видъ на море и горы, кабинета и спальни, къ которой примыкали помѣщенія прислуги. Обычными гостями адмирала были командиръ броненосца и два флагъ-офицера — душевные и симпатичные, какъ всѣ моряки, люди, и мы скоро сошлись. Послѣ чая они занялись своими служебными обязанностями, а я, будучи празднымъ, принялся за наблюденія и изученіе совсѣмъ неизвѣстной для меня своеобразной морской обстановки. То къ правому, то къ лѣвому трапу броненосца все время подходили шлюпки со всѣхъ судовъ эскадры съ командами въ церковь для говѣнья, такъ какъ была шестая недѣля Великаго

поста, при чемъ на правую сторону ихъ приставало совсѣмъ мало. Вахтенный офицеръ любезно объяснилъ мнѣ, что правый трапъ—«господскій», для лицъ не ниже капитана 2-го ранга, а всѣ остальные чины и команда пристають съ чернаго хода—лѣваго трапа.

Въ батарейной палубѣ уже началась обѣдня, которую служилъ симпатичный, молодой еще священникъ при большомъ и спѣвшемся хорѣ пѣвчихъ. Матросы, набожно крестясь, клали земные поклоны и ставили свѣчи у образовъ. На верхнемъ мостикѣ, куда я прошелъ изъ церкви, суетились сигнальщики.

— Куда ты «вѣди» задѣваль? ворчалъ приземистый, съ кривыми ногами матросъ на виднаго, красиваго брюнета съ широкой, загорѣлой шеей, отыскивая въ кучѣ свернутыхъ флаговъ нужное ему «вѣди»^{*)}).

— Не видишь что ли, у тебя подъ ногами! огрызнулся брюнетъ.

— А и взаправду! обрадовался тотъ, схватывая найденный флагъ и привязывая его къ веревкѣ.

— Ишь, идола, не понимаютъ, пробормоталъ онъ, глядя въ сторону «Посадника», который держалъ флагъ на половинѣ, не разобравъ вполне поданнаго сигнала.

— Кажись, ясно по буквамъ выходитъ: командѣ послѣ обѣда занятіевъ не производить, а мыть бѣлье. Впрочемъ, не наврала ли я самъ? Ну ка, Микишевъ, спорхай въ рубку, посмотри въ книгу.

— Такъ и есть, радостно ухмыляясь возвѣстилъ тотъ, возвращаясь;—ты что взялъ?

— Буки, земля, нашъ, вѣди.

— Ну, а надо: буки, земля, нашъ, добро.

— Ахъ, чтобъ ты лопнулъ! засуетился сигнальщикъ, торопясь опустить флаги и поправить ошибку.

Сойдя еще ниже этихъ двухъ палубъ, я попалъ въ домашнюю обстановку жизни броненосца. Около моего врага, «Камерона» визжали токарные станки, работали слесари и плотники, оживленно между собою разговаривая.

^{*)} Во флотѣ извѣстныя сочетанія цвѣтовъ флага обозначаютъ ту или другую букву; сочетанія же ихъ образуютъ цѣлыя фразы, и такимъ образомъ съ адмиральскаго судна передаютъ приказанія и переговариваются съ другими судами эскадры.

— Вотъ какое дѣло, братцы, возгласилъ курносый товарь, бросая стамеску и вытирая обильно проступившій на лицѣ потъ,—въ ресторантъ просто и зайти нельзя: итальянцы сейчасъ въ морду лѣзутъ!

— Это дѣйствительно, поддержаль его другой, — одинъ и не суйся, одно осталось: собраться побольше народу на берегу, да излупить ихъ всѣхъ, какъ сидоровыхъ козъ!

— Такъ-то оно вѣрнѣе будетъ, отозвался сидѣвшій на корточкахъ бородатый кочегарь,—а то Малновъ, дуракъ, забрался въ деревню къ дрисальерамъ ихъ, собралъ всѣхъ въ кружокъ да и объявилъ: «Итальяно по боно» — тѣ такъ его отдули, что вторую недѣлю въ лазаретѣ лежитъ.

— И впрямь дуракъ, нешто такъ можно! слышались кругомъ голоса, и снова загудѣли станки.

Въ сопровожденіи встрѣтившагося мнѣ лейтенанта-художника и поэта, подмѣчавшаго всѣ стороны критской эпопеи, я прошелъ въ «камбузъ»^{*)}. Тамъ суетился поварь и кашевары въ бѣлыхъ фартукахъ и колпакахъ, приготовляя «пробу»^{**}), которую старшій боцманъ скомандовалъ нести командиру. На бакѣ нѣсколько матросовъ, какъ дѣти, возились съ двумя ручными газелями, пойманными на Критѣ. Красивыя козочки чувствовали себя на броненосцѣ какъ дома, перебираясь на тоненькихъ ножкахъ по трапамъ съ одной палубы на другую. Но вотъ пробили «склянки» и какъ изъ-подъ земли выросшій бравый адмиральскій вѣстовой пригласилъ насъ къ завтраку.

— Вы знаете, что у насъ, на военныхъ судахъ, время считается на «склянки», обратился ко мнѣ мой лейтенантъ,—както боцманъ закричалъ дневальному: «бей восемь склянокъ; какой-то новобранецъ, только что прибывшій на броненосецъ, услышавъ этотъ возгласъ, наивно взмолился къ нему: «Дяденька, не бей всѣхъ, оставь мнѣ хоть парочку!»

*) Такъ называется кухня на военныхъ судахъ.

***) Ежедневно командиръ и вахтенный офицеръ пробуютъ пищу нижнихъ чиновъ и имъ приносится пробная порція или «проба».

II.

Послѣ завтрака мы съ адмираломъ отправились вдвоемъ на берегъ. Ему нужно было осмотрѣть казармы, которыя за уходомъ австрійскаго батальона переходили въ вѣдѣніе русскихъ, итальянскихъ и англійскихъ войскъ. На каменныхъ плитахъ набережной, гдѣ присталъ нашъ катеръ, кипѣла жизнь;—смуглые берсальеры въ круглыхъ, съ пѣтушьими султанами шляпахъ, грузили вещи, перевезенныя съ ихъ судовъ, на двухколесныя телѣги, запряженныя рослыми, красивыми мулами. Недалекъ австрійцы въ синихъ блузахъ таскали свои пожитки на причаленные къ берегу баркасы, около которыхъ покачивались на волнахъ катеры и шлюпки съ судовъ разныхъ націй. Вдалекъ, у сараевъ, возились наши матросы, укладывая кули съ мукой, пожертвованной Государемъ критянамъ. Далѣе нѣсколько англійскихъ офицеровъ играли въ лаунъ-теннисъ, весело перекрикиваясь между собою.

Турецкіе часовые у складовъ, съ невозмутимо апатичными физиономіями, въ старыхъ, вытертыхъ мундирахъ, съ массою патроновъ, въ высокихъ фескахъ, спокойно приглядывались къ пестрой картинѣ иноземнаго нашествія. Но вотъ отъ толпы работавшихъ австрійцевъ отдѣлился офицеръ и, держа руку подъ козырекъ, подошелъ къ адмиралу. «Здравствуйте», привѣтствовалъ тотъ его по-русски, что меня нѣсколько удивило, но это было ничто въ сравненіи съ моимъ изумленіемъ, когда тотъ, съ маленькимъ акцентомъ, отвѣчалъ: «Честь имѣю кланяться вашему превосходительству» и сталъ поддерживать по-русски разговоръ и со Скрыдловымъ, и со мною. Оказалось, что батальонъ весь состоитъ изъ русиновъ, и что бесѣдовавшій съ нами лейтенантъ долго стоялъ съ полкомъ въ Галиціи. Мы вмѣстѣ съ нимъ прошли въ казармы. Тамъ вездѣ царилъ образцовый порядокъ и чистота, какъ и во всей прилежащей мѣстности. Батальонъ устроился такъ, какъ будто навсегда располагалъ остаться на Критѣ. Вездѣ проложены были вымощенныя дороги, устроены изгороди, разбиты цвѣтники, возведены бесѣдки. Въ казармахъ стѣны были выбѣлены на славу, вездѣ висѣли надписи, указывавшія на кубическое содержаніе воз-

духа и число людей въ комнатѣ. Устроено было даже офицерское собраніе и притомъ съ большимъ комфортомъ, а также и прачешная для мытья солдатскаго бѣлья, съ проведенною водою и котлами.

На третій день моего пребыванія на Критѣ, мнѣ пришлось присутствовать при проходахъ этого батальона, покидавшаго островъ. На нихъ собирались всѣ адмиралы и офицеры съ судовъ разныхъ націй, а турки, въ знакъ особаго почета и радости по случаю ухода австрійцевъ, послали къ берегу всѣ гребныя суда со своихъ броненосцевъ. Къ батальону, построенному противъ казармъ «покоемъ», при чемъ на знамени и у каждаго солдата на шапкѣ видѣлись оливковыя вѣтви, подошелъ адмиралъ Гинке и на нѣмецкомъ языкѣ сказалъ довольно длинную рѣчь, которой, конечно, никто изъ нижнихъ чиновъ не понялъ; затѣмъ полковой капелланъ въ сутанѣ и военномъ головномъ уборѣ—цвѣтовъ полка—прочелъ молитву; музыканты заиграли гимнъ, подъ звуки котораго флагъ Австріи медленно опустился внизъ. Послѣ этого по рядамъ солдатъ обошелъ, прощался, старшій итальянскій адмиралъ Каневаро, и батальонъ перестроился въ колонну «по отдѣленіямъ» для послѣдняго церемоніальнаго марша на критской территоріи. Въ ту самую минуту, когда командиръ готовился провести австрійцевъ мимо адмираловъ, издалека послышались родные звуки удалой русской пѣсни, въ судскихъ воротахъ забѣлѣли фуражки житомирцевъ, и въ то время, когда русины, какъ гуси, тяжело шагали подъ австрійскимъ знаменемъ, ихъ старшіе братья по крови легкимъ, свободнымъ шагомъ перерѣзали имъ дорогу, направляясь къ казармамъ. Запѣвало выводилъ рулады, весело стучалъ бубень, и «по горамъ твоимъ балканскимъ» будило продолжительное эхо въ критскихъ ущельяхъ. Адмиралы и офицеры забыли австрійцевъ и съ видимымъ любопытствомъ и удовольствіемъ присматривались къ смуглымъ загорѣлымъ русскимъ лицамъ, а черезъ нѣсколько минутъ по ихъ приходѣ, нашъ флагъ гордо занялъ мѣсто на флагштокѣ. Въ это время барказы везли уже австрійцевъ на ихъ суда. Мы также вернулись на броненосецъ, гдѣ старшій артиллерійскій офицеръ распорядился о подготовкѣ прощальнаго салюта. Прошло съ полчаса, и всѣ австрійскія суда стали сниматься съ якоря. По-

слѣднимъ тронулся броненосецъ «Wien» и сталъ лавировать между своими собратьями другихъ націй, салютуя пушечными выстрѣлами; вотъ начались отвѣтные салюты и стали повторяться въ горахъ безъ конца перекатами. Борты судовъ окутывались то съ одной, то съ другой стороны клубами молочнаго дыма; со всѣхъ сторонъ доносились звуки австрійскаго гимна. Команды, посланныя по вантамъ, кричали «ура» отплывающимъ товарищамъ. Но вотъ «Wien» почти вплотную подошелъ къ нашему броненосцу, клики съ обоихъ судовъ усилились, австрійцы и наши махали фуражками, офицеры кланялись и кричали другъ другу послѣднія привѣтствія. Колосъ «обрѣзалъ намъ носъ»*) и, вздымая винтомъ молочную пѣну, направился къ итальянцамъ, затѣмъ обогнулъ англійскій «Кампердоунъ» и, прибавивъ ходъ, сталъ дѣлаться все меньше и меньше, пока не исчезъ за горой, въ открытомъ морѣ. По уходѣ австрійцевъ на рейдѣ стало просторнѣе и нѣкоторыя суда перемѣстились на болѣе удобныя мѣста.

Всю страстную недѣлю у насъ на броненосцѣ отправлялись церковныя службы, и всѣ готовились къ заутренѣ. Красивую картину представлялъ «Императоръ Александръ II» со стороны, во время чтенія двѣнадцати Евангелій, сіяя массой огоньковъ теплищихся свѣчей; но заутреня вышла еще торжественнѣе. Электрическія лампочки освѣтили весь путь на палубѣ, гдѣ долженъ былъ пройти крестный ходъ. Офицеры въ парадной формѣ, матросы во всемъ новомъ, красивые костюмы рослыхъ, видныхъ черногорцевъ, прибывшихъ на заутреню къ своимъ единовѣрцамъ, бѣлыя облаченія священнослужителей, производили совсѣмъ исключительное впечатлѣніе. По окончаніи обѣдни состоялось торжественное розговѣнье въ каютъ-компаніи, которая, залитая электрическимъ свѣтомъ, утопала въ цвѣтахъ, столы ломились подъ тяжестью яствъ, радушіе хозяевъ не поддавалось описанію, и положительно не вѣрилось, чтобы все это происходило у пустынныхъ береговъ Крита, а не въ далекой, родной матушкѣ-Россіи.

*) «Обрѣзать носъ или корму» на морскомъ жаргонѣ значитъ пройти близъ носа или кормы судна и чѣмъ ближе, тѣмъ лучше, конечно, съ непремѣннымъ условіемъ—не задѣть.

Николай Илларионовичъ Скрыдловъ, за обѣдомъ, на третій день праздника Пасхи, сообщилъ мнѣ, что завтра мы пойдемъ въ самое гнѣздо инсургентовъ «Апокорона» раздавать муку и что, по слухамъ, они готовятъ торжественную встрѣчу. Въ назначенный адмираломъ часъ собрались на палубѣ все участники поѣздки — какъ съ броненосца, такъ и съ другихъ судовъ эскадры. Паровые катера, стояшіе съ утра на «шкентелѣ»*), подошли къ правому трапу. Вотъ раздалась команда вахтеннаго офицера: «фалгребныхъ на правую», и внушительная фигура адмирала появилась наверху лѣстницы. Скоро мы размѣстились въ катерахъ, и они, какъ бѣлыя чайки, полетѣли по изумруднымъ волнамъ, вздымая носами бѣлую пѣну, которая сверкала на солнцѣ жемчугомъ и алмазами, черезъ минуту снова растворяясь въ своей родной стихіи. Вотъ обрисовался желтый фортъ Изединъ, изъ-за стѣнъ котораго кое-гдѣ краснѣли фески; вотъ вправо отъ него выросъ и нашъ пограничный кордонъ-фортъ съ красивой мачтой для сигналовъ, и мы вышли въ открытое море. На горизонтѣ его видѣлся пароходъ, шедшій въ Египетъ, да нѣсколько альбатросовъ — все же остальное была одна движущаяся, темносиняя пелена, на которой ближе къ намъ рѣзко бѣлѣли гребни волнъ. Черезъ три четверти часа мы были уже у цѣли нашего путешествія. Маленькая деревня сползла къ самому берегу и бѣлѣла на темномъ фонѣ горъ. На отмели тѣснилась толпа критянъ съ длинными ружьями. Катера отдали якорь и остановились саженьхъ въ двадцати отъ берега, такъ какъ пристать къ нему, вслѣдствіе прибоя, было невозможно. Пришлось переправляться до берега на «двойкѣ»**) по три человѣка. Гостепріимные хозяева притащили доску и стулъ, и устроили импровизированную пристань. Первымъ сошелъ на берегъ адмиралъ въ сопровожденіи старшаго офицера барона Индревіуса и священника. Восторженный гулъ привѣтствовалъ его, пока адмиралъ христосовался съ главарями; раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, обычный салютъ на Востокѣ. Скоро мы двинулись къ деревенской маленькой церкви, надтреснутый колоколь которой звонилъ, празднуя дру-

*) Т.-е. спущенные на воду.

**) Маленькая шлюпка.

жескій прїздъ. Узкая улица была запружена главнымъ образомъ женщинами: онѣ тѣснились и въ окнахъ, и на крышахъ домовъ, радостно-любопытныя лица оглядывали нашъ кортежъ, который, сверкая стволами длинныхъ винтовокъ, растянулся далеко по улицѣ. Вотъ на дорогѣ показалась устроенная изъ зелени арка, на которой видѣлись портреты Государя, Государыни и принца Георга греческаго; пройдя ее мы подошли къ бѣдной, какъ-то вросшей въ землю, каменной церкви. Внутренность ея соотвѣтствовала внѣшнему виду. Убогой иконостасъ, старенькія хоругви, на которыя сквозь узкія окна, въ изобиліи лились солнечные лучи, коротенькія ризы священниковъ, составлявшія рѣзкій контрастъ съ богатымъ облаченіемъ сослужившаго имъ нашего батюшки,—все это указывало на трудную жизнь, тяжелыя условія быта, когда изъ бюджета почти ничего нельзя было удѣлять на храмъ. Когда прекрасный хоръ пѣвчихъ съ броненосца грянулъ: «Христосъ Воскресе», точно электрическій токъ пробѣжалъ въ толпѣ, наполнившей церковь. Всѣ лица засіяли радостью, какимъ-то огнемъ загорѣлись глаза; въ первый разъ, можетъ быть, многимъ пришлось услышать такое служеніе. Когда же впервые на эктени упомянуто было царское имя,—оглушительное «зито» потрясло своды. Изъ всѣхъ устъ вырвалось оно, какъ какой-то наболѣвшій, долго сдерживаемый возгласъ;—давно уже онъ назрѣвалъ въ сердцахъ забытыхъ и обездоленныхъ критянъ. По окончаніи молебна и освященія мукъ всѣ присутствующіе гости получили по букету цвѣтовъ, и адмиралъ, въ сопровожденіи своей все возроставшей свиты, направился къ слѣдующей деревнѣ, находившейся верстахъ въ пяти отъ берега, между горъ на высококомъ холмѣ.

На серединѣ разстоянія между деревнями насъ привѣтствовала новая толпа. Во главѣ ея стоялъ священникъ въ камилавкѣ; на немъ поверхъ рясы бросался въ глаза поясъ, униженный патронами, за который заткнутъ былъ большой кривой кинжалъ. Въ рукахъ у этого воинственнаго служителя церкви была громадная винтовка, и ею онъ отсалютовалъ при приближеніи дорогихъ гостей. Послѣ христосованія со всѣми онъ перекинулъ ружье на плечо и присоединился къ намъ. Въ числѣ главарей, привѣтствовавшихъ адмирала, было нѣсколько

въ европейскіяхъ платьяхъ. Особенно хлопоталъ и безъ толку суетился одинъ изъ нихъ, отрекомендовавшійся намъ «адвокатомъ»; мы въ концѣ концовъ всё пришли къ заключенію, что онъ до того надоѣсть инсургентамъ, что они непременно его побьютъ.

При входѣ въ деревню, адмирала встрѣтило все ея населеніе и старшины провели насъ къ громадному дереву, гдѣ стояли столъ и скамьи и протекалъ по камнямъ чистый, какъ кристалль, ручей съ необыкновенно вкусной водой, которой насъ всѣхъ угощали вмѣстѣ съ плодами. Когда мы шли сюда намъ показали осколокъ снаряда, пущеннаго съ англійскаго броненосца «Компердоуна» и разорвавшагося въ самой деревнѣ во время бомбардировки, предпринятой адмиралами, съ цѣлью заставить инсургентовъ подчиниться ихъ требованіямъ. Кусокъ былъ очень почтенныхъ размѣровъ, и его трудно было сдвинуть съ мѣста. Неутомимый адмиралъ направился послѣ краткаго отдыха въ третью деревню; мы же, нѣсколько человѣкъ, предпочли остаться и, пользуясь свободнымъ временемъ до обѣда, изучить немного критскіе нравы. Вся деревня состояла изъ каменныхъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ домовъ, построенныхъ на восточный ладъ. Въ ней было нѣсколько лавокъ, въ то же время и своего рода кабаковъ, гдѣ распивалась «мастика»*) и курились кальяны. Мы вошли въ одну изъ нихъ; намъ тотчасъ же подали курево, и сидѣвшіе тутъ нѣсколько инсургентовъ предупредительно бросились раздувать уголья; хозяинъ же поднесъ на блюдѣ «мусмалы»**); такъ какъ объясняться мы съ ними не умѣли, то ограничивались только дружелюбными похлопываніями другъ друга по плечу, улыбками и нѣсколькими несложными фразами благодарности. Посидѣвъ здѣсь съ четверть часа, мы двинулись въ гору къ бѣлѣвшему вдали большому дому, лучшему во всей деревнѣ, гдѣ было приготовлено угощеніе для адмирала и его свиты. Дорога была трудная, такъ какъ безчисленное количество мелкихъ и крупныхъ камней устилали путь и затрудняли движеніе. Солнце грѣло изрядно, и мы всё были очень рады, когда

*) Родъ мятной водки.

***) Фруктъ, похожій на сливу, но очень кислый на вкусъ.

вошли въ прохладныя и сравнительно комфортабельныя комнаты. Хозяина не было дома; онъ ушелъ съ адмираломъ, жена же его и дочери хлопотали въ кухнѣ у очага, гдѣ на вертелахъ жарились два громадныхъ барана. Обстановка комнатъ была совсѣмъ европейская: мягкіе диваны, стулья, ковры, занавѣски на окнахъ, фотографіи въ рамкахъ,—все это указывало на относительную цивилизацію и на знакомство съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Вскорѣ отдаленный гулъ возвѣстилъ намъ возвращеніе адмирала, и, при входѣ въ домъ, его привѣтствовала вся семья, и начался обѣдъ, состоявшій изъ вышеупомянутыхъ барановъ, овечьего сыра, рыбы и плодовъ, апельсиновъ и мусмалы. Вино было также мѣстное, вкусомъ и запахомъ напоминавшее не то смолу, не то керосинъ. Къ общему удивленію въ концѣ обѣда захлопали пробки отъ двухъ бутылокъ шампанскаго, и я началъ было мѣнять свое мнѣніе о характерѣ грековъ-критянъ, видя такую щедрость и стремленіе, какъ можно лучше принять дорогихъ гостей. Но въ этомъ первомъ впечатлѣніи пришлось скоро разочароваться, когда адмиралу любезные хозяева за этомъ обѣдъ подали счетъ не болѣе, не менѣе, какъ въ 253 франка. Когда въ удивленіи отъ такой цифры, которая была въ пору только «Кюба», спросили, почему она такъ велика, милые хозяева, нѣсколько сконфуженные, отвѣчали, что 100 франковъ изъ этого счета они предназначили въ пользу бѣдныхъ. Тѣмъ не менѣе и остальная сумма все-таки была чрезмѣрно велика за двухъ барановъ, двѣ бутылки шампанскаго и за остальныя яства, которыя въ сущности хозяевамъ почти ничего не стоили. Разумѣется, адмиралъ приказалъ заплатить все, что они потребовали, но потомъ на броненосцѣ долго вспоминали про гостепріимный обѣдъ критянъ и не могли достаточно надивиться ихъ рѣдкому нахальству. Обратный путь къ берегу совершился тѣмъ же порядкомъ, только передъ выступленіемъ мы всѣ снова собрались къ вышеупомянутому источнику, гдѣ намъ предложено было посмотреть народныя танцы.

Музыкантъ съ двухструнною скрипкой въ рукахъ, на которой онъ игралъ, уперевъ ее дѣкой въ колѣно, началъ заунывный мотивъ, въ которомъ очень трудно уловить какую нибудь ме-

лодію. При первыхъ ея звукахъ изъ толпы, насъ окружавшей, выдѣлилось четыре чудно сложенныхъ молодца, которые, плавно разводя руками и прытопывая въ тактъ ногами, начали своеобразный національный танецъ. Исполняли они его съ рѣдкой граціей и ловкостью, приковывавшей къ себѣ вниманіе и заставлявшей забывать скудную музыку. По окончаніи разныхъ сложныхъ фигуръ нѣсколькими танцорами, которыхъ вытаскивалъ изъ толпы все тотъ же неунывавшій «адвокатъ», мы простились съ жителями и направились къ морю. Здѣсь, въ первой посѣщенной нами деревнѣ, насъ снова просили выпить кофе, но денегъ уже за него не взяли. Одинъ изъ присутствовавшихъ стариковъ сказалъ горячую, прочувствованную рѣчь на тему единодушныхъ симпатій и стремленій критянъ къ Россіи. Последнія слова его были покрыты долго несмолкавшимъ, единодушнымъ «зито», которое доносилось къ намъ съ берега вплоть до самыхъ катеровъ и къ удивленію моему не сопровождалось ни однимъ выстрѣломъ. Оказалось, что послѣ встрѣчи въ первой деревнѣ адмиралъ просилъ старшинъ не позволять больше стрѣлять во избѣжаніе возможныхъ по этому поводу недоразумѣній съ международными войсками, и просьба эта была свято исполнена.

III.

Я стоялъ на палубѣ броненосца и любовался на стадо дельфиновъ, которые рѣзвились въ изумрудныхъ, прозрачныхъ волнахъ, то ныряя, то выскакивая изъ воды, когда около меня раздалась фраза: «Вы съ адмираломъ поѣдете на скачки?» Я переспросилъ подошедшаго ко мнѣ лейтенанта, думая, что ослышался, но къ удивленію моему дѣйствительно оказалось, что въ Канеѣ французы устроили скачки для офицеровъ и нижнихъ чиновъ всего международного отряда. Призы офицерскіе состояли изъ извѣстнаго количества бутылокъ шампанскаго, солдатамъ же и матросамъ предназначались денежные награды по подпискѣ. Скачки должны были начаться въ три часа, о чемъ гласило любезное приглашеніе, доставленное съ французскаго броненосца «Amiral Charnier» въ нашу каютъ-компанію.

Долго не забуду я того винегрета національностей, какимъ кишѣла, обсаженная кактусами, пыльная дорога въ Канею. Первая попавшаяся намъ группа была наши и французскіе моряки на велосипедахъ. Веселый, молодой смѣхъ, возгласы на двухъ языкахъ слышны были еще издалека. Нѣсколько встрѣчныхъ осликовъ, на которыхъ, свѣсивъ ноги до земли, важно возсѣдали туземцы, пугливо понянулись въ канавы отъ самокатовъ. Тяжело проскрипѣли двѣ допотопнаго фасона кареты съ евнухами и черными возницами на козлахъ. Изъ-за полуопущенныхъ «жалюзи» видѣлись бѣлыя чадры и сверкали черные глаза турчанокъ. Одна изъ нихъ маленькой ручкой, тяжело унизанной перстнями, откинула въ сторону занавѣску, рискуя выставить изъ окна красивую голову и взглянуть вслѣдъ исчезавшимъ въ клубахъ пыли морякамъ. Далѣе попалась опять цѣлая партія критянь. Ихъ красивыя, необыкновенно стройныя фигуры, много теряли изъ своеобразнаго костюма, нижнюю часть котораго представлялъ цвѣтной, обыкновенно синій, мѣшокъ съ отверстіями для ногъ. Другимъ словомъ трудно было бы опредѣлить эту часть ихъ туалета, которая придавала критянамъ довольно комичный видъ. Всѣ они шли и ѣхали молча, помахивая длинными палками на ословъ и апатично относясь ко всей окружающей европейской обстановкѣ. За ними мелкою рысью, на породистыхъ, сѣрыхъ коняхъ проѣхалъ турецкій патруль. Всадники въ фескахъ и старыхъ, до бѣлыхъ нитокъ вытертыхъ мундирахъ, съ безчисленнымъ количествомъ патроновъ на перевязи,—наклонивъ ружья, свернули влѣво и, легко взявъ канаву, скрылись въ небольшой оливковой рощицѣ.

— Чудные солдаты! замѣтилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ.— Сколько времени остаются они безъ жалованья при самой скудной пицѣ и ревностно несутъ службу: ни малѣйшаго ропота на свое трудное положеніе, и все благодаря твердому упованію, что они совершаютъ дѣло, наиболѣе угодное ихъ великому проку, и что въ случаѣ смерти съ оружіемъ въ рукахъ противъ невѣрныхъ, каждый тотчасъ же очутится въ раю, среди гурій и вкусить вѣчное блаженство.

Разговоръ на эту тему былъ прерванъ новыми впечатлѣніями. На встрѣчу намъ неслась запряженная породистыми конями въ шорахъ, модная, съ высокимъ кузовомъ, коляска, ку-

черъ въ лоснящемся на солнцѣ цилиндрѣ въ туго накрахмаленномъ, подпиравшемъ подбородокъ воротникъ и щегольской ливреѣ съ аксельбантомъ ловко миновалъ, объѣзжая многочисленные ухабы. Сидѣвшая въ экипажѣ очень красивая съ профилемъ каменъ дама, вся въ кружевахъ, придававшихъ ея туалету совсѣмъ воздушный видъ, любезно закивала красивой головкой нашей кавалькадѣ. Это была супруга командира итальянскихъ сухопутныхъ войскъ—предметъ явнаго и тайнаго поклоненія всей международной военной молодежи.

Нѣсколько дальше обогнали мы троихъ шотландцевъ, съ голыми икрами и болтающимися спереди мѣховыми сумками. Они видимо также, не снѣша, направлялись къ мѣсту скачекъ, покуривая короткія трубочки и перебрасываясь несложными, веселыми фразами. У воротъ полуразрушеннаго дома, совсѣмъ придвинушагося къ дорогѣ, красовались, принявъ воинственныя позы, два итальянскихъ карабинера въ старинныхъ, трехугольныхъ шляпахъ наполеоновскихъ временъ. Эти «деревенскіе Нероны», какъ ихъ зовутъ въ Италіи, играли ту же роль и на Критѣ, неся трудную полицейскую службу въ окрестностяхъ Канеи. Встрѣтились намъ и нѣсколько штатскихъ, кто въ фескѣ, кто въ европейской шляпѣ—и на мой вопросъ мнѣ сказали, что это были подрядчики разныхъ націй, явившіеся на Критъ въ надеждѣ легкой и быстрой наживы. Вотъ за поворотомъ дороги показалась могила турецкаго святого; въ мраморной нишѣ, украшенной золотыми изреченіями изъ Корана, горѣлъ неугасимый фонарь—и въ маленькую урну била струя небольшого фонтана. Въ полосѣ тѣни, бросаемой стѣнами саркофага, укрылись отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца два нашихъ солдатика житомірца и оживленно жестикулировали съ нѣсколькими своими товарищами изъ французской морской пѣхоты. Рыжій, весь въ веснушкахъ «унтеръ», только что скрутивъ «цыгарку», собирался угостить махоркой маленькаго французика, съ недоумѣніемъ посматривавшаго на клочекъ турецкой газеты, который послужилъ для фабрикаціи курева. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту скачекъ, мы обгоняли все больше и больше спѣшившей туда публики, преимущественно военной. Группа итальянскихъ офицеровъ, одѣтыхъ точно сейчасъ отъ портного, прорысили, согнувшись и широко разставивъ ноги; нѣсколько

черногорцевъ въ малиновыхъ, расшитыхъ курткахъ и маленькихъ круглыхъ шапочкахъ, самоувѣренно и властно глядя по сторонамъ, стояли на перекресткѣ и высматривали какой нибудь беспорядокъ, дабы, въ силу своего жандармскаго званія на островѣ, моментально его прекратить. По направленію отъ Канеи тащился рядъ рыдвановъ, пестрѣвшихъ дамскими платьями и зонтиками. Турецкій батальонъ, не обращая вниманія на праздникъ «гяуровъ», учился около своихъ казармъ, и красныя фески его, точно цвѣтки мака, раскинулись по полянѣ. Фономъ этой оригинальной картины индлеменнаго нашествія служила сама Канея, бѣлые домики которой ослѣпительно сверкали подъ солнечными лучами, а высокіе, тонкіе минареты смѣло прорѣзывали бирюзовую лазурь, какъ бы характеризуя собой востокъ лѣнивый, апатичный, въ своемъ созерцательномъ настроеніи, но въ то же время погруженный въ грезы о недосягаемомъ небесномъ, которое такъ реально воплотилось у него во всемъ земномъ.

У навильона съ флагами всѣхъ націй виднѣлись ряды стульевъ, занятыхъ дамами; французскіе солдаты и берсальеры съ характерными пѣтушиными хвостами на шляпахъ оцѣпляли скаковую арену и оттѣсняли назадъ толпу любопытныхъ критянъ, между конми выдѣлялись своими темнобронзовыми лицами и цвѣтными лохмотьями потомки аборигеновъ острова. Два хора музыки: итальянскій и французскій, играли, чередуясь между собою, и въ моментъ нашего пріѣзда мелодичные звуки «Cavaleria Rusticana» оглашали поляну. Скачки слѣдовали одна за другой, и взрывы смѣха собравшейся публики возбуждали тѣ вздохи, лошади которыхъ, къ великому ихъ отчаянію, не признавали кромѣ шага никакого аллюра. Въ одномъ состязаніи здоровенный, ражій дѣтина—англійскій матросъ, долго не могъ совсѣмъ сдвинуть съ мѣста остановившуюся передъ канавой клячу и, спѣшившись, обильно осыпалъ ее ударами. Толпа гоготала отъ удовольствія, и цѣль скачекъ—развлеченіе въ монотонной стоянкѣ, была такимъ образомъ вполне достигнута. Какъ контрастъ общему веселью, поднявшійся вѣтерокъ, совсѣмъ морской бризъ, насыщенный іодомъ и солями, доносилъ съ минаретовъ Канеи заунывные голоса муэдзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ къ вечернему намазу.

Обратный путь от скачекъ до Суды адмиралъ, неутомимый ходокъ, предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ пѣшкомъ по кратчайшей дорогѣ черезъ горы. Черезъ десять минутъ ходьбы мы очутились въ котловинѣ: кругомъ насъ возвышались исполинскія громады горъ, на фонѣ которыхъ бѣлѣла деревня Ниракура, — занятая русскою ротою. Трудно было идти, такъ какъ дороги въ настоящемъ смыслѣ слова не было, а тропинка между камнями, часто ими прерывалась и натруждала ноги, поэтому я съ большимъ удовольствіемъ усѣлся на бархатныя подушки щегольского катера, который занырялъ по волнамъ къ гостепріимному броненосцу — моему плавучему двухнедѣльному пріюту.

Только что видѣнная нами картина веселыхъ скачекъ наводила на размышленія совсѣмъ мирнаго свойства, и вдругъ два дня спустя изъ Каней донеслась вѣсть о свалкѣ турецкаго патруля съ французами, при чемъ турки ранили, и смертельно, нѣсколькихъ случайныхъ прохожихъ. Въ городѣ началась паника. Лавки закрылись, жители попрятались, кто куда могъ. Европейскія войска заняли мѣста по боевому расписанію на случай тревоги. Засуетились и у насъ на броненосцѣ.

Когда я взошелъ на верхнюю палубу, густая мгла спустилась на Судскую бухту, такъ что присутствіе стоявшихъ кругомъ насъ судовъ можно было угадать лишь по огнямъ разноцвѣтныхъ фонарей и каютъ. Съ французскаго броненосца отчетливо доносились къ намъ по заснувшимъ волнамъ звуки упорительнаго, задорнаго вальса; у насъ на палубѣ суетились сигнальщики, передавая фонарями приказаніе адмирала пѣхотному посту въ Судѣ относительно высылки въ горы патрулей. Но вотъ съ итальянскаго броненосца сверкнулъ электрической фонарь и длинный широкій лучъ его, перегнувшись на горѣ, захватилъ въ свою сферу казарму и телеграфъ; вотъ онъ, помедливъ на нихъ, перекинулся выше и зарыскалъ по вершинѣ, на которой тамъ и самъ зажигались красныя точки костровъ, разводимыхъ инсургентами.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ тревога передалась на всѣ эскадры, и бухта превратилась въ сказочную, волшебную декорачію, охваченную пожаромъ электричества. Точно игрушечныя, домики Суды опрокинулись въ зеркальной по-

верхности, переливавшей изумрудными и фиолетовыми тонами. Массивные контуры броненосцевъ казались чудовищными пауками, раскидывавшими во всѣхъ направлѣнiяхъ длинныя нити своей свѣтовой паутины. Онѣ переплетались, пересѣкали одна другую, врѣзываясь то въ зеркальную поверхность моря, то въ обступавшія бухту горы. Вся эта точно рукой Титана зажженная феерiя, мощно притягивала къ себѣ глазъ, перенеся зрителя въ какой-то невѣдомый, таинственный мiръ сказокъ изъ тысячи одной ночи.

Два дня спустя мнѣ пришлось проститься съ броненосцемъ и Критомъ и торопиться въ Египетъ до наступленiя тамъ жары и, покидая диковинный островъ, я вспомнилъ стихи нашего незабвеннаго, великаго Пушкина:

... въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полгь,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнь!

Н. Н. Юрьинъ.

ЖЕНА И ДѢТИ.

(РАЗСКАЗЪ).

Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло.

А. Пушкинъ.

Не въ характерѣ Андрея Захаровича было откровенничать и плакаться на свою судьбу передъ каждымъ встрѣчнымъ. Даже люди, которыхъ онъ считалъ близкими, — и тѣ едва ли знали, что, несмотря на кажущееся благополучіе, которое окружало Андрея Захаровича, душу его грызъ тайный червь.

По наружности дѣйствительно все обстояло какъ нельзя лучше. Андрей Захаровичъ занималъ вполне приличное мѣсто, пользовался уваженіемъ какъ на службѣ, такъ и среди знакомыхъ. Относительно прочности его семейнаго счастья не могло быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ, не замѣчая самъ, какъ мелькали годъ за годомъ, безъ всякихъ неприятныхъ приключеній, дожилъ до дня серебряной свадьбы; и не даромъ рѣчи, которыя произносились на бывшемъ по этому поводу торжествѣ, единодушно восхваляли мирную и согласную жизнь Андрея Захаровича и Варвары Ивановны. На дѣтей также Андрею Захаровичу пожаловаться было бы грѣшно. Съ обоими — и Сере-

жей и Аней—онъ былъ въ самыхъ лучшихъ, можно даже сказать дружескихъ, отношеніяхъ. И безъ ложнаго самообольщенія, не какъ отецъ только, а даже глядя на нихъ глазами посторонняго человѣка, онъ готовъ былъ признать, что оба они талантливны и много обѣщаютъ въ будущемъ. У Сережи — призваніе къ научнымъ занятіямъ: онъ всѣ вечера проводитъ въ лабораторіи за химическими опытами, и при его широкой способности къ обобщеніямъ, Богъ знаетъ, какъ далеко онъ шагнетъ и какое можетъ себѣ составить имя въ той специальности, которую онъ избралъ. Ну, а Аня, несмотря на свою молодость, успѣла уже настолько заявить себя въ качествѣ хорошей пѣвицы, что и теперь ее охотно приглашаютъ къ участію въ разныхъ благотворительныхъ концертахъ и уже нѣсколько разъ о ея исполненіи съ похвалою отзывались въ газетахъ. Нѣтъ, на дѣтей Андрей Захаровичъ не можетъ пожаловаться.

При такихъ условіяхъ, онъ могъ бы, пожалуй, чувствовать себя и счастливымъ, и спокойнымъ душою... но на свою бѣду онъ принадлежалъ къ числу людей, вниманіе которыхъ направляется не въ ту сторону, гдѣ все мирно, свѣтло и безоблачно, а туда, гдѣ есть хотя бы одна черная точка. Это темное пятнышко въ ихъ глазахъ растетъ, растетъ, заслоняетъ, наконецъ все остальное и не даетъ имъ наслаждаться тѣми благами жизни, которыя ниспосланы на ихъ долю. Такимъ пятномъ въ своей жизни Андрей Захаровичъ считалъ нѣкоторыя стороны своей служебной дѣятельности. Поступая на службу въ вѣдомство, пользовавшееся несовсѣмъ хорошей славой, Андрей Захаровичъ былъ увѣренъ, что сумѣетъ поставить себя среди своихъ сослуживцевъ совершенно самостоятельно и не только не отдастъ себя на произволъ тѣхъ теченій, которыя господствуютъ въ ихъ средѣ, но найдетъ возможность оказать и на нихъ благотворное вліяніе. Андрей Захаровичъ и въ молодости былъ человѣкъ осторожный и потому круто поступать не хотѣлъ, а рѣшилъ сначала приглядываться, или, какъ онъ выражался, «изучить среду, въ которой ему придется дѣйствовать». Ошибкою было съ его стороны, пожалуй, одно,—что онъ не назначилъ себѣ срока для такого изученія. А такъ какъ на жизненной сценѣ барьеръ, отдѣляющій зрителей отъ дѣйствующихъ лицъ, до такой степени подвиженъ и неуловимъ, что очутиться по другую его сторону

не составляет никакого труда, то и Андрей Захаровичъ, который первое время, говоря о своихъ сотоварищахъ, выражался всегда: «они», «у нихъ» и т. п., — съ теченіемъ времени совершенно незамѣтно для себя сталъ говорить, вмѣсто этого, «мы» и «у насъ».

Видя, какъ всѣ вокругъ него рвутъ куски, какъ каждый суетится и хлопочетъ о томъ, чтобы, оттолкнувъ другого, самому пробраться хотя на ступеньку выше, Андрей Захаровичъ сначала улыбался презрительно, потомъ сталъ улыбаться снисходительно, а потомъ... потомъ вовсе пересталъ замѣчать во всемъ этомъ что нибудь смѣшное. Правда, никто не могъ бы его упрекнуть въ чемъ либо дурномъ, — напротивъ, если бы собрать голоса, то вѣроятно всѣ, знающіе его, довольно единодушно отозвались бы, что онъ держится въ сторонѣ отъ свалки, никому не подставляетъ ножку и старается выдвинуться только своими знаніями и работою. Поставили бы, вѣроятно, ему въ заслугу и то, что когда ему приходилось возиться съ дѣлами, отъ которыхъ пахнетъ сотнями тысячъ, а иногда и милліонами, — съ тѣми дѣлами, вертась около которыхъ, люди «не зѣвajúщіе» сами начинаютъ понемногу обзаводиться сначала выигрышными билетами, а потомъ домами и имѣніями, — онъ постоянно находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но самъ Андрей Захаровичъ держался о себѣ другого мнѣнія и считалъ, что онъ развѣ только немногимъ лучше, чѣмъ остальные. Правда, передъ тѣми, отъ кого такъ или иначе зависѣла его участь, онъ, особенно не пресмыкался, но все же одинъ разъ немножко ниже поклонился, другой разъ слишкомъ поторопился схватить и пожать руку, когда можетъ быть и вовсе руки подавать не слѣдовало; тутъ промолчалъ, тамъ сказалъ съ глазу на глазъ нѣсколько фразъ — до такой степени, впрочемъ, невинныхъ, что онъ и самъ не сумѣлъ бы объяснить, почему ему было бы непріятно, если бы сказанное имъ повторили въ обществѣ. Все это, можетъ быть, были мелочи, — но когда память услужливо нанизывала безконечный рядъ такихъ мелочей, накопившихся, годъ за годомъ, то Андрею Захаровичу начинало казаться, что ничего, кромѣ этой цѣпи мелкихъ униженій, въ его жизни и не было.

Также и въ дѣлахъ. Онъ не можетъ обвинить себя въ томъ, чтобы при разсмотрѣніи ихъ онъ когда либо покривилъ душою.

Все дѣлается «по закону», или, вѣрнѣе, «по бывшимъ примѣрамъ», такъ какъ каждый разъ справляться съ закономъ слишкомъ хлопотливо, да и времени не хватаетъ. Вѣроятно когда-то предшественники всю эту процедуру продѣлали и оставили въ наслѣдство безукоризненные образцы. Отклонить движеніе дѣла отъ естественнаго русла, по которому они текутъ, онъ не можетъ. Немножко ускорить, немножко попридержать,—вотъ предѣлы, въ которыхъ вращается его власть. Но и это по большей части очень важно. У него дѣло такое, что каждый охотно дастъ, и дастъ много, только бы ускорить его разрѣшеніе на полгода, даже на два-три мѣсяца. Разумѣется, онъ не «беретъ», онъ даже держитъ себя до такой степени безукоризненно, что ни разу не было случая, чтобы кто нибудь предложилъ ему денежную мзду за болѣе быстрое движеніе дѣла. Но зато онъ уже знаетъ, что чуть въ дѣлѣ замѣшаны не простые просители, а лица съ громкимъ именемъ, со связями и положеніемъ, то такое дѣло нужно выдѣлить изъ очереди и разрѣшить, не откладывая въ долгій ящикъ. У этихъ господъ выработана цѣлая система «ускоренія». Дождемъ сыплются разныя памятные записки, письма на французскомъ языкѣ отъ тетки одного высокопоставленнаго лица къ кузинѣ другого, генераль одного вѣдомства самолично является въ пріемный день къ генералу другого вѣдомства и съ удрученнымъ видомъ выражаетъ прискорбіе по поводу того, что такой почтенный человѣкъ, какъ NN, столько времени не можетъ добиться удовлетворенія своего законнаго ходатайства. Иногда можно подумать, что весь городъ тѣмъ только и интересуется, скоро ли разрѣшится дѣло господина NN. Тотъ, другой, третій знакомый, въ разговорѣ о совершенно постороннихъ предметахъ, вдругъ вставляетъ: «А дѣло NN у васъ еще не рѣшено?» И въ концѣ концовъ дѣло NN становится какимъ-то кошмаромъ, и чтобы избавиться отъ него, Андрею Захаровичу ничего не оставалось, какъ откладывать въ сторону дѣло кого нибудь другого, какого нибудь ZZ, который, вѣроятно, съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ его разрѣшенія, но у кого нѣтъ въ запасѣ ни тетушки, ни кузинъ, ни вліятельныхъ генераловъ, ни поль-Петербурга знакомыхъ.

Андрей Захаровичъ сокрушался впрочемъ не объ этомъ невѣдомомъ ZZ, который, можетъ быть, и привыкъ ждать,—его

тяготило сознание, что онъ, Андрей Захаровичъ, который считалъ себя поборникомъ правды и справедливости, завѣдомо поступаетъ несправедливо. Сначала дѣлалъ онъ это безъ всякихъ личныхъ видовъ, просто потому, что не въ силахъ былъ оказать сопротивленіе передъ натискомъ просьбъ, требованій и напоминаній; но время шло—и Андрей Захаровичъ научился понимать, что и его успѣхи по службѣ могутъ во многомъ зависѣть отъ быстрого исполненія просьбы такого-то или предупрежденія желанія такого-то. Тутъ, какъ говорится, рука руку моетъ. Услуга, оказанная генералу другого вѣдомства, не пройдетъ безслѣдно. Андрей Захаровичъ всю бухгалтерію взаимныхъ услугъ изучилъ, въ концѣ концовъ, до тонкости. Онъ зналъ, что какъ разными извилистыми ходами производится ускореніе дѣлъ, точно также подобными же путями и благосклонность какой нибудь особы можетъ реализоваться въ видѣ тѣхъ или иныхъ вещественныхъ благъ. Тутъ своего рода «превращеніе энергіи». Особа проронить вскользь пару теплыхъ словъ своей тетюшкѣ, тетюшка перенесетъ ихъ своему высокопоставленному крестнику, тотъ скажетъ женѣ, а она бабушкѣ. А бабушка дирала за уши «самого»,—того, отъ котораго можетъ изливаться дождь щедротъ и милостей на голову Андрея Захаровича,—когда тотъ еще въ бѣлыхъ штанишкахъ бѣгалъ, не суконныхъ, какъ теперь, а просто коленкоровыхъ, такъ что ей-то онъ уже ни въ чемъ отказать не можетъ. Конечно, подвести точный учетъ тому, насколько, благодаря всѣмъ этимъ постороннимъ вліяніямъ, Андрей Захаровичъ подвинулся на службѣ, довольно трудно, но приблизительно все-таки можно. Если бы онъ не пускалъ ихъ въ ходъ, то, можетъ быть, вмѣсто «дѣйствительнаго» имѣлъ бы теперь просто «статскаго», не получалъ бы полторы тысячъ добавочныхъ и ужъ навѣрное не могъ бы такъ часто пользоваться щедрыми пособіями на лѣченіе жены и на воспитаніе дѣтей.

Жена, дѣти!.. Въ мысляхъ Андрея Захаровича они гораздо тѣснѣе сплетались съ его служебной дѣятельностью, чѣмъ кто нибудь могъ себѣ это представить. Сколько разъ повторялъ онъ себѣ, что онъ давно бы ушелъ съ мѣста своего служенія, ушелъ бы, еще тогда, когда замѣтилъ первые признаки того, что онъ началъ «поддаваться» и «ослабѣвать»—если бы не жена и дѣти. Въ его глазахъ они одни были настоящими виновниками всего

того длиннаго ряда поступковъ, которые онъ могъ поставить себѣ въ упрекъ. Какъ завидовалъ Андрей Захаровичъ въ иныхъ случаяхъ свободѣ дѣйствій своего лакея или кухарки. Вѣдь они, если находятъ, что къ нимъ предъявляются требованія, исполнять которыя не обязаны, то они прямо приходятъ и говорятъ: «Пожалуйте расчетъ». А онъ, Андрей Захаровичъ, человѣкъ, у котораго должно бы быть больше развито чувство самоуваженія и собственнаго достоинства, чѣмъ у лакея или кухарки,—онъ долженъ выносить всякое униженіе, долженъ иногда кривить душою, потому только, что у него за спиною стоятъ жена и дѣти.

Сознаніе, что жена и дѣти заставляютъ его отклоняться отъ того пути, по которому онъ долженъ бы былъ идти, что, благодаря имъ, онъ понемногу вовсе почти пересталъ раздѣлять свои поступки на хорошіе и худые, добрые и злые, а интересовался только тѣмъ, можно ли отъ нихъ «чего нибудь» ожидать для себя, или нельзя,—не мѣшало Андрею Захаровичу питать самую нѣжную привязанность къ семьѣ. Впрочемъ, нѣтъ такой вещи, на которую нельзя было бы посмотрѣть съ двухъ различныхъ сторонъ,—а потому и въ этомъ случаѣ, если жена и дѣти были виновниками того превращенія, которое, по наблюденіямъ самого Андрея Захаровича, съ нимъ произошло,—то они же служили ему передъ судомъ своей совѣсти такимъ оправданіемъ, лучше котораго ничего нельзя было придумать. «Это дѣлается для нихъ», «если этого не сдѣлать, то на ихъ головы обрушится цѣлый градъ лишеній, огорченій, неприятностей, мелочныхъ заботъ»,—этимъ было все сказано. Послѣ этого Андрей Захаровичъ, какъ бы ни было для него иногда неприятно то, что ему предстояло сдѣлать, говорилъ себѣ: «Такъ надо»,—и дѣлалъ это уже съ сознаніемъ, что онъ не своей волей поступаетъ такъ, а не иначе,—а что его ведетъ посторонняя сила, бороться съ которою онъ не въ состояніи.

До сихъ поръ Андрею Захаровичу все же оставалось утѣшеніе, что есть границы, которыхъ эта сила ни разу еще не заставила его переступить. То, въ чемъ онъ проявлялъ уступчивость, дѣлали всѣ почти безъ исключенія вокругъ него, насколько не смущаясь этимъ. И если онъ не можетъ въ душѣ

съ этимъ примириться, то, безъ сомнѣнія, потому только, что, какъ онъ ни плохъ, но все же нѣсколько лучше остальныхъ.

Однако, такъ ли это? Андрей Захаровичъ покраснѣлъ, вспоминая, какъ еще недавно онъ, занимаясь дѣломъ, въ которомъ заинтересована была одна солидная торговая фирма, — въ мысляхъ заполучилъ весьма крупную сумму, какъ мысленно же онъ съѣздилъ на эти деньги за границу, накупилъ цѣлый ворохъ обновъ женѣ и дочери, оставилъ сына на два года въ нѣмецкихъ университетахъ для подготовки къ магистерской диссертациі, а дочь въ Италіи усовершенствоваться въ пѣніи. Правда, все это было въ мечтахъ, въ дѣйствительности же получило то, что было можно, другое лицо, отъ котораго даже и рѣшеніе дѣла въ сущности не зависѣло... Однако, хотя и въ мечтахъ, — а все-таки было.

Да, но и тутъ все то же оправданіе. Вѣдь не для себя, не для своего удовольствія мечталъ онъ о заграничной поѣздкѣ, а потому, что это необходимо для дѣтей, особенно Сережѣ. Разбить его надежды на будущую профессуру — развѣ хватить у него на это духу? Но какъ сдѣлать почти невозможное? Содержать его два года за границей на свой счетъ, когда и безъ этого еле-еле удается сводить концы съ концами, — немыслимо. А рассчитывать на то, что его отправить на казенный счетъ, также невозможно. Сережа и самъ не разъ говорилъ, что гораздо больше шансовъ имѣеть его товарищъ Вѣльскій. Конечно, Андрей Захаровичъ отъ себя сдѣлалъ все, что могъ, чтобы устроить это дѣло. Онъ настолько уже изловчился въ изысканіи разныхъ «комбинацій» и «ходовъ», что очень быстро сообразилъ, къ кому ему нужно обратиться, чтобы повліять на профессора, отъ котораго, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть выборъ лица, отправляемаго за границу. Андрею Захаровичу удалось получить письмо къ этому профессору отъ очень, очень сильной особы. Правда, нужно было дѣйствовать въ высшей степени осторожно, чтобы Сережа ни о чемъ не догадался — иначе ничего не вышло бы, кромѣ неприятностей. Но Андрей Захаровичъ сумѣлъ обставить дѣло вполнѣ прилично. Онъ явился къ профессору, будто бы, для того только, чтобы узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли сыну его стѣитъ готовить

себя къ ученой дѣятельности. При этомъ, однако, онъ очень ловко ввернулъ нѣсколько фразъ о томъ, что «нѣкоторые лица» будутъ очень довольны, если выборъ факультета остановится на его сынѣ. Но старый профессоръ принялъ Андрея Захаровича очень сухо и рѣзко замѣтилъ, что удовольствіе или неудовольствіе какихъ бы то ни было лицъ не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ никакого значенія и что предпочтеніе отдано будетъ тому, кто будетъ признанъ достойнѣйшимъ. Андрей Захаровичъ настолько понималъ толкъ въ дѣлахъ, чтобы сообразить, что такой отвѣтъ значилъ: «Оставьте всякую надежду». И теперь онъ перебиралъ въ умѣ всевозможныя комбинаціи, посредствомъ которыхъ можно было бы устроить свои дѣла такъ, чтобы поѣздка Сережи на свой счетъ изъ области фантазіи могла перейти въ дѣйствительность.

Это было нелегко. Для этого нужно было настолько улучшить свое матеріальное положеніе, чтобы получать, по крайней мѣрѣ, рублей тысячи на двѣ болѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Необходимо добиться этого, тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за Сережей, поднимется вопросъ и объ Анѣ, а ее отправлять за границу одну нельзя, — придется ѣхать съ нею также женѣ и нѣкоторое время жить надо будетъ на два дома.

Да, безъ сомнѣнія, это нелегко, — однако, не вполне невозможно. Комбинація являлась очень соблазнительная, какъ будто нарочно для того, чтобы подразнить Андрея Захаровича. Въ рукахъ у него находилось въ настоящее время дѣло, въ которомъ принималъ большое участіе нѣкто Фалькъ. Этого Фалька можно было бы просто считать темною личностью, если бы онъ не былъ женатъ на дочери Теренина. А Теренинъ стоялъ во главѣ одного учрежденія, въ которомъ былъ какой-то мудреный «совѣтъ» или «комитетъ», съ представителями разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и того, гдѣ служилъ Андрей Захаровичъ. Его, навѣрное, безъ всякаго затрудненія, назначили бы туда, — нужно было только, чтобы Теренинъ выразилъ желаніе видѣть его въ числѣ членовъ совѣта. Если бы для этого требовалось только позаботиться о скорѣйшемъ движеніи дѣла Фалька, то для Андрея Захаровича никакихъ затрудненій не существовало бы. Но дѣло было посложнѣе. Предпріятіе, по поводу котораго хлопоталъ Фалькъ, было затѣяно въ

весьма широких размѣрахъ; но для того, чтобы оно могло осуществиться, нужно было получить разрѣшеніе соорудить плотину на рѣкѣ, и пользоваться, такимъ образомъ, дешевымъ водянымъ двигателемъ. Это должно было однако совершенно разорить множество хозяйствъ крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ прилегали къ рѣкѣ, такъ какъ, благодаря запрудѣ, вода стала бы разливаться на большое пространство и засорять пескомъ и иломъ ихъ поля. Они это отлично понимали и отправили въ Петербургъ особыхъ ходатаевъ — хлопотать о запрещеніи устройства плотины. Ходоки побывали въ разныхъ мѣстахъ, добрались, между прочимъ, и до Андрея Захаровича. Прошеніе, которое они подали, было написано довольно темно и запутанно, но на словахъ они объяснили все очень толково, такъ что Андрей Захаровичъ сразу понялъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ этотъ вопросъ. Но и Фалькъ не дремалъ. Онъ толкался всюду, куда было можно, и успѣлъ кой-кого расположить въ свою пользу. Однако, онъ понималъ очень хорошо, что тутъ все почти зависитъ отъ того, какъ будетъ изложено въ докладѣ ходатайство противной стороны. Можно было смять, скомкать его, словомъ, выставить дѣломъ вздорнымъ, которое раздувается умышленно для того только, чтобы сорвать что нибудь съ учредителей предпріятія, — но можно было представить все дѣло въ такой ясности, что разрѣшить его въ желательномъ для Фалька смыслѣ, явилось бы прямо немислимымъ. И Фалькъ не разъ уже принимался по своему «обрабатывать» Андрея Захаровича, рассчитывая сначала, что тотъ не станетъ очень упираться. Андрей Захаровичъ, какъ бы въ видѣ шутки, однажды ввернулъ въ разговорѣ, что, вотъ, молъ, какъ бы хорошо устроиться въ совѣтѣ, гдѣ предсѣдательствуетъ уважаемый Иванъ Филипповичъ, — и по тому, какъ блеснули черные глаза Фалька, онъ понялъ, что этотъ намекъ не прошел незамѣченнымъ. Андрей Захаровичъ испыталъ при этомъ даже какое-то чувство облегченія — отъ сознанія того, что онъ сдѣлалъ все-таки первый, казавшійся ему самымъ труднымъ, шагъ. Но все же ничего рѣшительнаго до сихъ поръ между ними не было сказано. И только сегодня, утромъ, онъ получилъ отъ Фалька записочку, что, послѣ обѣда, онъ зайдетъ къ нему на полчаса «потолковать». Никакихъ сомнѣній не могло быть

по поводу того, что подъ этимъ подразумѣвалось, и Андрей Захаровичъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Онъ уже рѣшилъ, что дешевле, чѣмъ онъ назначилъ, онъ не продастъ себя.

Фалькъ пріѣхалъ аккуратно въ указанный въ его письмѣ часъ. И вотъ они сидятъ, запершись вдвоемъ въ кабинетѣ Андрея Захаровича. Никто имъ не помѣшаетъ. Жена мучается мигренью и лежитъ съ обвязанною теплыми платками головой. Аня занялась своими «вокализмами» и часа на два прикована къ роялю. Серезки нѣтъ дома — онъ въ лабораторіи.

Разговоръ, сначала туманный и неопредѣленный, начинается все ближе и ближе подходить къ цѣли. Чего добивается Фалькъ? Чтобы показана была вся нелѣпность — онъ такъ и сказалъ «нелѣпность» — претензій этихъ господъ. Андрей Захаровичъ конечно понимаетъ, что они кругомъ неправы, и сумѣетъ выставить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ.

Андрей Захаровичъ морщится, какъ отъ приѣма непріятнаго лѣкарства, но, преодолевая чувство брезгливости, голосомъ, которому онъ старается придать умышленную беззаботность, какъ бы вскользь, спрашиваетъ:

— А что, скажите, вы случайно не слышали — это мѣсто въ совѣтѣ еще не замѣщено?

Фалькъ смотритъ на него ласковымъ и ободряющимъ взглядомъ и говоритъ:

— Нѣтъ еще. Иванъ Филипповичъ хочетъ хлопотать о назначеніи лица вполнѣ надежнаго, отъ котораго нельзя было бы ожидать разныхъ непріятностей. А то, покойный Хрулевъ, — не тѣмъ будь помянуть! — своимъ неуживчивымъ характеромъ надѣлалъ ему множество хлопотъ.

Продолжая ласково смотрѣть на Андрея Захаровича, Фалькъ взялъ обѣ его руки въ свои и выразительно проговорилъ:

— Такъ какъ же, дорогой другъ? Можемъ мы разсчитывать на васъ? Вы знаете, что Иванъ Филипповичъ весьма и весьма этимъ дѣломъ интересуется.

Андрей Захаровичъ всталъ, какъ и Фалькъ, съ своего мѣста. Онъ дышалъ тяжело и съ усиліемъ. Необходимо теперь, сейчасъ же принять рѣшеніе — такое рѣшеніе, которое уже навсегда, на всю жизнь наложить на него извѣстный отпеча-

токъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что то, что онъ собирается совершить, равносильно подлогу. Благодаря ему, будутъ пущены по міру десятки семей. Вѣроятно, все это пройдетъ для него безнаказанно, но, въ концѣ концовъ, все можетъ и раскрыться, и тогда... Его не выгонять, конечно, со службы, если даже будетъ обнаружено, что онъ изъ корыстныхъ видовъ совершилъ свой поступокъ. Въ уваженіе къ его прежней дѣятельности, ему предоставятъ самому подать прошеніе объ отставкѣ. Но онъ будетъ въ глазахъ всѣхъ «замаранный».

И вдругъ передъ нимъ, съ особенною яркостью, нарисовалась картина. Вотъ его зовутъ въ кабинетъ «генерала» и тотъ, съ официально прискорбнымъ выраженіемъ лица, объявляетъ, что ему неудобно продолжать службу и надо подать прошеніе. Непріятная минута, — но если бы можно было говорить съ генераломъ на чистоту, онъ нашелъ бы, что сказать. О, онъ много что нашелъ бы... Но вотъ онъ пришелъ домой и ему надо объявить о постигшей его бѣдѣ женѣ и дѣтямъ. Что онъ имъ скажетъ, этимъ судьямъ, готовымъ въ иныхъ случаяхъ, къ всевозможной снисходительности, и которые, однако, иногда могутъ оказаться безжалостно-жестокими? Да, что онъ имъ скажетъ?..

Но что это? Обманъ слуха, порожденный его напряженнымъ состояніемъ? Вотъ слышны голоса жены и Сережи... Вотъ Аня что-то громко говоритъ... Всѣ они какъ будто о чемъ-то спорить... Голоса ихъ раздаются все ближе, очевидно, это они идутъ зачѣмъ-то къ нему. Минута — и они войдутъ, увидятъ его вмѣстѣ съ Фалькомъ — и все поймутъ. Андрей Захаровичъ былъ убѣжденъ, что онъ стоитъ теперь, точно насквозь освѣщенный какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, и что достаточно взглянуть на него, чтобы разглядѣть, какой отвратительный, уродливый гадъ копошится на днѣ его души. И неожиданно для самого себя, удивляясь самъ той твердости, которая звучала у него въ голосѣ, онъ произнесъ:

— Простите, но я долженъ вамъ сказать, что я ничего не могу сдѣлать для удовлетворенія вашего желанія. Дѣло слишкомъ говорить само за себя.

Онъ сухо поклонился Фальку, показывая этимъ, что разговоръ конченъ. Не ожидавшій такой развязки, Фалькъ не на-

шелся, что ему отвѣтить. Притомъ же, по самому тону Андрея Захаровича, онъ понялъ, что настаивать было бы бесполезно. И едва онъ успѣлъ, съ озлобленнымъ и смущеннымъ лицомъ, выйти изъ кабинета Андрея Захаровича, какъ на порогѣ показались и жена, и Аня, и Сережа.

— Радость! Радость! кричала Аня, прыгая какъ сумасшедшая и бросаясь на шею къ отцу.— Папа! можешь поздравить Сережу, — будущаго профессора. Онъ ѣдетъ за границу, на казенный счетъ — и тру-ля-ля, и тру-ля-ля!..

И Аня взяла такую высокую ноту, какой она до сихъ поръ и не подозрѣвала у себя въ голосѣ.

Князь М. Н. Волконскій.

О-СШЪКА-САНЪ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ.

— Шутъ ее знаетъ—любилъ я ее или нѣтъ,—только въ душѣ сложная гадость сидитъ. Смотрю, вотъ, какъ пароходъ поворачиваетъ и разобраться не могу въ этой сложности... Глупо въ мои годы, а?

Онъ нагнулся ко мнѣ и заглянулъ прямо въ лицо.

— Я вотъ стригся сегодня,—поглядѣлъ въ зеркало—сѣдые волосы въ бородѣ,—а я стригусь для этой самой Японіи. Опять глупо... А мнѣ жаль... Вотъ, смотрите, видите огоньки, видите?..

Пароходъ въ это время повернулся носомъ къ выходу изъ бухты и сталъ кормою въ сторону Іеносы. Тамъ ясно засвѣтился домикъ на выдавшемся въ море выступѣ.

— Вотъ въ угловой комнатѣ красная лампа зажжена, въ столовой свѣтъ и на балконѣ, на столѣ, свѣча, въ шандалѣ, должно быть... Вѣрно сидитъ ктонибудь... Ахъ, какъ глупо! опять повторилъ онъ, опуская бинокль,—главное, глупо то, что въ жизни у меня всего было... Пора перебѣситься... Такъ нѣтъ же — Японія понадобилась...

Огоньки, какъ звѣзды, унизавшіе берега, быстрѣе стали переходить между мачтами судовъ, оставшихся на якорѣ.

Пароходъ шевелился, какъ шевелится онъ всегда послѣ стоянки, точно живое, пробужденное существо, будто расправился и потянулся впередъ. Звякнулъ съ мостика въ послѣдній разъ звонокъ въ машину.

— Полный ходъ дали... пошли, сказалъ онъ и сѣлъ на скамейку у штурвала.—Прощай Японія!

— Что-жь, не прїѣдете развѣ больше сюда?

— Не знаю, голубчикъ, ничего не знаю...

— Если захотѣтъ, такъ можно и опять прїѣхать...

— Въ томъ-то и дѣло, что я самъ не знаю, чего хочу. Вотъ теперь мнѣ рассказать все хочется... поговорить... И онъ неопредѣленно махнулъ рукою въ сторону удалявшейся съ своими огоньками бухты.—Вотъ, видите, поѣхалъ я, такъ себѣ—вольнымъ путешественникомъ, срывать цвѣты удовольствія... прїѣзжаю сюда—Японія, любопытно!.. Прошу прїятеля, бывалаго здѣсь человѣка, показать мнѣ, что тутъ и какъ... Пообѣдали на пароходѣ. Ѣдемъ. Подплыли на фунешкѣ къ лѣсенкѣ каменной, поднялись... Прїятеля моего, какъ знакомаго встрѣтили, обрадовались. На дворѣ уже стемнѣло, въ столовой лампа горитъ. На балконѣ чай пили прїѣзжіе. За дверьми сдержанный смѣшокъ слышится. Прибѣжала, такъ, будто по своему дѣлу, мусмешка и скрылась. Стали чай пить въ садикѣ, у дома подъ обрывомъ въ море. Бухта съ кораблями, какъ на ладонѣ. Луна въ небѣ... Тишина... Горы кругомъ... Огоньки на нихъ жизнь даютъ. Тепло...Вода въ бухтѣ дышитъ точно, и точно отъ нея поднимается серебристый свѣтъ. Тамъ онъ далеко, наверху, въ зеленоватой синевѣ, сходится въ ясный серебряный кругъ. Понравилось мнѣ. И словно почувяли, что полюбилась мнѣ ихъ бухта, воздухъ и особенно ласковый свѣтъ мѣсяца... Принесла мусмешка печенье, кажется, взглянула, улыбнулась и опять ее нѣтъ. Прибѣжить, повернется и нѣтъ ея... По-русски понимаетъ. Принесла чай мнѣ. Глазки у нея добрые и улыбка милая. Я ни одной женщины не видалъ, чтобы такъ улыбалась. «Какъ зовутъ?» спрашиваю... Отвѣтила: Осшька-санъ... «Ну, Осшька-санъ, хотите въ театръ съ нами ѣхать?»—За чаемъ рѣшено было ѣхать въ театръ. Присѣла она, колѣнями впередъ, опустивъ руки и, изогнувшись, кивнула головой особеннымъ японскимъ поклономъ. Удивительно милъ этотъ поклонъ. Онѣ, японки, во-

обще берутъ женственной кротостью, а эта Осшька-санъ и среди нихъ казалась особенно кротою. Милая она, вотъ что!

Въ театрѣ отвели намъ ложу въ видѣ клѣти. Мусмешки усѣлись впереди на полу, на подушкахъ, поджавъ ноги. Намъ поставили скамейку сзади. Онѣ быстро-быстро замахали вѣерами и почувствовали себя очень хорошо. Сталь я разглядывать Осшьку. Сидитъ, поджавъ ноги, котенкомъ такимъ—обмахивается, на сцену смотритъ. Нанесли намъ въ ложу сейчасъ же всякой всячины: воды содовой, пирожковъ японскихъ, грушъ, винограду... Все въ корзиночкахъ, аккуратныхъ, маленькихъ, похожихъ на самихъ мусмешекъ. «Осшька-санъ, хотите пить?» Оглянулась и, не глядя, поклонилась изъ-за вѣера. Я вотъ зажмурю глаза и до сихъ поръ вижу этотъ поклонъ,—полу-кивокъ, полу-поклонъ. Передалъ воду—опять поклонъ, конфеты, вѣеръ—опять то же самое, и все не глядя. Такъ у насъ кланяются только очень молоденькія барышни, которыя увѣрены, что у нихъ затылокъ красивъ. Только два раза поймалъ я ее, что она смотрѣла на меня, думала, что я не слѣжу за нею, и разглядывала. А я все время слѣдилъ. Такъ, будто наблюденія ради, а вышло весь вечеръ глазъ съ нея не спускалъ. Такъ, въ театрѣ, кромѣ Осшькинаго затылка и не видѣлъ я ничего хорошенько. Потомъ, когда послѣ театра стали въ темнотѣ по дженирикшамъ разсаживаться, я поймалъ себя на томъ, что думаю: а гдѣ-жъ Осшька? И сразу такъ прямо отличилъ, хоть темно было—усѣлась въ колясочку, сидитъ... Подошелъ, постоялъ и ничего сказать не нашелся. Никогда въ такихъ обстоятельствахъ дуракомъ не стоялъ,—злость взяла даже. Повернулся я, усѣлся въ свою двухъ-колеску—пусть везутъ, тамъ посмотримъ, что дальше будетъ. Всю дорогу убѣждалъ себя въ глупости. Что, молъ, хорошаго въ ней? Обезьяна курносая и больше ничего. Улыбка хороша, да глаза кроткіе... Убѣждаю я себя, а выходитъ,—про нее думаю и какъ-то помимо себя знаю, что вотъ она на второмъ дженирикшѣ ѣдетъ... И въ фунешкѣ забралась онѣ внутрь, а я тоже зналъ, въ который она тамъ уголь прижалась. Пріѣхали къ лѣсенкѣ, опять самъ не знаю, какъ возлѣ нея очутился, хочу помочь выйти,—а она какъ-то скользнула мимо, руку отняла и только въ темноту деревянными скамеечками на ногахъ застучала по камен-

нымъ ступенькамъ наверхъ... Опять на балконѣ чай пили послѣ театра. Ее тутъ не было. И вдругъ, какъ-то случилось, что разошлись всѣ. Оглянулся я, и показалось мнѣ, что вечеръ и вода серебристая и облачка, таявшія въ лунномъ сіяніи, смотрятъ на меня съ ласковой кроткой улыбкой, точно сказать хотятъ: кто бы ты ни былъ, а обидѣть насъ тебѣ незачѣмъ, потому что, нѣ за что обижать насъ — тихіе мы, простые, вотъ и все тутъ!..

Пріятель пришелъ за мной. Комната для васъ готова, говорить, — пойдете, покажу. Миновали коридоръ, повернули налево — вотъ ваша дверь. Вошелъ. Полъ сплошь циновками обитъ. Направо, отъ двери, умывальникъ; налево, два стула и на одномъ изъ нихъ, свѣча въ подсвѣчникѣ. По серединѣ комнаты широкій тюфякъ на полу съ одѣяломъ и подушками, подъ четырехъ-угольнымъ пологомъ. Изъ синей кисеи спита какъ бы вторая комнатка и повѣшена надъ тюфякомъ на четырехъ растянутыхъ къ угламъ развязкахъ. Окна, съ подъемными снаружи ставнями, затворены. Разглядѣлъ я это все, особенно пологъ интересенъ показался... Вдругъ она юркнула изъ двери и остановилась направо, спиною къ стулу, на которомъ сидѣлъ я, остановилась, опустивъ руки и втянувъ голову въ плечи... Долго она стояла такъ — молилась, чтò-ли по своему...

На утро проснулся. И ново и странно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, точно давно я ужъ тутъ, такъ давно, что, все, что до этой Японіи было, быльемъ поросло и забыто... Въ то же утро, мы во Владивостокъ уходили. Осшьяка-санъ показалась мелькомъ, только проститься приходила. Тутъ ужъ у меня полный сумбуръ въ мысляхъ начался... Совсѣмъ глупость пошла... Весь переходъ я японскіе дома строилъ, разводилъ сады вокругъ нихъ, лаковыя фунешки заказывалъ, да цвѣта керимоновъ подбиралъ, и Осшьяка-санъ въ этихъ керимонахъ ходила, въ домахъ жила и въ лаковыхъ фунешкахъ каталась...

Сильно интересовало меня, какими мнѣ теперь европейскія дамы покажутся? Во Владивостокѣ я всякихъ увидѣлъ. Только всѣ онѣ послѣ Японіи, были уже не прежними, а словно на нихъ сквозь увеличительное стекло смотрѣть пришлось... Двѣ недѣли стояли тутъ. Живу — ничего, словно никакой Японіи не

было, а гдѣ-то, глубоко внутри — нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнетъ, что, дескать, скоро опять въ Нагасаки пойдемъ, — и такъ хорошо и весело станетъ. Вотъ тутъ и разсуждайте, какъ хотите! На возвратномъ переходѣ, вѣрите, я, какъ школьникъ считаетъ часы до отпуска, считалъ, сколько осталось времени идти намъ до Нагасаки...

Онъ вдругъ замолчалъ и отвернувшись сталъ глядѣть черезъ бортъ въ ту сторону, гдѣ еще темной полоской виднѣлись горы убѣгавшей отъ насъ Японіи.

— Вы, вотъ думаете теперь, снова обернулся онъ ко мнѣ, что, все это совсѣмъ не замысловато, что, просто я почти на старости лѣтъ влюбился въ эту японку... Такъ вотъ сразу взялъ, да и влюбился, — ну, а я вамъ скажу — ошибаетесь!.. Я себя знаю и бывалъ влюбленъ на своемъ вѣку — и ночей не спалъ, и на луну смотрѣлъ, и влеченіе къ стихамъ даже чувствовалъ; ну, а тутъ совсѣмъ не то, вѣрите мнѣ; тамъ: безпокойство, волненіе, дрожь какая-то, голову теряешь, а тутъ, совсѣмъ не то, — тутъ вовсе не ее хотѣлось видѣть скорѣе, совсѣмъ не ее, а какъ-то, все, что ее окружаетъ: и домикъ этотъ и все; не безпокойство тутъ было, а напротивъ, точно душа отдыха просила — и тамъ-то для нея и былъ этотъ отдыхъ... Лица Осъйки я опредѣленно совсѣмъ не помнилъ. Думалъ, что и не узнаю ее. Другихъ японокъ всѣхъ могъ себѣ ясно представить и отличить, а ея — нѣтъ, никакого представленія...

«Ну, вотъ, какъ пришли мы въ Нагасаки, я первымъ дѣломъ, разумѣется, на берегъ, вы думаете, туда, въ Іеносу? Нѣтъ, — въ магазины, съ пріятелемъ. Неловко мнѣ показалось такъ, съ пустыми руками пріѣхать. Я, видите ли, замѣтилъ тотъ разъ, когда мы въ театрѣ были, что, у Осъйки вѣера своего не было, а у ея товарки былъ, дрянной хотя, бумажный, но, не такой, все-таки, какіе въ театрѣ подавали. Ну, такъ вотъ я ей хотѣлъ вѣеръ подарить. Да! Еще забылъ, на берегъ-то я съѣхалъ съ книжкой русско-японскихъ разговоровъ, тутъ же, на пароходѣ захватилъ... Осъйка-санъ хуже другихъ по-русски понимаетъ. Книжечку эту купилъ впопыхахъ, — конечно, оказалась она потомъ совсѣмъ негодною: не тѣ разговоры совсѣмъ, что мнѣ нужны были... И фразы нелѣпыя, въ родѣ: «ему минуло семьдесятъ лѣтъ, а онъ бодръ...» Да — «судно плыветъ бокомъ»,

еще про войска что-то и про говядину. Никогда въ этихъ разговорахъ не найдешь именно того, что нужно. Вѣра такого, какъ я хотѣлъ, тоже не нашли: или бумажная дрянь, или такіе, что для европейцевъ понадѣланы. А тутъ еще пріятель говорить, что покупать ничего не нужно. Въ Іеносѣ мусмешки высыпали на встрѣчу. Сразу замѣтилъ я, что Осшки нѣтъ. Пріятель встрѣтилъ свою японку, обнялъ... Они уже не впервѣй встрѣчаются. Вижу, суетъ онъ ей сверточекъ потихоньку. Подвель меня. Духи ей привезъ. Она духи ему привезти заказала. Обернулся я, словно толкнулъ меня кто въ это время. У двери будто Осшка-санъ стоитъ, руками рукавъ керимона перебираетъ, голову наклонила, не смотритъ. Ну, что-жь, и я могъ подойти къ ней... Обнять, что ли... Я даже и направился такъ прямо, прибодрясь подойду, молъ, и сдѣлаю также, вотъ какъ пріятель со своей, вотъ и все тутъ, что въ самомъ дѣлѣ стѣсняться... Ну, а подошелъ, и руки не поднялись. Сказалъ только «здравствуйте». Замѣйте, «здравствуйте», а не «здравствуй!» и руку протянулъ, да такъ неувѣренно, робко, точно сомнѣвался, протянетъ ли она мнѣ свою. Она протянула, подняла глаза, и лицо освѣтилось этой, ея кроткой улыбкой и скользнула въ дверь... Обидно мнѣ стало, зачѣмъ пріятель духи привезъ, а я ничего. Сталъ другой рассказывать, что цѣлое утро вѣеръ для Осшки-санъ искалъ. Разсмѣялась она: «я вамъ принесу сейчасъ, говорить, что подарить вы можете...» Принесла гребенку черенаховую со шпильками въ коробочкѣ. Купилъ. Коробочка эта долго у меня изъ кармана торчала. Долго не было Осшки-санъ, наконецъ, пришла. Улыбнулся я преглупо, очень глупо и протянулъ подарокъ. Взяла, поклонилась по своему и опять убѣжала. Знаете, что было потомъ? Послѣ этого подарка, она меня еще пуще дичиться стала. У всѣхъ, видите ли, были хорошія гребенки, а у ней нѣтъ, а это необходимая принадлежность прически у нихъ. Вышла она потомъ. Моя гребенка въ голову воткнута, а на меня почти не смотритъ. Какъ этотъ день прошель — не помню хорошенько, все растянулось какъ-то и было медленно, покойно, счастливо... Точно баюканье какое-то... Вечеромъ, цѣлой компаніей поѣхали кататься. И Осшка съ нами. Держитъ со мной себя, точно нѣтъ меня тутъ; съ другими — смѣется, болтаетъ по-японски, а

меня точно нѣтъ для нея. Только, когда я съ лѣстницы къ морю сталъ сводить ее—руки не отвѣла и свести себя позволила.

Рука у ней была холодна, какъ ледь. «Холодно тебѣ, Осшька-сань?» Ни звука, ни движенія, но руки, по прежнему, не отдергиваетъ. Заѣзжали мы въ чайный домъ чай пить на горѣ—тамъ, въ саду, одинъ изъ нашихъ, милый молодой человѣкъ, веселый,—дурачился съ ними, затѣялъ на одной ногѣ прыгать. И Осшька-сань прыгаетъ, пріятеля моего за руку беретъ, показываетъ ему что-то, старается объяснить, только ни одного русскаго слова не говоритъ, а ко мнѣ не прикоснется. Подсяду къ ней—насупится, точно застынетъ; подвину ей винограду, передамъ что нибудь—ни улыбки, ни поклона даже... Очень мнѣ досадно было, вотъ когда она на одной ножкѣ прыгала, да пріятеля за руку брала. Послѣ этого, я все время помимо воли своей, слѣдилъ ужъ не за нею одной, а и за молодымъ человѣкомъ тоже. Странно показалось потомъ. Неужели я ревновать началъ? Къ чему? Черезъ два дня я въ Россію уѣзжаю, навсегда вѣроятно и не увижу ее никогда... Ну, что мнѣ? а словно ревную... Досадно, зачѣмъ она на одной ногѣ со мной не прыгаетъ. Хорошо еще, что удержался—самъ не пошелъ прыгать... И только потомъ, промучивъ меня цѣлый вечеръ, она, когда остались мы одни, прижалась ко мнѣ и «холодно», говорить... На другой день керимонъ ей шелковый подарилъ. Довольна осталась, какъ ребенокъ игрушкой. Потомъ цѣлый день опять не разговаривали. Въ театрѣ были. Вернулись поздно вечеромъ изъ театра. Вся компанія разошлась по своимъ угламъ. Осшька-сань на веранду, на лунный свѣтъ кресло тащить. Оно по крайней мѣрѣ, вдвое больше ея, а она его тащить. Помочь хотѣлъ—не даетъ, поставила: сиди тутъ на лунномъ свѣту, подъ недвижной, тихой бухтой, а сама остановилась. Поманилъ—подошла. Заглянулъ въ лицо—улыбается...

Онъ опять замолчалъ. Искоса взглянулъ я на него. Онъ сидѣлъ, высоко поднявъ брови и сосредоточенно велъ тросточкой по аккуратной черной спайкѣ двухъ палубныхъ досокъ...

— Что же дальше!

— Дальше? Дальше вышло то, что мы поссорились. Пью сегодня чай утромъ на верандѣ. Славное утро было. Нашъ пароходъ на рейдѣ виденъ. Сяжу это я и думаю, что уходить

сегодня нужно. И такъ это досадно и тоскливо становится. А ея нѣтъ со мной. Всѣ двери изъ столовой въ садъ отворены. Ея не видать нигдѣ. Стали наши собираться тоже чай пить. Я съ другими постарался веселый разговоръ затѣять при помощи книжки на японскомъ языкѣ. Напали на слово «коному» — это «любить» значить. Это «вась Осшька-сань коному», говорятъ мусмешки. Собрались на пароходъ ѣхать. И уѣхалъ я, бѣжалъ точно, и не простился съ нею...

— Боялись остаться что ли?

— А кто ее знаетъ! Можетъ быть...

Онъ всталъ со скамейки и облокотившись о планширь, сталъ смотрѣть на переливавшуюся въ лунномъ свѣтѣ, бурливую струю пароходнаго слѣда...

— А вы знаете, что значить ея имя? спросилъ я у него. У нихъ всѣ имена имѣютъ значеніе...

Онъ пожалъ плечами.

— Хотите посмотрѣть?

— Гдѣ?

Я досталъ карманный японско-англійскій словарь. Онъ отнял его и сталъ искать на букву «О».

— Не тамъ ищите. «О» у нихъ приставка, въ родѣ французскаго «de». Нужно смотрѣть просто «Сшька»...

Въ словарѣ значилось противъ этого слова: поэма, пѣсня...

— Поэма, пѣсня, повторилъ онъ. «Сань», значить госпожа. . Госпожа—поэма или пѣсня... А что-жъ, пожалуй...

Все это было похоже на пѣсню...

В. А. Тихоновъ.

КРЕСТЬЯНКА-БАРЫШНЯ.

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не жилали въ деревняхъ, не могутъ себя вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!

(«Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина).

Минувшимъ лѣтомъ я снова посѣтилъ мою родную «глушь». Четыре года не заглядывалъ я туда, но, къ счастью, перемѣнъ нашель мало: все оказалось на своихъ мѣстахъ, все живы и здоровы. Только моя собака, ирландецъ Роверъ, изъ веселаго, жизнерадостнаго, какъ всѣ сетера, превратился въ серьезнаго, нѣсколько уже отяжелѣвшаго пса. Разумѣется, онъ не узналъ меня на первыхъ порахъ, но, принявшись хорошенько, или освѣжилъ въ своей памяти какія-то воспоминанія, или просто рѣшилъ признавать меня за новаго хозяина. Это было ясно изъ того, что онъ ходилъ всюду слѣдомъ за мной, вилялъ хвостомъ и лизалъ мнѣ руки.

Первыхъ три дня пребыванія въ моей милой Тарѣвкѣ я посвятилъ основательному отдыху, т.-е. цѣлыми днями лежалъ въ саду въ старенькомъ гамакѣ, пилъ молоко и болталъ со старухой-ключницей, Еленой Власьевной, а на четвертый день по-

чувствовавъ себя достаточно отдохнувшимъ, собрался посѣтить моихъ окрестныхъ пріятелей.

На первой очереди стоялъ у меня отецъ Алексѣй, священникъ изъ села Каменки, добрейшій старичокъ, являвшійся какъ бы исключеніемъ среди нашего духовенства, уже хотя бы по одному тому, что семействомъ онъ отнюдь не былъ обремененъ, къ великому огорченію его «неплодной смоковницы», матушки Евдокии Степановны

До отца Алексѣя всего было пять верстъ и я рѣшилъ отправиться туда пѣшкомъ. Роверъ выразилъ желаніе мнѣ сопутствовать, но кажется былъ немало удивленъ, что я не беру съ собою мою старенькую и, откровенно говоря, дрянненькую двустволку. Я постарался ему объяснить, что не дѣлаю этого потому, что охота намъ не къ лицу ужъ, что и прежде, когда мы помоложе были, двустволка эта палила обыкновенно мимо дичи, и трудно ожидать отъ нея въ моихъ рукахъ какой нибудь благопріятной перемѣны. Да наконецъ, безцѣльная охота въ моихъ глазахъ теперь уже представляется дѣйствительно «злою забавой». Не знаю, понялъ ли меня Роверъ, но, во всякомъ случаѣ, своего намѣренія сопутствовать мнѣ не измѣнилъ и мы отправились. Роверъ, по старой привычкѣ, сначала облаялъ все, что подлежало облаянію, обнюхалъ все, что представляло къ этому какой нибудь интересъ, дѣловито пошнырялъ въ придорожныхъ кустахъ; три-четыре раза перепрыгнулъ тянущуюся рядомъ съ дорогой канавку и, доказавъ этимъ мнѣ, что онъ отлично помнитъ всѣ старые порядки, успокоился, и въ подтвержденіе того, что теперь уже онъ не тотъ, тихо побрелъ вслѣдъ за мною.

Пройдя версты три и я, къ немалому моему огорченію, долженъ былъ убѣдиться, что время не щадитъ никого: ни человѣка, ни собаку и что теперь и я уже не тотъ. Бывало эти три версты, т.-е. до Студенаго Ключа, мы бѣгомъ бѣгали; бывало сходять въ Каменку и обратно пѣшкомъ считалось пустымъ дѣломъ; бывало... впрочемъ, мало ли что бывало; а теперь, вотъ, дойдя до Студенаго Ключа, я почувствовалъ уже утомленіе, присѣлъ на какой-то обрубокъ и закурилъ папиросу, а Роверъ принялся жадно локать струившуюся холодную воду.

До Каменки оставалось всего двѣ версты, изъ нихъ полторы — устымъ сосно вымъ боромъ. Это было очень кстати, потому что

солнце поднялось уже высоко и начинало изрядно таки припекать. Отдохнувъ у Студенаго Ключа, я поднялся и пошелъ дальше.

Тихо гудѣли вершины старыхъ сосенъ. Надъ нами синѣло темноголубое небо, пахло согрѣвшейся хвоей, хрустѣли сухія вѣтки подъ ногами. Роверъ, съ высунутымъ языкомъ, лѣниво брелъ сзади, по временамъ только настораживаясь однимъ ухомъ, когда гдѣ нибудь, совсѣмъ уже близко, долбилъ дятель или переливала свою трель иволга. Но вотъ, впереди посвѣтлѣло, лѣсъ кончился и мы вышли на берегъ рѣчки Каменки. Вотъ и давно знакомый мостикъ, съ воспоминаніемъ о которомъ у меня неизвѣстно почему-то связана пѣсенка:

По песочку течетъ рѣчка.
Черезъ рѣчку—мостъ.
На мосту стоитъ овечка,
У овечки—хвостъ.

И на этотъ разъ на мосту кто-то стоялъ, но только отнюдь не овечка. Подойдя поближе, я увидѣлъ, что это была молоденькая крестьянская дѣвушка. Мой Роверъ, обогнавъ меня, нашелъ почему-то нужнымъ на нее залаять.

— Tout beau, Роверъ! ici! крикнулъ я и вдругъ мнѣ ясно-ясно вспомнилась сцена изъ Пушкинской «Барышни-крестьянки», когда молодой Берестовъ останавливаетъ свою собаку, залаявшую тоже на крестьянскую дѣвушку. Разница была только въ томъ, что собаку звали Sbogar, да что Берестовъ былъ молодъ, а мы съ Роверомъ, увы! этимъ похвастаться уже не могли. Впрочемъ, была еще одна разница: крестьянка, на которую залаялъ Sbogar, была переодѣтая барышня, чего никакъ нельзя было предположить о стоявшей на мосту дѣвушкѣ, ужъ хотя по одному тому, что барышни, переодѣвающіяся крестьянками, босикомъ все-таки не ходятъ. Можно, пожалуй, было отыскать, и еще нѣсколько различій, но стоитъ ли ихъ отыскивать, когда имѣлось одно и несомнѣнное сходство: стоявшая на мосту крестьяночка была удивительно мила собой. Такое славное, свѣжее личико, такіе бѣлые, ровные зубки. Сквозь загаръ здоровый румянецъ пробивается и фигурка такая стройная, крѣпкая.

Я вошелъ на мостъ. Дѣвушка искоса взглянула на меня.

Въ темныхъ глазкахъ мелькнуло любопытство и удивленіе и, какъ показалось мнѣ, нѣкоторая сконфуженность, какъ будто я ее надъ чѣмъ-то врасплохъ засталъ.

— Здравствуй, милая! не утеришьъ я и поздоровался съ нею.

— Здравствуйте, чуть слышно и уже совсѣмъ теряясь, отвѣтила дѣвушка.

— Ты не изъ Каменки ли? продолжалъ я, чувствуя непреодолимое желаніе поболтать съ этой сельской красоткой.

— Изъ Каменки.

— А не знаешь, отецъ Алексѣй дома?

— Дома.

— Гм! Гм!.. Я замаялся, потому что положительно не зналъ, что бы еще можно было спросить.

— А что, онъ здоровъ?

— Здоровъ, отвѣтила дѣвушка.

— А матушка тоже здорова?

— И матушка здорова.

Моя собесѣдница начинала видимо ободряться, а у меня, какъ на зло, опять всѣ ресурсы изсякли. Живя въ Петербургѣ, совсѣмъ отучишься говорить съ простымъ народомъ.

— Гм! Гм!.. А дѣтокъ у нихъ все еще нѣтъ! совсѣмъ не кстати нашелся я.

— Что такое? переспросила дѣвушка.

— Да я вотъ говорю... не послалъ ли имъ Господь на старости лѣтъ утѣшенія? Знаешь, какъ Аврааму и Саррѣ въ древности? пояснилъ я, видя, что она меня не понимаетъ.

Моя собесѣдница какъ вдругъ расхохочется и даже спиной ко мнѣ повернулась.

— Ты, милая, вѣроятно, и не знаешь, кто были Авраамъ и Сарра? Авраамъ—это былъ такой патріархъ, вотъ какъ на деревняхъ старики бывають, а Сарра—евоинная жена была.

«Ахъ, чертъ! это «евоинная»!—наслушался я этихъ дурацкихъ словечекъ отъ нашихъ петербургскихъ кухарокъ и усвоилъ за народный говоръ», подумалъ я, но тѣмъ не менѣе продолжалъ объяснять исторію Авраама.

Дойдя до Агари, невольно посмотрѣлъ на мою собесѣдницу и, грѣшный человѣкъ, подумалъ, что и изъ нея могла бы славная Агарь выйти и не только подумалъ, но сказалъ даже:

— Агарь эта самая была очень хорошенькая, вот совсѣмъ такая же, какъ ты.

И уже никакъ не ожидалъ того эффекта, который вызвали мои слова. Собесѣдница моя вдругъ нахмурилась, круто повернулась и быстро-быстро переступая своими босыми ножками, пошла съ моста. Я остался одинъ и въ довольно глупомъ положеніи.

— Акулина! Акулинушка! крикнулъ я ей вслѣдъ, желая ее вернуть.

Почему мнѣ показалось, что ея имя должно быть «Акулина», ужъ право не знаю, впрочемъ, вѣроятно потому, что передъ этимъ у меня въ головѣ вертѣлась Пушкинская «Барышня-крестьянка». Но «Акулина» моя и слушать ничего не хотѣла. Быстрыми шагами шла она по берегу рѣки Каменки, направляясь къ группѣ какихъ-то крестьянскихъ ребятшекъ.

Постоявъ на мосту еще минуты двѣ, я махнулъ рукой и, разбудивъ Ровера, — старикъ успѣлъ уснуть на солнечномъ припекѣ, — отправился дальше, къ селу Каменкѣ, а черезъ четверть часа сидѣлъ уже въ маленькомъ, но тѣнистомъ садикѣ отца Алексѣя и велъ сбивчивую — какъ всегда бываетъ послѣ долгой разлуки — бесѣду съ моимъ старымъ пріятелемъ. Матушка Евдокія Степановна хлопотала по хозяйству, то и дѣло перекликаясь съ нами въ окно изъ горницы.

— Такъ, такъ! поддакивалъ моимъ рассказамъ старикъ-священникъ. — Читали мы это здѣсь, читали въ газетахъ и даже диву давались: все поподробнѣе распросить хотѣлось, да не кого было. Вотъ, слава Богу, что вы пріѣхали...

— Ну, а у васъ какъ? Какъ насчетъ винной монополіи? Замѣчается ли сокращеніе пьянства? спрашивалъ уже я.

Отецъ Алексѣй рассказывалъ насчетъ винной монополіи и о сокращеніи пьянства.

— Ну, а урожай каковы?

И про урожай обстоятельно говорилъ онъ.

Съ урожаяевъ мы, конечно, перешли къ мѣстнымъ помѣщикамъ, къ житью-бытью. Отецъ Алексѣй указывалъ мнѣ кого навѣстить слѣдуетъ, говорилъ, кто въ усадьбу вернулся, кто продалъ свое родовое гнѣздо. Про земство, конечно, разговоръ завели...

А, между тѣмъ, самоваръ уже весело шипѣлъ передъ нами на столѣ, стоялъ горшочекъ холодной простокваши, крыночка молока и цѣлое блюдо первосборной, но уже спѣлой земляники.

— А за Дашенькой-то ты послала? спросилъ отецъ Алексѣй, когда матушка, окончивъ свои хлопоты, присѣла къ нашему столику.

— Посылала, отвѣтила та. — Сейчасъ, сказывается, придетъ. Переодѣвается, слышь.

— Чего же это она переодѣвается?

— Да, слышь, опять на Каменку съ ребятишками «по свои грибы» ходила.

— А! вотъ оно что! усмѣхнулся отецъ Алексѣй и добавилъ: — Много ужъ она этихъ грибовъ насбирала. Поди, скоро и довольно будетъ.

И видя, что мнѣ какъ бы непонятно выраженіе «свои грибы», онъ началъ пояснять.

— Дашенька—это учительница наша сельская, Дарья Никитишна ее зовутъ. Молодая еще дѣвушка, а куда какая разумная да благонравная, и какъ она о своемъ дѣлѣ печется, такъ просто диву даваться можно. Школу свою любить превыше всего. Такъ вотъ, прочитала она какъ-то въ газетахъ, что какая-то тоже учительница со своими учениками да ученицами, что называется, гуляючи, камень за камнемъ, столько этого матеріала набрала, что изъ него новое зданіе школы построили и не деревянное ужъ, а каменное. Вотъ и ей эта же мысль запала. Школу-то вы нашу сами знаете: зданіе ветхое и ремонту ужъ никакому не поддается. Пришла это она ко мнѣ и говорить: «Благословите, батюшка, и меня на это дѣло потрудиться». И газету мнѣ показываетъ, гдѣ про другую учительницу-то пропечатано было. Подумаль я и отвѣчалъ: «Что-жь, говорю, Дашенька, доброе дѣло ты задумала! Изъ готоваго матеріала легче школу выстроить, да и каменная-то она прочнѣе будетъ и долше простоятъ, и пожару не боится». Возликовала наша Дарья Никитишна. «А камня, говорить, батюшка, у насъ полна рѣчка Каменка. Я со своими ребятишками въ одно, много въ два лѣта достаточно его натаскаю». И принялась. Представьте себѣ, что и міру нашему это дѣло полюбили. И большіе-то никто мимо рѣчки Каменки не пройдетъ,

чтобы камушекъ съ собой не захватить. А по праздникамъ, такъ иной разъ полсела туда выберется. Еще старикъ меня спрашивали: «не грѣшно ли по праздникамъ-то это дѣлать? Все же, дескать, это работа». А я разрѣшилъ. Говорю: «Не работа эта, а святое дѣло. На школу-то, говорю, почти то же, что на храмъ—трудъ богоугодный». Да, вотъ, всего полтора мѣсяца прошло, а посмотрѣли бы вы сколько они этого камня натаскали. За школой-то пустырекъ весь заваленъ. Скоро, поди, и къ работѣ приступить можно. Да, славная у насъ учительница, дай Богъ ей добраго здоровья. И любятъ ее здѣсь всѣ, да какъ и не любить-то! Свой своему поневолѣ, вѣдь, братъ.

— Почему свой — своему? переспросилъ я.

— Такъ вѣдь, она же здѣшняя, каменская крестьяночка. Сироткой у насъ въ селѣ и росла. У меня спервоначалу и грамотѣ-то училась, а потомъ попала во дворъ, къ помѣщицѣ, къ Аннѣ Васильевнѣ Юшковой. Очень ужъ тамъ она всѣмъ полюбилась. Стали ее учить; шире, да дальше — въ губернію свезли, — она тамъ курсъ кончила, дипломъ получила, а Анна-то Васильевна и умерла къ тому времени. Слышь, и женихъ къ ней, къ Дашенькѣ-то, сватался, да нѣтъ, — отказала. «Сперва, говоритъ, должна я потрудиться на моихъ братьевъ, а потомъ ужъ и о себѣ подумать». И вернулась прежняя Дашурка уже Дарьей Никитишной, а вернулась, словно и не выѣзжала отъ насъ: всѣхъ-то помнить, всѣхъ-то знаетъ, ко всѣмъ ласкова и даже свой простой мужицкій нарядъ не разлюбила. Когда можно, т.-е. не въ школѣ когда на занятіи или не въ гостяхъ, такъ то и дѣло въ сарафанѣ, да босикомъ ходить. Она даже и въ школѣ бы учить въ сарафанѣ хотѣла, да инспекторъ не позволилъ: «престижъ, говоритъ, подрываете». Да, слава Богу, умудрилъ Господь сиротку и на путь истинный направилъ. Вотъ уже третій годъ она у насъ учительствуетъ и школьничковъ нашихъ узнать нельзя.

— Матушка! Подъте-ка сюда! окликнула попадью появившаяся на крылечкѣ баба.

— Что еще тамъ? спросила матушка и тяжелой утиной походкой поплелась въ домъ.

А я сидѣлъ и смутныя догадки не на шутку начинали тревожить меня.

«А что, если... что если моя давнишняя собесѣдница никто иная, какъ эта самая Дарья Никитишна?»

Я уже хотѣлъ было рассказать отцу Алексѣю о моей встрѣчѣ да не успѣлъ. Матушка снова показалась изъ дому, а за нею слѣдомъ шла стройная, очень миловидная дѣвушка, въ простомъ, но со вкусомъ сшитомъ сѣромъ холстинковомъ платьицѣ. Я взглянулъ на нее и, если бы могъ краснѣть, покраснѣлъ бы, навѣрное, до ушей. Да, несомнѣнно, это была она, та самая крестьяночка, которой и намѣревался такъ обстоятельно рассказать поучительную исторію объ Авраамѣ, Саррѣ, Агари до Измаила включительно.

Слегка потупивъ глазки, она подошла къ отцу Алексѣю и почтительно приняла отъ него благословеніе.

— Вотъ, позвольте васъ познакомиться, приподнимаясь съ мѣста, заговорилъ старикъ, — учительница наша, Дарья Никитишна Копылова. А это... и онъ назвалъ меня.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, вѣроятно, мой сконфуженный видъ не ускользнулъ отъ взгляда дѣвушки, потому что я замѣтилъ, какъ закусилъ она губку, чтобы не улыбнуться и сейчасъ же прочелъ въ глазахъ ея полное прощеніе. Съ чувствомъ искренней благодарности пожалъ я ея небольшую, но крѣпкую ручку и вздохнулъ свободно.

— Вотъ, рассказывалъ, какъ ты каменные грибы собираешь, но отечески, обращаясь къ дѣвушкѣ, заговорилъ отецъ Алексѣй. Та сконфуженно улыбнулась.

— Это не моя мысль, но я думаю, что подражать хорошему можно?.. не то спрашивая, не то утверждая произнесла она.

Я сейчасъ же разсыпался въ увѣреніяхъ, что и мысль сама по себѣ прекрасная и что подобнаго рода подражаніе въ высокой степени почтенно. И слово за слово мы разговорились, и чѣмъ больше бесѣдовалъ я съ этой дѣвушкой, тѣмъ болѣе удивлялся ей. Ни тѣни жеманства, ни напускной развязности, — проста, скромна и мила чрезвычайно. И хорошенькая такая, и граціозная, а между тѣмъ, въ сарафанѣ, на мосту, даже болѣе опытный взглядъ, чѣмъ мой, не усумнился бы ни на минуту, что она настоящая крестьянка. Да она, несомнѣнно, и была таковой, только, можетъ быть, въ возможной въ очень отдаленномъ

будущемъ формаци. А пока, она, конечно, была исключеніемъ, счастливымъ и прекраснымъ.

Матушку опять отозвали по хозяйству. Отозвали и отца Алексѣя и мы остались вдвоемъ.

— Дарья Никитишна, вы простили мнѣ мои слова на мосту? почти умоляюще заговорилъ я.

— Ну, конечно, добродушно улыбаясь, отвѣтила она.— Да въ нихъ, въ сущности, не было ничего и обиднаго. Что вы обращались ко мнѣ на «ты»,—но вѣдь это такъ принято и было бы гораздо страннѣе, если бы вы на «вы» заговорили съ простой крестьянкой. Что вы стали знакомить меня съ ветхозавѣтной исторіей, но это указываетъ только на ваши просвѣтительныя наклонности. Вотъ, кажется, и все.

— Ну, а то, что я назвалъ васъ хорошенькой? уже гораздо смѣлѣе спросилъ я, приходя прямо въ восторгъ отъ ея милаго, даже слегка кокетливаго тона.

— Ну, какая же молодая дѣвушка обидится на это? И барышнѣ, и крестьянкѣ это будетъ одинаково пріятно, совсѣмъ просто и въ то же время весело отвѣтила она.

Я готовъ былъ прямо такъ расцѣловать ея ручки.

— Вотъ только одно меня удивило, отчего это вы меня Акулиной назвали? спросила Дарья Никитишна.

— А вы помните Пушкинскую «Барышню-крестьянку?»

— Помню. Ну, такъ что же?.. недоумѣвая переспросила она.— Ахъ, да! вспомнила! Бетти Муромская назвала себя, вѣдь, Акулиной. Да, но неужели вамъ могла прийти мысль, что я переодѣтая барышня? Между Бетти Муромской и мною такая большая, такая неизмѣримая разница. Я думаю, что вотъ теперь, въ этомъ костюмѣ, я скорѣе похожа на крестьянку, переодѣвающуюся барышней. Сарафанъ мнѣ больше по плечу и къ лицу.

— «Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!» не утерпѣлъ и воскликнулъ я.

Бровки Дарьи Никитишны слегка было сдвинулись, но добрая улыбка сейчасъ же озарила ея личико.

— Это вы вспомнили строчку изъ Богдановича, взятую Пушкинымъ, какъ эпиграфъ къ своей «Барышнѣ-крестьянкѣ», не принимая на свой счетъ моего восклицанія, заключила эта милая «крестьянка-барышня»

Когда вечеромъ я возвращался къ себѣ въ Тарѣвку (въ телѣжкѣ отца Алексѣя, и Роверъ сидѣлъ у меня въ ногахъ) несвязныя мысли мелькали у меня въ головѣ. Мнѣ вспоминалась миленькая Дарья Никитишна, отзывы отца Алексѣя о ней, ея хорошенькіе глазки, ея простой, непринужденный разговоръ, моя встрѣча съ ней на мосту и Пушкинская «Барышня-крестьянка», Ветти Муромская, и молодой, красивый, влюбленный въ нее Алексѣй Берестовъ и мнѣ было грустно, что я уже немолодъ и мнѣ было стыдно, что меня, уже немолодого чело-вѣка, можетъ иногда толкать такой бѣсъ въ ребро, какой толкнулъ сегодня утромъ на мосту, надъ рѣчкой Каменкой, и сей-часъ же вдругъ становилось радостно, что теперь уже возможны такія явленія, какъ эта милая «крестьянка-барышня».

Ан. П. Чеховъ.

ПРОИСШЕСТВІЕ.

(РАЗСКАЗЪ ЯМЩИКА).

Вотъ въ этомъ лѣсочкѣ, что за балкой, случилась, сударь, исторія. Мой покойный батенька, царство имъ небесное, везли къ барину пятьсотъ цѣлковыхъ денегъ; тогда наши и шенелевскіе мужики снимали у барина землю въ аренду, такъ батенька везли деньги за полгода. Человѣкъ они были богобоязненный, писаніе читали, и чтобъ обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ, не ровень часъ, обжулить—это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали и, когда нужно было кого въ городъ послать—по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обнаковеннаго, но, не въ обиду будь сказано, сидѣла въ нихъ малодушная фантазія. Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проѣхать нѣтъ возможности: зайдутъ, выпьютъ стаканчикъ—и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественныя деньги возили, то, чтобъ не заснуть или случаемъ не потерять, всегда брали съ собой меня, или сестрицу Анютку. По совѣсти сказать, все наше семейство до водки очень охотники. Я грамот-

ный, въ городѣ въ табачномъ магазинѣ служилъ шесть лѣтъ и могу поговорить со всякимъ образованнымъ господиномъ, и разныя хорошія слова могу говорить, но какъ я читалъ въ одной книжкѣ, что водка есть кровь сатаны, такъ это доподлинно вѣрно, сударь. Отъ водки я потемнѣлъ съ лица, и нѣтъ во мнѣ никакой сообразности, и вотъ, извольте видѣть, служу въ ямщикахъ, какъ неграмотный мужикъ, какъ невѣжа.

Такъ вотъ, рассказываю я вамъ, везли батенька деньги къ барину; съ ними Анютка ѣхала, а въ тѣ поры Анюткѣ было семь годочковъ, не то восемь—дура душой, отъ земли не видать. До Каланчика проѣхали благополучно, тверезы были, а какъ доѣхали до Каланчика, да зашли къ Мойсейкѣ въ кабакъ, началась у нихъ фантазія эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похваляться при народѣ:

— Человѣкъ, говорятъ, я не большой, простой, а въ карманѣ пятьсотъ цѣлковыхъ; захочу, говорятъ, такъ и кабакъ, и всю посуду, и Мойсейку съ его жидовкой и жиденятами куплю. Все, говорятъ, могу купить и выкупить.

Этакимъ, значить, манеромъ пошутили, а потомъ этого стали жаловаться:

— Бѣда, говорятъ, православные, быть богатымъ человѣкомъ, кунцомъ или въ родѣ. Нѣтъ денегъ—нѣтъ и заботы, есть деньги—держишь все время за карманъ, чтобъ злые люди не украли. Странно жить на свѣтѣ, у котораго денегъ много.

Пьяный народъ, конечно, слушалъ, смекалъ и на усъ себѣ моталъ. А тогда тутъ на Каланчикѣ чугунку строили и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранча. Батенька потомъ спохватились, да ужъ поздно было. Слово не воробей, вылетитъ—не поймашь. Ъдутъ они, сударь, лѣсочкомъ, и вдругъ, это самое, кто-то сзади верхомъ скачетъ. Батенька были не робкаго десятка,—этого нельзя сказать, но усумнились; тамъ, въ лѣсочкѣ, дорога не проѣзжая, только сѣно да дрова возять, и скакать тамъ некому и не зачѣмъ, особливо въ рабочую пору. За хорошимъ дѣломъ не поскачешь.

— Какъ будто погоня, говорятъ батенька Анюткѣ,—ужъ больно шибко скачутъ. Въ кабакъ-то надо было мнѣ молчать, типунъ мнѣ на языкъ. Ой, дочка, чуешь мое сердце, тутъ что-то не доброе!

Пораздумались они малое время на счетъ своего опаснаго положенія и сказали сестрицѣ моей Анюткѣ:

— Дѣло выходитъ неосновательное, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ погоня. Какъ ни какъ, Аннушка милая, возьми-ка ты, братъ, деньги, схорони ихъ къ себѣ въ подолъ и пойдѣ за кустъ, спрячься. Не ровень часъ, ежели нападуть, проклятые, такъ ты бѣги къ матери и отдай ей деньги, пускай она ихъ старшинѣ снесетъ. Только ты, гляди, никому на глаза не попадайся, бѣги гдѣ лѣсомъ, гдѣ балочкой, чтобы никто тебя не увидѣлъ. Бѣги себѣ да Бога милосерднаго призывай. Христокъ съ тобой.

Батенька сунуль Анюткѣ узелокъ съ деньгами, а она выглядѣла кустъ, какой погуще, и спряталась. Погодя немного, подскочили къ батенькѣ трое верховыхъ: одинъ здоровый, мордастый, въ кумачевой рубахѣ и въ большихъ сапогахъ, а другіе два оборванные, ошарпанные, знать, съ чугунки. Какъ батенька сумнѣвались, такъ и вышло, сударь, дѣйствительно. Тотъ, что въ кумачевой рубахѣ, мужикъ здоровый, сильный, выдѣляющее изъ облакновеннаго, лошадь остановилъ и всѣ трое принялись за батеньку.

— Стой, такой-сякой! Гдѣ деньги?

— Какія такія деньги? Пошелъ къ лѣшему!

— А тѣ деньги, что къ барину везешь, за аренду! Давай, такой-сякой, чортъ лысый, а то душу загубимъ, пропадешь безъ покаянія!

И начали они надъ батенькой свою подлость показывать, а батенька замѣсто того, чтобы просить ихъ, плакать или что, разсердились и начали ихъ отдѣлывать, по всей, значить, строгости.

— Что вы, говорятъ, окаянные, пристали? Сволочной вы народъ, Бога въ васъ нѣтъ, нѣтъ на васъ холеры! Не денегъ вамъ надо, подлецамъ, а розогъ, чтобы потомъ года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолетъ шестистволка за пазухой есть!

А разбойники отъ такихъ словъ еще пуще и стали бить батеньку, чѣмъ попадя. Обыскали они повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги съ него сняли; когда увидѣли, что отъ битья батенька только пуще ругается, стали они его на разные

манеры мучить. Анютка, тѣмъ временемъ, сидѣла за кустомъ и, сердечная, все видѣла. Когда ужъ увидѣла, что батенька лежать на землѣ и только храпѣть, схватилась она съ мѣста и что есть духу побѣжала, гдѣ кустикомъ, гдѣ балочкой, назадъ къ дому. Дѣвчонка она была малая, безъ всякаго понятія, дороги не знала и бѣжала такъ, куда глаза глядятъ. До дому было верстъ девять. Другой бы въ одинъ часъ добѣжалъ, а малое дите, извѣстно, шагъ впередъ, два въ сторону, да и не всякое тебѣ можетъ босыми ногами по лѣснымъ колючкамъ; тоже надо привычку имѣть, а наши дѣвчонки все, бывало, на печкѣ гомозятся, или во дворѣ, а въ лѣсъ боялись бѣгать.

Къ вечеру Анютка добѣжала кое-какъ до жилья. Глядитъ: чья-то изба. А то была изба лѣсничаго, за Сухоруковымъ, въ казенномъ лѣсу—кушцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходитъ къ ней баба, жена лѣсника. Анютка сейчасъ, первое дѣло,—въ слезы и объяснила ей все, какъ есть, все на чистоту, и даже про деньги объяснила. Лѣсничиха разжалобилась.

— Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебѣ, такую махонькую, Богъ сохранилъ! Дѣточка моя родная! Пойдемъ въ избу, я тебѣ хоть поѣсть дамъ!

Значитъ, стала баба подѣзжать къ Анюткѣ, покормила ее, напоила, и даже поплакала съ ей вмѣстѣ и такъ ее разуважила, что дѣвчонка даже, подумай, узелокъ съ деньгами ей отдала.

— Я, ясочка, спрячу, а завтра, говорить, поутру отдамъ и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печкѣ, гдѣ о ту пору сушились вѣники. И на этой самой печкѣ, на вѣникахъ, спала дочка лѣсника, такая же махонькая, какъ и наша Анютка. И потомъ Анютка намъ рассказывала: духъ такой отъ вѣниковъ былъ, медомъ пахло! Легла Анютка, а спать не можетъ, потихоньку плачетъ: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходитъ часъ-другой, и видитъ она, въ избу входятъ тѣ три разбойника, что батеньку мучили. Вотъ тотъ, что мордастый, въ кумачевой рубахѣ, атаманъ ихній, подходитъ къ бабѣ и говоритъ:

— Ну, жена, только даромъ душу загубили. Нынче, гово-

рить, въ обѣдъ мы человѣка убили. Убить-то убили, а денегъ ни гроша не нашли.

Стало быть, этотъ-то, въ кумачевой рубахѣ, лѣсничихинъ мужъ выходить.

— Пропалъ задаромъ человѣкъ, говорятъ его товарищи, оборванные,—понапрасну мы грѣхъ на душу приняли.

Лѣсничиха поглядѣла на всѣхъ трехъ и усмѣхается.

— Чего, дура, смѣешься?

— А то смѣюсь, что вотъ я и души не стубила, и грѣха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

— Какія деньги? Что брешешь?

— А вотъ, погляди, какъ я брешу.

Лѣсничиха развязала узелокъ и, окаянная, показала имъ деньги, потомъ рассказала все, какъ пришла къ ей Анютка, какъ Анютка говорила и прочее. Душегубы обрадовались, стали дѣлиться промежъ себѣ, чуть не подрались, потомъ, значить, сѣли за столъ трескать. А Анютка лежитъ, бѣдная, слышитъ всѣ ихнія слова и трясется, какъ жидъ на сковородѣ. Что тутъ дѣлать? И изъ ихнихъ словъ она узнала, что батенька померли и лежатъ поперекъ дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бѣднаго батеньку ѣдятъ волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко въ лѣсъ и ее тоже волки сѣли, и будто саму Анютку за то, что денегъ не уберегла, въ острогъ посадятъ, бить будутъ.

А разбойники налопались и послали бабу за водкой. Пять рублей ей дали, чтобъ и водки купила, и сладкаго вина... Пошло у нихъ на чужія деньги пьянство и пѣсни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали, чтобъ, значить, пить безъ конца краю.

— Будемъ до утра гулять! кричатъ.—Денегъ у насъ теперь много, жалѣть нечего! Пей, да ума не пропивай!

Этакъ къ полночи, когда всѣ уже были здорово урѣзавши, баба побѣжала за водкой въ третій разъ, а лѣсникъ прошелся раза два по избѣ, а самъ шатается.

— А что, говоритъ, братцы, вѣдь дѣвчонку прибрать надо! Ежели мы ее такъ оставимъ, такъ она будетъ на насъ первая доказчица.

Посудили, порядили и такъ рѣшили: не быть Анюткѣ жи-

вой — зарѣзать. Извѣстно, зарѣзать невиннаго младенца страшно, за такое дѣло нешто пьяный возьметъ, или угорѣлый. Можетъ, съ часъ спорили, кому убивать, другъ дружку нанимали, чуть не подрались опять и — никто не согласенъ; тогда бросили жребій. Лѣснику досталось. Выпилъ онъ еще полный стаканъ, крикнулъ и пошелъ въ сѣни за топоромъ.

А Анютка дѣвка не промахъ. Даромъ, что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на умъ вскочетъ. Можетъ, Господь надъ ей сжалился и на это время разсудокъ ей послалъ, а можетъ, поумнѣла отъ страха, а только, на повѣрку, вышла она хитрѣй всѣхъ. Встала потихоньку, Богу помолилась, взяла тулупчикъ тотъ самый, что ее лѣсничиха укрыла; и, понимаешь, съ ней на печкѣ лѣсникова дѣвочка лежала, однихъ годочковъ съ ней, — она эту дѣвочку укрыла тулупчикомъ, а съ нея взяла бабью кофту и накинула на себя. Помѣнялась, значитъ. Накинула себѣ на голову и прямо такъ и прошла черезъ избу мимо пьяницъ, а тѣ думали, что это лѣсникова дочка, и даже не взглянули. На ея счастье бабы въ избѣ не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабій глазъ видючій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

Вышла изъ избы Анютка и давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ. Всю ночь по лѣсу путалась, а утромъ выбралась на опушку и побѣжала по дорогѣ. Даль Богъ, повстрѣчался ей писарь Егоръ Данилычъ, царство небесное. Шель онъ съ удочками рыбу ловить. Разказала ему Анютка все до чиста. Онъ скорѣй назадъ — до рыбы ли тутъ? — въ деревню, собралъ мужичковъ и — ай-да къ лѣснику! Пришли туда, а душегубы всѣ въ повалку, натрескавшись, лежить, гдѣ кто упалъ. Съ ними и пьяная баба. Обыскали ихъ первымъ дѣломъ, забрали деньги, а когда поглядѣли на печку, то — съ нами крестная сила! Лежить лѣсникова дѣвочка на вѣникахъ, подъ тулупчикомъ, а голова вся въ крови, топоромъ зарублена. Побудили мужиковъ и бабу, связали руки назадъ и повели въ волость. Баба воеетъ, а лѣсникъ только мотаеъ головой и просить:

— Опохмелиться бы, братцы! Голова болить.

Потомъ своимъ порядкомъ судъ былъ въ городѣ, наказывали по всей строгости законовъ.

Такъ вотъ какая исторія случилась, сударь, за тѣмъ лѣсомъ, что за балкой. Уже еле видать его, садится за нимъ солнышко красное. Разговорился я съ вами, а лошади стали, словно и онѣ слушаютъ. Эй вы, ми-илыя, хорошія! Бѣгите веселѣй, баринъ, господинъ хорошій, на чай пожалуетъ! Эй вы, голуби!

Н. А. Лейкинъ.

КОМИССІЯ.

Пожилая краснолицая баба торговка-кружевница въ длинныхъ серьгахъ и въ ковровомъ платкѣ, зашпиленномъ подъ горло, выпила рюмку какой-то темной настойки, закусила маринованнымъ бѣлымъ грибомъ и стала тасовать карты.

— Погадать еще-то? Или ужъ больше не надо? спросила она рыхлую, широколицую женщину въ сѣрой фланелевой блузѣ и съ широкимъ проборомъ въ сѣдыхъ волосахъ.

— Да, пожалуй, погадай... Только ужъ теперь на мою замужнюю дочь.

— На которую? У васъ ихъ двѣ.

— На Елену. Мужъ у ней какъ будто баловаться началъ. Выбрали его въ гласные въ Думу, такъ онъ по вечерамъ пересталъ дома сидѣть. То говоритъ — въ засѣданіе ѣду, то говоритъ — въ комиссію, а ей черезъ это сомнѣніе... Плачетъ...

— Въ комиссію? Я про комиссію, милая моя Варвара Герасимовна, знаю, подмигнула краснолицая баба. — Есть у меня одна знакомая генеральша. Тоже она у меня русскія кружева покупаетъ и тоже я ей гадаю, когда приду къ ней. Не вѣритъ она этому гаданью, а какъ приду къ ней — сейчасъ попроситъ: «а ну-ка, погадай...»

— Да вѣдь и я не вѣрю... Конечно, это пустяки... А все-таки...

— Вѣрь, не вѣрь, а если сбывается, и карты говорят правду, такъ чего-жь вамъ!.. Такъ вотъ и у генеральши этой завелась комиссія... Тоже генераль ейный, какъ отобѣдаетъ — и не сидится ему дома, словно гвозди какіе въ стульяхъ поватыканы. Прежде отдыхалъ послѣ обѣда, а тутъ и отдыхать пересталъ. «Я, говорить, въ комиссію...» Ну, и уѣдетъ. Уѣдетъ, а потомъ ужъ поздно вечеромъ домой... ночью... часу въ первомъ...

— Вотъ, вотъ... И у старшей-то дочери то же самое... подхватила пожилая женщина. Вѣдь повѣстки показываетъ... Мужъ-то то-есть... «Вотъ, говорить, приглашаютъ явиться...»

— Про генерала я не знаю, показывалъ ли онъ своей генеральшѣ какія нибудь повѣстки. Про это мнѣ неизвѣстно. Но комиссія-то эта потомъ оказалась ихъ же собственная нянька изъ нѣмецкихъ мамзелей...

— Да что ты, Настасья Мироновна! Ты меня пугаешь! вздрогнула пожилая женщина и схватилась за сердце.

— Вѣрно, вѣрно, хозяйшка, подтвердила баба. — У васъ, можетъ статья, что нибудь и другое съ вашей дочкой, а тутъ прямо ихняя же собственная мамзель изъ нѣмокъ. Генеральша ей отказала за пронзительность глазъ, которые она на генерала запускала, а генераль взялъ да и нанялъ ей квартиру въ сосѣдней улицѣ. Квартирку, прислугу и все эдакое...

Хозяйка морщила безбровое лицо, крутила головой и говорила:

— Охъ, ужъ не рада я, что и сказала!

— Да позвольте, позвольте, матушка Варвара Герасимовна... Можетъ быть, у вашей-то дочки что нибудь и не то. Да вотъ, сейчасъ карты вѣрно скажутъ. Брюнетъ онъ или блондинъ, зять-то? На какого мнѣ короля гадать-то?

— Ахъ, оставь пожалуста... Лучше ужъ и не гадать.

— Да отчего же? По крайности всякую штуку узнаете. Можетъ статья, говорю, что и ничего нѣтъ.

— А вдругъ карты скажутъ, что есть? Что я тогда? Вѣдь я тогда мученица... Какъ мнѣ дочери-то про это сказать? Она вѣдь внѣ себя будетъ, упадетъ въ обморокъ и ножками задрыгаетъ. Я знаю ее. Нѣтъ, ужъ лучше оставь. Чего тутъ!

— Въ неизвѣстности тогда будете. А если вамъ карты скажутъ, что есть что нибудь, и вы будете въ извѣстности, то можете супругу вашему доложить. Онъ мужчина властный, вразумительный, поѣдетъ, разыщетъ эту комиссію и можетъ какой нибудь подходъ подѣе сдѣлать.

— Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ... У зятя этого не можетъ быть. Зачѣмъ ему на сторонѣ заводить, если у него дома жена молодая и красивая.

— Ахъ, милая! Ахъ, Варвара Герасимовна! Мужчины на этотъ счетъ народъ совсѣмъ несообразный. Своя хороша, а чужая и хуже, да лучше нравится.

— Не звони языкомъ, не звони. Генерала твоего нельзя ставить вровень. Вѣдь у генерала твоего, поди, жена старуха.

— Да ужъ не изъ молоденькихъ. А главное, у ней ликъ какой-то рыбій.

— Ну, вотъ видишь... Съ рыбьимъ ликомъ. Да и характерецъ, можетъ статья...

— Дама властная, что говорить... Поточить муженька любить. Тутъ какъ-то вышелъ онъ во фракъ, со звѣздой, на шеѣ тоже крестъ, а она у меня кружева покупаетъ...

— Такъ какая же разница! А моя Леленька ангель... Только ласкается да цѣлуетъ... «Мишенька, Мишенька...» Нѣтъ, на счетъ того, что у него мамзель на сторонѣ, мы и не думаемъ, а есть у насъ такое сомнѣніе, что не закатывается ли онъ вмѣсто думской-то комиссіи куда нибудь съ пріятелями покутить. Дочь рассказываетъ, что два раза было уже такъ, что поѣхалъ въ думское засѣданіе, а вернулся во второмъ часу и были у него глаза красные и виномъ отъ него пахло.

— Такъ чего-жъ вамъ еще, милушка! воскликнула торговка.— Развѣ въ Думѣ виномъ поить!

— Позволь, позволь... остановила ее хозяйка.— Онъ говорить, что послѣ засѣданія зашли будто бы въ ресторанъ закутить и чаю напитокъ...

— Мужчины наскажутъ. Ну, такъ раскладывать карты?

— Да, разложи. Только вѣрить не буду. Ну, что такое карты? Ну, какъ онѣ могутъ что-нибудь знать! Глупость и ничего больше.

— Брюнетъ онъ?

— Врюнетъ. Только вѣдь я все равно не повѣрю.

— Такъ надо на трефоваго короля раскладывать.

— На кого хочешь раскладывай, а я все равно буду знать, что это пустяки.

— Вора же, однако, нашли, когда у васъ двѣ серебряныя ложки пропали и карты вамъ на блондина указали, проговорила торговка и стала раскладывать карты. — Вотъ вамъ... Сразу трактиръ вышелъ... указала она на пиковаго туза.

— Врешь... Пиковый тузъ — казенный домъ, стало быть — Дума... отвѣчала хозяйка.

— Да не при пиковой восьмеркѣ онъ, казенный-то домъ, а безъ нея. А тутъ вотъ — пиковая восьмерка. Эта карта хмельная, прямо хмельная. Девятка пиковая тоже угощеніе. Вотъ и она вышла тутъ какъ тутъ.

— Да про трактиръ-то зять самъ сознался. Онъ и не скрываетъ. А что бы у него могла быть на сторонѣ какаянибудь мамзель, то я этому никогда не повѣрю. Восьмой годъ живутъ они душа въ душу, всегда неразлучно вмѣстѣ... И если бы его не дернула нелегкая пойти въ гласные...

— Да вотъ она... указала торговка.

— Гдѣ?

Хозяйка вздрогнула.

— Да вотъ, вотъ бубновая-то дама...

— Да что ты врешь, дура, это Лелечка, отвѣчала хозяйка упавшимъ голосомъ и даже измѣнилась въ лицѣ.

— Можетъ быть она и Лелечка, карты по именамъ не называютъ, а только не ваша дочка, не Елена Егоровна, потому та должна быть крестовой масти.

— Сбей карты, сбей... Не хочу я ни смотрѣть, ни слушать.

Хозяйка встала изъ-за стола и пересѣла на другое мѣсто.

— Да ужъ дайте до конца-то догадать. Можетъ быть, эта бубновая дама ему на сердце и не ляжетъ.

— Ляжетъ или не ляжетъ, а я ничего не хочу знать. Довольно.

Хозяйка сердилась. Торговка отбирала карты.

— Да вѣдь хуже въ сомнѣніи-то оставаться, старалась объяснить торговка. Не упадетъ на сердце королю, такъ значить эта бубновая дама зря здѣсь замоталась.

У наружныхъ дверей раздался электрическій звонокъ. Торговка испуганно взглянула на хозяйку и спросила:

— Не самъ ли? Не Егоръ ли Данилычъ? Не уйти ли мнѣ? Не любить онъ меня.

— Не самъ. Сиди. Это ктонибудь другой, отвѣчала хозяйка.

— А вы почему знаете?

— По звонку знаю. Онъ три раза звонится и въ оба звонка. Въ электрическій три и въ простой тоже три. Онъ любитъ, чтобы всѣ сбѣгались двери отворять. И пожалуйста ты мнѣ не называй его больше Егоромъ Данилычемъ. Не Егоръ онъ, а Георгій.

— Вотъ тебѣ здравствуй! Давно ли? Все былъ Егоръ, а теперь Георгій сталъ? воскликнула торговка.

— Не кричи такъ, не кричи! Очень ужъ много на себя берешь, осадила ее хозяйка.

— Да я что же... Я ничего... А только всегда онъ былъ Егоромъ Данилычемъ... Такъ мы его и по деревнѣ знали, когда вы прѣзжали къ намъ на побывку... Вѣдь я такая же вологодская, какъ и вы...

— Раньше его звали Егоромъ Данилычемъ, а теперь ему разъяснили, что свитого Егора нѣтъ, а что есть святой Георгій... Да... Вотъ онъ и сталъ зваться Георгіемъ Данилычемъ. Такія и карточки себѣ заказалъ. Егоръ — это по простонародному... по безграмотному... А теперь ему нельзя такъ зваться, осудять. Онъ коммерціи совѣтника получилъ, старалась разъяснить торговкѣ хозяйка.

— Коммерціи совѣтника? протянула торговка. — Это что же такое будетъ?

— А Егоръ Данилычъ говоритъ... Тьфу, и я-то путаюсь... А Георгій Данилычъ говоритъ, что только два шага до генерала — вотъ что это будетъ, подмигнула хозяйка.

— Батюшки! Да неужто это правда? Стало быть, до васъ теперь и рукой не достанешь! всплеснула руками торговка.

— Ну, ужъ тамъ какъ хочешь разбирай, а передъ новымъ годомъ онъ получилъ коммерціи совѣтника и теперь онъ коммерціи совѣтникъ. Изъ-за этого-то мы и двѣ комнаты къ квартирѣ прибавили, потому что, ему пріемная понадобилась. Те

перь у него контора конторой, а потомъ пріемная... Изъ-за этого и лакея взяли съ такими баками, надъ которыми ты смѣешься, рассказывала хозяйка.— Да... Во-первыхъ, двумъ горничнымъ дѣвушкамъ съ такой большой квартирой не справиться, а во-вторыхъ, коммерціи совѣтнику нельзя быть безъ лакея... Ему докладъ нуженъ. Георгій Даниловичъ требуетъ, чтобы, какъ только кто позвонился въ передней — сейчасъ бы докладъ былъ ему или мнѣ, а безъ доклада никого не впускать.

Торговка посмотрѣла на хозяйку и спросила:

— А что-жъ теперь-то лакей не докладываетъ? Вѣдь вотъ сейчасъ звонокъ былъ.

— А то, что меня этотъ лакей не боится. Георгія Данилыча лакей боится, а меня не боится. Надо будетъ пожаловаться, чтобы онъ ему нагоняй далъ. Приказано ему, чтобы письма и карточки непременно на серебряномъ подносѣ подавалъ, а онъ ему на серебряномъ подносѣ подаетъ, а мнѣ иногда въ рукахъ несетъ. Ливрею ему синію сшили. И вотъ нынче мы съ младшей дочерью въ оперу ѣздили, такъ онъ въ ливреѣ на козлахъ кареты съ нами ѣздилъ.

— Слышала я, слышала отъ Анны Мироновны Баклушиной. Видѣла она васъ въ театрѣ, сказала торговка и спросила.— Такъ можетъ быть вы, матушка Варвара Герасимовна, скоро и ваше превосходительство будете?

Хозяйка замаялась.

— Ну, это какъ сказать... По мундиру-то онъ и сейчасъ полугенераль, отвѣчала она.— Въ дѣтскихъ пріютахъ онъ... Отъ дѣтскихъ пріютовъ у него мундиръ.

Въ сосѣдней со столовой комнатѣ раздались по паркету шаги и въ дверяхъ показалась нарядная молодая женщина въ бобровой шапочкѣ — замужняя дочь хозяйки Варвары Герасимовны.

— Леленька! Милушка! Какъ ты подкралась, голубушка! воскликнула Варвара Герасимовна, бросаясь къ дочери и цѣлуя ее.— Такъ вотъ кто звонился-то, а лакей не доложилъ.

— Да онъ мнѣ сказалъ, что вы спите, я и зашла въ класную комнату къ Нади. Послушала, какъ учительница зубрить ей англійскій языкъ... рассказывала дочь.

— Я сплю? Боже мой! Да откуда онъ это взялъ? Не онъ ли

намъ подавалъ часъ тому назадъ вотъ эти грибы, этотъ сыръ и всю закуску! возмущалась Варвара Герасимовна.— Ну, лакей!

— Онъ, мамаша, пьянъ, и отъ него водкой пахнетъ.

— Еще того лучше! А нанимаясь, говорилъ, что только у графовъ и служилъ и пьетъ только пиво.

Торговка стояла у стола и кланялась, говоря:

— Здравствуйте, красавица моя, Елена Егоровна. Все ли вы въ добромъ здоровьи, ангелка? Да что! И спрашивать не стоитъ. Цвѣтете, какъ маковъ цвѣтъ. Вотъ щечки-то какія аленькія!

— Здравствуй... сухо сказала Елена Егоровна, и кивнула ей.

— Или не узнаете, голубка моя? Давно вѣдь я васъ не видала.

— Нѣтъ, узнала.

Дочь присѣла къ столу. Торговка продолжала:

— А мы сейчасъ только объ васъ съ вашей маменькой разговаривали... И былъ у насъ про васъ обширный разговоръ.

— Ну, что тутъ... махнула ей рукой, съ видомъ неудовольствія, молодая женщина и прибавила:— не понимаю я только, тебѣ-то что до меня?

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь выросли вы всѣ на моихъ глазахъ. Сколько лѣтъ я къ маменькѣ-то вашей хожу! Покажите-ка юбочку-то исподнюю... Кружевца-то вѣдь мои на ней...

— Брось... Съ какой это стати я тебѣ буду юбку показывать! отвернулась отъ торговки Елена Егоровна и спросила мать:— Зачѣмъ это вы Надю англійскимъ-то языкомъ мучаете?

— Папашенька твой говорить, что надо. Кто-то изъ генераловъ сказалъ ему, что теперь по-англійски въ модѣ... Ну, онъ и говорить: пускай хоть пемного поучится. Генераль ему и учительницу прислалъ. Настоящая англичанка. Зубы-то видѣла какіе у ней! Настоящіе англійскіе. Въ гимназій-то вѣдь по-англійски не учатъ, ну, онъ и прислалъ, рассказывала мать.

— Отчего же мнѣ съ сестрой Лизой довольно было французскаго и нѣмецкаго языка, а Надѣ еще англійскій понадобился!

— Да не знаю ужъ, право. Такъ папенька хочетъ. Тогда моды не было, а теперь мода явилась.

— Глупости. Что это у васъ? Карты? Опять гадали?

Мать нѣсколько смутилась.

— Да дѣлать-то нечего, такъ вотъ и побаловались немножко... отвѣчала она.

— Какое невѣжество! развѣ можно картамъ вѣрить? А еще считаетесь полированными!

Елена Егоровна сдѣлала гримасу.

— Въ чемъ же тутъ невѣжество, милушка? вмѣшалась въ разговоръ торговка. Никакого тутъ невѣжества нѣтъ.

— Сѣрое невѣжество.

— Напрасно. Какія есть у меня полированные аристократки изъ генеральшъ, да гадаютъ же. Да еще какъ гадаютъ-то! Недавно еще у меня одна настоящая графиня на сына гадала.

— Оставь... Не люблю я слушать.

Торговка, между тѣмъ, улыбнулась и прибавила:

— Даже и насчетъ васъ, голубка моя, начали гадать, да не окончили еще... Вотъ онѣ, карты-то... разложить ихъ теперь по кучкамъ надо.

Варвара Герасимовна дѣлала торговкѣ знаки, чтобы та молчала насчетъ гаданья, но было уже сказано.

Елена Егоровна поморщилась и спросила торговку:

— Кто же это тебѣ позволилъ обо мнѣ гадать?

— Да маменька ваша просила.

— И не думала, и не воображала! испуганно пробормотала мать.— Она сама навязалась. А я даже и не вѣрю... И ей сколько разъ говорила, что не вѣрю...

— Вѣрь не вѣрь, а карты-то, можетъ быть, правду сказали... вставила свое слово торговка.

— Объ чемъ же вы это на меня гадали? допытывалась дочь.

— Да не объ васъ, душечка... А объ разныхъ тутъ вашихъ обстоятельствахъ...

— Объ моихъ обстоятельствахъ?

— Прямо будемъ говорить: объ супругѣ вашемъ, ангелка Елена Егоровна.. Такъ какъ онѣ теперича въ Думѣ и разныя тамъ комиссиі, и все эдакое... брякнула торговка, хотя Варвара Герасимовна и продолжала ей дѣлать знаки, чтобы она молчала.

— Про комиссию? воскликнула дочь. — Ну, маменька, съ дыркой же у васъ языкъ!

— Да я что же? Я ничего... Я только чуть-чуть... въ разговорѣ... растерянно говорила мать. — А она сейчасъ, давайте, говорить, загадаемъ на трефоваго короля... Я ей говорю, что я не вѣрю, не вѣрю ничему этому... А она ужъ вынула трефоваго короля и давай вокругъ него крестомъ карты раскладывать.

— Странно... Съ вами о семейныхъ дѣлахъ разговариваешь, какъ съ матерью, по секрету, а вы постороннимъ бабамъ разглашаете... пробормотала дочь, надулась и отвернулась.

— Здравствуйте! Я посторонняя баба! Какая же я посторонняя баба, голубушка Елена Егоровна, если я двадцать лѣтъ въ домъ къ вашей маменькѣ хожу! Ахъ, напрасно, напрасно, такъ говорите... съ обидой въ голосѣ сказала торговка, тасуя карты.

Елена Егоровна молчала. Молчала и мать. Торговка продолжала:

— Я къ вамъ всей душой... И весь вашъ домъ, и всю вашу родню, можетъ быть, также люблю, какъ вы сами любите, а про меня вдругъ такія слова... Ай-ай-ай... Когда тузъ-то пикъ съ вишновой семеркой и эта самая дама около короля показались, то мнѣ, можетъ быть больше, чѣмъ вамъ было, Варвара Герасимовна, благодѣтельница моя.

Елена Егоровна, грызя носовой платокъ отъ досады, быстро обернулась къ торговкѣ и спросила:

— Какой такой тузъ пикъ! Какая такая дама? Что ты говоришь!

— Тузъ пикъ — ресторанъ.

— Врешь, врешь. Дума. Тузъ пикъ — казенное мѣсто, Дума, перебила ее Елена Герасимовна.

— Да не при пиковой восьмеркѣ, не при вишновой масти. А дама — бубновая дама была. А какая это такая бубновая дама при немъ — карты не говорятъ.

Елена Егоровна взглянула на торговку вся блѣдная, и проговорила:

— Ты врешь! Все врешь! Ты лъва!

— Это я-то? удивилась торговка и, поклонившись, приба-

вила:— Благодарю покорно. А только, голубушка, позвольте эти куплеты къ картамъ отнести, а не ко мнѣ, потому, не я это сказала, а карты. Да вотъ онѣ, карты-то... Я не мѣшала ихъ. Можетъ быть, теперь, когда ихъ разложить по кучкамъ, то ни дама, ни винновый тузъ на сердце королю и не лягутъ. Стоить только разложить.

Елена Егоровна сидѣла и слезливо моргала глазами. Мать замѣтила это, подсѣла къ дочери, и стала ее утѣшать, говоря:

— Не вѣрь, Леленька, не вѣрь... Карты все врутъ. Да если повѣрить имъ, то что же вышло? Гадали мы на комиссію... въ какую такую комиссію твой мужъ ходить по вечерамъ — и вышелъ тузъ пикъ, Дума. Не вѣрь голубка... Я сама не вѣрю...

— Да что вы меня уговариваете! Развѣ я вѣрю? Могу ли я вѣрить гаданью, если я женщина образованная! Я не вѣрю... Мнѣ даже современность не позволяетъ... отвѣчала дочь.— А мнѣ просто обидно, что, вотъ вы, не спросясь меня и съ посторонней женщиной...

Дочь не договорила отъ волненія, и приложила носовой платокъ къ мокрымъ глазамъ.

— А ты, Настасья Мироновна, ступай домой... Довольно тебѣ тутъ... Съ тобой я разсчиталась, угостила тебя — ну, и иди домой... обратилась Варвара Герасимовна къ торговкѣ.

Та положила на столъ карты и засуетилась.

— И то пора! Прощайте, мои родныя... сказала она.— Извините, что я такъ... Прощайте... За угощеніе ваше благодарю васъ покорно, матушка Варвара Герасимовна.

Она уже хотѣла уходить, но Елена Егоровна обратилась къ ней и произнесла:

— Останься тутъ... Потомъ пойдешь... Ужъ если начала гадать, ввела въ сомнѣніе, то должна и докончить. Раскладывай карты... Какъ тамъ нужно, такъ и раскладывай...

— Брось, Леленька... Зачѣмъ? уговаривала ее мать, а сама была рада, что гаданье будетъ приведено къ концу.— Сама не вѣришь, а просишь докончить.

— Не вѣрю, но пусть гадаеть, если ужъ начала... стояла на своемъ дочь.— Хоть на смѣхъ, пусть гадаеть.

Торговка присѣла къ столу и начала раскладывать карты на кучки, приговаривая:

— Дому, дамѣ, королю, что́ сбудется, непременно...

Варвара Герасимовна и дочь внимательно слѣдили за движеніемъ ея рукъ. Въ каждую изъ пяти кучекъ положено было по три карты. Торговка клала ихъ крапомъ вверхъ, когда же начала открывать ихъ и дошла до кучки «королю», въ кучкѣ этой оказались и тузъ пикъ и дама бубень. Торговка ткнула пальцемъ въ даму бубень, и тихо проговорила:

— Вотъ она, думская-то комиссія... А только ужь это не я, а карты... Вы меня, голубушки, не вините...

Елена Егоровна была блѣдна, какъ ея носовой платокъ. Она тотчасъ же сбила карты, схватилась за сердце, а потомъ зарыдала. Мать и сама плача, суетилась около нея, и испуганно говорила:

— Леленька... Душечка... Ангель мой... Да неужто ты вѣришь? Плюнь... Не вѣрь... Вѣдь это карты... Карты врутъ... Брось, милая, плакать...

А съ молодой женщиной сдѣлалась ужь истерика. То рыдал, то смѣясь, она выкрикивала.

— Охъ! Охъ! Я знала! Я чувствовала! Я понимала, какаѣ это комиссія!

Въ прихожей раздались сразу три пронзительные звонка: протяжно звонилъ звонокъ электрическій, раздавался духовой свистокъ и нѣсколько разъ дребезжалъ обыкновенный колокольчикъ.

— Батюшки! Хозяинъ! Самъ Егоръ Данилычъ пріѣхалъ! Вѣжать мнѣ отъ грѣха! воскликнула торговка и опрометью выбѣжала изъ столовой.

Сигма (С. Н. Сыромятниковъ).

К И С Э Н А.

(РАЗСКАЗЪ).

Даже самая ничтожная рыба
волнуетъ нѣдра океана.

Корейская пословица.

I.

Матовый утренній свѣтъ слегка приоткрывалъ вершины огромныхъ елей и завернутые въ коричневые лохмотья сухой листвы задумчивые вѣковѣчные дубы. Справа, въ прогалину, видѣлась вершина горы, сумрачная, еще не проснувшаяся. А слѣва, въ лощинѣ, журчалъ горный ручей, по бѣлосоватымъ камнямъ. Гибкая лоза винограда, невѣдомые тонкіе кусты, и стройные клены съ обжогами красной листвы, и нѣжныя нвы, и хваченное морозомъ чортово дерево, съ коричневыми листьями въ родѣ гусиныхъ лапъ, беспомощно свѣсившимися съ колючихъ палокъ ствола, — наклонялись надъ журчащей водой. Тысячи звѣриныхъ тропъ шли къ ручью, и легкіе слѣды соболя, и крестовидные отпечатки лапки, и тяжелый слѣдъ тигра, точно шапка упала на топь и пять пальцевъ сдѣлали оттискъ вокругъ ея.

Лѣсъ молчалъ. Здѣсь, на тысячѣ футовъ надъ моремъ, было еще тепло въ началѣ ноябрю, но безжизненно, могильно, какъ эти вѣчно зеленые тисы съ красными шаршавыми стволами. Тамъ, назади, высоко за переваломъ, осталась бѣлая окостенѣвшая зима, здѣсь — тяжелое умираиье еще не остывшаго трупа природы.

По узкой тропинкѣ, вившейся по ручью и огибавшей огромные корни и павшіе стволы лѣсныхъ великановъ, шель далеко растянувшійся караванъ, первый караванъ европейцевъ, который видѣли когда нибудь эти огромные ели и кедры, и тисы. Железные кольца позвякивали на уздахъ лошадей, копыта били о камни, вьюки терлись и издавали скрипъ, погонщики мурлыкали грустную, гортанную пѣсню. За ними ѣхали двое русскихъ, запасные солдаты въ вольномъ. Позади медленно шель начальникъ каравана и два корейца вели за нимъ верховыхъ лошадей.

Онъ шель, не замѣчая, что дѣлается вокругъ, уйдя глазами въ прошлое, и машинально шагая черезъ камни и рытвины. Его кожаная желтая куртка задѣвала за хвою и вѣтви и онъ нагайкой сбивалъ колючія палки чортова дерева, которыя стояли на пути. До его слуха долеталъ разговоръ солдатъ, вполголоса, точно изъ другого міра, а сзади слышалась носовая рѣчь корейцевъ, переводчиковъ.

— Онъ чудной, говорилъ маленькій бритый солдатъ, хохоль въ полушубкѣ и смушковой шапкѣ, широкому рыжему бородатому товарищу. — Чудной, потому что кричить, а злобы въ немъ настоящей нѣтъ. Были мы безъ тебя въ одномъ городѣ, какъ его тамъ, дождь пошелъ — страсть, а я одѣяло забылъ на почлегѣ. Хвать одѣяла, нѣтъ. Я ему и говорю, что одѣяла нѣтъ.

— А онъ, что же, побилъ?

— Нѣтъ, сказалъ — «мерзавецъ», и послалъ меня съ переводчикомъ назадъ. Рѣка разлилась, едва не потопли, тридцать верстъ за одѣяломъ ѣхали, однако нашли.

— Кабы у насъ во флотѣ, — побилъ бы.

— Однако не побилъ; а потомъ въ Капсанѣ, когда я простудился, такъ даже смѣшно было: лѣчилъ и къ себѣ въ комнату положилъ спать. Самъ по ночамъ порошки давалъ. Чудной! Во всякое опасное мѣсто норовить залѣзть. Съ моста летѣлъ съ лошадыю. Я его поднимать, а онъ ореть: «какъ ты

смѣешь бросать свою лошадь, я тебя не звалъ». Страсть любить опасное.

— Тоже — опасное! Фигуряеть... У насъ, во Владивостокѣ, такъ на Семеновскомъ покосѣ, тамъ опасно. Какъ это французскаго офицера убили, небось слыхаль... Тамъ бѣглецы съ Сахалина... А здѣсь что? Даромъ винчестеръ тащишь. Говорили — тигры. Нѣтъ! Говорили — фунфузы*). А что-то не видать...

А «чудной» начальникъ шелъ задумавшись, и разговоры людей, и крики погонщиковъ проносились мимо, не задѣвая его. Онъ придерживалъ сумку съ инструментами и глядѣлъ внутрь себя, въ полное загадокъ и сомнѣній прошлое.

Картины, то легкія какъ дымка, то яркія, какъ блескъ раскаленнаго желѣза возникали у него въ мозгу и онъ говорилъ съ собой самымъ отрывистыми фразами. «Хорошо, я проведу ихъ къ морю, до Пхѣнъяна 500 верстъ, и посажу на пароходъ и возвращусь въ Петербургъ, а потомъ что? Опять болото, тина и работа, и борьба, и горечь, и рубля... И та же тоска, и тотъ же сумракъ. А здѣсь? Здѣсь я одинъ и миѣ такъ легко и такъ страшно. Смерть глядитъ изъ-подъ каждаго камня, съ каждаго карниза скалы, изъ глубины каждой рѣки, которую переходишь въ бродъ. То же, что Монте-Карло или война. Войны нѣтъ. Ружье требуетъ огромныхъ денегъ. А тутъ — игра на жизнь, ежеминутный *va banque*, который захватываетъ дыханье».

«Печоринъ конца вѣка, засмѣялся онъ.—Какъ однако разширилась Россія. Пушкинъ и Лермонтовъ и Грибоѣдовъ шли на Кавказъ, я—въ Корею. Корейскій Печоринъ»...

И картины, блеклыя, какъ старые гобелены, снова задвигались въ его воображеніи. Вотъ парижскій салонъ декадентовъ начала восьмидесятыхъ; вотъ завтраки моднаго петербургскаго журналиста начала девяностыхъ годовъ. И кулисы театровъ, и будуары, и бесплодное остроуміе «общества». И потомъ эта женщина въ Парижѣ, въ которой конецъ вѣка отразился такъ безжалостно, такъ жестоко для него и для нея самой. Въ ихъ отношеніяхъ было такъ много дѣланнаго и фальшиваго. И нервы безъ конца, борьба обманутаго чувства и обманывавшей чувственности, борьба жгучей потребности въ идеалѣ съ холодной

*) Хунхузы-китайцы разбойники.

потребностью къ славѣ и рекламѣ, для которой талантливая голова дороже живого сердца. Эта женщина за кулисами Gumpase отрезвила его отъ культуры, такъ мучительно она восприняла въ себя всю истеричную манерность *fin de siècle*'я.

«Вы ужалены женщиной», вспомнились ему слова одного одичавшаго француза, съ которымъ онъ подружился, бродя по отрогамъ Сіера-Мадрэ, далеко, по ту сторону Тихаго Океана, гдѣ гремучія змѣи вскакиваютъ, какъ хлысть, изъ травы. И какіе-то отрывки старыхъ стиховъ: «змѣя съ полузакрытыми глазами» скользнули по его памяти... и какія то-полинялыя строки:

*Ma pensée ivre, avec ses retours obsédants
S'affole et tombe ainsi qu'une danseuse soûle,
Et je sens plus amer, à regarder la foule
Le dégoût d'exister qui me remonte aux dents...*

«А вѣдь меня спасъ вице-губернаторъ, добрый, толстый, степенной вице-губернаторъ. Гдѣ-то онъ теперь? улыбнулся онъ.— Это было такъ глупо, чуть-чуть не пошло, какъ въ мелодрамѣ».

Крахъ идеала и мысль о самоубійствѣ и этотъ толстый, старый другъ, который прочувствовалъ кризисъ и пріѣхалъ и увезъ его, и каталъ по островамъ, какъ ребенка, и приставилъ къ нему студента съ сѣрыми, невинными глазами, чтобы тотъ его успокаивалъ.

Потомъ смерть матери, Кіевскій соборъ и полотна Васнецова, и Востокъ, и струя чего-то живого, и сильнаго и здороваго, чего онъ еще не могъ понять сквозь обрывки сбившагося съ рельсъ декадентства. Это была мечта о Россіи, болѣе великой, *greater Russia*, и обострившееся національное самолюбіе.

«Она натолкнула меня на народъ, на политику, на самопожертвованіе, сказалъ онъ вслухъ,— потому что, она—смерть, самоотрицаніе эгоизма, она—вырожденіе...»

Онъ пріостановился и почувствовалъ, точно передъ нимъ открылся кіотъ съ образами, и ему сдѣлалось хорошо и сладко. Онъ увидѣлъ бѣлокурую головку и глаза чистые, какъ горное озеро, онъ снова почувствовалъ простую загадку хорошей русской дѣвушки. Какъ онъ собиралъ для нея въ деревнѣ цвѣты яблони и незабудки передъ отъѣздомъ сюда. И какъ, нахмурившись, она сказала ему серьезно, дѣловымъ тономъ, какъ го-

ворять дѣти со взрослыми, когда не понимаютъ сами того, что говорятъ.

«Хорошо, я васъ подожду».

И не подождала... И онъ припомнилъ разговоръ въ одной каютѣ-компани во Владивостокѣ, гдѣ его пріатели перебирали новости о петербургскихъ знакомыхъ и сказали, что такой-то женился на такой-то. Какъ больно кольнула его эта случайно услышанная фраза и какой большой стаканъ коньяку онъ выпилъ на радость пріателей, чтобы заглушить отвратительное чувство тоски, злобы и ревности, которое прилило къ сердцу. Онъ выдумалъ себѣ опасную экспедицію въ неизвѣстныя самими туземцамъ горы, одинъ, безъ русскихъ, почти безъ припасовъ.

«Если я возвращусь, значить она меня ждетъ, если сваюсь или замерзну, значить она вышла замужъ», загадалъ онъ, и возвратился разбитый, голодный, но полный надеждъ, увидѣвъ снѣгъ загадочный океанъ и желтыя поля рису съ вершины дикой и безмолвно-обледенѣлой скалы.

«Ну что-жь, что вышла замужъ? говорилъ онъ себѣ:— онъ всё выходитъ на-черно, и потомъ разводится. Разъ она мнѣ нужна, я возьму ее и у ея мужа...»

И онъ почувствовалъ, что онъ говоритъ глупость, и что ему дорого эти сѣрые чистые глаза, на которыхъ нѣтъ грязнаго опыта жизни, что ему дорого это блѣдное, едва выходящее изъ тумана лицо, на которомъ нѣтъ жилочекъ злобнаго сладострастья, вибрировавшихъ у его прежнихъ привязанностей.

— Ждетъ, какъ бы не такъ, прислушался онъ къ разговору солдатъ. — Такъ и станеть тебя ждать два года. Дѣвки, братъ, извѣстно, лакомки, говорилъ Алексѣевъ.

— У насъ, въ Новороссійскѣ, дѣвки хорошія, у насъ за-всегда подождеть, я письмо писалъ, защищаль свою героиню Маргачъ. — У насъ дѣвка красная, твердая, какъ груша. Ыдятъ хорошо. Не то, что здѣсь.

Онъ замѣчалъ постоянно, что его спутники говорили о томъ же, о чемъ онъ думалъ. Они жились и мыслями и чувствомъ за три мѣсяца пути по дебрямъ, отрѣзанные отъ всего міра. Это его разсердило: «Лакомки, Ыдятъ хорошо», возмутился онъ и рѣзко сказалъ:

— Маргачъ, чего ты зѣваешь, погоняй ихъ. (Онъ нервно по-

смотрѣлъ на часы и на подометръ). Въ два часа шесть версть вмѣсто восьми. Что вы, гулять что ли вышли, чортъ васъ возьми!

— Ты дай загребному въ зубы, посовѣтываль Алексѣевъ Маргачу, который началъ бить свою лошадь огромными пчигами, чтобы проскакать впередъ къ проводнику каравана.

— Самъ бей, отвѣчалъ тотъ, обидясь: — что онъ, собака что ли. То же человѣкъ.

— Пакъ, обратился Поморцевъ къ переводчику, — спроси, сколько осталось до Кангэ.

— Семьдесятъ ли *), ваше благородіе, отвѣчалъ тотъ, ведя лошадей, а его товарищъ, корейскій чиновникъ, подтвердилъ: — Кангэ семь десяти ли, мало ходилъ, два десяти ли ходилъ, дорога мало-мало худа есть.

— А видно Тоньёнбонъ, спросилъ путешественникъ переводчика.

— Видно, вонъ тутъ, направо.

И забывъ всѣ эти далекія мечты, весь горькій откусъ задержаннаго сердца, Поморцевъ вынулъ буссоль, отыскалъ между вершинами деревьевъ далекую гору, взялъ азимуть и записалъ въ книжкѣ: «6 версть, обратно, Тоньёнбонъ 158°».

— Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, проговорилъ онъ сквозь зубы и бережно положилъ буссоль въ кожаный, висѣвшій черезъ плечо, чехоль.

Подгоняемый Маргачемъ, караванъ скрылся за деревьями и звонъ желѣзныхъ колець, стукъ подковъ, скрипъ вьюковъ и гортанные крики погонщиковъ стали все глуше и глуше.

И Поморцевъ зашагалъ опять по тропинкѣ, спускавшейся внизъ крутыми ступенями.

— Тутъ не въ буссоли дѣло и не въ записываньи паденія барометра, говорилъ онъ вслухъ, не стѣсняемый болѣе присутствіемъ солдатъ, тутъ дѣло въ подвигѣ. Бабушка ходила по святымъ мѣстамъ, какъ я хожу по Сѣверной Корей, потому что у ней была потребность быть одной съ природой, съ Богомъ. Здѣсь живъ великій Панъ, котораго выгнали изъ городовъ. Что нужды, что бабушка вѣрила въ трехъ китовъ, а я бесѣдую съ англійскими политиками такъ же свободно, какъ съ русскими

*) Ли равняется полуверстѣ.

пріятелями. Миѣ, какъ и ей, подвигъ облегчаетъ душу. Теперя я понялъ, что политика вырабатывается не въ бесѣдахъ съ редакторами и литераторами, а въ бесѣдахъ съ солдатами и мужиками. Меня научилъ русской политикѣ Васнецовъ, старые русскіе столбцы, иконы, юридическіе акты, московская старина. И эти люди знаютъ, что я ихъ веду туда, куда повелъ бы ихъ Ермакъ, и Кольцо, и Дежневъ, и Пахтусовъ, куда имъ назначено идти всѣмъ нашимъ историческимъ укладомъ. Въ Канаду я ихъ не поведу. Оттого они и идутъ за мной...

Его разбудилъ топотъ лошади. Скакалъ Маргачъ съ берданкой въ рукахъ, и сказалъ тихо:

— Тамъ, у ручья, въ кустахъ, скрываются три манзы.

Поморцеву стало неприятно, что его вырвали изъ міра грѣзъ, онъ сказалъ:

— Ну, и пусть ихъ, — велико дѣло!

И лѣниво сѣлъ на лошадь, которая подъ нимъ изогнулась и рванулась впередъ. Онъ долго разбиралъ поводья и разстегивалъ кобуру револьвера.

«Если они будутъ стрѣлять, значить она не подождала, значить она, какъ всѣ», сказалъ онъ себѣ, и хлестнувъ лошадь нагайкой, поскакалъ къ каравану. Корейцы-погонщики тревожно жались къ лошадямъ. Впереди стоялъ за лошадью Алексѣевъ, положивъ на сѣдло винчестеръ со взведеннымъ куркомъ, который онъ направилъ въ кусты. Маргачъ держалъ ружье наготовѣ. Сзади боязливо ѣхалъ переводчикъ, съ большимъ офицерскимъ револьверомъ.

Поморцевъ поворотилъ лошадь въ прогалину, и спросилъ:

— А гдѣ Овсянкинъ?

Овсянкинъ былъ кореецъ-работникъ, покулавшій овесъ для каравана и потому получившій это прозвище. Онъ долго жилъ съ китайцами и хорошо говорилъ по-манзовски.

У скалы, за сваленнымъ огромнымъ деревомъ, прижавшись другъ къ другу, какъ травленные волки, сидѣли на корточкахъ три китайца съ оскаленными зубами и блестящими злыми глазами. Ихъ синія кофты были въ лохмотьяхъ, большія лисьи шапки съ наушниками были надвинуты на лобъ. У нихъ не было, повидимому, оружія.

Поморцевъ подѣхалъ къ нимъ вплотную, вынулъ револьверъ и спросилъ.

— Ни да нѣли лайди? Откуда вы.

— Работники изъ Гирина, перевелъ кореецъ отвѣтъ, который старшій китаецъ далъ сквозь зубы.

— Врутъ, они пантовщики *), а то просто хунхузы, обыщи ихъ.

Кореецъ боязливо подошелъ къ одному изъ нихъ, сталъ его ощупывать подъ кофтой. Онъ вынулъ ножъ, кисеть съ табакомъ, трутъ, огниво, корешки жень-шеня и нѣсколько серебряныхъ мелкихъ монетъ. У другого нашли въ сумкѣ сушеное мясо и какія-то снадобья, лѣкарства, какъ объяснилъ переводчикъ; у третьяго, здороваго дѣтины съ разсѣченной губой, кореецъ долго рылся въ кисетѣ и вынулъ три маузеровскихъ патрона съ распиленными на-крестъ пулями.

Китаецъ нервно задвигался, когда кореецъ подавалъ Поморцеву патроны.

— Патрони, сказалъ онъ,— худой есть манза, капитанъ, его убивай надо.

Поморцевъ взялъ пули и сталъ ихъ задумчиво осматривать

— Повѣсить ихъ, Николай Михайловичъ, предложилъ Алексѣевъ.— Они снарядъ и оружіе въ кусты спрятали.

— Какъ ихъ вѣшать, нерѣшительно возразилъ Маргачъ.— Тоже люди, не собаки. Жизни не воротишь.

— Вотъ они тебѣ эту самую пиленую пулю закатятъ въ спину изъ-за куста, такъ и будешь мямлить, проворчалъ Алексѣевъ.

— Да вѣдь они не стрѣляли, значить мичманъ все перепуталъ, сказалъ Поморцевъ и спряталъ револьверъ. Алексѣевъ удивленно посмотрѣлъ на него, думая, что онъ рехнулся и сказалъ:

— Какъ прикажете, только у насъ въ тайгѣ если манза русскаго настигъ, безпремѣнно застрѣлитъ, а если русскій манзу перехитрилъ, манзѣ пощады не даетъ.

— Вотъ что, Алексѣевъ, сказалъ Поморцевъ, ты ихъ гони впереди каравана и поѣдешь за ними съ Маргачемъ. Будутъ бѣжать, стрѣлай. Мы ихъ прогонимъ такъ верстъ десять, до

*) Охотники за оленьими рогами.

привала. А тамъ выпустимъ, чтобы они не успѣли взять оружіе и возвратиться.

— Ихъ бы попытать, ваше благородіе, сказали расхрабрившійся переводчикъ, — они бы сказали, куда спрятали ружья.

— Не твое дѣло, оборвалъ его Поморцевъ съ гадливостью и крикнулъ китайцевъ. — Ванъ цянъ дзѣуба. Идите впередъ.

— Если даже у нихъ есть товарищи, сказалъ онъ солдатамъ, — они на насъ не нападутъ. Какъ выстрѣль въ лѣсу, такъ стрѣляй въ этихъ мерзавцевъ, только первый разъ въ воздухъ.

— Какъ же, такъ и выстрѣлилъ въ воздухъ, ворчалъ Алексѣевъ, подгоняя китайцевъ. — Небось они въ воздухъ стрѣлять не будутъ, а норовятъ въ спину или въ затылокъ. То же, начальникъ — чудной... Волтаетъ зря, фигурантъ...

И караванъ двинулся впередъ по извилистой дорожкѣ, среди вѣковѣчныхъ дубовъ, одѣтыхъ въ тигровую рубашку сухого листа.

II.

Въ большой корейской комнатѣ съ раздвижными бумажными окнами-дверями, въ которыя вставлены маленькіе куски стекла, сидѣли на коврѣ Поморцевъ и губернаторъ, *куншю* большой провинціи. Куншю былъ полный человекъ, съ живыми черными глазами, черными жесткими усами и небольшой бородой. Его черная шляпа изъ тончайшаго волоса блестѣла лакомъ, его халатъ изъ роскошнаго голубого шелка и аквамариноваго цвѣта исподнее платье свидѣтельствовали не только о богатствѣ, но и объ изяществѣ важнаго чиновника. Изъ уваженія къ русскому, онъ снялъ круглые сѣрые очки изъ горнаго хрустала и передалъ ихъ и свой вѣеръ красивому молодому слугѣ, который стоялъ у него за спиной. По сторонамъ начальниковъ стояла свита и слуги. Справа — выбранный изъ мѣстныхъ жителей помощникъ губернатора, за нимъ — носитель печати, хранитель трубки и толпа корейцевъ въ бѣлыхъ одеждахъ. Они пожирали глазами русскаго. Слева около Поморцева стояли его переводчики и люди, которые лукаво перемигивались и обмѣнивались шопотомъ замѣчаніями на счетъ губернатора. Въ дверяхъ толпились сосѣди, громко сравнивавшіе своего губерна-

тора съ иностранцемъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть рыжимъ и бритымъ, какъ всѣ черти. Но этотъ иностранецъ, говорили они, самъ похожъ на корейца. И они мысленно спрашивали себя, можно ли бы было приложить къ нему древній законъ: «Если ты встрѣтишь чужеземца — убей его; тотъ, кто отпустить его живымъ, измѣнить родинѣ».

— Начальникъ говорить, началъ переводчикъ, выслушавъ длинную изящную рѣчь куншю, — что онъ очень счастливъ, что пріѣхалъ русскій баринъ, ученый и красивый, въ его худой городъ. Онъ говорить, что теплые вѣтры и хорошая погода предвѣщали ему эту радость. Начальникъ спрашиваетъ, какъ совершили вы вашъ путь по ту сторону перевала, гдѣ снѣгъ, холодъ и лѣсъ, звѣри и худые манзы (китайцы). Начальникъ говорить, что радуется за васъ, что окончились ваши страданія благополучно.

— Скажи куншю, что путь въ его городъ былъ для меня гладокъ, что идя сюда, я чувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ въ Сеулѣ, а усталость прошла, когда я увидѣлъ такого ученаго начальника. Скажи, что я вижу, что философы Конгъ (Конфуцій) и Мэнгъ (Менцзы) рѣдко имѣли лучшихъ учениковъ, чѣмъ онъ. Скажи, что я вижу, что законъ гармоній, «нѣ», управляетъ всѣми дѣйствіями ученаго губернатора.

Два переводчика передали корейцу содержаніе этого привѣтствія, онъ улыбнулся и, нарушивъ законъ гармоніи, взялъ Поморцева за плечо.

— Благородный ямбанъ навѣрное тоже ученикъ Конга и Мэнга, сказалъ куншю, — и я вижу, что небо послало мнѣ друга. Онъ не похожъ на иностранца, у него нѣтъ отвратительной большой бороды и длинныхъ усовъ. Онъ кореецъ, только въ кожаномъ платьѣ. Сколько гіероглифовъ знаетъ русскій ямбанъ?

— Очень мало, но я читалъ Конфуція и Менція въ переводахъ.

— Развѣ дворяне въ Россіи тоже изучаютъ Конфуція въ школахъ?

— Да, у насъ есть одна школа, въ которой изучаютъ Конфуція, но мы — христіане.

— Это ничего, что вы христіане. И христіане могутъ изучать Конфуція. Хуже всего — американская вѣра. Народъ не

хочетъ американской вѣры, потому что ея учителя похожи на тигровъ.

— Каждый вѣруетъ по своему, сказалъ Поморцевъ. — Я радъ, что вы такой умный. Я хочу выпить съ вами. Онъ налилъ изъ фляжки большой стаканъ коньяку и, отпивъ, передалъ его куншю, говоря:

— Мэкшо, Ароса суль — вышей, русское вино.

Начальникъ трижды отказался, потомъ выпилъ два глотка, обтерся шелковымъ рукавомъ и сказалъ: «очень, очень хорошо». Помолчавъ нѣсколько времени, онъ провелъ по животу руками и дважды официально икнулъ. Потомъ онъ степенно передалъ стаканъ своему помощнику, тотъ — правителю канцелярїи, и черезъ десять минутъ стаканъ возвратился пустымъ изъ угла комнаты, отъ учителя мѣстной школы, который сказалъ съ поклономъ Поморцеву, что онъ еще не могъ узнать, насколько хорошо русское вино.

— Маргачъ, угости ихъ, сказалъ на это Поморцевъ и разговоръ между нимъ и куншю возобновился.

Они говорили о политикѣ, о здоровьѣ короля, о корейскомъ Парижѣ—Сеулѣ, этомъ законодателѣ корейскихъ модъ и идей, разбирали привезенныя русскимъ карты и книги. Русскій путешественникъ и корейскій сановникъ почувствовали между собою странную связь, связь эта была книга, литература, классики. Чтò нужды, что куншю былъ увѣренъ, что затменіе солнца происходитъ отъ дракона, а затменіе луны — отъ собаки? Онъ и его предки тысячи лѣтъ жили въ этихъ горахъ, удаленные отъ міра, все время смотря внутрь себя, изучая психологию, китайскихъ классиковъ, и гармонию поведенія, и они, по своему, были образованы и культурны.

— Я не знаю, сказалъ губернаторъ, — сдѣлаетъ ли мнѣ честь высокій гость, но я хотѣлъ бы устроить ему пиръ сейчасъ же въ бесѣдкѣ Инпунну, откуда чудесный видъ. Но мои повара готовятъ худую пищу.

— Я люблю корейскую пищу, отвѣтилъ Поморцевъ, — и очень радъ буду пообѣдать у губернатора.

Черезъ нѣсколько минутъ были принесены вторыя носилки, покрытыя тигровой шкурой и слуги понесли губернатора и его русскаго гостя въ бесѣдку, расталкивая шумную толпу мальчи-

шекъ и зѣвакъ, и громко крича: «дорогу губернатору, дорогу великому». За посылками двигалась толпа горожанъ, еле сдерживаемая солдатами въ черныхъ халатахъ и въ круглыхъ черныхъ войлочныхъ шляпахъ съ красными султанами на боку.

III.

Осеннее солнце не жгло, а ласкало природу и въ большой, открытой бесѣдкѣ, на толстыхъ красныхъ столбахъ, подъ причудливой китайской крышей, было прохладно и мирно. Она стояла надъ глубокимъ обрывомъ, на мысу, при слияніи двухъ рѣкъ. Справа широкой и быстрый Сеньёнъ-кангъ втягивался въ узкое голубое ущелье, въ него изъ длинной тѣснины вливался свѣтлый ручей. Кругомъ стояли причудливыя горы, воздушныя и загадочныя, стояли странными милыми призраками томныхъ, точно полусмытыхъ, цвѣтовъ, отъ фіалочно-сѣраго до нѣжно-голубого. Тамъ черныя черепичныя крыши города и коричневыя пятна ямуновъ и храмовъ. За ними, на горѣ, зеленые вѣера южныхъ сосенъ. Внизу желтыя поля сжатаго рису и кофейнаго цвѣта фанзы деревни. И все это было залито нѣжнымъ янтарнымъ свѣтомъ и все окутано дымкой мистическаго покоя и сна.

Окруженные тысячной толпой горожанъ, впереди которыхъ двигалась стая ребятъ, любопытныхъ и бойкихъ, съ большими черными глазами, — губернаторъ и Поморцевъ, ожидал обѣда, осматривали бесѣдку, подъ крышей которой были повѣшены черныя доски съ бѣлыми надписями, сонеты мѣстныхъ поэтовъ, воспѣвавшіе красоту природы.

Поморцевъ былъ въ восторгѣ. Онъ снималъ фотографіи съ окрестностей, съ куншю, съ толпы медлительныхъ бѣлыхъ, лебедеподобныхъ корейцевъ, и съ бойкихъ мальчишекъ, которые громко критиковали его манеры и наружность. Куншю суетился, насколько можетъ суетиться человѣкъ, воспитанный въ величавой гармоніи движеній, и то и дѣло посылалъ куда-то своихъ многочисленныхъ слугъ.

— Какъ долго не приходятъ мои пѣвицы, сказалъ онъ Поморцеву. — Прихорашиваются, когда узнали, что у меня русскій гость.

— А сколько у васъ кисэнь, спросилъ Поморцевъ.

— По старому штату ихъ полагалось восемьдесятъ при здѣшнемъ ямунѣ, а теперь ихъ мало, всего восемь. Но онѣ хорошо поютъ, лучше чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ, кромѣ Пхёнъяна и Сеула. Если вы любите хорошую пѣсню, вы будете много пить у меня. Вино легко пьется подъ хорошую пѣсню.

Толпа, стоявшая при входѣ въ бесѣдку, раздвинулась, и одна за другой по широкимъ каменнымъ ступенямъ медленно стали входить въ бесѣдку пѣвицы, молодыя дѣвушки въ красивыхъ шелковыхъ платьяхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, съ волосами, заколотыми на затылки въ тяжелый блестящій узелъ. Онѣ улыбались направо и налево, и подойдя съ куншю, дѣлали ему земные поклоны. Но въ ихъ манерахъ было много игривой насмѣшки. Онѣ чувствовали себя господами этого веселаго сановника и этой толпы, которая радостно привѣтствовала ихъ приходъ. Проданныя въ присутственныя мѣста за долги родителей или рожденныя отъ преступниковъ и преступницъ, онѣ держали себя какъ повелительницы. Глядя на ихъ отношеніе къ толпѣ, Поморцеву вспомнились гетеры древней Греціи.

Пока кисэны переходили отъ группы къ группѣ, улыбаясь молодежи и кокетничая со старыми чиновниками, слуги осторожно внесли большой коверъ, столъ, уставленный закрытыми блюдами, чашками и кувшинами, чугунный горшокъ, полный горящихъ углей, чугунную сковороду и рѣшетку. Все это было разставлено передъ креслами, покрытыми тигровыми шкурами, на которыхъ сидѣли куншю и его гость, обмѣниваясь изысканными любезностями.

— Я прошу высокаго гостя сѣсть за столъ, сказалъ куншю, поднимаясь съ кресель и сядя на корточки передъ столомъ. Поморцевъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, неловко вытянувъ ноги въ тяжелыхъ сапогахъ и рейтузахъ. Сзади размѣстились слуги и переводчики; передъ столомъ сѣли кисэны, поджавъ подъ себя ноги и кокетливо поправляя юбки. Одной изъ нихъ принесли длинный, тонкій барабанъ, другой цитру. Третья поставила сковороду на уголь, и стала по очереди открывать блюда, въ которыхъ было рубленое мясо съ приправами и тонкіе кусочки свинины, вымоченные въ настоѣ краснаго перца. Она брала сырые припасы, раскладывала ихъ на раскаленную

сковороду, зажаривала и клала въ маленькія чашечки, изъ которыхъ куншю и русскій ѣли тонкими деревянными палочками, запивая крѣпкимъ виномъ, — смѣсью просяного спирта съ медомъ и душистыми травами. Прелесть этого корейскаго пира заключалась въ томъ, что кушанья готовились пѣвицами рядомъ съ пирующими.

— Отчего онѣ не поютъ? спросилъ Поморцевъ губернатора, улыбаясь кисэнамъ, которыя смотрѣли на него, точно на заморскаго звѣря, своими выпуклыми глазами съ бѣлками, какъ старая слоновою кость. Онѣ поминутно зажигали японскія папирсы и, сильно затянувшись дымомъ, одна передавала папиросу другой.

— Еще не пришла главная кисэна, отвѣтилъ куншю. — Я прикажу бить палками всѣхъ ея братьевъ и мать. — Она всегда опаздываетъ.

Поморцеву стало весело. «Такъ въ старину живали у насъ помѣщики, подумалъ онъ. — Такая же толпа дворня, и кругомъ «подавныя», только эти корейцы посмѣлѣе тогдашнихъ нашихъ. Все-таки здѣсь чувствуется основное правило конфуціанства, что богъ выражаетъ свою волю черезъ народъ, все-таки чувствуется, что этотъ куншю только для декораціи, и что ему могутъ сказать во всякое время: «кланяемся тебѣ, уходи отъ насъ, а не уйдешь, такъ запасись второй головой...»

Ходъ его мыслей былъ прерванъ громкимъ возгласомъ куншю, шумомъ толпы, которая раздвинулась, чтобы дать дорогу. Къ куншю подошла высокая, стройная дѣвушка и сдѣлала земной поклонъ. Поморцевъ взглянулъ на нее и ему сдѣлалось страшно, точно онъ увидѣлъ привидѣніе. Это была она, та, которую онъ оставилъ въ Петербургѣ, которую онъ любилъ и ненавидѣлъ и передъ образомъ которой умилялся и къ которой были направлены всѣ его помыслы въ этой дикой странѣ. Она — только сожженная южнымъ солнцемъ. То же дѣтское лицо съ мягкими линіями, точно выходящее изъ тумана. Тѣ же загадочные, не проснувшіеся глаза, которые бѣжали куда-то мимо. Тѣ же недокія манеры монастырской служки, полныя милой, прикрытой граціи. Только волосы были темные, съ рыжеватымъ отгѣнкомъ. Она скромно сѣла и молча выслушала брань куншю, который говорилъ ей, что за постоянное непослушаніе онъ при-

кажетъ бить палками ея родню. А она смотрѣла куда-то вдаль и поправляла свою нѣжно-розовую шелковую кофточку и юбку, точно она пришла сюда въ сомнабулизмъ изъ другого міра. Потомъ она сказала что-то другой кисэи, у которой былъ барабанъ и запѣла:

Иисагъ ишэръ маиса тунэ,
Токшу конпангъ тэокъ шёлта,
Нуимульлю подыръ самко,
Хансумро прыръ сама,
Одонгчуи кинсингъ памъ-э,
Тэитень-панцыкъ нуль мэрта,
Чунхунгъ нагѣтъ шосырханѣ,
Нимсенгаги тоокъ нанда....

Она пѣла, что изъ всѣхъ разлукъ среди людей на свѣтѣ, самая тяжкая разлука влюбленныхъ. Тогда друзьями дѣлаются слезы, занятіемъ становятся вздохи. Осенней долгой ночью не спится, ворочаешься на постели. Осенній вѣтеръ шумитъ въ опавшихъ листьяхъ, тоска по миломъ становится еще сильнѣй. Въ груди огонь растопилъ каменное сердце. Вздохъ выросъ въ вихрь, что тайфунъ въ Желтомъ морѣ, слезы текутъ ливнемъ, какъ девятилѣтній потопъ. Ожидая его и недождавшись я превращусь въ каменную статую. Отъ тоски по немъ разорвалося сердце и кровью залило грудь. Этой кровью я напишу его портретъ, повѣшу у себя на стѣнѣ и буду любоваться имъ ночью и днемъ.

Она пѣла горломъ. Звуки дрожали въ ея груди и выходили рыданіями, какъ плачь горлицы, какъ шумъ далекаго потока. Она смотрѣла вдаль своими странными глазами, еще болѣе грустная, чѣмъ ея пѣсни. А другая кисэна мѣрно ударяла тактъ въ барабанъ, звучававшей далекимъ похороннымъ колоколомъ. Поморцевъ поставилъ стаканъ и смотрѣлъ на нее, не отрываясь. «Откуда она? думалъ онъ.—И что это значить? Можетъ быть и та также грустна теперь, какъ и эта». И ему сдѣлалось страшно, точно его окружили призраки.

— Адыръ, сынъ мой, выпей съ отцомъ, закричалъ опьянѣвшій куншю, фамильярно хлопнувъ его по плечу.—Я полюбилъ тебя, какъ сына. Ну, какъ она поетъ? Не хуже чѣмъ въ Сеулѣ?

— Пусть она поетъ еще, скажи ей, повернулся Поморцевъ

къ переводчику, — скажи, чтобъ она пѣла. — Куншю, и этотъ столъ съ соей, мочеными грушами и кувшинами вина сдѣлались ему отвратительны. Онъ не обращалъ больше вниманія на куншю. «Что же тамъ, въ Петербургѣ, думалъ онъ. — А что, если мичманъ правъ и она вышла замужъ. А что если она больна?..» И онъ упорно всматривался въ эту странную кисэну, какъ въ птицу несчастья, ожидая отъ нея отвѣта.

А она, не обращая ни на кого вниманія и устремивъ глаза внутрь самое себя, поправила свою волосы и начала другую пѣсню:

Марынгъ качаго нэкупуръ чинатэ,
Нимугъ цакошо накпу ханда,
Нанагъ канда, нанангъ канда,
Норырь туго, нанангъ канда...

«Конь торопится въ путь, перебираетъ ногами, она не выпускаетъ его руки, падаютъ слезы.

«Я ѣду, я ѣду, тебя оставляю, я ѣду». — Нѣтъ не уѣдешь, нѣтъ не уѣдешь, не оставишь меня, не уѣдешь. — «Хоть уѣзжаю, не совѣмъ я уѣду. Совѣмъ я уѣду — тебя никогда не забуду. Не плачь, не плачь, обо мнѣ ты не плачь. Придетъ новая весна, все зазеленѣетъ, тогда мы увидимся снова...»

Переводчикъ, наклонившись надъ Поморцевымъ, переводилъ каждое слово пѣсни. Дикая, печальная музыка наболѣвшей души наполнила этотъ огромный сарай тѣмъ-то старымъ, знакомымъ и близкимъ, тѣми звуками, красками, образами, которые онъ привнесъ съ собою съ далекой родины, куда можетъ быть никогда не вернется. И подъ эту пѣсню проходили, одна за другой, туманныя картины прошлаго, и картины эти прерывались болѣзненнымъ вопросомъ: «что съ ней и зачѣмъ явился ея двойникъ?..»

Кисэна кончила пѣсню, подошла къ столу и, наливъ чашку вина, подала ее съ поклономъ Поморцеву. Тотъ отпилъ и возвратилъ ей чашку, прося допить остальное. Она смотрѣла на него грустно и, казалось, понимала, что съ нимъ дѣлается. Потомъ сказала: «я пропою веселую пѣсню».

— Не надо, отвѣтилъ Поморцевъ и сказалъ куншю: — Благодарю огца, выпью за его здоровье и поѣду домой. Я уто-

мился дорогой, мнѣ надо отдохнуть. Позволь мнѣ раздать твоимъ кисанамъ эти деньги.

Кисаны весело раскланивались съ нимъ и улыбались, когда онъ раздавалъ имъ деньги, только та посмотрѣла на него беззвучно и отвернулась.

— Какая изъ кисанъ нравится тебѣ больше всѣхъ? спросилъ куншу.

Поморцевъ показалъ ему рукой, направляясь къ выходу.

— Сынъ въ отца, и мнѣ она нравится больше другихъ, смѣясь отвѣтилъ ему губернаторъ.—Радъ буду видѣть тебя завтра и пришлю узнать о твоёмъ здоровьѣ.

IV.

Когда четыре здоровыхъ корейца поставили на дворѣ гостиницы носилки, въ которыхъ сидѣлъ Поморцевъ, онъ выскочилъ изъ нихъ блѣдный и злой, и бросивъ монету носильщикамъ, набросился на своихъ людей: вьюки были не такъ сложены, сѣдло не повѣшено на перекладину, потникъ не провѣтренъ, лошади не вычищены.

— Ну, пошелъ гремѣть, ворчалъ Маргачъ,—видно плохо накормили.

Алексѣевъ, сильно хлебнувшій въ отсутствіи начальника, слушалъ разность съ снисходительнымъ спокойствіемъ. А кореецъ-конюхъ, извѣстный подъ именемъ Поликарпа или Кролика, хотя его звали Тимъ-хи-Сони, стремглавъ бѣжалъ къ лошадямъ со скребницей, шлепая веревочными лантями по жирному навозу двора.

— Приготовить мнѣ постель, закрыть ставни, запереть ворота и никого не пускать! закричалъ Поморцевъ, входя въ комнату.— Надо послать нарочнаго въ Ычжу на телеграфъ, думалъ онъ вслухъ, не замѣчая присутствія Маргача. Но до ближайшаго телеграфа десять дней пути. Мы скорѣе дождемъ чѣмъ нарочный, еще гдѣ нибудь застрянетъ. Просто случайность! Но зачѣмъ такая случайность! Господи, неужели она больна? Помоги ей! И онъ безпомощно заходилъ по комнатѣ, задѣвая погами за низкіе столики, и ища, на комъ бы сорвать мучительное сознание своей безпомощности передъ чѣмъ-то страшнымъ, виѣш-

нимъ, непонятнымъ, которое можетъ разбить однимъ ударомъ всѣ его надежды, всѣ его мечты...

Маргачъ не успѣлъ еще развернуть постельный вьюкъ, какъ онъ бросился на полъ и закричалъ ему истерическимъ голосомъ:

— Да уходи же, что ты тутъ вертишься, кто тебя звалъ? Я хочу спать!

Маргачъ, подавивъ улыбку, вышелъ на дворъ и сказалъ Алексѣеву и переводчику:

— Чудной, а все бабы да дѣвки. Побунтуешь — побунтуешь, да и осядешь. Скачи-ка на телеграфъ, попробуй. Небойсь, передъ дѣвкой не покричишь. Она тебя скрутитъ. А добрый, только чудной.

— Однако фигураеть, саркастически отвѣтилъ Алексѣевъ и лѣниво зѣвнулъ.

Была ночь, когда Поморцевъ вздрогнулъ и проснулся. Кто-то тихо отодвигалъ дверь. Онъ оцупалъ револьверъ на столикѣ и ждалъ. Въ комнатѣ было темно. Въ раскрытую дверь ворвались чьи-то всхлипыванія и сдержанный ропотъ толпы и свѣтъ бу-мажныхъ фонарей. Поморцевъ вскочилъ, зажегъ спичку и увидѣлъ переводчика, который тихо входилъ съ веранды въ комнату. Его сопровождали два солдата, молодой кореецъ въ бѣломъ и женщина, закутанная въ зеленое покрывало. Переводчикъ старательно задвинулъ дверь.

— Что это такое? Кто эти люди? спросилъ Поморцевъ.

— Куншю прислалъ вамъ карточку, справиться о здоровьѣ и дѣвку, которая вамъ понравилась, отвѣчалъ переводчикъ съ лукавой улыбкой и сдернулъ съ женщины покрывало.

Это была та грустная кисэна, которая его такъ испугала. Лицо ея было заплакано. Она глухо рыдала, прикладывая руки то къ лицу, то къ груди. Потомъ она кинулась къ молодому корейцу, въ которомъ Поморцевъ узналъ слугу губернатора, обвила ему шею руками и беспомощно прилегла лицомъ къ плечу. А тотъ гладилъ ее по головѣ и тихо говорилъ ей:

— Ирѣ опсо, ирѣ опсо, ничего, ничего.

— Это ея братъ, — сказалъ переводчикъ. — Прикажете дать солдатамъ карточку для куншю и на чай?

Поморцевъ стоялъ, не понимая, что отъ него хотятъ. Рыдающая женщина въ объятіяхъ брата, два солдата въ шапкахъ

съ глупыми красными помпонами и наглая улыбка переводчика, все это перепуталось у него въ глазахъ. Потомъ онъ понялъ.

— Мерзавцы! закричалъ онъ, такъ они притащили ее ко мнѣ? Пошли вонъ! крикнулъ онъ солдатамъ и посмотрѣлъ на нихъ такъ страшно, что тѣ быстро отодвинули дверь и выскочили на веранду. — Скажи ей, чтобы она успокоилась, что она можетъ идти. Нѣтъ, скажи, что русскіе никогда не оскорбляютъ женщинъ, — слышишь? никогда! нѣтъ, скажи, чтобы она отдала матери вотъ этотъ мѣшочекъ.

Онъ схватилъ со стола мѣшочекъ съ деньгами и протянулъ его ей. Она повернула къ нему голову пока онъ говорилъ, но когда почувствовала у себя въ рукѣ кошелекъ, отскочила съ гадливостью и кошелекъ упалъ на полъ. Кореецъ поднялъ его и почтительно подалъ Поморцеву.

Ему сдѣлалось такъ грустно и пусто, точно кто нибудь нанесъ ему несмываемую обиду. Онъ смотрѣлъ молча на двухъ этихъ людей, которые слушали объясненія переводчика. Свѣча, стоявшая у самаго пола на низенькомъ столикѣ, мигала и освѣщала снизу ихъ фигуры, страннымъ красноватымъ свѣтомъ блуждающихъ огней. Тяжелая драма висѣла въ воздухѣ. Рабство, насиліе, любовь, разлука, горе, — всѣ эти чувства наполнили полутемную комнату корейской гостиницы, связывая въ одинъ болѣзненный узелъ разные полюсы человѣчества, объединяя ихъ и обнажая ихъ одинаково болящія души...

А переводчикъ все говорилъ и слуга сочувственно наклонялъ голову. Кисэна слушала блѣдная, съ грустными глазами и отрицательно кивала головой. Потомъ она отошла съ братомъ въ уголь и что-то ему говорила, а онъ испуганно отмахивался руками.

Потомъ они оба подошли къ Поморцеву и стали ему говорить. Куншю возвратился изъ бесѣдки и велѣлъ солдатамъ привести ее ночью къ русскому. Она бросилась къ брату, но братъ, зная, что куншю давно золь на нее и называлъ русскаго сыномъ, сказалъ, что она должна идти и что нечего даромъ плакать. Теперь она увидѣла, что русскій ямбанъ добрый, что онъ не хочетъ ей зла. Но она не можетъ взять денегъ. Куншю все равно отберетъ ихъ, да еще накажетъ, когда узнаетъ, что она не хотѣла исполнить его приказанія и разсердила русскаго ямбана.

— Я скажу куншю, что я тебя отпустилъ, сказалъ ей Поморцевъ, — что я его не просилъ присылать тебя, а про деньги онъ ничего не узнаеть, солдаты ушли, а переводчикъ не смѣетъ никому сказать. Возьми ихъ отъ меня на память. Я знаю, что у тебя есть большое горе, но у меня тоже есть свое горе, какъ и у тебя. Можетъ быть, эти деньги принесутъ тебѣ счастье. А теперь возвращайся домой.

Онъ протянулъ ей кошелекъ, который она взяла нерѣшительно и отошелъ въ сторону, чтобы не видѣть ея лица. Онъ стоялъ долго, пока не зашуршала дверь, и увидѣвъ, что въ комнату больше никого не было, безпомощно упалъ на постель.

«Господи, вездѣ горе, одно только горе, стоналъ онъ, — и здѣсь... и здѣсь я не убѣждалъ отъ себя самого...»

На слѣдующее утро, Поморцевъ послалъ къ куншю предупредить, что онъ сейчасъ придетъ къ нему съ визитомъ и что желаетъ размѣнять въ казначействѣ сто серебряныхъ японскихъ иенъ на корейскую мѣдную монету.

Когда онъ подходилъ къ высокимъ воротамъ ямуна, среднія двери были уже открыты настежь и куншю ждалъ его съ своею свитой на верандѣ дворца. Но онъ встрѣтилъ Поморцева холодно и подозрительно всматривался въ его лицо.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и дѣловаго разговора о размѣнѣ денегъ, о днѣ отъѣзда, о жалкомъ угощеніи куншю, о великолѣпнн серебрянаго стакана, который подарилъ ему Поморцевъ, куншю спросилъ съ злобною усмѣшкой:

— Хорошо ли русскій ямбанъ провелъ ночь?

— Очень скверно, отвѣчалъ Поморцевъ. Только что я заснулъ, какъ твои солдаты привели въ мой домъ какую-то женщину, которой мнѣ не было нужно и разбудили меня. Я рассердился и выгналъ и солдатъ, и женщину, но потомъ долго не могъ заснуть.

— Послѣ одной дурной ночи, мой сынъ проведетъ много хорошихъ ночей, обидчиво сказалъ куншю. — Русскій баринъ отнял у меня мою лучшую пѣвицу.

— Какъ отнял? Что это значить?

— Она не возвращалась болѣе домой, она скрылась вмѣстѣ съ братомъ и матерью. Солдаты искали ихъ по всему городу и не нашли. Они, вѣроятно, убѣжали къ морю, чтобы тамъ

встрѣтиться съ русскимъ ямбанемъ. Впрочемъ, твоя воля— для меня законъ.

— Что ты тамъ лжешь! вскипѣлъ Поморцевъ.— Переведи ему, что онъ лжетъ, скажи, что русскіе не крадутъ женщинъ и не прячутъ ихъ. Кисэна убѣжала, потому что его солдаты тащили ее насильно къ иностранцу, потому что онъ мерзавецъ. Скажи ему, что онъ долженъ сейчасъ же извиниться передо мной за свою дерзость, не то...

Но куншу, уже по тону гостя понявъ, что его предположенія были невѣрны и что онъ сдѣлалъ большой промахъ противъ этикета. Онъ прижалъ сложенные руки къ груди и сталъ усиленно кланяться, бормоча:

— Прости меня! мой сынъ, прости глунаго отца.— Я не хотѣлъ оскорбить тебя. Негодница давно хотѣла выйти замужъ за какого-то мужика около Чанджу. Я пошлю туда солдатъ и они ее приведутъ. Я ее накажу примѣрно, подлую. Прости меня и выпей со мною вина и останься у меня пировать.

— Слушай! сказалъ ему Поморцевъ, почти вилотную прижимая свое лицо къ испуганному лицу губернатора.— Ты долженъ забыть объ этой женщинѣ. Я не просилъ тебя, чтобы ты мнѣ ее присылалъ, но теперь она подъ моимъ покровительствомъ. Я узнаю, если ты пошлешь ее искать, я узнаю, если ты сдѣлаешь ей какуюнибудь обиду. Еще другіе русскіе пройдутъ черезъ этотъ городъ, и послѣдняя партія, которой будетъ сообщено, что ты тронулъ женщину, находящуюся подъ покровительствомъ русскаго, повѣситъ тебя на воротахъ твоего ямуна. Я тебѣ обещаю это. И повѣрь мнѣ, у меня одно слово и одно дѣло. Увѣрю тебя вотъ этимъ. И Поморцевъ нервно ударилъ по кабурѣ револьвера.

— Прости меня, прости меня, бормоталъ куншу.— Я клянусь тебѣ, я клянусь могилой предковъ, что не трону той, которая подъ твоимъ высокимъ покровительствомъ. Пропали мои деньги. Я заплатилъ за нее сто лянъ, когда она была дѣвчонкой, проклятая.

— Ты получишь отъ меня больше, когда я подарилъ тебѣ большой серебряный стаканъ. Я пришлю тебѣ еще другой и бутылку крѣпкаго русскаго вина. Но помни уговоръ. Если нарушишь клятву, будешь висѣть на воротахъ. А теперь скажи

казначею, чтобы онъ взялъ отъ переводчика деньги и прислалъ мнѣ чоховъ. Я уѣзжаю сегодня послѣ обѣда.

И Поморцевъ быстро всталъ и вышелъ, оставивъ испуганнаго куншо и его канцелярію объясняться съ переводчикомъ относительно того, нельзя ли какъ нибудь умиловить непонятный для нихъ гнѣвъ русскаго.

V.

Прошло деѣ недѣли. Наступили холода, потомъ пошелъ снѣгъ. Очарованіе янтарнаго солища и голубыхъ горъ разсѣялось. Поморцевъ ѣхалъ въ малярін по крутому лѣвому берегу Амнока по карнизу, вырубленному въ мягкой скалѣ, пронизанной корнями невѣдомыхъ деревьевъ и дрожащихъ отъ холода оголенныхъ кустовъ. Внизу шумѣла широкая зеленая рѣка, бросившаяся подъ скалу по каменистому перекату отъ тяжелыхъ темныхъ горъ противоположнаго берега. Впереди висѣла безконечная ткань сѣраго тумана, медленно двигавшаяся сверху внизъ мокрыми нитями осенняго снѣга. Лошадь понуро ступала по скользкой тропинкѣ. Ея грива была усажена блестящими капельками, снѣгъ медленно таялъ на мохнатой буркѣ и стекалъ узкими струйками. Мокрая пелена снѣга стирала настоящее съ этой дикой страны, оставляя одинъ міръ грѣзъ. А въ проблескахъ рѣки, за перекатомъ, переливались очертанія сумрачныхъ горъ.

Онъ ѣхалъ грустный, больной и усталый, разбитый слишкомъ порывистыми ударами сердца и сознаниемъ полной безпомощности, и будущее глядѣло на него бѣлыми туманными глазами изъ-за сумрачныхъ горъ, изъ-за странныхъ, безлиственныхъ деревьевъ, изъ-за красныхъ, какъ жилы кустовъ, стальными щупальцами вцѣпившихся въ старчески слабую скалу.

«Зачѣмъ привязываться душой къ этимъ бѣгучимъ формамъ, думалъ онъ, — когда изъ-за завѣсы провидится вѣчное. Эти люди въ бѣлыхъ одеждахъ жрецовъ, эти могилы, отнявшія у живыхъ лучшія мѣста по склонамъ горъ, — все это говоритъ о переходѣ «туда». И мы силится проникнуть туда, въ этомъ гнусномъ и тяжеломъ, и грѣшномъ видѣ. Дисциплина требуетъ,

чтобы умѣть убивать людей, но человѣчество не хочет стерпѣть дисциплины, когда дѣло идетъ о вѣчной жизни. Поди, очистись, вотъ что надо сказать намъ, героямъ современнаго ничтожества. Одинъ невѣрный шагъ лошади, одинъ камень надъ моей головой, подточенный струйкой воды и соскользнувшій съ вѣкового ложа, и я «тамъ», за предѣлами этихъ горъ. Отчего же тѣ, что ускоряютъ процессъ нашего одухотворенія, такъ противны нашему жизненному чувству. Оттого ли, что самоубійцы не умѣютъ ждать? Оттого ли, что они выскочки въ жизненномъ процессѣ...» И онъ продолжалъ говорить вслухъ, не обращая вниманія ни на обрывы, ни на крутые подъемы и спуски дороги. Мысль развѣтывалась за мыслью помимо его воли, голова горѣла, а сердце ныло какимъ-то предчувствіемъ, которое онъ хотѣлъ заглушить разговоромъ съ самимъ собою. Лошадь знала, что жизнь ихъ обоихъ зависитъ отъ одного ея невѣрнаго шага и осторожно переставляла ноги, точно оцупывая дорогу. Когда онъ говорилъ самъ съ собою, она удваивала осторожность, точно не желая рѣзкимъ движеніемъ прервать его безконечные разговоры, къ которымъ она внимательно прислушивалась.

Налѣво, въ оврагѣ, у рѣки могла подъ тающимъ снѣгомъ маленькая бѣдная деревушка. Когда Поморцевъ проѣзжалъ ее, собаки не бросились на него съ громкимъ лаемъ и дѣти не выскочили изъ фанзъ, чтобы подивиться на заморскаго чорта. Все было мертво, только группа китайцевъ-дровосѣковъ, направлявшихся съ мѣшками припасовъ на Пейшанское плоскогорье, сидѣла на заваленкѣхъ подъ навѣсомъ. Поморцевъ проѣхалъ деревню и спустился къ рѣкѣ по низкому намыву, по которому проходила теперь дорога. Отъ рѣки шла съ горшкомъ воды на головѣ корейская баба, еще не старая, въ грязной бѣлой кофтѣ, въ грязной широкой юбкѣ, подъ которой, какъ листья на капустномъ кочнѣ, было надѣто много другихъ юбокъ, въ грязныхъ поножахъ и лаптяхъ. Завидѣвъ мужчину, она, по обычаю, остановилась и повернулась къ нему спиной. Подѣзжая, Поморцевъ подъ безобразнымъ костюмомъ замѣтилъ изящную спину и тонкую талію и густые волосы, слишкомъ свѣтлые для Кореи. Онъ поровнялся съ нею и не желая пугать ее, хотѣлъ ускорить шагъ лошади, но она быстрымъ, граціознымъ движеніемъ

сняла съ головы горшокъ и повернулась къ Поморцеву. Онъ инстинктивно натянулъ поводья и лошадь сдѣлала шагъ назадъ. Передъ нимъ стояла пронавшая кисэна.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ ее на ломанномъ корейскомъ языкѣ.

— Я здѣсь замужемъ. Ваши деньги принесли мнѣ счастье. Мой господинъ имѣетъ здѣсь землю и ловить рыбу въ Амнокѣ.

— Я радъ за тебя, сказалъ Поморцевъ.

А она смотрѣла на него счастливыми, довѣрчивыми глазами, потомъ подошла къ лошади и взяла Поморцева за руку. Онъ не ожидалъ этого, а она наклонилась надъ его рукой и поцѣловала ее. Ему стало стыдно, но хорошо. Онъ ее погладилъ по лицу и сказалъ:

— Если кто попытается тебя обидѣть, скажи, что ты подъ покровительствомъ русскаго.

— Нѣтъ, теперь меня никто не обидитъ, улыбнулась она. — У меня есть мужъ, я больше не кисэна. Пусть боги благословятъ тѣхъ, кого вы любите. Вы дали мнѣ счастье, а чѣмъ, кромѣ желанья, я могу помочь вашему счастью? Прощайте.

И она поставила на голову горшокъ съ водой, въ которой плавалъ черпакъ изъ сухой тыквы, и медленно, спокойно пошла по направленію къ деревнѣ. Поморцевъ долго провожалъ ее глазами, пока китайцы, увидѣвъ, что русскій не уѣзжаетъ, не встали съ заваленки и не вышли изъ деревни. Тогда онъ ударилъ нагайкой лошадь и поскакалъ впередъ по ровной косѣ. У него на душѣ было свѣтло и радостно. Завѣса тумана раздёрнулась, выглянуло солнце и безконечная долина Амнока засіяла широкими панорамами будущаго...

1899 г.

И. Л. Щегловъ.

ЖЕНА ПЕНТЕФРІЯ.

КАРТИНКА ИСЧЕЗНУВШАГО БЫТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павель Петровичъ Ненюковъ, полковникъ, командиръ батареи.

Аврора Ивановна, его жена.

Фима Пышненко (Серафима), дочь капитана Пышненко, сослуживца Ненюкова.

Прапорщикъ Сидоровъ.

Фельдфебель.

Митрофанъ, вѣстовой Ненюкова.

Мѣсто дѣйствія — уѣздное захолустье.

Гостиная у Ненюковыхъ. Убрана небогато, но съ претензіей. На столѣ самоваръ и чайный приборъ. Митрофанъ хлопочетъ около самовара. Изъ двери налѣво выходитъ Ненюкова — томная, сильно напудренная дама.

I.

Ненюкова и Митрофанъ; потомъ Ненюковъ и фельдфебель.

НЕНЮКОВА [Митрофану].

Митрофанъ, вы говорили барину, что самоваръ поданъ?

МИТРОФАНЪ.

Докладываль, ваше вскблагородіе, — только они съ фельдфебелемъ заняты.

НЕНЮКОВА.

Это несносно! [Подходить къ двери направо и нѣжно кличетъ]. Пуля!.. Пулечка!.. [Рѣзко]. Павелъ Петровичъ!! [Изъ дверей направо выходитъ Ненюковъ, за нимъ слѣдуетъ рослый фельдфебель. Ненюковъ — небольшой, юркій человекъ, съ жидкими обципанными бакенбардами и маленькими суетливыми глазами; говоритъ крикливымъ дискантомъ и немилосердно жестикуируетъ]. Чай давно простылъ. Зовешь, зовешь, никакъ не дозовешься...

НЕНЮКОВЪ.

Ахъ, матушка, некогда мнѣ чай разводить! У меня въ головѣ разные втулки да трубки, всякія накладки да подкладки, — когда мнѣ тутъ думать о чаѣ!

НЕНЮКОВА.

Пуля, подумай: двѣнадцатый часъ! Вѣдь скоро обѣдъ...

НЕНЮКОВЪ.

Ну, и не буду пить... ну, и чертъ съ нимъ — велика важность! [Фельдфебелю]. Ты говоришь, Шилохвостый опять сонить?

ФЕЛЬДФЕВЕЛЬ [флегматично].

Сонить, ваше в-діе.

НЕНЮКОВЪ.

Что-жь ты мнѣ раньше ничего не сказалъ? Что же вы, бестія, молчите, а? Лошадь околѣваетъ, и никому нѣтъ дѣла-съ. Что это за безпечный народъ — просто съ ума сойти!

ФЕЛЬДФЕВЕЛЬ.

Коноваль говорить, ваше в-діе, что ничего.

НЕНЮКОВЪ.

А ты и повѣрилъ? Коноваль — дуракъ, коноваль ничего не понимаетъ. Чтобы тебѣ услужить командиру — самому присмотрѣть.

Такъ нѣтъ-съ, никто не хочетъ помочь командиру: пропадай командиръ, провались командиръ — никому нѣтъ дѣла-съ!!

НЕНЮКОВА [у чайнаго стола].

Пулечка, успокойся!

НЕНЮКОВЪ.

Успокойся!.. Вотъ какъ женщины рѣзсуждаютъ: у меня въ батареѣ лошади дохнутъ, а она совѣтуетъ успокоиться!.. Нѣтъ, матушка, я буду во все горло орать, когда меня по карману бьютъ!! [Фельдфебелю]. Скажи ты, Кирилюкъ, этому канальѣ коновалу, что, если Шилохвостый завтра не будетъ здоровъ, такъ я ему всю морду разобью!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Такъ точно ваше в-дѣе! [Повертывается, чтобъ уходить].

НЕНЮКОВЪ.

Да не забудь напомнить этому подлецу Модыркѣ, чтобъ онъ чаще орудіе смазывалъ. Я ему, мошеннику, нашивки спорю, если замѣчу хоть одну царапину въ каналѣ! Ступай. [Фельдфебель идетъ къ двери; Ненюковъ опять оборачивается]. Стой, Кирилюкъ! Скажи на милость, что дѣлаетъ со мной этотъ скотъ Паномаренко? Чему онъ учитъ новобранцевъ? Болванъ на болванѣ. Что не спросишь: «Не могу знать, ваше высокородіе!» — У меня ври, а чтобы этого «не могу знать» — не было!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ.

Слушаю-съ... [Уходитъ. Ненюковъ садится за столъ и на-скоро прихлебываетъ чай].

НЕНЮКОВА.

Зачѣмъ, Пуля, ты всегда употребляешь такія тривіальныя выраженія?

НЕНЮКОВЪ.

Съ этимъ народомъ, шерочка, иначе нельзя. Попробуй-ка поговорить съ солдатомъ человѣческимъ языкомъ — такъ онъ тебя

и уважать перестанетъ. Вотъ тебѣ примѣръ — батарея Биркина. Онъ все миנדальничалъ со своими солдатами: «любезный, да милый, да голубчикъ». Анъ вотъ «голубчики» и подкатили его на прошлогоднемъ смотру. А моя батарея, что ни смотри, — первый сортъ!

НЕНЮКОВА.

Если ты убѣжденъ, что твоя батарея примѣрная, зачѣмъ же ты всегда такъ суетишься!

НЕНЮКОВЪ.

Должность моя, шеръ, такая собачья — нельзя мнѣ не суетиться: и въ конюшни присмотри, и въ кухню загляни, и въ канцеляріи торчи, и на ученьѣ скачи, — словомъ, чортъ меня разорви! А тутъ, на какого-то дьявола, мнѣ еще новаго офицера всучили. Безъ того хлопотъ полноъ ротъ.

НЕНЮКОВА.

Какого офицера? Ты мнѣ ничего не говорилъ.

НЕНЮКОВЪ.

А шутъ его знаетъ — какого-то свѣжеиспеченаго прапорщика. Извольте еще возиться съ этимъ сокровищемъ — покорно благодарю! И фамилія-то такая пустая — Сидоровъ. Навѣрно пентюхъ.

НЕНЮКОВА.

Вотъ это мило. Что же ты мнѣ, Пуля, раньше ничего не сказала?

НЕНЮКОВЪ.

Такъ и есть мнѣ время думать о всякой мелочи.

НЕНЮКОВА.

Когда же онъ прійдетъ?

НЕНЮКОВЪ.

А я почему знаю! Хотъ бы вѣкъ не пріѣзжалъ — не заплачу.

НЕНЮКОВА.

Ахъ, какой же ты, Пуля, — развѣ можно такъ! Молодого офицера надо обласкать, приголубить, чтобъ онъ сразу почувствовалъ себя свободно.

НЕНЮКОВЪ.

Ну, ужъ, обласкать — это ваше, бабье дѣло, а мое дѣло — его распечь, чтобъ онъ зналъ службу, чтобъ онъ у меня былъ «чикъ-офицеръ!» [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Его благородіе, прапорщикъ Сидоровъ.

НЕНЮКОВА [извознованно].

Ну, вотъ... ну, вотъ, это такъ всегда! Никогда не предупредишь — и вдругъ кто нибудь къ намъ съ визитомъ, а я въ неглиже... [Митрофанъ беретъ самоваръ и уходитъ].

НЕНЮКОВЪ.

Вотъ еще нашла съ кѣмъ церемониться!

НЕНЮКОВА.

Ахъ, Пуля, ты не имѣешь никакого понятія о гранжанрѣ. Развѣ это возможно — молодой человекъ изъ Петербурга, а я вдругъ являюсь въ такомъ свѣтѣ! [Идетъ нальво].

НЕНЮКОВЪ.

Только ты, шерочка, пожалуйста поскорѣе, а то мнѣ пора въ канцелярію.

НЕНЮКОВА.

Ахъ, Боже мой, я сейчасъ, сейчасъ! [Уходитъ и выглядываетъ въ дверь. Входитъ прапорщикъ Сидоровъ. Онъ въ полной парадной формѣ, въ лѣвой рукѣ кешъ съ султаномъ и перчатка; Сидоровъ — девятнадцатилѣтній юноша, съ наивнымъ взглядомъ и мѣшковатой поступью].

II.

Неюковъ, Сидоровъ, потомъ Неюкова.

НЕЮКОВЪ [ходить, не замѣчая Сидорова].

Вотъ еще нелегкая принесла сокровище... очень нужно!.. Терпѣть не могу этихъ фендриковъ — навѣрно будетъ кличуть впередъ жалованье! [Оборачивается и видитъ Сидорова; тотъ робко къ нему подходит].

СИДОРОВЪ.

Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться...

НЕЮКОВЪ [напускаетъ на себя свирѣпость]

А, явиться?.. Вы являетесь!.. Интересно знать, къ кому вы являетесь?!

СИДОРОВЪ [озадаченный].

Командиру первой ба-батареи...

НЕЮКОВЪ [перебивая].

Нѣтъ-съ, не командиру батареи, а чортъ знаетъ кому, — командиру такъ не являются! На что вы похожи? Гдѣ у васъ галстукъ? Какъ вы держите кепи?.. Что у васъ за волосы? Развѣ это волосы! Отчего они у васъ такъ нахально торчатъ??

СИДОРОВЪ.

Отъ природы, господинъ полковникъ.

НЕЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не отъ природы, а оттого, что вы, господинъ прапорщикъ — невѣжа. Лѣзете въ нелѣпомъ видѣ прямо въ гостиную. Вы забываете, что здѣсь не трактиръ, а квартира вашего командира!

СИДОРОВЪ [вспыхнувъ].

Господинъ полковникъ, позвольте вамъ замѣтить...

НЕНЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, ужь позвольте мнѣ вамъ замѣтить, разъ вы сунулись въ мою батарею... [Ищетъ, къ чему бы придраться]. Гдѣ у васъ, позвольте спросить... того... она... гдѣ она?.. [Сидоровъ осматривается]. Гдѣ пуговица?.. Гдѣ у васъ вторая пуговица?!

СИДОРОВЪ [испѣшно застегивается].

Отстегнулась, господинъ полковникъ...

НЕНЮКОВЪ.

Нѣтъ-съ, не отстегнулась, а потому, что вы перяха... потому что, являясь къ своему начальству, вы даже не потрудились почиститься. [Сидоровъ смахиваетъ перчаткой пылинку съ сапога]. Думали, командиръ-фюфий, командиръ спустить — анъ, нѣтъ, командиръ не спустить, не на таковского напали!!

СИДОРОВЪ.

Виновать, господинъ полковникъ!

НЕНЮКОВЪ.

Я васъ еще не такъ проберу! У меня вѣдь строго, у меня всѣ офицеры ходятъ по ниточкѣ... Моя батарея первая въ бригадѣ! Если вы не желаете служить какъ слѣдуетъ — убирайтесь въ другую батарею... Мнѣ лодырей не надо! [Въ дверяхъ нагъво поивляется Ненюкова; она въ шелковомъ платьѣ, съ вырѣзомъ на груди].

НЕНЮКОВА [укоризненно мужу].

Пуля! Пуля! [Привѣтливо киваетъ Сидорову].

СИДОРОВЪ [человко поклонившись Ненюковой, повертывается къ ней спиной и обращается къ Ненюкову].

Виновать, господинъ полковникъ!

НЕНЮКОВЪ.

Да что вы повторяете, какъ попугай: «виновать, виновать» — а сами продолжаете держать себя какъ медвѣдь! Жена ему кланяется, руку протягиваетъ, а онъ и ухомъ не ведеть, точно ему

наплевать. Да что вы о себѣ воображаете... что вы, Наполеонъ, что ли? Вы недопеченый прапорщикъ — больше ничего!..

СИДОРОВЪ [обидѣвшись].

Господинъ полковникъ, это слишкомъ!

НЕНЮКОВЪ.

Что-съ, что-съ? Слишкомъ?? Извольте сейчасъ подь арестъ!.. Грубиянъ! Мальчишка!!.

НЕНЮКОВА.

Пулечка!

НЕНЮКОВЪ.

И слушать не хочу — подь арестъ!!

СИДОРОВЪ.

Но, полковникъ...

НЕНЮКОВЪ [виѣ себя].

Не извольте разсуждать и пожалуйте ваше оружіе! [Сидоровъ отстегиваетъ саблю и протягиваетъ ее Ненюкову]. Не мнѣ — женѣ!! [Отходить къ окну и нервно щиплетъ бороду].

НЕНЮКОВА [сильно].

Павель Петровичъ!! [Сидоровъ тревожно оглядывается, не зная куда ему дѣть саблю].

НЕНЮКОВЪ [сдержанно].

Вѣдь это же, чортъ знаетъ что такое... вѣдь это изъ рукъ вонъ, что за невѣжество! Сдѣлай милость, Аврора, образуй ты этого бурмазея, а я зайду пока, въ канцелярію... [Заглядывая въ окно]. Вотъ-съ, гуляетъ козель — и никому нѣтъ дѣла-съ! Развѣ мѣсто возлу у орудія? То-есть, куда ни посмотри — всюду безпорядокъ! И здѣсь распеки, и тамъ догляди, и тутъ не упусти... Экая, прости Господи, каторжная жизнь!! [Уходить].

III.

Ненюкова и Сидоровъ.

НЕНЮКОВА [ласково Сидорову, который стоит растерянно посреди комнаты].

Что же вы стоите, садитесь! [Садится на кушетку и приглашает его поместиться рядом. Сидоровъ не двигается]. Ну, что же?.. Ахъ, васъ стѣсняеть эта несчастная сабля!.. Давайте ее сюда!.. [Береть у Сидорова саблю и ставитъ ее возлѣ, въ уголъ]. А сами садитесь вотъ здѣсь...

СИДОРОВЪ [сѣвъ на кончикъ кушетки].

Покорнѣйше благодарю.

НЕНЮКОВА [про себя].

Бѣдный мальчикъ, онъ чуть не плачетъ! [Ему]. Скажите мнѣ съ полною откровенностью — мой мужъ васъ очень напугалъ?

СИДОРОВЪ.

Да-съ, они ужасно строги...

НЕНЮКОВА.

Кто, Пуля строгъ? [Смѣется]. Совсѣмъ нѣтъ... Это потому, что онъ съ утра расходился. На тощакъ онъ всегда у меня шумить, а послѣ обѣда это самый смирный человѣкъ! [Сидоровъ поднимаетъ на нее удивленно глаза]. Вы не вѣрите? Да вотъ приходите сегодня къ намъ запросто обѣдать и увидите, что онъ совсѣмъ не такъ страшень.

СИДОРОВЪ.

А какъ же-съ — «подъ арестъ»?

НЕНЮКОВА.

Ахъ, какой же вы, право—и вы повѣрили? Вѣдь это онъ такъ сказалъ, чтобъ показать, что онъ начальникъ. Онъ самъ не знаетъ, что говорить, когда разоидется. Онъ у меня ужасный кипятокъ!

СИДОРОВЪ [наивно].

Вы не шутите?

НЕНЮКОВА [про себя].

Онъ прелестенъ. [Ему]. Неужели же я стану обманывать офицера моей батареи! [Сидоровъ краснѣетъ и мнетъ кепи]. Положите вашу кепи, что за церемоніи... А перчатка зачѣмъ? Снимите сейчасъ. И шарфъ тоже можете снять — я вижу онъ васъ беспокоитъ... Будьте какъ дома. Вотъ такъ. Теперь вы чувствуете себя свободно, да?

СИДОРОВЪ [наткнуто улыбаясь].

Да-съ.

НЕНЮКОВА.

Вотъ, видите. Ну-съ, придвигайтесь ко мнѣ ближе и давайте болтать... Вы къ намъ прямо изъ Петербурга?

СИДОРОВЪ.

Такъ точно-съ.

НЕНЮКОВА.

У васъ тамъ родные?

СИДОРОВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

НЕНЮКОВА.

Что же васъ заставило выйти именно въ нашу бригаду?

СИДОРОВЪ.

Климатъ-съ. [Молчаніе. Ненюкова, прищурившись, разсматриваетъ Сидорова, тотъ потупляетъ глаза].

НЕНЮКОВА.

Жаль мнѣ васъ разочаровывать; молодой человекъ, но я должна васъ предупредить, что у насъ здѣсь убійственная тоска!

СИДОРОВЪ.

Я люблю природу-съ...

НЕНЮКОВА.

Ахъ, я сама ее обожаю, но для полного счастья этого мало... слишкомъ мало!.. Я это знаю по опыту... Впрочемъ, вы еще довольно удачно попали. Наша батарея все-таки стоитъ въ городѣ и вы будете не лишены нѣкотораго bon ton. Зато, другія батареи— это ужасъ! Вы не можете представить себѣ, что это такое: расположены въ глуши, въ казачьихъ станицахъ... командиры не устраиваютъ ни журъ-фиксовъ, ничего, чтобы поддерживало свѣтскія привычки—офицеры пьютъ водку, играютъ въ штошь... и доходятъ до «мезальянса» съ простыми казачками. Орѣрь!.. У насъ во всякомъ случаѣ, вы найдете свой маленькій кружокъ, гдѣ довольно мило проводить время: поютъ, танцуютъ, иногда устраиваются спектакли. Разумѣется, не то, что въ Петербургѣ— смѣшно и сравнивать!

СИДОРОВЪ.

Зимою тамъ очень оживлено-сь...

НЕНЮКОВА.

Воображаю. У насъ совсѣмъ мизерный кружокъ, а тамъ, вѣдь, это все en grand... Вотъ наша судьба, женщины: воспитываютъ насъ въ пансіонѣ, развиваютъ въ насъ аристократическіе вкусы, потомъ выдадутъ замужъ— и вдругъ, вмѣсто великосвѣтскаго salon, очутишься въ какой нибудь «артиллерійской слободкѣ!..» Поневолѣ начинаешь скучать, опускаешься... и отцвѣтаешь раньше времени... [Слегка опрокидывается на кушетку и полузакрываетъ глаза].

СИДОРОВЪ [покраснѣвъ и уставившись глазами на спинку кушетки].

Какой у васъ... веселенькій ситецъ!..

НЕНЮКОВА.

Вы находите? Это намъ обивалъ добрейшій Эдуардъ Карлычъ.

СИДОРОВЪ [не поднимая головы].

Штабсъ-капитанъ Гофманъ?

НЕНЮКОВА.

Да, Гофманъ. Ахъ, онъ ужасный искусникъ! Онъ не только обиваетъ мебель, но еще занимается настройкой фортепіанъ, и настраиваетъ удивительно. И вся гостиная стоила мнѣ, ужъ не помню, какой-то пустякъ. Эдуардъ Карлычъ, по знакомству, дѣлаетъ всегда очень дешево, — ну, а мнѣ онъ сдѣлалъ почти даромъ... [жестомъ]. Онъ былъ прежде въ меня немножко влюбленъ. [Молчаніе. Сидоронъ сосредоточенно любитъ ситцемъ]. А вы?.. Вы никогда не были влюблены?

СИДОРОВЪ.

Не удавалось. [Тихонько отодвигается].

НЕНЮКОВА [шутливо-покровительственнымъ тономъ матери-командирши].

Какъ же это можно?.. Вы непременно должны влюбиться! Иначе вы потеряете «по службѣ»...

СИДОРОВЪ [полушопотомъ].

Я не понимаю-сь...

НЕНЮКОВА [въ томъ же тонѣ].

Тутъ и понимать нечего. Разъ вы понравились командиршѣ, разъ она находитъ васъ симпатичнымъ, — всѣ шансы успѣха по службѣ на вашей сторонѣ. Не удалось вамъ ей почему нибудь понравиться, не сумѣли вы ей чѣмъ нибудь угодить — и вамъ не будетъ оказано ни малѣйшаго снисхожденія. Помните: любовь — это лучший «протѣжэ» по службѣ... А вы этого не знали? Ахъ, какой же вы еще неопытный мальчикъ!

СИДОРОВЪ [въ замѣшательствѣ, поднимаясь съ кушетки].

Виноватъ-сь, мнѣ пора...

НЕНЮКОВА [про себя].

Бѣдняжка, что я съ нимъ сдѣлала! [Вставая и отдавая ему саблю]. Ну-сь, возьмите вашу саблю — вашъ арестъ кончился. Вѣдь наказаніе вовсе не такъ страшно, какъ вы предполагали?..

СИДОРОВЪ [принужденно].

Помилуйте-съ, совсѣмъ напротивъ! [Пристегиваетъ саблю и надеваетъ шарфъ].

НЕНЮКОВА.

Такъ не забудьте же, вы у насъ обѣдаете. Мы обѣдаемъ въ два. Пожалуйста, только не женируйтесь: — приходите въ китель и безъ оружія...

СИДОРОВЪ [официальнымъ тономъ].

Весьма благодаренъ за ваше вниманіе.

НЕНЮКОВА [оправляя лифъ].

Что за благодарность, — это моя прямая обязанность... кормить своихъ офицеровъ! Вѣдь вы у меня въ батареѣ, а не у кого другого. И наконецъ, вы такой милый, скромный мальчикъ, что я далеко не прочь съ вами чаще козировать... Конечно, вы немножко бука, но это пройдетъ современемъ... Это отъ незнанія жизни... Вѣдь вы мнѣ позволите васъ немножко пошлифовать, да? Ну, и прекрасно. Я вами непременно займусь! [Сидоровъ раскланивается]. Да, не забудьте: когда придете къ обѣду и будете со мной здороваться, поцѣловать мнѣ руку... Пуля очень строго за этимъ смотритъ. [Сидоровъ дѣлаетъ невольное движеніе въ сторону Ненюковой]. Ахъ, вы и теперь хотите? И теперь можно!.. [Протягиваетъ ему руку; Сидоровъ, цѣловко приложившись, поспѣшно уходитъ].

IV.

Ненюкова одна, потомъ Фима Пышненко.

НЕНЮКОВА [глядя вслѣдъ Сидорову].

Вотъ уже десятый прапорщикъ, которому я разбиваю сердце! [Ходитъ]. Нѣтъ, мое положеніе батареѣйной командирши положительно имѣетъ свой авантажъ: развѣ это не прелесть — обучать жизни свѣжаго, хорошенькаго прапорщика; заставлятъ его трепетать, волноваться... подслушать первый лепетъ юнаго сердца —

и сорвать самый нѣжный цвѣтъ любви?.. Ахъ, какая прелесть!.. [Пауза]. Но этотъ, мой десятый, онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ... Всѣ эти Гофманы, Калмыковы, всѣ они были гораздо смѣлѣе въ свое время. А этотъ Сидоровъ — премилый... Онъ совсѣмъ Іосифъ! [Задумчиво останавливается передъ зеркаломъ. Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Ея высокоблагородіе Серафима Михайловна!

НЕНЮКОВА.

Проси! [Входитъ Фима Пышненко; Ненюкова идетъ къ ней навстрѣчу] Здравствуйте, моя золотая! Здравствуйте, моя красота! [Цѣлуются]. Ну, садитесь, садитесь, и говорите, какъ вамъ не совѣстно было совсѣмъ забыть меня? [Садится].

ФИМА.

Простите, дорогая Аврора Ивановна, право все какъ-то некогда было!

НЕНЮКОВА.

Вамъ некогда? Вздоръ, вздоръ... И вѣрить не хочу. Какія у васъ могутъ быть такія важныя дѣла? Кокетничать съ Гофманомъ, вѣдь больше ничего!

ФИМА [задѣтая за живое].

Отчего вы меня такъ всегда преслѣдуете Гофманомъ? Что-жъ тутъ дурного, что я *не мѣняю* моихъ симпатій, какъ *другія*!

НЕНЮКОВА [принужденно].

Вѣдь я шучу, моя прелесть, шучу! [Цѣлуются].

ФИМА.

Ахъ, чуть было не забыла вамъ сказать! Подъѣзжая къ вашему дому, я встрѣтила на дорогѣ молоденькаго-премолоденькаго прапорщика... должно быть изъ вновь произведенныхъ. И мнѣ показалось, какъ будто онъ отъ васъ шель?..

НЕНЮКОВА [небрежно].

Да, это новый офицеръ, назначенный въ нашу батарею.

ФИМА.

А! То-то я смотрю на васъ — вы такая сегодня рагée!..

НЕНЮКОВА [уязвленная].

Я, моя милая, всегда съ утра одѣваюсь прилично, и вы никогда не застанете меня, какъ *нѣкоторыхъ* — въ грязной машишкѣ и заношенной блузѣ!..

ФИМА [покасивъ].

Что это вы, голубушка, какъ будто на меня разсердились? Вѣдь это я такъ сказала, въ видѣ шутки!

НЕНЮКОВА.

Чтобъ я разсердилась на васъ, моя радость, вотъ мило! [Овять цѣлуются].

ФИМА.

А вѣдь я къ вамъ, собственно затѣмъ, чтобъ сообщить одну новость!

НЕНЮКОВА.

Что вы! Говорите, говорите, — я сгораю отъ нетерпѣнія!

ФИМА [тайно].

Сегодня въ канцеляріи, у генеральши, что-то произошло съ адъютантомъ!

НЕНЮКОВА.

Не можетъ быть! Что именно — не знаете?

ФИМА.

Вотъ видите, онъ затерялъ какую-то бумагу. Казначей, какъ вы знаете, уѣхалъ въ отпускъ и канцелярія теперь на рукахъ monsieur Стронскаго — а онъ такой поэтъ, никогда не помнить

ничего—а генеральша, вы знаете, ужасная формалистка, ни одной бумаги не пропустить. Ну, вот, у нихъ, говорятъ, и вышло довольно бурное столкновение!

НЕНЮКОВА.

Вы думаете, что столкновение можетъ имѣть серьезныя послѣдствія для Стронскаго?

ФИМА.

Нѣтъ, серьезнымъ это ничѣмъ не кончится. [Значительно]. Вы знаете: милые бранятся, только тѣшатся!

НЕНЮКОВА [тревожно].

Вы что этимъ хотите сказать, моя безцѣнная?

ФИМА [колко].

Ничего особеннаго... Я только повторяю то, что говорятъ всѣ!

НЕНЮКОВА.

А что же говорятъ эти всѣ?

ФИМА.

Говорятъ, будто генеральша равнодушна къ своему адъютанту!

НЕНЮКОВА.

Что же тутъ удивительнаго: онъ такъ аристократиченъ.

ФИМА.

Да, но злые языки утверждаютъ, что онъ отвѣчаетъ ей.

НЕНЮКОВА.

Не вѣрьте злымъ языкамъ, моя милая. Я могу вамъ ручаться за Стронскаго, что онъ не возьметъ на себя никакихъ иныхъ обязанностей, кромѣ канцелярскихъ!

ФИМА.

Почему же вы такъ увѣрены въ немъ?

НЕНЮКОВА [смѣшавшись].

Ахъ, Боже мой, потому что онъ былъ въ моей батарее... а я же должна знать своихъ офицеровъ! Наконецъ, онъ такъ любить все изящное, а генеральша, извините за выраженіе, скорѣй похожа на бомбардира, чѣмъ на свѣтскую даму... Нѣтъ, это все немислимо, что вы мнѣ говорите! [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ [звучно].

Пицца готова, ваше всблагородіе! Прикажете накрывать?
[Фима вскакиваетъ съ кушетки].

НЕНЮКОВА.

Куда вы, куда вы, моя драгоценная?

ФИМА.

Душенька, мнѣ пора...

НЕНЮКОВА.

Ну, вотъ пустяки, — совсѣмъ не пора! Это все виновать этотъ дуракъ... [Митрофану]. Убирайтесь прочь! Никогда не смѣйте входить, когда васъ не спрашиваютъ! [Митрофанъ исчезаетъ].

ФИМА.

Нѣтъ, голубушка, въ самомъ дѣлѣ пора. Я вѣдь къ вамъ всего на минутку заѣхала. Папа сейчасъ съ ученья придетъ...

НЕНЮКОВА.

Ахъ, pardon, совсѣмъ забыла спросить про Михаила Семеновича. Что онъ, здоровъ?

ФИМА.

Мегсі, слава Богу. По обыкновенію, цѣлый день въ казармѣ. Вы знаете, служба — его слабость!

НЕНЮКОВА.

О, это рѣдкій офицеръ! Я ему такъ благодарна. Безъ него Пуля просто бы пропала... Жаль, жаль, что вы уже уходите, а

все этотъ противный Митрофанъ виновать. Онъ такой мужланъ, мнѣ столько съ нимъ хлопотъ...

ФИМА.

Ахъ, это всегда, пока они не привыкнуть! У насъ теперь та же самая исторія. Однако, прощайте моя дорогая! Совсѣмъ засидѣлась... [Идутся].

НЕНЮКОВА.

До свиданья, моя родная! Не забываюте меня! [Фима уходитъ].

V.

Ненюкова одна, потомъ Ненюковъ.

НЕНЮКОВА.

Противная дѣвчонка! Явилась нарочно, чтобъ меня разстроитъ... [Ходитъ]. Неужели это правда, что Нарциссъ измѣняетъ мнѣ? Право, не знаешь чему вѣрить: злымъ языкамъ или легкомыслию мужчинъ?!. Впрочемъ, я давно замѣчаю, что, съ назначеніемъ его на должность адъютанта, онъ какъ будто перемѣнился... Даже мнѣ показалось, что онъ сталъ чуть-чуть зазнаваться... Конечно, повышеніе по службѣ могло немножко вскружить ему голову, но я не хочу вѣрить, чтобъ онъ рѣшился на liaison съ Брусничной... [Останавливается]. Ну, а если?.. [Рѣшительно]. Ну, тогда я возьму себѣ Сидорова, а онъ пусть бѣсится... Да, сама судьба посылаетъ мнѣ въ утѣшеніе этого милаго мальчика! [Входитъ Ненюковъ].

НЕНЮКОВЪ.

Ну, что, шеръ, взбутетенила, какъ слѣдуетъ, господина свѣжепросольнаго прапорщика?

НЕНЮКОВА.

Пуля, что за выраженіе: «взбутетенила!» Напротивъ, я была съ нимъ очень любезна и даже пригласила его къ обѣду, потому что онъ прекрасный молодой человѣкъ.

НЕНЮКОВЪ.

Прекраснаго я въ немъ ничего не замѣтилъ и, по моему, совсѣмъ лишнее было приглашать его обѣдать!

НЕНЮКОВА.

Напротивъ, непременно надо было пригласить, чтобъ хоть нѣсколько его ободрить. Ты, Пуля, своимъ крикомъ такъ его напугалъ, что я думала, что онъ упадетъ въ обморокъ.

НЕНЮКОВЪ [довольный].

Хе, хе, хе, небось пробрало? Ничего, ничего, на будущее время будетъ умнѣе. Будетъ знать, что командиръ у него бѣдовый, что съ командиромъ не шути!..

НЕНЮКОВА.

Только пожалуйста, Пуля, будь съ нимъ за обѣдомъ повѣжливѣе! А то онъ все-таки петербургскій человѣкъ... я не знаю, что о насъ можетъ подумать! [Входитъ Митрофанъ].

МИТРОФАНЪ.

Его благородіе, прапорщикъ Сидоровъ!

НЕНЮКОВА.

Проси... проси!.. [Охорашивается передъ зеркаломъ].

НЕНЮКОВЪ.

Митрофанъ, обѣдъ готовъ?

МИТРОФАНЪ.

Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

НЕНЮКОВЪ.

Что-жъ ты, чортова перечница, не накрываешь? Экій шаловый народъ — все имъ надо пальцемъ ткнуть, а такъ никому нѣтъ дѣла-съ!

НЕНЮКОВА.

Павель Петровичъ, что это такое? Изъ-за всякихъ пустяковъ... [Митрофану]. Да, да, накрывайте скорѣй! Да не забудьте, Митрофанъ, три прибора... и тарелки берите не съ нижней полки — тѣ съ изьяномъ, а сверху, фарфоровыя, что въ Таганрогѣ куплены... И потомъ, новую бутылку вина откупорите... И, смотрите, не забудьте чистыя салфетки вынуть, а то вы иногда Богъ знаетъ что такое подадите... И, пожалуйста, поскорѣй!! [Митрофанъ уходитъ].

НЕНЮКОВЪ.

Что это у тебя, шерочка, за страсть баловать всякую мелюзгу? Скажите, какіе вдругъ онѣры: и вино, и фарфоръ, и декоръ, и не знаю еще что!..

НЕНЮКОВА.

Ахъ, пожалуйста, не мѣшайся! Тебѣ сказано разъ навсегда, что ты ничего не понимаешь въ свѣтскихъ тонкостяхъ! [Входитъ Сидоровъ; за нимъ слѣдуетъ Митрофанъ съ столовымъ приборомъ].

VI.

Ненюковъ, Ненюкова и Сидоровъ.

[Сидоровъ переодѣлся въ китель и держится нѣсколько развязнѣе. Войдя, по знаку Ненюковой, онъ прикладываетъ къ ея рукѣ, и затѣмъ, щелкнувъ шпорами, раскланивается съ Ненюковымъ].

НЕНЮКОВЪ [постепенно увлекался].

Вотъ такъ-съ, къ ручкѣ — вотъ это я понимаю... Вотъ это офицеръ! У меня уважать Аврору, она у меня рѣдкій человѣкъ! Погодите, она еще не такъ васъ наостритъ... Вы думаете: вы одни? А Стронскій? а Калмыковъ? а Гофманъ? Всѣ были такіе же недопеченые... а теперь, первые кавалеры въ бригадѣ! А кто ихъ выправилъ? — Аврора. Она у меня душа батареи! Я такъ и разсуждаю: кто любитъ жену — значитъ любитъ батарею... Кто не любитъ — не любитъ батарею... не любитъ артиллерию!!

НЕНЮКОВА.

Пуля, ты всегда утрируешь. [Хлопочетъ около стола].

НЕНЮКОВЪ.

Нисколько не утрирую. Ужъ что правда, то правда. Что касается манеръ, салонной посадки — это мое почтеніе! Эдакихъ грандь-дамъ во всей дивизіи одна-двѣ, да и обчелся!.. [Вдругъ, серьезно]. Чортъ, изъ памяти вонъ: а вы являлись генеральшѣ?

СИДОРОВЪ.

Такъ точно-съ. Ея превосходительству имѣлъ честь представиться, а его превосходительство не удалось видѣть.

НЕНЮКОВЪ.

Эхъ, вы юноша, юноша! Порядковъ еще вы нашихъ не знаете. Его превосходительство у насъ на второмъ планѣ, а главный нашъ командиръ — генеральша. Бой-баба она у насъ! [Митрофанъ снова исчезаетъ].

НЕНЮКОВА.

Пуля, что же ты не предложишь monsieur Сидорову что нибудь закусить? Сейчас супъ подадутъ...

НЕНЮКОВЪ.

Ну-съ... какъ васъ, позвольте, по-батюшкѣ?

СИДОРОВЪ.

Сергій Федорычъ.

НЕНЮКОВЪ.

Ну-съ, Сергій Федорычъ, милости просимъ откусать хлѣба-соли... Прикладывайтесь безъ церемоніи!.. [Наливаетъ себѣ и пьетъ]. А вѣдь, хе, хе, хе, изрядную взбучку прописалъ тогда, а? [Сидоровъ улыбается]. Ничего, ничего, — привыкать надо... [Хлопаетъ его по плечу и опять пьетъ]. Такъ вы, выходить, намѣревались генералу явиться, а не генеральшѣ?.. Ахъ, вы, простота! Нашъ

генераль вѣдь того, на другомъ положеніи... Какъ это про него Стронскій отмочилъ:

«Нашъ бригадный командиръ
Продалъ бабѣ свой мундиръ».

Остроумно, чортъ возьми! Вотъ, батюшка — Стронскій: поэтъ, талантъ. А откуда вышелъ? Изъ моей батареи. У меня, батюшка, всѣ офицеры чудесники. Напримѣръ, Калмыковъ, Яковъ Васильевичъ, — тотъ у насъ и трагедіи разыгрываетъ, и романсы распѣваетъ, а ужъ какой наѣздникъ — ф-фа, черкеса за поясъ заткнетъ!.. А штабсъ-капитанъ Гофманъ? И настройщикъ, и обойщикъ, и одинъ чортъ знаетъ, чего онъ не мастерить! А нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Семеновичъ? Наизусть всѣ уставы произошелъ. Эдакаго службиста, государь мой, въ артиллеріи, днемъ съ огнемъ поискать! Да что и говорить: у меня въ батарее, что ни офицеръ — укоръ Европѣ!! [Митрофанъ вноситъ миску борща. Всѣ садятся за столъ. Ненюковъ посреди. Ненюкова vis-à-vis съ Сидоровымъ. Разливая борщъ, Ненюкова бросаетъ на прапорщика губительные взоры].

А. С. Шабельская.

ПО УЗЕНЬКОЙ ДОРОЖКЪ.

(НАВРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ).

Онъ шелъ по дорогѣ среди засѣянныхъ полей. Былъ вѣтеръ, и высокая рожь волновалась подобно морю, звеня своими, тяжелыми, созрѣвающими колосьями.

Ему казалось, что онъ никогда не видалъ такой густой и полной ржи. Почему всегда его тянетъ на это мѣсто? Даже когда поля чернѣютъ подъ паромъ, или засѣваются картофелемъ, онъ неизмѣнно идетъ сюда.

Мѣсто это представляло не особенно живописную, но довольно оригинальную картину. Кругомъ были разбросаны небольшія рощи, а за ними чернѣли лѣса, образуя какъ бы колоссальный паркъ, среди котораго лужайки вмѣсто травы засѣвались рожью, овсомъ и картофелемъ. Ему предстояло пройти первую рощу. Онъ прищурился и смотрѣлъ впередъ на дорогу, убѣгавшую подъ тѣнь высокихъ деревьевъ, и воспоминанія о чемъ-то очень далекомъ и очень дорогомъ подымались изъ глубины прожитой жизни и, подобно неуловимымъ призракамъ, охватывали его, навѣвая грусть и какое-то непонятное удовлетвореніе. Боже, какъ много лѣтъ и какъ много жизни лежало на его широкихъ плечахъ! И хотя ноги его ступали

несовсѣмъ твердо, онъ несъ голову, закинувъ назадъ, и держалъ плечи такъ же прямо, какъ въ то время, когда на нихъ красовался лейбъ-уланскій мундиръ, и голову его покрывали волны густыхъ каштановыхъ волосъ. Теперь черепъ его обнажился и блестѣлъ на солнцѣ. Шапки онъ не любилъ и ходилъ всегда съ непокрытой головой. Только въ непогоду можно было видѣть на немъ сѣрый картузь съ большимъ безобразнымъ козырькомъ.

Это былъ человѣкъ, который никогда не подводилъ итоговъ своей жизни. Выходилъ ли онъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ изъ жизненной борьбы, голова его всегда была полна мечтаній и проектовъ, а душа всегда была открыта для воспріятія новой борьбы и новаго краха.

Когда-то онъ былъ очень богатъ, когда-то онъ славился въ продолженіе двадцати лѣтъ какъ образцовый мировой судья, а теперь—старый, больной, въ скромной роли управляющаго, онъ такъ же ясно и довѣрчиво относился къ жизни, какъ и въ свои двадцать пять лѣтъ.

Когда онъ входилъ въ рощу, лѣвая нога его за что-то зацѣпилась и онъ едва не упалъ. Это были корни старой, старой сосны. Она стоитъ тутъ, у самой дороги, одинокая, вѣтвистая. Некрасива она, правда; но она знаетъ, что ее не тронетъ ни буря, ни рука человѣческая.

На что годится она, душлистая, корявая, кривая,—а съ бурей она помѣряется своими безчисленными мощными вѣтвями. Александръ Юрьевичъ посмотрѣлъ на эту сосну. Это была его старая знакомая: всматриваясь въ нее, онъ часто сравнивалъ съ ней свое одинокое существованіе.

Толчокъ, который онъ получилъ, споткнувшись на ея корни, больно отозвался въ его спинѣ. Да, это было еще зимой. Выходя изъ окружнаго суда, онъ поскользнулся и упалъ спиной на каменные ступени.

На мѣстѣ ушиба у него образовалась опухоль. Опухоль эта растетъ и болѣзненность ея увеличивается пропорціонально ея росту. Въ умѣ его тотчасъ нарисовалась цѣлая картина суда. Онъ подавалъ жалобу на Ивана Суслика. Этотъ послѣдній даже во мнѣніи своихъ односельцевъ былъ настоящая разбойничья душа. Въ эту зиму онъ, съ помощью нѣсколькихъ смѣль-

чаковъ ночью разорилъ маленькую господскую усадьбу, которую крестьяне несправедливо оспаривали у помѣщика. Когда дѣло дошло до суда, всѣ его покинули. Александръ Юрьевичъ вспомнилъ, съ какимъ суровымъ достоинствомъ держалъ себя Иванъ. Онъ никого не выдалъ, отъ того, что совершилъ, не отрекался, и былъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

«Должно быть отсидѣлъ уже свой срокъ», подумалъ управляющій. Ему неоднократно совѣтовали остерегаться Ивана Суслика, но онъ такъ часто и такъ много прощалъ ему, что послѣднее обстоятельство, по его мнѣнію, было совершенно справедливымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда проступковъ, совершенныхъ этимъ неугомоннымъ человѣкомъ.

Опять передъ нимъ роща. Здѣсь, на опушкѣ ея, протоптана узенькая тропинка. Она пересѣкаетъ большую дорогу и затѣмъ вьется среди полей. Земля на ней какъ бы звенитъ подъ ногами проходящихъ. Теперь, когда по обѣимъ сторонамъ ея колыхалась высокая рожь, дорожка эта казалась необычайно заманчива и поэтична. Александръ Юрьевичъ остановился. Какъ жаль, что онъ не взялъ съ собой дѣтей помѣщика, чтобы показать имъ эту аллею карликовъ! Въ немъ самомъ зашевелилось почти дѣтское желаніе непременно пройтись вдоль этой узкой полосы. Нигдѣ среди ржи не было видно вытоптанныхъ мѣстъ. Здѣсь, на этой узенькой тропинкѣ, было не до игры и не до шутокъ. Здѣсь люди проходили спѣшно и твердо попирали землю ногами. Дорожка все бѣжала какъ будто съ горы, увлекая его за собой.

Впереди была небольшая ложбинка и тамъ рожь засѣла такой густой щеткой, что невозможно было пробраться сквозь нее. Солнце клонилось къ западу и косые лучи его окрашивали все это море волнующейся ржи густымъ лиловато-розовымъ цвѣтомъ. Такимъ же точно цвѣтомъ были окрашены облака. Они причудливыми зигзагами поднимались надъ солнцемъ и расходились дальше въ видѣ разорванной нѣжно-розовой пелены.

Полюбовавшись на рожь, онъ повернулъ было назадъ, но ему жаль было расстаться съ этимъ мѣстомъ. Онъ точно стоялъ среди волнующагося розоваго моря. Вагровый закатъ клалъ на ближайшіе предметы свои яркія краски, отчего дальніе лѣса.

уходившіе на востокъ, казались еще болѣе темными и еще болѣе таинственными.

Съ высоты своего громаднаго роста онъ видѣлъ за рожью безконечныя поруби. Бортныя сосны *)), пощаженыя топоромъ, вырѣзывались подобно гигантскимъ сторожамъ на багровомъ горизонтѣ. Сколько вѣковъ прошло передъ ними,—теперь онѣ стоятъ, опустивши свои могучія вѣтви, не защищенныя отъ солнца и непогоды, на половину высохшія и съѣденныя червями. Молодой лѣсокъ, точно трава, колыхнется у ихъ ногъ. Онъ стоялъ, весь охваченный прелестью разстилавшейся передъ нимъ картины и все, что было тяжелаго и горькаго въ его жизни, молчало гдѣ-то далеко, далеко. Онъ смутно чувствовалъ, что въ такія минуты онъ сливается съ Богомъ, который нерѣдко сходилъ въ его душу.

Нельзя было однако стоять здѣсь вѣчно, и онъ медленно повернулся и пошелъ обратно все съ тѣмъ же приподнятымъ чувствомъ удовлетворенія.

Вдругъ до слуха его стали доноситься чьи-то торопливые шаги, ближе, ближе... Онъ обернулся:—передъ нимъ стоялъ Иванъ Сусликъ. Въ одной рукѣ была его смушковая шапка, а другой—онъ поддерживалъ что-то. Александръ Юрьевичъ увидѣлъ, что у него былъ топоръ за плечами.

— Здравствуй, Иванъ, сказалъ онъ.

— Здорово, проговорилъ Иванъ совсѣмъ какъ-то беззвучно, не поднимая на него глазъ.

По тону его привѣтствія Александръ Юрьевичъ почувствовалъ, что Иванъ Сусликъ его врагъ.

— Ну, что, отсидѣлъ? спросилъ онъ.

Иванъ вскинулъ на него свои большіе сѣрые глаза, и ничего не отвѣтилъ. Во взглядѣ этихъ суровыхъ глазъ и сжатыхъ губахъ, Александръ Юрьевичъ прочелъ столько ненависти и злобы, что сердце его учащенно забилось и мурашки забѣгали по спинѣ. Нужно было не показать Ивану, что онъ его испугался.

— Ну, иди себѣ, проговорилъ Александръ Юрьевичъ, отступая немного въ рожь, и очищая ему дорогу.

*) Бортная сосна,—это сосна, въ дуплѣ которой пчелы кладутъ медъ.

— Пану попереду итти, а минни, мужику, по заду, проговорилъ Иванъ, опять вскидывая на него глаза, полные ненависти.

Александръ Юрьевичъ тотчасъ сообразилъ, что въ настоящую минуту отъ него, какъ онъ поведетъ себя, зависитъ, быть можетъ, его жизнь. Внутри его точно начинало все застывать, образуя какую-то тяжелую давящую пустоту. Онъ глубоко втянулъ въ себя воздухъ и проговорилъ все тѣмъ же покойнымъ, ласковымъ голосомъ:

— Я гуляю, а тебѣ, вѣрно, къ спѣху?

— И минни не къ спиху, я въ Озерахъ дрова рубавъ, отвѣчалъ Иванъ, не двигаясь впередъ.

Нельзя было далѣе стоять на одномъ мѣстѣ. Александръ Юрьевичъ почувствовалъ жгучее желаніе схватить Ивана за шиворотъ, повалить на землю и отнять у него топоръ. Когда-то онъ могъ справиться съ двумя, подобными Ивану, но теперь, куда ужъ! Лѣвая рука его почти не дѣйствовала отъ опухоли на спинѣ. А сама опухоль! Попробуй кто прикоснуться къ ней, онъ свѣта не взвидитъ отъ боли. Ужъ если Иванъ захочетъ его убить, то все равно одолѣетъ и убьетъ, ему не скрыться. Всѣ эти мысли вихремъ пронесли въ его головѣ, онъ опять втянулъ въ себя воздухъ, повернулся и медленно зашагалъ.

Иванъ шелъ за нимъ, не отставая ни на одинъ шагъ. Сапоги его, подбитые гвоздями, гулко стучали по утрамбованной дорожкѣ и въ каждомъ звукѣ Александръ Юрьевичъ слышалъ себѣ угрозу.

Въ душѣ Ивана происходила цѣлая буря ощущеній. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, онъ чувствовалъ какую-то неприязнь къ господамъ. Положимъ, настоящихъ господъ онъ никогда не знавалъ. Сначала въ барскомъ флигелѣ жилъ управляющій прежняго владѣльца, несправедливый, жестокій и придирчивый человѣкъ. Съ нимъ не разъ приходилось считаться и однажды за одинъ проигранный процессъ онъ, Иванъ, лишился всего своего имущества. Тотъ любилъ больше всего наказывать мужика рублемъ. Потомъ въ продолженіе десяти лѣтъ имѣніемъ владѣли арендаторы. При арендаторахъ началось для Ивана нѣчто совсѣмъ уже скверное. Арендаторы постоянно ссорились съ владѣльцемъ и его лѣсниками. Онъ, Иванъ, былъ избранъ ими, какъ орудіе мести. Онъ воровалъ, поджигалъ лѣса. Однажды

лѣсники поймали его съ зажженной паклей въ рукахъ, и избили чуть не до полусмерти. Два мѣсяца провалялся онъ, едва рукъ и ногъ не лишился. Это было самое ужасное время въ его жизни. Онъ былъ человѣкъ умный, и не могъ не чувствовать всей униженности своего положенія; и въ продолженіе всѣхъ этихъ десяти лѣтъ онъ, не переставая, пилъ, точно желая запитъ нѣчто, что постоянно копошилось и протестовало въ глубинѣ его души. Вунтовать за какихъ-то неизвѣстно откуда взявшихся людей, которые пользовались его услугами и затѣмъ почти всегда предавали его, — развѣ это не позоръ? Когда имѣніе перешло къ новому владѣльцу и поселился этотъ такъ называемый довгій*) управляющій, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Онъ, этотъ довгій, никогда не ссорился, былъ даже очень добръ, если его о чемъ нибудь просили, на зато горой отстаивалъ интересы своего довѣрителя. Девизъ его былъ: «пусть насъ судъ разсудитъ».

Когда случалось у крестьянъ какое нибудь запутанное дѣло, они шли къ нему и онъ распутывалъ всѣ ихъ недоразумѣнія, и часто являлся даровымъ ходатаемъ за нихъ въ судѣ. Онъ никогда не позволялъ себѣ никакого насилія и никакого самоуправства, но зато въ другихъ не терпѣлъ ни того, ни другого.

На Ивана находили минуты, въ которыя онъ готовъ былъ примкнуть къ тѣмъ, которые любили Александра Юрьевича и не случись послѣдней исторіи съ разореніемъ господской усадьбы, неизвѣстно, что бы онъ чувствовалъ въ настоящее время, идя съ топоромъ въ рукахъ, позади врага своего, на этой узенькой тропинкѣ. Теперь же онъ былъ преисполненъ ненависти и злобы. Три мѣсяца просидѣть по его милости къ острогѣ! Вся эта исторія разоренія усадьбы такая тяжелая, такая горькая. Когда онъ о ней вспоминалъ, въ душѣ его закипала злоба и ему хотѣлось драться поочередно съ каждымъ изъ участвовавшихъ въ ночной экспедиціи. Видѣ Александра Юрьевича всполошилъ въ немъ все, что было наболѣвшаго, тяжелаго и постыднаго въ его жизни. И всегда, вѣдь, онъ былъ бѣденъ, всегда за что нибудь отвѣчалъ, всегда кому нибудь причинялъ пакости. Его

*) Долгій, длинный.

ловили, били, шельмовали. Подчасъ ему становилось до того невыносимо въ его нетопленной хатѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ надеждъ; кажется, острогъ и смерть лучше той жизни, какую онъ велъ. Онъ даже не помнилъ, было ли ему когда нибудь вполнѣ хорошо. Главное, никто его не любилъ, всѣ имъ пользовались, но чтобъ помочь ему,—нѣтъ. Онъ какъ-то нелѣпо, дико пришелъ къ полному разоренію. Земля его была давно законтрактована другому хозяину, деньги пропиты, и не было способовъ возратить ее когда нибудь. А между тѣмъ гдѣ-то тамъ, на днѣ души его жила потребность чего-то лучшаго. Что-то по временамъ бродило въ немъ. Взять, на примѣръ, хоть его женитьбу. Вѣдь за нее онъ готовъ былъ въ огонь и въ воду, но все это потонуло въ сумятицѣ его нелѣпой жизни. Въ настоящую минуту онъ всѣхъ, всѣхъ ненавидѣлъ, и особенно этого довгаго, который шагаль впереди его. Все судъ да судъ. Вотъ судъ и продержалъ его три мѣсяца въ острогѣ, и всѣ помощники его попрятались. Хватить бы этакъ топоромъ сзади, сволочить въ оврагъ и пусть ищутъ, а и найдутъ не бѣда:—запираться не станеть. Невтерпежь ему подобныя обиды. Не украсть, не обобрать, и по злобѣ людской въ острогъ попалъ. И этого убить,—не для того, чтобъ обокрасть, а для того, что жизнь проклятая.—Они подходили къ оврагу. Въ душѣ Ивана поднималось и росло нѣчто черное и страшное. Онъ посмотрѣлъ на Александра Юрьевича,— тотъ шелъ, перегнувшись всѣмъ корпусомъ на одну сторону, шелъ своей неровной старческой походкой, точно цѣпляясь за что-то невидимое лѣвой ногой. Длинная тонкая шея загорѣла и завалилась, образуя впадины около позвонковъ и ушей, отчего эти послѣднія неестественно торчали. Какъ ни былъ Иванъ зло настроенъ, но видъ этой старческой спины — и особенно красной тонкой шеи — смутилъ его и въ немъ, какъ молнія, сверкнула мысль: «Повернется — убью, не повернется — стыдно точно». Что «точно»? Никакое сопоставленіе не успѣло еще родиться въ его сознаниі, какъ Александръ Юрьевичъ быстро обернулся.

— Хороша рожь въ этомъ году, Иванъ,— проговорилъ онъ опять, ласково.

— Якъ у мене ін нема, такъ мини що, отвѣтилъ Иванъ, и вдругъ быстро снялъ топоръ съ плеча. Александръ Юрьевичъ

такъ же быстро отвернулся и зашагалъ впередъ. Сердце его стучало, подобно молоту въ груди. Онъ инстинктивно нагнулся впередъ, точно желая уберечь голову отъ удара. Правая рука его судорожно крестила грудь маленькими, учащенными крестиками. Если Иванъ захочетъ убить его, все равно отъ него не убѣжишь и не спрячешься на этой узенькой тропинкѣ. Какъ ни была тяжела и горька его жизнь, какъ часто ни звалъ, ни молилъ онъ смерть на помощь, но погибнуть здѣсь такъ безславно, отъ руки такого же человѣка, какъ и онъ! Нѣтъ, въ этомъ было нѣчто до того страшное, что вся картина, которой онъ беззавѣтно любовался, и густая рожь, и видѣвшаяся по верхъ колосьевъ темная курчавая зелень,— все это было полно теперь ужаса и холода могилы. Красноватый отблескъ, бросаемый закатомъ, точно кровавая пелена застилала ему зрѣніе. Воздухъ былъ напоенъ ядомъ смерти. Дыханіе, расширяя грудь, не облегчало, а напротивъ, причинило ему глухую боль. Онъ шелъ съ открытымъ ртомъ, съ побѣлѣвшими губами, съ выраженіемъ ужаса на старческомъ лицѣ, а сзади мѣрно стучали шаги Ивана. Вдругъ они смолкли... Чтобъ это значило? Кровь ударила ему въ голову и весь онъ вздрогнулъ отъ радостнаго сознанія, что Иванъ, можетъ быть, нарочно отстаеетъ отъ него. Ему до страсти, до боли хотѣлось оглянуться, но онъ превозмогъ себя и продолжалъ шагать впередъ. Опять до его напряженнаго слуха стали доноситься звуки шаговъ.

Теперь ему казалось, что Иванъ не идетъ, а бѣжитъ за нимъ. Каждый шагъ, точно проникая черезъ его больную спину, стучалъ ему въ сердце. Горло его сдавила спамза и онъ боялся, что ему не хватитъ дыханія, онъ упадетъ и тогда ужъ, навѣрное—конецъ... Онъ не смотрѣлъ по сторонамъ и не зналъ, прошли ли они оврагъ; казалось, узенькая тропинка не только не приближалась къ большой дорогѣ, а точно убѣгала отъ нея. Нигдѣ ни души. Все мертво и страшно.

Иванъ прекрасно видѣлъ, что они прошли оврагъ, онъ даже остановился и посмотрѣлъ на обѣ стороны, не отдавая себѣ яснаго отчета, зачѣмъ нужно было останавливаться, точно онъ хотѣлъ измѣрить глазами—далеко ли придется ему тащить трупъ врага своего. Когда онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вслѣдъ Александру Юрьевичу, тотъ былъ уже далеко. Это обстоятельство дало другое

направленіе его чернымъ мыслямъ. Какъ всѣ крестьяне, онъ былъ немного фаталистъ. То, что онъ встрѣтилъ управляющаго на узенькой дорожкѣ, было какъ бы свыше предназначено для того, чтобъ онъ, Иванъ, отомстилъ ему. Теперь, увидя врага, отошедшаго отъ него на большое разстояніе, Иванъ почувствовалъ, что здѣсь вмѣшалась опять какая-то тоже высшая невѣдомая сила. Эта сила избавила его отъ грѣха. Ему видѣлась только лысая голова Александра Юрьевича, она была вся залита пурпурнымъ отблескомъ. Иванъ смотрѣлъ на эту голову и что-то новое возникло внутри его. Какое-то никогда не испытанное имъ чувство примиренія совсѣмъ охватывало его и гнало черныя мысли. Ему казалось, что никогда не видалъ онъ такой густой ржи, какъ въ этомъ году, такой курчавой зелени, какъ на дальнихъ лѣсахъ. Тамъ, надъ селомъ, вьется дымъ,—это дымъ его хаты. Клубы пыли поднимаются и падаютъ,—это пастухъ гонитъ скоть, и его бычекъ тамъ. Онъ выйдетъ изъ ржи, повернетъ налѣво и пойдетъ въ село. Тамъ ждутъ его. Жена поставитъ горячій борщъ на столъ. Весь день онъ штался однимъ сухимъ хлѣбомъ. И сегодня, и завтра, и много дней онъ будетъ свободно проходить этой узенькой дорожкой въ Озери безъ тяжкаго грѣха на душѣ. Пусть его предавали и шельмовали, въ настоящую минуту онъ никому не желаетъ лиха*). Пусть все живетъ на землѣ, ходить и дышетъ. Какія большія поля, какая тяжелая рожь,—всѣмъ, всѣмъ хлѣба хватить. Ему хотѣлось догнать Александра Юрьевича и сказать ему что нибудь пріятное. Онъ догналъ его, онъ шель почти вплотную за его спиной. Ему слышно было тяжелое, прерывистое дыханіе управляющаго. Ему стало жаль его. Тоже, вѣдь, старый, тоже работаетъ, не надъ своимъ старается, за кусокъ хлѣба... ему тоже жить хочется, дѣти... повадка господская. Можетъ быть, будь свое, онъ бы и не сталъ людей въ острогъ сажать. Онъ вздохнулъ полной грудью, со стономъ, какъ человѣкъ, который задыхался подъ бременемъ тяжелыхъ мыслей и вдругъ нашель выходъ изъ нихъ. Дорожка быстро приближалась къ концу. Александръ Юрьевичъ ступилъ на нее съ необъяснимымъ чувствомъ радости, точно онъ безнадежно носился по морю и наконецъ при-

*) Зла.

чалилъ къ берегу, точно онъ умираетъ страшною смертью и вдругъ ожилъ для лучшей жизни. Изъ его груди тоже вырвался стонъ облегченія.

— Заморились, пане, сказалъ Иванъ, глядя на него своими большими глазами.

Александръ Юрьевичъ прочелъ въ этихъ глазахъ миръ и прощеніе себѣ. Ему стало жаль Ивана. Зачѣмъ онъ его заподозрилъ; быть можетъ Ивану и не грезилось посягать на его жизнь. Хорошо, что онъ твердо шелъ впередъ, не оглядываясь, не кинулся обезаруживать его.

— Старъ я сталъ, Иванъ, и спина болить, проговорилъ Александръ Юрьевичъ.

— И-и-и, отвѣтилъ Иванъ,—якъ що болить у чловика, такъ вже ни до веселья.

— Ужъ какое тамъ веселье, продолжалъ Александръ Юрьевичъ.— Всѣ мы работать должны, до самой смерти работать, такъ вѣдь, Иванъ?

— Оно такъ, пане. Була бы тилько работа.

Они пошли рядомъ и мирно бесѣдовали. Иванъ жаловался на свое горькое житье, а Александръ Юрьевичъ обѣщалъ помочь ему.

Но съ этого достопамятнаго дня ему стало казаться, что онъ быстро приближается къ могилѣ. Какъ будто онъ уже находился за предѣлами здѣшняго міра, и ему данъ только временный, краткій отпускъ на землю.

В. В. Билибинъ (Диогенъ-Игрекъ).

ШУТЛИВАЯ ЗАМѢТКА.

Тѣнь великаго Пушкина не обидится на меня за эту шу-
тливую замѣтку по поводу «Евгенія Онѣгина». Муза Пушкина
и сама была не прочь пошалить и порѣзвиться.

Вотъ что говоритъ Пушкинъ, разставаясь съ читателемъ
своего «Евгенія»:

...«Чего бы ты за мной
Здѣсь не искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній-ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ —
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
Хотя крупицу могъ найти»...

Моя замѣтка написана «для развлечения». И я, какъ видите,
уже получилъ отъ творца «Евгенія Онѣгина» отпущеніе моего
литературнаго грѣха.

А что именно я искалъ и нашель въ «строфахъ небреж-
ныхъ» Пушкина, то благосклонный читатель увидить ниже.

— Сколько лѣтъ было Евгению Онѣгину?

На этотъ вопросъ одна дама, абонентка русской и итальянской оперы, отвѣчала, не задумываясь:

— Подъ сорокъ...

Это — впечатлѣніе опернаго Евгенія Онѣгина.

Оперный Евгений Онѣгинъ, да и Ленскій, дѣйствительно, смотрять зрѣлыми мужчинами. Нерѣдко они даже успѣвали отростить себѣ брюшко. Особенно Евгений, котораго поютъ баритоны. Оперные баритоны, подобно соборнымъ дьяконамъ, всегда почему-то обнаруживаютъ наклонность къ преждевременной полнотѣ.

Однаго опернаго баритона, перешедшаго на теноровыя партіи, спросили:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Чтобы похудѣть, отвѣтилъ пѣвецъ.

Сколько же лѣтъ было Евгению Онѣгину, не оперному, а настоящему?

Во время поединка съ Ленскимъ, Онѣгину было 26 лѣтъ.

У Пушкина сказано, что Онѣгинъ —

«Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь бездѣйствіемъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ».

И, оставивъ деревню, онъ отправился путешествовать.

До переѣзда въ деревню (когда заболѣлъ дядя), Онѣгинъ восемь лѣтъ занимался флиртомъ:

«Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утраты жизни лучшей цвѣтъ».

Значитъ, Онѣгину, въ началѣ романа былъ восемнадцатый годъ.

Вторая встрѣча Онѣгина съ Татьяной, которая уже вышла замужъ за князя, произошла тогда, когда Евгению было подѣ тридцать.

Онѣгинъ спрашиваетъ князя, давно-ли онъ женатъ?

— Около двухъ лѣтъ, отвѣчаетъ князь.

Если предположить, что прошло около года между смертью Ленскаго и замужествомъ Ольги, да столько же времени протекло, покуда Татьяну свезли въ Москву, да посватался къ ней князь, да сыграли свадьбу, да переѣхали новобрачные въ Петербургъ, и еще, со словъ самого князя, накинуть два года, то и насчитаемъ Евгенію всѣ тридцать лѣтъ.

Значить, оперные баритоны почти правы.

* * *

Какъ звали Евгенія Онѣгина по-батюшкѣ?

Никакихъ указаній у Пушкина нѣтъ.

Татьяну и Ольгу Лариныхъ звали по-батюшкѣ Дмитріевны. Татьяна Дмитріевна и Ольга Дмитріевна. Онѣ были дочерьми бригадира.

Но какъ звали по-батюшкѣ Евгенія Онѣгина и Владиміра Ленскаго, неизвѣстно.

Ольга Дмитріевна Ларина была свѣжая, румяная блондинка съ небесно-голубыми глазками, не очень полненькая, характера веселаго, немножко кокетка.

«Глаза, какъ небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные»...
...«Легкій станъ»...

Легкій станъ не бываетъ у полненькихъ.

Татьяна Дмитріевна не отличалась румяной свѣжестью своей сестры. Вѣроятно, она была брюнетка, со смуглымъ цвѣтомъ лица, худоцава, болѣзненна.

Татьяна Дмитріевна задумчива и мечтательна. Она очень мало спала — «любила на балконѣ предупреждать зари восходъ», — по ночамъ читала романы и видѣла страшные сны.

Пушкинъ не описываетъ наружности Онѣгина. Извѣстно только, что Онѣгинъ —

«Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ денди лондонскій одѣтъ».

Ленскій, въ противоположность Онѣгину, носилъ очень длинные волосы. Это былъ румяный красавецъ.

«Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ»...
 ...«Кудри черныя до плечъ».

Тогда уже существовала мода, что поэты не стриглись и носили длинные волосы.

Эта мода почти сохранилась до нашихъ дней. Музыканты, поэты, художники носятъ длинные волосы какъ бы въ доказательство своихъ творческихъ силъ.

Прическа à la Самсонъ.

Если выстричь поэта или художника подь гребенку, то онъ, пожалуй, утратитъ способность вдохновляться.

* * *

Онѣгинъ получилъ, какъ говорится, «домашнее воспитаніе». Авторъ, какъ бы извиняясь за своего героя, говорить:

«Мы всё учились понемногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь».

Воспитателемъ Онѣгина, послѣ madame, состоялъ monsieur l'Abbé, французъ убогій.

Что же зналъ Евгенийъ?

Онъ совершенно свободно изъяснялся и писалъ по-французски, понималъ немного по-латыни, зналъ кое какіе историческіе анекдоты и былъ знакомъ съ политической экономіей.

Съ такимъ-то багажемъ знаній, Евгенийъ, восемнадцатилѣтнимъ юношей, почти мальчикомъ, вступилъ въ свѣтъ и, отъ нечего дѣлать, принялся на практикѣ изучать «науку страсти нѣжной, т.-е. волочиться и ухаживать».

Вотъ какъ проводитъ Онѣгинъ день:

Встаетъ поздно и ѣдетъ «на бульваръ», гдѣ гуляетъ на просторѣ. Подь бульваромъ здѣсь надо разумѣть Невскій проспектъ, нѣкогда усаженный деревьями. Впослѣдствіи деревья срубили, а теперь опять хлопочутъ о древесныхъ насажденіяхъ въ Петербургѣ. Такъ повторяется исторія...

Обѣдъ у Talon. И тогда уже славились въ Петербургѣ французскіе рестораны. За обѣдомъ — шампанское. Послѣ обѣда — въ балетъ. Тамъ танцуетъ Истомина. Истомина увѣковѣчена пе-

ромъ Пушкина. Тогда еще не было принято приглашать на гастроли иностранных балеринъ. Современные поэты не восхваляют балеринъ ни отечественныхъ, ни иностраннаго привоза. Можетъ быть, во времена Евгенія Онѣгина балерины танцовали лучше. Во всякомъ случаѣ, балетъ тогда, видимо, процвѣталъ, а оперный и драматическій театры были въ упадкѣ. И не только въ Петербургѣ, но также и въ Москвѣ.

Въ оперѣ, по словамъ Пушкина, «Мельпомены бурной протяжный раздается вой», и она «машетъ мантией мишурной предъ хладною толпой». А Талія «тихонько дремлетъ и плескамъ дружескимъ не внимлетъ».

Словомъ, въ оперѣ и въ драмѣ мало публики, спектакль идетъ вяло и скучно.

А въ балетѣ —

«Театръ ужь полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла,— все кипитъ,
Въ райскъ нетерпѣливо плещутъ».

Времена мѣняются. Мода на балетъ прошла. И нынче цѣлая газетная литература создавалась по вопросу о томъ, какъ доставать билеты въ оперу.

Не дождавшись окончанія балета, Онѣгинъ уѣзжаетъ домой переодѣться и потомъ стремглавъ скачетъ на балъ «въ ямской каретѣ».

Онѣгинъ, значить, не держалъ собственныхъ лошадей, — что объясняется разстроенными дѣлами его папаша.

Удивительно только, что лошади извозничьей, наемной, кареты, бѣгали въ то время такъ быстро.

Онѣгинъ подъѣзжаетъ въ ямской каретѣ къ великолѣпному дому, который «усѣянъ площадями» кругомъ. Тогда подобная иллюминація казалась блистательной.

Танцуютъ мазурку.

Мазурка въ то время была, кажется, самымъ любимымъ танцемъ. Танцуютъ мазурку въ Петербургѣ, въ деревнѣ на именинахъ у Татьяны Дмитриевны, въ Москвѣ.

Не танцующіе играютъ въ вистъ. Вистъ еще не былъ изобрѣтенъ.

Вистомъ не особенно увлекались.

...«Равнодушный гость
На вистъ вечерній прѣзжаетъ;
Садится; кончилась игра —
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ».

Сравните съ нынѣшними винтерами!

Онѣгинъ возвращается съ бала, когда «Петербургъ неугомонный ужъ барабаномъ пробужденъ», и булочникъ, «нѣмецъ аккуратный, въ бумажномъ колпакѣ, не разъ ужъ отворилъ свой васисдасть».

Ничего этого теперь нѣтъ. Утромъ насъ, петербуржцевъ, не будить барабанный бой, а булки не продаются въ форточку.

Кстати, вотъ еще черты стараго Петербурга по «Евгенію Онѣгину».

Онѣгинъ любилъ весеннею ночью гулять по набережной Невы и стоять, опершись на гранитъ.

«Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые»...
...«Лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ»...
...«Плѣнили вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая»...

Часовые въ Петербургѣ не перекликаются. Въмѣсто лодокъ по Невѣ шмыгаютъ финляндскіе пароходы. Слышны звуки не рожка, а пароходныхъ свистковъ.

• • •

Еще о тогдашней старинѣ:

Дѣлать визиты или разсылать визитныя карточки было принято не на новый годъ, а на Рождество.

Пушкинъ, описывая родныхъ вообще, говоритъ, что это — люди, которыхъ мы обязаны, по обычаю народа, о Рождествѣ навѣщать или по почтѣ поздравлять.

Путешествовали въ старину на лошадяхъ. Когда Ларины собрались изъ деревни въ Москву, то на дворъ ввели, не много, не мало, «восемнадцать клячъ». Ларины ѣхали на перекладныхъ и, по словамъ Пушкина «тащились» до Москвы семь сутокъ.

Дороги были плохи. Мосты сгнили. На станціяхъ «клопы да блохи заснуть минуты не даютъ».

«Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейсъ-курантъ виситъ
И тщетный аппетитъ дразнитъ».

На почтовыхъ ѣздили быстрѣе, особенно зимой.

«Дорога зимняя гладка,
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькають, какъ заборъ».

Мечтая объ улучшеніи путей сообщенія, Пушкинъ предсказывалъ, что лѣтъ черезъ пятьсотъ —

«Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугуныя чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостныя своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ».

Текущая дѣйствительность далеко превзошла поэтическія пророчанія. Не шоссе, а желѣзныя дороги Россію, соединивъ, пересѣкли.

И почти на каждой желѣзнодорожной станціи крещеный и не крещеный міръ завелъ буфетъ, а не трактиръ.

Можно сказать, что, путешествуя по желѣзнымъ дорогамъ, мы больше ѣдимъ, чѣмъ ѣдемъ.

Д. Н. Кайгородовъ.

НА ДЕРЕВЕНСКОЙ РѢЧКѢ.

Быль теплый, свѣтлый майскій вечеръ. Солнце только что село. На песчаномъ берегу деревенской рѣчки, на старомъ, забытомъ бревнѣ, сидѣлъ съ непокрытой головой, опершись подбородкомъ и обѣими руками на изящную трость, совсѣмъ сѣдой, но съ виду еще бодрый, старикъ. Его коротко остриженные волосы, также какъ и короткая сѣдая борода, и лежавшая рядомъ на бревнѣ соломенная шляпа, отражали свѣтъ вечерней зари. Глаза старика были устремлены на загоравшуюся прямо передъ нимъ, на золотистомъ небосклонѣ, вечернюю звѣзду. На лицѣ, сохранившемъ еще слѣды былой красоты, лежалъ отпечатокъ свѣтлой мысли; въ глазахъ отражалось возвышенное душевное настроеніе.

Изъ калитки дома, стоявшаго на краю высокаго и довольно крутого берега — почти надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежало забытое бревно — вышелъ юноша, лѣтъ 18-ти, и постоявъ минутку, сталъ быстро спускаться по плохонькой деревянной лѣсенкѣ къ рѣкѣ. Вслѣдъ за нимъ вынырнула изъ-подъ воротъ того же дома собаченка, и, быстро промелькнувъ мимо спускавшагося юноши, чуть не кубаремъ скатилась по крутой дорожкѣ

протоптанной рядомъ съ лѣсенкой. Мигомъ очутившись около сидѣвшаго на бревнѣ старика, она вскочила, рядомъ съ нимъ на бревно, ткнула мордой подъ локоть, снова соскочила, подбѣжала къ водѣ и принялась пить.

Спустя минуту, юноша, ловкимъ прыжкомъ перемахнувъ чрезъ нѣсколько послѣднихъ ступенекъ, подбѣжалъ къ бревну.

— А мама вѣрно угадала, что ты ушелъ къ рѣкѣ, проговорилъ онъ, слегка запыхавшись.— Мы никто не видѣли, какъ ты вышелъ.... думали все еще пишешь....

Затѣмъ онъ подошелъ къ рѣкѣ и, наклонившись, поболтала рукой въ водѣ:

— Однако вода-то уже какая теплая — пожалуй завтра можно будетъ и купаться.

Вынувъ платокъ, вытирая руки и возвращаясь къ бревну, онъ добавилъ:

— А я за тобой, дѣдушка: самоваръ ужъ на столѣ...

— Ничего, пусть постоитъ, не сразу послѣдовать отвѣтъ.— Не убѣжить.... Вотъ майскіе вечера такъ убѣгаютъ... и не скоро возвращаются. Да не для всякаго и возвращаются, добавилъ дѣдушка, снимая съ бревна свою шляпу и освобождая подлѣ себя мѣсто.— Присядь. Посидимъ еще немножко,—жаль разставаться съ такимъ вечеромъ. Полюбujemy, послушаемъ...

Юноша сѣлъ. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— Какъ хороша сегодня заря, проговорилъ дѣдушка,—какъ нарядна! Какіе теплые, мягкіе, ласкающіе глазъ тона. Какой воздухъ,—ароматъ!..—А соловей-то?!

— Восхитительный! отозвался полушопотомъ юноша.

— И какъ славно аккомпанируютъ ему перепелъ и кукушка—совсѣмъ какъ въ бетховенской симфоніи...

По рѣкѣ слабо донесся отдаленный благовѣстъ. На поверхности воды, то здѣсь, то тамъ расходились круги—играла рыба, предвѣщая на завтра хорошее утро. На быстринѣ ближняго переката, какъ маятникъ качался торчавшій изъ воды колы, оставленный рыбаками, и гармонично журчала струя воды. Гдѣ-то, въ прибрежныхъ камышкахъ, тихо покрякивали утки. За рѣкой, на заливномъ лугу, поднимался легкій туманъ и кричалъ коростель — то, казалось, совсѣмъ близко, то, черезъ минуту,

будто гдѣ-то далеко. Жалобно посвистывалъ куличекъ, безпрестанно перелетая черезъ рѣчку, надъ самой водой. Изъ деревни, вырисовывавшейся темными силуэтами на золотистомъ небосклонѣ, по ту сторону рѣки, доносилась широкая, долевая пѣсня. Налетѣлъ заревой вѣтерокъ, зарябилъ слегка мѣстами воду, пошелестилъ сухимъ, прошлогоднимъ, тростникомъ и принесъ съ собою свѣжую волну вечерняго майскаго воздуха. Небосклонъ понемногу темнѣлъ; золотисто-розовые тона зари смѣнялись зеленоватыми; кое-гдѣ стали загораться звѣзды. Безъ умолку пѣлъ соловей въ кустахъ прибрежнаго ивняка.

На лицѣ старика снова засвѣтилось прежнее выраженіе неподнятаго душевнаго настроенія. Юноша также, видимо, наслаждался прекраснымъ вечеромъ. Вздохнувъ нѣсколько разъ кряду полной грудью свѣжей, ароматный воздухъ, онъ произнесъ полушопотомъ:

— Хорошо!...

— Хорошо, подтвердилъ дѣдушка.

Затѣмъ, помолчавъ немного, вынулъ изъ бокового кармана пальто довольно объемистую, продолговатаго формата, записную книжку—дневникъ, которую всегда носилъ съ собою, и, перелистывая страницы, проговорилъ:

— Знаешь что, Сережа... Послужи ты мнѣ своими молодыми глазами—для нихъ свѣта еще достаточно... Я тебѣ подиктую... Заройдись въ головѣ—просить выхода... Вотъ отсюда начини, указалъ онъ чистую страницу.—Вотъ и карандашъ...

— Съ восторгомъ, дѣдушка! отозвался юноша, беря дневникъ, карандашъ, и прилаживаясь писать на своихъ колѣнахъ.— Слушаю!

— Пиши: «Да, прекрасенъ Божій міръ! Сколько величія, сколько красоты, сколько гармоніи—сколько чудесъ!»—диктовать дѣдушка, съ разстановкой.—«И это удивительно... прошли тысячелѣтія... а какъ мало, какъ мало еще сердецъ раскрытыхъ и душъ отзывчивыхъ—на все это величіе, на всю эту чудесную красоту!.. сознающихъ, что это—великое благо, великій источникъ, данный человѣку для того, чтобы онъ изъ него черпалъ—себѣ на благо... По истинѣ можно сказать: имѣютъ очи—да не видятъ, имѣютъ уши—да не слышатъ... А между тѣмъ... сколько горя было бы притуплено, желчи—сбе-

режено!.. Забились люди въ свои душевные муравейники, изъ которыхъ видны только кусочки копченаго неба. Засорили, множествомъ ненужныхъ заботъ, пути и тропинки, ведущія въ глубь души, къ искрѣ Божіей—и гложеть, угасаетъ святая искра, — холодѣетъ душа... А если и выберутся когда «на лоно природы» (когда ужъ очень не въ моготу станетъ въ душномъ муравейникѣ), такъ нѣтъ чтобы «отрясти прахъ» суеты повседневной, и, раскрывъ душу и сердце, черпать всеѣмъ существомъ своимъ изъ этого благого и неизсякаемаго источника! Нѣтъ! тащутъ съ собой и сюда—въ этотъ «свѣтлой храмъ»—все тотъ же суетный, угнетающій душу, соръ ежедневной городской сутолоки. Все тѣ же разговоры о житейскихъ дразгахъ, служебныхъ дѣлахъ, послѣднихъ модахъ... А тутъ, въ это время, шумитъ лѣсъ, колыхается рожь, благоухаютъ деревья, заливаются жаворонки, мелькаютъ голубые васильки... Но, все это не для нихъ—они этого не видятъ, они этого не слышатъ... «Да», продолжать диктовать дѣдушка—«ушли отъ природы, —Богъ знаетъ куда ушли!.. нѣкоторые — такъ далеко, что и дороги назадъ не найдутъ... Я, говорить, не люблю природы. Миѣ скучно, говорить, лѣтомъ въ деревнѣ. Я не могу,—мои нервы требуютъ пици, поддержки.—Безумные! Не пици, а отравы: вѣдь это тотъ же запой, тотъ же морфинизмъ! Пици! Природа расточаетъ передъ тобою лѣтомъ истинную, цѣлебную пици для твоихъ больныхъ, вырождающихся нервовъ; пици эта—свѣтъ солнечныхъ лучей и чистый воздухъ полей и лѣсовъ, а ты отъ нихъ убѣгаешь, не вѣдая что творишь! Тебѣ скучно среди природы! Скучно, потому что ты съ ней раздружился (вспомни свое дѣтство!)—ты ее забросилъ, какъ какую-то ненужную вещь — она тебѣ стала чужая... Ты скучаешь среди природы и бѣжишь въ мірскую сутолоку, гдѣ твой умъ, правда, изощряется, но духъ—притупляется. А въ результатѣ —неврастенія, душевное изсяканіе, и—если не безвременный конецъ, то—безотрадная, томительная старость...»

— А что, видно еще? Не очень темно,—спросилъ дѣдушка, выждавъ, пока были записаны послѣднія слова.

— Ничего, еще можно, отвѣтилъ юноша, перелистывая и приглаживая слѣдующую страницу.

— Ну, такъ пиши. Еще немножко... «И что хуже всего,— дѣтей своихъ тоже уводятъ отъ природы... Изгнали ее изъ школы (какъ французы Распятіе),— что имъ Гекуба!.. А гдѣ не изгнали, тамъ засушили и спрятали въ шкапы и ящики, откуда по временамъ вынимаютъ... И въ результатѣ, вмѣсто гармонично развѣвшейся, цѣльной молодой натуры—какое-то однобокое существо... кандидатъ въ декаденты, символисты, неомарксисты и разные другіе уродливыя «псты», но менѣе всего—кандидатъ на добраго гражданина, съ бодрымъ духомъ въ здоровомъ тѣлѣ...»

— Ну, будетъ, Сережа... темно,—сказалъ старикъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Спасибо, другъ! прибавилъ онъ, беря отъ внука книжку, и, всунувъ въ нее карандашъ, вложилъ обратно въ пальто.

У самаго берега, близъ бревна, сильно всплеснула крупная рыба. Красивые, широкіе круги пошли къ противоположному берегу, играя отблескомъ зари на гладкой поверхности рѣки. Съ громкимъ жужжаніемъ промелькнулъ крупный жукъ. Все больше и больше загоралось звѣздъ на небѣ; все громче и страстнѣе пѣлъ соловей—безъ умолку, безъ передышки. Нелышнымъ, колеблющимся полетомъ пролетѣлъ полуночникъ, и, скрывшись за поворотомъ рѣки, замурлыкалъ свою безконечную пѣсню. Надъ водой, мѣстами, слегка началъ клубиться туманъ и потянуло холодкомъ. Старикъ надѣлъ шляпу и застегнулъ до верху пальто. Спустя немного времени, онъ заговорилъ, нѣсколько измѣненнымъ, болѣе глухимъ, глубокимъ голосомъ:

— Случалось ли тебѣ когда нибудь, во время усердной молитвы, испытывать такое чувство, какъ будто на тебя нисходитъ какая-то теплая волна, проходить чрезъ всего тебя—насквозь, чрезъ все твое существо—и охвативъ, будто приподнимаетъ, будто уносить... Приходишь въ себя и чувствуешь, что ты уже не тотъ: твой двухъ обновленъ и просвѣтленъ. И нѣтъ тогда такой дурной вѣсти, которая могла бы смутить твой духъ,—на нѣкоторое время ты «не отъ міра сего»... Впрочемъ, тебѣ врядъ-ли случалось—слишкомъ еще юнъ; придетъ время... Такъ вотъ, нѣчто подобное такому чувству я испытываю, по временамъ, когда нахожусь одинъ, глазъ на глазъ, съ природой, въ часы особеннаго ея величія: среди покрытаго инеемъ лѣса,

среди яркихъ красокъ листопада,— на ранней утренней зарѣ,— въ часы ея великаго весенняго пробужденія... Подобныя же минуты пережилъ я и сейчасъ—передъ твоимъ сюда приходомъ—подъ вліяніемъ величественной прелести этого майскаго вечера... Я бы сказала: въ такія минуты природа *отвѣчаетъ* на мою любовь, и даритъ мнѣ, любя, величайшее земное благо—миръ душевный,— просвѣтленіе и обновленіе духа... Всю жизнь мою я подходилъ къ ней съ любовью, съ любовью учился видѣть постепенно разворачивавшуюся предо мною ея красоту и слышать ея чарующій голосъ—и вотъ она стала открываться мнѣ,—какъ древняя богиня, и приносить мнѣ свои божественные дары...

Старикъ обнялъ одной рукой сидѣвшаго рядомъ съ нимъ внука, и прижавъ его къ себѣ, продолжалъ:

— Да, мой другъ—люби природу! Люби и учись познавать ее, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь. — Вѣдь, что ни дерево—своя красота, что ни травка—своя прелесть, что ни птичка—своя пѣсня! И такъ во всемъ—во всей безконечной лѣстницѣ твореній: отъ самомазѣйшей былиночки и до величественнаго дерева, отъ человѣка—до послѣдней козявочки, отъ крошечной песчинки—до «утеса-великана», отъ самой далекой звѣздочки—до великолѣпнаго солища. А все вмѣстѣ—во всей своей цѣлокупности—удивительная, чудесная, божественная гармонія! Какъ въ музыкѣ, воспринять всю красоту гармоніи сложнаго аккорда можно не иначе, какъ имѣя развитое ухо, способное воспринять каждый отдѣльный звукъ входящій въ составъ этого аккорда—такъ и въ природѣ. И чѣмъ больше будешь ты ее познавать—во всемъ ея великомъ разнообразіи—тѣмъ болѣе будешь слышать «нотъ», «тоновъ», тѣмъ все роскошнѣе и роскошнѣе будетъ слагаться для тебя гармоническій аккордъ, тѣмъ полнѣе будетъ волна впечатленія и—богаче отзвукъ твоихъ душевныхъ струнъ. Съ любовью подходи къ Божьему творенію, съ любовью его познавай—и откроется тебѣ *великій* источникъ. Будешь изъ него черпать—не заглохнетъ въ тебѣ искра Божія. И будетъ онъ тебѣ великой отрадой, и приближимъ—въ тяжелыя минуты твоей жизни!..

При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ слегка взволнованнымъ голосомъ, старикъ крѣпко прижалъ къ себѣ своего внука.

Въ то же самое время слышался сверху, съ горы, зовущій женскій голосъ:

— Папа, Сережа! Пора домой!.. Простудитесь... Самоваръ уже второй разъ подогрѣваютъ...

— Пойдемъ, сказалъ старикъ, медленно поднимаясь съ бревна.

— Идемъ! громко откликнулся юноша на зовъ матери.

Надежда Худекова.

ТРИ ЦАРЯ.

Большой гимназистъ Гурийъ Василій вошелъ въ вагонъ третьяго класса и поспѣшилъ занять тамъ лучшее мѣсто за дверью на скамейкѣ, лицомъ къ стѣнѣ. Чемоданчикъ онъ положилъ на верхъ въ сѣтку, кошелку съ банкой варенья поставилъ въ уголъ на полъ, а футляръ со своей скрипкой около себя. Осенніе сумерки сѣро смотрѣли въ окна. Въ вагонѣ было темно; фонарей еще не зажигали. Рабочіе съ туго-набитыми холцевыми мѣшками на спинахъ, мастеровые въ чуйкахъ, вонючихъ полушубкахъ, бабы съ узлами, ребятами—все входили, толкались, хлопали дверями, кричали, ссорились и тѣсно разсаживались по мѣстамъ.

Вася очень боялся неприятнаго сосѣдства и оберегалъ свою скамейку.

Мать, провожая его изъ дома, велѣла ему ѣхать во второмъ классѣ, но онъ предпочелъ приберечь деньги на разныя покупки, и ради нихъ потерпѣть сутки всякія неудобства.

Въ кошелькѣ его лежалъ проѣздной билетъ до Москвы, нѣсколько серебряныхъ рублей, мелочь и десятирублевая бумажка. Ея-то и не хотѣлось ему мѣнять.

«Куплю себѣ, непременно, ножикъ еще лучше того, что потерялъ въ лѣсу, съ двѣнадцатью приборами, думалъ Вася.—По-

томъ струны, канифоль, нотной бумаги. Обѣщала Машѣ написать свой вальсъ — «Прощай деревня» — такъ имъ восторгалась, и чуть не плакала, когда его играла. Правда, въ немъ есть что-то трогательно-грустное... Сочиню еще «Слезы сестры» и заставлю рыдать свою скрипку».

Послѣ третьяго звонка на платформѣ, свистка съ трелью и протяжнаго гудка стрѣлочника, поѣздъ тронулся, а двери вагона все продолжали хлопать и впускать новыхъ пассажировъ.

Гимназистъ, боясь, чтобы не толкнули его кошолки съ вареньемъ, хотѣлъ поставить ее для безопасности подъ скамейку, нагнулся и увидалъ тамъ лежащаго скорченнаго мужика.

— Молчите, баринъ, сказалъ онъ ему хриплымъ шопотомъ. — Не выдавайте.

— Далеко такъ поѣдешь? спросилъ его Вася.

— Тамъ видно будетъ... Надеть-то въ Москву. Мостовицки будемъ, такъ на работу. Купилъ хозяйкѣ корову, на билетъ-то нехватка и вышла, продолжалъ шептать «заяц».

— А ты хотя ночью вылѣзай на станціяхъ — никто не замѣтитъ, а то отлежишь себѣ и ноги, и руки, потомъ не встанешь.

— Забота!

Вася легъ на твердую скамейку, снялъ съ себя пальто и спустилъ его до полу.

«Его такъ не увидеть, подумалъ онъ. — И какъ могъ забраться туда такой большой мужикъ? Ему и тѣсно тамъ, и больно, и душно — настоящая пытка инквизиціи. При слѣдующей остановкѣ куплю ему бутылку пива. Пускай, хоть горло себѣ промочить».

Въ вагонѣ стояла мгла отъ дыма и смрада. Пахло дурнымъ ѣдкимъ табакомъ, овчинными тулупами, сапогами. Слышался говоръ грубыхъ голосовъ, громкій храпъ спящихъ, неумолкаемый надоѣдливый крикъ ребенка.

Вася лежалъ неподвижно и скверно себя чувствовалъ. Его тошнило отъ запаха махорки. Холодная струя воздуха дула изъ скважинъ окна прямо ему въ лицо, пробиралась за воротникъ по спинѣ. Лежать было жестко, неловко; ноги сползали съ узкой скамейки; каждый толчекъ отдавалъ въ голову. Вася началъ прислушиваться къ ритмическому стуку колесъ, къ шуму движенія поѣзда, къ завыванію вѣтра.

Смѣшеніе этихъ разнообразныхъ звуковъ казалось ему музыкой, полной стройной гармоніи. Казалось, точно громадный оркестръ съ сотней инструментовъ разыгрывалъ грандіозную симфонію, которая переносила его — то на страшное поле со свистомъ пуль, съ грохотомъ пушекъ, съ крикомъ, стонами несчастныхъ, то вела въ свѣтлую страну мира, красоты, гдѣ журчаль ручеекъ, щебетали птицы и влюбленные. Тихая мелодія лилась подъ аккомпаниментомъ иѣжныхъ струнъ; ее пѣла скрипка Васи. Онъ ловилъ ее, а она исчезала въ шумномъ потокѣ новыхъ звуковъ, потомъ возвращалась опять, точно дразня его.

Мелодія звучала такъ прекрасно; навѣвала сладкія мечты, чувства блаженства.

Слушая ее, Вася забылъ про свою тошноту, забылъ все окружающее и про несчастнаго «зайца» подъ собой.

Поѣздъ два раза останавливался уже на станціяхъ.

Гармоничный гулъ, ревъ, шумные аккорды воображаемаго оркестра затихали, а музыкальная фраза, все одна и та же, продолжала повторяться въ ушахъ Васи и сильнѣй овладѣвать имъ.

— Станція Пески. Поѣздъ стоитъ семь минутъ! прокричалъ кондукторъ у окна.

Вася вздрогнулъ, очнулся и вышелъ на платформу. Тамъ онъ купилъ бутылку пива и снова вернулся въ вагонъ. Когда гимназистъ налилъ стаканъ пивомъ и опустилъ его подъ скамейку, оттуда, изъ чернаго отверстія протянулась къ нему большая дрожащая рука, и хриплый голосъ проговорилъ: «спасибо».

«А вдругъ онъ тамъ умретъ?» мелькнуло въ головѣ Васи. Ему стало такъ жаль этого неизвѣстнаго человѣка, который могъ задохнуться, окоченѣть изъ-за коровы, — что онъ, не задумавшись, досталъ свою десятирублевую бумажку и подаль ему ее.

— Возьми себѣ билетъ на слѣдующей же станціи — слышешь?

— Слышу. Спасибо, баринъ добрый! послышалось опять изъ темноты.

Довольный, счастливый тѣмъ, что спасъ человѣка, Вася легъ опять и хотѣлъ было заснуть, но радостное чувство прогоняло сонъ. Являлось желаніе говорить, слушать того, кто долженъ былъ также понимать эту радость.

— Вылѣзай теперь, садись. Все спать, никто тебя не увидитъ, сказалъ Вася, свѣсивъ голову къ своему невидимому спутнику.

Отвѣта не было.

Мальчику сильно хотѣлось посмотрѣть на лежащаго поднимъ мужика, но вмѣстѣ съ тѣмъ неловко было это сдѣлать.

Послѣ долгаго раздумья онъ рѣшился зажечь спичку и заглянуть подъ скамейку.

Сапоги, борода, голова, локти—все было собрано тамъ вмѣстѣ и представляло безформенную массу. Большіе сѣрые глаза изъ-за нависшихъ лохматыхъ волосъ смотрѣли на Васю мутнымъ взглядомъ и глядѣли не моргая.

— Не можешь, что ли, встать?.. Не помочь ли тебѣ? предложилъ Вася.

— Не надо, нетревожь, проговорилъ неохотно мужикъ. Вася постоялъ передъ нимъ въ смущеніи и снова улегся на свое мѣсто. Онъ весь дрожалъ отъ страха.

— Умереть... умереть подо мной, и я буду лежать на его трупѣ. Онъ старался отгонять отъ себя страшныя мысли, припоминать что нибудь пріятное, веселое, но этого ему не удавалось. Колеса вагона стучали, ударили молотками ему въ виски; голова тяжелѣла, и онъ заснулъ тревожнымъ сномъ, продолжая чувствовать тотъ же страхъ, что и на яву.

Вася видѣлъ свои руки. Онѣ постепенно синѣли, принимали стальной цвѣтъ; сперва холодѣли пальцы, потомъ холодъ поднимался выше, до плечъ. Все члены теряли свою гибкость, онъ весь становился желѣзнымъ и начиналъ погружаться куда-то все глубже и глубже... Голова его упала на другую голову съ мутными глазами, изъ которыхъ капали слезы. Тѣло грузно легло на чужія плечи, бедра, и ихъ кости затрещали подъ его тяжестью; ихъ давила собой и скрипка въ своемъ лакированномъ футлярѣ. Вася метался, дѣлалъ усилія, хотѣлъ подняться, освободить мужика, но не могъ встать на ноги и продолжалъ все больше налегать и давить его. Тотъ оставался все также неподвижнымъ и тихо стоналъ отъ боли...

Сильный толчекъ встряхнулъ спящаго гимназиста. Онъ проснулся.

Поѣздъ стоялъ на большой станціи. «Зайца» подъ скамей-

кой ужь не было. Вася опустил окно и вдохнул въ себя холодный ночной воздухъ.

Блѣдный опрокинутый серпъ луны тихо выплывалъ изъ-за вѣтвей большихъ деревьевъ; сбоку стоялъ темный силуэтъ церкви съ высокой колокольной; на самомъ крестѣ ея горѣла мягкимъ, теплымъ свѣтомъ звѣзда, надъ нею другая, блестящая, а выше еще, на ровномъ разстояніи, искрилась и переливала яркими цвѣтами третья, — всѣ три звѣзды сіяли какой-то особенной таинственной красотой.

«Три царя!» прошепталъ Вася.

И сердце его забилось отъ радости и восторга.

Онъ давно уже мечталъ видѣть созвѣздіе Оріона, но этого ему не удавалось, потому что онъ всегда спалъ передъ разсвѣтомъ, въ то время, когда оно появлялось на востокѣ.

Теперь въ этой новой незнакомой мѣстности, послѣ многихъ пережитыхъ имъ думъ и ощущеній, видъ красиваго созвѣздія былъ полнъ символическаго значенія для Васи.

«Три царя, три силы! думалъ онъ. — И эти силы: любовь, творчество и разумъ. Та, первая звѣзда, которая выходитъ изъ креста, точно дышитъ теплотой и согрѣваетъ меня; блескъ другой — ослѣпляетъ, кружитъ мою голову и заставляетъ все забывать; надъ ними царитъ звѣзда большая и точно держитъ ихъ своей силой. Быть можетъ и я рожденъ подъ этимъ созвѣздіемъ, и «Три царя» будутъ руководить моею жизнью!»

Вася долго мечтательно любовался звѣздами. Поѣздъ давно ужь мчался впередъ, а «Три царя» все стояли передъ нимъ въ своей таинственной красотѣ.

Г. Г. Свѣрцовъ (Г. Полиловъ).

КРОВАВЫЙ ЦВѢТОКЪ.

— Изъ моихъ воспоминаній объ old merry England (старой, доброй Англїи), гдѣ мнѣ пришлось четверть вѣка тому назадъ прожить нѣсколько лѣтъ, мало что осталось въ моей памяти.

Такъ отвѣтилъ Максимъ Ермолаевичъ, крупный финансовый дѣятель, на просьбу немногочисленнаго кружка его друзей, расположившихся послѣ обѣда въ его кабинетѣ за кофе съ ликерами, рассказать что нибудь объ его жизни въ Великобританїи.

— Неужели этотъ періодъ времени совершенно улетучился изъ вашихъ воспоминаній? шутливо-насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, жизнерадостный блондинъ, бухгалтеръ того кредитнаго учрежденія, гдѣ былъ директоромъ хозяинъ.

— Извѣстный промежутокъ времени сглаживаетъ тѣ особенности, ту рельефность впечатлѣнїя, которыя могли обратить вниманіе тогда, впрочемъ....

И Синевъ внезапно умолкъ...

Его крупная, чисто-русская, немного расплывчатая фигура, съ большою темнорусою бородою, вдумчивыми сѣрыми глазами еще глубже ушла въ кресло, на которомъ онъ сидѣлъ; лѣвая рука нетерпѣливо терла высокій лобъ, тогда какъ правая лежала безъ движенія на ручкѣ кресла.

— Это небольшая исторія, впрочемъ въ то время меня очень интересовавшая, и если желаете—я вамъ ее расскажу.

Въ согласіи слушателей нельзя было сомнѣваться.

— Посланный моимъ покойнымъ отцомъ въ Лондонъ, чтобы изучить условія иностранной торговли, я, благодаря привезеннымъ съ собою рекомендаціямъ, скоро нашелъ себѣ мѣсто въ одной изъ лондонскихъ фирмъ. Изумленію моему не было предѣла, когда я узналъ, что долженъ служить даромъ, только ради практики.

Долго думать мнѣ было нельзя, и уже на другой день я сидѣлъ въ темноватомъ бюро моихъ новыхъ хозяевъ, усердно выписывая всевозможные коноссаменты и счета.

Къ моему изумленію и, нужно прибавить, къ нескрываемому удовольствію, въ числѣ служащихъ фирмы Куксманъ и К^о я встрѣтилъ моего соотечественника, Василія Венедиктова.

Кто изъ васъ, господа, не знаетъ, какъ пріятно встрѣтить на чужбинѣ земляка? Одна возможность говорить на родномъ языкѣ, послѣ постоянныхъ «oh yes! all right!» англичанъ, невольно заставляетъ сейчасъ же сойтись со своимъ соотечественникомъ.

Это случилось и между нами. Не прошло и двухъ дней, какъ я и Вася стали неразлучными друзьями. Вы смѣтаете, господа, но вѣдь четверть вѣка отдѣляютъ васъ отъ того времени, когда еще вѣрили въ дружбу, когда скептицизмъ далеко не такъ сильно владѣлъ сердцами людей.

Я жилъ на Chester square, а мой пріятель, ютился гдѣ-то недалеко отъ самого City. Въ будни занятія въ office (конторѣ) настолько утомляли насъ, что о прогулкахъ или развлеченияхъ вечеромъ не было и рѣчи,—каждый изъ насъ былъ вполне счастливъ вернуться къ себѣ домой, пообѣдать, выпить четверть пинты хорошаго портера и взять какуюнибудь книгу съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же задремать, пока рѣзкій голосъ служанки не разбудитъ къ чаю. Но зато въ субботу вечеромъ и все воскресенье мы посвящали время увеселеньямъ всякаго рода, начиная отъ безцѣльнаго шатанья по Пиккадилли и кончая поѣздками въ Итонъ, Вульвичъ и прочіе интересные по своему прошлому города и мѣстечки. Въ одно изъ воскресеній мы попали на скачки, въ небольшой городокъ New-Market.

— Проклятый городишка! ворчалъ мой пріятель, раздосадованный проигрышемъ на скачкахъ; большая часть нашихъ скромныхъ средствъ перешла въ широкіе карманы букмекеровъ.

Это было еще тѣмъ досадиѣе, что отыгратъ не было возможности, стоялъ конецъ іюля и сегодняшнія скачки были послѣдними. Іюльское солнце палило немилосердно, когда намъ удалось добраться до небольшой харчевни, чтобы скрыться отъ зноя и выпить прохладительнаго. Три съ половиной часа, проведенные на ипподромѣ, все время на солнцѣ, превратили насъ въ какой-то студень. Какъ пріятно было опуститься на стулья послѣ долгаго стоянья на ногахъ. Кромѣ насъ въ харчевнѣ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Это тоже были счастливые или несчастливые участники минувшихъ скачекъ. Среди шума и возгласовъ полушьяной толпы, вдругъ послышался плаксивый голосъ продавца и исполнителя балладъ, до сихъ поръ находящихъ себѣ любителей и цѣнителей въ Англіи.

— Э, гей, Джимъ, что же ты раньше не приходилъ, слышался хриплый голосъ молодого парня,— я бы тогда не проигрался. Куда это тебя носить только! закончилъ говорившій недовольно.

— Ну, что за бѣда, ты проигралъ, а я выигралъ, замѣтилъ другой изъ компаніи.

— Rascal! (разбойникъ) твой кошелекъ пополнѣлъ за счетъ моего, отвѣтилъ первый,— такимъ людямъ какъ ты — счастье валить.

Ссора разгоралась.

Напрасно удерживали благоразумные изъ ихъ компаніи двухъ противниковъ, Билль ругалъ Джонни невозможнымъ образомъ. Драка была недалеко; и дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ оба парня схватились, осыпая лицо противника кулачными ударами по всѣмъ правиламъ бокса.

Исполнитель балладъ, испитой, чахлый старикъ, лѣтъ пятидесяти, очутился во время драки около насъ, и увлеченный, какъ истинный британецъ, исходомъ борьбы, держалъ пари съ другими зрителями.

Борцы неудовольствовались тѣснымъ помѣщеніемъ харчевни, выбѣжали на дугъ, лежащій передъ домомъ и тамъ продолжали бой.

Подобно древнимъ пѣвцамъ и поэтамъ, воспѣвавшимъ героевъ, торговецъ балладами воодушевился и началъ гнусавымъ голосомъ пѣть о битвѣ, когда-то происшедшей между англо-саксами и норманами въ окрестностяхъ New-Market'a.

Расквасивъ другъ другу носы, боксеры прекратили свое достойное занятіе и, минуто спустя, мирно бесѣдовали за кружкою портера. Нашъ же исполнитель балладъ продолжалъ машинально гнусавить слова баллады.

Меня все больше и больше интересовалъ сюжетъ ея. Въ немъ рассказывалось, какъ осажденные въ замкѣ англо-саксы долго держались противъ врага, но когда всѣ запасы были истощены, когда колодцы, снабжавшіе замокъ водою, изсыкли, осажденные предложили норманамъ сразиться грудь съ грудью во рву замка. «Чѣмъ судьба рѣшить, такъ и будетъ». Нормандцы согласились и враждующіе сошлись. Бой длился долго, но въ концѣ все же былъ неблагоприятенъ для осажденныхъ, они всѣ полегли во рву,—съ ними вмѣстѣ пало не мало и нормановъ.

«Вѣка прошли, упали стѣны, травой заросли бойницы, паутина заволокла покои въ башняхъ. Гдѣ былъ дворъ—тамъ теперь стоитъ лѣсъ, гдѣ струился ручей—тамъ прошла соха пахаря,—все заустѣло, все одичало. Люди, ихъ злоба, ненависть, раздоры—все глубоко спить подъ землю. Все тихо вокругъ, ничто не напоминаетъ о минувшемъ, только одинъ цвѣтокъ, только одинъ Bloody Flower (кровоавый цвѣтокъ) говоритъ людямъ о томъ, что здѣсь произошло. Онъ даетъ имъ счастье и горе».

Пѣвецъ закончилъ свою балладу и хотѣлъ уже уходить, получивъ нѣсколько пенсовъ за печатный текстъ исполненной имъ баллады.

Меня очень заинтересовала она и я, толкнувъ товарища, послѣдовалъ за старымъ Джимомъ.

День уже клонился къ вечеру, солнце не такъ пекло какъ раньше, утомленная природа сбрасывала съ себя это томленіе, въ которое была погружена цѣлый день. Побурѣвшіе кустики травы вдоль дороги безпомощно глядѣли изъ окутавшей ихъ пыли. Золотившіеся подъ косыми лучами заходившаго солнца поля спѣющаго ячменя, слегка волнуемая вѣтромъ, перели-

вались точно море. Кое-гдѣ свѣтло-зеленымъ бордюромъ отгѣняли ихъ узкія полоски льна. Высохшіе колосья пшеницы гармонично шептались другъ съ другомъ. Густой коверъ клевера, съ малиновыми и бѣлыми помпонами манилъ повалиться на немъ.. На скошенныхъ уже лугахъ бродилъ скоть, melancholично позвякивая жестяными колокольцами. Высоко въ воздухѣ звенѣлъ запоздавшій невидимый жаворонокъ, кузнечики и стрекозы тянули свою однообразную пѣсенку.

Общая гармонія природы какъ-то возстановлялась при полной безлюдности дороги. Изъ покинутой только-что нами харчевни неся рѣзкій гулъ голосовъ.

Старый балладчикъ неторопясь шагаль по пыльной дорогѣ. Его небольшой ящикъ съ печатными экземплярами балладъ висѣлъ у него за спиной. Вся бурая отъ непогоды широкополая шляпа не мѣшала сильно выющимся волосамъ Джима выбиваться изъ-подъ полей ея.

Догнать его не представляло труда. Онъ испуганно посмотрѣлъ на насъ, когда мы поровнились съ нимъ и пошли рядомъ.

— Скажите, пожалуйста, Джимъ, сказалъ я ему, — существуетъ это мѣсто и до сихъ поръ, о которомъ говорить ваша баллада?

Старикъ презрительно взглянулъ на меня и проговорилъ:

— Все, что старый Джимъ поетъ въ своихъ балладахъ — все это правда.

— А вы можете показать намъ это мѣсто?

— Показать я вамъ его покажу, только прошу васъ, не рвите Bloody flower, онъ рѣдко приноситъ счастье, чаще горе, несчастье!

Мы оба охотно дали Джиму обѣщаніе, что не тронемъ его «Кроваваго цвѣтка» и успокоенный этимъ, онъ насъ повелъ къ мѣсту знаменитой битвы.

Далеко загородомъ, мы встрѣтили жалкія развалины древнихъ укрѣпленій. Приближаясь ближе къ мѣсту битвы, мой товарищъ вскрикнулъ отъ восхищенія.

Все пространство, лежащаго подъ нашими ногами широкаго рва, было покрыто крупными, ярко красными цвѣтами. Толстые, съ колючками, въ родѣ кактуса, листья, еле виднѣлись

среди пяти-листныхъ красныхъ цвѣтовъ. Ровъ казался залитымъ кровью.

— Вотъ видите эти цвѣты, сказалъ нашъ проводникъ, — они выросли на костяхъ и пролитой здѣсь крови. — Нигдѣ, кромѣ этого мѣста, въ нашей Англии вы не найдете подобныхъ цвѣтовъ, да и у насъ они цвѣтутъ только въ юлѣ. — Изъ листьевъ, если ихъ разрѣзать, течетъ сокъ, точно молоко. — Много горя придется испытать тому человѣку, кто сорветъ хоть одинъ цвѣтокъ. Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ, но только очень рѣдко. Когда же дѣйствительно цвѣтокъ принесетъ счастье, то оно никогда уже не измѣняется.

Старикъ съ суевѣрнымъ страхомъ глядѣлъ на цвѣты.

Невольно подъ обаяніемъ разсказа и мною овладѣло какое-то непріятное чувство, между тѣмъ страстное желаніе сорвать хотя одинъ изъ этихъ роскошныхъ пятилистныхъ цвѣтовъ не оставило меня въ покоѣ.

— Мало ли что брешетъ выжившій изъ ума старикъ, замѣтилъ Венедиктовъ по-русски, — сорвемъ по цвѣточку на память, да и поѣдемъ домой.

И, послушавъ его, я сорвалъ себѣ и ему по цвѣтку. Когда вернулся взбиравшійся въ руины Джимъ, я и Венедиктовъ сирятали сорванные цвѣты въ шляпы; нашъ поступокъ былъ имъ незамѣченъ.

— Если вы, молодые господа, желаете, можно посмотрѣть и руины, замѣтилъ онъ и предложилъ подняться выше.

Мы охотно согласились и, карабкаясь по крутому скату, начали взбираться въ старую крѣпость.

Первымъ наверху очутился я и съ восхищеніемъ сталъ осматривать разстилавшіеся кругомъ меня живописные виды.

Глубокій ровъ, изъ котораго я поднялся, сплошно усѣянный красными цвѣтами сверху, еще болѣе казался наполненнымъ кровью. Страшное чувство отвращенія при этомъ сходствѣ заставило меня обратить вниманіе на другую сторону холма.

Безконечная панорама воздѣланныхъ полей красивою лентою убѣгала вдаль.

Я невольно залюбовался ею, какъ вдругъ внезапный крикъ проводника заставилъ меня быстро оглянуться назадъ.

Венедиктовъ, уже достигнувшій вершины холма, оступив-

пись, быстро катился къ низу, тогда какъ продавецъ балладъ, крича, звалъ меня на помощь.

Подобное паденіе не могло принести много вреда моему пріятелю: густая трава ската смягчала паденіе его, и я не безпокоился о немъ.

Онъ быстро скатился въ ровъ и чернымъ пятномъ выдѣлялся на кровавомъ коврѣ.

— Ну, Вася, вставай, полно валяться! крикнулъ я ему сверху. Но Венедиктовъ оставался неподвижнымъ.

Видя, что мой пріятель мнѣ не отвѣчаетъ, я быстро спустился изъ развалинъ въ ровъ и бросился къ нему.

Венедиктовъ, не смотря на мои толчки, не двигался. Предполагая, что онъ въ обморокѣ, я старался привести его въ чувство.

Увы, мои усилія были напрасны: Вася не подавалъ признаковъ жизни и когда я, съ помощью проводника поднялъ его, небольшая струйка крови, бѣжавшая изъ лѣваго его виска, объяснила намъ печальную истину.

Венедиктовъ былъ мертвъ.

При своемъ паденіи, онъ ударился во рву головою объ лежацій тамъ камень, послѣдствіемъ удара была смерть.

Кромѣ этого большого камня, во рву не было другого. Несчастный случай заставилъ его какъ будто нарочно упасть именно въ этомъ мѣстѣ.

При паденіи, шляпа свалилась съ его головы и роковой, сорванный имъ цвѣтокъ валялся около него, своимъ завялымъ видомъ обращая на себя вниманіе проводника.

— Не послушалъ меня господинъ, сорвалъ цвѣтокъ, грустно проговорилъ старикъ, — несчастье его и постигло.

Все еще словно не вѣря тому, что за минуту передъ этимъ полный силъ юноша лежалъ передъ нами холоднымъ трупомъ, мы съ проводникомъ, осторожно поднявъ Венедиктова, понесли его въ городъ въ гостиницу.

Приглашенный врачъ подтвердилъ намъ смерть моего пріятеля.

Мнѣ было жалко его, какъ постоянного спутника и товарища, но горе въ молодые годы забывчиво и я скоро забылъ о землякѣ, скрасившимъ первые мѣсяцы моего скучнаго пребыванія въ Англій. Была ли здѣсь случайность, отомстилъ ли

сорванный цвѣтокъ за себя,—рѣшить невозможно, это внѣ нашихъ понятій, хотя вы, люди новѣйшей формаціи, несомнѣнно улыбнетесь на это. Сохранившійся у меня цвѣтокъ до сихъ поръ приносилъ мнѣ только счастье, вы это сами знаете, и горя мнѣ приходилось испытывать мало.

— Вотъ, посмотрите, продолжалъ хозяинъ, доставая изъ письменнаго стола коробку со стеклянной крышкою.

Совершенно высохшій цвѣтокъ лежалъ въ коробкѣ. Цвѣтъ его, цвѣтъ человѣческой крови,—сохранился превосходно.

— Вотъ и вся моя исторія, заключилъ хозяинъ, пряча снова въ письменный столъ коробку съ цвѣткомъ.— Разказанный вамъ мною эпизодъ юныхъ лѣтъ, хотя можетъ быть и мало интересенъ, но справедливъ.

Гости прихлебнули изъ чашекъ ароматный кофе и молча согласились съ Максимомъ Ермолаевичемъ.

П. Н. Полевой.

ВЪСТОЧКА ИЗДАЛЕКА.

Въ деревнѣ, рядомъ съ нашей усадьбой, жилъ мужикъ, — Наумомъ звали. Хорошій мужикъ, дѣльный, на работу ретивый; троякъ сыновей воспиталъ и поднялъ, такихъ же, какъ онъ самъ, работниковъ; но только счастье ему съ дѣтками не было на роду написано. Одинъ сынъ, въ весеннюю пору, съ «лучёмъ» за рыбой поѣхалъ, намѣтилъ острогою рыбу, ударилъ — да острога переломилась, онъ въ воду изъ челна упалъ и потонулъ въ разливѣ; другой — на службѣ — въ конницу попалъ, да гдѣ-то на парадѣ, какъ пустили ихъ полкъ маршь-маршемъ, съ лошади свернулся и былъ такъ истоптанъ, что только два часа пожилъ и Богу душу отдалъ. Третій ушелъ въ лѣсное задѣлье, работалъ два мѣсяца у подрядчика, и тотъ такъ былъ имъ доволенъ, что надъ всей артелью старшимъ сдѣлалъ — да попалъ въ тѣсноту между деревъ, когда большущую сосну валили, и его на-смерть придавило толстымъ сукомъ: только охнуть успѣлъ, и глаза закатилъ...

Осталась у Наума одна дочка: Танюша — славная такая дѣвушка, тихая, скромная и на все въ крестьянствѣ искусная: и прясть, и ткать, и хлѣбы печь мастерица, и собой миловидная, смазливенькая. Всѣ парни въ околоткѣ за ней ухаживали; всѣ бабы въ одинъ голосъ Наумовой женѣ говорили:

— Тебѣ объ дочкѣ заботы нѣтъ: ее у тебя съ руками оторвутъ...

И точно: чуть минулъ Танюшѣ восемнадцатый годъ, пошли на дворъ къ Науму сваты за сватами:

— Отдай, да отдай дочку... У тебя товаръ, а у насъ купецъ...

А Науму жалко съ единымъ дѣтищемъ разстаться, и всѣмъ онъ одинъ отвѣтъ даетъ:

— Молода еще она; обождать надо годокъ-другой...

И вдругъ стряслась бѣда неожиданная-негаданная! Чтò съ Танюшей приключилось — никто не зналъ и сказать не могъ, — а только прошелъ по деревни слухъ, что Танюша затяжелѣла... Сидитъ по цѣлымъ днямъ въ уголку въ избѣ, плачетъ горькими слезами, и на всѣ разпросы отца и матери одно только и твердить:

— Знать не знаю, чтò со мною приключилось... Хоть сейчасъ икону снять — не знаю за собой никакого грѣха.

Наумъ и уговаривалъ, и грозилъ, и распрашивалъ; а дочка все стоитъ на своемъ:

— Убей меня Богъ, — ничего не знаю, и ничего сказать не могу...

А сама день-ото-дня все больше и больше толстѣеть: со стороны посмотрѣть — какъ есть тяжелая. И все-то она болѣетъ, все недомогаетъ: почернѣла, похудѣла — куда и красота дѣвичья подѣвалась!..

Однако прошло много мѣсяцевъ, а дѣло къ концу не подвигается... Опалъ животъ у Танюши, потомъ опять вздулся, а хворьба ее пуще одолеваетъ... Ужъ она то на печи, то на лавкѣ пласточкомъ лежитъ, и подняться не можетъ — только стонетъ. Потомъ совсѣмъ пропала ея толщина; но зато по всему тѣлу пошли какіе-то струнья, раны подѣлались — мѹка такая, что и описать нельзя...

Стали люди Науму говорить: «испорчена у тебя дѣвка! Позавидовали ея красотѣ злые люди! Ты бы къ себѣ знахаря позвалъ...»

Однако же Наумъ ихъ не послушалъ — съѣздилъ въ волость, привезъ оттуда фельдшера изъ больницы, рубля и угощенья ему не пожалѣлъ — показалъ ему Танюшу, просилъ помочь ей въ ея страданіяхъ.

Фельдшеръ осмотрѣлъ Танюшу внимательно, назвалъ ее болѣзнь какимъ-то мудренымъ словомъ и добавилъ:

— Эту болѣзнь лѣчить нельзя... Сама должна пройти. А впрочемъ, я тебѣ такое смазыванье дамъ...

Рубль отъ Наума взялъ, полштофъ выпилъ и уѣхалъ. И точно: смазыванье прислалъ. Попробовалъ Наумъ со своей хозяйкой смазывать Танюшу фельдшерской мазью; но какъ только одинъ струнъ смажутъ, такъ рядомъ, вокругъ него, пять или шесть волдырей вскочить... Бросили мазь; призвали знахаря. Тотъ и надъ ковшикомъ напоятывалъ, и съ уголька ее обдувалъ, и курилъ въ избѣ какими-то смолами, и травами Танюшу поилъ — взялъ за это овчину, да мѣшокъ житныхъ крупъ, посулился и еще побывать, да и былъ таковъ...

Видитъ Танюша, что ей облегченья нѣтъ, а болѣеть она ужъ поболѣе года, и говоритъ она отцу съ матерью:

— Я дала обѣтъ сходить къ Соловецкимъ чудотворцамъ, коли Богъ моей болѣзни облегченье пошлетъ... Ужъ вы меня благословите, и въ чемъ я завѣчалась, не препятствуйте.

Обѣщались родители на ея волю запрета не класть, — и такъ, около Святой, вдругъ Танюшѣ легче стало... Струнья стали одни за другимъ подсыхать и пропадать, и она сама бодрѣе стала и прояснила. Только все еще слабость одолѣвала и работать она ничего не могла. Однако же кое-какъ поправились, и чуть только весной повѣяло (а еще снѣгъ лежалъ въ поляхъ), стала Танюша въ дорогу собираться.

Сладили ей родители новенькій полшубочекъ, двѣ пары лапотокъ сплели, котомочку справили и денегъ три рубля въ исподъ сарафана зашили... Побрела она по дорожкѣ съ другими богомолками да странницами. Батка съ маткой ее за двадцать верстъ до сосѣдняго прихода проводили, молебень отслужили напутственный, простились съ дочкой — да только ее и видѣли.

Прошло три мѣсяца, и пришла отъ нея вѣсточка: такъ и такъ, моль — жива и здорова, и черезъ три дня поплыву пучиной морскою ко святой обители. А потомъ и вѣсть запала... И полгода проходить, и годъ къ концу близится — нѣтъ ни самой Танюши, ни о ней вѣсточки! Подалъ Наумъ и становому прошеніе съ объявкою, что дочь пропала, и земскому, и во-

лостному старшинѣ кланялся: о справкахъ просилъ — и все безъ проку. Только и слышитъ ото всѣхъ: «писали, а отповѣди нѣтъ! Не десять же разъ о твоей дочкѣ писать!»

Вотъ и взгоревался однажды Наумъ, и говорить своей хозяйкѣ:

— А что, старуха! Видно, намъ съ тобой не видать нашей голубки? Надо бы ее хоть въ поминанье вписать, что-ли?

— Какъ это можно! живого человѣка — да въ поминанье! говоритъ хозяйка мужу. — Ужь прежде, чѣмъ поминать, сходи-ка ты къ Аринушкѣ, да съ ней потолкуй — что она тебѣ скажетъ?

Аринушка жила въ сосѣднемъ селѣ, и была ветхая, претветхая старушка Божья. Никто во всемъ околоткѣ не помнилъ, сколько ей лѣтъ — и пожалуй ужъ поболѣе двухъ десятковъ лѣтъ кормилась она на мірской счетъ, потому что давно была безъ ногъ. Только надо правду сказать: никто Аринушку не попрекалъ мірскимъ хлѣбомъ, и всѣ дѣвки, всѣ бабы, по очереди, за убогой старушкой охотно ухаживали — словно бы она была всѣмъ родная. И она всѣмъ за хлѣбъ и за ласку тѣмъ платила, что, не покладая рукъ, на всѣхъ прядла... Принесутъ ей, кто шерсти, кто льну, навяжутъ на гребень, дадутъ веретено въ руки — и пошла Аринушка прядь... Про нее даже и поговорка сложилась:

— И всякъ спляшетъ, да не какъ скоморохъ! И всякъ спрядетъ, да не какъ Аринушка!

А сверхъ того, во всѣхъ бѣдахъ, во всѣхъ затрудненіяхъ, всѣ шли за совѣтомъ къ Аринушкѣ, и она своимъ стародавнимъ опытомъ многимъ служила на пользу...

Вотъ и пришелъ къ Аринушкѣ Наумъ; вошелъ въ ея крошечную, убогую избѣнку, гдѣ она всегда въ одномъ и томъ же углу на лавочкѣ сидѣла и прядла... А около нея, тоже за пряжей, дѣвчоночка очередная, для услугъ и помощи — и тоже за пряжей.

— Здравствуй, Аринушка! сказалъ ей Наумъ, и положилъ передъ нею пятокъ свѣжихъ яичекъ на поклонъ.

— Аль за нуждой какой тебя ко мнѣ Богъ принесъ? проговорила Аринушка, оставляя веретено и проицательно взглядывая на Наума.

— Ужь вѣстимо, за нуждой! проговорилъ мужикъ со вздохомъ, опускаясь около Аринушки на лавку.

— Что-жь? Сказывай! ласково отозвалась старушка, и выслала дѣвочку изъ избы на улицу.

Мужикъ все разсказалъ ей о дочкѣ, безъ всякой утайки; разсказалъ и какъ она на богомолье въ Соловки пошла, какъ имъ оттуда вѣсточку прислала, какъ потомъ пропала невѣдомо гдѣ, и какъ онъ у всѣхъ властей пороги пообивалъ, наводя о ней справки...

— Посовѣтуй ты мнѣ, родимая, какъ мнѣ быть, какъ объ дочкѣ — живой ли, мертвой ли — вѣсточку добыть? Ужь я ее и поминать собрался, да жена...

Мужикъ не договорилъ и утеръ кулакомъ слезы, которые покатались у него изъ глазъ, непрошенные.

— Какъ можно живого человѣка поминать! проговорила Аринушка. — Это — великій грѣхъ, и ему ущербъ. Надо прежде дознаться — жива ли она?

И старушка задумалась и смолкла; молчалъ и Наумъ, выжидая ея слова.

— Вотъ ты что сдѣлай, сказала наконецъ Аринушка. — Какъ пойдешь къ Христовой заутрени, такъ ты, при самомъ началѣ христосованья, ни съ кѣмъ не христосуйся, а выйди на паперть, да первому встрѣчному и скажи, громко да внятно таково: «Христось воскресе, Таня!» Тогда ужь непременно твоя дочка, живая ли, мертвая ли, отзовется — и ты отъ нея вѣсточку вскорѣ получишь...

Такъ мужикъ, по совѣту Аринушки, и сдѣлалъ. Ранѣшенько забрался въ церковь къ Христовой заутренѣ, забился въ самый дальній и темный уголь, сталъ тамъ на колѣни и молится своею короткою, мужицкою молитвою:

«Просвѣти меня, Господи! Пошли милость твою, — дай мнѣ о дочкѣ вѣсточку!»

Чуть только зашѣли «Христось воскресе», и всѣ около Наума стали христосоваться, онъ пробрался къ выходу и вышелъ на паперть.

Видить, темно и пусто въ церковной оградѣ. На облачномъ небѣ — ни звѣздочки, и только теплый, весенній вѣтерокъ, пророча на утро дождь, тянетъ по могилкамъ. Наумъ только что уста открылъ, какъ видитъ — слѣшитъ къ нему кто-то въ темнотѣ черезъ ограду — небольшенькій, словно подросточекъ...

И едва только успѣлъ Наумъ проговорить: «Христосъ воскресе, Тани!» — что-то холодное пахнуло ему въ лицо и коснулось ледянными устами его устъ, вытянутыхъ для христосованья.

Наумъ вздрогнулъ и отшатнулся... И видитъ: никого кругомъ... Темно... Только изъ церкви долетаетъ ликующее пѣніе клира и гулъ голосовъ, повторяющихъ: «Христосъ воскресе!»... «Воистину воскресе!»...

И вдругъ началъ на бѣднаго Наума такой страхъ, такой трепеть, что онъ опрометью бросился обратно въ церковь, и долго еще тамъ не могъ успокоиться, не могъ прійти въ себя.

Подъ утро, вернувшись домой отъ обѣдни, онъ все рассказалъ своей хозяйкѣ; а недѣлю спустя, Наума призвали въ станъ, и становой предъявилъ ему бумагу, въ которой значилось, что дочь его, на обратномъ пути изъ Соловковъ, умерла, еще годъ тому назадъ, въ такомъ-то посадѣ, да тамъ и схоронена.

Ольга Накко.

ДНИ МОЛОДОСТИ.

(изъ жизни Пушкина въ Кишиневѣ).

I.

Чудное октябрьское утро, освѣщенное теплыми лучами солнца. Всюду раздается говоръ молдавской рѣчи. Благодаря тихой погодѣ и недавнимъ дождямъ, пыль на улицахъ улеглась. По нимъ бродятъ домашнія животныя въ перемежку съ простолюдинами изъ молдаванъ, грековъ, цыганъ; иногда встрѣчаются турки, изрѣдка — русскіе. Богатый классъ, боеры, считаютъ позорнымъ ходить пѣшкомъ по улицамъ, они ступаютъ только по дорожкамъ своихъ домашнихъ садовъ, а къ знакомымъ и роднымъ ѣздятъ, — если даже тѣ живутъ всего черезъ улицу. Живутъ боеры въ собственныхъ домахъ, всего 4—5 зимнихъ мѣсяцевъ, чтобы повеселиться и, главное, укрыться отъ разбойниковъ; весной же разъѣзжаются по своимъ имѣніямъ хозяйничать.

Хозяйство состоитъ только въ разведеніи и откармливаніи скота, преимущественно воловъ, которыхъ большими гуртами, въ нѣсколько сотъ штукъ, пригоняютъ въ Австрію на продажу; пшеницу и всякое другое зерно сѣютъ исключительно для до-

машинного обихода, а излишекъ его закапываютъ для сохраненія въ ямы, вырытыя въ землѣ, сверху прикрываютъ соломой и землей, хорошо утоптанной. Въ землю зарываютъ и накопленные червонцы, и драгоценности.

Городскіе домики ютятся подь горой; городокъ окруженъ виноградниками и лѣсами, которые вырубаются, какъ только становятся годными на топливо. Во время дождей, вся масса воды съ горъ устремляется на улицы, превращая ихъ въ бурные потоки и образуя въ иныхъ мѣстахъ глубокія рывины и даже овраги. Послѣ всякаго большого дождя приходится засыпать нѣсколько такихъ рывинъ посреди улицъ. На главной улицѣ—ряды небольшихъ лавокъ, нѣсколько порядочныхъ магазиновъ; тутъ же и мясныя лавки, и пекарня, и аптека. Зато всѣ другія улицы—сплошные заборы, такъ какъ почти всѣ дома построены посреди дворовъ съ садами, огородами, службами,—точь-въ-точь деревенскія усадьбы въ миниатюрѣ. Только изрѣдка мелькнетъ гдѣ нибудь, какъ новинка, домикъ съ полсадыкомъ на улицу,—жилища русскихъ чиновниковъ или коммерсантовъ. Ни мостовыхъ, ни тротуаровъ, ни фонарей, ни подъѣздовъ нигдѣ не видно*).

Въ центрѣ города—довольно большая площадь. По воскресеньямъ сюда съѣзжаются окрестные поселяне съ повозками, нагруженными разными продуктами и живностью. Горожане запасаются провизіей на долгое время, иначе зимой, въ распутицу, когда прекратится подвозъ, плохо придется неизмѣющимъ запасовъ.

Октябрь здѣсь лучшій мѣсяцъ въ году, и по погодѣ, и по оживленію. Въ пустыхъ, запертыхъ весной и лѣтомъ, домахъ закипаетъ жизнь. Въ городѣ появляются экипажи, тянутся обозы съ провизіей и вещами помѣщиковъ. Въ каждомъ дворѣ пилать и колятъ дрова на зиму, хотя ничто еще не напоминаетъ ея близости. Безпрестанно снуютъ водовозы, доставляющіе прекрасную воду изъ горныхъ ключей.

У съѣхавшихся боеровъ уже начались ежедневныя празд-

*) Бывшій тогда городокъ составляетъ предмѣстье теперешняго Кишинева. Боеры постепенно строили дома на горѣ, а старые сбывали преимущественно евреямъ.

нества, безъ гостей не обходится ни одинъ день. Обѣды, вечера, балы, чередуются у полсотни богатыхъ помѣщиковъ.

У простыхъ молдаванъ въ это же время начинается сезонъ свадебъ. По улицамъ часто проходятъ группы нарядныхъ поселянъ въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, или скачутъ верховые, съ цвѣтами на шапкахъ и на груди, на разукрашенныхъ лошадяхъ — шафера жениха или невѣсты; а въ воскресенье, родные и гости поведутъ съ музыкой къ вѣнцу этихъ жениховъ и невѣстъ. Вокругъ двухъ малыхъ церквей и довольно большого собора видно особенное оживленіе по случаю этихъ свадебъ: множество повозокъ, верховыхъ лошадей, группы музыкантовъ, нарядныя дѣвушки, все это ждетъ выхода изъ церкви молодыхъ, которыхъ поведутъ опять съ музыкой отъ воротъ церкви до дома невѣсты.

Только въ турецкой части города (махала-турчяска), гдѣ живутъ и болгары, царить полнѣйшая тишина и безжизненность. Улицы тутъ еще уже, съ безчисленными переулками, а жилища похожи на тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками въ маленькихъ окошкахъ подъ самой крышей.

II.

За соборомъ, въ предмѣстьѣ съ поселянскими домиками, одинъ изъ нихъ выдѣляется своимъ щегольскимъ видомъ*), окруженный высокими тополями и фруктовымъ садикомъ съ нѣсколькими огромными старыми орѣховыми деревьями, образующими лѣтомъ непроницаемый для солнца зеленый, душистый шатерь. Это домъ зажиточнаго мѣщанина Наума, русскаго, женатаго на молдаванкѣ Маріукѣ, доброй женщицѣ и хорошей хозяйкѣ. Люди пожилые, они уже выдали замужъ двухъ дочерей, женили сына, и осталась у нихъ еще одна младшая дочь (мезына) Касандра, 18-ти-лѣтняя смугляшка, съ чудными глазами, румянцемъ во всю щеку и блестящими зубками.

*) Домикъ этотъ до сихъ поръ существуетъ на углу Антоіевской и Прункудовской улицъ, какимъ-то чудомъ сохранившійся, какъ видно безъ ремонта, со временъ Пушкина, теперь это жалкая лачуга, до половины вросшая въ землю.

Домъ Наума раздѣляется широкимъ сквознымъ коридоромъ на двѣ половины, и въ каждой изъ нихъ двѣ комнаты: маленькая и большая. Въ одной половинѣ живетъ хозяинъ съ семьей; въ малой комнаткѣ у нихъ кухня съ печью, а большая до половины занята ткацкимъ станкомъ. Касандра готовитъ себѣ приданое. Ковры и полотно уже готовы, остались еще полотенца, играющія важную роль въ свадебныхъ церемоніяхъ: она ткеть ихъ по цѣлымъ днямъ и вечерамъ до поздней ночи, а иногда до свѣта. Въ сумерки собираются къ ней дѣвушки-сосѣдки съ прялками за поясомъ; вслѣдъ за ними тайкомъ заглядываютъ туда и парни. Строгий Наумъ не позволяетъ имъ приходить. Заслышавъ его шаги, они опрометью выскакиваютъ изъ комнаты, или прячутся за печку или подъ лавки. Когда отца не бываетъ дома, шалуныя Касандра иногда подговоритъ одну изъ подругъ произвести фальшивую тревогу и хохочетъ, глядя, какъ парни мечутся какъ угорѣлые, а дѣвушки не даютъ имъ спрятаться и задерживаютъ у дверей. Маріука снисходительно относится къ этимъ шалостямъ, притворяется, что ничего не слышитъ, и не заглядываетъ къ дочери, чтобы не стѣснять молодежь.

На чистой половинѣ дома (каса марѣ) почти всегда квартируетъ кто нибудь изъ пріѣзжихъ. Наумъ охотно принимаетъ гостей-жильцовъ и зашибаетъ хорошія деньги. Въ городѣ еще не существуетъ гостинницъ. Въмѣсто нихъ принято останавливаться въ нѣкоторыхъ домахъ, подобныхъ Наумову,—если кто не имѣетъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, у которыхъ можно было бы найти временный пріютъ.

На этотъ разъ помѣщеніе у Наума, съ половины сентября, занимаетъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ радъ, что ему удалось найти квартиру у хозяина русскаго; иначе, не зная еще ни слова по-молдавски, онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи. Маріука понимаетъ по-русски, но говорить не рѣшается. Поэтому, разговаривая съ Пушкинымъ, она отвѣчаетъ ему или обращается къ нему всегда по-молдавски, и тѣмъ понуждаетъ его поневолѣ вслушиваться и учиться понимать незнакомый языкъ. Съ Касандрой же у Александра Сергѣевича бываетъ совсѣмъ особый разговоръ, понятный на всѣхъ языкахъ лишь одной кипучей молодости...

III.

Прелестное утро. Солнце уже высоко поднялось; старинные часы съ кукушкой хрипло прошипѣли десять часовъ, а Пушкинъ все еще не встаетъ. Наканунѣ онъ слишкомъ долго кутилъ съ пріятелями въ трактирѣ Антонио, возвратился передъ свѣтомъ, и теперь спитъ богатырскимъ сномъ. Не слышитъ онъ ни громкаго кудахтанья куръ надъ его головой на чердакѣ, ни стука станка. Это — однообразный, ритмическій стукъ; какъ часто поэтъ и засыпаетъ, прислушиваясь къ нему, точно убаюканный стукомъ колыбели, и пробуждается съ нимъ! — Въ сѣняхъ нѣсколько нанятыхъ мальчиковъ сидятъ на полу надъ грудой волошскихъ орѣховъ, высыпанныхъ изъ мѣшка, очищаютъ ихъ отъ зеленой кожицы и бросаютъ въ большія корзины. Они громко разговариваютъ и смѣются почти подъ самой дверью квартиранта, и все-таки не могутъ разбудить его.

Сквозь маленькія окна, закрытыя толстыми шерстяными занавѣсками, темноокрасными, съ черными разводами, уже проникаютъ лучи солнца въ видѣ свѣтлыхъ пятенъ. Пушкинъ спитъ на высокой кровати, утопая въ подушкахъ, замѣняющихъ перину. Надъ кроватью виситъ огромный коверъ, еще изъ приданого Маріуки, съ какою-то замысловатой птицей посреди вѣнка изъ цвѣтовъ еще болѣе фантастичныхъ. Отъ кровати до другаго угла тянется узкій диванъ, крытый ковромъ, съ плоскими, твердыми, стѣнными подушками вмѣсто спинки. Подъ потолкомъ — полочка съ образами и бѣлыми занавѣсками; образа темные, закоптѣлые, очевидно древніе. Подъ образами — столъ, крытый бѣлою скатертью домашняго полотна. На окошкахъ — маленькіе горшечки съ цвѣтущей геранью, мѣстами перевязанною краснымъ гарусомъ — чтобъ не сглазили. Между окнами — рабочій столъ Пушкина, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ лежатъ книги, чернильница и разныя бездѣлушки, привезенныя изъ Петербурга. Надъ столомъ повѣшены, безъ рамокъ, нѣсколько акварельныхъ рисунковъ и литографій, напоминающихъ поэту близкихъ родныхъ и друзей. Возлѣ дверей, въ углу, на низкомъ табуретѣ, возвышается до потолка столбъ изъ ковровъ, аккуратно сложенныхъ — это приданое Ксандры. Въ проти-

вположномъ углу — красивая, затѣвливая печка, изъ двухъ колоннъ съ нишей посрединѣ, а за ней другая дверь — въ маленькую комнатку — уборную, гдѣ находятся дорожные сундуки, вѣшалка съ платьемъ и бѣлый, некрашенный шкафъ. Дверь эта примыкаетъ къ кровати. Потолокъ низкій, изъ балокъ, обмазанныхъ глиной и выбѣленныхъ, къ нимъ привѣшаны пучки васильковъ и другихъ душистыхъ травъ. Досчатый некрашенный полъ весь покрытъ коврами, кое-гдѣ разставлено нѣсколько деревянныхъ крашенныхъ стульевъ. Безукоризненная чистота и отсутствіе всякихъ насѣкомыхъ довершаютъ уютность комнатки.

Наконецъ, Александръ Сергѣевичъ проснулся, позвалъ Наума, ударилъ въ ладоши, но шумъ и гамъ въ сѣняхъ заглушили его голосъ. Тогда онъ спустилъ руку съ кровати, взялъ сапогъ и изо всей силы кинулъ его въ дверь. Мгновенно наступила тишина. Вслѣдъ затѣмъ, другой сапогъ полетѣлъ туда же.

— Аудъ, аудъ! (слышу, слышу)! отзывается Маріука.

Черезъ минуту входитъ Наумъ, здоровается, беретъ платье и сапоги, передаетъ ихъ за дверью женѣ для чистки, а самъ подаетъ умываться.

Одѣвшись, Александръ Сергѣевичъ тотчасъ открываетъ оба свои окошка въ садъ. Сочная трава и свѣжая зелень ярко блестятъ на солнцѣ. Сентябрьскіе дожди освѣжили растительность послѣ лѣтней засухи. Поэтъ, еще никогда не выдавшій въ октябрѣ такой погоды, восхищается ею, съ восторгомъ оглядываетъ каждый кустикъ, каждый листикъ, не можетъ оторвать глазъ отъ окна.

— С'онтѳресь примава̀ра (возвратилась весна)! сказала Маріука, ставя на столъ подносъ съ кофе, сливками, мягкими бубликами и стаканомъ воды со льдомъ. Боеръ Флорѣско два раза приходилъ, да она не хотѣла и не позволила разбудить «куконѣша»^{*)}.

Вотъ Пушкинъ выходитъ въ сѣни, заваленныя орѣхами; тамъ — никого. Мальчики ушли въ кухню обѣдать съ хозяевами. Маріука только что вывалила на столъ горячую мамалыгу, разрѣзала ее ниткой на ломти, поставила миску съ борщомъ и

^{*)} «Куконѣшъ» по-молдавски означаетъ то же, что по-малороссійски «паньчъ», т.-е., неженатый молодой человѣкъ.

тарелку брынзы. Только Касандра все еще стучит станкомъ. Онъ пользуется удобной минутой, шмыгнувъ къ ней, тихонько подкрался и, чтобы испугать ее, ловко, быстро просунулъ голову подъ ея локоть, такъ что его затылокъ очутился на колѣняхъ дѣвушки. Она вздрогнула, выронила челнокъ и спутала пряжу.

— Бѣтэ ти Думнедзэу! (Побей тебя Богъ)! сердито вскричала она со слезами въ голосѣ. — Фѹжь д'эйчъ, сатана! (ступай отсюда, сатана)! Опять зануталь мнѣ пряжу!

Отстраняя его отъ себя, дѣвушка въ бѣшенствѣ стала бить его кулаками куда попало; однако, расходившійся «куконѣшъ» не унимался, а еще пуще проказничалъ, ничуть не защищаясь отъ ея колотушекъ. Ему чрезвычайно нравится дразнить и сердить ее и чувствовать на себѣ ея кулачки. Наконецъ, сорвавъ сердце, она раземѣялась сквозь слезы. Тогда онъ взялъ ее за обѣ щеки и чмокнулъ въ губы. Въ эту минуту Мариука громко позвала дочь. Проказникъ выскочилъ во дворъ и поспѣшно вышелъ на улицу.

Пушкинъ не любилъ спутниковъ; онъ любилъ одинъ побродить сперва по городу, а потомъ пробраться на гору въ лѣсъ, минуя городъ, обогнуть его, пройти туда окрестностями. Чтобы не встрѣтиться съ Флореско, онъ не пошелъ черезъ площадь, а завернулъ въ переулокъ и сразу очутился въ «муравьиномъ лабиринтѣ», какъ онъ называлъ эту густо населенную мѣстность съ беспорядочно разбросанными хижинами, съ безчисленнымъ множествомъ переулочковъ. Тутъ легко было заблудиться. Ему пришлось долго кружиться, пока нашелся выходъ въ поле. Населеніе уже замѣтило его, знаютъ, что онъ чиновникъ генерала Инзова; завидя его издали, молдаванки прихорашиваются и кричатъ другъ другу: «Яка віне (вотъ идетъ) куконѣшъ Пушка!» Молдаване снимаютъ шапки, низко кланяются ему, что не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ бросать на него взгляды, полные ревнивой ненависти и бормотать пожеланія далеко не любезныя. Это женихи и мужья хорошенькихъ женщинъ, съ которыми Пушкинъ безцеремонно зангрываетъ на ходу, въ отвѣтъ на ихъ вызывающіе взгляды.

Фланируя здѣсь и по окрестностямъ, онъ запасается разными впечатлѣніями. Все, что сколько нибудь выдается красотой и оригинальностью укладывается въ чуткую душу поэта,

кристаллизуется въ художественные образы. Нѣкоторые подмѣченные имъ типы и сцены онъ заноситъ въ свою записную книжку, всегда находящуюся при немъ.

Вотъ онъ, наконецъ выбрался изъ лабиринта на чистый воздухъ, на выгонъ, и идетъ въ гору. Тамъ, на горизонтѣ, пестрѣетъ лѣсъ въ своей нарядной, разноцвѣтной листвѣ. Онъ спѣшитъ туда. Лѣсъ вырубленъ еще недавно; кое-гдѣ оставлены группы старыхъ дубовъ и липъ, да мѣстами молодой лѣсъ густой щетиной поднимается надъ пнями. Въ хорошую погоду поэтъ любитъ бродить тутъ, мечтать, вдохновляясь сюжетами своихъ будущихъ сочиненій и строить самые фантастическіе планы и воздушные замки о своей будущности. Въ этой красивой мѣстности у него есть любимые уголки, онъ далъ имъ разныя названія. Изъ нихъ чаще всего онъ просиживаетъ съ книгой или тетрадкой и карандашемъ въ рукахъ, въ «Сашинѣ роцѣ», — нѣсколько старыхъ липъ на холмѣ, образующихъ темный сводъ, между ними лежитъ срубленный толстый дубъ, служащій ему скамейкой. Изъ-подъ этого свода зелени открывается видъ во всѣ стороны: виденъ городъ, отсюда очень красивый, видна долина на далекое разстояніе и по ней затѣйливые изгибы рѣчки Буркутъ (по теперешнему «Вычокъ»); наконецъ, съ этого возвышеннаго мѣста виденъ со всѣхъ сторонъ молодой лѣсъ, кудрявыми волнами сливающійся съ горизонтомъ.

IV.

Вотъ уже второй мѣсяць, какъ Александръ Сергѣевичъ живетъ въ Кишиневѣ, и почти ежедневно бываетъ тутъ въ разное время дня, чаще всего при заходѣ солнца, иногда рано утромъ, но всегда одинъ.

Случается, что гуляя, онъ незамѣтно доходитъ до изгороди одного виноградника, принадлежащаго трактирщику Антонію, большому пріятелю Пушкина, у котораго онъ всегда обѣдаетъ и часто кутитъ съ молодежью. Сторожемъ на виноградникѣ служитъ отставной солдатикъ Егорка, вынесшій на своихъ худыхъ плечахъ 35-ти-лѣтнюю суровую солдатскую службу, сдѣлавшую его совсѣмъ дряхлымъ старикомъ. Александръ Сергѣевичъ охотно

съ нимъ бесѣдуетъ, разспрашиваетъ обо всемъ, что тотъ вынесъ на своемъ вѣку во время службы, гдѣ былъ, съ кѣмъ воевалъ, какихъ начальниковъ «претерпѣвалъ», какихъ уважалъ, и проч. Поэтъ жалѣетъ и балуетъ его, всегда приноситъ ему, кромѣ мелкой монеты и табачку, еще какихъ нибудь гостинцевъ. Зато же и для Егорки нѣтъ высшей радости, какъ смотреть, когда «добрый панычъ» срываетъ съ кустовъ и ѣсть прекрасный виноградъ, который онъ ему указываетъ и для него берегаетъ. Виноградъ уже весь давно собранъ, недѣли три тому назадъ, но въ обширномъ виноградникѣ есть нѣсколько кустовъ, которыхъ солдатикъ не позволилъ оборвать, онъ выпросилъ ихъ у хозяина для себя.

И сколько разъ ни случается Александру Сергѣевичу подходить къ изгороди, онъ всегда видитъ торчащую гдѣ нибудь надъ терновникомъ сѣдую голову солдата, ожидающаго своего «добраго паныча».

— Пожалуйста, панычъ, покушайте винограду! Еще есть хорошій! приглашаетъ старичокъ, отворяя калитку.

— До какихъ же это поръ у тебя будетъ виноградъ на кустахъ? Что ты за фокусникъ?

— Да будетъ онъ у меня для вашей милости до самыхъ морозовъ.

Накушавшись вдоволь и поболтавъ съ Егоркой, онъ направляется домой въ самомъ радужномъ настроеніи. Уже три часа. Недалеко отъ своей квартиры ему встрѣчается Флореско, ловко выскакиваетъ изъ брички и подходитъ къ нему.

— Здравствуйте, Пушкинъ, гдѣ это вы пронадаете? Я уже три раза былъ у васъ. Какъ вы не боитесь бродить одинъ по нашимъ окрестностямъ? И что это за страсть у васъ? Какъ это вамъ не скучно? Совсѣмъ не понимаю...

Вмѣсто отвѣта, Пушкинъ распахнулъ шинель и показалъ ему торчащее изъ глубокаго кармана дуло пистолета.

— Вотъ съ этимъ спутникомъ ничего не боюсь; а почему я не скучаю,— этого вы не поймете никогда, и объяснить вамъ не берусь. Наши натуры совсѣмъ разнятся.

Они глядятъ другъ на друга, считая одинъ другого дуракомъ. Эта тайная мысль такъ ясно выразилась на лоснящемся отъ жиру лицѣ Флореско, что Пушкинъ отгадалъ ее и захо-

хоталъ. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но это не мѣшаетъ имъ быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Флореско, богачъ и жуиръ, чувствуетъ большую симпатію къ этому «странному» молодому человѣку, которому чего-то не достаетъ, чтобы быть какъ всѣ люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ такому интересному, съ которымъ всегда такъ весело.

Въ свою очередь, Александръ Сергѣевичъ, хотя и тяготится иногда его обществомъ, особенно, когда приходится быть съ нимъ наединѣ, но считаетъ его самымъ добродушнымъ изъ всей кишиневской jeunesse dorée, искренно ему преданнымъ, надъ которымъ можно безнаказанно трунить и острить, тогда какъ съ другими изъ-за этого выходили большія неприятности. Забавнѣе всего кажется поэту высокое мнѣніе Флореско о себѣ, его чванство и напыщенность въ обхожденіи съ окружающими.

— Садитесь, поѣдемъ скорѣе къ киръ-Антонию! любезно пригласилъ онъ.—Наша компанія давно ждетъ васъ обѣдать.

— Вы поѣзжайте, а я пойду пѣшкомъ. Тутъ такъ близко! Стоитъ ли ѣхать, да еще въ такую чудную погоду? настаивалъ Пушкинъ.

— А не будутъ ли смѣяться, что мы ходимъ пѣшкомъ, я еще никогда не ходилъ! робко замѣтилъ Флореско; но видя, что тотъ рѣшительно идетъ впередъ, онъ приказалъ кучеру слѣдовать за ними шагомъ, и присоединился къ Пушкину, стыдливо озираясь по сторонамъ.

V.

Смущеніе его дошло до высшей степени, когда при поворотѣ въ одну улицу, они встрѣтились съ коляской, запряженной четверкой лошадей цугомъ. Въ экипажѣ сидѣли двѣ дамы: старая и молодая. Поровнявшись съ ними, Флореско конфузливо раскланялся. Дамы съ удивленіемъ взглянули на него и его спутника.

— Вотъ и Белладжи пріѣхали изъ деревни! радостно вздохнувъ, сказалъ онъ, подходя къ дому грека.

— Какъ зовутъ молодую? спросилъ Пушкинъ.— Что, она дама или дѣвица?

— Аглая Белладжи, должно быть уже вышла замужъ, свадьба ея назначена была въ іюлѣ. Мое имѣніе далеко отъ нихъ, и потому я навѣрно не знаю. Да вотъ сейчасъ услышимъ объ этомъ отъ киръ-Антонію, онъ вѣдь все знаетъ.

У грека аппетитно пахло жареной индѣйкой. Большая компанія съ восторгомъ привѣтствовала появленіе Пушкина, кто по-русски, кто по-молдавански. Пока онъ здоровался съ ними, Флореско спросилъ у Антонію, была ли свадьба Аглаи.

— Чуть-чуть не была, да разстроилась. Неужели вы еще ничего не слыхали объ этомъ скандальномъ происшествіи?

— Ровно ничего. Какъ же это случилось?

— Ну, такъ я вамъ расскажу, только не сейчасъ, а послѣ обѣда. Я знаю одного молодого человѣка, которому разстройство этой свадьбы придется очень на руку. Какъ вы думаете? А? Грекъ, ехидно улыбаясь, фамильярно потрепалъ его по плечу.

Киръ-Антонію содержалъ трактиръ для простолюдиновъ и нѣчто въ родѣ ресторана и кофейни для боеровъ. Оба эти заведения находились подъ одной крышей его дома, однако, были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, такъ что, простолюдины никогда не встрѣчались съ боерами, а хозяинъ могъ наблюдать и за тѣми, и за другими. Короче сказать, каждое заведеніе имѣло совсѣмъ особый входъ, съ противоположной улицы. Дворъ былъ Антонію трехъ-угольный, съ тремя выходами на три улицы. Въ основаніи этого трехъ-угольника, подъ широкой стѣной, стоитъ домъ; затѣмъ, обѣ стѣны забора, постепенно сближаясь, соединяются подъ угломъ, въ которомъ устроены ворота. Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ каменнаго забора есть по одной калиткѣ, а изъ этихъ калитокъ, подъ крытымъ навѣсомъ, проходятъ въ домъ, раздѣленный квартирой хозяина на двѣ части *).

Киръ-Антонію былъ мастеръ готовить всевозможныя кушанья для боеровъ, такъ что самые прихотливые изъ нихъ бывали довольны. У него были вѣчныя сборища людей всякаго возраста,

*) Киръ-Антонію впоследствии кушанья имѣніе, и былъ тамъ замученъ и убитъ разбойниками. Домъ этого грека и каменные стѣны забора еще существуютъ, а обѣ улицы, прилегающія къ нимъ, до сихъ поръ называются *антоніевскими*.

мѣстныхъ и прїѣзжихъ, но больше всего молодежи. И какъ уютно, какъ весело всегда бывало у киръ-Антоніо въ его большой свѣтлой комнатѣ, обставленной кругомъ широкими диванами! Сколько веселья, шуму, смѣху! Молодежь кутила здѣсь иногда цѣлыя ночи, въ обществѣ разныхъ красавицъ, подъ звуки мастерской игры лучшаго цыганскаго оркестра. Добрый грекъ отечески относился къ своимъ привилегированнымъ кліентамъ, онъ зналъ всю подноготную каждаго изъ нихъ, его личныя и семейныя дѣла, его состояніе, все его заботы и стремленія. Многимъ изъ нихъ онъ оказывалъ большія услуги и одолженія всякаго рода, начиная съ займа денегъ. И къ чести его надо замѣтить, что личныя его выгоды тутъ не играютъ никакой роли. Этимъ объяснялась его огромная популярность. Дѣла его и безъ того шли отлично, онъ богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Оттого все и обходится съ нимъ не какъ съ трактирщикомъ, а какъ съ равнымъ, близкимъ человѣкомъ. Пушкина онъ очень полюбилъ, но разговаривать съ нимъ можетъ только черезъ переводчика.

VI.

Вотъ что Флореско узналъ отъ грека о Белладжі и что потомъ самъ сообщилъ о нихъ Пушкину *).

Богатѣйшій помѣщикъ Михалаки Ракоти имѣлъ двухъ сыновей. Старшій былъ необразованъ, не зналъ даже по-русски; отецъ приспособилъ его къ хозяйству.

Младшій имѣлъ охоту къ ученію и получилъ образованіе, — онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Это Адрианъ Ракоти, одинъ изъ первыхъ молодыхъ бессарабцевъ, получившихъ солидное образованіе въ Россіи.

Адрианъ страстно влюбился въ Аглаю Белладжі, дѣвушку тоже выдающуюся своимъ умомъ, красотой, получившую образованіе въ Одессѣ. Отецъ ее былъ одесскимъ коммерсантомъ,

*) Исторія Аглаи Белладжі была изложена мною въ другомъ разсказѣ; здѣсь же она является лишь эпизодомъ кишиневской жизни пушкинскаго времени.

тамъ онъ разорился и умеръ. Жена его Сафта, бессарабка, раздѣлавшись съ кредиторами мужа, переселилась въ свое бессарабское имѣніе Стычены и занялась хозяйствомъ. Кромѣ того, у нея есть свой домъ въ Кишиневѣ, какъ у всѣхъ боевровъ. Ея единственная дочь Агдѣя, 23-хъ лѣтъ, гордая, неприступная, отказывала всѣмъ женихамъ, пока не познакомилась съ Адрианомъ, котораго полюбила горячо, беззавѣтно, какъ могутъ любить только такія серьезныя дѣвушки.

Старикъ Михалѣки Ракѣти задумалъ женить Адриана на дочери другого, такого же богача какъ онъ, на Зойцѣ Голѣско, 19-ти лѣтъ, только что окончившей ученіе въ лучшемъ пансіонѣ въ Одессѣ. Оба старика, Ракѣти и Голѣско, большіе пріятели, давно порѣшили это между собой, и даже условились насчетъ приданого. О согласіи дѣтей они не думали. Оба придерживались старинныхъ обычаевъ, не допускающихъ мысли, чтобы дѣти ихъ осмѣлились не послушаться и поступить въ чемъ либо противъ ихъ желанія. Однако Адрианъ всею душой воспротивился этому плану и повелъ дѣло такъ искусно, что послѣ долгой борьбы склонилъ, наконецъ, старика дать свое согласіе на его бракъ съ Агдѣей.

Въ іюніѣ назначенъ былъ день обрученія. Въ Стычены съѣхались гости, пріѣхалъ и Михалѣки съ Адрианомъ. Не смотря на данное согласіе, Михалѣки никакъ не могъ помириться съ этимъ, и потому былъ мрачный и злой; такъ что съ первыхъ же минутъ своего появленія у Белладжі принялся язвить ихъ и оскорблять насмѣшками насчетъ ихъ бѣдности сравнительно съ нимъ, а Агдѣю нѣсколько разъ упрекнулъ въ томъ, что она ловкая интриганка, сумѣла «подцѣпить» такого выгоднаго жениха и проч. въ такомъ родѣ. Бѣдная Сафта, глотая слезы, терпѣливо и молча переносила эти грубыя издѣвательства, не желая заводить ссору, но утѣшалась мыслью, что послѣ свадьбы прерветъ съ нимъ всякія сношенія. Агдѣя тоже страдала и терпѣла изъ любви къ жениху. Не легко было и ему...

Весь день Михалѣки были какъ черная туча, нависшая надъ мирной семьей. Даже гости сторонились отъ него, что еще болѣе злило его.

Послѣ обѣда старики легли спать, а молодежь отправилась

на прогулку, взявъ съ собой и оркестръ. Когда Михалàки проснулся, до него долетали взрывы смѣха изъ дальней комнаты; тамъ собралось нѣсколько помѣщиковъ, и одинъ изъ нихъ до слезъ смѣшилъ другихъ, рассказывая что-то очень смѣшное. Михалàки изъ любопытства пошелъ къ нимъ и сѣлъ на край дивана, никѣмъ не замѣченный. На бѣду, въ это самое время вошелъ лакей, разносившій шербетъ и воду. Эти господа сидѣли всѣ въ рядъ на длинномъ диванѣ. Слуга началъ съ ближайшаго къ дверямъ, съ намѣреніемъ подносить затѣмъ всѣмъ по порядку. Къ несчастью, онъ не замѣтилъ Ракѣти, сидѣвшаго на противоположномъ концѣ, тогда какъ, по этикету, все, что бы ни подносилось гостямъ, должно было начинаться съ него. Надменный, раздраженный боеръ счелъ за неуваженіе къ себѣ эту простую ошибку слуги, тѣмъ болѣе извинительную, что были уже сумерки и что онъ никакъ не ожидалъ видѣть Михалàки въ этой комнатѣ.

Взбѣшенный старикъ, никѣмъ не замѣченный, пошелъ въ конюшню, велѣлъ запретъ и уѣхалъ ни съ кѣмъ не простившись. Между тѣмъ, въ тотъ же вечеръ должна была состояться церемонія обрученія. Когда Адрианъ возвратился съ прогулки и узналъ о бѣгствѣ отца, онъ тотчасъ уѣхалъ верхомъ вслѣдъ за нимъ, догналъ его и сталъ уговаривать и умолять, чтобы онъ возвратился и докончилъ дѣло, отъ котораго зависѣло счастье всей его жизни; но старикъ въ сильномъ гнѣвѣ раскричался на него, пригрозилъ прогнать его и лишитъ наслѣдства, если онъ еще хоть разъ когда нибудь заикнется ему о Белладжѣ. Пришлось поневолѣ покориться.

Чтобы не распугать гостей, Адрианъ объявилъ, что отецъ почувствовалъ себя очень худо, поспѣшилъ домой, и потому обрученіе и свадьба откладываются на нѣкоторое время. Гости сдѣлали видъ, что повѣрили, а на другой день рано всѣ разъѣхались. Тогда Сафта дала волю слезамъ, голосила, рвала на себѣ волосы и сильно заболѣла отъ горя и стыда. Какъ женщина мало образованная и суевѣрная, она видѣла въ этомъ скандалѣ не только позоръ для своей семьи, но еще и дурное предзнаменованіе...

Адрианъ пробовалъ склонить Аглаю обойтись безъ позволенія родителей, предлагалъ увезти ее, но гордая дѣвушка не

согласилась, а только просила считать свадьбу отложенной на неопределенное время, пока мать ее не успокоится совершенно: тогда они вдвоем придумают, как поступить.

Возвратившись домой, Адриан так затосковал, что стал пить, и в короткое время, всего через несколько месяцев, сдѣлался неизлечимым, горьким пьяницей. До поры до времени ему удавалось скрывать этот порок от отца и от знакомых; но он сознавал, что для Аглыи он погиб навсегда, и больше не помышлял жениться на ней.

Въ этомъ состояніи, преслѣдуемый постоянными понужденіями отца, Адрианъ, наконецъ, рѣшился жениться на Золицѣ, которой было рѣшительно все равно за кого не выйти замужъ, лишь бы быть свободной, наряжаться и кокетничать.

Для Аглыи это было смертельный ударъ, навсегда разбившій ее жизнь.

Белладжии пріѣхали въ Кишиневъ на этотъ разъ не для веселья, а чтобы укрыться отъ разбойниковъ, провести зимніе мѣсяцы въ безопасности. Они были сильно напуганы недавно случившимся убійствомъ ихъ сосѣда помѣщика. Аглыя объявила матери, что не будетъ нигдѣ бывать и, вообще, бросаетъ всякую мысль о замужествѣ.

Киръ-Антонио былъ правъ, когда въ шутовомъ тонѣ говорилъ Флореско, что знаетъ одного господина, который будетъ доволенъ и радъ, что свадьба Аглыи не состоялась. При разсказѣ грека, выраженіе лица Флореско стало такимъ торжествующимъ, веселымъ, что Пушкинъ тотчасъ замѣтилъ это и, при первомъ удобномъ случаѣ, заставилъ пріятеля сознаться въ своей безнадежной любви, въ томъ, что онъ три года тому назадъ дѣлалъ предложеніе Аглыѣ, но получилъ отказъ.

VII.

Съ тѣхъ поръ пріятели часто бесѣдовали объ этомъ. Считая Александра Сергѣевича болѣе опытнымъ въ сердечныхъ дѣлахъ, Флореско совѣтывался съ нимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалъ полную увѣренность, что послѣ бывшаго скандала, Аглыя не только не отвергнетъ его, но еще почтетъ за счастье выйти за

него замужъ, даже безъ любви. Пушкинъ же настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ рисковать, а лучше выждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока пройдетъ ея грусть, пока она забудетъ Адриана. При этомъ онъ всегда выражалъ желаніе познакомиться съ этой дѣвушкой и, шутя, дразнилъ пріятеля, что отобьетъ у него невѣсту.

Однако Флореско не въ силахъ былъ послѣдовать благо-разумному совѣту и, чуть ли не на другой же день, явился къ Агляр и сталъ часто бывать у нея. Но отъ Александра Сергѣевича онъ тщательно скрывалъ это, отчасти изъ ревности къ нему, отчасти же оттого, что стыдился своей слабохарактерности.

Въ одинъ прекрасный день, когда ему показалось, что Агляр ласковѣе къ нему, нежели была до сихъ поръ, онъ счелъ возможнымъ и своевременнымъ сдѣлать ей предложеніе, высказавъ его въ довольно таки напыщенной формѣ; въ тонѣ и въ словахъ его сквозила увѣренность, что за него ухватятся какъ за якорь спасенія и почтутъ его предложеніе за особенную честь. Онъ чувствовалъ себя въ роли благодѣтеля. Мать и дочь были такъ изумлены, что не сразу поняли, въ чемъ дѣло.

Наконецъ Агляр, съ едва замѣтной усмѣшкой, отвѣтила ему, подражая его напыщенности:

— Благодарю васъ за великую честь. Я сознаю, какое было бы для меня огромное счастье выйти за васъ замужъ, но можетъ быть вы найдете невѣсту болѣе достойную васъ... И потому, и рѣшительно и разъ навсегда отказываю вамъ. Прощайте!

Послѣднія слова она выговорила громче, какъ бы подчеркивая ихъ, потомъ сухо поклонилась и вышла изъ гостиной.

Какъ громомъ пораженный отъ удивленія стоялъ Флореско, растерянно глядя ей вслѣдъ, насилу овладѣлъ собой и, обратившись къ Сафтѣ, высказалъ ей удивленіе, что дочь такъ мало уважаетъ ее, что не посовѣтывавшись съ нею, рѣшается такъ дерзко отказать ему.

— Посмотримъ, заключилъ онъ, — случится ли у вашей дочери женихъ лучше и богаче меня? Она слишкомъ много о себѣ воображаетъ, вѣроятно ждетъ какого нибудь принца, какъ Прохиріца Вареоломей. Но та, по крайней мѣрѣ, танцевала съ императоромъ, а ваша зачѣмъ такъ важничаетъ?

Сафтѣ живо вспомнились горькія обиды, перенесенныя отъ Михалѣки. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она вдругъ вскипѣла и хриплымъ отъ гнѣва голосомъ отвѣтила:

— Мы хотя и не богаты, но, слава Богу, и не нищіе, обойдемся и безъ вашего богатства... А дочь моя, дѣвушка умная, весьма понятно, не желаетъ имѣть мужа дурака, хоть и богатаго. Проваливайте отсюда, и чтобъ я васъ больше не видѣла!

Флорѣско поблѣднѣлъ отъ злости, громко плюнулъ въ сторону Сафты и вышелъ, хлопнувъ дверью и бормоча ругательства.

Эту сцену, кромѣ домашней прислуги, слышали и видѣли двѣ дамы, пріятельницы Сафты, сидѣвшія въ столовой за завтракомъ во время визита Флорѣско. Понятно, что вѣсть о его пораженіи весьма скоро облетѣла весь городъ. Пушкинъ и вся его компанія одни изъ первыхъ узнали объ этомъ отъ Антоніо. Поэтъ былъ возмущенъ вѣроломствомъ боера, котораго считалъ своимъ искреннимъ пріателемъ; зато же и онъ готовъ былъ осыпать его злѣйшими эпиграммами въ прозѣ и въ стихахъ, которые тутъ же за обѣдомъ сочинялъ и декламировалъ.

Однако Флорѣско нигдѣ больше не появлялся. На сей разъ онъ настолько поумнѣлъ, что счелъ за лучшее выѣхать изъ Кишинева ни съ кѣмъ даже не простившись.

Это неудачное сватовство служило долгое время предметомъ разговоровъ и шутокъ. Говорили также, что Михалѣки Ракѣти уже сожалѣетъ объ Аглаѣ, что сынъ его вѣчно пьянъ, Зойца не оказываетъ никакого уваженія ни ему, старику, ни Адриану, и тратитъ бѣшенныя деньги, ссылаясь на свое богатство, на то, что имѣетъ право тратить свои собственныя деньги.

Аглая сильно заинтересовала Александра Сергѣевича. Ему очень хочется познакомиться съ нею, да случай къ тому не представляется, хотя онъ хорошо знакомъ съ нѣсколькими семействами, гдѣ могъ бы встрѣтить ее; но Белладжй эту зиму живутъ совсѣмъ замкнуто, нигдѣ не появляются. Сафта серьезно заболѣла.

VIII.

Прогулки Пушкина по окрестностям прекратились съ наступленіемъ зимы, неожиданно нагрянувшей, послѣ теплой погоды, въ половинѣ ноября. Съ той поры начинается его разсѣянная жизнь. Помѣщики наперерывъ приглашаютъ его на обѣды и балы. Въ свободные вечера онъ кутить съ молодежью у Антоніо, проводитъ часто цѣлыя ночи въ оргіяхъ. Въ свѣтѣ у него есть хорошенькія пріятельницы, дамочки и дѣвнцы, съ которыми онъ находится въ дружескихъ, совсѣмъ фамиллярныхъ отношеніяхъ и подчасъ дурачится съ ними, хотя шалости эти совсѣмъ невинны. Первое время его очень удивляло совсѣмъ свободное обращеніе молодыхъ мужчинъ съ молодыми женщинами и дѣвушками, допущенное въ высшемъ молдаванскомъ обществѣ, и рядомъ съ этой свободой—правила этикета и разныя другія строгости и стѣсненія, чисто восточнаго характера и происхожденія. Ему кажется забавнымъ наблюдать, какъ эти крайности уживаются рядомъ и даже переходятъ въ гармоничный строй жизни.

Съ красавицами молдаваночками изъ престонородія Пушкинъ ужъ слишкомъ развязенъ. Тутъ дѣло доходитъ иногда до жалобъ на него начальству ревнивыхъ молдаванъ-мужей, или слишкомъ строгихъ отцовъ. Добрѣйшій генералъ Инзовъ отечески распекаетъ поэта, да это мало помогаетъ.

Въ это время, въ минуты вдохновенія, онъ придумываетъ чудныя вещи, но ничего не пишетъ. Такъ прошла зима.

Но вотъ, въ половинѣ февраля, стало вдругъ тепло. Весна явилась особенно рано. Днемъ бываетъ даже жарко. Вотъ, въ концѣ мѣсяца, случилась гроза, разрѣшившаяся чисто лѣтнимъ дождемъ, въ воздухѣ запахло фіалкой и сиренью. Александра Сергѣевича уже никто больше не видитъ. Его опять, какъ осенью, тянетъ въ поля и лѣса, въ объятія красавицы Природы, вмѣющей столько чаръ и лѣкарствъ отъ всякихъ душевныхъ недуговъ къ услугамъ тѣхъ, кто ее любитъ и понимаетъ. И творчество го точно очнулось отъ летаргіи, создаетъ прелестные образы, снашентываетъ чудныя рюмы. Онъ и обѣдать пересталъ регулярно, питается гдѣ и чѣмъ попало. Старикъ Антоніо скучаетъ

по немъ,—онъ такъ любитъ слушать его смѣхъ и разговоръ, хотя совсѣмъ мало понимаетъ по-русски.

Теперь, во время весеннихъ прогулокъ, у Александра Сергѣевича, вмѣсто Егорки, уже умершаго, появился новый пріятель—главарь одного цыганскаго табора Юнъ Гўца, совсѣмъ сѣдой дѣдъ, знающій говорить по-русски. Разъ, проходя по опушкѣ лѣса, Пушкинъ наткнулся на таборъ, и сидя на пнѣ, сперва долго наблюдалъ его издали. На яркой зелени травы и кустовъ красиво выдѣлялись группы цыганъ, валявшихся на коврахъ и подушкахъ, съ короткими трубками въ зубахъ. Нѣкоторые, лежа на спинѣ, грѣлись на солнышкѣ, любовно глядѣли на него, щуря глаза, съ улыбкой блаженства, а голые ребятишки бѣгали и кувыркались вокругъ нихъ. Подъ навѣсомъ шатра пріютилась походная кузница, и въ ней что-то работали. Въ сторонѣ, на очагѣ, нѣскоро устроенномъ, старая цыганка варила мамалыгу. И надъ всѣмъ этимъ стоитъ гулъ отъ гортаннаго говора, смѣха, пѣсней и перебранки.

«Вотъ они, любители солища и свободы!» подумалъ поэтъ, и направился къ нимъ. Дѣдъ Юнъ замѣтилъ его, вышелъ къ нему на встрѣчу, и они разговорились. Оказалось, что старикъ когда-то, въ своей молодости, кочевалъ въ Россіи и помнить языкъ русскій настолько, что можетъ на немъ изъясняться. Пушкинъ купилъ у него право приходить къ нимъ во всякое время, не стѣсняясь и не стѣняя ихъ. Съ тѣхъ поръ приходитъ къ нимъ, знаетъ всѣхъ ихъ по именамъ, расспрашиваетъ, замѣчаетъ, записываетъ, срисовываетъ, слушаетъ ихъ сказки и былины въ переводѣ Юна. И они привыкли къ нему и привязались, какъ къ родному. Иногда онъ даже обѣдаетъ вмѣстѣ съ ними.

Въ иные дни поэтъ увлекается своими мыслями и, незамѣтно, такъ далеко заходитъ, гуляя, что возвращается домой въ крайнемъ утомленіи, едва волоча за собой ноги, и, не раздѣваясь, кидается на постель. Тогда Наумъ и Мариука раздѣваютъ его, какъ ребенка, укладываютъ въ постель и приносятъ ему поѣсть чегонибудь горячаго. Въ то же время они, подъ разными предлогами, не допускаютъ къ нему его пріятелей. Но случается, что тѣ-таки ворвутся, чтобы изъ любопытства взгля-

нуть на него, распросить о его похожденияхъ, а Пушкинъ, поболтавъ немного съ ними, засыпаетъ подъ ихъ говоръ, оправдываясь тѣмъ, что теперь онъ живетъ по солнцу, т.-е. встаетъ и ложится всегда вмѣстѣ съ нимъ.

IX.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, по возвращеніи изъ своихъ скитаній, поэтъ засталъ на столѣ розовый конвертъ съ запиской отъ Катѣцы. Это старшая дочь помѣщиковъ Корайди, ихъ любимица, балованная, своевольная, чрезвычайно бойкая и рѣзвая дѣвушка, большая пріятельница Александра Сергѣевича, который, бывая у нихъ заиросте, подымаетъ съ нею иногда такую возню и бѣготню по комнатамъ, что старикамъ трудно бываетъ унять ихъ. Особенно сердито глядитъ на эти шалости ея бабушка, но шалуныя отвѣчаетъ звонкимъ смѣхомъ на ея ворчаніе и продолжаетъ проказничать.

Катѣца подруга Аглыи по одесскому пансіону. Вотъ что она написала Пушкину:

«Александръ Сергѣевичъ!

«Въ субботу, на масляной, родители мои даютъ балъ и поручаютъ мнѣ пригласить васъ. Приходите непременно, если хотите видѣть Аглыю: другой такой случай познакомиться съ нею нескоро представится вамъ, потому что на первой недѣлѣ поста Белладжй, какъ и мы, уѣзжаютъ въ деревню. Еслибъ вы знали, куковашъ Пушка, нашъ душа, какъ трудно мнѣ было уговорить Аглыю явиться на нашъ балъ! А вы, гадкій, совсѣмъ забыли меня, цѣлый мѣсяцъ не показываетесь, извергъ!! Я слышала, что вы уже пересчитали всѣхъ зайцевъ, воронъ и лисицъ, какія водятся кругомъ Кишинева, и перецѣловали всѣхъ шатровыхъ цыганокъ... Правда ли это? При свиданіи буду васъ исповѣдывать, и горе вашему чубу!.. А пока, посылаю вамъ цѣлыхъ три воздушныхъ поцѣлуя.
« (отгадайте, что означаютъ эти точки)!

Катѣца».

Въ назначенный для бала день была теплая лунная ночь. Гости начали съѣзжаться по провинціальному, съ 8-ми часовъ. Балъ вышелъ блистательный по многолюдству, оживленности и богатству туалетовъ. Царица бала, по всеобщему мнѣнію, была Зойца Ракѣти въ своемъ подвѣчномъ платьѣ, изъ бѣлыхъ настоящихъ кружевъ, накинутое на лиловый атласный чехоль и украшенное гирляндами фіалокъ; на головѣ — пучекъ лиловыхъ перьевъ, прикрѣпленныхъ аграфомъ изъ крупныхъ алмазовъ. Вся шея, грудь, руки, уши, — все это искрилось и сіяло алмазами. Даже на бѣлыхъ туфелькахъ, у самыхъ носковъ, въ атласныя розетки было вставлено по одному крупному алмазу. Не даромъ старикъ Голѣско всегда хвастался, что у его дочери будетъ больше драгоценностей, чѣмъ у всѣхъ другихъ невѣстъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Агаѣя явилась въ сѣромъ газовомъ платьѣ съ букетами разныхъ отгѣнковъ розовыхъ розъ, безъ листьевъ. Въ этомъ скромномъ нарядѣ она, однако, не уступала Зойцѣ въ изяществе и красотѣ. Это бросалось въ глаза, когда онѣ подавали другъ другу руки во время фигуръ котильона или кадрили.

Въ самый разгаръ танцевъ, въ дверяхъ залы показался Пушкинъ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ офицеромъ, недавно пріѣхавшимъ на службу въ Кишиневъ. Проживъ здѣсь пять мѣсяцевъ, поэтъ настолько освоился съ этимъ краемъ, что считаетъ себя сторожиломъ и очень любилъ брать подъ свое покровительство пріѣзжающихъ сюда русскихъ.

Прежде нежели вмѣшаться въ танцы, онъ сообщалъ офицеру бѣглую характеристику общества, его нравовъ и обычаевъ, обратилъ его вниманіе на полную непринужденность и веселье, царившія въ залѣ, объяснилъ это отчасти тѣмъ, что по тѣснотѣ помѣщеній, залу обыкновенно предоставляютъ только танцующимъ, а пожилые люди располагаются по другимъ комнатамъ, и потому никто не стѣсняетъ молодежь.

Еще незамѣченные никѣмъ изъ танцующихъ, молодые люди, взявшись подъ руки, согласились обойти всѣ комнаты, биткомъ набитыя гостями, все высмотрѣть, всѣхъ увидѣть и тогда уже пуститься въ плясъ. Въ гостиной, за столами, уставленными множествомъ сластей и прохладительныхъ напитковъ, сидѣли пожилыя дамы съ хозяйкой и громко разговаривали.

— Это маменьки, шепнулъ Пушкинъ, раскланивалъсь съ ними и цѣлуя руки нѣкоторымъ.

Въ слѣдующихъ комнатахъ играли въ карты мужчины разныхъ возрастовъ и русскіе чиновники, а въ самой послѣдней, большой комнатѣ, среди густыхъ облаковъ табачнаго дыма, на диванахъ и вокругъ стола, на которомъ было много графиновъ съ виномъ и чашки съ кофе, сидѣли важные старики въ своихъ восточныхъ костюмахъ: въ длинныхъ цвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ на раснашку, съ широкими рукавами (антэрэу); надѣтыхъ сверхъ другого халата поуже, съ узкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ, и въ широкихъ вышитыхъ поясахъ. Они щелкали четками и сосали длинные чубуки въ дорогихъ оправкахъ—янтарныхъ, серебряныхъ, золотыхъ съ драгоценными камнями. Съ этими почетными гостями сидѣлъ хозяинъ дома, старикъ Корайди, отдавая приказанія нѣсколькимъ слугамъ, непрерывно приносившимъ зажженные чубуки и различныя угощенія.

— Вотъ они, наши милые *aziаты!*.. сказалъ Пушкинъ.

— Это, вѣрно, папеньки и дѣдушки? смѣясь возразилъ офицеръ.

— «Бабаки и бунѣлы»,—да, вы отгадали.

Двери изъ этой комнаты раскрыты настежь въ коридоръ съ открытымъ окномъ въ садъ, чтобы не дать табачному дыму проникнуть въ залу. Корайди представилъ Пушкина и его товарища гостямъ; «азіаты» переважно протягивали имъ руки, не вставая со своихъ мѣстъ, и говорили свои привѣтствія по-молдавски. Пушкинъ понималъ ихъ, но отвѣчалъ имъ по-русски.

— Какая досада, сказалъ Александръ Сергѣевичъ, переходя на другую сторону комнаты,—что я, понимая уже многое по-молдавски, не могу рѣшиться вымолвить хоть два слова!

— *Ce n'est que le premier mot qui coûte!* замѣтилъ ему кто-то за его спиной *).

Пушкинъ обернулся и увидѣлъ Адриана Ракоти, вставшаго изъ-за стола. Они уже встрѣчались у Антонио и были немного знакомы. Адрианъ пригласилъ ихъ выпить съ нимъ вина, налилъ два стаканчика и подаль имъ. Чокаясь съ Пушкинымъ, онъ сказалъ:

*) Трудно выговорить только первое слово.

— A votre santé, cher poète, que Dieu vous délivre plus vite de notre Bessarabie! *)

— Pour ma santé — merci, отвѣтилъ поэтъ, взявъ стаканчикъ, — quant à la Bessarabie, je ne suis pas si pressé pour le moment **).

— Какъ же вамъ, cher poète, нравится сегодняшній балъ? спросилъ Адрианъ уже по-русски.

— Меня всегда поражаетъ на кишиневскихъ балахъ богатство туалетовъ, но сегодня это такой блескъ, что если бы зала была больше и выше, то можно было бы вообразить себя въ столицѣ. Ваша жена превзошла всѣхъ, даже Прохѣрицу, она и при дворѣ не осталась бы незамѣченною.

— А миѣ, перебилъ его офицеръ, — больше всѣхъ другихъ нравится эта дѣвица въ сѣромъ, забылъ ея фамилію.

— Да, ее нельзя не замѣтить, смущенно процѣдилъ сквозь зубы Адрианъ, — и, съ стаканомъ въ рукахъ, подошелъ къ другой группѣ мужчинъ.

Пушкинъ, указавъ на него глазами, замѣтилъ офицеру:

— Никогда не говорите про нее при Адрианѣ, эта дѣвица — Аглія Белладжі. Тутъ онъ рассказалъ про его несчастную любовь.

— Ну, теперь пойдѣмъ къ дудукамъ и кукдонамъ (дѣвицамъ и дамамъ)!

Какъ только они показались въ залѣ, Катѣца, погрозивъ Пушкину пальчикомъ, велѣла музыкантамъ играть вальсъ, положила руку на плечо поэта и заставила танцовать съ собой. Не успѣлъ онъ посадить ее, какъ подскочила другая и тоже насильно увлекла его въ вальсъ, съ нею еще нѣсколько, и всѣ при этомъ хохочуть. Онъ понялъ, что онѣ сговорились замучить его, и задыхаясь, палъ на колѣни передъ Катѣцей и запросилъ пощады.

— Дудука Катѣца, пощадите! За что эта казнь?

— Вы зачѣмъ такъ поздно пришли? Мы уже давно танцуемъ.

*) За ваше здоровье, дорогой поэтъ, да избавить васъ Богъ поскорѣе отъ нашей Бессарабіи!

***) За мое здоровье спасибо! что же касается Бессарабіи, то я вовсе еще не спѣшу теперь.

Въ эту минуту подходит Прохорица Вареломей, протягиваетъ руки и глядитъ на него своими чудными, томными глазами.

— А со мной? Неужели вы мнѣ откажете? Гайда, пойдѣмъ!

Пушкинъ не въ силахъ отказать и снова кружится, но на этотъ разъ не въ позѣ кавалера, а за даму. Сильная дѣвушка обхватила его за талию, музыка заиграла быстрѣе, ее заглушаетъ громъ аплодисментовъ. Однако, видя, что дѣло плохо, Александръ Сергѣевичъ вырывается изъ рукъ Прохорицы, стремглавъ бросается въ кучку мужчинъ, стоящихъ у дверей, чуть не сшибаетъ ихъ съ ногъ и, спрятавшись за ними, проситъ ихъ не пропускать дамъ. Двѣ бойкія дамочки хотѣли было погнаться за нимъ, но ихъ не пропустили; онѣ кинулись къ другимъ—и тамъ баррикада; а Пушкинъ, вскочивъ на стулъ, обѣими руками посылаетъ воздушные поцѣлуи. Эта шалость вызываетъ новый взрывъ смѣха.

X.

Отдохнувши отъ «вальсовой потасовки», онъ снова прошелъ въ залу; тамъ прежде всего поэтъ обратилъ вниманіе на мелодичный смѣхъ Аглай, гулявшей подъ руку съ Катиней. Онъ подошелъ къ нимъ. Катинца представила его подругѣ. Въ эту минуту музыка подала сигналъ для кадрили, и онъ пригласилъ ее.

Занявъ уютное мѣстечко на маленькомъ диванчикѣ, Пушкинъ весело болталъ съ Аглаей и былъ видимо очарованъ ею.

— Вы знаете, между прочимъ сказала она,— что сегодня мой послѣдній балъ въ жизни. Я было рѣшила совсѣмъ не выѣзжать, да признаюсь, соблазнилась и пріѣхала только для того, чтобы увидѣть васъ. Очень рада, что воспоминаніе объ этомъ вечерѣ будетъ связано у меня съ воспоминаніемъ о васъ!

Онъ низко наклонилъ голову, въ знакъ признательности за услышанную любезность.

— Значитъ, моей извѣстности, моему имени я обязанъ удовольствіемъ познакомиться съ вами? отвѣтилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь.

Аглая тотчасъ поняла тонкій намекъ.

— По сочиненіямъ я уже была знакома и очарована душой поэта, его умомъ, творчествомъ. Неудивительно, что мнѣ захотѣлось узнать и его личность, когда представился случай, просто и искренно проговорила она, и затѣмъ спросила: — Скажите, правда ли, что вы ужасно тоскуете въ Кишиневѣ? Я такъ люблю свой Кишиневъ, что не могу вообразить, чтобы можно было скучать здѣсь, да еще такому человѣку, какъ вы.

При послѣднихъ ея словахъ Пушкинъ соорилъ такую уморительную, вопросительную гримасу, что она звонко засмѣялась.

— Что значить: «какъ вы?» Неужели и тутъ вы подразумеваете мое имя?

— Я просто думаю, что съ вашимъ талантомъ нигдѣ не должно быть скучно, объяснила она.

— Съ чего это заключили, что я тоскую? Напротивъ, я себя чувствую прекрасно и, пожалуй, не захочу разстаться съ Бессарабіей. А знаете ли что теперь прельщаетъ меня здѣсь больше всего послѣ южнаго солнца? Это, — презираемые всѣми вами кочующіе цыгане. Я просто влюбленъ въ нихъ, и пишу о нихъ теперь цѣлую поэму. Можетъ быть, это будетъ одно изъ лучшихъ моихъ произведеній, потому что я пишу его съ большимъ вдохновеніемъ и наслажденіемъ.

— Гдѣ же и когда будетъ напечатана ваша поэма?

— О, этого я еще самъ не знаю; ее надо обработать, а у меня въ мозгу толпится такое множество образовъ и сценъ, что я рѣшительно не знаю, на чемъ остановиться. Необходимо нѣкоторое время, чтобы разобраться въ этомъ накопленномъ матеріалѣ, создать что нибудь стройное, цѣльное. Навѣрно могу сказать только, что поэма будетъ называться «Цыгане» и начинаться такъ:

«Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ».

— Что же собственно вы находите въ нихъ такого привлекательнаго? робко спросила Аглая.

— Люблю ихъ за обожаніе свободы, образъ жизни, ориги-

нальность, языкъ. Меня связываетъ съ ними симпатіей еще одно чувство, свойственное имъ и мнѣ: это чувство поэзии; оно въ высшей степени развито въ нихъ. На-дняхъ я списалъ съ ихъ словъ одну изъ ихъ пѣсней «Птичка Божія», которую непременно вставлю въ свою поэму.

Сказавъ это, Пушкинъ взглянулъ на Аглаю и замѣтилъ, что она измѣнилась въ лицѣ, опустилась на спинку дивана, глухо застонала и закрылась вѣеромъ.

— Вамъ дурно? тревожно спросилъ Александръ Сергѣевичъ, вставъ съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не беспокойтесь! Такъ, что-то закружилась голова.

Въ это время, вмѣсто шестой фигуры, устроили что-то въ родѣ котильона. Пушкинъ замѣтилъ, что Аглая пристально смотритъ въ одну сторону, и увидѣлъ Адриана, выдѣлывающаго, на потѣху публики, уморительные антрапъ своими слабыми ногами. Онъ былъ уже совсѣмъ пьянъ и танцевалъ съ одной дамой, которая нарочно для этого вытащила его изъ дальней комнаты, пригласивъ на фигуру котильона.

— Какъ вы думаете, Александръ Сергѣевичъ, что должно быть тяжелѣе видѣть: физическую или нравственную смерть любимаго существа? спросила дѣвушка дрожащимъ голосомъ, и вдругъ снова опустилась на спинку и закрыла лицо вѣеромъ.

Истерическій, конвульсивный смѣхъ, смѣшанный съ рыданіями, раздавался въ ухахъ поэта и крупныя слезы потекли по щекамъ Аглаи. Въ залѣ былъ такой шумъ, гамъ и смѣхъ отъ паясничества Адриана, что едва была слышна музыка, и потому на смѣхъ и слезы Аглаи никто не обратилъ вниманія, принимая его за натуральный смѣхъ. Только Пушкинъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, хорошо слышалъ и повялъ, что съ бѣдной дѣвучкой сдѣлался припадокъ истерики. Онъ взялъ ее подъ руку, заставилъ встать, провелъ черезъ пустую диванную до дверей дамской уборной и сдалъ на руки двумъ горничнымъ, а самъ отправился въ гостиную, даль знать Сафтъ о случившемся. Въ залѣ между тѣмъ продолжался шумъ невообразимый; благодаря этому, случай съ Аглаей прошелъ незамѣтно.

Пушкинъ остался въ полутемной диванной, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ суматохѣ въ уборной. Онъ зналъ, что

Белладжй должны сейчасъ уѣхать и поджидалъ ихъ. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на милую дѣвушку, сказать ей на прощаніе что нибудь задушевное, — ея печаль глубоко тронула его. Вскорѣ послышался стукъ подъѣхавшаго экипажа, прошелъ слуга доложить объ этомъ, постучавши въ дверь уборной; наконецъ дамы вышли. Аглаю съ одной стороны поддерживала мать, съ другой — слуга. Пушкинъ, отстранивъ слугу, предложилъ ей свою руку. Дѣвушка улыбнулась ему грустною улыбкою, съ глазами, еще полными слезъ.

— Я убѣжденъ, что свѣтлый умъ всегда сумѣетъ утѣшить больное сердце, и потому надѣюсь, что вы скоро утѣшитесь, сказалъ ей поэтъ, нѣжно пожимая ея руку и подсаживая ее въ экипажъ велѣдъ за матерью.

— Пофтімъ ла ной (пожалуйте къ намъ)! любезно обратилась къ нему Сафта, въ послѣдній разъ кивнувъ ему головой, и коляска тронулась прежде, чѣмъ онъ успѣлъ проговорить обычный отвѣтъ.

Послѣ отъѣзда Аглая, Пушкинъ былъ не въ духѣ — на него напала грусть, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться во весь остальной вечеръ. вмѣсто того, чтобы проказничать, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ на такихъ вечерахъ, онъ былъ серьезень, сосредоточенъ, говорилъ, что у него разболѣлась голова и придумывалъ, какъ бы ему уйти незамѣченнымъ; однако это ему не удалось.

Передъ ужиномъ оркестръ грянулъ джокъ, — національный молдавскій танецъ. Депутація изъ молодежи пошла приглашать стариковъ и старухъ. Вскорѣ въ залу явились «азіаты» и «маменьки», взялись за руки, образовали кругъ и начался потѣшный танецъ. Между старушками и пожилыми дамами многія отлично танцуютъ джокъ, плавно, граціозно двигаются, дѣлая свои па. Мужчины высоко поднимаютъ руки и молодецки притоптываютъ въ тактъ мелкой дробью, задорно поглядывая на своихъ дамъ, а тѣ при этомъ держутъ голову слегка наклонною, какъ бы потупившись, и смотрятъ себѣ подъ ноги.

«Вотъ какъ надо танцевать джокъ!» явно выражаютъ торжествующія фізіономіи стариковъ, въ назиданіе молодежи, которая отъ души смѣется и постепенно замѣняетъ уставшихъ стариковъ, а музыка играетъ все быстрее и быстрее.

Зойца отыскала Пушкина, взяла его за руку и увлекла въ джокъ; возлѣ него очутилась Катѣца съ офицеромъ, уже успѣвшимъ по уши влюбиться въ нее. Немного погодя, кругъ въ одномъ мѣстѣ разошелся, Катѣца пошла впередъ и потянула за собой въ столовую весь джокъ, вытянувшійся въ одну линію и, затѣмъ, въ томъ же порядкѣ размѣстившійся вокругъ стола, предназначеннаго для молодежи. За остальными гостями послѣдовалъ оркестръ, обязанный во время ужина играть и пѣть молдавскія пѣсни.

Пушкину пришлось сидѣть возлѣ Зойцы. Она немилосердно кокетничала съ нимъ; ей хотѣлось во что бы то ни стало видѣть у своихъ ногъ этого петербургскаго молодого человѣка и поэта. Но Александръ Сергѣевичъ былъ не въ духѣ, не поддавался ея кокетству и даже злился на нее, самъ не зная за что. Такъ, въ то время, когда она дѣлала ему глазки, вызывала его на комплименты, онъ вдругъ спросилъ ее, щурясь во всѣ стороны:

— Гдѣ же вашъ мужъ?

Этотъ неумѣстный вопросъ озадачилъ, осадилъ молодую женщину.

— Богъ его знаетъ! Онъ у меня добрый, не мѣшаетъ мнѣ веселиться, зато и я ни въ чемъ не стѣсняю его, отвѣтила молодая женщина, небрежно улыбувшись.

Упорная холодность Пушкина раздражала ее. Въ продолженіе двухъ часовъ ужина, она испробовала всѣ свои чары, чтобы увлечь его, однако все было напрасно, она достигла противоположнаго результата: молодой человѣкъ становился все злѣе и злѣе. Къ концу ужина, Зойца чувствовала досаду. Слезы душили ее, она была готова расплакаться, еслибъ не боялась вызвать насмѣшки соперницъ, особенно Прохирѣицы, которую она затмила своею красотой и нарядами. Привыкшая къ легкимъ побѣдамъ, къ всеобщему поклоненію, Зойца въ первый разъ испытывала жгучія мученія неудовлетвореннаго самолюбія, хорошо знакомыя свѣтскимъ кокеткамъ... Она не подозрѣвала, что волею судьбы, черезъ два года, другая подобная красавица въ Одессѣ*), жестоко отомститъ за нее молодому поэту.

*) Жена одесскаго негодянта м-ме Ризничъ.

XI.

На другой же день, Александръ Сергѣевичъ, въ экипажѣ Низова, поѣхалъ съ визитомъ къ Белладжй. Онъ засталъ у Сафты обѣихъ ея пріятельницъ-сосѣдокъ, жаждавшихъ узнать новости о вчерашнемъ балѣ, на которомъ онѣ не были. Дамы очень любезно встрѣтили поэта, но говорили съ нимъ по-молдавски; онъ же отвѣчалъ имъ по-русски, дополняя свою рѣчь жестами головой и руками, для лучшаго ихъ уразумѣнія. Ему было неловко и скучно. По счастью скоро явилась Аглая, очень блѣдная, но спокойная, улыбающаяся. Они сѣли отдѣльно отъ старухъ и между ними завязался оживленный разговоръ, безъ малѣйшаго намѣка на вчерашній случай.

Когда онъ собирался уходить, Аглая, смѣясь своимъ мелодичнымъ смѣхомъ, сказала ему:

— Хотите я покажу вамъ вашихъ любимцевъ? Сегодня утромъ рано я увидѣла ихъ и вспомнила васъ!

Былъ чудный весенній день. Она повела его черезъ крыльцо во дворъ и подвела къ тому мѣсту низкой каменной ограды, откуда она такъ любила смотрѣть на потокъ воды послѣ дождя, когда вода съ горы, крутясь и пѣнясь, съ ревомъ несется въ долину; съ этого мѣста открывается видъ на самую низменную загородную часть Кишинева и на зеленѣющіе берега маленькой рѣчки. Вотъ тамъ-то видѣлся цыганскій таборъ, только что прикочевавшій, не успѣвшій еще раскинуть своихъ шатровъ. Дальnozоркіе глаза могли различить даже фигуры голыхъ цыганятокъ, бѣгающихъ по берегу, а вѣтеръ доносилъ иногда ихъ громкій говоръ. Пушкинъ былъ очень доволенъ, вскочилъ на стѣнку, защитилъ рукою глаза отъ солнца и долго вглядывался въ даль.

— Сегодня же схожу къ нимъ, познакомлюсь съ ними. Я не пропускаю ни одного такого случая, сказалъ онъ.

Въ это время къ Аглѣй подошла горничная цыганка и, улыбаясь, что-то шепнула ей.

— Веди ихъ скорѣе! приказала она, и потомъ, обратившись

къ поэту, прибавила:—Вамъ будетъ еще одинъ сюрпризъ, Александръ Сергѣевичъ, вотъ сейчасъ увидите!

— Да вы меня такъ балуете, что я не захочу уйти отъ васъ!.. Гдѣ же вашъ сюрпризъ?

— А вотъ сейчасъ явится, весело сказала она.

Дѣйствительно, вскорѣ послышалась бойкая игра на скрипкѣ и кобзѣ (родъ гитары). Изъ-за угла дома, сопровождаемые толпой дворовыхъ ребятишекъ, показались два крошечные цыганенка, едва прикрытые яркими лохмотьями. Старшій, лѣтъ семи, игралъ на маленькой скрипкѣ; другой, лѣтъ пяти-шести, вторилъ ему на кобзѣ, ударяя по короткимъ струнамъ гусинымъ перышкомъ; самъ онъ еще не умѣлъ попадать въ тонъ, мѣнять его въ-время; поэтому, старшій мальчикъ, во время игры, не переставая дѣйствовать смычкомъ, безпрестанно толкалъ его локтемъ въ плечо и покрикивалъ по-свѣдому. Вообще, эти юные артисты были очень забавны. Нельзя было не удивляться имъ: семилѣтній скрипачъ игралъ, конечно, по слуху, много разныхъ пѣсенъ и танцевъ, и игралъ очень хорошо, безъ малѣйшей фальши, даже съ особымъ шикомъ. Смуглыя личики ихъ, смысленныя, съ искрящимися глазками, были прелестны.

Поэтъ былъ въ восторгѣ, отъ души благодарилъ Аглюю. По его просьбѣ, она спросила ихъ по-молдавски, кто выучилъ ихъ играть, и съ ихъ словъ сообщила ему, что у нихъ есть старикъ-отецъ, который лежитъ въ землянкѣ, разбитый параличемъ, онъ-то и выучилъ ихъ играть. Теперь они цѣлый день ходятъ по городу, по базарамъ, кабакамъ и проч., собираютъ деньги, покупаютъ себѣ только хлѣбъ, да что нибудь на закуску, остальное все честно приносятъ вечеромъ отцу.

— Когда вы къ намъ пріѣхали, я послала розыскать ихъ; по счастью ихъ увидѣли недалеко отсюда, добавила Агляя.

— Мнѣ пришла въ голову мысль, воскликнулъ Пушкинъ,— устроить сейчасъ съ ними серенаду генералу Инзову! Кстати, онъ сегодня въ духѣ, мы много шутили и смѣялись за завтракомъ. Не знаю, поѣдутъ ли со мной эти бѣсенята? Спросите ихъ!

Агляя спросила. Конечно, бѣсенята, получивъ щедрую подачку, и предвидя еще большую, охотно согласились ѣхать съ «куконашемъ Пушкинъ».

Подѣхала коляска. Сафта съ пріятельницами вышла на

крыльцо. Пушкинъ простился со всѣми, сѣлъ въ экипажъ, запрягавъ скрипку и кобзу подь сидѣнье.

— А вы, бѣсенята, маршъ на козла! скомандовалъ онъ.

Бѣсенята поняли. Скали бѣлые зубки, вмигъ вскарабкались они туда и скорчились у ногъ кучера, держась рученками за передокъ козель.

Коляска выѣхала при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ и самого поэта.

ХП.

Послѣ Пасхи, въ концѣ апрѣля, Кишиневъ совсѣмъ опустѣлъ, помѣщики и ихъ молодежь, всѣ разѣхались; даже киръ-Антонио уѣхалъ въ недавно купленное имѣніе, поручивъ заведение своему племяннику, а кружокъ русскихъ чиновниковъ не былъ симпатиченъ поэту; однако, онъ, пока еще не замѣчалъ своего одиночества, не скучалъ. Прогулки его были полны прелести, пока длилась весна съ ея воздухомъ, солнцемъ, зеленью и цвѣтами. Но, въ маѣ мѣсяцѣ уже наступили жары и этотъ несносный, горячій вѣтеръ, похожій на бурю, подымаетъ цѣлыя тучи и столбы песку и пыли, и дуетъ почти непрерывно по цѣлымъ недѣлямъ, вплоть до второй весны, т.-е. до бессарабской осени. Во время этой скучной погоды, прогулки сдѣлались затруднительными и потеряли всякую прелесть. Въ домикѣ Наума — тоже заустѣніе. Умолкъ ткацкій станокъ, не слышны пѣсни и смѣхъ Касандры. Все семейство хозяина уѣзжаетъ въ поле съ восходомъ солнца и возвращается съ наступленіемъ ночи; и живутъ они уже не въ зимней квартирѣ, а во дворѣ, въ землянкѣ, въ ясную же погоду ночуютъ на ея камышевой крышѣ.

Только по воскресеньямъ и праздникамъ Кишиневъ немного оживляется праздничными толпами поселянъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ устраивается джокъ съ музыкой. Несмотря ни на какую погоду, ни на жару, молдаване танцуютъ подь открытымъ небомъ свой джокъ и другіе свои танцы, и пляшутъ цѣлый день — съ послѣ обѣда, т.-е., съ 10-ти часовъ до вечерняго благовѣста. Въ такіе дни, Пушкинъ отъ скуки отправляется иногда на джокъ, вмѣшивается въ танцы и рѣзвится съ мол-

даваночками, да подчасъ до того разыграется, что дѣвушки подымутъ крикъ, а парни цѣлой толпой выталкиваютъ его изъ джока и грозятъ отколотить, если онъ еще покажется къ нимъ.

Въ будни Александръ Сергѣевичъ проводитъ все время въ своей комнаткѣ, читаетъ, мечтаетъ, пишетъ стихи. Обѣдать ходитъ къ Антонію, вечеромъ пьетъ чай въ саду, подъ орѣхами, иногда кто нибудь навѣщаетъ его. Въ это время большимъ развлеченіемъ начинаетъ служить ему садъ Инзова. По мѣрѣ того, какъ естественная природа становится унылой, начинаетъ блекнуть, искусственная природа во всемъ блескѣ своей красоты торжествуетъ временную побѣду надъ своей соперницей. Садъ Инзова — замѣчательный садъ, весьма обширный, отлично распланированный, тѣнистый, съ партерами цвѣтовъ, съ группами самыхъ рѣдкихъ деревьевъ (даже померанцевыхъ), съ бесѣдками изъ виноградной лозы и прочими подобными загѣями. Цѣлый штатъ садовниковъ работаетъ въ немъ. Среди этой роскошной растительности, красиво выдѣляется розовый двухъ-этажный домъ генерала *).

И въ этомъ саду любимыми мѣстечками поэта являются все-таки тѣ, которыя всего больше походятъ на дикую, естественную природу, — рожицы изъ большихъ деревьевъ: дубовъ, липъ, орѣховъ и дикихъ каштановъ. Особенно любить онъ липовую, непроницаемую для солнца, и часто проводитъ здѣсь жаркіе дни, никѣмъ невидимый.

Какъ ни былъ добръ Инзовъ, но разъ и онъ сильно разгнѣвался на Пушкина, вышелъ изъ себя, раскричался на него, за какую-то непростительную его выходку съ однимъ изъ должностныхъ лицъ, который на него пожаловался. За одно досталось ему и за упущеніе по какому-то служебному дѣлу и еще за другія шалости. Пушкинъ ушелъ взволнованный, блѣдный, сконфуженный и счелъ себя оскорбленнымъ. Послѣ этого онъ совсѣмъ пресмирѣлъ, дѣлалъ все, что ему было назначено, исправилъ всѣ упущенія, но къ Инзову не являлся иначе, какъ

*) Домъ Инзова въ 60-хъ годахъ еще стоялъ, но сада и тогда уже не было; потомъ его свесли, а теперь на этомъ мѣстѣ, на возвышенности, посаженъ до сихъ поръ названіе «Инзовой горы», красуются конюшни военного вѣдомства.

по дѣламъ, ограничиваясь одними лишь официальными отношеніями. Такъ прошли двѣ недѣли.

Между тѣмъ, у генерала, какъ у всѣхъ мягкосердечныхъ людей, послѣ вспышки весьма скоро наступила реакція. Ему было жаль молодого человѣка, хотѣлось бы утѣшить, приласкать его; какъ совмѣстить это съ положеніемъ начальника, и чтобы не уронить своего авторитета? Унылый, серьезный видъ Пушкина, его ледяной тонъ, угнетаютъ старика все болѣе и болѣе. Пробовалъ онъ ласково заговаривать съ нимъ, давалъ ему понять, что совсѣмъ не сердитъ, разъ даже пригласилъ зайти вечеромъ, однако тотъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать этого и продолжаетъ дуться.

ХІІІ.

Въ одно утро Пушкинъ получилъ приказаніе немедленно явиться къ генералу, и отправился къ нему. Инзовъ принялъ его въ кабинетѣ, лицо у него было озабочено; поэтъ ожидалъ новой бури.

— Послушайте, Пушкинъ, заговорилъ Инзовъ, — теперь я съ вами поговорю не какъ вашъ начальникъ, а какъ вашъ другъ и отецъ. Будьте же вы благоразумны, не портите еще хуже вашей жизни! Вѣдь, если я иногда не сдѣлаю вамъ хоть выговоръ, то и я буду имѣть непріятности, и васъ вышлютъ отсюда въ другое мѣсто, навѣрно худшее, чѣмъ Кишиневъ... Я васъ любилъ, принимаю въ васъ сердечное участіе, а другой еще неизвѣстно какъ отнесется къ вамъ. И меня, прошу васъ, пожалѣйте, не доводите меня до сердецъ... Вотъ я намедни... въ пылу гнѣва... можетъ быть ужъ черезчуръ...

Генераль вдругъ умолкъ, сталъ ходить большими шагами по комнатѣ; поэтъ глядѣлъ на него растерянно: онъ понималъ, что тотъ правъ, что ему слѣдуетъ успокоить его, извиниться передъ нимъ, но на него напала какая-то нерѣшительность, несвойственная ему робость, онъ не могъ выговорить ни слова, только лицо выдавало его душевное состояніе. Вдругъ Инзовъ подходитъ къ нему, обнимаетъ его за шею и цѣлуетъ въ лобъ.

— Ну, довольно дуться, помиримся!

Взволнованный, растроганный, Пушкинъ наконецъ заговорилъ.

— Ваше превосходительство, простите меня, я сознаю, что причиняю вамъ много хлопотъ и неприятностей...

— То-то же, будьте осмотрительнѣе и воздержаннѣе въ своихъ поступкахъ! А теперь, продолжалъ генералъ, весело потирая руки: — теперь вотъ что я предложу вамъ: для того, чтобы мнѣ легче было наблюдать за вами, а вамъ — за собой, предлагаю вамъ переселиться ко мнѣ и жить у меня. Вотъ, пойдемъ, я покажу вамъ ваши комнаты!

Двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ, окнами въ садъ, съ видомъ на часть города и на далекіе лѣса и поля, были настоящимъ дворцомъ въ сравненіи съ его, хотя уютной, но маленькой, низенькой и уже надѣвшею ему комнаткой; — другую такую роскошную квартиру въ Кишиневѣ нельзя было бы найти ни за какія деньги. Онъ вышелъ отъ Инзова въ самомъ радостномъ настроеніи, какого давно не испытывалъ.

Кипучая натура поэта не могла таить въ себѣ ни печали, ни радости, надо непременно излить ихъ передъ кѣмънибудь сейчасъ же, сію же минуту. На этотъ разъ, прежде всѣхъ попался ему на глаза старый слуга Инзова «мѣшу Тодеръ» (дядя Феодоръ), подметавшій крыльцо. Пушкинъ часто шутилъ съ нимъ, и только съ нимъ однимъ рѣшался *лепетать* по-молдавски. Увидѣвъ «куконаша», не успѣлъ Тодеръ снять шапку, какъ тотъ обхватилъ его вмѣстѣ съ метлой и нѣсколько разъ перекружился съ нимъ.

— Эй-эй! да чѣй цѣ'есте? лѣсса ме! (что съ тобой? оставь меня)! кричитъ Тодеръ, а «куконашъ» уже успѣлъ сбѣжать съ горки, и въ три прыжка очутился за воротами.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Александръ Сергѣевичъ перенесся въ домъ Инзова, гдѣ ему суждено прожить два года.

Въ эти годы тихой, безмятежной жизни въ провинціальной глуши, къ которой онъ успѣлъ примѣниться, въ душѣ поэта выросло и созрѣло чувство, наложившее печать на всѣ его послѣдующія произведенія, создавшее ему безсмертіе и вѣчную признательность русскаго народа, это чувство — любовь къ ро-

динѣ. Здѣсь, вдали отъ нея, въ тоскѣ по ней, онъ много думалъ о Россіи, мечталъ о ея будущности всякій разъ, когда ему приходилось читать историческія книги о другихъ государствахъ. Онъ твердо вѣрилъ въ ея прогрессивное движеніе, въ ея будущую силу и славу.

«Послужу ей хоть перомъ! часто думалъ поэтъ. Опишу ея исторію, пѣсни, сказки, былины». —

«И памятникъ себѣ *создамъ* нерукотворный!»

И. Н. Потепенко.

ВЕЧЕРЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

— Прощу тебя, Лёша, помоги мнѣ это сдѣлать... Устрой мнѣ это... Я ручаюсь, что тебѣ придется похлопотать совсѣмъ немножко. Ну, пожалуйста... Ну, Лёша...

— Ты находишь это необходимымъ?

— Необходимо, необходимо!.. Совсѣмъ, совсѣмъ необходимо...

И Ольга Васильевна подошла близко къ креслу, въ которомъ онъ сидѣлъ, и онъ ощутилъ ее около себя. Онъ не видѣлъ ея, потому что она стояла позади его, держась обѣими руками за спинку кресла, но чувствовалъ, какая она въ эту минуту пышная и красивая.

Это былъ самый неотразимый доводъ его жены. Она прибѣгала къ нему только въ крайнихъ случаяхъ, когда знала на вѣрное, что разумными доводами не сможетъ доказать законность своего нестерпимаго желанія. Она тогда и не пыталась приводить разумные доводы, а просто прибѣгала къ этому.

Она называла его Лёшей, это тоже надо было цѣнить. Въ обычное время онъ былъ для нея Алексѣемъ Петровичемъ. Это надо было цѣнить, какъ и все остальное, какъ и то, что она — красивая, пышная, всегда по праздничному одѣтая, всегда «на

высотѣ призванія женщины», благоухающая тонкими духами — его жена, жена Алексѣя Петровича Вожнина, — полинявшаго, выцвѣтшаго, потерявшаго весь букетъ мужчины въ непрестанномъ утомительномъ шествіи къ чину статскаго совѣтника и къ тому не слишкомъ большому, но и не маленькому окладу, который позволялъ ему прилично одѣвать жену, недурно обставить квартиру, принимать знакомыхъ, посѣщать театры и вечера.

Передъ нимъ на письменномъ столѣ лежали длинные листы бумаги, мелко исписанные вдоль и поперекъ, съ помарками и приписками на поляхъ. Она оторвала его отъ работы на полусловѣ, а докладная записка была важная и спѣшная. Отъ нея многое зависѣло. При удачѣ могло быть феерическое движеніе по службѣ.

И это тоже заставило его поскорѣе согласиться. Это было тѣмъ болѣе благоразумно, что все равно въ концѣ концовъ, можетъ быть послѣ долгихъ возраженій, онъ согласился бы.

У Ольги Васильевны въ запасѣ были еще болѣе сильные доводы: низкія сдержанныя грудныя ноты слегка вибрирующаго голоса, нѣжныя названія: «милый Лѣша... Миленькій Лѣкъ»... И совсѣмъ-совсѣмъ тихое: «Лю-у»... Путешествіе чуть-чуть пухленькой ручки по его бѣдному волосами теменю и длинной сухожильной шеѣ...

О, эти одурачящіе доводы! Богъ съ ними. Они лишаютъ его самообладанія. Онъ теряетъ равновѣсіе духа, то равновѣсіе, которое совершенно необходимо ему для завершения докладной записки и дальнѣйшаго спокойнаго шествія по служебной лѣстницѣ.

— Хорошо, хорошо... Мы это устроимъ... поспѣшно согласился онъ, — ты мнѣ расскажешь, что я долженъ сдѣлать.

— И скоро? спросила Ольга Васильевна, слегка наклонивъ голову надъ его лысиной, такъ что онъ чувствовалъ движеніе воздуха, происходившее отъ ея говора:—вѣдь теперь уже четвертая недѣля! Тамъ придетъ Пасха и конецъ сезона. Надо все сдѣлать въ одну недѣлю. Хорошо?

— Хорошо.

— Я тебѣ мѣшаю?

— Нѣтъ, но... Это дѣйствительно къ спѣху.

— Я уйду...

Она отодвинулась от него, повернулась къ двери, вышла изъ кабинета и тихонько притворила дверь. И онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ ея шагомъ съ него, звено за звеномъ, спадаютъ цѣпи. Еще ароматъ ея духовъ наполнялъ комнату и пріятно щекоталъ обоняніе, но ея уже не было. Можетъ быть, она уже въ третьей комнатѣ и тамъ, со свойственной ей энергіей въ исполненіи своихъ желаній, дѣлаетъ распоряженія, пишетъ письма, организуетъ. Можетъ быть, она уже надѣла шляпку и накидку и уѣхала къ знакомымъ пропагандировать свою мысль. Но все равно — это уже неизбежно. Онъ согласился, онъ долженъ...

Докладная записка лежала передъ нимъ, но голова его теперь не годилась для того, чтобы производить тѣсно лекація одна подъ другой строчки. Онъ съ поразительной ясностью представилъ себѣ, какъ это все выйдетъ и видѣлъ и понималъ, что это выйдетъ въ высшей степени глупо и плоско. И тѣмъ не менѣе, все равно онъ это продѣлаетъ.

Петля заброшена ему на шею. Веревка вздернута на крюкъ и онъ будетъ висѣть въ такомъ положеніи, пока не кончится эта исторія, пока желаніе Ольги Васильевны не выполнится до малѣйшей подробности.

Странный онъ мужъ. Странное у нихъ супружество! Она его не любитъ, онъ знаетъ это навѣрное. Она не можетъ любить его, потому что — съ какой стати ей — красивой, пышной, молодой и ничего не дѣлающей, любить его, преждевременно состарѣвшагося, длиннаго, сухопараго, сутуловатаго, поблекшаго? Съ какой стати ей любить его? За что?

Какъ мужчина, онъ ровно ничего не стоитъ. Его способности извѣстны высшему начальству, но вѣдь эти способности проявляются въ докладныхъ запискахъ и отношеніяхъ, которыхъ она не читаетъ. Она не можетъ оцѣнить ихъ. Она его не любитъ и не любила восемь лѣтъ тому назадъ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Онъ и тогда зналъ это и тѣмъ не менѣе и тогда, какъ теперь, не могъ устоять передъ ея близостью, передъ благоуханіемъ ея пышныхъ волосъ, передъ ея большими лучистыми, дышащими чисто животной жаждой жизни глазами, передъ всѣмъ, чѣмъ обладаетъ эта женщина.

И теперь они живутъ разными жизнями. Онъ — весь въ своей

службѣ. Вся остальная жизнь идетъ мимо него, совсѣмъ не за-
дѣвая его. Науки, искусства, модные вопросы, о которыхъ гово-
рятъ въ обществѣ, политика, о которой пишутъ въ газетахъ и
болтаютъ въ гостиныхъ,— все это ему чуждо, онъ отъ всего от-
сталъ, и когда при немъ возбуждаются такіе вопросы, ему ка-
жется, что онъ дремлетъ и видитъ смутные сны. Кабинетъ и
канцелярія, доклады, мотивы, соображенія,— вотъ все, что состав-
ляетъ кругъ его жизни.

Часто онъ сопровождаетъ Ольгу Васильевну въ театръ, въ
концертъ, на вечера, но тамъ у него всегда въ головѣ одна мысль:
какъ долго это тянется! скоро ли это кончится? Онъ вездѣ ску-
чаетъ, вездѣ, гдѣ люди ходятъ съ оживленными лицами, гдѣ раз-
даются живыя, увлекательныя рѣчи. Тамъ у него лицо похо-
дитъ на маску, снятую съ мертвеца.

Но въ канцеляріи, въ своемъ кабинетѣ, когда передъ нимъ
длинные листы и рука его, держащая перо, бѣгаетъ по нимъ,
оставляя послѣ себя буквы, буквы и буквы, въ глазахъ его появ-
ляется мысль, лицо одухотворяется, онъ чувствуетъ въ себѣ
подъемъ силъ. До этого надо дойти, и онъ дошелъ, начавъ карь-
еру прямо со школьной скамьи, когда ему было двадцать четыре
года. И вотъ дошелъ уже до сорока семи. Таковъ онъ.

А она, вѣчно волнуемая какими-то непонятными ему инте-
ресами, окруженная вздыхающими поклонниками, посѣщающая
выставки, театральныя новинки, базары, всегда счастливая, все-
гда ликующая, всегда и во всемъ умѣющая выдѣлать себя на
первый планъ...

Это два полюса, которымъ, повидимому, не суждено никогда
сойтись. И они живутъ вмѣстѣ. Они — мужъ и жена. Онъ въ ея
власти, во власти не души ея, которую онъ не имѣлъ даже вре-
мени разглядѣть хорошенько, а только ея красивыхъ глазъ, ея
одуряющей улыбки, возбуждающаго голоса, ея рѣдкой, но зато
дорого цѣнимой нѣжности, которая, какъ онъ навѣрно знаетъ, и
вытекаетъ не изъ чувства, а только изъ рѣшенія добиться сво-
его и увѣренности, что именно этимъ она отъ него всего до-
бьется. Что дѣлать! Это такъ, но это такъ и останется.

Желанія у нея приходятъ внезапно, они никогда не бы-
ваютъ сколько нибудь достаточно мотивированы. Для него, при-
выкшаго постоянно «мотивировать и соображать», это имѣеть

важное значеніе. Но ужъ разъ желаніе пришло, она не успокоится, пока не выполнитъ.

Конечно, онъ самъ виноватъ въ этомъ, потому что никогда не умѣлъ противостоятъ ей. Онъ приучилъ ее къ легкому достиженію желаній. Но онъ по крайней мѣрѣ самъ для себя старается мотивировать ея желанія.

Почему это, а не другое? Почему, напримѣръ, теперь, она такъ упорно хочетъ устраивать этотъ вечеръ въ пользу какихъ-то голодающихъ? Что такое для нея эти голодающіе? Для нея, всегда сытой, любящей комфортъ и не умѣющей отказывать себѣ даже въ пустомъ?

Чувствительностью она не отличается, напротивъ—душа ея черства. Почему же? Но онъ нашель, нашель. Это ея демократическое прошлое. Ея отецъ—фанатическій земскій дѣятель. Въ ихъ семьѣ постоянно говорили о народѣ. Старшій братъ, имѣя полную возможность занять въ Петербургѣ медицинскую кафедру, поѣхалъ въ деревню, чтобы лѣчить народъ. Это, такъ сказать, механической отголосокъ семейныхъ традицій, своего рода атавизмъ.

Она и во всемъ, не имѣя въ сущности никакихъ убѣжденій, высказывается въ слегка демократическомъ смыслѣ. Иногда это даже пугало его. Не можетъ ли это повредить его карьерѣ? И одно время, въ началѣ его женитьбы, даже вредило. На него косо поглядывали. Но въ послѣднее время это сдѣлалось моднымъ и онъ успокоился. Высшіе чиновники стали признавать, что дѣйствительно существуетъ народъ и что онъ голодаетъ и что нужно его кормить.

Прежде думали, напримѣръ, что въ канцеляріи говорить объ этомъ неудобно, потому что это не входитъ въ кругъ канцелярскихъ задачъ и вообще не относится къ дѣлу. А теперь какъ-то вдругъ это стало относиться къ дѣлу и притомъ рѣшительно ко всякому дѣлу.

Ольга Васильевна дѣйствительно тотчасъ же, какъ ушла изъ кабинета, съ свойственной ей стремительностью взялась за выполнение своего плана. Дюжины полторы писемъ, редактированныхъ, немногіе въ изысканно-навязчиво-любезномъ тонѣ, но большею частью въ безусловно повелительныхъ наклоненіяхъ, были написаны ею въ одинъ присѣвъ. Нѣкоторымъ приказыва-

валось немедленно явиться, другимъ внушалось, что они должны оказать содѣйствіе, распространить, продать столько-то билетовъ.

Квартира у Вожиныхъ была не велика. Единственная комната въ два окна могла вмѣстить въ себѣ самое большее душъ тридцать-сорокъ, но Алексѣй Петровичъ уступитъ свой кабинетъ, она — свою спальню превратитъ во вторую гостиную, столовая тоже сыграетъ свою роль. Артисты будутъ, конечно, исполнять свою программу въ большой комнатѣ, которая называется то залой, то гостиной, смотря по обстоятельствамъ. Тамъ кстати стоитъ и рояль, на которомъ Ольга Васильевна исполняетъ единственный шопеновскій вальсъ, который она играетъ всю жизнь. Такимъ образомъ, смѣло можно надѣлать сотню билетовъ. Цѣна? Назначить меньше десяти рублей неприлично. Ну, будутъ маленькіе расходы, кой-чѣмъ угостить надо, кареты для артистовъ, все это пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить, — и нѣсколько сотенъ очистится. На нихъ можно открыть столовую гдѣ нибудь въ Самарской губерніи — столовую имени Ольги Васильевны Вожиной. Кто нибудь поѣдетъ туда.. Кто? Ну, кто нибудь. На это всегда найдутся охотники. Какая нибудь курсыстка съ блѣднымъ лицомъ. Онѣ это любятъ.

Тамъ, въ Самарской губерніи, въ деревнѣ, живетъ ея братъ докторъ. Онъ на нее дуется, два года даже писемъ не пишетъ. Говоритъ, что она вышла за петербургскаго чиновника-карьериста и мѣтитъ въ генеральши и такимъ образомъ измѣнила традиціямъ ихъ «земской семьи». Вотъ тогда онъ узнаетъ о столовой имени Ольги Васильевны Вожиной и перестанетъ дуться.

Положимъ, ей было это все равно. Брата она не любила. Онъ слишкомъ важничаетъ своимъ подвигомъ, что пренебрегъ каеэдрой и «посвятилъ себя служенію народу». Но все-таки въ глубинѣ души у нея была кака-то ничѣмъ не смываемая слабость къ демократизму. Атавизмъ, какъ говоритъ ея мужъ.

На другой день послѣ двѣнадцати часовъ, то-есть когда Ольга Васильевна была уже одѣта, какъ всегда, по праздничному (потому что вѣдь у нея и былъ въ дѣйствительности всегда праздникъ) — съ щенетильной прической, для которой она держала даже горничную, съ благоуханіемъ ея всегдашнихъ духовъ,

каждые четверть часа раздавались звонки. Очевидно, не на одного Алексѣя Петровича такимъ роковымъ образомъ дѣйствовали ея лучистые глаза. Поклонники манкировали службой—у всѣхъ у нихъ была служба,—забѣгали на десять минутъ, выслушивали рядъ повелительныхъ наклоненій и уходили съ обѣщаніемъ непременно исполнить.

Была выработана форма приглашеній; одному поручено заказать ихъ въ типографіи. Алексѣй Петровичъ фигурировалъ въ нихъ во всю свою величину. Онъ «имѣлъ честь почтительнѣйше просить не отказать въ любезности и помочь своимъ благосклоннымъ присутствіемъ устройству добраго дѣла—помощи голодающимъ», обѣщая притомъ же доставить своимъ гостямъ «художественное наслажденіе». Ему объ этомъ даже не сказали. Согласіе его разумѣлось само собой.

Дѣло кипѣло. Алексѣй Петровичъ на другой день по обыкновенію былъ на службѣ, потомъ дома торопливо обѣдалъ. Докладная записка еще не была кончена и онъ сегодня рассчитывалъ работать почти всю ночь. Если онъ окажется неисправнымъ, это будетъ событіемъ въ канцеляріи и это доставитъ слишкомъ много удовольствія его врагамъ.

Его враги, это — легкомысленные чиновники, которые, опираясь на протекцію, служатъ кое-какъ и всегда неисправны. Они называютъ его прилежной тупицей, канцелярской машиной и т. д. Онъ на это не обращаетъ вниманія. У него вѣдь никогда не было протекціи. Онъ достигъ всего работой. Но зато теперь онъ самъ себѣ протекція. Онъ нуженъ, онъ необходимъ, онъ неизбѣженъ. Если бы въ одинъ ужасный день онъ пересталъ функционировать, вся канцелярія, начальники и подчиненные въ равной мѣрѣ застыли бы въ позѣ недоумѣнія. Они не знали бы, за что приняться и съ какого конца начать. Подчиненные исполняли его порученія, согласно его указанію, начальство соглашалось съ его мотивированнымъ мнѣніемъ и клало резолюціи, сообразно съ его предположеніями.

И онъ хотѣлъ уже захватить съ собой кофе и уйти въ кабинетъ.

— Алексѣй Петровичъ, тебѣ завтра надо кое-что устроить! сказала Ольга Васильевна.

— А? разсѣянно спросилъ онъ.—Завтра?

— Ну да. Надо съездить къ нѣкоторымъ артистамъ и пригласить ихъ на нашъ вечеръ.

— Зачѣмъ?

Его мысль просто была слишкомъ далека отъ этого вечера и онъ сразу не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Но какъ зачѣмъ? Они будутъ исполнять... Мы уже намѣтили ихъ. Надо только пригласить. Конечно, можно бы безъ тебя. Вѣдь это пустая формальность. Не могутъ же они отказаться, когда ихъ просятъ... ну, все-таки въ такой домъ. И цѣль такая... неловко. Ты хозяинъ, ты устроитель... И вдругъ кто-то посторонній приглашаетъ. Ты съездишь?

— Но когда? Съ утра до пяти съ половиной, ты знаешь, я занятъ... попробовалъ возразить Алексѣй Петровичъ.

— Ну, ты устройся какъ нибудь. Вѣдь безъ этого нельзя. Видишь, мы уже заказали пригласительные билеты отъ твоего имени и тамъ сказано, что ты... Я не помню ужъ какъ, — ну, однимъ словомъ, что ты доставишь гостямъ художественное наслажденіе...

Алексѣй Петровичъ слабо усмѣхнулся и подумалъ: «хотѣлъ бы я увидѣть этихъ людей, которымъ я могу доставить художественное наслажденіе...» А Ольга Васильевна, видя на лицѣ его нерѣшительность, направила на мужа все лучи своихъ глазъ, до сихъ поръ разсѣянные въ безпредметномъ пространствѣ.

— Ну, какъ нибудь сдѣлай... Сдѣлай, Лѣша...

— Хорошо, хорошо! безпомощно сказалъ Алексѣй Петровичъ. — Такъ когда же и куда ѣхать?

У Ольги Васильевны уже въ рукѣ былъ листикъ бумаги со спискомъ артистическихъ силъ, написаннымъ не ея рукой. Списокъ составлялся сообща, а писалъ кто-то изъ вчерашнихъ гостей.

— Вотъ тутъ все записаны. Ты сдѣлай, сдѣлай, Лѣша! Хорошо?

И она слегка прищурила глаза и улыбнулась ему. Онъ взялъ списокъ, положилъ въ карманъ и сказалъ:

— Хорошо, хорошо.

Это было его любимое слово, которымъ онъ, однакожъ, не злоупотреблялъ. Когда онъ его сказалъ, то значить сдѣлаетъ. И уже все знали и довольствовались этимъ словомъ.

Онъ сидитъ въ кабинетѣ. Передъ нимъ кофе, который стынетъ. Докладная записка дожидается, чтобъ ею занялись. А онъ читаетъ списокъ артистовъ, которыхъ долженъ приглашать.

«Скрипачъ Брукеръ, живетъ на Мойкѣ, 184 номеръ. Декламаторъ Волжско-Камскій, пѣвица Лазутчикова... Виолончелистъ Меркуловъ, флейтистъ Мейергофъ», читаетъ Алексѣй Петровичъ и думаетъ: что онъ будетъ дѣлать съ этими почтенными именами? Вѣдь это, должно быть, извѣстные музыканты. О, навѣрно извѣстные, иначе они не попали бы въ списокъ, составленный Ольгой Васильевной. Но онъ ихъ не знаетъ. Можетъ быть, онъ и слышалъ ихъ въ какомъ нибудь концертѣ, но вѣдь ему тогда было все равно до того, кто и что играетъ. Они его и подавно не знаютъ. Откуда же? Въ канцелярію они не ходятъ. Почему же онъ поѣдетъ къ нимъ? Какія, у него есть основанія просить ихъ участвовать въ вечерѣ, устраиваемомъ его женой?

Ну, хорошо. Онъ пріѣдетъ къ скрипачу Брукеру, пошлетъ ему свою карточку, — скрипачъ Брукеръ прочитаетъ и съ недоумѣніемъ пожметъ плечами: «Алексѣй Петровичъ Вожнинъ». Что такое Алексѣй Петровичъ Вожнинъ въ глазахъ скрипача Брукера? Въ канцеляріи понимаютъ, что онъ такое. Тамъ есть люди, которые о немъ самаго плохого мнѣнія. Но есть и такіе, которые цѣнятъ его и, можетъ быть, даже допускаютъ мысль, что онъ поѣдетъ далеко, высоко и, чего добраго, будетъ даже когда нибудь министромъ. Но скрипачъ Брукеръ ничего о немъ не думаетъ и для него эти три слова — «Алексѣй Петровичъ Вожнинъ» — не болѣе, какъ три пустыхъ звука. И вотъ онъ къ нему выходитъ. Алексѣй Петровичъ смущенъ. Конечно смущенъ, потому что чувствуетъ, что пришелъ требовать отъ человѣка того, на что не имѣетъ права. И заппаясь, онъ начинаетъ объяснять, въ чемъ дѣло. Видите ли, его жена устраиваетъ вечеръ въ пользу голодающихъ, такъ вотъ... Скрипачъ Брукеръ выслушалъ — и что-жъ дальше? А дальше онъ имѣетъ право сказать: милостивый государь, ваша жена устраиваетъ вечеръ въ пользу голодающихъ. Отлично! доброе дѣло! прекрасное дѣло! Ну и пусть устраиваетъ; желаю ей успѣха. А я здѣсь совершенно не причемъ. Вотъ если бы я, Брукеръ, устраивалъ вечеръ въ пользу голодающихъ, такъ я вовсе не

поѣхалъ бы приглашать вашу жену играть на скрипкѣ, или на чемъ ей угодно, а самъ сыгралъ бы. Досвиданья.

И онъ будетъ правъ. То же самое могутъ сказать и декламаторъ Волжско-Камскій, и пѣвица Лазутчикова и флейтистъ Мейергофъ. И онъ, Алексѣй Петровичъ, будетъ въ отчаянномъ положеніи, потому что не можетъ представить имъ ни мотивовъ, ни соображеній. Какіе мотивы? Никакихъ мотивовъ не можетъ быть! Какія соображенія? Это противорѣчить всякимъ соображеніямъ. И тѣмъ не менѣе онъ поѣдетъ завтра утромъ, можетъ быть опоздаетъ на службу и все-таки поѣдетъ и все претерпитъ.

Онъ твердо рѣшилъ, что поѣдетъ и рѣшилъ главнымъ образомъ для того, чтобы больше объ этомъ не думать и писать докладную записку. Да, онъ давно уже нашелъ этотъ чудный способъ избавлять себя отъ излишнихъ тревожныхъ размышленій. Когда отъ него требуютъ какойнибудь глупости, чегонибудь смѣшнаго, нелѣпаго, надо какъ можно скорѣе рѣшить сдѣлать это. Тогда всякія тревожныя мысли исчезаютъ и не мѣшаютъ заниматься дѣломъ. Ну, что за важность, если онъ сдѣлаетъ глупость или будетъ полчаса смѣшнымъ? Вѣдь это пройдетъ! Ну, такъ, значить, нечего объ этомъ и беспокоиться.

На другой день въ канцеляріи былъ чрезвычайно рѣдкій случай. Алексѣй Петровичъ опоздалъ на службу. Директоръ обыкновенно пріѣзжалъ около часу. Въ это время вся канцелярія была уже готова къ пріѣзду его. Всѣ дѣла налажены и при директорѣ уже все шло такъ, что ни въ чемъ не было ни сучка, ни задоринки. Дѣла, которымъ было суждено найти себѣ рѣшеніе въ этотъ день, правильной шеренгой стояли у дверей кабинета директора, входили туда по очереди, получали свою резолюцію и, покидая канцелярію, шли на вольный воздухъ.

На этотъ разъ Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ за четверть часа до прибытія директора. Конечно, оказалось, что безъ него всѣ занимались разговорами. Между двумя помощниками столоначальника произошелъ даже страстный споръ по дѣлу Дрейфуса. Ничего не было готово, и когда пріѣхалъ директоръ, произошла путаница и всѣ сбились съ ногъ.

— Что это у васъ нынче беспорядокъ такой? спросилъ директоръ, впрочемъ безъ всякаго гнѣва, такъ какъ въ сущности

ему было рѣшительно все равно, порядокъ ли въ канцеляріи, или безпорядокъ.

Алексѣй Петровичъ взялъ тотчасъ же всю вину на себя и доложилъ, что неотложныя личныя дѣла заставили его опоздать. А неотложныя личныя дѣла были такого рода, что у Алексѣя Петровича черепъ трещалъ отъ нихъ. Скрипачъ Брукеръ принялъ его съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ Юпитеръ громовержецъ, а Алексѣй Петровичъ послѣдній идиотъ. Брукеръ игралъ первую скрипку въ какомъ-то оркестрѣ и это давало ему право считать себя гениальнымъ музыкантомъ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки и объявилъ, что у него каждый часъ стоитъ пять рублей и всѣ часы разобраны. Алексѣй Петровичъ ставилъ ему на видъ, что вечеръ въ пользу голодающихъ. Брукеръ посмотрѣлъ на него холоднымъ взглядомъ и сказалъ, что онъ уже у какого-то его высокопревосходительства и у какого-то его сіятельства игралъ въ пользу голодающихъ и находить, что этого достаточно. Словомъ, Алексѣй Петровичъ почувствовалъ, что его личность ничего не говоритъ Брукеру и что будь онъ его сіятельство, то первая скрипка оркестра безъ всякихъ разговоровъ была бы къ его услугамъ. Въ заключеніе Брукеръ сказалъ, что, можетъ быть, онъ и прійдетъ, но навѣрное сказать не можетъ. Въ этомъ Алексѣй Петровичъ увидѣлъ обѣщаніе навести справки о его личности. «Чортъ знаетъ, какому униженію я себя подвергаю!»

Декламаторъ Волжско-Камскій прямо заявилъ, что онъ самъ почти что голодающій, въ чемъ Алексѣй Петровичъ имѣлъ полную возможность убѣдиться по обстановкѣ его квартиры, и что вообще онъ меньше, какъ за двадцать пять рублей, не поѣдетъ; а когда Алексѣй Петровичъ выразилъ ему согласіе дать двадцать пять рублей, Волжско-Камскій, очевидно не ожидавшій этого, началъ разсыпаться въ благодарностяхъ и попросилъ задатокъ.

Пѣвица Лазутчикова ломалась въ теченіе сорока минутъ да такъ, что у Алексѣя Петровича явилось очень опредѣленное желаніе убить ее. И онъ не привелъ его въ исполненіе единственно потому, что существуютъ уголовныя законы и островъ Сахалинъ. Она потребовала, чтобы послѣ концерта въ газетахъ было напечатано, что концертъ блестяще удался, исключительно благодаря участію ея, Лазутчиковой.

Флейтистъ Мейергофъ вышелъ къ нему съ распухшими губами и сослался на нихъ, какъ на доказательство чрезвычайной трудности его искусства; онъ былъ крайне изумленъ, что его зовутъ играть соло въ концертъ. Съ нимъ никогда еще этого не случалось. И ему это льстило. Съ трудомъ выговаривая слова, такъ какъ распухшія губы плохо повиновались ему, онъ сказалъ, что прійдетъ, если опухоль пройдетъ.

Виолончелистъ Маркеловъ какъ разъ въ это время пилъ запоемъ, три дня уже не ночевалъ дома и уже заложилъ свою виолончель. Этому страшно обрадовался Алексѣй Петровичъ, такъ какъ не надо было тратить время на переговоры съ виолончелистомъ. Не случись этого благодѣтельнаго запоя, онъ, пожалуй, пріѣхалъ бы въ канцелярію позже директора, а это уже произвело бы настоящую сенсацію и было бы ничѣмъ не смываемымъ пятномъ на его служебной репутаціи.

Вечеромъ, за обѣдомъ, Алексѣй Петровичъ разсказалъ о своихъ приключеніяхъ Ольгѣ Васильевнѣ и уже затѣмъ до пятницы его оставили въ покоѣ. И что дѣлалось для предполагаемаго вечера, онъ не зналъ и не выкалъ.

А дѣлалось многое. Прежде всего экстренно, съ сумасшедшей спѣшностью, на Фонтанкѣ, у французской портнихи дѣлалось новое платье для Ольги Васильевны. Безъ сомнѣнія, она, какъ хозяйка, должна быть одѣта изыщѣе всѣхъ дамъ. А межъ тѣмъ приглашены такія дамы, которыя любятъ показать себя. Затѣмъ, такъ какъ вечеръ будетъ парадный, надо произвести нѣкоторый ремонтъ въ квартирѣ, кое-что подновить, кое-что пріобрѣсти совсѣмъ новое. Тамъ недостаетъ столика, здѣсь картины, тутъ коврика. Цвѣточному магазину поручено декорировать квартиру растеніями и цвѣтами. Договорены кареты для артистовъ. Но самое главное вниманіе было сосредоточено на угощеніи. Конечно, будь это гдѣ нибудь въ концертной залѣ, тогда объ этомъ не пришлось бы думать. Но у себя дома нельзя же отпустить людей голодными. Были приглашены поваръ и лакей, заказана провизія, закуски, сласти, вино. Дѣятельность была кипучая. Ольга Васильевна была на высотѣ призванія благотворительницы, которая умѣетъ устроить все, какъ слѣдуетъ. Поклонники бѣгали по городу, умоляя своихъ знакомыхъ взять билеты. Иные привирали, обѣщая итальянскую пѣвицу,

цѣлый оркестръ румынъ, чуть ли не самихъ Сарасате и Гофмана; но продажа шла вяло, и Ольга Васильевна, которая объ этомъ знала, начала волноваться.

Въ пятницу за обѣдомъ, когда Петръ Алексѣевичъ, можетъ быть, уже окончательно свыкся съ мыслью, что отъ него больше ничего не потребуютъ, Ольга Васильевна сказала ему:

— Надѣюсь, Алексѣй Петровичъ, что ты уже пригласилъ на нашъ вечеръ своего директора!

Алексѣй Петровичъ съ невыразимымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Директора? На этотъ вечеръ? Директора?

— Но какъ же? какъ же? Ты устраиваешь, ты служишь въ его канцеляріи, ты занимаешь тамъ вліятельное положеніе... Странно, если бы у насъ на вечерѣ въ пользу голодающихъ не было твоего директора. Надѣюсь, онъ сочувствуетъ голодающимъ?

— Да... По всей вѣроятности. Но изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ! съ необычною для него твердостью сказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Какъ? Ты не хочешь пригласить его?

— Не не хочу, а не могу.

— Я не понимаю. Какъ же это такъ? Ты устраиваешь вечеръ, ты тамъ занимаешь положеніе...

— Я не устраиваю вечеръ, мой другъ... Это ты устраиваешь...

— Но надѣюсь, это все равно... Приглашенія отъ твоего имени. Артистовъ пригласилъ ты. Наконецъ, это твой домъ столько же, сколько и мой.

— Да, конечно... Но... директора я звать не могу.

— Не можешь?

— Не могу, не могу, рѣшительно сказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Но послушай, Леша... Войди ты въ мое положеніе. Вѣдь это обѣщано...

— Кому? Что обѣщано?

— Да всѣмъ сказано, что будетъ директоръ...

— Но вѣдь это концертъ, а мой директоръ не поетъ и не играетъ на флейтѣ и не декламируетъ.

— Леша... Какъ тебѣ не стыдно?... Ты дѣлаешь видъ, что не понимаешь... Вѣдь это же ясно... Многіе, очень многіе пойдутъ только туда, гдѣ рассчитываютъ встрѣтить извѣстныхъ лицъ. Ну, Леша... Ну...

И Ольга Васильевна встала, чтобы подойти къ нему поближе, а Алексѣй Петровичъ въ этотъ моментъ вдругъ почувствовалъ, что на него надвигается каменная глыба, которая сейчасъ раздавитъ его. Близость прикосновенія, благоуханіе, грудной голосъ, интимный шопотъ... О, это его враги, которые сильнѣе его и онъ долженъ отъ нихъ бѣжать. И онъ вдругъ порывисто поднялся и отскочилъ къ двери, которая вела черезъ гостиную въ кабинетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь, я не могу... Все, что угодно, но это—нѣтъ!

Онъ сдѣлалъ рукой такой жестъ, какъ будто боялся, чтобы она не подошла къ нему.

— Ну, Леша... Ну, милый...

— Нѣтъ! И онъ вдругъ повернулся, почти побѣжалъ въ гостиную, потомъ въ кабинетъ и заперъ дверь на ключъ.

Ольга Васильевна постояла съ минутой, потомъ подошла къ кабинету, нажала ручку двери,—заперта. Она съ крайнимъ и очень искреннимъ изумленіемъ посмотрѣла на дверь, пожала плечами, вернулась въ столовую и въ одиночествѣ докончила обѣдъ. Она поняла, что наскочила на такой пунктъ, съ котораго Алексѣя Петровича не сдвинуть ничѣмъ, никакими чарами. Директоръ не былъ приглашенъ.

И вотъ въ воскресенье состоялся вечеръ. Алексѣю Петровичу дали понять, что онъ долженъ быть во фракѣ и исполнять какія-то обязанности. Онъ этому безпрекословно подчинился. Но вмѣстѣ съ фракомъ онъ надѣлъ на свое лицо и ту маску, которая всегда сопровождала его появленіе въ обществѣ. И сквозь эту маску онъ видѣлъ слѣдующее.

Его квартира превратилась въ какой-то зимній садъ, въ которомъ, впрочемъ, цвѣли розы, лиліи, гіацинты, геліотропы и множество другихъ цвѣтовъ, названія которыхъ онъ и не зналъ. Его жена въ ослѣпительномъ платьѣ съ глубокимъ декольте, съ очаровательной улыбкой, встрѣчала какихъ-то полужнакомыхъ мужчинъ и дамъ. Онъ самъ тоже протягивалъ имъ руку

и съ казенной усмѣшкой говорилъ, что ему очень пріятно... Нѣсколько молодыхъ людей бѣгали изъ одного конца квартиры въ другой, говорили между собой объ артистахъ, которые еще не пріѣхали, о скрипачѣ, который надулъ, о віолончелистѣ, который уже пересталъ пить, но еще не выкупилъ віолончели... У нихъ были встревоженные лица, они что-то шептали Ольгѣ Васильевнѣ. Она дѣлала имъ строгіе глаза, что-то приказывала, они схватывали свои пальто, куда-то бѣжали, а она опять очаровательно улыбалась.

Въ гостиной набралось человѣкъ тридцать. Сквозь беззаботно веселое выраженіе лица Ольги Васильевны, онъ привычнымъ глазомъ разглядѣлъ досаду, даже бѣшенство, но тѣмъ не менѣе все шло своимъ порядкомъ.

Гости сидятъ и ведутъ вялый разговоръ о недородѣ хлѣбовъ и о послѣднемъ маскарадѣ въ Маринскомъ театрѣ. Ольга Васильевна тревожно посматриваетъ на дверь. Въ передней слышится возня. Кого-то привезли. И вотъ входитъ декламаторъ Волжско-Камскій, въ сильно потертомъ фракѣ, съ фальшивой цѣпочкой на жилетѣ безъ часовъ, съ совершенно бритымъ лицомъ, съ непомерно большимъ носомъ. Ольга Васильевна оживляется, — можно начать. Волжско-Камскій стоитъ въ позѣ и уже завываетъ что-то длинное, томительно-скучное. Его рѣзкій скрипучій голосъ звучитъ въ гостиной какъ-то насильственно и Алексѣю Петровичу кажется, что каждую минуту трещитъ потолокъ и что сверху сперва, сыплется штукатурка, а затѣмъ одинъ за другимъ падаютъ кирпичи.

Въ это время еще кого-то подвезли. Входитъ пѣвица, только не та, которую звалъ онъ, а совсѣмъ другая. Ея фамилія Струнская; но все равно, она такъ же великолѣпна, какъ и Лазутчикова. Вѣдь надо только, чтобы своды квартиры оглашались какими нибудь громкими звуками. Пѣвица поетъ; поклонники, чтобы наполнить время, требуютъ бисъ, она поетъ и бисъ. Подвозятъ флейтиста. Онъ входитъ, удивленный именно тѣмъ обстоятельствомъ, что его привезли и что онъ будетъ играть соло и его будутъ слушать.

«Это оригинально! Соло на флейтѣ, — это оригинально!»

Эту мысль назамѣтно пускаетъ сама Ольга Васильевна; поклонники пропагандируютъ ее. Надо же, чтобы что нибудь было

оригинально! И всё мало-по-малу усваиваютъ эту мысль и начинаютъ искренно думать, что это оригинально. И флейтистъ играетъ. Дикій свистъ раздается въ квартирѣ. — Ждали еще пианистку — она не прѣхала. Какой-то феноменальный басъ изъ пѣвческой капеллы сталъ у фортепіано и началъ наполнять комнату громомъ. Это всёхъ поразило и было дѣйствительно оригинально. Затѣмъ, такъ какъ оставалось еще много времени, поклонники пристали къ Ольгѣ Васильевнѣ, чтобы она сыграла на роялѣ. Она отказывалась, но съ такимъ видомъ, который всёхъ долженъ былъ убѣдить въ томъ, что она отлично играетъ, только не хочетъ; тогда и публика стала просить ее, она согласилась. Раздались звуки шопеновскаго вальса, который она играла всю жизнь.

Межъ тѣмъ въ столовой звенѣли тарелки, бряцали ножи и вилки, воздухъ насыщался запахами маринованныхъ грибовъ, сыру, колбасъ, всякихъ солений, тащили ростбифъ, цѣлаго лосося, хлопали пробки отъ винныхъ бутылокъ. Звуки въ гостиной замолкли и гости перешли въ столовую; началось пиршество, бутылки пустѣли, настроеніе повышалось. Скука замѣнилась весельемъ. Мало знакомые между собою гости сблизились. На лицахъ было удовольствіе. Ольга Васильевна сіяла.

На другой день Алексѣй Петровичъ совсѣмъ не видѣлъ жены. На службу онъ поѣхалъ съ нездоровой головой. Вернулся и узналъ, что Ольга Васильевна не совсѣмъ здорова. Онъ прилежъ на диванѣ и, въ противность обыкновенію, заснулъ.

Но зато во вторникъ, приходившійся третьимъ днемъ послѣ знаменитаго вечера, онъ былъ крайне изумленъ, когда, выйдя въ половинѣ десятаго утра въ столовую, онъ увидѣлъ Ольгу Васильевну въ бѣломъ кружевномъ капотѣ, совсѣмъ готовую. Никогда она такъ рано не вставала. Она поднялась, пошла на встрѣчу, приблизилась и подставила щеку для поцѣлуя.

— Ты уже встала?

— Да. Ты удивленъ? Видишь ли, вчера я цѣлый день не видалась съ тобой, меня мучила совѣсть. Тебѣ кофе или чаю?

— Я всегда пью кофе.

— Я налью тебѣ. — Она налила ему кофе. — Ахъ, да, чуть было, не забыла... тутъ есть маленькое дѣло. Этотъ вечеръ.. Ахъ, Лѣша, я такъ жалѣю, что затѣяла его!

— А что?

— Да вѣдь такъ трудно расшевелить людей на доброе дѣло. Я раздала сотню билетовъ, но вчера мнѣ вернули восемьдесятъ пять.

— Да?

— Да. Только пятнадцать продали...

— Но у тебя гостей было гораздо больше.

— Да... но нѣкоторыхъ я должна была пригласить такъ. Сестра Ивана Григорьевича, жена Виктора Алексѣевича, дальняя родственница Семена Егоровича, племянникъ Василя Петровича—онъ студентъ, не братъ же съ него! Потомъ Андрей Семеновичъ такъ много хлопоталъ, я должна была предложить ему. Александръ Никифоровичъ тоже съ ногъ сбился, а Федоръ Ивановичъ досталъ вотъ эту пѣвицу, потому что твоя Лазутчикова отказалась. Ахъ, это такъ трудно, такъ трудно! Даю себѣ слово, больше никогда не устраивать...

— Ну, что-жъ дѣлать! сказалъ Алексѣй Петровичъ.— Урокъ благоразумія—то же своего рода выигрышъ.

Ольга Васильевна слегка досадливо вздрогнула; она терпѣть не могла этихъ его сентенцій. Но не до сентенцій было ей теперь; на очереди стояли важныя дѣла.

— Пришлось сдѣлать и кое-какіе расходы, сказала она.— Двѣ кареты для артистовъ, растенія, цвѣты... Рублей восемьдесятъ осталось.

— Не много.

— Да, слишкомъ мало. Это просто даже неприлично.

— Ну, всякая жертва прилична.

— Нѣтъ, неприлично, Леша, совсѣмъ неприлично. Вѣдь это будетъ напечатано въ газетахъ.

— Въ газетахъ? Почему же въ газетахъ?

— А какъ же? Иначе не было бы смысла... Иванъ Яковлевичъ уже обѣщалъ. У него тамъ какія-то связи. Но видишь ли, Лёкъ...

Она перегнулась черезъ столъ и приблизила свое лицо къ нему. Запахъ ея духовъ уже дошелъ до него и щекоталъ его ноздри.

— Видишь ли, Лёкъ... Надо вѣдь, чтобъ была какаянибудь приличная сумма. Ну, хоть рублей пятьсотъ...

— Какъ же это сдѣлать?

— Ну, какъ? Понятно, доплатить...

— Доплатить?

— Доплатить, милый Лёкъ, доплатить...

И ея изящная, пухленькая рука лежала уже на его рукѣ, а глаза смотрѣли такъ маняще, такъ соблазнительно и обѣщали много, много...

— Ну, самъ посуди, Лёкъ, ты занимаешь такое положеніе, тебя уважаютъ и вдругъ... У тебя въ квартирѣ и какія нибудь восемьдесятъ рублей... Вѣдь всѣ прочитаютъ—и твои сослуживцы и начальство,—развѣ я не права, Лёкъ?

— Это такъ, конечно... говорилъ Алексѣй Петровичъ, чувствуя, что его оставляетъ способность сопротивляться.— Но вѣдь эти деньги надо найти. Это заставить насъ выйти изъ бюджета...

— Ну, Лёкъ... Я буду экономить. Мы какъ нибудь уравнивѣсимъ... Какъ жаль, что нельзя открыть столовую... ужасно жаль! Но все-таки мы въ «Красный Крестъ» отошлемъ. Хорошо? Хорошо, Лёкъ?

— Хорошо, сказалъ Алексѣй Петровичъ, и этимъ далъ невозвратное обязательство.

На другой день онъ, пробѣгая газету, прочиталъ въ ней слѣдующее:

«Среди великопостныхъ салонныхъ развлеченій обращаетъ на себя вниманіе въ высшей степени удачный вечеръ, устроенный супругой извѣстнаго въ бюрократическомъ мірѣ статскаго совѣтника А. П. Возжина въ своей квартирѣ, съ цѣлью столь пріятнымъ способомъ собрать нѣкоторыя скромныя средства для улучшенія участи тѣхъ несчастныхъ нашихъ меньшихъ братьевъ, которые пострадали отъ недорода хлѣбовъ и кормовыхъ травъ. Кружокъ извѣстныхъ артистовъ съ жаромъ откликнулся на доброе дѣло. Среди нихъ не можемъ не отмѣтить примадонну Струнскую, обладающую замѣчательнымъ голосомъ и образцовой школой, благодаря которымъ мы можемъ смѣло рекомендовать ее, какъ лучшую учительницу пѣнія. Нельзя не упомянуть также о рѣдкомъ, почти небываломъ концертномъ явленіи— соло на флейтѣ, исполненномъ нашимъ превосходнымъ флейтистомъ Мейергофомъ. Отмѣтимъ также превосходную декламацию господина Волжско-Камскаго. Но гвоздемъ вечера былъ, безъ сомнѣнія, Лѣпо-

кудровъ, краса нашей пѣвческой капеллы, обладающій поразительнымъ, феноменальнымъ басомъ. Наконецъ, въ видѣ особаго сюрприза, сама хозяйка, — между прочимъ будетъ не лишнимъ сказать, что госпожа Возжина — тонкая музыкантша, — съ великолѣпнымъ брио сыграла одинъ изъ лучшихъ шопеновскихъ вальсовъ. Благодаря любезности очаровательной хозяйки и предупредительности почтеннаго хозяина, а также отзывчивости гостей и усиліямъ артистовъ, вечеръ далъ возможность устроителямъ послать въ кассу «Краснаго Креста» пятьсотъ рублей, сумма, которую нельзя не признать весьма значительной для вечера въ частной квартирѣ. Побольше такихъ вечеровъ, побольше великодушной частной инициативы, и замолкнутъ вопли нашихъ голодающихъ братьевъ!»

Читалъ Алексѣй Петровичъ эти строки и думалъ о томъ, какимъ образомъ ему извернуться, чтобы не потрясти окончательно своего бюджета, выдѣливъ изъ него четыреста слишкомъ рублей для доказательства отзывчивости гостей и усилій господъ артистовъ.

А когда онъ пріѣхалъ домой со службы, то на столѣ у себя нашель нѣсколько бумажекъ, форма которыхъ навела его на довольно мрачныя мысли. Въ первую минуту онъ не понялъ даже, въ чемъ дѣло; но, по обыкновенію, тщательно изслѣдовавъ дѣло, онъ понялъ. Тутъ былъ счетъ отъ портнихи за поразительное платье, въ которомъ Ольга Васильевна блистала на своемъ вечерѣ; этотъ счетъ представлялъ всего стоимость въ двѣсти рублей; потомъ шли лакеи, поваръ, вина, провизія...

Онъ взялъ маленькія счеты, висѣвшія на стѣнѣ, сосчиталъ все и вышло безъ семи рублей четыреста. Онъ поникъ головой.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Что-то теплое прикоснулось къ его безволосому темени, чья-то нѣжная рука тихонько щекотала его шею; чей-то тихій-тихій страстный шопотъ произносилъ подъ самымъ его ухомъ:

— Милый Лёкъ, не сердись... Лёкъ!.. Лю-у!..

И при этомъ вокругъ него носилось тонкое благоуханіе ея волосъ... И она была совсѣмъ-совсѣмъ близко около него...

Н. И. Позняковъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЗАРЯ.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ МИЛАГО ДАЛЕКА).

Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?..

А. Пушкинъ.

Я помню это смутно, и притомъ... ясно. Какъ это ни странно, но вѣрно. Смутно — потому, что то было нѣсколько мгновений, полныхъ отдаленными очертаніями, неразрѣшенными догадками, не вполне сѣзнанными впечатлѣніями; ясно — оттого, что и теперь такъ проясняется сознаніе, когда промелькнетъ это воспоминаніе, такъ свѣтло становится на душѣ, такъ отраднo... благодатно... Смутно — потому, что это было въ 1861 году, когда мнѣ только что шестой годъ пошелъ; ясно — оттого, что и дѣтской головкѣ свѣтять проблески жизни...

Какимъ образомъ случилось, что я — блѣдненькій, тщедушный, хилый ребенокъ — очутился на балконѣ въ это свѣжее іюньское утро, когда роса плыла надъ лугомъ своимъ бѣлесоватымъ матомъ и птицы пѣли еще неполнымъ хоромъ, — не могу сказать. Вѣроятно, насъ разбудили: вѣроятно, отъ этого утра ждали чего-то особеннаго, еще не виданнаго...

Я стоялъ, а передо мной благоухалъ палисадникъ жасми-

нами и розами, а за нимъ къ Шошѣ сбѣгала съ горы изви-
стая дорожка, а внизу сама Шоша своимъ изгибомъ дѣлала
ровную, какъ дуга, луку, разубранную ивами, ветлами и олеп-
никомъ, точно курчавой бахромой; на одномъ концѣ луки вид-
нѣлась деревня съ бурой соломой на крышахъ, съ кривыми,
сѣрыми стѣнами избъ и овиновъ, съ тонкими струйками дыма
надъ трубами; на лѣвомъ концѣ задумчиво дремалъ сосновый
боръ, готовый проснуться при первыхъ лучахъ назрѣвавшего
дня; а прямо передо мной, вдали, на горѣ, за паровымъ полемъ,
высилась сельская церковь надъ волнистыми кучами садовъ...

Сколько разъ и потомъ, живя здѣсь много лѣтъ, видѣлъ я
эту картину! Сколько разъ вспоминалъ я съ отрадой то раннее,
свѣжее утро, когда я — худенькій, слабый ребенокъ — стоялъ
тутъ и глядѣлъ впередъ, чего-то ожидая...

Тамъ, внизу, въ котловинѣ между дальней горой и лукой
Шоши, бархатился лугъ, и неслись оттуда голоса, и толпа
колыхалась въ своихъ синихъ, и бѣлыхъ, и красныхъ рубахахъ,
въ пестрыхъ сарафанахъ, и косы звенѣли, блестя при пожарѣ
востока. Я стоялъ и глядѣлъ впередъ. О чемъ тамъ былъ шумъ —
я не помню, не слышалъ ясно. Вѣроятно, я и не понялъ бы, еслибъ
и слышалъ его: это былъ сплошной, смутный гулъ. Но помню я,
какъ сильно билось у меня сердце... И было такъ свѣжо, такъ
просторно, такъ свѣтло!.. А востокъ разгарался все ярче и
ярче; птицы пѣли ужъ полнымъ хоромъ; туманы расплзались
по заводьямъ и лощинамъ; по небесной лазури брызнули лучи.
Все кругомъ ликovalo — радостно было и мнѣ. Я не понималъ
всего. Конечно, не понималъ: мнѣ было всего пять лѣтъ. Но
мнѣ было радостно, что-то чуялось... Дышалось легко, свободно.
Я жилъ въ тѣ мгновенья — жилъ полной жизнью, и сердце у
меня билось сильно, сильно!

Теперь-то я понимаю: они дѣлили свой первый покосъ —
свой первый покосъ! Вѣроятно, намъ сказали, что это будетъ
очень интересно, и разбудили насъ посмотреть. Вѣроятно, намъ
внушили, что значитъ «свой первый покосъ». И мы встали и
пошли смотрѣть. Вѣроятно, такъ было. Да, навѣрно намъ вну-
шили. Навѣрно!

Я слышалъ шаги позади себя. Оглянулся. То былъ братъ
Викторъ (ему было около восьми лѣтъ). Онъ быстро вбѣжалъ

на балконъ, еще не совсѣмъ обсохнувъ отъ умывающа. Меня онъ, казалось, не замѣтилъ. Онъ остановился, откинулъ назадъ курчавую голову, шумно вдохнулъ въ себя воздухъ, блаженно улыбнулся, прошепталъ: — «ахъ, какъ хорошо!» вперилъ взоръ вдаль, за рѣку, въ толпу, прислушался къ ея гулу, взглянулъ на ближніе кусты, прислушался къ ликующему хору, оглянулъ небо, сіявшее надъ боромъ солнце, всю окрестность, и... мы встрѣтились глазами...

Мы оба промолчали, но кажется мнѣ теперь — мы поняли другъ друга. Вотъ этотъ взоръ я помню ясно: какой это былъ радостный, чистый взоръ! — чистый, какъ это небо, какъ эта заря!..

Прекрасная заря! Мы тебя видѣли!.. Я помню тебя!

В. А. Добротворский.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНА ВЪ МОСКВѢ.

(ФАНТАЗИЯ).

Пушкинъ живъ. Онъ между нами. Его герои живутъ и дѣйствуютъ и нынѣ.

I.

На колокольнѣ Страстного монастыря пробило двѣнадцать часовъ, когда на противоположномъ концѣ Пушкинскаго бульвара показались богатая, пышная похороны.

Впереди, на парѣ лошадей, одѣтыхъ въ траурныя попоны, ѣхали два джентльмена въ черныхъ цилиндрахъ, въ черныхъ ливреяхъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Они усердно посыпали ельникомъ послѣдній земной путь виновнику настоящаго событія.

Вотъ и факельщики показались въ такихъ же ужасныхъ костюмахъ. Какія неприятныя, безучастныя лица! Вотъ и печальная колесница, — но... Но что это такое? Откуда вдругъ, эти отдаленные, заунывные звуки похороннаго марша?

— Генерала, должно быть, хоронять, замѣтилъ одинъ господинъ другому, останавливаясь вмѣстѣ съ нимъ около самаго памятника Пушкина и внимательно разглядывая приближавшуюся процессію.

— Да, да... ты, Миша, правъ. Сегодня хоронятъ того генерала, у котораго жена... Помнишь, я тебѣ какъ-то рассказывалъ.

— Нѣтъ, collega, не помню.

— До безумія влюблена была въ одного франта, а вышла замужъ за стараго генерала, который вотъ теперь съ такимъ апломбомъ переселяется къ праотцамъ. Помнишь? Еще франтъ-то этотъ на дуэли убилъ жениха ея сестры, добавилъ collega.

— Да... Да... помню. Романическая семейка. Тебѣ бы, вотъ, писателю, для твоихъ романовъ—манна небесная.

А похоронная процессія, между тѣмъ, подвигалась впередъ. Вотъ она уже на серединѣ бульвара. Вотъ она уже около самаго памятника.

— Смотри... смотри! закричалъ вдругъ писатель, когда богато убранная колесница поравнялась съ ними,—вотъ она... сейчасъ же за гробомъ. Видишь? Красивая, стройная брюнетка, въ платьѣ съ плерезами, въ глубокомъ траурѣ.

— Вижу. Одна идетъ... Какое строгое лицо. Но почему же она не плачетъ, collega?

— Не умѣетъ притворяться. Она никогда не любила своего мужа, но и была ему вѣрна.

— А это, collega, кто такая? Блондинка, полная, подъ руку съ уланомъ идетъ?

— Сестра ея. Ну, эта, Миша, не чета ей. Видишь отъ чужого горя плачетъ, а когда тотъ франтъ жениха ея на дуэли убилъ,—то очень скоро утѣшилась, и вотъ за этого идиота вышла. Сентиментальная особа.

— Безъ вкуса, безъ цвѣта и безъ запаха—сказалъ бы про нее нашъ профессоръ, добавилъ Миша.

— Вѣрно... вѣрно, Миша. Вы, химики, сумѣете со всѣхъ сторонъ охарактеризовать предметъ. А вотъ и маменька ихъ. Историческая особа. Когда-то тоже громко заявляла о своемъ существованіи и господами грандисонами сильно увлекалась. А вотъ... О, Боже мой... Самъ французъ... французъ... Забылъ фамилію... Сукно... Касторъ... Что-то въ этомъ родѣ. Славный парень. Весельчакъ. Все рѣчи говорилъ. Я встрѣчалъ его у нихъ, въ имѣніи. А сильно измѣнился. Постарѣлъ.

Но вотъ опять заиграли похоронный маршъ. Сколько скорби, боли, раздирающей душу тоски въ протяжныхъ, заунывныхъ звукахъ этого послѣдняго прощальнаго напутствія!

Замолкли приятели. Замолкла толпа. Поникли головой генералы. Задумчиво шли офицеры. Уныло шагали солдаты. И у всѣхъ въ головѣ одна была мысль — мысль о тлѣнности жизни... мысль о неизбежномъ, можетъ быть, скоромъ итогѣ...

Но... миновала процессія. Миновали кареты. Прошелъ праздный, обычный народъ и безпечная, легкомысленная жизнь опять вошла въ свою колею.

— «Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды и чей-нибудь ужъ близокъ часъ», началъ декламировать «коллега», очнувшись послѣ минутнаго раздумья и вдругъ замолкъ. — Смотри, смотри, Миша, заговорилъ онъ послѣ секундной, неожиданной паузы, — это вѣдь онъ...

— Кто онъ? сердито переспросилъ химикъ, потерявшій, благодаря разнымъ паузамъ, нить разговора и успѣвшій уже уйти въ себя самого.

— Да онъ, котораго она любила, котораго она и сейчасъ любить.

— А, это тотъ франтъ, который убилъ жениха ея сестры.

— Да, да — онъ. Все та же манера. Все тотъ же черный плащъ. Все та же мягкая, черная шляпа. А измѣнился, постарѣлъ, хотя по прежнему интересенъ.

— Но что онъ, собственно, за экземпляръ такой?

— Какъ тебѣ сказать, Миша, покороче. Съ полицейской точки — это человѣкъ безъ определенныхъ занятій. Нашъ дворникъ, Кузьма, назвалъ бы его человѣкомъ, ничего не стоящимъ. Для женщинъ — это кумиръ. Онѣ бѣгаютъ за нимъ за его манеру не обращать на нихъ никакого вниманія, за его презрительное равнодушіе къ нимъ. Онѣ ему страшно надоѣли и это онъ имъ открыто говоритъ въ глаза. Въ сущности, это интересный, часто повторяющійся типъ, но... Что это, вдругъ, сдѣлалось съ лицомъ Пушкина? Смотри, какъ оно вдругъ измѣнилось.

— Я, коллега, никакихъ перемѣнъ въ памятникѣ не вижу.

— Оно вдругъ все исказилось, какъ-то болѣзненно, измѣнилось, какъ бы отъ невыносимой боли, отъ страшныхъ душевныхъ потрясеній.

— Ну, вы, писатели, даже въ глыбѣ бронзы, даже въ химическомъ соединеніи извести съ углекислотой — способны видѣть какія-то тамъ душевныя потрясенія.

II.

Луна съ любопытствомъ подсматривала изъ-за купола Страстного монастыря за господиномъ въ черномъ плащѣ и въ черной мягкой шляпѣ, очевидно кого-то поджидавшимъ около памятника Пушкина. Ее страшно интриговалъ этотъ таинственный незнакомецъ, ежеминутно вскакивавшій съ своего мѣста и нервно шагавшій изъ стороны въ сторону. Но, боясь, навѣрное, прогнать своимъ неожиданнымъ появленіемъ необходимый для предстоящихъ событій полумракъ, — луна только краешкомъ своего безмысленнаго лица выглядывала изъ-за надежной засады.

Но вотъ, онъ опять вскочилъ съ своего мѣста, опять устремился въ ту сторону, откуда съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ кого-то, — и вдругъ лицо его озарилось довольной, счастливой улыбкой... Онъ давно уже такъ не улыбался.

Къ нему быстро приближалась граціозная, изящная дама подъ густой вуалью.

— Зачѣмъ вы такъ настойчиво звали меня? Что вамъ нужно отъ меня? Какое право вы имѣете преслѣдовать меня своими письмами? холоднымъ, рѣшительнымъ тономъ заговорила подошедшая дама.

— Я хотѣлъ сказать вамъ такъ же, какъ и тогда, во второй годъ вашего замужества, помните?..

— Что вы хотите мнѣ сказать?..

— Я хочу вамъ повторить, что жить безъ васъ не могу, что люблю васъ безумно...

— Мой отвѣтъ, перебила его граціозная дама, — будетъ тотъ же, что и тогда. «Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна».

— Но вѣдь вашъ мужъ умеръ. Я провожалъ его до могилы. Вы не плакали, когда шли за его гробомъ, потому что не любили его. Такъ неужели же теперь, когда вы свободны, въ вашемъ сердцѣ нѣтъ уже болѣе мѣста для меня? Неужели же вы разлюбили меня?

Они сѣли. Онъ нѣжно взялъ ее за руки.

— Я не скрываю, заговорила она уже не прежнимъ холоднымъ голосомъ, — я люблю васъ по прежнему, но...

— Забудете это «но»... Забудете прошлое. Я самъ тогда

отвергъ вашу чистую, вашу дѣвственную любовь. Я самъ тогда своими собственными руками разбилъ двѣ жизни сразу. Но я наказанъ за свое безуміе. Я страшно, невыносимо страдаю.

Луна коварно улыбалась за монастырскимъ куполомъ. Моментъ былъ рѣшительный, интересный и она не выдержала, — всѣмъ своимъ анфасомъ выглянула изъ своей засады.

Вдругъ дама вскрикнула и, высвободивъ свои руки изъ рукъ любимаго человѣка, быстро встала. Она испуганно смотрѣла на лицо неподвижно стоявшаго Пушкина, вдругъ освѣтившееся луннымъ свѣтомъ.

— Онъ указалъ мнѣ сейчасъ мой путь, заговорила она рѣшительнымъ тономъ, показывая головой на безмолвный монументъ, — и я пойду по этому пути. Прощайте... наши дороги различны. Вы сами также разсуждали въ дни нашего перваго знакомства, когда счастье было такъ возможно. Прощайте...

Она ушла.

III.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ хоронили генерала. И вотъ теперь, по этой же дорогѣ, опять кого-то везли къ праотцамъ. Но странно. Такой богатый балдахинъ, такой богатый гробъ — и вдругъ за гробомъ — никого. Гдѣ же близкіе, родные? Гдѣ же знакомые? Неужели же покойникъ никому ненуженъ былъ при жизни? Неужели же въ цѣломъ мірѣ не было человѣка, который бы пожелалъ въ послѣдній разъ проститься съ нимъ?

Но вотъ поровнялась печальная процессія съ Страстнымъ монастыремъ, и вдругъ нашлось существо, которому, должно быть, нуженъ былъ никому ненужный человѣкъ.

У воротъ святой обители стояла монахиня, блѣдная, худая, изнуренная постомъ и молитвой. Набожно перекрестивъ дорогаго покойника, она далеко, далеко проводила его глазами, полными слезъ. Если бы при этомъ трогательномъ прощаніи Татьяны съ Оиѣгинымъ присутствовалъ коллега — то навѣрное, онъ увѣрялъ бы, что изъ глазъ безсмертнаго Пушкина скатилась на мраморный пьедесталь крупная слеза.

Н. К. Таринъ (Михайловскій).

АРХИПКИНА СМЕРТЬ.

Весна въ разгарѣ.

Убрались въ усадьбѣ съ посѣвомъ и принялись за разныя междунарочныя работы: крыши чинять, навозъ изъ дворовъ вывозять, запружаютъ плотину.

Грязь въ усадьбѣ и при въѣздѣ невылазная. А тамъ, подале, глазъ ласкаетъ зеленое поле, гдѣ сухо, гдѣ молодые всходы веселятъ душу.

Внизу, у пруда, сейчасъ за усадьбой, кипитъ работа: въ банѣ—бабы, на плотинѣ сваи бьютъ человѣкъ 20 крестьянъ, да десятка два татаръ разбились таборомъ на другой сторонѣ, взявъ съ подряда земляную работу по устройству плотины.

Новый прудокъ только что перехваченъ. Черезъ канавку доски перебросены, на доскѣ и возлѣ десятокъ-другой ребятишекъ радуются и прыгаютъ.

Взбѣжалъ за другими на доску трехлѣтній Архипъ, бутузъ, сынъ работника и стряпки, не удержался и упалъ въ воду.

И воды-то по горло Архипкѣ и народу кругомъ видимо-невидимо, а вытащить Архипку некому.

Видѣли даже, какъ два раза вынырнулъ изъ-подъ воды было Архипка, но кто видѣлъ, такъ и не добрались.

А кругомъ, на берегу, сбился народъ и никто не рѣшается лѣзть въ прудъ за нимъ.

А въ банѣ, что тутъ же, мать Архипки полощеть съ другими бѣлье и не знаетъ ничего.

Вбѣжала какая-то дѣвочка и крикнула ей:

— А Архипка въ прудѣ на днѣ лежитъ и не хочетъ вставать!

Взвизгнула Архипкина мать, выскочила изъ бани, да какъ увидѣла на берегу народъ, такъ и упала.

Прибѣжали съ другой стороны татары. Бѣжить молодой татаринъ и кричить:

— Что вы, нехристи, ребенка не спасаете?!

Да, какъ былъ, прямо въ воду бухнулся,—немножко повыше колѣнь: скоро и нащупалъ и вытащилъ Архипку на берегъ.

Крикъ, шумъ,—бросились откачивать. Одинъ кричитъ такъ, другой иначе.

— Знай сильнѣй качай, громче всѣхъ командуетъ огромный крестьянинъ...

Свѣтитъ солнышко, играетъ въ водѣ, пригрѣваетъ по весеннему людей, качается и подпрыгиваетъ на ряднѣ отъ сильныхъ взмаховъ Архипъ.

Точно вздохнулъ даже было, пѣна изо рта показалась.

— Сильнѣе!!

Бѣжить конторщикъ.

— Что вы дѣлаете, разбойники? Закачаете... Искусственное дыханіе надо,—брось качать...

— Еще что? Какъ брось?!

Новый крикъ и споръ.

А Архипъ ужъ холодный.

— Закачали, говоритъ пріѣхавшій фельдшеръ.

— Я имъ сказывалъ же, чуть не плачетъ конторщикъ.

Потупились крестьяне.

— Хотѣли, какъ лучше... Кто-жъ его зналъ, какое тамъ дыханіе...

Воетъ, голосить мать: желчь сразу разлилась по лицу и не узнаешь ее.

Еще бы не плакать: единственный ребенокъ. Для него съ отцомъ и жили только, для него работали свою тяжелую работу: вотъ, дескать, вырастетъ кормилецъ ихній. А отца и дома

нѣтъ: часъ всего времени, какъ въ городъ уѣхалъ. То-то узнаеть, какъ пріѣдетъ.

Еще утромъ ѣхалъ отецъ съ бочкой на прудъ, а Архипка присталъ: посади, да посади его на бочку. А отецъ идетъ и только ругательски ругаетъ Архипку. Да, видно, не отъ сердца ругалъ, потому что только сильнѣе приставалъ Архипка, пока отецъ не усадилъ баловня верхомъ на бочку, любовно утеревъ носъ сыну. И самъ сѣлъ: ѣдетъ, да бранитъ Архипку.

— Дай возжи-то! кричитъ ему въ отвѣтъ строго Архипка.

Взялъ возжи и ѣдетъ, счастливый Архипка: широкий, толстый, какъ мѣшечекъ, набитый мясомъ.

И въ городъ просился у отца: взялъ бы, — жить теперь Архипка. Сдѣлали гробикъ Архипкѣ; лежитъ онъ въ школь, цвѣтовъ полевыхъ букетъ нарвали... Лежитъ Архипка, какъ живой: широкое лицо лоснится, мелкій носикъ втиснулся въ пухлыя щеки, двѣ складки легли неподвижныхъ на лбу, сдвинуты капризно бровки, точно мамку, по привычкѣ, властно хочетъ крикнуть. Но ротъ крѣпко, крѣпко стиснуть, — чуялъ, что мамка не поможетъ — напрягся, всю силу собралъ: стиснулъ губки, какъ могъ, крѣпко, крѣпко, да такъ и застылъ навѣки, съ недѣтской волей въ лицѣ. Пріѣхалъ батюшка, — отцѣли и понесли Архипку на кладбище.

Кричитъ, надрывается мать, далеко отецъ...

А день еще веселѣе, играетъ солнышко и крикъ птичій такъ и стоитъ въ воздухѣ, — весна веселая, дружная, захватила сразу, — и грѣетъ, и радуеть.

Только Архипки нѣтъ. Словно и не было его.

В. СЫСОВЪ.

ПУШКИНЪ У МУЖИКА.

Въ деревнѣ Дулеповѣ, Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, въ третьемъ году, лѣтомъ, умиралъ въ чахоткѣ крестьянинъ Петръ Николаевъ Савельевъ. Онъ лежалъ въ чуланѣ своей новой избы, выстроенной имъ за годъ до болѣзни.

Я помню, какъ онъ копилъ сначала бревна, скупая ихъ по-немногу; потомъ поставилъ срубъ и сталъ его, тоже исподволь, обдѣлывать для жилья. Сначала появился потолокъ, потомъ полъ, сѣни, крыльцо... Покрыть избу Петръ додумался досечками ящиковъ изъ-подъ пряжи на фабрикѣ. Въ холодный зимній день, въ мятель, на выпрошенной у сосѣда лошади, онъ ѣздилъ за этими ящиками на фабрику. Онъ чуть не замерзъ, едва довезла громоздкій возъ лошаденка.

Крыша вышла красивая, принявъ видъ покрытой гонтомъ. Петръ ходилъ вокругъ избы и все любовался на свою выдумку... Затѣмъ появилась глинобитная печка и, наконецъ, рамы и двери.

Петръ перешелъ съ квартиры въ собственную избу. Какъ кротъ какой, онъ продолжалъ копать около новаго жилья. Онъ насадилъ передъ окнами рябинокъ, березокъ, елочекъ. Чтобы деревца лучше прижились, онъ сажалъ ихъ очень маленькими.

«Лѣтъ черезъ десять вѣдъ какія выростутъ!» говорилъ онъ съ счастливою улыбкой.

И помню, онъ, еще мальчикомъ, все мечталъ какъ будетъ сажать деревца около «своей» избы. Этотъ полисадникъ его радовалъ, казалось, больше, чѣмъ сама изба.

Всего труднѣе было Петру ставить дворъ. Онъ затѣялъ его большой, рассчитывая развести много скотины, и никакъ не могъ собраться съ деньгами. Половину двора онъ собралъ кое-какъ, а другую такъ и оставилъ недостроенной.

Чтобы заработать денегъ на дворъ, онъ поступилъ въ Москвѣ на заводъ, гдѣ дѣлали суррогатъ деревяннаго масла. Работалъ Петръ въ сараѣ изъ барочныхъ досокъ, около раскаленныхъ горновъ и щелей со сквознымъ вѣтромъ. Онъ простудился и у него сдѣлалась скоротечная чахотка. Поѣхалъ въ столицу здоровый, полный силъ мужикъ, а вернулся хилый и слабый.

Сначала онъ черезъ силу работалъ, потомъ такъ ослабъ, что едва двигался и все сидѣлъ, бывало, неподвижно на заваленкѣ, на яркомъ палящемъ лѣтнемъ солнцѣ, уже не согрѣвающимъ больного. Потомъ не могъ выйти и на заваленку.

И вотъ, онъ умиралъ въ своей новой избѣ, въ маленькой комнаткѣ-чуланѣ, на постелѣ изъ душистаго свѣжаго сѣна, передъ иконой Спасителя въ углу; передъ окномъ, въ которое видна была деревенская улица съ играющими ребятишками, съ купающимися въ пыли курами и поющими пѣтухами, съ зелеными ивами, мелкіе листья которыхъ шевелилъ набѣгавшій вѣтеръ.

Въ чистой бѣлесоватой ситцевой рубахѣ, прикрытый до пояса одѣяломъ изъ пестрыхъ лоскутковъ, блѣдный, худой, какъ скелеть, съ блестящими прекрасными глазами, съ выраженіемъ глубокой предсмертной думы, тихо и одиноко онъ умиралъ.

Около него на скамейкѣ стояла кружка съ молокомъ, лежали варенныя облупленныя яйца и кусокъ ситнаго...

Петръ былъ женатъ, имѣлъ одного ребенка — дѣвочку. Его Татьяна — некрасивая, злая и трудолюбивая баба, совсѣмъ сбилась съ ногъ, какъ захворалъ мужъ. Она за мужика и косила, и пахала, не отставая ни отъ кого въ работѣ. Все Дулепово дивилось на силу и выносливость Татьяны. Этотъ постоянный тяжелый трудъ, эта неукоснительная забота о хлѣбѣ, положили

на лицо бабы печать угрюмаго равнодушія и безпросвѣтнаго холода.

По отношенію къ больному мужу она выполняла все, что требовалось отъ заботливой и разумной жены. Она перебивала ему сѣнникъ и подушки, чтобы мягче было лежать; мѣняла бѣлье на вѣчно-потномъ тѣлѣ больного, варила ему свѣжія яйца, давала парное молоко и покупала на послѣдніе гроши ситный. Но никакой ласки, никакого добраго слова она не находила для Петра. Напротивъ, выбившись изъ силъ, она часто говорила:

«Лежишь ты — ни живъ, ни мертвъ, и себѣ въ тягость, и другимъ. Помиралъ бы скорѣе, что-ли. По крайности я въ люди пойду — все легче, чѣмъ за мужика ломать.

Петръ ничего не отвѣчалъ на эти жестокія слова и только на его блѣдномъ лицѣ еще больше сгущались зеленоватыя тѣни, еще бѣлѣе дѣлались безкровныя губы...

Стояла страдная пора. Татьяна только урывками заглядывала въ избу; дѣвочка Петрова, Манька, чуть не ночевала на улицѣ. Опустѣла совсѣмъ деревня — всѣ были въ поляхъ и лугахъ на работѣ.

И лежалъ Петръ одинъ по цѣлымъ безконечнымъ часамъ. — Скучно одному-то? спросилъ я какъ-то Савельева.

— Я не одинъ, баринъ, у меня есть другъ, который меня не оставляетъ, улыбнулся онъ, вскинувъ на меня свои подернутые масломъ глаза.

— Какой же это, Петръ, другъ? Гдѣ онъ?

Петръ потянулся своей высохшей какъ палка рукой къ подушкѣ, и вытащилъ изъ-подъ нея затасканную книжку въ голубомъ коленкоровомъ переплетѣ.

— Вотъ лежу и читаю, говорилъ онъ, и веселѣе мнѣ какъ будто, и какъ будто я не одинъ... Интересная книга, занимательная... Въ Москвѣ на Сухаревкѣ купилъ.

Я посмотрѣлъ книгу. Это былъ томикъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

— Не даромъ ему памятникъ поставили на Тверскомъ бульварѣ, продолжалъ Петръ. — Тутъ вотъ одна пѣсня...

Больной съ трудомъ приподнялся на локоть и сталъ перелистывать книгу, отыскивая понравившееся стихотвореніе. Глаза

мужика такъ и горѣли, на щекахъ появились яркія красныя пятна отъ волненія. Тихимъ, глухимъ, прерываемымъ кашлемъ голосомъ, онъ прочелъ мнѣ одну вещицу.

Когда онъ кончилъ читать, на глазахъ его были слезы.

— Меня бы давно скука заѣла, сказала Петръ, — кабы не эта книга. Только вотъ читать трудно становится: какъ пескомъ засыпаетъ, все какіе-то мураши сыплются передъ глазами.

Больной заморгалъ часто-часто, какъ бы стараясь разбить вѣками этотъ надоедливый песокъ, мѣшающій читать...

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего посѣщенія, Петръ умеръ. Его простой бѣлый изъ еловаго тесу гробъ несли мужики на носилкахъ изъ неотесанныхъ жердочекъ. Впереди шель священникъ съ псаломщикомъ, а сзади была Татьяна, таща за руку Маньку, и плелась вереница односельчанъ.

Поровнявшись съ воротами моей усадьбы, процессія остановилась. Я вышелъ къ гробу, далъ батюшкѣ монету и онъ отслужилъ литію. Потомъ процессія снова заколыхалась по дорогѣ и скрылась въ лѣсу...

Вдова Татьяна принесла мнѣ голубую книжку со стихами Пушкина.

— Говорить ужъ не могъ, рассказывала она про Петра, — только мычала, да показывала рукой на барскій дворъ: моль, барину отдай... Оно, знамо, кому больше въ деревнѣ нужна она...

Мои дѣти зовутъ эту книжку «другомъ Петра».

Н. В. Подвысоцкій.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

— Что вы тамъ ни говорите, а я глубоко убѣжденъ, что въ жизни почти каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ и на какой бы ступенькѣ общественной лѣстницы ни находился, бывали болѣе или менѣе странные, изъ ряда вонъ выходящіе и загадочные случаи,— сказалъ какъ-то однажды, въ концѣ 60-хъ годовъ, мой давно уже умершій дѣдъ, Николай Ивановичъ Величко, обратясь къ маленькому, хорошо знакомому между собою обществу, собравшемуся послѣ обѣда въ его уютномъ кабинетѣ въ Вернигоровщинѣ, въ этомъ очаровательнѣйшемъ его имѣніи, въ которомъ все было такъ прекрасно устроено и въ которомъ на всемъ лежала какая-то особенная печать его доброты, сердечности и рѣдкаго въ то грубое крѣпостническое время человѣколюбія.

Всѣ вы, мои друзья,—началь Николай Ивановичъ послѣ маленькой паузы,—замѣтили, быть можетъ, надъ этимъ стариннымъ кожанымъ диваномъ, на которомъ я имѣю обыкновеніе спать, этотъ незатѣйливый портретъ нашего славнаго и столь знаменитаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, который *въ 1825-мъ* незабвенномъ для меня году сидѣлъ на этомъ самомъ диванѣ и самъ лично на этомъ же мѣстѣ повѣсилъ свой портретъ, рисованный здѣсь имъ самимъ.

Надо вамъ замѣтить, что въ это время петербургская администрація, а также и высшая провинціальная, не желавшая отставать отъ столичной, относилась не совсѣмъ друже-

любно къ нашему славному писателю. Многіе изъ нихъ вовсе не хотѣли признавать въ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ выдающагося дарованія и видѣть въ немъ человѣка, проникнутаго искренней и безкорыстной любовью къ отечеству, а напротивъ, признавали въ немъ субъекта неблагонамѣреннаго и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ, котораго слѣдовало всячески преслѣдовать. Въ этомъ особенно хотѣлъ отличиться тогдашній черниговскій губернаторъ, человѣкъ странный во многихъ отношеніяхъ и относившійся съ какимъ-то исключительнымъ враждебнымъ чувствомъ къ Александру Сергѣевичу, благодаря какимъ-то личнымъ счетамъ съ нимъ.

Ходили довольно упорные слухи, что Пушкинъ написалъ злую и ядовитую эпиграмму на нашего губернатора, которая не только его раздражала въ высшей степени, но которая, какъ ему было доподлинно извѣстно, дѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ насъ. И мнѣ не разъ приходилось слышать отъ самого губернатора, какъ онъ называлъ публично Пушкина якобинцемъ, измѣнникомъ, котораго обязательно слѣдовало держать подъ арестомъ въ крѣпости, и т. п. вещи.

Произведенія Пушкина, которыми многіе изъ насъ тогда уже зачитывались, онъ не могъ видѣть равнодушно, считалъ безусловно предосудительными и было два-три случая, что, бывая у когонибудь изъ насъ, завидя таковыя, онъ прямо бросалъ ихъ въ печку. Всей полиціи въ губерніи дано было секретное предписаніе: «строго наблюденіе имѣть, не будетъ ли въ пріѣздѣ въ подчиненной мнѣ губерніи такой-то Пушкинъ, а буде пріѣдетъ, немедленно донести, у кого изъ помѣщиковъ остановится, дабы все послѣдующее время имѣть за нимъ секретное неупустительное наблюденіе».

Однажды, въ концѣ лѣта, въ мѣстечкѣ Ични, которое, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, отстоитъ отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ, былъ проѣздомъ Александръ Сергѣевичъ и, остановившись тамъ на одномъ постояломъ дворѣ, встрѣтилъ мѣстныхъ помѣщиковъ, съ которыми не замедлилъ познакомиться и вступить въ самую оживленную бесѣду, вскорѣ перешедшую въ полемиическій шумный споръ, при чемъ онъ горячо отстаивалъ свои убѣжденія и рѣзко порицалъ установившіеся порядки. Но вдругъ, совершенно случайно, мимо этого дома, въ которомъ окна были отворены, проходитъ мѣстный полицейскій чинъ, обра-

тившій невольное вниманіе на смѣлыя, задорныя рѣчи незнакомца, который отъ поры до времени появлялся въ окнахъ, благодаря тому, что ходилъ по комнатѣ.

Наведи немедленно справки относительно того, кто и откуда этотъ исключительный нарушитель тишины и спокойствія, — полицейскій, давно уже искавшій случая выдвинуться, пришелъ положительно въ телячій восторгъ, когда узналъ, что это тотъ самый Пушкинъ, о которомъ имѣлось у него секретное предписаніе самого губернатора. Сдѣлавъ кому слѣдуетъ строжайшее распоряженіе, чтобы Пушкину отнюдь не дали возможности уѣхать, пока онъ не вернется, чинъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ домой, чтобы посоветоваться со своимъ начальствомъ, сирѣчь со своей дражайшей половиной, о томъ «какъ быть и что предпринять?» Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, былъ данъ мудрый совѣтъ немедленно переодѣться и неукоснительно слѣдить за подозрительной личностью.

И вотъ, по прошествіи какого нибудь часа, за экипажемъ Пушкина, направляющимся къ Вернигоровщинѣ, слѣдомъ двигался и другой экипажъ, въ которомъ сидѣлъ извѣстный вамъ чинъ, переодѣтый въ какой-то неопредѣленный костюмъ.

Когда Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Вернигоровщину, обстоятельства мои сложились такъ, что меня тамъ не было. Но, тѣмъ не менѣе, онъ зашелъ въ домъ и, обходя всѣ комнаты, зашелъ также и въ этотъ кабинетъ, чтобы у письменнаго стола написать мнѣ что-то, какъ объ этомъ было имъ заявлено дворецкому, впустившему также въ домъ и переодѣтаго полицейскаго, личность котораго была ему давно извѣстна. Однако, у письменнаго стола Пушкинъ не сталъ ничего писать, вѣроятно потому, что весь столъ былъ загроможденъ разными бумагами и письмами, — онъ счелъ для себя болѣе удобнымъ, взявъ бумагу, перо и чернила, устроиться за отдѣльнымъ столикомъ, который придвинулъ къ этому дивану.

Пріѣхавъ часа черезъ четыре домой, я уже Александра Сергѣевича не засталъ у себя, но узналъ отъ своихъ перепугавшихся людей, что безъ меня пріѣзжалъ сюда какой-то подозрительный, никому неизвѣстный баринъ, который хотѣлъ передать мнѣ какое-то письмо и который въ кабинетѣ сначала немного полежалъ на диванѣ, облокотясь на правую руку, а потомъ что-то писалъ, придвинувъ къ себѣ маленькій столикъ.

Отъ нихъ же я узналъ, что слѣдомъ за этимъ бариномъ пріѣзжалъ всѣмъ здѣсь извѣстный полицейскій, но переодѣтый какъ-то странно, и что онъ имъ шепнулъ — не препятствовать этому барину дѣлать, что онъ захочетъ, а что онъ, полицейскій, будетъ за нимъ слѣдить.

Когда же пріѣзжій баринъ сталъ собираться, чтобы уѣхать, полицейскій заходилъ въ кабинетъ за своей шапкой и тоже вслѣдъ за нимъ уѣхалъ.

Узнавши все это, показавшееся весьма страннымъ, я отправился въ кабинетъ и засталъ тамъ дѣйствительно придвинутый столикъ къ дивану и письменныя принадлежности на столѣ, но какихъ бы то ни было писемъ не оказалось, и я былъ въ недоумѣніи относительно того, кто бы это могъ быть. Бросивъ взглядъ на спинку дивана, я невольно замѣтилъ надъ нею этотъ портретъ, нарисованный перомъ на моей бумагѣ, а когда я его показалъ моимъ людямъ, то всѣ признали въ немъ сходство съ тѣмъ бариномъ, который былъ и который уѣхалъ болѣе часа тому назадъ. Для меня сдѣлалось яснымъ, кто былъ мой дорогой гость.

Вслѣдъ за этимъ, портретъ былъ вправленъ подъ стекло и я имъ очень дорожу, а на этомъ диванѣ я сталъ часто засиживаться, мечтая о прожитомъ.

Наведенныя же справки у полицейскаго не привели ни къ чему, — онъ даже сталъ упорно отрицать свое посѣщеніе, утверждая, что все это была мистификація, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ меня всячески избѣгать.

Губернаторъ же совершенно какъ-то перемѣнился ко мнѣ въ обращеніи и вскорѣ сдѣлалъ мнѣ самымъ наивнымъ образомъ даже крупную непріятность.

Только впоследствии, года черезъ два, пришлось мнѣ узнать отъ одного чиновника особыхъ порученій при нашемъ губернаторѣ, что этому послѣднему, приблизительно въ то время, когда имѣлъ мѣсто у меня этотъ загадочный случай, были представлены два письма, совершенно скомпрометировавшія меня въ его глазахъ, при чемъ ему, чиновнику, извѣстно, что одно изъ этихъ писемъ было отъ поэта Александра Сергѣевича Пушкина, а другое отъ какого-то моего хорошаго знакомаго, судя по содержанию письма, но имя котораго онъ теперь вовсе не помнитъ.

П. Герасимовъ.

НА ПОЛЕ БРАНИ!

(НѢСКОЛЬКО ГЛАВЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА).

I.

Въ офицерской, средняго достатка, квартирѣ былъ полнѣйшій переполохъ. Безпорядокъ особенно бросался въ глаза, потому что вся квартира была, что называется, на ладони: гостиная, спальня, въ которой хватало мѣста для кровати, вѣшалки и умывальника, размѣщенныхъ по стѣнѣ въ одну линію, съ полуаршиннымъ проходомъ къ нимъ,— вотъ и все помѣщеніе поручика Виктора Павловича Чупова, если не считать сверхъ того чулана для денщика и передней, въ которой два человѣка, потолкавъ другъ друга, могли еще разойтись, но трое, забравшись въ такую, какъ выражался денщикъ Саженовъ, комнатку, становились невольно взаимно-плѣнными, потому что всякое движеніе одного, болѣзнетворно отзывалось на бокахъ другихъ.

Такъ какъ, за отсутствіемъ хозяина, въ квартирѣ оставался одинъ его денщикъ, то ничто или, вѣрнѣе, никто не мѣшало послѣднему съ особо-дѣловитымъ, важнымъ видомъ, слоняться по комнатамъ совершенно безпрепятственно, оставляя въ сторонѣ постоянныя столкновенія Саженова съ мебелью, дверными

косяками и другими неодушевленными предметами, мимо которых онъ проходилъ. Но случавшіяся задѣванія происходили уже не отъ тѣсноты, а вся отвѣтственность за нихъ падала на широкія плечи Саженова и на его, такъ сказать, бочковатость. Саженовъ на ходу «бочилъ», т.-е. непременно безъ всякой надобности выставлялъ то одно, то другое плечо.

Послѣднее обстоятельство было едва ли не единственнымъ основаніемъ къ зачисленію Саженова въ нестроевые, потому что во всемъ прочемъ онъ былъ не хуже другихъ своего призыва, и даже на первой же стрѣльбѣ угодилъ одну пулю въ самое яблоко; при чемъ, несмотря на то, что остальные четыре пули пожалѣли мишень и ея не тронули, Саженовъ, тогда еще совершенно не разставшійся съ деревенскими примѣтами, рѣшилъ, что неизвѣстно куда ушедшія пули такъ полетѣли не иначе, какъ «съ глазу», а единственно попавшей въ яблоко — не мало гордился среди однопризывниковъ.

Представлялось загадочнымъ, остался ли доволенъ самъ Саженовъ переводомъ его въ денщики, такъ какъ онъ, съ первыхъ же дней по приѣмѣ на службу, обнаруживалъ наклонности сдѣлаться заправскимъ строевикомъ, солдатомъ по духу, а не на показъ, что особенно становилось замѣтнымъ во время рассказовъ ему о проявленіи геройства и отваги русскими войсками вообще и о подвигахъ полка въ частности.

При такихъ передачахъ, часто не очень складныхъ, Саженовъ замиралъ. Онъ готовъ былъ ихъ слушать безъ конца и безъ отдыха. Расширивъ глаза, весь въ поту отъ прилива вниманія, боясь какънибудь помѣшать, онъ даже задерживалъ дыханіе, и обнаруживалъ замѣтно признаки жизни только спустя нѣсколько секундъ послѣ выслушанной исторіи тѣмъ, что выпустивъ обѣ губы, будто собираясь трубить, громко вздыхалъ и произносилъ: «ухъ! а и важно же!» а затѣмъ начиналъ смотрѣть на рассказчика съ вдругъ-повысившимся къ нему уваженіемъ, точно геройство или прослушанные подвиги совершены ни кѣмъ другимъ, а именно рассказчикомъ.

Если вопросъ о довольствѣ и недовольствѣ денщика могъ быть спорнымъ, то поручикъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше благодарилъ судьбу, что Саженовъ попалъ къ нему.

И было чему радоваться Виктору Павловичу, потому что, какъ

только вступилъ Саженовъ въ квартиру Чупова, онъ какъ бы пересталъ существовать для себя.

Самый педантичный, самый придирчивый баринъ не встрѣтилъ бы причинъ требовать большихъ усердія и честности. Саженовъ такъ прониклся интересами офицера, что черезъ какіе нибудь два мѣсяца денщичества, первый рѣшительно сталъ барометромъ второго: поручикъ веселъ и доволенъ, — и на скуластомъ, — выдававшемъ этимъ быть можетъ отдаленное, но несомнѣнно-татарское происхожденіе, — лицѣ Саженова значилось: ясно; баринъ почему либо печаленъ, озабоченъ, задумчивъ, — и не только на фізіономіи, а на всей фигурѣ слуги такое состояніе отражалось видомъ пасмурности.

Не взвѣряя, однако, на безупречное усердіе Саженова, Виктору Павловичу, особенно вначалѣ и отчасти благодаря именно этому чрезмѣрному усердію, приходилось довольно часто платиться своимъ карманомъ за старательность слуги.

Очень быстро и хорошо втиснулся въ обязанности денщика Саженовъ; одно ему не удавалось: научиться или привыкнуть обращаться съ посудой и хрупкими вещами безъ непремѣннаго боя и поломокъ.

Много скверныхъ минутъ такая несноровистность принесла Саженову, хотя поручикъ къ невольной разрушительной способности неподатливыхъ рукъ своего «Личарды вѣрнаго» относился вполнѣ добродушно, а въ концѣ концовъ, къ своей выгодѣ и къ превеликому удовольствію и облегченію Саженова, строго запретилъ ему трогать — не на глазахъ его, поручика, — все сколько нибудь ломкое, за исключеніемъ самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметовъ столоваго и чайнаго приборовъ.

Легко и удобно было не нарушать запрета въ обыкновенное, заурядное время; а какъ удержаться теперь, когда завтра надо уѣзжать въ далекій, далекій путь? Между тѣмъ вещи не только не уложены, а прямо-таки разбросаны. Ворохъ платья, бѣлья и другихъ принадлежностей офицерскаго обихода, сваленныхъ на коврѣ по серединѣ гостиной, положительно мучилъ Саженова; онъ начиналъ смотрѣть на эту беспорядочную кучу со смѣшаннымъ чувствомъ затаеннаго страха и ненависти; но она его влекла къ себѣ неудержимо, порождая въ рукахъ зудъ усердія, а въ душѣ — желаніе облегчить барина, сдѣлать ему

неожиданно пріятное: «что вотъ, дескать, удалось благополучно все и безъ его благородія собрать».

И въ нерѣшительности, Саженовъ снова выходилъ въ гостиную изъ своей коморки, въ которой спасался отъ искушенія, наклонился надъ той или другой вещью, сокрушенно вздыхалъ и бормоталъ себѣ подъ носъ: «Ишь ты, сколько ихъ тутъ! Убраться? Невозможное дѣло это! Али, вовсе и почивать не будутъ? Такъ такъ, тоже неладно!»

Далѣе бормотанье переходило въ совершенно неслышимый шопотъ, и развѣ только самый чуткій и догадливый человѣкъ могъ бы сообразить, что еле произносимыя, заключительныя слова денщика выражали порывъ: не рискнуть ли уборкой самостоятельно? но боязнь опять что нибудь разрушить, покоряла порывъ и заставляла Саженова снова уходить отъ соблазна въ свое помѣщеніе. Еще больше волновалъ Саженова раскрытый, на половину уложенный чемоданъ. Къ чемодану Саженовъ тоже не разъ уже присаживался на корточкахъ, при чемъ его неотступно преслѣдовала одна и та же мысль: «онъ мягкій», еле дотрагиваясь до стѣнокъ чемодана, думалъ Саженовъ, «утрость, какъ мы съ баринномъ укладывали, все въ лады шло».

Однако онъ, тѣмъ не менѣе, не рисковалъ долго начать укладку единолично, хотя утрення удачная проба при баринѣ придавала относительно чемодана извѣстную увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла; такъ что здѣсь сдерживался Саженовъ не столько страхомъ порчи, сколько хорошо имъ памятуемымъ запретомъ. Но наконецъ, сознаніе исключительности положенія подтолкнуло энергію Саженова; онъ рѣшительно махнулъ рукой, схватилъ нѣсколько штукъ бѣлья, подбадривая себя правильной догадкой: «что бѣлье-де не сломается», и быстро опустился съ нимъ на колѣни передъ чемоданомъ, съ непремѣннымъ желаніемъ уложить туда бѣлье поаккуратнѣе, для чего, держа его крѣпко въ одной рукѣ, другой началъ уравнивать верхи уже уложеннаго; но рука старательнаго слуги еще не успѣла дойти до середины поправляемой поверхности, какъ уже что-то внутри чемодана треснуло.

Раздавшійся трескъ подѣйствовалъ на денщика, какъ ударъ бича въ опытныхъ рукахъ берейтора на горячую лошадь. Саженовъ быстро выпрямился, не выпуская бѣлья изъ какъ-то

въ сторону вытянувшейся совершенно руки, и проговоривъ: «ишь ты, какая она нѣжная!»—фраза, неизмѣнно повторявшаяся имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ «нѣжной» зачастую оставались одни осколки,—круто повернулся отъ чемодана и пошелъ въ свою коморку, откуда уже болѣе не покушался выходить на уборку, а всецѣло погрузился въ размышленія: что щелкнуло тамъ что-то: такъ только, или вышла какая дѣйствительная порча? и что безпремѣнно барину сегодня не спать, потому рано они сегодня вернуться никакъ не могутъ.

II.

Рѣзкій, хорошо знакомый Саженову звонокъ нарушилъ денщицы думы, удостовѣривъ собой, что во второй ихъ половинѣ онъ ошибся.

Такая ошибка заставила барометръ сразу показать «ясно!» «Еще бы, значить все уберется, а поручикъ успѣетъ выспаться». И довольный, съ облегченнымъ сердцемъ, Саженовъ кинулся отворять двери; но мимолетный взглядъ денщика на вошедшаго офицера, заставилъ настроеніе перваго быстро понизиться на «пасмурно».

Не особенно красивое, но молодое, свѣжее и выразительное лицо Виктора Павловича выглядывало нѣсколько усталымъ и грустнымъ. Больше всего это отражалось въ сѣрыхъ, умныхъ глазахъ, главнымъ образомъ и красившихъ простую, чисто сѣверно-русскаго типа, фizioномію ея обладателя; гибкая, стройная фигура котораго тоже оставляла пріятное впечатлѣніе, а легкая, эластичная походка, которой Чуповъ прошелъ къ себѣ въ спальню, говорила въ пользу его ловкости и извѣстной силы.

Когда Чупову подавалъ Саженовъ тужурку, Викторъ Павловичъ, думая, повидимому, совершенно о другомъ, разсѣянно спросилъ:

— Выполнены ли всѣ распоряженія, касавшіяся покупокъ и приноса вещей изъ магазина?

— Такъ точно, ваше благородіе! отвѣтилъ Саженовъ и тотчасъ же, понуривъ немного голову и для чего-то перебирая канты пальцами опущенныхъ по швамъ рукъ, со смущеніемъ

отрапортоваль.— А только, ваше благородіе, въ чемоданѣ, какъ я его тронулъ, что-то «защелколонуло!»— и опустилъ голову, въ ожиданіи замѣчанія.

Но къ удивленію Саженова, не только такого не послѣдовало, а даже весьма естественный вопросъ: что именно «щелколонуло» и «по какой причинѣ?»—не былъ сдѣланъ.

Казалось, Чуповъ совсѣмъ не понялъ Саженова, отвѣтивъ ему: «Ага, ну хорошо! иди!» Саженовъ, однако, не уходилъ, а началъ переминаться съ ноги на ногу, приготовляясь напомнить, что хлопотъ еще много и что ничего почти, какъ слѣдуетъ, не собрано.

Но ему не удалось выполнить свое намѣреніе, потому что Чуповъ, замѣтивъ переступаніе денщика, рѣзко, съ непривычной для слуха Саженова ноткой раздраженія, проговорилъ:

— Ну, чего еще ты? говорить тебѣ—иди!

Какъ только оторопѣлый Саженовъ скрылся за дверью спальни, Викторъ Павловичъ повернулъ въ двери ключъ, отошелъ къ кровати, сѣлъ на нее, вынулъ папиросу, закурилъ ее и легъ на спину такъ, какъ былъ, въ платѣ, не сбросивъ даже сапоговъ. Сдѣлавъ нѣсколько сильныхъ затяжекъ, онъ швырнулъ едва начатую папиросу, не обращая вниманія, куда она пошла, и что огонь могъ зажечь коверъ или другую рухлядь, закинулъ обѣ руки за затылокъ, скрестивъ предварительно пальцы въ пальцы, и, казалось, задремалъ; но такъ можно было предполагать лишь по полузакрытымъ глазамъ, въ дѣйствительности же сонъ былъ далекъ отъ Чупова.

Думы, одна другой тяжелѣе и досадливѣе, шли чередомъ, смѣняя другъ друга и не оставляя между собой ни одного свѣтлаго промежутка. Ихъ работа не осталась безъ слѣда и на выраженіи лица съ крѣпко сжатыми губами и уже совсѣмъ закрытыми глазами. Это лицо теперь поражало своимъ страдальческимъ видомъ.

Вдругъ Чуповъ порывисто всталъ съ кровати, быстро схватилъ сюртукъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, изъ котораго досталъ конвертъ изъ толстой, блестящей бумаги,—въ немъ хранился другой, изящный, тонкій конвертикъ. Слегка дрожащими отъ волненія руками Чуповъ осторожно открылъ

конвертикъ, въ которомъ лежали завернутыя въ тоненькій листикъ фотографическая карточка и письмо.

Точно трусливый воръ, боящійся быть накрытымъ съ поличнымъ, Викторъ Павловичъ подошелъ къ двери спальни, слегка нагнувшись, послушалъ около ея, послѣ оглянулся для чего-то на единственное въ комнатѣ окно, хотя спущенная, густая занавѣсъ ничего черезъ себя не пропускала, и тогда только подошелъ къ свѣтѣ и впился глазами въ фотографію.

«Милая, дорогая! жизнь моя...» порой невольно, совсѣмъ тихо срывался нѣжный, скорбный не то стонъ, не то шопотъ съ его полуоткрытыхъ, слегка воспаленныхъ устъ. Опять оглянувшись на дверь и окно, Чуновъ мягко, беззвучно прикоснулся губами къ карточкѣ и развернулъ письмо. Хотя каждая буква, малѣйшая запятая въ немъ—были давно изучены наизусть, но Викторъ Павловичъ всежь-таки полушопотомъ, медленно, какъ бы стараясь насколько можно долѣе продлить удовольствіе, съ оживленнымъ восторгомъ лицомъ читалъ красиво, изящно написанныя строки: «Я не должна и не имѣю права ничего вамъ писать, ничего высказывать и все же не могу затаить и тороплюсь передать, что глубоко вѣрю вашей честности и отъ души сочувствую всѣмъ вашимъ взглядамъ. Рискую прибавить: да хранить васъ Господь всегда и во всемъ...»

Зоя Каменцева».

Глубокимъ вздохомъ закончилось чтеніе; Чуновъ также аккуратно уложилъ карточку и письмо и началъ, не торопясь, ходить по полуаршинному пространству; но потомъ незамѣтно для самого себя, подъ давленіемъ разгоравшихся воспоминаній, онъ больше и больше взвнчивался и точно въ тактъ разраставшемуся волненію шагалъ все быстрѣе и быстрѣе отъ окна къ противоположной стѣнѣ.

И думалось ему: быть можетъ никогда ее уже не увижу! Могутъ убить! ну, что же? пусть! и тамъ не будетъ вѣроятно тяжелѣе теперешнихъ мукъ! Сегодня, на проводахъ, когда объѣдали, мнѣ завидовали; считали чуть не подвигомъ настойчивость, съ которой я добивался прикомандированія къ дѣйствующей арміи. Ну, вотъ—добился! Легче мнѣ? Нѣтъ! нѣтъ! та же пытка: завтра ѣду и не видѣть ее никогда — никогда. Господи! какъ

тяжело! Какой я герой? Развѣ геройство бѣжать отъ страданій, не имѣть силы справиться ни съ ними, ни съ собой? Я привязанъ къ полку; онъ дорогъ мнѣ и разъ пошелъ бы полкъ, я съ радостью бы отправился бы съ нимъ. А теперь выдѣляться! точно другіе не хотятъ идти; всѣ хотятъ, и по побужденіямъ не личнымъ, какъ я; однако остаются. Могутъ думать, что меня толкаетъ жажда отличій не въ примѣръ другимъ или особое сочувствіе болгарамъ. А вѣдь ни то, ни другое! Я не боюсь смерти, не буду отъ нея прятаться и все же я трусь, потому что бѣгу и бѣгу, какъ трусь. А могъ бы и я быть счастливъ! Все портятъ эти проклятыя деньги. И зачѣмъ она такъ добра, такъ дивно хороша и такъ богата? Не будь послѣдняго, все было бы поправимо. Она вѣритъ мнѣ, она святая! Да, да, вѣритъ: не побоялось же подписать записку полнымъ своимъ именемъ; она понимаетъ, она чувствуетъ, что не ихъ состояніе манило меня къ нимъ и не она же мнѣ отказала. А и старики Каменцевы,— и отецъ, и мать! Какъ оба просили продолжать бывать запросто, а сегодня у нихъ послѣдній журъ-фиксъ и наконецъ поводъ,— завтра уѣзжаю—заѣхать на нѣсколько минутъ... въ торопяхъ... желая непременно проститься.

При послѣднемъ соображеніи Чуповъ вдругъ остановился; щеки горѣли отъ прилившей сразу крови; сердце какъ-то сжалось, будто прекратило свою работу.

Образъ Зои, носившійся передъ глазами въ какомъ-то бѣломъ, совсѣмъ прозрачномъ облакѣ—онъ же видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ легкомъ, бѣломъ, почти воздушномъ платьѣ,—застылъ все остальное.

Страстное, могучей, крутой волной хлынувшее желаніе видѣть во чтобы-то ни стало ту, которая какъ живая, какъ дѣйствительность, а не мечта, неотразимо витала передъ Чуповымъ,—толкнуло его къ двери, чтобы открыть ее и крикнуть Саженову давать одѣваться.

Звать денщика впрочемъ не пришлось, потому что лишь коснулся дверной ручки Викторъ Павловичъ, какъ извнѣ раздалось покашливаніе, быстро перешедшее въ осторожный, сдержанный окрикъ: «Ваше благородіе! Ваше благородіе!»

Въ то время, когда офицеръ мучился и терзался воспоминаніями, соблазномъ возможности послѣдняго свиданія, слуга

изводился за барина въ своей коморкѣ по болѣе прозаическимъ причинамъ:—«вотъ, разсуждалъ Саженовъ,—какой такой толкъ, что обернулись не поздно, не спать, такъ ходятъ, а про уборку будто бы и позабыли вовсе». И денщикъ рѣшился, преодолевъ страхъ передъ могущимъ послѣдовать нагоняемъ, постучать въ спальню.

Отворяя дверь, Чуповъ задѣлъ надавно принесенную и повѣшанную на стѣнѣ боевую, отточенную саблю. Рѣзко заблестѣвшія стальные ножны, на которыхъ, при покачиваніи, заиграла огонь отъ свѣчей, и тихо, но съ увѣренностью въ своей правотѣ, сдѣланное Саженовымъ заявленіе,—«что безъ уборки чемодана никакъ невозможно!»—вернули Чупова къ дѣйствительности.

— Хорошо! сейчасъ приду! дѣловито и твердо отвѣтилъ онъ обрадовавшемуся Саженову.

— Нѣтъ, не поѣду; переломлю себя! Сдерживался же болѣе мѣсяца,—а теперь и осталось-то всего нѣсколько часовъ. Завтра хоть и захочу, но будетъ уже немыслимо! рѣшилъ Чуповъ, и, точно желая закрѣпить свое рѣшеніе вслухъ, проговорилъ: «Да я и права не имѣю—я далъ клятву и себѣ, и матушкѣ» (единственно кому онъ въ послѣднюю поѣздку къ своимъ старикамъ повѣдалъ сжигавшее его чувство)—«не переступать больше никогда порога дома Каменцевыхъ!»

А изъ рамокъ портрета, неважной живописи, выглядывало добродушное лицо совсѣмъ сѣдой старушки, казалось, улыбавшейся и поощрявшей «своего Витю» не ѣхать «къ гордячкѣ-богачкѣ», какой почему-то, вопреки восторженнымъ отзывамъ сына, Чуповой представлялась Зоя.

III.

Съ приходомъ Виктора Павловича въ гостиную, сборы быстро двинулись впередъ; непрерывностью и спѣшностью работы онъ какъ бы старался поскорѣе и навсегда отрѣзать путь отступленія и заставить волновавшимъ его думамъ дать другое направленіе.

Черезъ два часа неустанной возни все было собрано, упаковано, связано.

— Ну, доволенъ ты? видишь: убрались; а ты все боялся, что не поспѣемъ! обратился къ Саженову Чуповъ.

— Такъ-точно! теперь спокойно, — осклабился тотъ, вдвойнѣ довольный и окончаніемъ укладки и возможностью двигаться въ квартирѣ безъ опасенія «защепить что нибудь такое нѣжное», и кинулся въ спальню готовить постель.

Если на Саженова видъ собранныхъ вещей дѣйствовалъ успокоительно, то Виктора Павловича эти всѣ тюки, связки угнетали, обостряли горечь мысли о необходимости разлуки такъ — не простясь. Вдругъ холодный потъ нѣсколькими крупными каплями выступилъ у него на лицѣ, сердце какъ-то заledenѣло и заняло особой, новой тоской; а по всему тѣлу неожиданно прошла такая слабость, что Чуповъ, чтобъ не упасть, долженъ былъ, удержавшись за столъ, сѣсть на диванъ.

— Не можетъ этого быть! не можетъ этого быть! шепталь Викторъ Павловичъ и крѣпче и крѣпче сжималъ голову, точно желая выдавить оттуда случайно запавшую мысль: что, вернувшись съ войны, онъ вѣроятно найдетъ Зою уже замужемъ. А въ разгоряченномъ мозгу, какъ въ горячей смолѣ, ожигая брызгами Чупова, кипѣлъ и отвѣтъ: «почему не можетъ? вѣрнѣе всего такъ и будетъ!»

Удивленно вытарацая на барина глаза Саженовъ, собиравшійся доложить ему, что постель готова, — заставъ Чупова въ такой скорбной позѣ; но удивленіе слуги дошло до апогея, когда Викторъ Павловичъ, стремительно сорвавшись съ дивана, мертвенно блѣдный, съ невыразимой грустью на лицѣ, самъ схватилъ и быстро надѣлъ снятый при работѣ сюртукъ и, почти простонавъ: «гдѣ же тутъ заснуть?» крикнулъ: «давай шинель! живо!»

Оторопѣвшій денщикъ подалъ платье и по привычкѣ хотѣлъ было спросить распоряженій на утро, но и время ухода и необычайный видъ барина точно зашили Саженову ротъ и онъ, отворивъ дверь и пропустивъ молча Виктора Павловича, оставался у незапертой имъ двери съ расширенными руками, съ раздвинутыми ногами и какъ-то вытянувшейся впередъ шеей, — будто онъ внимательно прислушивался къ шагамъ уходящаго, хотя Чуповъ уже давно успѣлъ сбѣжать съ лѣстницы, а нижняя наружная дверь, громко и раскатисто хлопнувшая, удостовѣрила, что офицеръ уже на улицѣ.

Быстро зашагаль Чуповъ по улицѣ. Онъ не замѣчалъ, куда идетъ. Рѣзкій, холодный, сильно дувшій вѣтеръ не охлаждалъ его; ему было душно, точно воздуха не хватало; будто внутри прямо отъ сердца къ горлу шли непрерывныя кольца и то сильнѣе, то слабѣе давили его. Чуповъ шель, не давая дороги рѣдко за позднимъ временемъ попадавшимся на встрѣчу прохожимъ, часто нечаянно толкалъ ихъ и не слыхалъ пускавшіяся по его адресу не особенно доброжелательныя замѣчанія.

На одномъ поворотѣ Викторъ Павловичъ чуть не сшибъ съ ногъ какого-то пьяненькаго забулдыгу, въ упоръ наскочивъ на него.

— А и баринъ! ай да баринъ; вотъ такъ баринъ! громко зарычалъ пьяный.

Чуповъ машинально извинился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, оглянувшись:—куда онъ забрался?—пошелъ дальше, провожаемый вдогонку возгласами пьянаго, остановившагося у фонаря, охватившаго столбикъ обѣими руками и кричавшаго коснѣющимъ языкомъ все одно и то же: «ай баринъ, ну и баринъ! вотъ такъ баринъ!»

Вдали завиднѣлась темносѣрая масса уже свободныхъ отъ снѣжнаго налета, но еще оголенныхъ деревьевъ Лѣтняго сада. Викторъ потянуло къ нему. Это мѣсто памятно для него — сколько разъ онъ встрѣчался здѣсь съ Зоей на прогулкахъ и говорилось на нихъ душевнѣе, свободнѣе, искреннѣе, чѣмъ на душныхъ балахъ и показныхъ вечерахъ. Какъ бы хотѣлось ему посидѣть теперь въ этомъ саду, походить по тѣмъ аллеямъ, по которымъ онъ гулялъ съ нею; но садъ былъ запертъ, угрюмъ, безмолвенъ и только не то свистъ, не то жалобный вой отъ вѣтра проносился по верхушкамъ столѣтнихъ липъ.

Чуповъ съ набережной повернулъ по берегу Лебяжьей канавки, не смущаясь неудобствомъ пути, иногда останавливался, мысленно прощаясь съ тѣми минутами, когда на сердцѣ еще не было смуты и его согрѣвала тихая радость и предвкушеніе возможнаго счастья...

Вотъ и рѣшетка, подлѣ которой такъ часто приходилось останавливаться, чтобы проститься и не менѣе часто съ восторгомъ выслушивать предложеніе проводить: — если есть время и не со-

всѣмъ не по-дорогѣ? — И всегда было время и всегда было по-дорогѣ.

Эти воспоминанія размягчили, нѣсколько успокоили Чупова и онъ теперь уже задумчиво и медленно шель по хорошо-знакомому пути. Почти совсѣмъ спрятавъ въ шинель лицо, онъ остановился на Моховой противъ дома, средній этажъ котораго былъ ярко освѣщенъ.

На улицѣ было тихо; было время, когда уличное движеніе точно замираетъ, передъ порой развѣздовъ по домамъ.

Громкій храпъ сидѣвшаго у воротъ, уткнувшись въ безобразный тулупъ, дежурнаго дворника убѣдилъ Чупова, что и этотъ единственный свидѣтель ему не будетъ помѣхой.

Чуповъ, зная наизусть расположеніе квартиры Каменцовыхъ, жадно впился глазами въ окна залы, въ расчетѣ, что черезъ нихъ скорѣе всего можно высмотрѣть, какъ будетъ мелькать головка танцующей Зои.

Много знакомыхъ и незнакомыхъ силуэтовъ пробѣжало передъ глазами застывшаго въ напряженномъ вниманіи Чупова, а той, ради которой онъ холодѣлъ на вѣтру, нѣтъ и нѣтъ!

— И тутъ неудача! уныло, и тихо прошепталъ Викторъ Павловичъ, и, невольно глубоко и громко вздохнувъ, бессознательно стала круче запахивать шинель.

Тулупъ зашевелился, звѣнулъ на всю улицу, сонными глазами оглядѣлъ стоявшаго невдалекѣ офицера и, не разобравшись съ просонокъ, важно проговорилъ:

— Поштенный! ты чаго же здѣсь околачиваешься? а? проходи, проходи! Сдѣлай милость, не задерживайся! — но, всмотрѣвшись получше и убѣдившись, что стоявшій по костюму не можетъ принадлежать къ людямъ подозрительнымъ, съ видомъ поклона пошевелилъ шавкой и невозмутимо пробормотавъ — извините, господинъ! — нахлобучилъ ее и снова погрузился въ прерванное занятіе еще съ большимъ усердіемъ, такъ какъ теперь къ храпу прибавилось и высвистываніе.

Это на секунду помѣшавшее наблюденію пробужденіе тулупа заставило Чупова подумать: «Не пора ли уходить? Видно не судьба повидать ее даже тайкомъ, издали, и если, проснувшись, дворникъ опять увидитъ меня, вѣдь онъ можетъ, Богъ

знаеть, что предположить». И онъ, бросивъ на окна какой-то молящій взглядъ, тронулся съ путь.

Не сдѣлавъ и сотни шаговъ, Чуповъ остановился: его тянуло къ мѣсту прежней остановки, какъ въ заколдованный кругъ.

«Что же! вѣдь это въ послѣдній разъ», подумалъ онъ и вернулся назадъ.

Наконецъ-то! Чуповъ чуть не вскрикнулъ; сердце забилося часто, часто—а самъ онъ рѣшительно позабывъ вся и все, какъ бы моментально загнипотизированный, всей своей фигурой подался впередъ, да такъ и застылъ.

Освѣщенная свѣтомъ простѣлочныхъ канделябръ, въ окнѣ ясно видѣлась хорошенькая головка молодой дѣвушки. Сверкающіе брилліанты въ ушахъ, такая же какъ бы случайно упавшая около плеча брошь и нитка жемчуга на шеѣ, будучи сами по себѣ очень эффектны и красивы, все-жъ-таки служили только слабымъ дополненіемъ для украшенія головки, покрытой цѣлой волной чудно-красивыхъ золотистыхъ волосъ, падавшихъ на свѣтлое платье и образовавшихъ съ его верхомъ точно рамку, изъ которой выглядывало блѣдное, прелестное лицо.

Возлѣ этого лица, будто для контраста, наклонилась измозженная, не въ мѣру износившаяся физіономія, непремѣнная принадлежность и великосвѣтскихъ вечеровъ и дорогихъ кабаковъ, въ безукоризненномъ фракѣ, при-наудивленье выглаженной сорочкѣ.

Фракъ былъ оживленъ, часто смѣялся и жестикулировалъ, въ противоположность головкѣ, задумчивой, спокойной, и, казалось, совершенно не обращающей вниманія на безъ умолку болтавшую физіономію. Потомъ, какъ бы въ силу неизвѣстнаго еще средства душъ, она, немного отстранивъ крошечной рукой край занавѣси, стала смотрѣть въ окно, почти касаясь лицомъ зеркальнаго стекла. Послѣ нѣсколькихъ секундъ сосредоточенной задумчивости, пытливаго разсматриванія улицы, она, не подымая головы, провела рукой по лбу и тихо отошла.

Чупову въ экзальтаціи даже показалось, что онъ слыхалъ ея вздохъ. Весь трясущійся, совсѣмъ продрогшій, онъ не жалѣлъ, что забрался на Моховую, изъ-подъ шинели перекрестивъ окно, гдѣ увидалъ онъ ее на прощанье, Викторъ Павловичъ пошелъ домой болѣе бодрымъ, болѣе спокойнымъ, чѣмъ выходилъ изъ дому.

IV.

Послѣ холодной съ рѣзкимъ вѣтромъ noci, настала чудный, ясный день; одинъ изъ тѣхъ удивительныхъ дней, которыми иногда нѣтъ-нѣтъ да и щегольнетъ Петербургъ, «на перекоръ стихіямъ» и вопреки всѣмъ предсказаньямъ всѣхъ календарей.

Саженовъ совершенно довольный, совсѣмъ счастливый уже давно возился въ багажной кассѣ Николаевской желѣзной дороги съ вещами своего еще непріѣхавшаго барина. Да и какъ ему было не радоваться, когда онъ, всего на всего, только три раза что-то чужое зацѣпилъ не то локтями, не то колѣнями? развѣ въ такой суматохѣ разберешь, — а выругали его, по крайней мѣрѣ вслухъ, только разъ; и главное, онъ убѣдился, что все съ багажемъ поручика ладится и устроится по хорошему.

Увидавъ входящаго въ залу Виктора Павловича, онъ, сіяющій, кинулся на встрѣчу и торжественно отпортовалъ:

— Ваше высокоблагородіе! и все я сдалъ и все, какъ есть, т.-е. до остатняго. Можно ѣхать теперь! ваше высородіе! — проглатывая отъ усердія и торопливости не только буквы, а и цѣлыя слога.

— Ну, спасибо! разсѣянно отвѣтилъ Чуповъ, беря отъ денщика протянутые послѣднимъ билетъ 2-го класса и багажную квитанцію.

Чуповъ былъ тоже до извѣстной степени доволенъ: онъ нарочно уѣзжалъ въ день, когда полкъ занималъ карауль; всѣ его пріятели были въ нарядѣ; такъ что онъ избавлялся отъ дорожныхъ проводовъ, а при нихъ не обошлось бы безъ панегириковъ и привѣтствій, по его миѣнію, незаслуженныхъ. Онъ даже не сказалъ поѣзда, на которомъ поѣдетъ, такъ что послѣднее прощаніе, невѣдомое той, съ которой прощались, принадлежало все-жъ пока ей.

Впрочемъ, о часѣ отъѣзда Виктора Павловича знали пзмозженный фракъ. Но это что за проводы? что за прощанье? Фракъ обѣщала привезти на вокзалъ оставшуюся за нимъ половину денегъ, слѣдуемыхъ съ него за приобрѣтенную отъ Чупова обстановку.

Второй звонокъ. Суетня на платформѣ не замерла, но пе-

рестала быть быстрой и шумливой: непровожаемые пассажиры успѣли уже устроиться по своимъ мѣстамъ; а тѣ, которые оставляли на дебаркадерѣ родное и завѣтное, или усиленно и часто кивали изъ оконъ вагоновъ, или спѣшно, не шумно, иногда со слезой на глазахъ, обнимали и цѣловали оставшихся.

Чуповъ тоже стоялъ у окна; мелькомъ ему припомнилось, что ему должны привезти деньги, но онъ какъ быстро объ этомъ вспомнилъ, такъ же быстро и позабылъ; а фракъ благоразумно рѣшилъ его не беспокоить и, помня о долгѣ, позабылъ прѣхать на вокзалъ.

Задумчиво стоявшій Викторъ Павловичъ вдругъ встрепенулся и началъ быстро, быстро протирать нервно выхваченнымъ носовымъ платкомъ окно, хотя стекло было и такъ чисто; затѣмъ на Чупова напалъ родъ столбняка; онъ наивно, почти глупо, съ разинутымъ невольнo ртомъ, напряженно всматривался въ стоящую на платформѣ, немного наискось отъ его вагона, одиноко, въ сторонѣ отъ всѣхъ, стройную женскую фигуру, лицо которой нельзя было рассмотреть: — такъ хорошо оно было закрыто густымъ, чернымъ вуалемъ... и все же Виктору казалось, что глаза совершенно спрятаннаго за тканью лица устремлены пристально и неподвижно именно на его окно. Потомъ, въ какомъ-то неожиданно охватившемъ его, еще смутномъ восторгѣ, онъ бросился было изъ вагона, сгораемый жаждой удостовѣриться, что онъ не ошибся, но тотчасъ же раздавшійся третій звонокъ удержалъ его на мѣстѣ, напомнивъ, что уже поздно и неспѣтъ; а боязнь потерять хоть моментъ заставила его буквально прильнуть къ стеклу.

«Открыть окно! и скорѣе, скорѣй!» ураганомъ пронеслось въ головѣ. Съ огромной, вдругъ проявившейся отъ порыва, силой онъ дергаетъ ремень: разъ — ничего, рама не поддается. Второй разъ, — ремень срывается и остается въ рукѣ Чупова, возбудивъ этимъ чье-то сдержанное хихиканье въ углу вагона, а рама остается въ старомъ положеніи. Чуповъ даже не соображалъ, что за первой, должна быть вторая, — вагоны были еще зимніе. Раздается оберъкондукторскій свистокъ; ему какимъ-то своеобразнымъ и жалобнымъ эхомъ отвѣчаетъ паровозъ и поѣздъ медленно начинаетъ трогаться...

И въ это время такъ таинственно закрытая дѣвушка, без-

звучно пролетаетъ: «могутъ убить, дорогой, прощай!» — въ приливѣ раньше невѣданной тоски, забывъ вся и все, кромѣ его, энергичнымъ, порывистымъ движеніемъ отдергиваетъ вуаль, обнаруживъ мертво-блѣдное, съ выраженіемъ молящейся праведницы лицо, торопливо трепещущей рукой достаетъ изъ-под ротонды розу, подноситъ ее къ губамъ и креститъ все быстрѣе двигающійся вагонъ. Викторъ все видѣлъ, все понялъ и былъ близокъ къ обмороку отъ сразу, широкой волной хлынувшихъ на него чувства радости и чувства щемящей скорби въ сознаниі, что возврата нѣтъ и каждое мгновеніе уноситъ его дальше и дальше отъ той, подлѣ которой было бы счастьемъ даже вѣчно томиться и страдать.

Онъ отошелъ отъ окна лишь тогда, когда не только вокзала, а и Петербурга не стало совершенно видно.

Онъ сѣлъ, передумывая только то, что прямо или косвенно касалось Зою, но непременно только Зою. «Зоя, ты святая! думалъ онъ, — и роза навѣрно та, которую я ей проигралъ въ шутиломъ пари послѣдній разъ; и отъ кого могла она узнать о часѣ моего отъѣзда? Конечно, единственно отъ Хилина», догадался онъ съ прозорливостью истинно-любящаго человѣка, — «ну, да, только отъ Хилина, этого искателя приданаго, вѣстовщика всѣхъ новостей!» И измозженный фракъ, на котораго онъ еще вчера съ панели Моховой смотрѣлъ совсѣмъ недружелюбно, теперь представлялся ему ангеломъ всѣхъ добродѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ.

«Нѣтъ, не уступлю я тебя никому! продолжалъ мечтать Чуповъ. — А война? а смерть?» — вдругъ вспомнилъ онъ. И Викторъ Павловичъ, никогда и нигдѣ не слышій за трусливаго, — помимо воли, внѣ сознания желалъ мира, мира и мира! Задумавшись, позабывшись, гдѣ онъ и куда ѣдетъ, — онъ вздрогнулъ даже, когда кондукторъ попросилъ у него, для контроля, билетъ.

Ему казалось какъ бы святотатствомъ смотрѣть на кого либо послѣ того, что онъ только что глядѣлъ на Зою, да и не хотѣлось никого ни видѣть, ни слышать и онъ попросилъ отдѣльное купе.

Несмотря на одиночество, на почти бессонную, послѣднюю ночь, физическую усталость и на скучное, монотонное выстукиваніе колесъ, онъ заснулъ, уже миновавъ Клинь.

Крѣпокъ и полонъ радостныхъ видѣній былъ зато сонъ Чупова, точно Викторъ спалъ по внушенію доброжелательнаго

ему лица. Вотъ онъ видитъ у себя на груди бѣлый, завѣтный крестикъ; ясно видитъ, даже трогаетъ, поправляетъ его; дальше онъ ведетъ цѣлый отрядъ въ бой: всѣ кричатъ «ура», и неудержимымъ потокомъ несутся впередъ; врагъ разбитъ и бѣжитъ; а на очистившемся лугу медленно, вся въ бѣломъ, какъ сказочная фея, появляется Зоя и рвется къ нему, Виктору; но между ними вырастаютъ ея мать и отецъ и начинаютъ отталкивать его. Онъ задыхается, ему больно, душно; но онъ боится ихъ тронуть; потомъ его мучители сами отходятъ въ сторону и исчезаютъ; а Зоя, въ подвѣчномъ платьѣ, счастливая, улыбающаяся, лучезарная, смѣло подходитъ къ нему, склоняетъ свою головку ему на плечо. Ея поднявшаяся фата схватываетъ ихъ обоихъ; они отдѣляются отъ земли и легко несутся куда-то ввысь, подгоняемые попутнымъ, приятно освѣжающимъ вѣтеркомъ...

Поѣздъ стали усиленно тормозить; откатъ назадъ — и онъ окончательно остановился; захлопали двери; въ отворенное купэ врывался свѣжій, наружный воздухъ, а передъ Чуповымъ стоялъ кондукторъ, осторожно его потрогивая и докладывая о приѣздѣ въ Москву...

Н. Е. Вуичъ.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

Свершилось! Рокъ неумолимый
Намъ грянулъ тяжелою бѣдой!..
Полночной музы жрецъ любимый
Сраженъ безжалостной судьбой.
Въ разгарѣ свѣтлыхъ вдохновеній
Исполненъ творчества и силъ
На ранній гробъ нашъ милый геній
Чело цвѣтущее склонилъ.
Давно-ль звѣздою лучезарной
На русской славы небосклонѣ
Явился онъ, пришлецъ избранный,
Высокой долѣ обреченъ?
Давно-ль на лирѣ сладкогласной,
Какъ ропотъ волжскія струи,
Онъ пѣлъ роскошно и прекрасно
Намъ пѣсни дивныя свои!
Давно-ль? И вотъ могильный камень—
Въ печальномъ образѣ креста,—
Подъ нимъ угасъ небесный пламень
И смолкли вещи уста.
И нѣтъ, пѣвца! Въ пыли могилы
Цѣвница сирая молчитъ,
И звукъ ея—звукъ сердцу милый
Къ намъ болѣ въ грудь не залетитъ;
Но мы внимали дивнымъ звукамъ,
Мы ими нѣжили сердца,

Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго гѣвца.
Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенной—
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ:
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный
Вѣнецъ безсмертья дастъ народъ!

ПРИМЪЧАНІЕ.

Стихотвореніе «На смерть А. С. Пушкина» написано въ 1837 году покойнымъ дѣдомъ моимъ Николаемъ Егоровичемъ Вуичемъ — поэтомъ, современникомъ А. С. Пушкина. Стихотвореніе это взято мною изъ рукописной тетради стиховъ Н. Е. Вуича, который въ свое время пользовался симпатіями общества—какъ поэтъ и былъ однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ и были помѣщены многія изъ его стихотвореній. Сравнительно ранняя смерть и нежеланіе издать свои стихотворенія отдѣльнымъ изданіемъ не дали Н. Е. попасть въ ряды отмѣченныхъ поэтовъ своего времени. Родился Н. Е. въ 1818 году. Кончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпорщиковъ, Н. Е. служилъ въ гвардіи, но скоро, по разстроенному здоровью, оставилъ службу и уѣхалъ въ свое родовое имѣніе въ Вологодской губерніи, гдѣ и продолжалъ изрѣдка заниматься своимъ любимымъ предметомъ—поэзіей. Скончался Н. Е. въ 1851 году и похороненъ въ томъ же имѣніи. Изъ числа друзей покойнаго, могу назвать издателя «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго.

М. Цейль.

В. М. Грибовский.

НА ЛѢСТНИЦѢ.

На парадной лѣстницѣ большого богатаго барскаго дома шли обычныя лѣтнія передѣлки. По ступенькамъ и площадкамъ громоздились козлы, доски, всевозможныя подставки, ушаты съ цементомъ, ведерки съ краской. Все кругомъ было заслѣжено, засыпано растоптанной извѣсткой, забрызгано жидкой синькой. Человѣкъ пять рабочихъ штукатуровъ и маляровъ въ испачканныхъ бѣлыхъ фартукахъ и измазанныхъ разноцвѣтныхъ блузахъ размѣстились на двухъ сосѣднихъ площадкахъ и напряженно справляли свое дѣло. Работали сосредоточенно, даже угрюмо; приближался обѣденный часъ, и всѣмъ хотѣлось скорѣе зашабашить. Только самый верхній штукатуръ, курчавый, курносый малый, въ сбитой на-ухо шапченкѣ, сидя верхомъ на перекладинѣ высокихъ козель, лѣниво мѣшалъ цементъ на досчечкѣ и высокимъ теноромъ тянулъ:

«Саша, другъ неоцѣненный, тогда забуду я тебѣ...»

Слышалось шуршанье цемента подъ лопаточкой работника, сочный шлепокъ его въ стѣну и потомъ продолженіе пѣсни:

«Тогда забуду я тебѣ, когда закроются мое глаза...»

Внизу кто-то открылъ наружную дверь. На лѣстницу, вмѣстѣ

съ нагрѣтымъ удушливымъ воздухомъ городского полудня, врывался грохотъ экипажей людной улицы и на мгновенье заглушилъ пѣвца.

— Ей, братцы! слышался снизу чей-то молодой, но хриплый, надтреснутый голосъ:— какъ мнѣ тутъ къ генералу Кашпиреву пройти?

Маляры и штукатуры заглянули въ пролетъ лѣстницы. Къ нимъ по ступенькамъ, рѣшительно шагая черезъ ушаты и ведра, поднимался небольшой худенькій человѣчекъ въ изношенной, выцвѣтшей, мѣстами разорванной, когда-то модной, жакеткѣ, въ порыжѣлыхъ, протертыхъ, стоптанныхъ сапогахъ и бахромой обившихся панталонахъ.

— Никакого тутъ генерала нѣту! крикнулъ въ отвѣтъ незнакомцу старшій, степеннаго вида маляръ:— всѣ на дачу уѣхавши, а ты уходи... здѣсь не ходять... видишь,— загорожено!

Оборванецъ остановился и смѣрилъ рабочихъ презрительнымъ взглядомъ.

— Прежде всего ты мнѣ не тычь, я тебѣ не Иванъ Кузьмичъ, съ дѣланнымъ достоинствомъ замѣтилъ онъ,— а потомъ — хочу итти и иду, ты что мнѣ за указъ?

— Указъ не указъ, а не показано и не ходи, съ сердцемъ отозвался степенный маляръ,— не мѣшай, ступай кругомъ!

— А ежели я хочу здѣсь?

— Хочу. Вотъ дуракъ, прости Господи; да ежели здѣсь нельзя?

— А ты не ругайся...

— Ну, ну, проходи, нечего тутъ, хоромъ заговорили прочіе штукатуры.

— И пойду!

— И иди!

Но незнакомецъ не уходилъ. Онъ стоялъ въ задорной позѣ и вызывающе поглядывалъ на всѣхъ. Одинъ изъ рабочихъ попробовалъ было тихонько взять его за плечо, но спорщикъ стремительно вырвался.

— Оставь! визгливо крикнулъ онъ.

Сидѣвшій на перекладинѣ пѣвецъ отложилъ въ сторону дощечку съ цементомъ и лопаткой, помѣстился бокомъ на перекладинѣ козелъ и началъ набивать трубку-носогрѣйку. Онъ не торопился съ работой и теперь, видимо, не прочь былъ раз-

влечься на счетъ обидчиваго оборванца. Пѣвецъ заложилъ трубку въ ротъ на одну сторону, а другимъ угломъ вытянутыхъ губъ сплюнулъ и попалъ незнакомцу какъ разъ на сапогъ.

— Чего харкаешь, зря, лѣшій, арестантъ, мазурикъ! закричалъ оборванецъ.

Въ отвѣтъ на эту ругань пѣвецъ сразу сдѣлался серьезнымъ.

— Эй ты, уходи слышь, вдругъ угрожающе заговорилъ онъ:— а то я такъ тебя звѣздану...

Оборванецъ стремительно выставилъ впередъ свою чахлую грудь и разставилъ руки.

— Бей! опять почти завопилъ онъ, — бей, руки чешутся. Бей! Васъ много, а я одинъ; бей! это ваша халуйская повадка; на одного всѣ соколы... Бей!

Рабочіе съ любопытствомъ уставились въ топорщившуюся передъ ними тщедушную заморенную фигурку храбреца.

— Ишь ты какой форсистый, проговорилъ наконецъ одинъ изъ маляровъ.

— Эй, слышь ты, уже значительно мягче откликнулся верхній:— ты смотри... можетъ тебя съ черной лѣстницы по шеѣ погнали, такъ ты тутъ теперь норовишь пробраться... не за хозяйскимъ ли добромъ?

— Нѣтъ, братъ, это ты про себя оставь, отвѣчалъ оборванецъ съ тѣмъ же задоромъ, но уже безъ изступленія:— меня, братъ, еще ни откуда не гоняли... Я здѣсь иду... Куда я иду? Къ отцу своему родному, вотъ къ кому... (незнакомецъ гордо поднялъ голову и высокомерно оглядѣлъ рабочихъ). Ты кто? обратился онъ къ верхнему пѣвцу; — ты — мужикъ, халуй? А я — господскій, генеральскій сынъ... Ты вотъ стѣну известкой мажешь и вѣкъ будешь мазать... всегда будешь... до гроба... а я захочу, сейчасъ папашѣ въ ножки поклонюсь... скажу: «рара, я виноватъ, я блудный сынъ, но вы простите меня... я во всемъ обещаюсь»... И меня опять за столъ съ собой отецъ посадить... И вездѣ меня примутъ, потому что я благородное обращеніе знаю... Я благородный человѣкъ, а ты мужикъ...

— Это что, братъ, отозвался верхній, совершенно забывъ свой недавній гнѣвъ и мирно попыхивая трубкой:— нынче мужиковъ нѣтъ, нонѣ всѣ благородные... Есть у тебя деньги — ты баринъ, нѣтъ денегъ — мужикъ...

Оборванецъ презрительно прищурился:

— То-то и есть, продолжалъ онъ,— только деньгамъ-то никогда не быть у тебя... Я папашѣ поклонюсь, и ты на меня сейчасъ работать станешь, потому что ты такъ отъ Бога созданъ, чтобы господамъ служить... Ты кому лѣстницу красишь, себѣ что ли или вонъ этимъ обалдуямъ? Кто въ домѣ тутъ живетъ? Ты, небось, хоромы ладишь, а самъ въ собачьей конурѣ дрыхнешь. Кому стулья золоченые столяры понесли, тебѣ? Эхъ, ты Акимъ-простота...

— Вотъ что, прервалъ вдругъ оборванца рѣшительнымъ тономъ степенный маляръ:— кому хочешь пустяя рѣчи говорить, ници въ другомъ мѣстѣ, а отсюда уходи по добру, по здорову... не то я дворника позову и тебя въ участокъ отправлю... Понялъ?

При словѣ участокъ, генеральскій сынъ съежился, и потерялъ часть своей самоувѣренности, но не уступилъ сразу.

— То-то, раскусилъ, небось. Ну, ладно! Уйду. А ты, верхній, дай-ка мнѣ курнуть разокъ, смерть затянуться хочется.

— Ступай, ступай, послышались нетерпѣливые голоса.

— Жалѣете? Ну, прахъ васъ дери: не видалъ я махры вашей. Счастливо оставаться!

— Ступай!

Оборванецъ ухарски заложилъ руки въ карманы панталонъ и, также рѣшительно шагая черезъ ушаты и ведра, скрылся за наружной дверью.

Послѣ ухода незваннаго гостя, штукатуры нѣсколько времени работали молча; слышалось торопливое шарканье лонатоковъ по стѣнѣ и разсыпчатое щелканье красочныхъ капель, стряхиваемыхъ на полъ съ обильно смоченныхъ кистей. Одинъ верхній по прежнему не спѣшилъ.

— А вѣдь такъ-то, задумчиво началъ онъ:— если вникнуть, облѣзлый правду сказалъ; къ примѣру: мы теперь работаемъ... жисть наша собачья... гдѣ спишь, что въ брюхо пихаешь, и какая тебѣ за ту работу цѣна? Грошъ. Потому отъ твоей работы всегда себѣ пользу другой имѣеть, хоть тресни... Вѣрно!

— Что болтаешь зря, прервалъ разсужденія пѣвца степенный маляръ, кончай скорѣе— шабашить пора.

— Зашабашимъ, погоди... и право, братцы,—продолжалъ верхній,—онъ хоть и дурачекъ съ виду, а можетъ, у него что иное на умѣ: пожалуй это онъ все не с проста, а съ подвохомъ... Прежде были такіе...

— Полно тебѣ... будетъ... опять вмѣшался старшій.

— Прежде были, а теперь нѣтъ, вставилъ свое замѣчаніе до того времени молчавшій блѣдный, высокій штукатуръ.—Этотъ-то просто непутевый... Я слышалъ, что у здѣшняго генерала безпутный сынъ есть.

— А можетъ онъ прикинулся генеральскимъ сыномъ, гляди—безпутный-безпутный, а нѣтъ того, чтобъ пьянъ былъ. Ни въ одномъ глазу. Право, можетъ, съ подвохомъ какимъ,—не унимался верхній.—У насъ, въ деревнѣ, я еще мальчишкой былъ крохотнымъ, тоже такой одинъ приходилъ. Съ виду не то дьячекъ, не то приказчикъ, а съ мужиками въ кабакъ пилъ; все говорилъ, что мужикамъ земли мало дадено. А ему какое дѣло, много-мало? И опять, почему онъ знаетъ?.. Откуда?

— Земли мало, это вѣрно, вставилъ блѣднолицый.—У насъ опять пятнадцать дворовъ въ Сибирь на новыя мѣста пошли, а какія тамъ новыя мѣста, гдѣ ихъ сыщешь?.. народу вездѣ наплодилось много.

— И говорилъ, продолжалъ верхній, попыхивая трубкой,—что у него всякія книжки про это есть, про мужиковъ: какъ, и что, и гдѣ... и какъ все это... И пѣсни свои у такихъ есть.

— Пѣсни? А ты слыхаль?

— Довелось!

— Ишь ты, какъ же это ты?

— Да такъ.

Всѣ уже понемногу оставили работу и, вытирая руки о фартуки, приготовились слушать продолженіе занимательнаго разсказа. Но рассказчикъ молчалъ.

— Такъ слыхаль? спросилъ степенный штукатуръ, какъ бы мимоходомъ, но, видимо, тоже затронутый любопытствомъ..

— Слыхаль!

Черезъ нѣсколько мгновеній верхній началъ рассказывать, растягивая слова и многозначительно поглядывая на товарищей.

— У насъ на большомъ тракту мостъ перестраивали... Я тогда тоже мальченкомъ былъ... Ну, извѣстно, вколачивали

свай... все — как слѣдуетъ быть... Народъ у насъ лихой, привычный... Разъ вколачиваютъ... какъ обыкновенно — «Дубинушку» поютъ... Ну... только это подходитъ тоже неизвѣстный, раньше онъ тоже тутъ вертѣлся... Молодой, ничего себѣ, красивый... въ суконномъ тулупѣ... подходитъ и... слышь ты... «не такъ поете, говорить, не такъ пѣть надо». Засмѣялись тутъ всѣ... А закаперщикъ*) ему и говорить: «спой, говорить, коли лучше умѣешь». Онъ и запѣлъ... Голосъ выдалъ такой звонкій, хороший, видно умѣлый... Запѣлъ... А въ пѣснѣ сказывается, какъ трудно намъ русскому мужичку оченно работать, какъ англичанинъ или тамъ еще кто, коли чуть что, сейчасъ машину наладить, и пошла у него... А у насъ все по старинѣ, все своимъ горбомъ съ «Дубинушкой»...

— Ну и что-жь? спросилъ одинъ изъ слушателей, когда рассказчикъ замолкъ на минуту.

— Жалостно больно, и также «Дубинушку» припѣвали... Занятно. Потомъ онъ со всѣми мужиками знакомъ былъ, всѣхъ въ кабакъ водкой поилъ и свою пѣсню пѣть училъ... Бабамъ, дѣвкамъ подарки дарилъ, а чтобъ какое безобразіе — этого не было, грѣхъ сказать. Дарма дарилъ. Видно былъ богатый...

— А ты не припомнишь, какъ таѣ пѣсню поютъ, на какой манеръ?

— Нѣтъ, забылъ! Кажись, вотъ такъ: ууу—ууу!! Постой... Нѣтъ, забылъ... Давно было, а хорошая пѣсня — жалостная.

— Да, должно быть, тоже изъ такихъ, замѣтилъ старшій, увлеченный рассказомъ. — Прежде это бывало, а теперь нѣтъ.

— Нынче легче стало маленько, вставилъ блѣднолицый, а прежде, бывало, какъ нашего брата...

— Ну, ладно, рѣшительнымъ, строгимъ голосомъ вмѣшался старшій, — побалагурили — будетъ. Мало-ли народу-то проходимцевъ ходить... Зашабашимъ... Собирайся, что-ли!

Нѣсколько мгновений собесѣдники еще пребывали въ какомъ-то состояніи задумчивости, а потомъ сразу дружно зашевелились, обтирая руки и накидывая армяки. Еще нѣсколько минутъ, и парадная лѣстница опустѣла.

*) Заправляющій дѣломъ вбиванія свай.

Д. Л. Мордовцевъ.

БОЙ НА НЕВѢ.

(15-го июля 1242).

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчаный —
Иванъ Четвертый — пощадилъ.

Пушкинъ («Моя родословная»).

Въ нѣкто мужъ, старѣйшина въ земли Ижерской
поручена бѣ ему стража морская.

«Новгородская четвертая лѣтопись».

Наступало тихое июльское утро 1242 года.

Блѣдная сѣверная ночь еще борется съ разсвѣтомъ, но востокъ алѣетъ все болѣе и болѣе, прогоняя тѣни короткой лѣтней ночи и освѣщая одинокое, неподвижно стоящее на берегу Финскаго залива при устьѣ Невы, видѣніе.

Это — всадникъ. Если бы предразсвѣтный вѣтерокъ не шевелилъ пряди его длинной сѣдой бороды, то можно было бы принять его за бронзовое или гранитное изваяніе — такъ онъ былъ неподвиженъ.

— Господи, что ми сіе?.. Въ сонѣ-ли то явися, или бысть

ми видѣніе дивно? испуганно шепчетъ всадникъ и творить крестное знаменіе.

Онъ трогаетъ коня, поднимается на стременахъ, поправляетъ на головѣ шапку.

— Нѣтъ, не сонъ, говоритъ онъ самъ съ собою.— Я слышалъ шумъ страшень по морю и видѣлъ насадъ одинъ гребущъ, а посреди насада святыхъ Бориса и Глѣба, какими я зрѣлъ ихъ на образѣ въ Новѣгородѣ, у святой Софіи. Я внималъ слухомъ моимъ, какъ Борисъ сказалъ, — брате Глѣбе! вели грести — да поможемъ сроднику своему Александру на супостаты: велика-бо сила свеевъ идти моремъ на Ижорскую землю и на Русь святую.

Морскія чайки съ жалобнымъ крикомъ кружатся надъ водою, уносясь на востокъ, къ Невѣ.

Всадникъ зорко всматривается въ дымчатую даль и видитъ — у острова Ритусари восходящее на востокъ солнце золотить бѣлые, слабо надуваемые утреннимъ вѣтеркомъ, паруса.

Всадникъ набожно крестится.

— То свей идутъ на Русь: — ихъ то шнявы съ бѣлыми вѣтрилы.

Онъ снова всматривается въ морскую, затянутую пеленою дымки, даль.

— Горе моей родной странѣ и всей Водьской Пятинѣ, — шепчутъ его старческія губы.

Но онъ невольно вздрагиваетъ, вспомнивъ о видѣніи, и лицо его озаряется радостью.

— О, благослови, душе моя, Господа, яко призрѣ и на раба своего и сподоби мя видѣніа дивна... Не изліетъ Господь фіала гнѣва своего на святую Русь.

А бѣлые паруса все ближе и ближе.

— Въ Новгородъ — въ Новгородъ путь мой — ко князю Александру съ вѣстію о нашествіи свеевъ.

О онъ човорачиваетъ отъ моря коня и быстрою рысью пускается въ путь.

День и ночь ѣдетъ онъ знакомыми тропами, по топямъ и лѣсамъ, и когда утромъ, у святой Софіи, въ Новгородѣ, благовѣстили къ обѣднѣ, всадникъ вѣзжалъ уже на княжій дворъ. Навстрѣчу ему — нѣсколько «отроковъ» изъ дружины князя.

— Миръ вамъ, говоритъ всадникъ, сходя съ коня. — Въ дому ли князь?

— А ты кто, старче божій? спрашиваетъ одинъ изъ отроковъ.

— Я Пелгусій, старѣйшина земли Ижорской, съ вѣстями ко князю и Великому Новгороду по спѣшному земскому дѣлу. Видите — коня мало не загналъ.

— Радша? Радивонъ! говоритъ одинъ отрокъ другому, стройному, мужественному юношѣ въ богатомъ воинскомъ одѣяннѣ съ длиннымъ мечомъ у лѣваго бока. Онъ только-что выходилъ отъ князя.

— Доложи князю, что къ нему прибылъ старѣйшина земли Ижорской, старецъ Пелгусій, съ вѣстями по великому и спѣшному земскому дѣлу.

Тотъ, кого назвали Радшей, прошелъ въ княжій теремъ и скоро воротился, говоря:

— Господинъ и князь Великаго Новагорода ждеть тебя, Пелгусіе.

И вотъ Пелгусій предсталъ предъ очи князя Александра Владиміровича, княжившаго тогда въ Новгородѣ.

Торопливо, насколько позволяли усталость, и безъ сна и отдыха проведенная ночь, старикъ повѣдалъ князю о чудесномъ видѣннѣи и о томъ, что въ морѣ показались шведскіе корабли, державшіе путь къ Ижорѣ.

Князь не могъ не понять всей важности сообщенныхъ ему извѣстій, и, обнимая старика, сказалъ по поводу чудеснаго видѣннѣи:

— Сего не рцы никому же.

И тотчасъ же приказалъ своей дружинѣ и новгородскимъ ратнымъ людямъ немедленно готовиться къ походу, а самъ, вмѣстѣ съ старцемъ Пелгусіемъ и отроками Радшей, Ратмиромъ, Саввою и Гаврилою Олексиничемъ — своими тѣлохранителями, — отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ, послѣ молебствія съ колѣно-преклоненіемъ, владыка Спиридонъ благословилъ ихъ на брань за святую Софію и за Водьскую Пятину съ Ижорскою землею.

Загѣмъ, ходя по рядамъ дружины, владыка окропилъ воевъ святою водою.

14-го іюля, не доходя нѣсколько верстъ до Невы, князь Александръ остановилъ свою небольшую рать вмѣстѣ съ при-

ставшими къ ней ладожанами и отправилъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ старца Пелгусія, какъ знатока своего края, и любимаго своего отрока Радши—для развѣдокъ о движеніи непріятеля.

Солнце было еще высоко, когда Радша уже возвращался съ горстью конныхъ новгородцевъ къ ожидавшему его князю.

Радша, блестя на солнцѣ сталью остроконечнаго шишака, ѣхалъ на прекрасномъ ворономъ конѣ, покрытомъ лазоревымъ чепракомъ съ кистями золотой бити. Его стройную, мужественную фигуру свободно драпировалъ богатый, распашной, шитый золотомъ, терликъ съ червчатымъ отливомъ, а черезъ плечо перевѣшивалась рудо-желтая перевязь съ дорожною сулеею. Обнизъ терлика отливала на солнцѣ бурмицкимъ жемчугомъ и самоцвѣтными камнями. У передней луки сѣдла висѣлъ блестящій топоръ съ тонкою изогнутою рукоятью, а конье, придерживаемое у нижняго конца древка ременною петлей, какъ бы выросло изъ лѣваго стремени, въ которое упиралась нога въ сапогѣ яркой желтой юфти.

Подѣхавъ къ княжему намету, Радша быстро соскочилъ съ коня. Въ ту же минуту и князь показался изъ намета.

— А, се ты, Радіонъ, сказалъ онъ, привѣтливо. — А гдѣ же старецъ Пелгусій?

— Старецъ Пелгусій, господине княже, остался съ ладожаны у Невы — блюсти за ходомъ свейскихъ шнявъ, а меня послалъ къ тебѣ съ вѣстями, — отвѣчалъ Радша.

— Каковы же твои вѣсти?

— Добрыя, княже: старцу Пелгусію съиздавна свѣдомы свычай и обычай свеевъ, и онъ велѣлъ сказать тебѣ, что доколѣ swei будутъ высаживаться объ онъ-поль устья Ижоры и разбивать наметы, ты, на зорѣ, ударишь на нихъ и которыхъ положишь на мѣстѣ костью твоею ратию хороброю, а которыхъ въ Невѣ потопишь, аки Фараона и египтянъ въ Чермнѣ морѣ, — бойко отвѣчалъ молодой воинъ.

— А вѣдомо ли старцу Пелгусію, кто вождь свеевъ и koliko число ихъ? спросилъ Александръ.

— Бергель — вождь свеевъ, княже, а рати у него — великое множество.

— Ино съ нами Богъ, и да не убоятся людіе мои тмы

темь нападающихъ, зане на нападающихъ — силы небесныя! торжественно произнесъ Александръ, памятуя видѣніе старца Пелгусія, и молитвенно воздѣль руки къ небу.

Крѣпокъ предутренній сонъ Бергера, вождя шведской рати, расположившейся станомъ при устьяхъ Ижоры. Крѣпокъ и безпечень сонъ и ратныхъ его. Поснула на своемъ посту и стража ночная.

Никто не видитъ, какъ изъ-за сосѣдняго лѣса въ зловѣщей тишинѣ надвигается на сонный станъ врага небольшая, но отважная дружина князя новгородскаго. Ни конь подъ всадникомъ не фыркнетъ, ни стремя у ноги не звякнетъ, ни колчанъ со стрѣлами за спиною ратника не брызнетъ. А тетивы ладожанъ уже натянуты, копья и топоры готовы разить.

Ближе и ближе рать новгородская.

— Съ нами Богъ! вдругъ раздается въ утреннемъ воздухѣ металлическій кличъ князя Александра.

— Съ нами Богъ! вторилъ юношескій голосъ Радши.

— Съ нами Богъ! съ нами Богъ! подхватываютъ ближніе отроки князя — Ратмиръ, Савва и Гаврило Олексиничъ.

— Съ нами Богъ! потрясаютъ воздухъ клики всей рати новгородской.

И началась кровавая сѣча. Обезумѣвшіе отъ нечаяннаго нападенія сонные воины Бергера, поражаемые топорами и копьями, кидались съ берега въ Неву, чтобы вплавь достигнуть своихъ судовъ, и тонули, пронизываемые стрѣлами ладожанъ съ старцемъ Пелгусіемъ во главѣ.

Князь Александръ и Радша съ Саввою первыми, плечо къ плечу, спѣшившись, бросились къ златоверхому шатру вождя свеевъ, и послѣдній изъ нихъ, Савва, топоромъ своимъ подрубить поддерживавшій верхъ намета коренной столбъ. Шатеръ рухнулъ.

Бергеръ и его оруженосецъ, вырвавшись изъ-подъ рухнуващаго шатра, стремительно ринулись прямо на князя и уже оруженосецъ готовъ былъ пронзить послѣдняго тяжелымъ копьемъ, какъ острый и увѣсистый топоръ Радши однимъ махомъ разсѣкъ до переносицы ничѣмъ непокрытую голову отважнаго шведа.

Паденіе оруженосца заставило Бергера искать спасенія на своемъ, стоявшемъ у берега, кораблѣ. За вождемъ кинулись и

другіе. Въ тотъ-же моментъ Гаврило Олексиничъ вмѣстѣ съ конемъ бросился по сходнямъ на корабль; но сходни не выдержали тяжести, — и Олексиничъ и конь упали въ воду.

— Выдыбай, выдыбай, комоне мой вѣрный! кникнулъ Олексиничъ, — и конь, свободно переплывавшій Волховъ, моментально вынесъ изъ Невы своего господина на берегъ — въ самую сѣчу. Въ этой сѣчи особенно неистовствовали спѣшившійся Ратмиръ. Его тяжеловѣсный топоръ разилъ направо и налево. Ноги его скользили по крови убитыхъ имъ враговъ и спотыкались о трупы. Но кровь ихъ и погубила героя: онъ поскользнулся и упалъ.

— Къ Ратмиру на помощь, братія новгородцы! кричалъ Радша.

Но было уже поздно: Ратмира, всего израненаго, добила лежачаго.

При всемъ томъ шведамъ не было спасенія. Вся Нева запружена была ими, искавшими вплавь спасенія на своихъ судахъ. Иной отчаянно отбивался отъ своихъ же, цѣплявшихся за него въ виду неминуемой смерти. Другой тщетно боролся съ волнами въ то время, какъ изъ спины его, словно перистое веретено, торчала убійственная стрѣла ладожанина.

Все, что оставалось отъ шведской рати на берегу, полегло подъ ударами новгородцевъ, и только тѣ изъ враговъ, которымъ удалось достигнуть своихъ судовъ, избѣгли смерти, отплывъ съ судами къ другому берегу Невы, куда уже не достигали ни стрѣлы ладожанъ, ни копы новгородцевъ.

Такъ кончилась битва, стяжавшая князю Александру наименованіе «Невскаго» и «святого» на вѣчныя времена.

Сказаніе объ этомъ побоищѣ говоритъ, будто бы убитыхъ шведовъ было такъ много, что три корабля были наполнены только тѣлами знатныхъ убіенныхъ.

До самой поздней ночи новгородцы и ладожане издали наблюдали, какъ шведы копали ямы для своихъ убитыхъ и наполняли ими общія братскія могилы.

На-утро слѣдующаго дня Пелгусій, войдя въ шатеръ князя и помолясь на висѣвшій у главнаго столба образъ, обратился къ побѣдителю съ такими пророческими словами:

— Княже! сказалъ онъ: — внемли слову Божию, его же

удостоюста мя, раба непотребнаго, сродичи твои, святїи князи Борисъ и Глѣбъ. Нынѣ, въ нощи, явистася ми въ тонцѣ снѣ святїи Борисъ и Глѣбъ въ одеждахъ червленыхъ, аки сонцемъ одѣяни, и рекоста ми:—возстани, старче, отъ одра твоего, и, притекъ къ сродичу нашему, ко князю Александру, рцы тако:—на семь мѣстѣ, идѣже проліяся кровь вѣрныхъ твоихъ за Русь и святую Софію, по мнозѣмъ времени воздвигнется градъ велїй—стольный градъ всея Русїи, и воздвигнувый градъ оный сродичъ твой явится всему міру царемъ велїимъ, каковаго же не бысть на земли, какъ и свѣтъ стоитъ, и возвеличитъ онъ Русь паче всѣхъ царствъ земныхъ, отъ сѣмене же и корене его изыдетъ нѣкогда лѣторасль царственная благоцвѣтущая царь мира, кїй же возвѣститъ миръ мірови, глаголя царемъ и народомъ:—вложите въ ножны мечъ вашъ, да не отъ меча погибните.

— Аминь! тихо молвилъ Александръ и набожно перекрестился.

Затѣмъ Пелгусїй обратился къ стоявшему тутъ же Радшѣ.

— И къ тебѣ, рабе Божїей Радїоне, бысть слово Божїе: отъ твоего сѣмени изыдетъ мужъ, велїй словомъ своимъ вѣщимъ, и пронесется слово то во всѣ концы иселенныя, и назоветъ его всякъ сущїй въ ней языкъ за то, что чувства добрыя въ сердцахъ онъ будетъ пробуждать и милость къ падшимъ призывать.

П. П. Гнѣдичъ.

„МИНУВШИХЪ ДНЕЙ ОЧАРОВАНЬЕ“.

(изъ воспоминаній дѣтства).

I.

Тетушку Агнію Николаевну я помню уже старой дѣвой лѣтъ шестидесяти, сентиментальной, немного чопорной и педантичной. Но эта кажущаяся чопорность не мѣшала ей заступаться нѣкогда за дворовыхъ, когда ихъ водили, по распоряженію дѣдушки, на конюшню. Въ этихъ случаяхъ, она взывала всегда къ гуманизму дѣдушки, говоря:

. — Они, рара, все-таки люди.

Когда дѣдушка умеръ, — Агніи Николаевнѣ было уже за пятьдесятъ, — она отмѣнила барщину, а потомъ всѣхъ перевела на оброкъ. На нее покосились, но она параспѣвъ говорила:

— Я, cher ami, какъ Евгеній Онѣгинъ, — онъ мнѣ служитъ образцомъ, — замѣнила ярмо барщины оброкомъ —

И небо рабъ благословилъ!

— А вы знаете, mon ami, какъ дальше у Пушкина? продолжала она, — дальше:

Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдь...

«Разсчетливый сосѣдь» поглядывалъ на тетушку, въ самомъ дѣлѣ, свирѣпо, но она куталась въ свою пожелтѣвшую горностаевую кофточку на золотистой атласной стеганой подкладкѣ, и говорила:

— Такъ-то, cher, такъ-то: пусть всѣ на землѣ блаженствуютъ.

Имѣньце, доставшееся тетушкѣ, было порядочное, и она могла бы безбѣдно прожить до смерти, проводя даже зиму въ Москвѣ. Но, какъ на грѣхъ, ея любимый племянникъ и крестникъ — Борюшка, удивительно скромный и приличный мальчикъ, прѣзжавшій къ ней въ плисовыхъ сапогахъ, и цѣловавшій съ любовью ея ручку, немедленно по выпускѣ въ офицеры, произвелъ небывалый дебошъ. Онъ перебилъ всѣ зеркала въ какомъ-то такомъ петербургскомъ учрежденіи, наименованіе котораго никто не рѣшался сообщить тетушкѣ, и, въ тотъ же вечеръ, выкупалъ въ бассейнѣ съ рыбой совершенно неизвѣстнаго ему прокурора, встрѣтившись съ нимъ въ трактирѣ. Такъ какъ, къ этому присоединился проигрышъ въ сорокъ тысячъ какому-то барону Шеламахидзе, то отецъ Бореньки рѣшился проклясть своего сына. Но тетушка не допустила осрамить свою фамилію, немедленно продала свое имѣніе и уплатила долги Бореньки. А Боренька перешелъ на Кавказъ, и тамъ черезъ мѣсяць былъ разжалованъ въ солдаты, что, впрочемъ, не помѣшало ему черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться поручикомъ.

II.

Итакъ, я помню тетушку уже не помѣщицей, а просто тетушкой, которая жила въ нашемъ домѣ, въ мезонинѣ, и ходила въ той коротенькой горностаевой шубкѣ, о которой я ужъ говорилъ. Относились всѣ къ ней съ уваженіемъ, считая ее истинной носительницей стараго дворянскаго имени.

Она сознавала все величіе своего поступка, и говорила:

— Ну, пусть попробуютъ сдѣлать то, что я сдѣлала, пусть! Но никто не хотѣлъ пробовать, — а только многіе считали

ее ненормальной. Впрочемъ, тогда такого слова не было, а просто говорили, что она «не въ себѣ».

Къ числу странностей тетушки, домашніе причисляли — большой пузатый комодъ и этажерку. Въ пузатомъ комодѣ хранились толстые томы рукописей: это то, что тетушка переписала собственноручно: цѣлыя хрестоматіи нашихъ поэтовъ. И все это она помнила наизусть. Въ отдѣльномъ комодѣ, вмѣстѣ съ винными ягодами и смоквами, лежали «запрещенные» стихи. Тутъ были стихотворенія Рылѣева, Растопчиной, впоследствии Огарева и Герцена. Съ Герценомъ тетушка была лично знакома, и даже одно время съ нимъ переписывалась. Запретный ящикъ былъ источникомъ ужаса моей матери, которая совѣтывала лучше все это зарыть въ саду. Что касается этажерки, то тутъ стояли въ узорчатыхъ переплетахъ разные альманахи — «Утренняя заря», «Новоселье», «Сто русскихъ литераторовъ», маленькіе томикі Лермонтова и Жуковского, и грузные, напечатанные на какой-то сѣрой проточной бумагѣ, сочиненія Пушкина, пользовавшіяся преимущественной любовью Агніи Николаевны.

Тетушка декламировала поэтовъ ежедневно. Она садилась одна, у себя въ комнатѣ, въ глубокое кресло, и съ чувствомъ, нарастающимъ читала вслухъ, по книгѣ, рѣзко скандируя стихи и неизмѣнно дѣлая удареніе на одной и той же стопѣ, безъ всякаго отношенія къ смыслу. Нерѣдко, у ея ногъ, бѣлѣли и золотились курчавыя головенки дѣтей, съ широко-раскрытыми глазами, впившимися въ тетю. Другое чтеніе — было наизусть. Ареной для этого служила аллея акацій въ нашемъ старомъ саду, гдѣ рѣдко кто ходилъ. Тамъ, набросивъ на плечи оренбургскій платокъ, ровными шагами ходила она, и громко декламировала отрывки изъ «Демона» и «Полтавы». Она такъ упивалась чтеніемъ, что не замѣчала, какъ въ ногу за ней выступали два восьмилѣтнихъ племянника, и семилѣтняя племянница, и повторяли, какъ передпрічастную молитву, слово за словомъ, иногда забѣгая впередъ и перевирая:

Клянусь позорнымъ преступленья,
И вѣчной правдой торжествомъ...

Иногда, въ подражаніе теткѣ, ребяташки въ одиночку ходили среди акацій и тоже декламировали. Сестра Катя надѣ-

вала даже оренбургскій платокъ, ступала по дорожкѣ грузно, басомъ говорила:

Пора, пора! Рогѣ трубятъ,
Лисари въ охотничьихъ уборахъ...

Тетушку поражало все романтическое, грандіозное. Ее не трогала прелесть «Каменнаго гостя», и больше интересовала Марія «Бахчисарайскаго фонтана». Въ «Братяхъ разбойникахъ» она такъ увлекалась картиной разбойничьяго стана, что ей спокойные какъ незабудки глазки расширялись, брови сдвигались, и она проявляла какую-то звѣрскую удаль, сродни Стеньки Разину, про котораго тетушка порою намъ рассказывала, и который мнѣ всегда рисовался съ рыжими усами и въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, — быть можетъ потому, что мой отецъ звалъ Стенькой Разинымъ нашего становаго, неизмѣнно носившаго этотъ головной уборъ.

III.

Тетушка казалась намъ не похожей на другихъ людей. Другіе люди ѣздили въ поле, ходили на кухню, ссорились и сплетничали. Тетушка ничего этого не дѣлала. Тетушка читала стихи, ходила въ лѣсъ за грибами, лежала на коврѣ въ саду, смотрѣла на зарницу и на ночное звѣздное небо, — чего никто не дѣлалъ. Поэтому тетушка была окружена въ нашихъ глазахъ какимъ-то ореоломъ, — что-то праздничное, свѣтлое разливалось вокругъ нее, — и все, что было въ ея комнатѣ — все это также было свѣтло и празднично. Сестра Катя увѣряла, что расписное фарфоровое яйцо, висѣвшее подъ ея лампадой у образа, было очень похоже на тетушку, — и мы соглашались, что это замѣчаніе было удивительно тонко. Даже винныя ягоды въ ея комодѣ были вкуснѣе, чѣмъ тѣ, что хранились въ нижнемъ этажѣ дома, хотя были привезены изъ одной и той же лавки губернскаго города. И пахло отъ нея необычайно вкусно: какимъ-то кардамономъ, — и въ то же время чѣмъ-то свѣжимъ — какъ будто сочнымъ, только что сорваннымъ венгерскимъ яблокомъ.

Въ числѣ сокровищъ, хранившихся у тетушки — былъ маленькій кипарисный ящичекъ, стоявшій въ углу кіота. Иногда,

по большимъ праздникамъ, его вынимала тетушка, заставляла къ нему прикладываться, и затѣмъ осторожно его открывала. Тамъ лежали пестренькіе камешки и раковинки съ очень хитрыми завитушками. По увѣренію тетушки, все это было взято со дна рѣки Іордана странницей, вдовою попадѣей, ходившей пѣшкомъ въ Іерусалимъ — два шага впередъ, а одинъ назадъ. Странница увѣрила, что раковинки и камешки, въ этомъ самомъ ящичкѣ пролежали цѣлую ночь на гробѣ Господнемъ, и потому получили несомнѣнно цѣлительную силу, и мы смотрѣли на камешки и раковинки съ бьющимся сердцемъ, и какъ-то связывали ихъ съ исповѣдью и разговорьемъ, и считали ихъ предметомъ священнымъ.

Но въ томъ же кіотѣ была еще одна коробочка, стоявшая въ противоположномъ углу. Была она пестренькая, маленькая, — но что въ ней было — никто изъ насъ не зналъ. Сколько разъ просили мы тетушку показать, — что тамъ такое, и всякій разъ она говорила:

— Вамъ, дѣти, это неинтересно.

Старшій братъ Лёвушка, утверждалъ, что тамъ лежалъ тетушкинъ пупокъ, — и если хотите, онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе къ этому странному предположенію. Дѣло въ томъ, что у насъ въ домѣ, по старому повѣрью, свято хранились въ укромномъ мѣстѣ пуповины дѣтей, въ бумажкѣ, съ соответствующей надписью. И когда ребенку исполнялось семь лѣтъ, онъ обязанъ былъ схоронить собственноручно эту реликвию гдѣ нибудь подъ кустомъ. Не помню, для чего это дѣлалось, но знаю, что церемонія эта сопровождалась нѣкоторою торжественностью. При такомъ возрѣніи на пупки, что же удивительнаго, что Лёвушка дошелъ до своего предположенія.

Тетушка ревниво охраняла коробку. Разъ, въ воскресенье, Лёвушка, во время разсматриванья раковины, внезапно ее спросилъ:

— А это что?

И стремительно открылъ коробку. Но онъ тотчасъ же получилъ шлепокъ по рукамъ, — и кромѣ сложенной, пожелтѣвшей бумажки ничего не увидѣлъ.

— Ишь какой долгорукій! сказала тетушка, и закрывъ бережно коробку, опять поставила ее на мѣсто.

На этотъ разъ дѣло не удалось.

IV.

Но любопытство наше было задѣто слишкомъ сильно, чтобы не совершить новую попытку ознакомиться съ содержимымъ въ коробочкѣ. Ждали только случая. И случай представился.

Тетушка поѣхала на три дня къ одной умирающей племянницѣ,—и не заперла кіота. То-есть, заперть-то онъ былъ, но ключикъ соблазнительно торчалъ изъ замка. У насъ собрался военный совѣтъ.

Рекогносцировка была рѣшена. Сестра Катя спрашивала: быть можетъ это грѣхъ? Но Лёвушка былъ другого мнѣнія. Онъ просилъ ему указать заповѣдь, которая воспрещала бы посмотрѣть предметъ достойный уваженія. Но даже десятая не подходила подъ эту категорію.

Сердца наши колотили усиленную дробь, дыханіе спиралось. Лёвушка быстро открылъ завѣтную стеклянную дверцу. Вотъ коробочка въ его рукахъ. Двѣ бѣлокурныя головенки стучаются лбами отъ нетерпѣнія заглянуть первой.

— Ну, васъ, куда лѣзете! озлобленно шипитъ Лёвушка.

Бумажка вынута. Что-то мягкое. Тихо, осторожно развертываются пожелтѣлые края. Какой-то сѣренькій порошокъ...

— Четверговая соль! разочарованно восклицаетъ Катя.

Лёвушка лижетъ палець, беретъ нѣсколько крупинокъ и пробуетъ.

— Никакого вкуса.

— Можетъ, это курительный порошокъ для кадила, догадываюсь я.

Лёвушка силится опредѣлить запахъ.

— И запаха нѣтъ.

— Это ядъ для крысъ! внезапно восклицаетъ Катя.

Лицо у Лёвушки моментально вытягивается, онъ вдругъ начинаетъ плевать, и просыпаетъ половину порошка.

— Что ты дѣлаешь! кричу я.

Въ это время по лѣстницѣ раздается скрипъ ступенекъ: кто-то идетъ. Одно мгновеніе — бумажка свернута, коробочка поставлена на мѣсто, ключикъ щелкнулъ и благонравныя дѣти скромно сидятъ у окошка и смотрятъ, какъ бѣгаютъ дворовые щенки, изъ которыхъ одного зовутъ Шутъ, а другого — Дудка.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ сумеркахъ, я одинъ сидѣлъ въ комнатѣ у матери. Она тихонько что-то напѣвала, сидя на диванѣ, а я помѣщался съ ногами рядомъ съ ней и мучился роковымъ вопросомъ. Долго не рѣшался я спросить, наконецъ — напустилъ на себя полнѣйшее равнодушіе, и придавъ голосу небрежность.

— Мама, заговорилъ я, — какой это порошокъ у тети Агнии въ кіотѣ сиртанъ?

Мама остановилась.

— А ты почему знаешь? спросила она.

— А она какъ-то показывала, соврала я, чувствуя какъ щеки мои краснѣютъ, потому что лгать у насъ не было въ привычкѣ. — Это не ладанъ?

Мать улыбнулась.

— Нѣтъ, сказала она: — это просто засохшая грязь.

— А Лёвущка на языкъ пробоваль! внезапно вырвалось у меня.

— И знаешь, откуда грязь? продолжала она, не слышавъ моего восклицанія. — Отъ сапоговъ Жуковского, Василя Андреевича; знаешь, поэтъ такой былъ.

И вотъ что она мнѣ рассказала.

V.

Проѣзжалъ черезъ нашъ губернской городъ Наслѣдникъ — Александръ Николаевичъ. — Конечно — приготовились къ торжественной встрѣчѣ. Остановка была назначена всего на нѣсколько часовъ — для молебствія и завтрака. Завтракъ назначенъ былъ у губернатора, который приходился Агнии Николаевнѣ какимъ-то дядей. Вся родня къ нему изъ деревень съѣхалась, — нельзя же пропустить такой случай — повидать хоть мелькомъ цесаревича. Приѣхала и Агнія. Тогда она была сентиментальной дѣвой, влюбленной въ Пушкина, и все твердила одно:

— Ахъ, зачѣмъ воспитатель Жуковскій, а не Пушкинъ!

Но все-таки, мысль о томъ, что она увидитъ автора Свѣтланы, волновала ее.

— Подумайте, та сѣге, говорила она: — онъ былъ другомъ Пушкина, онъ стоялъ возлѣ его смертнаго ложа.

День для вѣзда выпалъ неудачный. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Кисейныя и барежевыя платья барышень и барынь, вышедшихъ на улицу встрѣчать дорогихъ гостей, повисли жалкими тряпками. Локоны, что носили тогда трубками вдоль щекъ, развились, и придали лицамъ видъ самый непривлекательный. Но послѣ молебствія, выглянуло солнце и завтракали уже съ открытыми окнами.

Послѣ завтрака, когда перешли всѣ въ гостиную, и туда въ маленькихъ китайскихъ чашкахъ стали подавать кофе, вся клика родственниковъ столпилась у затворенныхъ дверей соседней комнаты. Тамъ еще съ утра были проверчены отверстія и всѣ поочереды смотрѣли, затаивъ дыханіе, на блестящее сборище, и шопотомъ передавали другъ другу замѣчанія, — кто гдѣ сидитъ, что говорить, и что дѣлаетъ.

Ближе всѣхъ къ дверямъ, изъ-за спинки невысокаго кресла, видѣлась круглая голова Жуковскаго. На него тайные зрители негодовали: онъ мѣшалъ хорошенько рассмотреть молодого красавца адъютанта; но поэтъ не чувствовалъ этого негодованія, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ сидѣлъ на мягкой мебели, послѣ долгодневной ѣзды на курьерскихъ. Одна особа ничего не имѣла противъ его спокойной позы — это тетушка Агнія Николаевна. Ее не было за дверью, гдѣ были всѣ; она обошла вокругъ, и помѣстилась у другихъ дверей, откуда черезъ щель ясно видѣлась вся фигура поэта. Она смотрѣла на него со слезами, и шептала:

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты...

Молоденькая горничная, просунувшаяся подъ ея локтемъ — тоже посмотрѣть въ щель, слышала, какъ барышня повторяла:

Шепнуть душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснуть знакомый взоръ, —
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Когда гости поднялись, шаркая ногами, щелкая шпорами и бряца саблями, любопытные отхлынули отъ дверей. А тетушка,

трепещущая, задыхающаяся, все стояла на своемъ посту. И едва всѣ вышли, она кинулась къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ Жуковскій и дрожащими руками стала собирать въ пакетики куски грязи, оставшіеся на паркетѣ.

VI.

И много лѣтъ въ этомъ пакетикѣ лежалъ «прахъ отъ ногъ поэта.» И самъ поэтъ уже болѣе десяти лѣтъ умеръ, и о немъ стали какъ будто забывать. А у тетюшки — въ кіотѣ все хранилась священная грязь, и порою она смотрѣла на нее, и говорила про себя:

Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины,—
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положенъ...

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, умерла и тетюшка. Насъ въ это время въ деревнѣ не было — мы ужъ учились въ Петербургѣ. Образа изъ кіота разобрали родственники, — а коробочка, вѣроятно, валялась на подоконникахъ, пока ее не выбросили — и не смѣшали прахъ съ прахомъ.

1899 г.

С. О. Шараповъ.

АКСАКОВЪ И ТУРГЕНЕВЪ О ПУШКИНѢ.

Однажды, зайдя къ покойному Ивану Сергѣевичу Аксакову, я не засталъ его дома и пришелъ къ Аннѣ Федоровнѣ; она спросила, улыбаясь:

— Знаете, кто у насъ былъ сегодня?

— Кто?

— Тургеневъ.

— А! Онъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ и вспомнилъ про моего Ивана Сергѣевича. Зашелъ и просидѣлъ съ полчаса. Знаете, что они дѣлали? Ни за что не догадаетесь!

— Разговаривали, обмѣнивались мыслями?

— Да, нѣсколько словъ сказали. А потомъ, мой Иванъ Сергѣевичъ и говоритъ: «мы вѣдь давно условились ни о чемъ не спорить». Достали Пушкина и стали читать. Ну, конечно, заспорили и тутъ. Тургеневъ говоритъ, что у Пушкина лучшее мѣсто въ «Полтавѣ» слѣдующее:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ;
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ...

«Обратите, говорить, вниманіе на это: «дремоты превозмочь» или «чуть трепещутъ сребристыхъ тополей листы». Весь Пушкинъ тутъ вылился. А мой Иванъ Сергѣевичъ говорить: это вы тутъ вылились, Иванъ Сергѣевичъ, а не Пушкинъ. *Вамъ* это родственно, вашимъ картинамъ природы... А Пушкинъ вотъ гдѣ вылился:

Волнуясь, конница летитъ,
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ...

«Вотъ, гдѣ Пушкинъ! «Тяжкой твердостью» — вотъ *его* языкъ. «Дымъ багровый, клубясь, восходить къ небесамъ, навстрѣчу утреннимъ лучамъ». Вотъ гдѣ Пушкинъ: «И грянулъ бой, Полтавскій бой!»

Тургеневъ засмѣялся и говорить:

— Позвольте ваше замѣчаніе обратить на васъ же. Аксакову нужно нѣчто громопобѣдное, вотъ вы на этомъ и остановились. А другой красоты вы и не почувствуете.

А я подумала: какіе вы, друзья мои, оба маленькіе, и какой онъ передъ вами гигантъ.

И. Э. Василевскій (Буква).

МЫСЛИ ВСЛУХЪ.

Читая и перечитывая исторію нѣкоторыхъ народовъ, нельзя не замѣтить, что человекъ, споконъ вѣковъ такъ гордящійся своимъ разумомъ, дѣлалъ и дѣлаетъ ему очень мало чести своимъ поведеніемъ.

Во всемъ требуются тактъ и мѣра. Нельзя надѣвать крѣпъ на рукавъ, черный галстукъ и черныя перчатки только потому, что у «хорошаго человека» воры съ крылечка самоваръ унесли.

Наше приличіе—оранжерейный цвѣтокъ для дамскаго обихода. Все оно, почти безостаточно, уходитъ на застегиваніе пуговиць у платья, на подсовываніе стульевъ особамъ прекраснаго пола и на поклоны при встрѣчахъ съ знакомыми.

«Люди, вставая, надѣваютъ сапоги; ложась спать, снимаютъ и въ этомъ—жизнь!» сказала одной молодой лакей, любившій пофилософствовать, лежа на барской шубѣ.

Сколько есть людей, для которыхъ государство, отечество и двадцатое число—понятія неразлучны!

Противоядіе можетъ быть ядомъ, если дать его тому, кто вовсе не отравленъ.

Прежде правду «рѣзали», а теперь ее чаще зарѣзываютъ.

Занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ своего начальства.

Разумъ, прежде всего намъ нуженъ затѣмъ, чтобы уживаться съ людьми, разума неизмѣющими.

Какъ много люди были бы лучше, если бы мужчина не всегда слушалъ женщину, а женщина мужчину!

Реформы и нововведенія бываютъ двойкія: задомъ напередъ и передомъ назадъ.

Предки—тѣ театральныя тѣни, за которыми обыкновенно прячутся люди, которымъ нечего сказать о себѣ. На томъ свѣтѣ, роковая и плачевная участь предковъ—сожалѣть о потомкахъ.

На судѣ, у предсѣдателя—слово замѣняетъ дѣло.

Похороны—последній безнадежный долгъ, который дѣлаетъ умершій у живыхъ.

Пролетаріатъ, это — постоянное напоминаніе тѣмъ, у кого что нибудь есть, о тѣхъ, у которыхъ ничего, кромѣ аппетита, нѣтъ.

Наилучшимъ воплощеніемъ тихаго, торжественно-передвигающагося величія можно считать ломовую лошадь.

Да, всѣ люди братья,—какъ Каинъ и Авель.

Всѣ младенцы красны.

Сатира—лихорадка поэзи.

Выйдя замужъ, женщина обыкновенно ставитъ точку, но иногда и многоточіе.

Люди, какъ и лошади, всего вѣрнѣе оцѣниваются на поворотахъ.

Биржевикъ, подобно полководцу, можетъ погибать, но не долженъ плакать.

Чтобы хорошо писать, нужно только хорошо мыслить, хорошо чувствовать и хорошо передавать.

Алексѣй Марковъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПУШКИНѢ.

Никакая страна въ Европѣ не занималась и не продолжаетъ заниматься такъ серьезно и такъ обстоятельно русской литературой, какъ Германія. Потребность нѣмцевъ изучать нашу изящную литературу не вызвана, однако, модными стремленіями извѣстнаго класса людей, желающихъ щегольнуть знаніемъ отдѣльныхъ произведеній литераторовъ «экзотической» страны, а есть результатъ дѣйствительнаго и искренняго убѣжденія, что русской литературѣ принадлежитъ весьма почтенное мѣсто среди литературъ цивилизованныхъ народовъ и что не подобаетъ нѣмцу не знать русскихъ классиковъ, переводами изъ которыхъ занимались нѣмецкіе поэты, сдѣлавшіе ихъ настолько доступными германской націи, что при чтеніи этихъ переводовъ спрашивашь себя, — не писалъ ли ихъ русскій поэтъ на нѣмецкомъ языкѣ?

Можетъ, правда, казаться, что нѣмцы потому любятъ и цѣнятъ русскую литературу, что среди населяющихъ Россію племень—нѣмецкій элементъ играетъ немаловажную роль, не столько по своей численности, сколько по интеллигентности и государственному вліянію, которымъ они съиздавна пользовались у насъ. Можно бы было полагать, что потребность этихъ нѣмцевъ читать русскихъ авторовъ, ихъ соотечественниковъ, на родномъ имъ языкѣ, переносится и на сосѣдную съ Россіей страну — на Германію. Но это только можетъ казаться на первый взглядъ. Русскіе нѣмцы были, дѣйствительно, первыми переводчиками русскихъ произведеній на нѣмецкій языкъ, но эти переводы дали только толчокъ къ ознакомленію заграничныхъ нѣмцевъ съ нашей литературой, и въ то время, какъ во Франціи, вплоть до 70-хъ годовъ, пользовались отзывами о русской литературѣ и переводами изъ нея русскихъ или обрусѣвшихъ французовъ, въ Германіи, весьма скоро по ознакомленіи съ первыми переводами изъ Пушкина, присту-

пили къ изданію самостоятельныхъ, чисто нѣмецкихъ трудовъ, стали серьезно и объективно изучать нашихъ классиковъ и печатать о нихъ свои, отчасти весьма своеобразные, отзывы не только въ журналахъ и газетахъ, но и отдѣльными книгами.

Въ томъ-то и кроется особенность нѣмца, что, хотя у него есть и свой Лессингъ, свой Гёте и Шиллеръ, свой Ауэрбахъ и свой Шильгагенъ, свой Фрейтагъ, свои Вильденбрухъ и Зудерманнъ, свой Гаутманнъ,—онъ одинаково интересуется и внимательно изучаетъ Шекспира, Диккенса, Расина и Гюго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя, увлекается Тургеневымъ, Достоевскимъ и Толстымъ.

Нѣмецъ дѣйствительно знаетъ всемірную литературу, отъ его вниманія и прилежанія не ускользаетъ ни одинъ мало-мальски выдающийся иностранный писатель, и оттого, мнѣ кажется, что отзывы нѣмцевъ о произведеніяхъ иностранныхъ писателей, а въ настоящемъ случаѣ русскаго поэта, заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ они, дѣйствительно, основаны на правильномъ изученіи путемъ сравненій разнообразнѣйшихъ произведеній изъ русской литературы...

По отзывамъ нѣмцевъ мы можемъ судить, когда у насъ начинается самостоятельная литература, и лишь по нимъ мы можемъ понять то неограниченно огромное значеніе для Россіи, какое слѣдуетъ признать за Пушкинымъ не только въ литературномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

У насъ, правда, есть партія, которая удивляется восхищенію Пушкинымъ, не видя въ немъ ничего, что придавало бы ему столь огромное значеніе. Люди этого направленія смотрятъ на насъ, чествующихъ нашего великаго поэта, съ какимъ-то страннымъ неудовольствіемъ и удивляются настоящему шуму, совершенно будто бы излишнему.

Это удивленіе напрасно и ни на чемъ не основано: Пушкинъ былъ не только великій русскій поэтъ, но его дѣятельность имѣетъ неизменно важное политическое значеніе для всего русскаго народа, ибо, благодаря ему, на западѣ перестали смотрѣть на Россію, какъ на варварскую азіатскую страну и благодаря знакомству съ его произведеніями, за Россіей стали признавать совершенно новое, подобающее ея развитію, положеніе. Съ именемъ Пушкина связанъ непосредственно поворотъ въ судьбахъ Россіи... Это мнѣніе не преувеличено. Ниже мы постараемся доказать это на дословныхъ извлеченіяхъ изъ нѣмецкихъ статей о Пушкинѣ.

Подъ влияніемъ сужденій о русскихъ литературныхъ произведеніяхъ, появившихся въ послѣдніе годы въ европейской печати, мы привыкли думать, что обстоятельное знаніе нашей литературы начинается Тургеневымъ и достигло своего апогея Толстымъ. Читая восторженные отзывы, печатаемые за границей о Достоевскомъ и Толстомъ*), мы

*) О Толстомъ написать, какъ извѣстно, обстоятельное изслѣдованіе, переведенное и на русскій языкъ, *Р. Левенфельдъ*, — а о Достоевскомъ на самыхъ послѣднихъ дняхъ появилась въ Германіи отдѣльная книга подъ заглавіемъ: «Th. M. Dostojewsky», съ портретомъ Достоевскаго. Авторъ книги N. Hoffmann. Слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще о статьяхъ *Евг. Цабелл*, извѣстнаго фельетониста берлинской «National-Zeitung», напечатанныхъ въ журналѣ «Deutsche Rundschau» (въ концѣ 80-хъ годовъ) о Толстомъ и Достоевскомъ.

какъ-то забыли о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, воображая, что подобнаго рода статьи печатаются впервые; между тѣмъ, по поводу «Цыганъ», «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Евгенія Онегина», писалось за границей—особенно въ Германіи—въ первой половинѣ настоящаго столѣтія не менѣе восторженно, чѣмъ въ послѣднее время по поводу сочиненій Толстого, и если нѣмцы и французы набросились нынѣ на изученіе произведеній русской литературы, то этотъ успѣхъ есть результатъ знакомства съ Пушкинымъ, ибо еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія нѣмцы, по ознакомленіи съ произведеніями Пушкина, заявили, что отъ народа, имѣющаго такого поэта, можно и должно ожидать еще новыхъ выдающихся писателей, имена которыхъ послужатъ на честь всемірной литературѣ...

I.

Первый нѣмецкій переводъ изъ Пушкина вышелъ въ С.-Петербургѣ въ 1823 году. Переведенъ былъ «Кавказскій Плиніусъ». Затѣмъ слѣдуетъ переводъ «Бахчисарайскаго Фонтана», вышедшій на нѣмецкомъ языкѣ въ 1826 году. Въ 1831 г. появляется въ Ревелѣ «Russische Bibliothek», въ которой помѣщенъ переводъ «Бориса Годунова» (первый переводъ этой драмы). Въ 1833 г., Э. Герингъ (Erhard Göring) издастъ переводъ «Руслана и Людмила». До этого, въ 1829 и 1830 г., въ «Blätter für litterarische Unterhaltung» и въ 1832 г., въ «Magasin für die Litteratur des Auslandes» и въ «Deutsches Museum» появляются переводы отдѣльныхъ стихотвореній Пушкина и самостоятельные отзывы о поэтѣ. Въ 1837 году, годѣ смерти Пушкина, въ Германіи, въ г. Штуттартѣ, благодаря знакомству съ произведеніями Пушкина, появляется самостоятельный нѣмецкій трудъ подъ заглавіемъ: «Litterarische Bilder aus Russland». Авторъ этого сочиненія—нѣкъ Н. Кенгъ, проживавшій въ Гану. Книга Кенга разукрашена портретами Державина и Пушкина. Эта работа потому заслуживаетъ вниманія, что авторъ пишетъ о русской литературѣ, не зная ни слова по-русски, но произведенія Пушкина, прочитанныя имъ въ переводѣ, производятъ на него такое впечатлѣніе, что онъ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе нѣмецкаго читающаго міра на «полную избытка юношескихъ силъ» («jugendfrisch») русскую литературу. Пушкину посвящены стр. 135 по 153 упомянутаго сочиненія, на которыхъ говорится объ его общемъ значеніи и затѣмъ разбираются: «Гр. Нулинъ», «Борисъ Годуновъ» и «Полтава». Весьма любопытно сравненіе Пушкина съ Гёте: по мнѣнію Кенга, русскій поэтъ, подобно Гёте, обрабатывавшему матеріалъ изъ прошлаго и настоящаго жизни Германіи, впервые обрабатываетъ въ литературной формѣ матеріалъ изъ прошлаго и настоящаго жизни русскаго народа.

«Гр. Нулинъ» причисляется Кенгомъ къ «привлекательнѣйшимъ рисункамъ въ духѣ голландской художественной школы»,—единственный, впрочемъ, благоприятный отзывъ о «Гр. Нулинѣ» въ нѣмецкой литературѣ, признаваемомъ обыкновенно за пустую бездѣлицу. «Бориса Годунова» Кенгъ называетъ шедевромъ Пушкина, а въ «Полтавѣ», по его мнѣнію, Пушкинъ достигъ мѣстами апогея историко-поэти-

ческаго языка. Въ общемъ, однако, книга Кенига не представляет собою ничего особенно выдающагося; ея появленіе убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что нѣмецкое общество, уже въ 30-хъ годахъ этого столѣтія, по ознакомленіи съ произведеніями Пушкина, возымѣло потребность ознакомиться и съ другими представителями русской литературы, чтобы лучше оцѣнить и понять Пушкина.

Первая специальная статья о Пушкинѣ съ полной оцѣнкой его произведеній, введенная нашего поэта во всемірную литературу, была написана Фарнгагеномъ *ф. Энзе* въ 1838 и напечатана въ октябрьской книжкѣ берлинскаго журнала «*Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*» за 1838 г. Эта статья была переведена на русскій языкъ вскорѣ по ея выходѣ (см. «Сынъ Отечества» и «Отечественныя Записки» за 1839 г.).

II.

Статья Фарнгагена весьма поучительна. Изъ нея-то мы видимъ, что значеніе Пушкина для Россіи не ограничивается одной его литературной дѣятельностью; благодаря знакомству съ произведеніями этого русскаго поэта за границей стали иначе отзываться о Россіи и обстоятельнѣе заниматься нашимъ отечествомъ. Вотъ что Фарнгагенъ пишетъ, между прочимъ, во введеніи къ своей статьѣ о Пушкинѣ: «Россія безостановочно идетъ впередъ по пути къ самостоятельному развитію, въ которомъ уже и теперь видно много исполинскаго»... «Русскіе стали уважать себя какъ народъ, и вмѣсто того, чтобы скрывать свою народность и отрекаться отъ нея, они смѣло ее выставили и потому приняли новый полетъ, превзошедшій всѣ наши ожиданія и блистательно доказавшій, что народъ, такъ же какъ и отдѣльный человѣкъ, можетъ легко направить свои одностороннія силы и на другіе предметы и добиться такимъ образомъ самыхъ успѣшныхъ результатовъ. Но мы (т.-е. нѣмцы) не знали о семъ духовномъ стремленіи или не вѣрили ему». Сочиненія Пушкина заставляютъ нѣмцевъ заняться русскою словесностью и русскимъ языкомъ. Любопытенъ отзывъ Фарнгагена о русскомъ языкѣ.

«Русскій языкъ, пишетъ онъ, — богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ и смѣло можетъ состязаться съ образованнѣйшими языками современной Европы. Богатствомъ словъ онъ превосходитъ романскіе, богатствомъ формъ — германскіе языки и въ обоихъ отношеніяхъ способенъ къ развитію, предѣлы котораго еще невозможно опредѣлить». А что этотъ отзывъ вызванъ именно благодаря Пушкину, видно изъ дальнѣйшихъ строкъ. Фарнгагенъ пишетъ: «Поэзія до Пушкина еще не прорвалась на свѣтъ, истиннѣйшее и сильнѣйшее выраженіе ея мы находимъ въ Пушкинѣ — онъ возвышается какъ глава надъ всѣми и всѣ, такъ сказать, соединены въ немъ». Замѣчательно, что и Фарнгагенъ уподобляетъ нашего Пушкина всемірному Гёте, тому Гёте, о которомъ лучше всего могутъ судить нѣмцы. «Свѣжая веселость освѣщаетъ поэзію Пушкина, читаемъ у Фарнгагена — въ этомъ направленіи къ веселости, добру и силѣ, которое укрѣпляетъ сердце и возбуждаетъ духъ, его можно сравнить съ Гёте».. «А сила Пушкина

кроется въ томъ, что его творенія исполнены Россіи во всѣхъ отношеніяхъ и видахъ; изображая разнороднѣйшее, онъ изображаетъ тѣмъ отечественное».

Таковы общія сужденія. Въ отдѣльности Фарнгагенъ затѣмъ разбираетъ «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», «Сцену изъ Фауста», «Пиръ во время чумы», «Моцарта и Сальери», «Скупого рыцаря». По поводу «Бориса Годунова» онъ говоритъ, что въ сценѣ Марины съ Лжедмитріемъ Пушкинъ сравнялся съ величайшими поэтами; вообще же, Фарнгагенъ видитъ въ Пушкинѣ замѣчательнаго драматическаго писателя, проявившаго свои дарованія и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, въ особенности же въ «Полтавѣ», и сожалеетъ, что Пушкинъ не оставилъ намъ больше драмъ. Далѣе онъ переходитъ къ разбору лирико-эпическихъ сочиненій Пушкина и останавливается на «Русланъ и Людмила» — эта поэма, впрочемъ, ему не особенно нравится, — «Кавказскомъ Пльшникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Братьяхъ Разбойникахъ», «Цыганахъ», «Гр. Нулинѣ», «Полтавѣ», «Домикѣ въ Коломнѣ» и «Ангелѣ». Заслуживаетъ вниманія то, что «Бр. Разбойники» и «Цыгане» вызываютъ восторгъ критика. Въ «Бр. Разбойникахъ» Пушкинъ, по его мнѣнію, достигъ высочайшей степени поэтической красоты, а «Цыгане» — одно изъ сильнѣйшихъ и самобытнѣйшихъ созданій Пушкина. На это мнѣніе мы наталкиваемся во всѣхъ послѣдующихъ отзывахъ нѣмцевъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина, который производитъ на нихъ особенно сильное впечатлѣніе, какъ лирическій поэтъ. Фарнгагенъ говоритъ, что *«пѣсни Пушкина могутъ завоевать сердца иностранцевъ въ пользу русскихъ»*. Къ сожалѣнію, мы-то сами до сихъ поръ не обратили должнаго вниманія на эту важную сторону значенія Пушкина для насъ, русскихъ, и если бы про Пушкина не было напечатано за границей ничего другого, чѣмъ то, что мы только что привели, то и тогда мы имѣли бы право гордиться имъ и чествовать его, — но о Пушкинѣ писалось въ Германіи еще очень много, вплоть до девяностыхъ годовъ.

III.

Интересъ къ произведеніямъ Пушкина возрастаетъ въ Германіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ чрезмѣрной степени. Въ еженедѣльныхъ журналахъ, газетахъ и отдѣльныхъ книгахъ появляются переводы изъ сочиненій Пушкина и отзывы о немъ, не только самостоятельные нѣмецкіе, но и переводные съ русскаго. Такъ, въ «Magasin für die Litteratur des Auslandes» за 1837 г., мы находимъ подъ рубрикой «разное», указанія на вышедшія сочиненія Пушкина, а въ другомъ мѣстѣ переводъ статьи Н. Полевого: «Пушкинъ по отзывамъ своихъ соотечественниковъ»; въ № этого журнала за 1838 г. разные стихотворенія Пушкина въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Извѣстный органъ «Allgemeine Zeitung» (въ Аугсбургѣ) помѣщаетъ стихотворенія Пушкина и статьи о Пушкинѣ; въ Лейпцигѣ издана въ 1838 г. книга подъ заглавіемъ: «Bunte Skizzen aus Ost und West» со статьей о Пушкинѣ, и въ томъ же 1838 г. вышла въ Берлинѣ книга подъ заглавіемъ «Hi-

(*historische und romantische Erzählungen von Puschkin*), въ переводѣ Титца (Tietz). Окончательнымъ достояніемъ нѣмецкой литературы Пушкинъ становится въ 1840 г., когда д-ръ фил. *P. Linnert* издалъ главнѣйшія сочиненія нашего поэта отдѣльной книгой въ двухъ объемистыхъ томахъ, подъ заглавіемъ «*Alexander Puschkins Dichtungen*» (изданіе вышло въ Лейпцигѣ у Энгельманна),—между прочимъ, здѣсь помѣщенъ новый второй переводъ «Бориса Годунова». Въ томъ же 1840 году, г. Брандейсъ (Brandeis) знакомитъ нѣмцевъ и съ пушкинской исторіей Пугачева; переводъ его вышелъ въ г. Штутгартѣ, подъ заглавіемъ «*Geschichte des Pugatschewskien Aufruhrs*». Съ изданіемъ и повѣстей въ прозѣ Пушкина, въ передѣлкѣ для нѣмецкой публики Трѣбета и Сабинна — ихъ изданіе вышло въ Ленѣ въ 1840 г., подъ заглавіемъ «*Novellen von Al. Puschkin*»—завершается болѣе или менѣе полное знакомство нѣмцевъ съ произведеніями Пушкина. То, что появляется впоследствии изъ произведеній Пушкина на нѣмецкомъ языкѣ, не представляетъ уже ничего новаго для нѣмецкаго читающаго міра, за исключеніемъ «Дубровскаго», который по какому-то непонятному стеченію обстоятельствъ переведенъ на нѣмецкій языкъ впервые въ 1893 г. (переводъ этотъ напечатанъ въ журналѣ «*Nord & Süd*») и изданъ затѣмъ отдѣльно въ Бреславлѣ и Лейпцигѣ. Нѣкоторыя изъ произведеній Пушкина можно приобрѣсти въ Германіи за 5 и 10 коп. Такъ, напр., «Бориса Годунова» въ изданіяхъ Мейера («*Meyer's Volksbücher*») за 5 к. и «Реклама» за 10 коп., «Кавказскаго Пльнника» и «Дубровскаго» въ изданіяхъ «Реклама» за 10 к. «Евг. Онѣгинъ» и «Капитанская Дочка» продаются за 20 коп. и т. д.*). Такимъ образомъ, сочиненія Пушкина появились на свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ почти одновременно съ русскими изданіями.

Надъ переводами произведеній Пушкина на нѣмецкій языкъ потрудились впоследствии не мало лицъ. Классическими переложеніями Пушкина признаются переводы *Фр. ф. Боденштедта*, вошедшіе въ полное собраніе сочиненій этого знаменитаго нѣмецкаго поэта (первое изданіе вышло въ 1854 г.) и труды *Ашарина*, появившіеся впервые въ г. Юрьевѣ въ 1877 г. и изданные въ 1885 и 1887 г. новыми изданіями въ Ревелѣ.

Мы не станемъ останавливаться на точномъ перечисленіи всѣхъ нѣмецкихъ переводовъ Пушкина, укажемъ только, что «Борисъ Годуновъ» и «Евгеній Онѣгинъ» существуютъ въ *восьми* различныхъ переводахъ (последній переводъ «Бориса Годунова» изданъ извѣстнымъ переводчикомъ *Ф. Фидлеромъ* и напечатанъ въ Лейпцигѣ въ изданіяхъ «Реклама»), что въ 1863 г. въ Лейпцигѣ издана увертюра къ «Борису Годунову», написанная *Арнольдомъ Гейнце*, а опера Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ» ставилась въ 1897 и 1898 гг. въ Берлинѣ и Гамбургѣ, и что, наконецъ, къ 12-ти стихотвореніямъ Пушкина, въ переводѣ Боденштедта, написана *Антономъ Рубинштейномъ* музыка, изданная въ Лейпцигѣ въ 1875 г. (мы упоминаемъ здѣсь только заграничныя изданія).

* Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о курьезѣ, напечатанномъ на обложкѣ вышедшаго въ 1898 г. лейпцигскаго изданія «Дубровскаго». Переводчикъ, нѣкій «*V. Cordt*», заявляетъ, что его переводъ сдѣланъ съ *разрѣшенія автора*, т. е. Пушкина. Не путемъ-ли вызванія духовъ г. Кордтъ получилъ свое разрѣшеніе?

Изученіе русскаго языка въ Германіи, приняло въ послѣдніе годы значительные размѣры; для удовлетворенія потребностей въ подлинныхъ русскихъ произведеніяхъ въ Германіи стали издаваться сочиненія русскихъ писателей на русскомъ языкѣ съ удареніями и примѣчаніями. Въ одинъ изъ такихъ сборниковъ, носящій заглавіе «Russische Meisterwerke mit Accenten» вошли «Капитанская Дочка» и «Евгеній Онѣгинъ» («Капитанская Дочка» вышла уже вторымъ изданіемъ).

IV.

Указаніемъ того, что переводилось изъ Пушкина на нѣмецкій языкъ, мы въ Россіи болѣе или менѣе занимались, но мы не особенно внимательно слѣдили за тѣмъ, что говорилось въ Германіи выдающимися писателями о нашемъ славномъ поэтѣ. Въ «Puschkiniana» Межова, довольно обстоятельнымъ библиографическимъ указателѣ всего, что касается Пушкина, въ отдѣлѣ о переводахъ и заграничныхъ критическихъ статьяхъ не упомянуто весьма важныхъ работъ, напечатанныхъ о Пушкинѣ въ исторіяхъ всемірной литературы и разныхъ литературныхъ сборникахъ. Мы постараемся повозможности восполнить этотъ пробѣлъ.

Въ 1843 г., въ Германіи начинается выходить журналъ «Jahrbücher für Slavische Litteratur, Kunst und Wissenschaft». Издателемъ этого журнала былъ лекторъ славянскаго языка и литературы при лейпцигскомъ университетѣ *И. Р. Иорданъ*. Въ первыхъ же книгахъ этого журнала мы наталкиваемся на весьма интересную статью о Пушкинѣ, взятую изъ «Лекцій по славянской литературѣ» Мицкевича, читанныхъ имъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ Collège de France въ Парижѣ. Дружескія отношенія Мицкевича и Пушкина слишкомъ хорошо извѣстны русской публикѣ и здѣсь не мѣсто распространяться о нихъ. Статья Мицкевича о Пушкинѣ представляетъ нынѣ, когда только что прошло сто лѣтъ со дня рожденія польскаго поэта, и мы готовимся къ празднованію столѣтняго юбилея нашего поэта, особый интересъ. Въ этой статьѣ Мицкевичъ отдастъ вполне должное своему коллегѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проскальзываетъ объективное увлеченіе Мицкевича Пушкинымъ; въ одномъ только Мицкевичъ одностороненъ: въ оцѣнкѣ политическихъ дѣяній Пушкина въ его юные годы; тутъ Мицкевичъ—вполнѣ полякъ... Нѣмцы лучше понимаютъ нашего Пушкина. Боденштедтъ, напр., вполнѣ основательно говоритъ, что Пушкинъ только казался легкомысленнымъ и на самомъ дѣлѣ былъ гораздо лучше, чѣмъ хотѣлъ казаться... Отзывъ Мицкевича о «Евгеніи Онѣгинѣ» потому любопытенъ, что между Онѣгинымъ и паномъ Тадеушемъ, можно провести безразличныя параллели о польской и русской общественной средѣ. По мнѣнію Мицкевича, надъ Онѣгинымъ разливается какая-то грустная боязнь,—по внутренней силѣ своей она еще глубже и производитъ еще болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ та же струя грусти у Байрона...

Въ 1846 г., Иорданъ издалъ по русскимъ источникамъ «Исторію русской литературы», первую исторію нашей литературы на нѣмецкомъ

языкъ. Хотя она и признается полнѣйшимъ плагиатомъ, важнѣе, однако, фактъ появленія этой книги, подтверждающій тотъ живой общественный интересъ къ нашей литературѣ, на который наталкиваешься въ Германіи въ первой половинѣ настоящаго столѣтія и который слѣдуетъ признать блестящимъ результатомъ ознакомленія нѣмцевъ съ произведеніями А. С. Пушкина.

Книгу Юрдана слѣдуетъ, впрочемъ, признать весьма односторонней, такъ какъ авторъ исходитъ изъ очень фальшиваго положенія, а именно, изъ того, что «русская литература не русское растение, а экзотическое, перенесенное изъ-за границы» («Die russische Litteratur ist kein inländisches, sondern ein exotisches aus dem Auslande herüber gepflanztes Gewächs»). Глупое, ни на чемъ не основанное изреченіе, сказанное лишь къ красному словцу, ибо Юрданъ, знакомый съ русской литературой, не могъ и не долженъ былъ сказать подобнаго слова. Къ сожалѣнію, это изреченіе цитировалось впоследствии всѣми историками литературы и въ Германіи вполнѣ забывается лишь въ 80-хъ годахъ. Въ своихъ отзывахъ о Пушкинѣ, личность Юрдана, какъ нѣмецъ, не обнаруживается и потому они не могутъ интересовать русскаго читателя.

Первую оцѣнку Пушкина въ исторіи всемірной литературы, мы находимъ у Грессе въ его «Руководствѣ по исторіи литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ міра съ самаго древняго періода по новѣйшей»^{*)}. По словамъ Грессе, Пушкинъ сталъ для русской литературы тѣмъ же, чѣмъ былъ Гёте для германской; но въ общемъ, Грессе не даетъ еще самостоятельной оцѣнки произведеній Пушкина. Онъ пишетъ: «Пушкинъ воспринималъ и обрабатывалъ идеальные предметы и личности изъ настоящаго и прошлаго русской жизни и затѣмъ обвивалъ ихъ стѣною романтическихъ нитей à la Байронъ, подражателемъ котораго онъ былъ». Грессе далѣе сообщаетъ, что наиболѣе знаменитыми произведеніями Пушкина считаются (въ Германіи) «Русланъ и Людмила», «Кавказскій Плънникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ». Последнія двѣ поэмы, по отзыву Грессе, отличаются «гармонической версификаціей, истинно-поэтическими описаніями, смѣлой и своеобразной фантазіей, но и недостатками, истекавшими изъ того, что Пушкинъ очень спѣшно работалъ». Такъ какъ нѣмцамъ въ то время уже были извѣстны всѣ произведенія Пушкина, то Грессе упоминаетъ вкратцѣ и о его послѣдующихъ работахъ и замѣчаетъ при этомъ, что Пушкинъ съ каждымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе приближался къ высшему пункту историко-эпической дикціи, но окончательно онъ его не достигъ вслѣдствіе преждевременной смерти.

По сію пору, т.-е. по 50-ые годы, отзывы нѣмцевъ мало отличались другъ отъ друга, такъ какъ они имѣли однимъ общимъ источникомъ статью Фарнгагена ф. Энзе. Полнаго углубленія въ произведенія нашего поэта мы здѣсь еще не встрѣчаемъ; первую осмысленную оцѣнку Пушкина, основанную на полномъ знаніи подлинника, далъ Ф. Боденшtedтъ. Фарнгагенъ ввелъ Пушкина въ нѣмецкую литературу, но чи-

^{*)} D-r Joh. Georg Grässe-Leipzig, 1850—Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte aller bekannten Völker der Welt von der ältesten bis auf die neueste Zeit».

тать и понимать его стали лишь благодаря классическимъ переводамъ Боденштедта и его небезынтересной и безпристрастной характеристикѣ произведеній Пушкина. И неудивительно, ибо Боденштедтъ былъ родной нѣмцамъ поэтъ, а поэтъ можетъ болѣе проникнуть въ душевную жизнь и понять міросозерцаніе другого поэта. Боденштедтъ не только переложилъ Пушкина съ русскаго языка на нѣмецкій, но онъ сумѣлъ уловить то особенное, что витаетъ надъ всякимъ произведеніемъ въ подлинникѣ, и передать его такъ, чтобы русское осталось вполнѣ русскимъ по духу, но и вмѣстѣ съ тѣмъ стало доступнымъ нѣмецкому пониманію...

Переводы изъ Пушкина, сдѣланные Боденштедтомъ, появились въ Германіи въ 1854 и 1855 гг., въ трехъ томахъ. Въ третьемъ томѣ, вышедшемъ въ 1855 г., помѣщены біографія Пушкина и статья: «Положеніе Пушкина въ русской литературѣ». То, что написано Боденштедтомъ о Пушкинѣ, весьма цѣнно, такъ какъ это отзывъ нѣмца, прекрасно изучившаго Пушкина и вполнѣ его понявшаго. Боденштедтъ былъ призванъ говорить о нашемъ поэтѣ. И изъ этого отзыва можно сдѣлать выводъ о томъ, что, благодаря Пушкину, за границей получила потребность изучать характеръ всего русскаго народа. Пушкинъ, правда, по мнѣнію нѣмцевъ, истинно національный поэтъ, но онъ «всечеловѣкъ»; въ Пушкинѣ, по опредѣленію Боденштедта, познается поэтическое выраженіе русскаго народа, какъ разъ начинающаго играть роль во всемірной исторіи. Даже тотъ періодъ русской исторіи, времена Бориса Годунова и междуцарствія, наиболѣе непонятный большинству нѣмцевъ, заинтересовываетъ ихъ благодаря Пушкину и въ драмѣ «Борисъ Годуновъ», по слову Боденштедта, передъ читателемъ раскрывается «интересная страница челоѣческой жизни, изложенная въ истинно-художественной формѣ». Боденштедтъ сравниваетъ Пушкина съ Байрономъ и признаетъ за Пушкинымъ больше правды, свѣжей силы и естественности. Байронъ «путешествуетъ въ поэзіи», Пушкинъ, напротивъ, вполнѣ въ своей родинѣ, онъ — поэтический органъ передачи русскіхъ преданій и русской исторіи, русскіхъ хорошихъ и дурныхъ обычаевъ, русской вѣры и русскаго суевѣрія. «Прослѣдивъ внимательно ходъ поэтическаго развитія Пушкина, мы находимъ въ немъ вѣрный образъ развитія Россіи», говоритъ Боденштедтъ.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ наиболѣе націоналенъ, оттого онъ такъ дорогъ русскому сердцу, хотя увлеченіе отрицательнымъ типомъ изъ русской среды «представляетъ собою сатиру на энтузіазмъ» (слова Боденштедта). Но потому-то, что Пушкинъ въ Онѣгинѣ такъ националенъ, это произведеніе нѣмцамъ непонятно и не особенно нравится. Онѣгинъ не приходится по вкусу и Боденштедту; по его мнѣнію, Пушкинъ не освободился въ немъ отъ суживающихъ условій обыденной жизни и не сумѣлъ отдѣлаться отъ самой обыденной дѣйствительности. Да въ этомъ-то и сила Пушкина; но тутъ Боденштедтъ остается вполнѣ нѣмцемъ.

Боденштедтъ разбираетъ всѣ крупнѣйшія произведенія Пушкина. «Русланъ и Людмила», по его мнѣнію, законченное произведеніе, напоминающее великолѣпные рассказы Гартмана ф. деръ-Ауе; апогея, однако, Пушкинъ достигъ въ «Полтавѣ». «Бахчисарайскій Фонтанъ» онъ называетъ поэтическимъ алмазомъ, «Гр. Нулинъ», напротивъ, не представляетъ для него никакого поэтическаго значенія.

V.

Мы переходимъ теперь къ тому періоду, когда романтизмъ становится достояніемъ прошлаго и въ литературѣ появляется новое теченіе реализма. Русская литература уже успѣла обогатиться произведеніями своего великаго реалиста Гоголя и на ея горизонтѣ показывается цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ свѣтилъ, съ которыми, однако, въ Зап. Европѣ знакомятся лишь въ царствованіе Александра III. Вплоть же до восьмидесятыхъ годовъ, знаніе русской литературы въ Германіи ограничивалось Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. До восьмидесятыхъ годовъ мы въ Германіи встрѣчаемся еще съ обстоятельными статьями о Пушкинѣ; съ середины 80-хъ годовъ наши романтическіе классики должны уступить мѣсто новымъ геніямъ — Достоевскому и Толстому, — о Пушкинѣ говорятъ лишь вскользь во введеніяхъ къ литературнымъ сборникамъ или для разъясненія того или другого типа изъ новѣйшей русской литературы.

Изъ отзывовъ этого періода заслуживаютъ безспорно особеннаго вниманія статьи извѣстнаго историка Юг. Шерра и Гонеггера (Honegger); оба писателя — лица, не любившія Россію и видѣвшія въ ней исключительно азіатскую страну, тѣмъ болѣе любопытны мнѣнія этихъ писателей о Пушкинѣ.

Юг. Шерръ касается Пушкина въ своей исторіи всемірной литературы, появившейся въ 60-хъ годахъ, а Гонеггеръ — въ своей специально посвященной русской литературѣ и культурѣ, книгѣ, вышедшей въ Лейпцигѣ въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Russische Litteratur und Cultur».

Какъ Шерръ, такъ и Гонеггеръ не могутъ отрѣшиться отъ господствовавшей въ ихъ время въ Западной Европѣ модѣ критиковать Россію и ея культуру съ самой непривлекательной точки зрѣнія; они не могутъ обойтись безъ отклоненій въ политическую сторону и при характеристикѣ Пушкина; но въ разборѣ произведеній Пушкина въ отдѣльности и значенія его для русской литературы они оба довольно безпристрастны.

Шерръ говоритъ о Пушкинѣ, какъ о величайшемъ поэтическомъ геніи Россіи, не отрѣшившемся впрочемъ отъ вліянія Байрона, служившаго руководящей звѣздой (Fixstern) русскимъ поэтамъ вообще. «Русланъ и Людмила» поэтическое твореніе въ духѣ Аріосто, въ немъ выступаетъ стремленіе Пушкина слить заграничную романтику съ національно-народнымъ. Въ этомъ Пушкина можно уподобить Мицкевичу, при чемъ Пушкинъ справился со своей задачей не менѣе удачно, чѣмъ польскій поэтъ. «Бахчисарайскій Фонтанъ» — очень нѣжно и привлекательно исполненное поэтическое твореніе, а что касается «Бр. Разбойниковъ», то эта поэма, по мнѣнію Шерра, самая національная и народная работа, созданная Пушкинымъ.

Шерровская характеристика отличается особенно благопріятнымъ отзывомъ о «Евгеніи Онѣгинѣ», весьма рѣдко встрѣчающимся въ нѣмецкой литературѣ. Намъ кажется, что на Шерра «Онѣгинъ», между прочимъ, потому еще произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что въ немъ изображена отрицательная сторона русской общественной среды

Какъ бы то ни было, Шерръ говоритъ, что въ Онѣгинѣ Пушкинъ показалъ свою величайшую силу и искусство; картина общественной жизни русскихъ и типы изъ нея нарисованы мастерски; вставленныя сужденія богаты оригинальными мыслями и полны сатирическаго юмора. Шестая книга Онѣгина, по его мнѣнью, верхъ совершенства, «Culminationspunkt des Ganzen». Дуэль между Ленскимъ и Онѣгинимъ представлена съ неподражаемой энергіей и никто не прочтетъ равнодушно и безъ грусти строфы о ночи, предшествующей дуэли. Шерръ до того восхищенъ Онѣгинимъ, что онъ очень сожалѣетъ о преждевременной кончинѣ нашего поэта, ибо, не будь ея, мы, вѣроятно, обогатились бы еще многими выдающимися произведениями изъ-подъ пера Пушкина,—какъ это видно изъ великолѣпно задуманнаго драматическаго стихотворенія «Борисъ Годуновъ». Пушкинъ, по мнѣнью Шерра, готовился, видно, на путь самостоятельный, но злополучная дуэль приостановила это движеніе, потому Пушкинъ остался подражателемъ Байрона и только разъ въ своемъ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» онъ сталъ истинно-русскимъ (echt-russisch).

Съ этимъ послѣднимъ едва ли можно согласиться, — оно противорѣчитъ отзыву того же Шерра объ Онѣгинѣ и другихъ произведеніяхъ поэта, и если Шерръ приходитъ въ заключеніе къ вышеупомянутому странному выводу, то только потому, что онъ не любитъ Россіи и въ душѣ не желаетъ признать за ней ничего, самостоятельно выдающагося.

Прежде чѣмъ перейти къ Гонеггеру, упомянемъ о докладахъ, читанныхъ проф. Висковатовымъ въ большомъ залѣ юрьевскаго университета въ 1875 году и напечатанныхъ отдѣльной статьей въ журналѣ «Russische Revue» (С.-Петербургъ, за 1875 г.), озаглавленной «Ueber Typen und Charaktere in der russischen Volks-und Kunstdliteratur» («о типахъ и характерахъ въ русской народной и художественной литературѣ»). Эти доклады потому должны интересоваться, что они прочитаны специально для нѣмецкаго общества; часть доклада посвящена разбору типовъ Онѣгина, Татьяны и Василисы Егоровны (въ «Капитанской Дочкѣ»).

Висковатовъ опредѣляетъ значеніе нашихъ величайшихъ поэтовъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя въ томъ, что они старались выискнуть въ народный духъ. Пушкинъ знакомился съ духовной жизнью русскаго народа тогда, когда еще критически не были разработаны матеріалы народной литературы. Онъ началъ народную пѣсню и сказкой и сдѣлался настолько національнымъ, что нерѣдко можно услышать его пѣсни въ устахъ народа. Пушкинъ становится членомъ общества, говоритъ Висковатовъ далѣе,—тогда, когда у насъ вельзя было быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновникомъ или офицеромъ, тогда мы находились въ печальномъ состояніи,—лучшимъ національнымъ силамъ приходилось жить умственно зарытымъ подобно кроту или растратиться въ пустыхъ развлеченияхъ празднаго общества. Опошлившіеся созданныя этимъ обществомъ типы рисуютъ намъ Пушкинъ и Лермонтовъ: первый—въ «Онѣгинѣ», второй—въ «Героѣ нашего времени». Мужскіе типы не удовлетворяютъ, за то, женщины этихъ авторовъ, и въ особеннности, Татьяна, намъ очень симпатичны. Очень мѣтко охарактеризована Висковатовымъ Татьяна соотвѣтственно представленію ино-

страннаго ума. Онъ указываетъ на то, что Татьяна совсѣмъ не похожа на подобныя типы французской, нѣмецкой и англійской литературы. Она направляетъ свою нравственную силу не по обычнымъ рамкамъ, принятымъ въ обществѣ, она говоритъ и дѣйствуетъ не какъ женщины европейскаго общества; она грѣшитъ противъ внѣшнихъ законовъ благоправія, но находитъ въ себѣ самой тѣ предѣлы, дальше которыхъ она не пойдетъ. Подобно героямъ и героинямъ былинъ, Татьяна дѣйствуетъ самостоятельно, руководствуясь своей собственной волей, не подчиняясь вліянію извнѣ.

Другимъ, весьма типичнымъ и чисто-народнымъ характеромъ Висковатовъ называетъ Василису Егоровну.

Подобнымъ разъясненіямъ типовъ изъ русской литературы слѣдуетъ радоваться и главнымъ образомъ, потому, что они показываютъ полное знакомство нѣмцевъ съ Пушкинымъ, дошедшее до потребности въ критической оцѣнкѣ типовъ и характеровъ изъ русской народной и художественной литературы.

Перейдемъ теперь къ Гонеггеру.

Гонеггеръ очень остроумный писатель, но къ сожалѣнію, онъ очень пристрастенъ къ Россіи и одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ. Россія для него не культурная страна и только за тѣми русскими писателями онъ готовъ признать всеевропейскую мощь, которые бывали за границей и стали западниками. Тургеневъ для него такая мощная сила,—Пушкинъ, напротивъ, великій русскій поэтъ, но только русскій,—оттого онъ ни первостепенный, ни гениальный поэтъ. Странное воззрѣніе, сходное съ тѣмъ, что высказалъ Шерръ. Въ немъ кроется какое-то непонятное нежеланіе понять Россію, ея прошлое и настоящее, какъ результатъ этого прошлаго, нежеланіе, къ сожалѣнію, встрѣчаемое и понынѣ среди нѣмецкихъ руссофобовъ. Но этотъ взглядъ все-таки не мѣшаетъ Гонеггеру написать довольно объемистый трудъ о русской литературѣ и культурѣ XIX столѣтія и за исключеніемъ политики между строкъ въ отдѣльныхъ статьяхъ этой книги мы находимъ довольно здравыя мысли и сужденія о русскихъ писателяхъ. Отбросивъ эту политику, мы положительно можемъ согласиться съ очень многими, отчасти и весьма своеобразнымъ, высказаннымъ Гонеггеромъ и по поводу Пушкина.

Въ своемъ очеркѣ, посвященномъ Пушкину, Гонеггеръ сначала даетъ общую характеристику поэта. Пушкинъ, по его мнѣнію, великій русскій поэтъ, имя котораго создало цѣлую эпоху по столько, по скольку оно признано исходной точкой важнаго поэтическаго теченія въ литературѣ. Пушкинъ—величайшій и плодовитѣйшій національный поэтъ,—любимецъ своего народа и энтузіастически привѣтствованный потому именно, что онъ былъ первымъ. Первый между русскими, *дѣйствительно принадлежащій всемірной литературѣ*; первый, вполне удовлетворившій требованія поэтическаго искусства въ строгомъ смыслѣ этого слова, оставшійся при томъ же вполне русскимъ поэтомъ! Въ его произведеніяхъ, говорятъ Гонеггеръ дальше, отражается его нація во всей ея истинной и полной внутренней жизни и его всемірная скорбь (Weltschmerz), воспитанная на Байронѣ, носить на себѣ специфически-національный отпечатокъ. Пушкинъ желаетъ освободить русское об-

щество отъ его духовной пустоты мыслей и нагблеленной полукультуры и придать русской жизни дѣйствительно національное содержаніе и внутренней смыслъ. Въ этомъ кроется успѣхъ его популярности. Его неожиданный нисходъ въ могилу оплакивается всей страной, ибо онъ палъ жертвой глупыхъ столичныхъ сплетенъ.

Рѣшающее значеніе возымѣла на карьеру Пушкина поэма «Русланъ и Людмила». Важными въ его жизни явились: высылка на югъ, сдѣлавшая его зрѣлымъ и бывшая духовнымъ счастьемъ поэта, и исторія Карамзина. Его проза отличается наивысшей простотой тона. Пушкинъ въ прозаическихъ своихъ произведеніяхъ напоминаетъ В. Скотта и прозой онъ создалъ цѣлую школу (Загоскинъ, Лажечниковъ, Даль, Вельтманъ, Полевой и Марлинскій). Возвращаясь къ значенію юга въ жизни нашего поэта, Гонеггеръ, цитируя слова Вильсона, говоритъ: Байронъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина и его титаническій духъ могъ бы помутить индивидуальность русскаго поэта, но южная природа произвела очистительный процессъ въ Пушкинѣ.

Пушкинъ вполне подчинился, хотя и безсознательно и противъ воли, всѣмъ слабостямъ, глуостямъ и дурнымъ привычкамъ того отравленнаго свѣтскаго міра, внѣ котораго онъ не могъ себѣ представить цѣлесообразной жизни и къ которому его страстно влекло изъ мѣста его высылки. Вотъ эта его слабость обошлась ему очень дорого: онъ заплатилъ за нее жизнью. Пушкинъ, впрочемъ, былъ первый чутко открывшій тайную силу многочисленныхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и оказавшій огромныя услуги благозвучію русскаго языка.

И послѣ этихъ словъ, Гонеггеръ можетъ не признать за Пушкинымъ ни первостепенной важности какъ поэта, ни гениа? Противорѣчіе явно и причина этого противорѣчія очевидна...

Гонеггеръ — большой поклонникъ лирическаго таланта Пушкина. Въ этомъ отношеніи, отзывы нѣмцевъ сходны. Въ «Цыганахъ», по весьма поэтическому выраженію Гонеггера, кроется «поэзія въ лохмотьяхъ», говорящая нашему сердцу такъ же живописно, какъ картина Мурильо: «Нищій Мальчикъ»; «Бр. Разбойники», «Кавказскій Плънникъ», «Полтава», производятъ на Гонеггера необыкновенно сильное впечатлѣніе и при чтеніи его характеристики невольно чувствуется, что слова автора исходятъ изъ глубины его сердца и безъ сомнѣнія заставятъ читателя взять Пушкина еще разъ въ руки и провѣрить на себѣ это впечатлѣніе.

Но, въ то время, какъ Гонеггеръ въ восторгѣ отъ Пушкина, какъ лирика, онъ ни во что не ставитъ ни «Евгенія Онѣгина», ни даже «Бориса Годунова». Эти произведенія ему непонятны и онъ пишетъ какую-то несообразную чепуху, въ особенности, по поводу Онѣгина, увѣряя, что русскіе потому восхищаются этимъ произведеніемъ, что имъ хочется имѣть своего Фауста (!). Стиль въ «Онѣгинѣ» однообразенъ, стихъ нарочно небреженъ и все это произведеніе какой-то *Samtelsurium* (смѣсь всякой всячины). А въ «Борисѣ Годуновѣ» ему многое даже противно, такъ напр., сцена между Лжедмитріемъ и Мариной. Видно и нѣмецкимъ историкамъ литературы Писаревъ былъ безызвѣстенъ!

«Бориса Годунова» Гонеггеръ въ концѣ-концовъ все-таки еще ми-

луеть, указывая на богатство языка, живость сценъ, дающихъ истинно-объективное представление о народѣ, и въ этомъ отношеніи Гонеггеръ даже не прочь сравнивать Годунова съ классическимъ произведеніемъ Гёте—драмой «Goetz von Berlichingen».

VI.

Восьмидесятые годы настоящаго столѣтія весьма знаменательны въ исторіи русской литературы. Въ эти годы за границей становятся извѣстными въ разнообразѣйшихъ переводахъ не только сочиненія нашихъ выдающихся, но и многихъ второстепенныхъ писателей и русской литературѣ удѣляется подобающее ей всемірное значеніе въ литературахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Замѣчательно, однако, то, что это ознакомленіе съ произведеніями новѣйшей русской литературы совершилось не только медленно, но даже какъ-то противъ воли иностранцевъ. Въ Германіи, напр., переводчикъ «Анны Карениной» долгое время не могъ найти издателя для своего труда, а переводы изъ другихъ русскихъ авторовъ могли быть изданы только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы авторъ или переводчикъ гарантировалъ изданіе въ матеріальномъ отношеніи. Нѣмцамъ какъ-то не вѣрилось, чтобы въ Россіи могли кромѣ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Тургенева народиться еще выдающіеся писатели. Но великое пробило себѣ дорогу и произведенія Толстого и Достоевскаго начинаютъ занимать умъ и сердце заграничнаго читателя; въ Германіи, въ какіе-нибудь три-четыре года, переводятся весь Толстой и почти весь Достоевскій; переводы изъ Короленко, Гаршина и Чехова появляются на столбцахъ ежедневныхъ газетъ, Немировичъ-Данченко, Ясинскій, кн. Менцерскій, Боборыкинъ, гр. Салиасъ и др., входятъ въ моду и переводы изъ нихъ издаются отдѣльными книгами; въ прессѣ начинаютъ толковать о русской литературѣ, какъ о выходящей изъ ряду вонъ, и нынѣ было бы странно, еслибы беллетристическій нѣмецкій журналъ не знакомилъ своихъ читателей съ новѣйшими русскими беллетристами...

Со специальной характеристикой Пушкина въ связи съ его положеніемъ во всей русской литературѣ мы встрѣчаемся еще только одинъ разъ, а именно въ «Исторіи русской литературы» Александра ф. Рейнгольдта, вышедшей въ 1885 г., въ г. Лейпцигѣ. Русскому читателю эта книга даетъ очень мало новаго, такъ какъ при ея составленіи авторъ пользовался въ довольно широкихъ размѣрахъ существующей по этому вопросу русской литературой. Въ Германіи она потому не могла получить желательнаго широкаго распространенія, что она отчасти носитъ характеръ учебника, а русская литература, какъ обязательный предметъ преподаванія, нигдѣ еще за границей не введена, число же слушателей при университетахъ, гдѣ русская литература читается, пока еще довольно незначительно, а для этихъ слушателей курсъ Рейнгольдта съ другой стороны неудовлетворителенъ. Для нѣмцевъ Рейнгольдтовская характеристика Пушкина можетъ представить нѣкоторую новизну, такъ какъ, авторъ знакомитъ ихъ довольно подробно съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. На соответствующей главѣ въ Рейнгольдтовской

исторіи русской литературы мы потому дальше останавливаться не станемъ.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго интереса къ русской литературѣ въ Германіи стали появляться критическія статьи о русскихъ писателяхъ. Въ одной такой брошюрѣ, вышедшей въ 1885 г. подъ заглавіемъ «Literarische Streifzüge durch Russland» и которая начинается характеристикой Гоголя, мы находимъ во введеніи къ ней нѣсколько словъ, довольно мѣткихъ и о Пушкинѣ. Цабель, авторъ этой весьма изящно написанной книжки, называетъ Пушкина и Лермонтова «геніальнѣйшими представителями романтической школы, предчувствовавшими свою судьбу съ увѣренностью, граничащей демоническаго, и пророчески предвидѣвшими свою смерть въ дуэли—первый въ «Евгеніи Онегинѣ», второй—въ «Герое нашего времени».

Цабель говоритъ о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, какъ о старыхъ знакомыхъ нѣмецкаго литературнаго міра, онъ не останавливается на разборѣ отдѣльныхъ произведеній этихъ поэтовъ—какъ это прежде дѣлалось, а онъ старается доказать, что въ этихъ поэтахъ, при всей ихъ сентиментальности и идеальности—скрывалась великая жилка русскихъ писателей, какъ представителей новаго теченія въ европейской литературѣ—реализма, и что, изучая ихъ, мы можемъ судить о бытовой жизни русскаго общества ихъ времени, нарисованной ими въ самыхъ живописныхъ краскахъ.

Послѣдующій нѣмецкій писатель, извѣстный біографъ и переводчикъ Толстого—Р. Левенфельдъ уже непосредственно даетъ характеристику русскаго общества по типамъ изъ произведеній русскихъ писателей. Въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Nord & Süd» въ 1885 г. и носящей заглавіе: «Типы изъ русскаго общества въ произведеніяхъ русскихъ писателей», Левенфельдъ довольно подробно характеризуетъ Онегина и Печорина, чтобы затѣмъ остановиться на типѣ Обломова и высказать свое мнѣніе о русскомъ обществѣ вообще.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что какъ въ тридцатыхъ годахъ, тотчасъ по ознакомленіи нѣмцевъ съ Пушкинымъ, его произведенія подали толчокъ къ сужденію о Россіи и русскомъ обществѣ вообще, такъ и въ самомъ послѣднемъ по времени упоминаніи о нашемъ славномъ поэтѣ онъ опять же побуждаетъ нѣмцевъ изучать Россію и подробнѣе останавливаться на ея внутренней жизни.

Новые великіе писатели народились на Руси, наше общество живетъ и должно жить новыми интересами, его волнуютъ другіе вопросы,—но имена Пушкина и Лермонтова останутся вѣчны въ русской литературѣ и мы должны ихъ беречь какъ нашу святыню...

С.-Петербургъ, въ мартѣ 1899 г.

Юрій Веселовскій.

ПОЭЗИЯ ПУШКИНА ВЪ ПРЕДДВЕРИИ АЗИИ.

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой, и назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ...» Съ каждымъ десятилѣтїемъ эти пророческія слова нашего поэта становятся все болѣе справедливыми, и переводы различныхъ его произведеній на языки населяющихъ Россію племенъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что его творчество въ настоящее время понятно и дорого не одному только русскому народу. Въ библиографіи переводовъ мелкихъ стихотвореній, поэмъ, повѣстей или драматическихъ сценъ Пушкина, былъ, однако, до сихъ поръ, правда, не особенно существенный, но все же досадный, безусловно нежелательный пробѣлъ; мы имѣемъ въ виду тотъ фактъ, что вплоть до послѣдняго времени почти не упоминалось о переводахъ изъ Пушкина на армянскій языкъ,—сравнительно, довольно многочисленныхъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ армянскій народъ пробуждался отъ прежняго сна и застоя, воспринималъ европейскую цивилизацію и шель впередъ по пути культуры и просвѣщенія, возрасталъ и интересъ наиболѣе интеллигентныхъ его представителей къ творчеству русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, драматурговъ и романистовъ, вмѣстѣ съ желаніемъ сдѣлать это творчество, по возможности, доступнымъ своимъ соплеменникамъ, путемъ переводовъ и переложеній. Среди тѣхъ поэтовъ, произведенія которыхъ до сихъ поръ переводились на армянскій языкъ, довольно видное мѣсто принадлежитъ Пушкину (Лермонтовъ еще больше полюбился армянамъ, и всѣ его главныя произведенія, не исключая и «Героя нашего времени», существуютъ въ армянскомъ переводѣ). Перечислить разнообразные переводы изъ Пушкина, сдѣланные армянскими литераторами въ разное время, между 30-ми и 90-ми годами,—будетъ главною цѣлью настоящей замѣтки. Думается, что всякій, даже самый скромный вкладъ въ дѣло изученія Пушкина

или его влияния на потомство, может представить известный интерес, особенно теперь,—так как внимание всего русского общества болѣе, чѣмъ когда либо, обращено въ настоящую минуту на литературное наслѣдіе великаго поэта.

Первые армянскіе переводы изъ Пушкина относятся къ той порѣ, когда новый армянскій литературный языкъ (ашхарапаръ) еще не былъ выработанъ, и всѣ книги писались на древнемъ классическомъ языкѣ (грапаръ), очень богатомъ и красивомъ, но уже не удовлетворявшемъ требованіямъ современности, мало понятномъ массѣ, лишенномъ цѣлаго ряда самыхъ необходимымъ словъ, теперь сохранившемся только въ богослуженіи армяно-григоріанской церкви. Поэтому мы видимъ, что сначала стихотворенія Пушкина переводятся именно на древній языкъ. Будущій известный ориенталистъ и профессоръ, уроженецъ далекой Индіи, Н. О. Эмиль, проходя курсъ наукъ въ московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ, въ началѣ 30-хъ годовъ принимается за переложеніе русскихъ стихотвореній и поэмъ, и на первыхъ же порахъ переводитъ на «грапаръ» «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Кавказскаго Плѣнника». Лѣтъ десять спустя, въ 1843 году, какъ это видно изъ бумагъ семейства Лазаревыхъ, въ настоящее время разбираемыхъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета Л. З. Мсерианцомъ, другой воспитанникъ института, Амазасповъ, очевидно, живо интересуясь русскою литературою, перевелъ на древне-армянскій языкъ пушкинскія стихотворенія «Кавказъ подо мною» и «Русалку», наряду съ отдѣльными произведеніями Жуковскаго и Баратынскаго. Въпослѣдствіи на грапаръ переведено было еще одно стихотвореніе Пушкина—«Пророкъ», къ которому, нѣсколько архаическій, церковный характеръ грапара подходилъ болѣе, чѣмъ къ другимъ.

Большая часть переводовъ изъ Пушкина, сдѣлана, однако, на «ашхарапаръ», какъ болѣе живой, приспособленный къ современнымъ нуждамъ и понятный народу языкъ. Однимъ изъ главныхъ переводчиковъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, явился въ наши дни молодой поэтъ Александръ Цатуріанъ, познакомившій армянскую публику также и со «Стихотвореніями въ прозѣ» и «Асей» Тургенева, со многими произведеніями Лермонтова, Некрасова, Плещеева и др. Имъ переведены и напечатаны слѣдующія вещи Пушкина: «Желаніе» (Медлительно влекутся дни мои...), «Осеннее утро» (Поднялся шумъ, свирѣлью полевой...), «Возрожденіе» (Художникъ-варваръ кистью сонной), «О, дѣва-роза, я въ оковахъ...», «Узникъ» (Сижу за рѣшеткой...), «Желаніе славы» (Когда любовію и нѣгой упоенный...), «Буря» (Ты видѣлъ дѣву на скалѣ...), «Ангелъ» (Въ дверяхъ здема...), «Соловей» (Въ безмолвіи садовъ...), «Я думалъ, сердце позабыло...» Всѣ эти переводы появились въ ежемѣсячномъ журналѣ «Мурчъ», издающемся въ Тифлисѣ. Переведены тѣмъ же поэтомъ и должны въ маѣ, ко дню пушкинскаго юбилея, появиться въ печати: «Телѣга жизни», «Русалка» (Надъ озеромъ, въ глухихъ дубравахъ), «Если жизнь тебя обманетъ», «Послѣдніе цвѣты», «Пророкъ», «Поэтъ» (Пока не требуетъ поэта), «Цвѣтокъ», «Анчаръ», «Птичка Божія не знаетъ...», «Кавказъ подо мною», «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ» (это стихотвореніе было уже переведено раньше К. Красильникьяномъ).

Изъ поэмъ Пушкина на новый армянскій языкъ переведены: «Цыгане», «Полтава» (переводъ началъ печататься въ 10-й книжкѣ журнала «Мурчъ» за прошлый годъ), «Братья-разбойники». Последніе два перевода принадлежатъ Ак. Теръ-Геворкіану; тѣмъ же литераторомъ переведенъ «Скупой рыцарь»,—единственное драматическое произведение Пушкина, какое пока существуетъ въ армянскомъ переложеніи. Изъ прозаическихъ сочиненій Пушкина переведена цѣликомъ «Капитанская дочка». Очень посчастливилось «Сказкѣ о рыбацкѣ и рыбкѣ»,—она существуетъ въ двухъ переводахъ,—Х. Агаяна и Рафаэла Патканьяна. Агаянъ извѣстенъ въ армянской литературѣ, какъ авторъ прекрасныхъ сказокъ, очень любимыхъ дѣтьми; вѣроятно, онъ остановилъ свое вниманіе на пушкинской сказкѣ, потому что она нѣсколько подходила къ его добродушному и симпатичному жанру. Переводъ этотъ принадлежитъ наиболѣе извѣстному и даровитому армянскому поэту, который, прославившись своими оригинальными стихотвореніями (до 20-ти изъ нихъ переведено на европейскіе языки), вмѣстѣ съ тѣмъ, занимался иногда переводами и передѣлками. Ему же, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ первый армянскій переводъ извѣстнаго отрывка изъ «Цыганъ» («Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда»), напечатанный въ 1850 году на страницахъ издававшегося его отцомъ, священникомъ Габр. Патканьяномъ, журнала «Сѣраратъ», за подписью Р. П.

Нельзя не упомянуть здѣсь и о томъ, что знаменитое стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» также существуетъ въ армянскомъ переводѣ (К. Теръ-Аствацатуріана). Интересъ армянскихъ литературныхъ круговъ къ русскому поэту выразился и въ томъ, что въ нынѣшнемъ году Тифлисское общество изданія армянскихъ книгъ рѣшило выпустить ко дню юбилея Пушкина отдѣльный сборникъ переводовъ его лучшихъ стихотвореній, къ которымъ будетъ присоединенъ переводъ «Капитанской дочки», «Скупого рыцаря» и нѣкоторыхъ другихъ произведеній. Несомнѣнно, что творчество Пушкина оказало даже известное вліяніе на нѣкоторыхъ армянскихъ поэтовъ. Маститый поэтъ С. Шахъ-Азизъ, наряду съ изящными лирическими стихотвореніями, выпустившій въ 1865 году поэму «Скорбь Леона», навѣянную Байрономъ, написанную прекраснымъ языкомъ и полную грустныхъ, пессимистическихъ размышленій о темныхъ и отрицательныхъ сторонахъ родной жизни, лично говорилъ пишущему эти строки о томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое на него произвелъ когда-то «Евгеній Онѣгинъ» вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями Пушкина,—не исключая и шаловливаго «Графа Нулина». Въ раннемъ стихотворномъ сборникѣ Шахъ-Азиза, озаглавленномъ въ подражаніе Байрону, «Часы досуга», не разъ чувствуется вліяніе Пушкина, изъ произведеній котораго армянскій поэтъ выбираетъ иногда подходящія эпитафии для своихъ стихотвореній. Болѣе плодотворнымъ и глубокимъ должно быть признано вліяніе Пушкина, сказывающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Скорби Леона», какъ произведенія вполне зрѣлаго, создавая которое, Шахъ-Азизъ научился еще болѣе цѣнить художественныя красоты и внутреннее содержаніе поэзіи своего вдохновителя. Одно мѣсто въ первой пѣсни армянской поэмы представляетъ собою, напримѣръ, близ-

кое подражаніе строфѣ LVI первой пѣсни «Евгенія Онѣгина», другой отрывокъ сильно напоминаетъ строфу XXXVII той же пѣсни. Подобно Пушкину, Шахъ-Азизъ любитъ оканчивать отдѣльныя пѣсни своей поэмы обращеніемъ къ читателю и субъективными изліяніями. Если Пушкинъ въ седьмой и восьмой пѣсняхъ «Онѣгина» перечисляетъ книги, которыя читалъ его герой, и заставляеть графа Нулина пріѣхать въ Петербургъ «съ ужасной книжкою Гизота, съ тетрадью злыхъ каррикатуръ, съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта», «съ послѣдней пѣсней Беранжера» и т. д., у Шахъ-Азиза «Леонъ», отправляясь на родину, беретъ съ собою «грустныя стихотворенія Гейне, безсмертное созданіе Гете—Фауста, скитальца Чайльдъ-Гарольда, сатиры Ювенала, задушевныя пѣсни Беранже, исторію Бокля, трагедіи Шекспира, нѣсколько пѣсень поэта Мик'Налбандьяна». Поэтический языкъ Пушкина также повліялъ на автора «Скорби Леона». Выше всего Шахъ-Азизъ и теперь ставитъ у Пушкина универсальность его генія, богатство фантазіи, прелесть формы, умѣніе затрагивать общечеловѣческія струны. Этотъ отзывъ популярнаго и почтеннаго армянскаго литератора и публициста о творествѣ великаго русскаго поэта показываетъ, лишній разъ, что авторъ «Памятника» не ошибался, предвѣщая своей поэзіи широкое распространеніе и могущественное вліяніе на человѣческія сердца,—которое должно сблизять между собою, на почвѣ увлеченія его талантомъ, представителей разнообразныхъ племенъ, населяющихъ наше отечество.

Москва.

Январь 1899 г.

М. В. Муравьевъ.

РОДОСЛОВІЕ А. С. ПУШКИНА.

Восхвалимъ шубо мужи славны
и штыцы наша въ бытѣи.

сир. ѿд; ѿ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ находилъ, что «гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно, и что, не уважать оной, есть постыдное малодушіе». Предкамъ своимъ поэтъ посвятилъ небольшую статью: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», генетическая связь съ нею видна въ стихотвореніи: «Моя родословная или русскій ибцаиниъ» (1830 г.). Тотъ же взглядъ уваженія родоныхъ традицій развивается имъ въ другомъ позднѣйшемъ стихотворномъ отрывкѣ: «Родословная моего героя» (1833 г.).

М. М.

С-но Мала Теребони.
1899 г. 24 марта.

I

№

№ отца.

- 1 Ратша (Ростиславъ-Стефанъ), прибылъ «изъ нѣмецъ» въ Новгородъ; тѣмъ князя Всеволода Ольговича; въ 1146 г. кѣвляне разграбили его дворъ.

II

- 2 Якунъ (Михаилъ) Ратшичъ, посадникъ новгородскій; въ монашествѣ Митрофанъ, † 1206.

1

№	III	№ отца.
3	Алекса (Гориславъ) Якуновичъ, новгородскій бояринъ; въ монашествѣ Варлаамъ, чудотворецъ новгородскій; въ 1191 г. основатель Хутынской монастырь; † 1243 (или 1265 г.).	2
IV		
4	Гавріилъ Алексичъ, бояринъ при Александрѣ Невскомъ; посланъ въ Невской битвѣ 15 июля 1240 г.; убитъ 1241 г. не старымъ.	3
V		
5	Иванъ Гавріиловичъ Морхиня.	4
VI		
6	Александръ Ивановичъ.	5
VII		
7	Григорій Александровичъ Пушка, родоначальникъ Пушкиныхъ.	6
VIII		
8	Александръ Григорьевичъ.	} 7
9	Никита Григорьевичъ.	
10	Василій Григор. Улита.	
11	Федоръ Григор. Товарокъ, бояринъ, родоначальникъ угасшаго рода Товарковыхъ.	
12	Константинъ Григорьевичъ.	
13	Андрей Григор.	
14	Иванъ Григор.	
IX		
15	Василій Александровичъ.	} 8
16	Матвѣй Александр.	
17	Иванъ Никитичъ Курчъ, родоначальникъ угасшаго рода Кучевыхъ.	} 9
18	Никита Никитичъ.	
19	Василій Никит.	
20	Полуктъ Никит.	
21	Григорій Никит.	
22	Тимофей Никит.	
23	Иванъ Никит. Булыга.	
24	Константинъ Никит.	
25	Михаиль Никит. Рожонъ, родоначальникъ Рожновыхъ.	} 10
26	Григорій Васильев.	
27	Тимофей Васильев.	
28	Гавріилъ Константиновичъ.	12

X.

№	№ отца.
29 Василий Васильевичъ.	
30 Игнатій Васильевичъ не помѣщенъ въ Вотской пятинѣ; въ 1500 г. владѣлъ въ Сабельскомъ погостѣ, дд.: Нещушъ, Закаменка, Рдицы, Хвостецъ, Колюгея, Пиняга, Избищо, Черлено, Вежища и въ Передольскомъ погостѣ, дд.: Столбецъ, Бахорино и Нѣговичи и владѣлъ съ другими помѣщиками въ Собельскомъ погостѣ, дд.: Заозеръи въ Хлаповѣ и Кореновичи. А всего за нимъ 58 людей и 42 обжи.	} 15
31 Михаилъ Васильевъ.	
32 Василий Константи́нъ, въ 1498 г. владѣлъ въ Шелонской, пятинѣ, въ Опотъцкомъ погостѣ, дд.: Демешкино, Песребыци, Кошелекъ, Защилье, Каменка, Почаниво, Заболотье; всего 17 обжа съ 14 дворами и 19 людьми. Самъ жилъ въ Демешкинѣ и имѣлъ 2 слугъ. Кроме того, владѣлъ въ Высокогородскомъ уѣздѣ, въ Никольскомъ погостѣ—волосткою.	} 24
33 Михаилъ Тимоф. Муса, родоначальникъ Мусныхъ-Пушкныхъ.	
34 Иванъ Тимоф. Кологривъ, родоначальникъ Кологривовыхъ Поводовыхъ.	
35 Андрей Тимоф.	
36 Истома Тимоф.	
37 Алексѣй Тимоф.	
38 Степанъ Тимоф.	
39 Кауръ Тимоф.	
40 Василий Тимоф. Слѣпецъ, въ 1495 г. сопутствовалъ великой княжкѣ Еленѣ Иоанновнѣ въ Литву; въ 1527 г. намѣстникъ гомейскій.	} 27
41 Иванъ Гавриловичъ.	} 28

XI.

42 Василий Васильевичъ.	
43 Иванъ Васильевъ.	
44 Захарій Васильевъ.	} 29
45 Алексѣй Игнатьевъ. Шарапъ, родоначальникъ угасшаго рода Шараповыхъ.	
46 Алексѣй Игнатьевъ. Бояринецъ, родонач. угасшаго рода Боярцовыхъ.	} 30
47 Федоръ Истомичъ.	
48 Дмитрій Истом. Трегубъ.	
49 Александръ Истом.	
50 Леонтій Алексѣевичъ.	
51 Василий Алексѣевъ, 1532 г. ѣздилъ посломъ въ Казань.	
52 Иванъ Алексѣевъ. Бобрище, родонач. Бобрищевыхъ-Пушкныхъ.	} 37
53 Матвѣй Алексѣевъ.	

№	№ отца.
54 Ѳедоръ Степанов. Шаферикъ, родонач. Шафериковыхъ-Пуш- киныхъ.	} 38
55 Иванъ Степан.	
56 Матвѣй Степан.	
57 Иванъ Кауровичъ.	} 39
58 Ѳедоръ Иванов.	
59 Иванъ Ивановичъ, бояринъ новгородскій; въ 1514 г. въ Нов- городѣ заключилъ договоръ съ ганзейскими купцами.	} 41
60 Александръ Ив.	
61 Семень Ив.	
62 Михаилъ Ивановичъ.	

XII.

63 Ѳедоръ Васильевичъ.	} 51
64 Владиміръ Васильев.	
65 Матвѣй Васильев.	} 58
66 Михаилъ Ѳедоров.	
67 Григорій Иванов.	} 59
68 Елизарій Александр.	
69 Тимофей Александр.	} 60
70 Ѳедоръ Александр.	
71 Иванъ Александр.	
72 Андрей Александр.	
73 Семень Михайловичъ.	
74 Степанъ Михайлов.	}

XIII.

75 Иванъ Владиміров. Замыцкій, родон. Замыцкихъ и угасшаго рода Застолбскихъ.	} 64
76 Евстафій Михайлов., думный дворянинъ; въ 1581 г. съ дум- нымъ дворян. Писемскимъ ѣздили послами къ Сте- фану Баторію для переговоровъ о мирѣ, который не состоялся; въ 1592 г. участвовалъ въ переговорахъ со шведами на р. Наровѣ; 18 мая 1595 г. онъ и кн. Туренинъ заключили со шведами Тевзинскій миръ, по коему Россіи возвращена Корела; въ томъ же году посланъ въ Астрахань производить слѣдствіе по дѣлу отравленія крымскаго царевича Мурата Гирея; на- мѣстникъ муромскій; воевода въ Tobольскѣ 1601—2; † 1602 г.	
77 Иванъ большой Михайлов., ловчій 1574—83; при царѣ Шуй- скомъ и въ междуцарствіи думный дворянинъ; 1591 воевода астраханскій; † 1612 въ битвѣ (по «боярскому списку» П. И. Лихачева † не позже 1611 г.).	} 66
78 Никита Михайлов., 1603—1605 гг. воевода въ Tobольскѣ; 1613 воевода въ Холмогорахъ; участвовалъ въ избра-	

№	№ отца.
нин на царство Михаила Романова; окольничій 1622; † 1622.	
79 Леонтій Михайлов., убитъ въ 1605 г. подъ Кромами.	}
80 Иванъ меньшей Михайлов., въ 1611 г. на службѣ въ Корелѣ; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.	
81 Григорій Григорьев., воевода вологодскій 1611(?)—1614.	}
82 Иванъ Григорьев., 1611 г. стольникъ; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.	
83 Гавріиль Григорьевичъ, 1601—2 гг. голова въ Пелымѣ; 1 июня 1604 г. съ Наумомъ Плещеевымъ ѣздилъ въ Красное Село, гдѣ читалъ грамоту отъ Лжедмитрія; сокольничій; думный дворянинъ 1611; † монахомъ 1638 г.	67
84 Матвѣй Ѳедоров.	70
85 Ѳедоръ Семенов., воевода въ Тарѣ 1601—2 гг.; участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.	}
86 Тимофей Семеновичъ.	

XIV.

87 Алексѣй Евстафьев.	}
88 Михаилъ Евстафьев., участвов. въ избраніи на царство Михаила Романова.	
89 Иванъ Евстафьев., стольникъ 1611 г.	}
90 Никита Евстафьев., воевода въ Сургутѣ 1625—26 гг.	
91 Афанасій Иванов.	}
92 Иванъ Иванов., воевода верхотурскій 1619—22 (вѣроятно онъ же съ кн. Ив. Бор. Ромодановскимъ около 1562 г. участвовалъ въ составленіи переяславскихъ переписныхъ книгъ).	
93 Борисъ Иванов., 1611 г. стольникъ, впоследствии окольничій; съ 21 янв. 1635—1638 гг. воевода въ Мангазеѣ; въ 1647 г. вѣдалъ Разбойнымъ приказомъ; въ 1649 г. посланъ въ Стокгольмъ, гдѣ заключилъ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, который былъ поводомъ къ возмущенію во Псковѣ; въ 1654 г. воевода двинскій, съ титуломъ намѣстника брянскаго.	77
94 Михаилъ Никитичъ.	}
95 Иванъ Никит., 1611 стольникъ; воевода: въ Мангазеѣ 1623—24, въ Казани 1645; въ Пелымѣ 1649—51.	
96 Даниль Никит.	}
97 Василій Никит., воевода: на Ленѣ 1641, въ Якутскѣ 1645—49; † въ Якутскѣ 1649.	
98 Борисъ Григорьев., 1611 стольникъ; 1626 воевода большого полка.	}
99 Иванъ Григорьев.	
100 Григорій Гавриловичъ, думный дворянинъ; въ 1643 съ бояриномъ кн. Алекс. Мих. Львовымъ и дякомъ Воло-	81

№	№ отца.
шенновымъ посланъ въ Польшу для переговоровъ о самозванцахъ, размежеваніи и царскомъ титулѣ. За удачные переговоры пожалованъ окольниковъ; въ мартѣ 1646 г. Григ. Гавр. и казначей Богданъ Дубровскийъ заключили со Швеціей договоръ, подтверждающій Столбовскій; въ 1650 г. съ братомъ (№ 101 росписи) и дьякомъ Гавр. Леонтьевымъ ѣздилъ посломъ въ Польшу; 1654 оружейничій и намѣстникъ нижегородскій; бояринъ; † 1657 г.	83
101 Степанъ Гаврилов., окольниковъ; въ 1650 г. ѣздилъ съ братомъ (№ 100 росписи) посломъ въ Польшу, † 1656.	85
102 Ѳедоръ Ѳедоров., участв. въ избраніи на царство Михаила Романова; 1620—22 воевода въ Тарѣ; 1626 судья Помѣстнаго Приказа.	
103 Иванъ Ѳедоров.	
104 Григорій Тимоф.	
105 Воинъ Тимоф., воевода въ Березовѣ 1629—30 гг.	86
106 Петръ Тимофеевичъ , въ 1624 г. воевода въ сторожевомъ полку; воевода въ Пронскѣ; воевода въ Тюмени 1627—28.	
107 Ѳедоръ Тимоф., участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Романова.	

XV.

108 Петръ Михайлов., дьякъ 1655; стольникъ и воевода оловецкій 1657.	88
109 Иванъ Никит.	90
110 Никита Борисов., р. 4 окт. 1619 г., † 18 янв. 1715 инокомъ (Нифонтъ) Троицко-Сергіевской лавры; завоеводчикъ-стольникъ въ крымскомъ походѣ 1687 г.	93
111 Андрей Иванов.	95
112 Иванъ Борисов., стольникъ (?); ж. Н. Ивановна Полозова (?).	98
113 Ѳедоръ Иванов., стольникъ въ 1611 г. (?).	99
114 Матвѣй Степанов. ¹⁾ въ 1660 г. стольникъ, отъ имени царя велъ переговоры съ Никономъ объ избраніи новаго патріарха; въ 1668 г. окольниковъ; воевода: астраханскій 1679, смоленскій 1683, азовскій съ 19 февраля 1695 г.; вызвалъ гнѣвъ Петра Великаго, сопротивленіемъ къ посылкѣ своихъ дѣтей за границу; бояринъ; въ 1697 г. участвовалъ въ стрѣлецкомъ заговорѣ Цыклера и Соковнина, лишень боярства и сосланъ съ внукомъ своимъ (№ 127 росписи) въ Енисейскъ, гдѣ и † 1706.	101
115 Яковъ Степанов., окольниковъ 1686; бояринъ 1691. Дарья Степанов., † 1663 за Никит. Иванов. Шереметевымъ.	

№	№ отца.
116 Иванъ Ѳедоровъ, стольникъ и воевода тобольскій 1673—76; воевода верхотурскій 1676—78; окольнічій съ 1682; воевода черниговскій; одинъ изъ семи членовъ Верховнаго правленія въ малолѣтствѣ царей Іоанна и Петра; † послѣ 1715 г.	102
117 Никита Воинов.	105
118 Петръ Петровичъ , стольникъ; судья Владимірскаго суднаго приказа 1678; похор. въ Москвѣ, въ цр. Вознесенія Господня.	106

XVI.

119 Михаилъ Петров.	108
120 Афанасій Никитичъ.	110
121 Ѳедоръ Матвѣевъ, стольникъ; участвовалъ въ стрѣльцкомъ заговорѣ 1697 г. Циклера и Соковнина. Казненъ 4 марта 1697 г. Ж. дочь окольнічаго Алексѣя Соковнина ²).	114
122 Иванъ Иванов.	} 116
123 Ѳедоръ Иванов.	
124 Петръ Петровичъ , р. 1644, † 12 февр. 1692 г.; стольникъ; похороненъ въ Москвѣ, въ цр. Вознесенія Господня. Ж. Анастасія Афанасьевна, Н.	} 118
125 Ѳедоръ Петров.	}

XVII.

126 Алексѣй Михайловъ, т. с., сенаторъ; въ 1746 г. посланникъ при датскомъ дворѣ (дипломатическая его дѣятельность совершенно ничтожна); губернаторъ въ Воронежѣ, по обвиненію въ лихоимствѣ и грабительствѣ въ 1758 г. противъ него возбуждено слѣдствіе, прекращенное Петромъ III, при вступленіи его на престолъ. Ж. Марія Михайлов. Салтыкова, р. 24 мая 1710 г., † 18 мая 1785 г.	119
127 Ѳедоръ Ѳедоровъ, въ 1697 г. съ дѣдомъ (№ 114 росписи) сосланъ въ Енисейскъ.	} 121
Евдокія Ѳедоровъ, за Безобразовымъ.	
Параскева Ѳедоровъ, за Дорошенко.	
Екатерина Ѳедоровъ, за кн. Петромъ Констант. Щербатовымъ.	
Елена Ѳедоръ, за Грибоѣдовымъ.	} 124
128 Иванъ Петров.	
129 Леонтій Петров.	
130 Александръ Петровичъ , † очень молодымъ; ж. Евдокія Ивановна Головина, зарѣзана своимъ мужемъ ³).	}
131 Ѳедоръ Петровичъ . Василиса Петровъ, за Собакинымъ.	}

XVIII

№	№ отца.
132 Михаилъ Алексѣев., кол. сов.; членъ мануфактуръ-коллегии; за поддѣлку штемпелей и ассигнацій въ 1772 г. посланъ въ Тобольскъ, гдѣ сотрудничалъ въ «Иртышѣ, превращающемся въ Ипокрену». Ж. кж. Наталья Абрамовна Волконская (она послѣдовала за нимъ въ Сибирь) ⁴ .)	126
133 Сергѣй Алексѣев., капитанъ; въ 1772 за поддѣлку штемпелей и ассигнацій приговоренъ къ вѣчному заточенію.	
134 Левъ Александровичъ, р. 17 февр. 1723 г., † 25 окт. 1790 г.; артиллеріи полковникъ, при вступленіи на престолъ Екатерины II въ 1762 г. посаженъ въ крѣпость, гдѣ провель 2 года. Ж. 1 бр. Марія Матвѣев. Воейкова (отъ этого брака 3 сына): 2 бр. Ольга Вас. Чичерина, р. 5 июня 1737 г., † 2 окт. 1802 г. (отъ этого брака 2 сына и 2 дочери).	130
135 Алексѣй Ѳедоровичъ, тамбовскій воевода (?); ж. Сарра Юрьевна Ржевская.	131

XIX.

136 Алексѣй Михайловичъ, † 25 мая 1825 г.; д. с. с., непремѣнный членъ мастерской оружейной палаты; дѣйствительный камергеръ; писатель и переводчикъ. Ж. Елена Григорьевна Н., † послѣ 1828 г.
Екатерина Михайлов.
Варвара Михайлов., † 1854 г. д. т. с. кн. Серг. Ив. Гагаринымъ.	132
137 Николай Львов., † 1822; полковникъ. Ж. Анна Васильевна Измайлова, р. 1754, † 1827.	
138 Петръ Львов., † 15 мая 1825; подполковникъ. Ж. Казанская.	
139 Александръ Львов.	
140 Сергѣй Львовичъ, † послѣ 1837 г.; началъ службу въ измайловскомъ полку, статск. сов.; масонъ; владѣлъ: им. Болдино, Лукояновскаго у. съ 1500 душами и Захарьино, Бронницкаго у. Ж. Надежда Осиповна Ганнибалъ, † 1836, владѣла с-цомъ Михайловскимъ (Зуево), Опочецкаго у.	134
141 Василій Львов., р. 27 апр. 1770, † 20 авг. 1830 г.; недолго служилъ въ измайловскомъ полку; писатель; членъ общества «Арзамасъ» ⁵).	
Анна Львов.
Елисавета Львов., за Мать Михайлов. Солнцевымъ.	
142 Юрій Алексѣев., ж. Рахманинова.	
143 Михаилъ Алексѣев., ж. Анна Андр. Миркукова; Марія Алексѣевна, † 1818 г.; за генераль-поручикомъ Осипомъ (Януариємъ) Аврамовичемъ Ганнибалъ ⁶), р. 20 июня 1744 г., † 12 окт. 1807 (или 1806 г.); (ихъ дочь за № 140 росписи).	135

XX.

№	№ отца.
144	136
Иванъ Алексѣев., въ 1823 г. выпущенъ въ св. Е. В. по квартирмейстерской части изъ московск. учебн. заведенія для Колонновожатыхъ; ж. 1 бр. Татіана Ефимов. Ренкевичъ; 2 бр. гр. Софія Владимір. Васильева, р. 1807, † 14 марта 1844 г. (отъ 2 брака нѣсколько человѣкъ дѣтей).	
Ольга Алексѣев., за греческимъ полковникомъ Орфано (онъ перешелъ въ русское подданство).	
Параскева Алексѣев.	
Наталія Алексѣев., за медынскимъ помѣщик. маіор. Александр. Александр. Челищевымъ, р. 1797, † 1871 г.	
Фанни Алексѣев.	
Ольга Сергѣев., р. 1798 г., за д. с. с. Никол. Иванов. Павлицевымъ.	
145	140
Александръ Сергѣевичъ, род. 26 мая 1799 г., въ Москвѣ; † 29 января 1837, въ Петербургѣ, смертельно раненъ 27 янв. на дуэли съ бар. Георгіемъ Геккерномъ-Дантесомъ ¹⁾ ; поэтъ. Ж. съ 18 февр. 1831 г. Наталія Николаевна Гончарова, р. 27 авг. 1812, † 26 ноября 1863 г. (она во 2 бр. за генер.-адъютант. Петромъ Петров. Ланскимъ, † 1877 г.).	
146	142
Николай Сергѣев., р. 1802, † 1807.	
147	143
Левъ Сергѣев., род. 1806, † 19 июля 1852; воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ. Въ 1842 г. маіоръ нижегородскаго драгунск. полка; затѣмъ служилъ въ финляндскомъ драг. полку; участвовалъ въ кампаніяхъ: персидской 1826—28 гг. и турецкой 1828—29 гг. Потомъ членъ одесской портовой таможни. Ж. Елисавет. Александр. Загряжская.	
148	142
Александръ Юрьевичъ, р. 1779 г., ж. Молчанова.	
149	143
Михаилъ Юрьевичъ.	
150	143
Алексѣй Михайлов., р. 1792, † 1820.	

XXI.

151	145
Александръ Александр., р. 6 июня 1833 г.; генераль-лейтенантъ; почетный опекунъ. Ж. 1 бр. Софія Александровна Лавская; 2 бр. Марія Александровна Павлова.	
152	145
Григорій Александр., р. 14 мая 1835; отставной гвардіи полковникъ. Ж. Варвара Алексѣевна Мельникова.	
Марія Александр., род. 18 мая 1832 г.; за Леонидомъ Ник. Гартунгъ.	
Наталія Александр., р. 23 мая 1836 г.; въ 1 бр. за флигель-адъютантомъ полковник. Мих. Леонтьев. Дуббельтъ (они развелись); во 2 бр. (morganaticкомъ) съ 13 июля 1868 г., за принцемъ Николаемъ Нассаускимъ; 10 авг. 1868 г. получила съ потомствомъ титулъ графини Меренбергъ (княжество Вальденъ).	

№	№ отчл.
153	147
Анатолий Львов, р. 17 марта 1846; колл. асс.; былъ въ Лукояновскомъ у.: мировымъ посредникомъ, предсѣд. уѣздн. земск. управы, членомъ уѣздн. по крестьянск. дѣламъ присут., земскимъ начальникомъ, уѣздн. предв. дворянства. Владѣль при селахъ: Чуфаровѣ, Александровкѣ и Абрамовѣ, Лукояновскаго у., 463 дес. Ж. Ольга Александр. Александрова, †.	
Ольга Львов.	
Марія Львов.	

XXII.

154	155
Александръ Александровичъ, р. 3 окт. 1863 г.; колл. асс.; земскій начальникъ въ Богородскомъ у.; богородскій уѣздн. предв. дворянства. Ж. Ольга Николаевна Рѣшетова.	
155 Григорій Александр., род. 15 сент. 1868 г.; поручикъ л.-гв. 2 стрѣлковаго батальона.	
156 Сергѣй Александр., р. 9 июня 1878, † 21 авг. 1898 г. холостымъ. Корнетъ 3 сумскаго драгунскаго полка.	
157 Николай Александр., р. 3 апр. 1885 г.	
158 Петръ Александр., † младенцемъ.	
Наталія Александр., род. 6 авг. 1858; за мировымъ судьей Павломъ Аркадьевичемъ Воронцовымъ - Вельяминовымъ.	
Марія Александр., р. 4 июля 1862; за земскимъ начальникомъ Николаемъ Владимір. Быковымъ.	
Ольга Александр., р. 28 ноября 1864; за Ник. Ник. Павловымъ.	
Софія Александр., † младенцемъ.	
Анна Александр., род. 27 апр. 1867 г.; фрейлина вел. книг. Милицы Николаевны.	
Надежда Александр., р. 10 ноября 1871 г.	
Вѣра Александр., р. 19 дек. 1872 г.	
Елена Александр., р. 16 авг. 1890 г.	
159	157
Левъ Анатолиев., р. 7 июня 1870; 1892 г. корнетъ митавскаго драг. полка; 1893 корнетъ гродненскаго гусарскаго полка; поручикъ; земскій начальникъ въ Лукояновскомъ у. съ 1896 г. Ж. Александра Николаев. Добролюбова; владѣль при селахъ Большомъ Болдинѣ и Пекшенѣ, Лукояновск. у., 886 дес.	
Вѣра Анатолиев., р. 27 мая 1871 г.	
Александръ Анатолиев., р. 30 дек. 1872.	
160	
Надежда Анатолиев., р. 30 июля 1875 г.	

Въ росписи не вошли слѣдующіе Пушкины:

1) Упоминаемые въ писцовой книгѣ Вотской пятины Самсона Дмитриева 1582 г. «въ Сабельскомъ погостѣ... Булгаковское да Курбатовское да Микитинское помѣстье Игнатьевыхъ дѣтей Пушкина, пустошь, что была деревня Лобожа, а въ ней 3 мѣста дворовыхъ крестьянской пашни, лѣсомъ поросло пятьдесятъ четь вполѣ, а вду по тому жъ, сѣна восемьдесятъ копенъ впусѣ 5 обожъ. (Вѣроятно дѣти № 30 росписи).

2) Упоминаемый въ писцовой книгѣ Шелонской пятины 1498 г. Степанъ Пушкинъ съ дѣтьми: они владѣли: а) въ Опотыцкомъ погостѣ: 1) съ Ив. и Кузм. Яковлев. Косицкими и Ив. Татищевымъ въ деревняхъ Невадино и Боровичи; 2) съ Ив. Татищевымъ д. Тербутичи и 3) д. Райци и д. Подолжицы; б) въ Дубровенскомъ погостѣ: 1) д. Липовици, Задубровье, Ожогово, Пяттино, 2) съ Ив. Татищевымъ д. Волуга и Кляново и 3) съ Ив. Чорлоковымъ, Ник. Есюковымъ и своеземцемъ Ив. Алекс. Падиногою дд. Вязно, Тачишо, Высотцкое, Подоль и Кустерекъ.

Всего за Степ. Пушкинымъ съ дѣтьми 30 дворовъ, а людей 39 (Степанъ П.—вѣроятно № 38 росписи).

3) Въ 1539 г. въ Шелонской пятинѣ Ив. Пупкинъ владѣль съ 2 братьями Шишкными въ д. Кляновѣ (вѣроятно № 55 росписи).

4) Въ 1539 г. жена Михаила Пушкина, Марія, имѣла съ 2 братьями Шишкными д. Лунь Шелонской пятины Михайловскаго погоста.

5) Въ 1582 г. въ Павскомъ погостѣ Шелонской пятины за злобою Иванов. Пушкнымъ была усадьба на погостѣ—(1—5 см. въ писц. книгахъ изд. археографич. ком.).

6) Въ 1499 г. въ Локотцкомъ погостѣ Деревской пятины «князь велики пожаловаль Михайловыхъ дѣтей Пушкина: Ивашка, да Гридю, да Тишицю, да Гридю-жъ за Микнеорика придалъ имъ къ старому ихъ помѣстью. А подѣлиться ими тѣми обжами промежъ себя самимъ: Ивашку 6 обожъ, и Гридѣ 6 обожъ, а Тишицѣ 8 обожъ, да Гридицѣ-жъ 7 обожъ, а Микнеорину пол-семь обжы» (Неволины. Пятины 215).

7) Тихоміръ Юрьевичъ П., новгородскій сынъ боярскій, убитъ 2 окт. 1552 г. при взятіи Казани.

8) Евстафій П., письменный голова въ Тобольскѣ въ 1601—2 (м. б. не письмен. голова, а воевода № 76 росписи).

9) Михаилъ П., воевода Устюгинскій 1614.

10) Евсеvій Силичъ П., стольникъ; съ 1685 г. ж. Анна Ѳедор. Рыкунова (она въ 1 бр. за Вас. Гавр. Лаптевымъ, во 2 бр. за жильцемъ рейшарскаго строя, бѣжецкимъ помѣщикомъ Яковомъ-Ульяномъ Рыкачевымъ и въ 3 бр. за Е. С. Пушкинымъ).

11) Сила Ѳедоров. П., съ 13 января 1695 г., ж. Мавра Адриановна Суворова.

12) Никита Ив. П., воевода тобольскій 1674 г.

13) Савлунъ П. и кн. Вас. Мих. Мосальскій-Кольцовъ поставили Матазейскій острогъ и были тамъ воеводами 1601—2 г.

14) Матвѣй Ѳедор. П., дворянинъ, упоминается въ боярскомъ спискѣ 1611 (изд. Н. П. Лихачева).

15) Ефимъ П., 1707 г. прапорщикъ преображенскаго полка.

16) Никита П., въ 1708 г., его жена написала подметное письмо о неисполненіи Петровыхъ нововведеній (Соловьевъ, послѣдн. изд. на 4 стр. 26—27).

17) Никита П., воевода Волподскій въ 1608 г. присягаетъ Тушинскому царю. (Солов., послѣдн. изд., т. 2, стр. 863).

18) Иванъ П., въ 1613 началъ подъ Орломъ битву противъ Лисовскаго (не № ли 77 росписи).

19) Венедикта Даниловна П., игуменья Троицкаго монастыря въ г. Колязинѣ съ 1709—1731 г.

20) Петръ П., въ 1713 г. въ числѣ молодыхъ дворянъ «для изученія новшацкой науки» посланъ въ Амстердамъ.

21) Никита П., мичманъ 1752.

22) П., поручикъ, въ 1752 г. дѣло о его бракѣ въ синодѣ.

23) Вслѣдствіе волненія заводскихъ крестьянъ въ Воронежской г. Екатерина Великая нарядила комиссію изъ Петра Панина, Николая Муравьева, кн. Вяземскаго, Шлаттера и Аполлона Пушкина, относительно заводовъ и приписанныхъ къ нимъ крестьянъ.

24) Любимъ Ив. П., бригадиръ, ж. Марія Яковл. Ушакова.

25) Федоръ Алекс. П., д. с. с. (1800); воронежскій гражданскій губернаторъ 1801—2; въ службѣ съ 1762.

26) П., генер.-маіоръ, командиръ рижскаго драг. полка (1800).

27) Михаилъ П., въ 1761 г. изъ полковыхъ сержантовъ преображенскаго полка произведенъ изъ офицеры (не № ли 132 росписи?).

28) П., изъ пажескаго корпуса въ 1809 г. поручикомъ въ мушкетерскій гр. Аракчеева полкъ; въ 1810 г. переведенъ въ св. Е. В. по квартирмейстерской части.

29) П., ж. Софія Александр. Ланская (серед. XIX в.).

30) П., ж. Елисавета Ив. Змѣева (серед. XIX в.).

31) Александра Ив. П., за кси. Николаемъ Петров. Черносвитовымъ, помѣщ. Веневск. у. (1898 г.).

32) Никифоръ Изотичъ П., р. 1758, † 14 окт. 1831, д. с. с., членъ кабинета, смотритель каменноостровскаго дворца; ж. Евпраксія Аристарховна Кашкина, р. 1765.

33) Анна Изотовна П. (сестра № 32), † 1835; съ 24 окт. 1798 г. за контръ-адмираломъ Матв. Михайлов. Муравьевымъ, р. 1762, † 1823.

34) Андрей Никифор. П. (сынъ № 32), полковникъ, авторъ «Записокъ о воен. укрѣпленіи» изд. въ 1825 г. по Высоч. повелѣнію.

35) Екатерина Никифор. П. (дочь № 32) съ 16 авг. 1822, за кол. сов. Николаемъ Васильев. Хвостовымъ, р. 9 мая 1793, † 1837.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) По знатности Пушкины принадлежали къ второразрядной аристократіи, имѣвшей въ XVII в. право на полученіе чина окольного, минуя низшія чины; такихъ родовъ было 15. Къ перворазрядной аристократіи принадлежало 16 родовъ, представители коихъ имѣли право быть пожалованными прямо въ бояре.

Очень любопытно для характеристики Матвѣя Степановича Пушкина его мѣстничество съ бояриномъ Афанасьемъ Ординъ-Нащоки-

нымъ, когда Матв. Степ. былъ только стольникомъ. Пушкинъ не хотѣлъ ѣхать за польскими послами, переговоры съ которыми велѣно вести Нащокину. Царь посадилъ Пушкина въ тюрьму и велѣлъ ему сказать: «что ему съ Нащокинымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отнимутъ»; Пушкинъ отвѣчалъ: «отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною человекъ молодой и не родословный». Пушкинъ настоялъ на своемъ—не быть у пословъ приставомъ, сказавшись больнымъ. (Соловьевъ, т. III, стр. 681—2).

2) Алексѣй Соковнинъ и его родныя сестры Ѳедора Морозова и княгиня Авдотья Урусова были знаменитые въ свое время раскольники.

3) А. С. Пушкинъ въ своей статьѣ: «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» говоритъ, что его пробабка была графиня Головина, младшая дочь 1-го андреевскаго кавалера. Но 1-го андреевскаго кавалера звали не Иваномъ, а Ѳедоромъ Головинымъ. Извѣстіе о смерти пробабки поэта взято изъ той же статьи.

4) Поддѣлка ассигнацій братьями Пушкиными была одна изъ первыхъ. Екатерина II принимала личное участіе въ розыскахъ по этому дѣлу. Императрица приняла участіе въ судьбѣ Н. А. Пушкиной — 11-го октября 1772 г., она писала кн. Михаилу Николаевичу Волконскому: «Есть ли жена бывшаго Михаила Пушкина станеть просить дозволенія ѣхать съ нимъ въ ссылку, то въ ономъ не вижу препятствія, но многіе есть примѣры, что женамъ такихъ безчастныхъ дозволено было съ ними ѣхать». Н. А. Пушкина, уѣзжая къ мужу въ Тобольскъ, оставила своего малолѣтняго сына на рукахъ своей пріятельницы Прасковьи Владиміровны Мелиссино, рожден. кн. Долгоруковой. Время ссылки М. А. Пушкина въ Тобольскъ совпадаетъ со временемъ ссылнаго житія (1787—1802) тамъ же извѣстнаго стихотворца и журналиста Панкратія Платоновича Сумарокова, род. 14-го октября 1765 г. † 1-го марта 1814 г., сосланнаго тоже за поддѣлку ассигнацій. Перу М. А. Пушкина принадлежитъ стихотвореніе, написанное въ отвѣтъ на стихотвореніе Николаева «На смерть г.-м. кн. Сергѣя Абрамовича Волконскаго». Приводимъ его цѣликомъ.

Черезъ горы, черезъ лѣса, черезъ рѣки и стремнины,
Въ полночный льдистый край, гдѣ жизнь влачу стена,
Плачевныхъ дней моихъ гдѣ скоро жду кончины,
Твой неподобный гласъ достигнулъ до меня.

Почтенный человекъ и другъ нелицемѣрный!
О другъ Волконскаго! внемли словамъ моимъ!
Сгнѣсенный горестью, бѣдами удрученный,
Мой духъ днесь возбужденъ сталъ подвигомъ твоимъ.

Коль гласъ преступника вниманія достоинъ,
Прими признательность изъ нѣдръ души моей!..
Супругой я призрѣнъ... я ею успокоюсь..
Я ей дышу!... А ты берешь участіе въ ней!

Ахъ! чѣмъ воздамъ тебѣ?.. Но мнѣ ли то удобно,
 Чтобъ добродѣтели достойно изду воздать!
 Раскаянъ одно преступнику лишь сродно:
 Стенать есть часть его; а долгъ его — молчать.

(Пам. книжка Тобольск. губ. на 1884 г., стр. 317).

5) В. Л. Пушкинъ принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитриевымъ. Дарованіе его было не велико, но несомнѣнно. Слогъ его пріятенъ и свободенъ. Произведенія его отличаются вкусомъ, что В. Л. выставялъ главнымъ ихъ достоинствомъ («вкусъ варварскій гоню и ненавижу»). Онъ сотрудничалъ въ «Аонидахъ». Письма его изъ заграницы къ Карамзину помѣщены въ «Вѣстникъ Европы» 1803 г. № 14 и 20. Онъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсенъ («Archives littéraires» или «Mercure de France» въ 1803 или 1804 г.). Перевелъ съ англійскаго нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы «Четыре времени года». Стихотворенія его (посланія, элегии, басни, мадригалы, эпиграммы) изданы въ 1822 г. Въ 1829 г. въ «Поденѣжникѣ» и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» напечатаны 2 главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбрый». Въ 1827 г. въ «Литер. Музеумѣ» помѣщена его статья: «Замѣчанія о людяхъ и обществахъ». Наибольше выдающееся его сочиненіе — это стихотвореніе: «Опасный сосѣдъ», имѣвшее 5 изданій.

6) О. А. Ганнибалъ, при жизни жены, женился на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. По Высочайшей резолюціи 1784 г. онъ разведенъ съ Толстой, и утвержденъ 1-й бракъ. Онъ владѣлъ с-цмъ Михайловскимъ Опочецкаго у. и с-цмъ Кобриню Петербургской губ. (Петергофскаго у.).

7) Дантесъ, съ 1836 г. ж. Екатерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной. Ихъ отецъ Николай Афанасьевичъ Гончаровъ † умалищеннымъ, былъ ж. на Кат. Ив. Загряжской.

ПУШКИНЪ НА ХАЛДЕЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Въ Закавказьѣ, на границахъ съ Персіей, разбросано нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ, въ которыхъ проживаютъ выходцы изъ Персіи, бывшіе христіане-несторіанцы (древніе халдейцы), которые въ послѣднее время приняли православіе; а рядомъ съ ними живущіе персы-айссары—и нынѣ христіане-несторіанцы. Еще въ февралѣ 1898 г., отправилась въ С.-Петербургъ депутація съ супурганскимъ епископомъ Марь-Іоной (бывш. Іоанномъ), съ архимандритомъ Іліей армудагачскимъ, двумя священниками и другими лицами. 25 марта 1898 г. они были торжественно присоединены къ православной церкви въ Александроневской лаврѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, по присоединеніи, отправились на свою родину, въ Урмію; другіе же, для лучшаго знакомства съ православною церковью, съ литературой и русской рѣчью, остались въ Россіи. Въ настоящее время, пользуясь предстоящимъ юбилеемъ великаго поэта, при содѣйствіи полковника войска донского Андр. Ив. Золотарева и архимандрита Ілии армудагачскаго, перевели на сирохалдейскій языкъ прилагаемыя при этомъ нѣсколько стихотвореній А. С. Пушкина, которыя и вошли въ настоящій «Сборникъ».

Айссары-христіане-несторіане (халдеи), когда-то процвѣтавшіе своимъ богатствомъ и соперничавшіе въ блескѣ съ Византіей, были подавлены движеніемъ мусульманскаго міра.

При нашествіи грознаго Тамерлана, въ XIV в., несторіане бѣжали въ глубь Азіи, въ горы Курдистана. Нѣсколько сотъ лѣтъ они жили отрѣзанными отъ всего христіанскаго міра, подвергаясь систематическимъ набѣгамъ и истребленіямъ со стороны дикихъ курдовъ, и только въ послѣднее время вошли въ сношенія съ христіанскими церквами Запада и Востока. Часть несторіанскихъ христіанъ, сирохалдеи, живущіе въ горахъ Персіи, близъ озера Урміа, уже давно тяготѣли къ православію, и съ 1859 г. съ ними уже начались переговоры о воссоединеніи ихъ; но только черезъ 40 лѣтъ переговоры эти увѣчились полнѣйшимъ успѣхомъ. Въ мартѣ 1898 г., какъ сказано выше, послѣдовало воссоединеніе епископа супурганскаго Марь-Іоны, архимандрита армудагачскаго Ілии, священниковъ Георгія Веджанова и Сергія Бадалова и діакона Іакова съ ихъ сирохалдейскою паствою.

Въ Урміи до 1896 года было два епископа: одинъ изъ нихъ назывался епископомъ урмійскимъ, другой епископъ супурганскій. Въ 1897 г. епископъ урмійскій отправился къ патриарху Мартумону, живущему въ Курдистанѣ, въ предѣлахъ Турецкой имперіи, тамъ захваченъ былъ врасплохъ и убитъ, и съ нимъ погибли сопутствующіе его 12 священниковъ подъ ударами дикихъ курдовъ.

Нынѣ соприсоединенный епископъ Иона управляетъ епархіями урмійской и судурганской, имѣетъ мѣсто своего пребыванія въ городѣ Урміи, совместно съ русской православной миссіей и усердствуетъ о присоединеніи несторіанъ къ православной церкви; присоединеніе это идетъ довольно успѣшно. Для упроченія же православія, крайне желательное устройство тамъ храмовъ, школъ и больницъ, чтобы не отставать намъ отъ другихъ миссій, находящихся въ Урміи и зорко слѣдящихъ за всякимъ нашимъ шагомъ на пути просвѣщенія.

Мы прилагаемъ два перевода изъ Пушкина на халдейскій языкъ «26-го мая 1828 г.» и «Воспоминаніе».

I.

26 мая 1828 года.

ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ

ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ

ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ

ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܠܘܕܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ
ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ ܕܡܝܢܐ

II.

Воспоминаніе.

1327 1310

אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ
 לִפְנֵי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי
 וְלֹא יָדָעְתִּי מִיָּמַי
 אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ

אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ
 לִפְנֵי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי
 וְלֹא יָדָעְתִּי מִיָּמַי
 אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ

אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ
 לִפְנֵי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי
 וְלֹא יָדָעְתִּי מִיָּמַי
 אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ

אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ
 לִפְנֵי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי
 וְלֹא יָדָעְתִּי מִיָּמַי
 אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ

אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ
 לִפְנֵי אֱלֹהֵי אֲבוֹתַי
 וְלֹא יָדָעְתִּי מִיָּמַי
 אֲנִי הָיִיתִי כְּשֶׁנָּסַחְתָּ מִן הָאָרֶץ

ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ

ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ

ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ

ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ
 ܠܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ ܕܠܘܢܐ

Н. К. Кульманъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ПУШКИНСКОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(до 12-го мая).

- Автографы Пушкина. Изд. Суворина.
- М. Н. Аралова. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній.
- А. К. Вороздинъ. Воспитательное значеніе поэзи А. С. Пушкина.
- П. Ворзенковскій. Великій поэтъ А. С. Пушкинъ.
- К. Н. Вѣгичевъ. Пушкинъ на Кавказѣ.
- И. Н. Вожериновъ. «Поэты-поэту». Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ.
- И. А. Вв—скій. Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26-го мая 1880 г. (изъ личныхъ воспоминаній).
- Е. В. Біографія А. С. Пушкина (изд. К. И. Тихомірова).
- Н. В. Владимірова. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и дѣятельность. Краткій біографическій очеркъ.
- М. Домаискій. Памяти А. С. Пушкина.
- М. Дьякова. Біографія А. С. Пушкина для дѣтей младшаго возраста.
- Дѣло о Пушкинѣ. Изд. Пушк. ком. Одесск. Лит. артист. Общ.
- Ив. Ив. Ивановъ. Пушкинъ.
- В. В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній.
- Вл. Н. Ладыженскій. А. С. Пушкинъ. Чтеніе для народа.
- Д. И. Лобановъ. О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина.
- С. Мамонтовъ. Смерть Пушкина. Драматическія сцены.
- Н. Марковъ. А. С. Пушкинъ. Выбран. соч. поэта въ связи съ его біограф.
- В. Никольскій. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина.
- Н. Я. Романовъ. Юбилейный сборникъ историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ.
- Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина.
- В. В. Синовскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ (изъ литературной жизни Пушкина на югѣ).
- М. Соколовъ и Л. Гольдманъ. Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ съ портретомъ и біографіей поэта (для школь и народа).
- В. Т. Гдѣ же родился А. С. Пушкинъ? (сборникъ статей по вопросу о мѣстѣ рожденія А. С. Пушкина).
- Дм. И. Тихоміровъ (редакторъ). Пушкинскій сборникъ (2 отдѣла: 1) отрывки изъ соч. Пушкина; 2) статьи и стихотворенія, посвященные Пушкину).

- Е. и Д. Тихоміровы.** А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школь и для народа.
Л. Турыгина. А. С. Пушкинъ въ области музыки.
А. Филоновъ. Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина, опытъ разбора со стороны исторической и эстетической.
П. Черняевъ. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ авторовъ.
И. А. Шляпкинъ. Къ биографіи А. С. Пушкина (малозвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя).

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ, ИЗДАННЫЯ КЪ ПУШКИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ.

- Альбомъ въ память А. С. Пушкина** (19 романсовъ и 2 дуэта на его слова). Изд. Бесселя и К^о.
Н. Александровъ. Хвалебная пѣснь А. С. Пушкину. Слова Я. П. Полонскаго.
М. Буткевичъ. «Опъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный».
В. Главачъ. Хоръ на слова К. Случевского.
Н. Зубовъ. Скорбная лира памяти Пушкина. Вальсъ.
Е. Ивановъ-Смоленскій. Гимнъ А. С. Пушкину. Слова Н. Сперанскаго.
М. Николитовъ-Ивановъ. Кантата памяти А. С. Пушкина.
Г. Козаченко. Юбилейная пѣснь Пушкину.
Лисицынъ. Памяти А. С. Пушкина.
Никитинъ. Памятникъ. Слова Пушкина.
М. Прибикъ. Кантата въ честь Пушкина.
А. Рубецъ. Два хора «Слава Пушкину» въ память 26-го мая 1899 г.
М. Слоновъ. Слава Пушкину.
Его же. Памяти Пушкина.
Его же. Зимній вечеръ. Слова Пушкина. Для школьнаго пѣнія.
«Элегія» для струннаго оркестра. Изд. въ Кишиневѣ.
«Геній и смерть». Пантомима. Муз. В. Ребикова.

ИЗДАНЫЯ СОЧИНЕНІЙ А. С. ПУШКИНА.

- Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина** съ иллюстраціями академика К. В. Лебедева. Изд. Сытина въ 1-мъ и 2-хъ томахъ.
Избранныя сочиненія А. С. Пушкина съ биогр. и иллюстр. Его же изд.
Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Юбилейное изд. для школь и народа К. И. Тихомірова.
Избранныя сочиненія А. С. Пушкина для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. Д. И. Тихомірова.
Сказка о царѣ Салтанѣ съ рисунками С. В. Малютина. Изд. Мамонтова.
Пушкинскій Сборникъ. Подъ ред. Н. Никольскаго.

КРОМЪ ТОГО ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

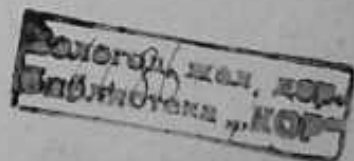
- Русланъ и Людмила,** сказка о спящей царевнѣ и семи богатыряхъ съ рис. С. В. Малютина, **Капитанская дочка** и **Дубровский** съ рис. К. С. Высотскаго, Изд. Мамонтова.
Повѣсти Вѣлкина съ рис. Н. Кравченко и **Капитанская дочка** съ рис. Т. Михайлова. Изд. Суворина.
Соч. А. С. Пушкина. съ 60-ю рис., изд. Черноярова и К^о.

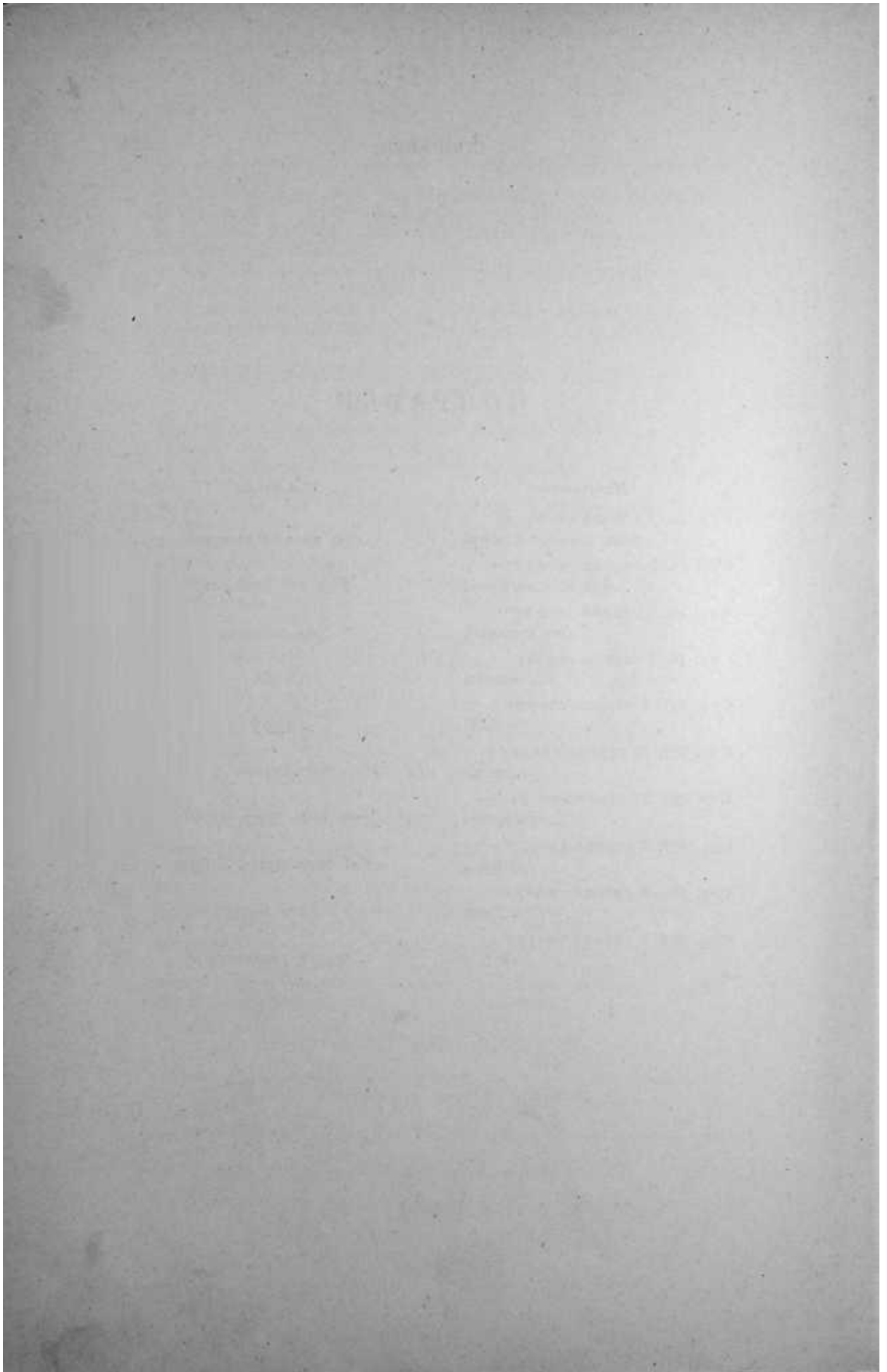
Многія другія изд. для школь, народа, нижнихъ чиновъ и т. д.

ПОПРАВКИ.

<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
Стр. 12, 4 строка снизу — ...тѣнь проносится порой	...тѣнь проносится порой,
Стр. 14, 1 строка сверху — ...подъ ихъ навѣсомъ.	...подъ ихъ навѣсомъ,
Стр. 36, 4 строка сверху — ...Они миновали	...ужь миновали
Стр. 43, 7 строка сверху — скорби,	...люби,
Стр. 327, 1 строка сверху — пудьбѣ,	...пудгѣ
Стр. 329, 20 строка сверху — ...то же	...тоже
Стр. 329, 21 строка сверху — ...есть что-то	...есть, какъ будто, что-то...
Стр. 330, 6 строка сверху — ...Я былъ	...Мнѣ было жутко. Я былъ
Стр. 330, 8 строка снизу — ...Люди	...Эти люди
Стр. 334, 1 строка сверху — ...кипу,—	...кипу и улыхаясь,—

Л-Л

54=00

1-1

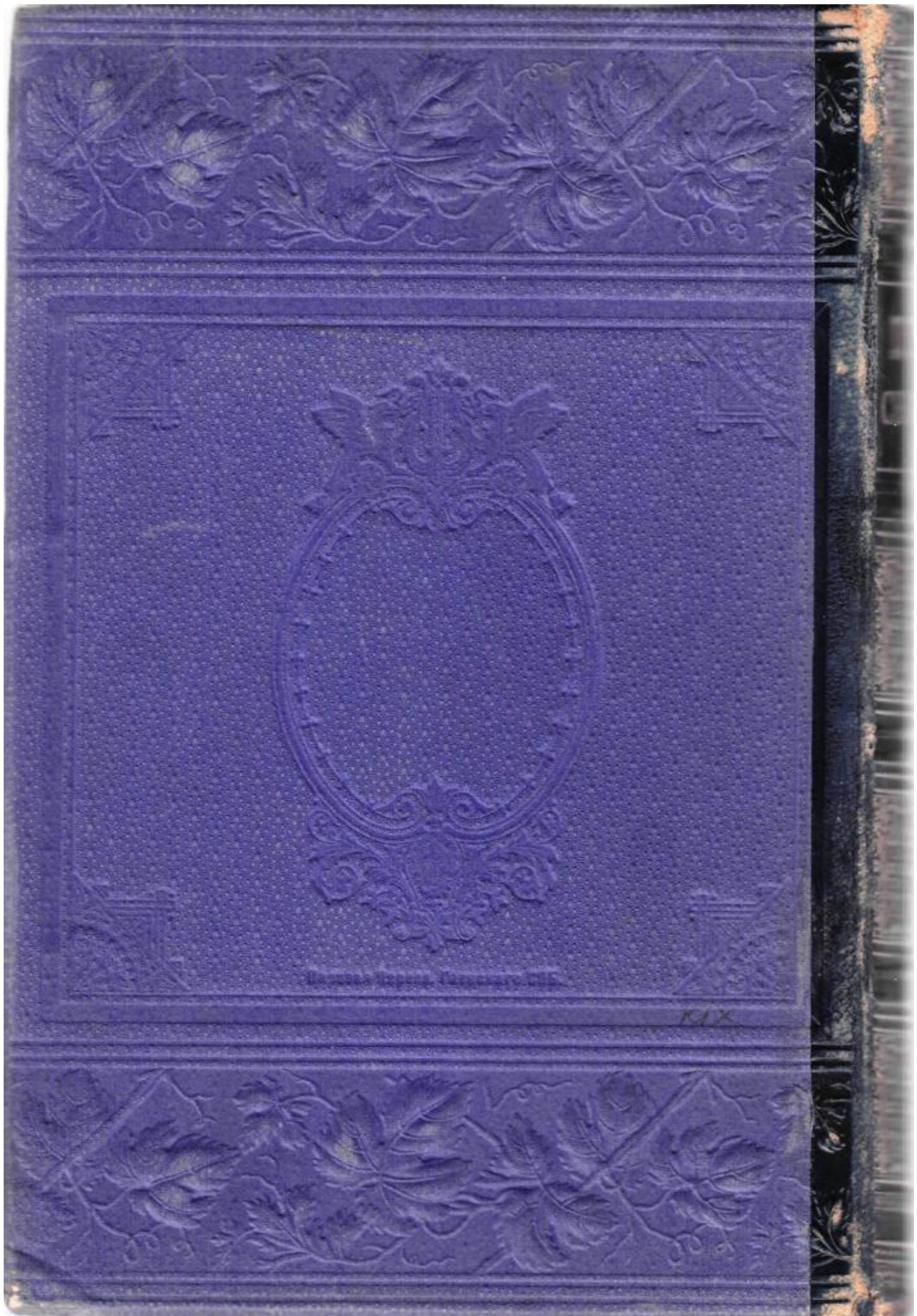

8k.

C

rt

Harvard Japan Library, 1915

K18